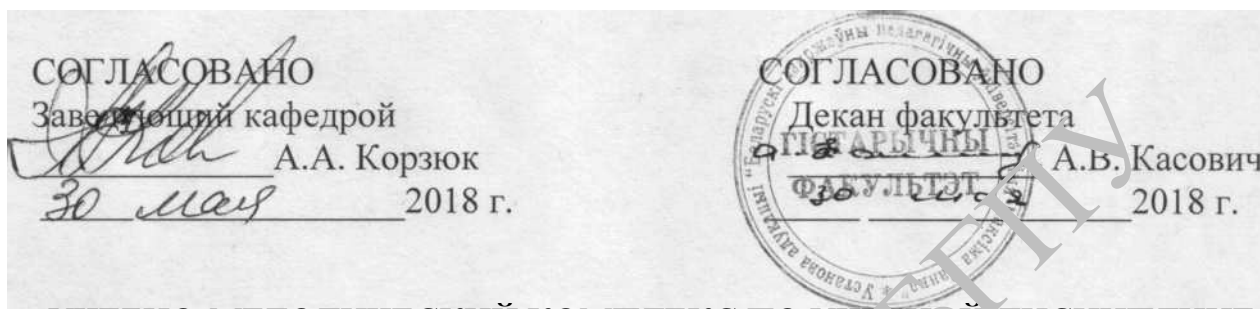

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка»
Исторический факультет
Кафедра всеобщей истории и методики преподавания истории

Рег.№ УМ 26-2-129-2018 УМК

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПО УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЕ ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

для специальностей:

- 1-02 01 01 История и обществоведческие дисциплины;
- 1 -02 01 02 История и мировая художественная культура; 1-02 01
- 03 История и экскурсионно-краеведческая работа

СОСТАВИТЕЛЬ:

Сурта Елена Николаевна кандидат исторических наук, доцент

Рассмотрено и утверждено на заседании Совета БГПУ 28.06.2018
протокол № 10

Минск 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

ВВЕДЕНИЕ В ДИСЦИПЛИНУ «ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ»

РАЗДЕЛ 1. Раннее средневековье (конец V—IX вв.) Западноевропейская цивилизация в V — IX вв.

Тема 1.1. Эпоха Великого переселения народов. Генезис феодализма в Европе

Тема 1.2. Франкское государство в V — IX вв.

Тема 1.3. Юго-Западная Европа в VII—IX вв.

Тема 1.4. Византийская империя в IV—IX вв.

Тема 1.5. Страны Северной Европы: Англия и Скандинавские страны

РАЗДЕЛ 2. Высокое Средневековье (X—XIII вв.) Западноевропейская цивилизация (X—XIII вв.).

Тема 2.1. Средневековая западная цивилизация и её духовные основы

Тема 2.2. Социально-экономическое развитие Западной Европы.

Западноевропейский средневековый город

Тема 2.3. Франция в X – XIII вв.

Тема 2.4. Англия в X – XIII вв.

Тема 2.5. Германия в X – XIII вв.

Тема 2.6. Италия в X – XIII вв.

Тема 2.7. Страны Пиренейского полуострова в X – XIII вв.

Тема 2.8. Скандинавские страны в X – XIII вв.

Тема 2.9. Византия в X—XIII вв.

Тема 2.10. Крестовые походы.

РАЗДЕЛ 3. Позднее Средневековье (XIV—XV вв.) Западноевропейская цивилизация в XIV—XV вв.

Тема 3.1. Франция в XIV—XV вв.

Тема 3.2. Англия в XIV—XV вв.

Тема 3.3. Германия в XIV—XV вв.

Тема 3.4. Италия в XIV—XV вв.

Тема 3.5. Страны Пиренейского полуострова в XIV—XV вв.

Тема 3.6. Скандинавские страны в XIV—XV вв.

Тема 3.7. Византия в XIV—XV вв.

Тема 3.8. Церковь и ее организация в Западной Европе

Тема 3.9. Средневековая культура западноевропейской цивилизации (V - XV)

ПРАКТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

Тематика семинарских занятий

Методические указания студентам по самостоятельной работе

Методические рекомендации студентам по выполнению курсовых работ

РАЗДЕЛ КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ

Перечень используемых средств диагностики результатов учебной деятельности

Материалы для проведения рейтингового контроля знаний студентов

Вопросы к экзамену по учебной дисциплине «История средних веков»
ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ
Тематический план
Содержание учебного материала
Перечень основной и дополнительной литературы

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Дисциплина «История средних веков» знакомит студентов с социальными, политическими, экономическими структурами, а также духовной и материальной культурой, менталитетом и образом жизни в период средневековья (V – XV вв.). Именно тогда возникло большинство европейских стран и народов, сложились современные этнические границы. Она непосредственно связана с «историей древнего мира» и является базой для «истории нового времени», а также истории культуры. Современный мир невозможно понять без взгляда в средневековое прошлое, которое во многом определило нынешний облик человечества.

Учебно-методический комплекс по учебной дисциплине История средних веков составлен на основе Положения об учебно-методическом комплексе на уровне высшего образования (Утверждено Постановлением Министерства образования Республики Беларусь 26.07.2011 №167). Структурными компонентами УМК являются Пояснительная записка, теоретический раздел, практический раздел, раздел контроля знаний, вспомогательный раздел, что значительно облегчает пользование данным учебно-методическим комплексом. Теоретический раздел содержит общий тематический план курса с разбивкой на учебные часы и развёрнутым представлением основных разделов и включённых в них тем, охватывающих как европейскую, так и восточные цивилизации в период Средневековья.

Практический раздел содержит основную тематику семинарских занятий с планом, а также библиографическим списком литературы и исторический источники к соответствующим темам. Также этот раздел содержит методические указания студентам для самостоятельной работы, самостоятельного изучения средневековых тем и проблем, и кроме того содержит методические и конкретно-практические рекомендации по написанию и оформлению курсовых и дипломных работ.

Раздел контроля знаний включает материалы для проведения текущего контроля знаний студентов в виде вопросы для проведения теста, выполняя который студенты могут проверить свои знания по курсу истории средних веков, а также в раздел включен перечень вопросов к экзамену для итоговой аттестации обучающихся и соответствия их знаний требованиям образовательных стандартов высшего образования.

Вспомогательный раздел же раздел содержит общий список учебных и научных изданий по указанной дисциплине, рекомендуемых к использованию для изучения различных тем и проблем средневековой истории.

Учебно-методический комплекс составлен с учетом новейших достижений историографии и построен на основе сочетания цивилизационного и формационного подходов к изучению всемирно-исторического процесса. Учитывая современные оценки начала нового времени, хронологические рамки курса истории средних веков определены следующим образом: конец V в. — рубеж XV - XVI вв.

Цели и задачи дисциплины

Цель преподавания курса состоит в том, чтобы дать студентам целостное представление о развитии человеческого общества в период средних веков (V-XV вв.), период средних веков (V-XV вв.), показать единство исторического процесса и многообразие путей развития в рамках этого единства, выявить действие общих законов общественного развития.

Для реализации поставленной цели предусмотрено решение следующих задач:

- воспитание гражданственности, национальной идентичности, развитие мировоззренческих убеждений студентов на основе осмысления ими исторически сложившихся культурных, религиозных, этнонациональных традиций, нравственных и социальных установок, идеологических доктрин;
- развитие способности понимать историческую обусловленность явлений и процессов современного мира, определять собственную позицию по отношению к окружающей реальности, соотносить свои взгляды и принципы с исторически возникшими мировоззренческими системами;
- освоение систематизированных знаний по истории средних веков, формирование целостного представления о месте и роли истории средних веков во всемирно-историческом процессе;
- овладение умениями и навыками поиска, систематизации и комплексного анализа исторической информации;
- формирование исторического мышления – способности рассматривать события и явления с точки зрения их исторической обусловленности, сопоставлять различные версии и оценки исторических событий и личностей, определять собственное отношение к дискуссионным проблемам прошлого и современности.

Изучение учебной дисциплины «История средних веков» должно обеспечить формирование у студентов академических, социально-личностных и профессиональных компетенций.

Требования к академическим компетенциям

Студент должен:

- АК-1. Уметь применять базовые научно-теоретические знания для решения теоретических и практических задач.
- АК-2. Владеть методами научно-педагогического исследования.
- АК-3. Владеть исследовательскими навыками.
- АК-4. Уметь работать самостоятельно.
- АК-5. Быть способным порождать новые идеи (обладать креативностью).
- АК-6. Владеть междисциплинарным подходом при решении проблем.
- АК-8. Обладать навыками устной и письменной коммуникации.
- АК-9. Уметь учиться, повышать свою квалификацию в течение всей жизни.
- АК-10. Уметь регулировать взаимодействия в образовательном процессе.

Требования к социально-личностным компетенциям

Студент должен:

СЛК-1. Обладать качествами гражданственности.

СЛК-2. Быть способным к социальному взаимодействию.

СЛК-3. Обладать способностью к межличностным коммуникациям.

СЛК-4. Владеть навыками здоровьесбережения.

СЛК-5. Быть способным к критике и самокритике.

СЛК-6. Уметь работать в команде.

СЛК-7. Быть способным осуществлять самообразование и совершенствовать профессиональную деятельность.

Требования к профессиональным компетенциям

Студент должен быть способен:

ПК-1. Управлять учебно-познавательной и учебно-исследовательской деятельностью учащихся.

ПК-2. Использовать оптимальные методы, формы и средства обучения.

ПК-3. Организовывать и проводить учебные занятия различных видов и форм.

ПК-6. Осуществлять оптимальный отбор и эффективно реализовывать технологии воспитания.

ПК-7. Организовывать и проводить воспитательные мероприятия.

ПК-8. Формировать базовые компоненты культуры личности обучающихся.

ПК-9. Эффективно реализовывать технологию деятельности классного руководителя.

ПК-10. Осуществлять профилактику девиантного поведения учащихся.

ПК-12. Развивать навыки самостоятельной работы обучающихся с учебной, справочной, научной литературы и другими источниками информации.

ПК-14. Предупреждать и преодолевать неуспеваемость обучающихся.

В соответствии со стандартами образования высшей школы первой ступени по циклу социальных дисциплин студент должен:

знать:

- основные понятия курса истории средневековья и терминологию средневековья;

- основные этапы развития феодальной системы, понимать сущность феодализма;

- важнейшие исторические факты, даты, события, имена исторических деятелей;

- закономерности и особенности развития производительных сил, производственных отношений, экономических и социальных структур и связей, государственных форм, науки и искусства в период средневековья;

уметь:

- анализировать исторические события и процессы локального, регионального, глобально-цивилизационного уровня и характера и давать им объективную научно-историческую оценку;

- ориентироваться в специальной литературе по профилю, грамотно реферировать учебную и научную литературу по предмету;
- применять полученные знания при решении педагогических, учебно-методических и научных задач;

- чётко формулировать и обосновывать свою позицию по ключевым проблемам развития мировых цивилизаций в период средневековья и вести научный диалог по дискуссионным вопросам.

При изучении каждой темы студенты должны научиться пользоваться как конкретно-историческими методами (историко-генетическим, сравнительно-историческим, историко-типологическим, историко-системным и т.д.), так и общенаучными (моделирования, индукции и дедукции, синтеза и анализа, восхождения от конкретного к абстрактному и наоборот, аналогии и др.) методами исторического познания.

Всего на изучение дисциплины «История средних веков» типовым учебным планом отводится 188 часов, из них аудиторных - 80 (лекционных – 50, семинарских занятий - 30). Дисциплина изучается на протяжении одного семестра. Её содержание разделяется на 5 разделов, которые включают 29 тем. Материал построен на основе проблемно-хронологического принципа. Изучение дисциплины заканчивается экзаменом.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

ВВЕДЕНИЕ В ДИСЦИПЛИНУ «ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ»

1. Сущность понятий «средние века» и «феодализм»

История народов и государств современной Европы началась в эпоху, условно определяемую в исторической литературе как «средневековье». Со времен античности понятие Европы (от семитского корня Эреб), отождествляемое с географическим определением «Запад», противопоставлялось Азии (корень Асу), или Востоку. Термин Европа, действительно, включает в себе некую территориальную целостность народов и государств, история которых обнаруживает общность экономического, социально-политического и духовного развития. Вместе с тем, своеобразие ее западной части, отчетливо определившееся именно на этапе средневековой истории, позволяет выделить Западную Европу в качестве локальной цивилизации, существующей в рамках более крупного цивилизационного единства, каким является Европа в целом.

Географический смысл понятия Западной Европы не совпадает с историческим и предполагает прибрежную полосу на западной оконечности евразийского континента, с мягким морским климатом.

Историческое понятие Западной Европы на этапе средневековья включает в себя историю таких стран, как Англия, Франция, Германия, Швейцария, Бельгия и Голландия, государств Пиренейского и Апеннинского полуостровов, скандинавских стран — Дании, Норвегии, Швеции, а также Византии, преемницы Восточно-Римской империи. Пограничное положение последней страны и ее огромное влияние на судьбы всей европейской цивилизации предопределило принадлежность ее истории как Западу, так и Востоку.

В первые века нашей эры большая часть Западной Европы была заселена кельтскими народами, частично романизованными и включенными в состав Римской империи; затем, в эпоху Великого переселения народов эта территория стала местом расселения германских племен, тогда как Восточная Европа стала местом расселения и исторической активности главным образом славянских народов.

Содержание терминов «средние века» и «феодализм» менялось вместе с развитием европейского исторического знания.

Термин «средние века» — перевод с латинского выражения *medium aevum* (средний век) — был впервые введен итальянскими гуманистами. Римский историк XV в. Флавио Бьондо, написавший «Историю от падения Рима», пытаясь осмыслить современную ему действительность, назвал «средним веком» период, который отделял его эпоху от времени, служившего гуманистам источником вдохновения — античности. Гуманисты оценивали в первую очередь состояние языка, письменности, литературы и искусства. С позиций высоких достижений культуры Возрождения средние века им виделись как период одичания и варваризации античного мира, как время

испорченной «кухонной» латыни. Эта оценка надолго укоренилась в исторической науке.

В XVII в. профессор Галльского университета в Германии И. Келлер ввел термин «средние века» в общую периодизацию всемирной истории, разделив ее на античность, средневековье и новое время. Хронологические рамки периода были обозначены им временем от разделения Римской империи на Западную и Восточную части (завершилось в 395 г. при Феодосии I) до падения Константинополя под ударами турок в 1453 г.

В XVII и особенно XVIII в. (веке Просвещения), которые ознаменовались убедительными успехами светского рационального мышления и естественных наук, критерием периодизации всемирной истории стало служить не столько состояние культуры, сколько отношение к религии и церкви. В понятии «средние века» появились новые, по преимуществу уничижительные, акценты, из-за которых история этого периода стала оцениваться как время стеснения умственной свободы, господства догматизма, религиозного сознания и суеверий. Начало нового времени, соответственно, связывалось с изобретением книгопечатания, открытием европейцами Америки, Реформационным движением — явлениями, которые существенно расширили и изменили умственный кругозор средневекового человека.

Романтическое направление в историографии, возникшее в начале XIX в. в значительной мере как реакция на идеологию Просвещения и систему ценностей нового буржуазного мира, обострило интерес к средневековью и на какое-то время привело к его идеализации. Преодолеть эти крайности по отношению к средневековью позволили изменения в самом процессе познания, в способах постижения европейским человеком природы и общества в целом.

На рубеже XVIII и XIX вв. два достижения методологического характера, важных для развития исторического познания, существенно углубили понятие «средние века». Одним из них явилась идея непрерывности общественного развития, сменившая теорию круговорота, или циклического развития, идущую от античности, и христианскую идею конечности мира. Это позволило увидеть эволюцию западноевропейского средневекового общества от состояния упадка к экономическому и культурному подъему, хронологическим рубежом которого явился XI век. Это было первое заметное отступление от оценки средневековья как эпохи «темных веков».

Вторым достижением следует признать попытки анализа не только событийной и политической по преимуществу, но и социальной истории. Эти попытки привели к отождествлению термина «средние века» и понятия «феодализм». Последнее распространилось во французской публицистике накануне Французской революции 1789 г. как производное от юридического термина «феод» в документах XI—XII вв., обозначающего земельное имущество, переданное в пользование за службу вассалу его сеньором. Его аналогом в германских землях являлся термин «лен». История средних веков

стала пониматься как время господства феодальной, или ленной системы общественных связей в среде феодалов — земельных собственников.

Существенное углубление содержания анализируемых терминов дала наука середины — конца XIX столетия, достижения которой были прежде всего связаны с оформлением новой философии истории — позитивизма. Направление, принявшее новую методологию, явилось первой наиболее убедительной попыткой превращения истории собственно в науку. Ее отличали стремление заменить историю как занимательный рассказ о жизни героев историей масс; попытки комплексного видения исторического процесса, включая и социально-экономическую жизнь общества; исключительное внимание к источнику и разработке критического метода его исследования, который должен был обеспечить адекватное толкование отраженной в нем действительности. Развитие позитивизма началось с 30-х годов XIX в. в трудах О. Конта во Франции, Дж. Ст. Милля и Г. Спенсера в Англии, однако результаты новой методологии в исторических исследованиях сказались позже, ко второй половине века. Суммируя итоги историографии XIX в., следует подчеркнуть, что чаще всего историческая мысль продолжала определять феодализм по политическим и юридическим признакам. Феодализм рисовался как особая политическая и правовая организация общества с системой личностных, прежде всего сеньориально-вассальных, связей, обусловленных, в частности, потребностями военной защиты. Подобная оценка нередко сопровождалась представлением о феодализме как системе политической раздробленности.

Более перспективными оказались попытки сопряжения политического анализа с социальным. Ростом в конце XVIII в., они приобретают более выраженные формы в трудах французских историков первой трети XIX в., прежде всего в творчестве Ф. Гизо. Он впервые дал подробную характеристику феодальной собственности как основы сеньориально-вассальных связей, отметив две ее важные особенности: условный характер и иерархическую структуру, определившие иерархию в среде феодалов, а также соединенность собственности с политической властью. До позитивистов в социальной трактовке игнорировался тот слой непосредственных производителей -- крестьян, усилиями которых феодал реализовывал свою собственность. Историками-позитивистами было начато изучение таких важных социальных структур феодального общества, какими являлись община и вотчина; их анализ, в свою очередь, затронул проблему хозяйственной и социальной жизни крестьянства.

Внимание к экономической истории привело к распространению теории, отождествлявшей феодализм с натуральным хозяйством. Развитие рыночных связей в этом случае оценивалось как показатель новой, уже капиталистической экономики — мнение, которое игнорировало принципиальную разницу между простым товарным и капиталистическим производством и неизбежную смену при этом типа производителя — мелкого собственника на наемного рабочего. В рамках позитивизма социально-экономические особенности средневековья выступали не как

определяющие в системе феодальных отношений, а как данность, существующая параллельно политико-правовому строю (феодалная раздробленность — в политическом строе, натуральное хозяйство—в экономике). Более того, внимание к социально-экономической истории не исключало признания решающей роли личных связей, что объяснялось психологическими особенностями людей средневековья. Уязвимость подобных представлений заключалась не в их ошибочности, так как каждое из них отражало какую-то сторону объективной реальности, но в стремлении исследователей к их абсолютизации, мешавшей комплексному пониманию феодализма.

Развитие позитивизма, с его широким спектром видения исторического процесса на его экономическом, социально-политическом и культурно-психологическом уровнях, а также признанием закономерностей исторического развития, не могло не направить исследователей к поиску единства в многообразии факторов. Иными словами, позитивизм подготовил первые шаги структурного, или системного анализа.

Одним из результатов попыток подобного рода явилась выработка исторической наукой XIX в. понятия «цивилизация». Из двух наиболее общих параметров исторического развития — место и время, — оно подчеркнуло территориальное разграничение людских сообществ, сохраняющих свое особое «лицо» на протяжении всего периода существования. Внутреннее их единство определялось такими характеристиками, как природные условия, быт, нравы, религия, культура, историческая судьба. И хотя понятие цивилизаций включало в себя представление об их преходящем характере, время жизни каждой из них было временем «долгой протяженности».

В XIX в. в исторической науке появился и структурный термин «формация», связанный с оформлением марксистской методологии. Это понятие, наоборот, раздвинуло границы человеческой общности до масштабов планеты в целом, выделив временное деление исторического процесса, где единицей отсчета стали способ производства и форма собственности. Системный принцип в марксистском понимании связывает разные уровни общественного развития единой экономической доминантой. В марксистской интерпретации феодализм был одним из способов производства, в основе которого лежит собственность феодалов на землю, реализуемая при посредстве мелкого производителя; при этом особо подчеркивался факт эксплуатации земельным собственником крестьянина. Монизм марксистской методологии, к тому же сильно политизированной, не был принят в то время большинством исследователей. Жесткая детерминированность исторического процесса с подразделением на первичные — базисные и вторичные — надстроечные явления, действительно, таила в себе опасность его упрощенного понимания. В отечественной медиевистике уже советского времени эту опасность усугубила сакрализация марксистского метода, которая закрепощала науку. Абсолютизация метода нарушала комплексное видение исторического

процесса, приводила к чрезмерному увлечению социологическими схемами, в известном смысле подменявшими анализ реальной жизни.

Историческое знание XX столетия существенно обогатило системный анализ, в частности, применительно к феодальному обществу. Решающий импульс его развитию дала «битва за историю», начатая в 30-е годы представителями французской исторической науки, создавшими свое направление вокруг журнала «Анналы». Приняв важнейшие достижения социологии XIX в. и прежде всего признание системности мира, существующего по своим объективным законам развития, они вместе с тем заметно усложнили представление о комплексности исторического процесса. Свойственное этим историкам «ощущение великой драмы относительности» (по словам одного из основателей направления Люсьена Февра) привело их к признанию множественности связей — вещных и личностных — внутри общественной системы. Эта установка ломала механическое понимание причинности в истории и представление об однолинейности развития, внедряла в историческое познание идею о неодинаковых ритмах развития различных сторон общественного процесса. Было дано более сложное толкование понятия «производственные отношения», подчеркнувшее их неразрывную связь с компонентами дознания, поскольку отношения в сфере производства строятся людьми, которые руководствуются при этом своими представлениями о них. Новые подходы вернули в историю человека, не обязательно «героя» или творца идей, но обычного человека с его обыденным сознанием.

Организация пространства. Безусловное преобладание в феодальном обществе аграрных занятий, особенно на ранних этапах его развития, предопределило по преимуществу сельскохозяйственную организацию его пространства, главными компонентами которого были поля, луга и пастбища, огороды и сады. Основным видом поселений являлись деревни, с невысокой застройкой, не нарушающей линию горизонта. Их дома служили не только жильем, но и комплексом, рассчитанным на производственные нужды (содержание скота, место хранения кормов и зерна). Разнообразие в эту организацию вносили географические условия: природный ландшафт, горы и равнины, леса и реки, а также климат, почвы, которые влияли на тип расселения (концентрированные или рассеянные деревни), виды полей, специализацию хозяйственных занятий — земледелие, скотоводство, виноградарство и т.д.

Вертикаль как дело рук человеческих и архитектурная деталь ландшафта, нарушившая его монотонность, появилась со строительством феодальных замков в IX—XI вв., когда материалом для них стал камень, а не дерево; со строительством романских и затем готических церквей с колокольнями, но особенно с процессом массового роста городов в XI—XII вв. и активным градостроительством. Города и вовсе изменили внешний вид и размеры поселений. Каменные стены обеспечивали защиту от внешнего врага; приток населения побуждал застраивать дома вверх, плотно тесня их друг к другу. Более продуманная внутренняя планировка, вызванная потребностями

экономической и политической жизни города, а также требованиями гигиены, постепенно ставшие факторами, регулирующими организацию городского пространства, сменил первоначально хаотическую застройку внутри городских стен.

Развитие техники не только откроет новые возможности земли как основного средства производства, но более радикально, чем аграрные занятия преобразит ее природный облик. Хозяйственно-технический и архитектурный ландшафт, таким образом, материализовал социальную и экономическую эволюцию феодального общества.

Социальные институты. Вотчина и община. Оформление феодальной собственности на землю привело к существенным изменениям в хозяйственной и социальной жизни общества. Если в условиях родоплеменного строя и генезиса феодализма главным хозяйственным и социальным организмом являлась община, то с конца VIII в. (в ряде регионов в XI в.) в Западной Европе складывается вотчина (сеньория во Франции, манор в Англии). Она концентрировала в себе все средства, необходимые для реализации крупной земельной собственности (хозяйственная функция), взимания ренты и внеэкономического принуждения (социальная функция). Вотчина, т.е. комплекс крупной земельной собственности, делился на господскую часть — домен — и земли, отпущенные в держание крестьянам. Домен включал усадьбу сеньора (жилище и служебные постройки), лес, луга и сеньориальную запашку, размер которой зависел от форм ренты, а также от хозяйственной активности феодала. В соответствии с системой землепользования и плодородностью земли, сеньориальные пахотные земли могли лежать чересполосно с крестьянскими наделами (мансами во Франции, гуфами в Германии). Как хозяйственный организм вотчина способствовала интенсификации труда и развитию производительных сил, организуя простую кооперацию на барщинных работах, расчистку и внутреннюю колонизацию земель, внедрение новых хозяйственных методов и культур. При этом она в известной мере обеспечивала экономическую устойчивость крестьянского хозяйства, гарантируя ему защиту от поборов государства и личную безопасность под покровительством сеньора в условиях феодальной раздробленности.

Хозяйственная роль вотчинника менялась по мере развития феодализма и эволюции форм ренты. С переходом к продуктовой и денежной ренте феодалы могли свернуть собственную запашку, раздав весь резерв пахотных земель в крестьянские держания. В этих условиях возрастает экономическая значимость крестьянского хозяйства, способного, благодаря усовершенствованию условий труда, способов обработки земли и повышению производительности труда произвести как необходимый, так и прибавочный продукт в виде продуктовой или денежной ренты. Усиление экономической роли крестьянства сопровождалось его освобождением от тяжелых форм личной зависимости. В условиях эксплуатации баланс взаимоотношений феодала и крестьянина, который обеспечивал жизнеспособность последнего как производящей силы общества, нередко

нарушался. Насилие со стороны феодала могло вызвать разрушение крестьянского хозяйства и протест вплоть до восстаний. Таким образом, хозяйственная и созидательная роль вотчины тесно связана с ее социальной функцией как организации по присвоению ренты, регулирующей административную и правовую жизнь крестьянства.

С утверждением вотчины как главного социального и хозяйственного организма феодального общества, крестьянская община не была уничтожена. Вотчина надстроилась над общиной, подавив собственным административным и судебным аппаратом ее политико-юридические функции, но продолжала сосуществовать с ней как с первичной хозяйственной организацией, регулирующей главным образом крестьянские отношения по земле — использование общинных угодий, порядок севооборота. Этой стороной своей деятельности община в известной мере влияла и на хозяйственную жизнь вотчинника. Утрата прежней социальной роли вызывает «исчезновение» общины из источников на ранних этапах эволюции феодализма. Однако позже, с усилением экономической роли крестьянского хозяйства и личным освобождением крестьян, община сумела частично возродить свои социальные и политико-юридические функции. В ряде стран (Франция, Италия, Испания) община смогла получить статус коллективного юридического лица, образовав сельскую коммуну с правом выборного управления. Сельская коммуна осуществляла контроль за использованием общинными угодьями, сбором ренты и судебной деятельностью вотчинника, организуя, таким образом, противостояние крестьян феодалу и вводя во взаимоотношения с ним договорное правовое начало, регулируемое письменной хартией. Полученные права позволяли общине выйти за рамки вотчины и обратиться с коллективной жалобой в государственные суды. Следует иметь в виду, что статуса коммуны смогли добиться далеко не все общины, даже во Франции, многим из них пришлось довольствоваться только частью политико-юридических прав.

Средневековый город. В триаде важнейших компонентов социальной жизни феодального общества особое место занимал город. Будучи плотью от плоти этого общества, именно город стал решающим фактором его эволюции. Импульсы, идущие от этого социального организма, объединившего в себе формы экономической, политической и духовной жизни, обозначили перспективы развития общества в целом. Как центр ремесла и торговли город демонстрировал свою феодальную природу в мелком характере производства и торговли, сословно корпоративном характере собственности (ремесленные цеха и купеческие гильдии), в причастности феодальной ренте в ее сеньориальной или централизованной (государственные налоги) форме, наконец, во включенности города в систему феодальных связей (город как коллективный вассал или коллективный сеньор). Вместе с тем именно городу общество было обязано теми решающими сдвигами в развитии техники, которые обеспечили ему инициативу в переходе к мануфактурному производству.

Привилегии и вольности, обретенные западноевропейским городом, создали горожанам статус особого сословия; как таковое оно было представлено в органах сословного представительства на общегосударственном и местном уровнях. Политическое признание горожан способствовало выработке в обществе новой системы ценностей, в которой права человека не определялись исключительно его наследственной принадлежностью к привилегированным сословиям. Города, добившиеся самоуправления, реализовывали принципы коллективной выборной власти в противовес авторитарному и иерархическому миру духовных и светских феодалов.

Наконец, в городе были созданы особые формы культуры и духовной жизни, которые способствовали секуляризации сознания, развитию опытного и рационального знания. Возникшие в городах университеты стали центрами не только образованности, но свободомыслия. Оформление в Западной Европе на рубеже средних веков и раннего нового времени новой идеологии гуманизма и культуры Возрождения было неразрывно связано с городской жизнью и культурой.

Государство, право и церковь. Политическая организация феодального общества прошла в своем развитии через несколько этапов. В условиях переходного периода и генезиса феодальных отношений существовали политические образования в виде, как правило, недолговечных варварских королевств и раннефеодальных государств. В них были сильны пережитки так называемой первобытной демократии»; королевская власть располагала весьма ограниченными принудительными возможностями. На этом этапе Западная Европа знала и попытки образования крупных полиэтнических, но непрочных имперских объединений, претендующих, подобно франкской империи Карла Великого, на преемственность по отношению к погибшей Западной Римской империи.

С утверждением феодальных отношений в X—XI вв. и развитием феодальной раздробленности политическая власть сосредотачивалась в руках крупных земельных собственников — князей, герцогов, графов, часто лишь номинально объединенных слабой властью монарха и реализующих в своих землях тот же авторитарный принцип власти (каждый барон — король в своих владениях). На этом этапе оформляется важная особенность политической структуры феодального общества: разделение политической власти на власть в центре (на уровне общегосударственной или территориальной власти князя) и на местах — в лице земельного собственника. С развитием феодального общества усложняется природа местной власти благодаря оформлению автономного города, сословий или сословных групп.

В дальнейшем королевская власть начинает борьбу с этим полицентризмом; там, где она брала верх, происходило оформление централизованных государств. В условиях централизации возникала новая форма феодальной монархии с органами сословного представительства. Монарх на этом этапе централизации претендовал на полноту верховной

власти, но часто не располагал необходимыми средствами для ее реализации, тогда как сословия стремились удержать свою автономию. Центральная власть была вынуждена идти на диалог с общественными силами, который воплощался в органах сословного представительства на общегосударственном уровне (английский парламент, испанские кортесы, французские Генеральные штаты, шведский риксдаг и т.д.) или местном уровне, в органах самоуправления. Политическая мысль подкрепляла право сословий на участие в политическом управлении, утверждая принцип: «Что касается всех, должно быть одобрено всеми». Если центральная власть опережала в своем усилении процесс консолидации сословий, она ограничивала их активность или могла вообще парализовать ее. Так случилось в Византии, сумевшей в отличие от Западной Римской империи сохранить свою государственность при переходе к средневековью. В условиях сильной государственной традиции Византия не знала института сословного представительства, ее города не пережили освободительного движения.

Полицентризм в Италии исключил возможность консолидации сословий на общегосударственном уровне, в масштабах всего Апеннинского полуострова, однако активность горожан здесь привела к созданию нетрадиционных для средневековья республиканских форм политического устройства (города—республики). В Германии централизация сложилась также лишь на локальном, но не общенациональном уровне, что обеспечило силу провинциальных органов сословного представительства — ландтагов.

На этапе позднего феодализма оформляется абсолютная монархия. Новая форма государства предполагает более высокий уровень централизации, увеличение властных полномочий монарха — наличие под его контролем административного аппарата, армии и налогов. Специфическая расстановка социальных сил и острая борьба между ними, связанные с разложением феодальных и возникновением новых, буржуазных отношений, позволяла монарху играть роль верховного арбитра и не только претендовать, но и реализовать «абсолютную» власть. Победа авторитарного принципа власти сопровождалась свертыванием или даже ликвидацией органов выборной представительной власти на общегосударственном, а иногда и местном уровне.

На всех этапах развития феодального общества сосуществовали в противоречивом единстве свойственные государству две функции — насилия и порядка. Осуществление насилия было связано главным образом с интересами господствующей корпорации земельных собственников. Государственное право (источником формирования которого служили обычное право, государственное законодательство и римское право) обеспечивало монополию феодалов на земельную собственность, а также статус знатности и «благородства», связанный с особыми политическими и юридическими привилегиями. Через посредство государства распределялись поступающие в казну налоги от податного населения в пользу господствующего слоя (служба в армии, государственные должности,

пенсии). Функцию насилия могли в ряде случаев стимулировать также интересы элиты городского сословия — патрицианско-бюргерской верхушки горожан, несправляющейся собственными силами с городской оппозицией.

В качестве гаранта мира и правопорядка по отношению к обществу в целом монарх вступал в диалог с различными социальными силами, что расширяло социальную базу власти. Формы этого диалога могли быть различными: органы сословного предательства, королевский суд с правом апелляции к нему, подтверждение центральной властью документов правотворчества податных сословий (городских хартий и городского законодательства, хартий сельских общин). В реализации государственной политики обе функции тесно переплетались. Это, в частности, объясняет антигосударственную направленность многих восстаний, а также нередкие факты временной «вертикальной» солидарности в них различных общественных сил (общий протест против налогов, злоупотреблений чиновников, централизаторских усилий монархии, нарушающих автономию и привилегии отдельных общественных групп или крупных феодалов).

Средние века были временем господства мировых религий — буддизма, ислама на Востоке, христианства в Европе. В связи с этим в Европе церкви — римско-католическая, православная греческая и на позднем этапе феодализма протестантские — стали ведущими факторами духовной и социально-политической жизни. Вплоть до XII в. христианская церковь в Западной Европе имела почти монопольное влияние на духовную жизнь общества, формируя его религиозное сознание и способствуя развитию культуры — письменности, литературы, философии, архитектуры и изобразительного искусства. Именно церковь на этом этапе являлась главной хранительницей античного культурного наследия. Христианская религия способствовала созданию и укреплению цивилизационного единства Европы, приобщая европейские народы к новым этическим ценностям. Вместе с тем церковь занимала положение крупного земельного собственника (в ее распоряжении находилась примерно треть земельного фонда в каждой из западноевропейских стран), а также главной идеологической силы феодального общества, чье учение освящало феодальные порядки.

2. Периодизация эпохи средневековья в Западной Европе

Согласно периодизации (неизбежно условной), принятой мировой и отечественной наукой, у истоков средневековья в Западной Европе стоит крушение во второй половине V в. Западной Римской империи. Встреча двух миров — античного греко-римского и варварского (германского, кельтского, славянского) — стала началом глубокого переворота, который открыл новый, средневековый период в истории Западной Европы. Для истории Византии началом средневековья считается IV век, когда Восточная Римская империя обрела самостоятельность.

Сложнее выглядит в науке решение вопроса о рубеже между средними веками и новым временем. В современной историографии их границей обычно считают конец XV — начало XVI в., связывая его с такими явлениями, как изобретение книгопечатания, завоевание Константинополя турками,

открытие Америки европейцами, начало Великих географических открытий, эпоха первоначального накопления капитала и колониальных захватов. С точки зрения общественных изменений этот рубеж фиксирует начальные стадии смены систем — феодальной на капиталистическую. В недавнем прошлом советская историческая наука считала условным концом средневековья английскую буржуазную революцию 1640-1660-х годов, положившую начало господству капитализма в Западной Европе и совпавшую с окончанием первой общеевропейской Тридцатилетней войны 1618-1648 гг. Эта периодизация устарела.

Новые тенденции в современной отечественной науке и стремление унифицировать периодизацию средневековья с западной историографией внесли существенные коррективы в проблему периодизации. Верхнюю хронологическую границу «средневековья» относят к концу XV — началу XVI в. Историческая наука в конце XX-начале XXI столетия выработала более уравновешенный и гибкий синтез «структурной» и «человеческой» истории, который стал возможным благодаря переоценке роли сознания и социально-психологического фактора в общественном процессе, а также восстановлению в правах событийной истории. Все это позволяет иначе посмотреть на такие события рубежа XV-XVI вв. в Западной Европе, как гуманизм и Реформация, или Великие географические открытия. Получив импульс от глубинных и потому гораздо менее подвижных изменений в общественной жизни, именно эти явления вызвали такие сдвиги в сознании и духовных ценностях, которые создали новый образ мира, означавший решительный разрыв со средневековьем.

Историю средневековья для Западной Европы принято делить на три основных периода, отличающихся разным уровнем социально-экономического, политического и культурного развития.

I. Конец V — IX вв. — период Раннего средневековья, когда феодализм только складывался как общественная система. Это предопределило крайнюю сложность социальной ситуации, в которой смешивались и трансформировались общественные группы античного рабовладельческого и варварского родоплеменного строя. В экономике господствовал аграрный сектор, преобладали натурально-хозяйственные отношения, города сумели сохранить себя как экономические центры преимущественно в районе Средиземноморья, которое являлось главным узлом торговых связей Востока и Запада. Это было время варварских и раннефеодальных государственных образований (королевств), несущих на себе печать переходного времени.

В духовной жизни временный упадок культуры, связанный с гибелью Западной Римской империи и натиском языческого бесписьменного мира, постепенно сменялся ее подъемом. Решающую роль в нем сыграли начавшийся синтез с римской культурой и утверждение христианства. Христианская церковь в этот период оказывала решающее воздействие на сознание и культуру общества, в частности, регулируя процесс усвоения античного наследия.

II. X — конец III в. — Высокое или Классическое средневековье, период расцвета феодальных отношений, массового роста городов, развития товарно-денежных отношений и складывания бюргерства.

III. XIV—XV вв. — Позднее средневековье. В политической жизни в большинстве регионов Западной Европы после периода феодальной раздробленности формируются централизованные государства. Возникает новая форма государства — феодальная монархия с сословным представительством, отразившая тенденцию к усилению центральной власти и активизации сословий, в первую очередь городского.

Культурная жизнь идет под знаком развития городской культуры, которая содействует секуляризации сознания, становлению рационализма и опытного знания. Эти процессы были усилены с оформлением уже на данном этапе культуры Возрождения идеологии раннего гуманизма.

Экономическая и социальная жизнь характеризуется процессами разложения феодализма и генезиса раннекапиталистических отношений.

Каждый из этапов открывался и сопровождался крупными передвижениями народов по территории Европы и вне ее: в IV в., VI—VII вв. — движение гуннов, германских и славянских племен; экспансия скандинавских народов, арабов и венгров на рубеже первого и второго этапов, крестовые походы западноевропейцев на Восток и в Восточную Европу в XI—XIII вв.; и, наконец, колониальные захваты западноевропейцев на Востоке, в Африке и в Америке в XV и XVI вв. Каждый период открывал перед народами Европы новые горизонты. Обращает на себя внимание все убыстряющийся темп развития и сокращение временной протяженности каждого последующего этапа.

РАЗДЕЛ 1. Раннее средневековье (конец V—IX вв.) Западноевропейская цивилизация в V—IX вв.

Тема 1.1. Эпоха. Великого переселения народов. Генезис феодализма в Европе

План

- 1. Кризис в Римской империи (III—V вв. н.э.)**
- 2. Падение Западной Римской империи и образование варварских королевств**

1. Кризис в Римской империи (III—V вв. н.э.)

Кризис рабовладения. Античное общество характеризовалось ярко выраженной социально-экономической разнородностью. Рабовладельческие виллы с их централизованным производством, основанные на непосредственной эксплуатации труда рабов, сосуществовали с поместьями, объединявшими мелкие самостоятельные хозяйства зависимых людей (клиентов, арендаторов разного рода, помещенных на землю рабов), и с

небольшими хозяйствами полисных крестьян, в которых рабский труд играл вспомогательную роль или отсутствовал вовсе.

Рабовладельческое хозяйство было рентабельным до тех пор, пока дешевизна и стабильность притока новых рабов позволяла эксплуатировать их нещадно, не заботясь об их физическом износе. Однако II в. н.э. приток новых рабов с варварской периферии (основного их источника) стал уменьшаться, а цена их расти. Тем самым владельцы были поставлены перед необходимостью наладить естественное воспроизводство рабов в своих поместьях и вообще перейти к долговременному их использованию. И то и другое предполагало определенное снижение интенсивности эксплуатации.

Наиболее состоятельные рабовладельцы попытались компенсировать снижение доходов путем простого расширения хозяйства, т. е. прежде всего — увеличением числа эксплуатируемых рабов. Но возникшие таким образом рабовладельческие латифундии себя не оправдывали, так как при этом резко возрастали расходы на надзор за рабами и управление вообще. В этих условиях изменение отношения к рабам как к агентам производства оказалось неизбежным. В рабе начинают видеть человека, признают его право на семью, запрещают разлучать ее членов, закон все решительнее отказывает господам в праве самим казнить рабов (теперь это можно было сделать только по решению суда), рабы получают право жаловаться в суд на плохое обращение с ними и добиваться, чтобы их продали другому человеку. Поощряется отпуск рабов на волю, законодательство предусматривает больше случаев и способов их освобождения. Однако главным стимулом для увеличения производительности рабского труда служило предоставление рабу вместе с правом на семью некоторого имущества — пекулия, под которым подразумевались не только личные вещи, но и средства производства: рабочий инструмент, скот, мастерская, участок земли. Собственником пекулия считался рабовладелец, раб же — всего лишь держателем, пользователем, но реальные права такого держателя были весьма обширными и обеспечивали ему хозяйственную и бытовую самостоятельность: он мог вступать в деловые отношения даже со своим господином, давать ему в долг, совместно с ним заключать сделки с третьими лицами. Хотя, согласно правовым представлениям, а затем и законам римлян, господин всегда имел право отобрать у раба его имущество, на практике это, вероятно, случалось не часто, так как было невыгодного рабовладельцу и осуждалось моралью.

Наибольшее значение для судеб общественного развития имело наделение земельным пекулием сельских рабов, ставшее в период поздней античности обычным явлением, особенно в крупных поместьях — латифундиях. Стимулируя таким образом заинтересованность раба в труде и экономя на надсмотрщиках, латифундист одновременно перекладывал хотя бы часть расходов на плечи непосредственного производителя. Со временем такой раб превращался в прикрепленного к земле и продаваемого только вместе с ней самостоятельно хозяйствующего земледельца, уплачивающего господину в виде ренты определенную часть урожая.

Эволюция колоната. Особая роль в рассматриваемом процессе принадлежит колонату. Изначально колон — это поселенец, колонист, а также земледелец вообще, но уже с I в. н.э. так называли мелких арендаторов различного статуса — свободных людей, граждан, обрабатывающих чужую землю на договорных началах, чаще всего на условиях уплаты денежного, а со II в. н.э. натурального оброка (как правило, трети урожая). В это время колонат обычно уже не оформляется договором, и колон становится, по сути дела, наследственным съемщиком, постепенно оказываясь в зависимости от земельного собственника.

В IV—V вв. колоны делились на свободных и приписных. Первые обладали большим объемом личных и имущественных прав; их приобретения не считались собственностью господина. Вторые рассматривались как «рабы земли» (но не рабы господина!), записывались в ценз поместья, их держания расценивались как пекудий и принадлежали землевладельцу. И те, и другие несли разнообразные повинности в пользу господ. Постепенно различие между этими категориями колонов стираются. Колон эпохи домината утрачивает многие черты свободного человека и гражданина: он еще уплачивает государственные налоги, но сбор их поручается землевладельцам, которые с середины IV в. становятся ответственны за выдачу колонов в суд, посылают их на военную службу, причем вправе заменить поставки рекрутов внесением государству специальной подати, а к середине V в. добиваются полного отстранения колонов от воинской повинности. К этому времени частная власть посессоров над колонами настолько усиливается, что грань, отделяющая их от рабов, становится, по мнению римских юристов, трудноразличимой: все чаще ставится под сомнение личная свобода колонов, они подвергаются одинаковым с рабами наказаниям, не могут свидетельствовать против своего господина и т.д.

Владельческие права колонов на возделываемые ими участки остаются в силе, но приобретают новое качество. Не позволяя землевладельцам сгонять колонов с земли, отчуждать землю без сидящих на ней колонов, использовать их в качестве домашней челяди, закон в то же время прикреплял колонов к этой земле. Эдикт Константина I от 332 г. запрещал колонам под угрозой наложения оков переходить из одного имения в другое, обязывая землевладельцев возвращать обосновавшихся у них чужих колонов их прежнему хозяину. Эдиктом Валентиниана I от 371 г. была окончательно санкционирована наследственная прикрепленность колонов к тому или иному имению. Несмотря на ущемление гражданского статуса колонов, ограничения их владельческих прав, колоны были более самостоятельны в хозяйственном отношении, чем рабы; повинности фиксировались законом и обычаем. В римском колонате угадываются контуры новых, феодальных отношений.

Число самостоятельно хозяйствующих, но зависимых и эксплуатируемых производителей увеличивалось и за счет других социальных источников: крестьян, подпавших под власть какого-нибудь магната, плененных варваров,

которых теперь все чаще обращают не в рабов, а в колонов, и т.п. Тем самым в эпоху поздней империи ведущим постепенно становится тип хозяйства, связанный с эксплуатацией мелких землевладельцев в крупных поместьях. Организатором производства в этом случае являлся не собственник земли, а непосредственный производитель, у которого оставалась выращенного им продукта.

Этот механизм имеет сходство с экономическим механизмом характерным для феодализма. Но поскольку в эпоху домината продолжали сохраняться рабовладельческие методы эксплуатации, и огромная масса самостоятельно хозяйствующих землевладельцев в социально-юридическом смысле оставалась рабами, а с другой стороны, заметно усилился налоговый гнет, то непосредственный производитель, видимо, располагал в основном лишь весьма урезанным необходимым продуктом. В конечном счете это явилось одной из важнейших причин наблюдавшегося в эту эпоху экономического застоя, одним из главных препятствий, стоявших на пути осуществления тех возможностей, которые были заложены в формирующемся новом хозяйственном механизме.

Эмфитевсис. В поздней античности значительное распространение получает аренда — теперь уже не только на государственных и муниципальных, но и на частных землях. Аренда претерпевает качественные изменения: из долгосрочной она развивается в вечную, так называемую эмфитевтическую аренду, обеспечивающую владельцу широчайшие права, сопоставимые с правом собственности. Эмфитевт был обязан собственнику небольшой фиксированной платой (канон), должен был вносить налоги с земли и тщательно ее обрабатывать. В остальном он мог распоряжаться ею по своему усмотрению, передавать по наследству, сдавать в субаренду, закладывать, даже продавать. В последнем случае собственник имел лишь право преимущественной покупки; не воспользовавшись им, он получал только пошлину в размере 2% продажной цены. Съемщиками земли на эмфитевтическом праве чаще всего были крупные землевладельцы, поэтому распространение эмфитевсиса знаменовало серьезную перестройку господствующего класса в направлении феодализации.

Прекарий. Заметно большую роль стала играть и мелкая аренда, также приобретающая новые черты. Особенно показательна эволюция так называемого прекария (буквально — «испрошенного» держания). Прекарист первоначально, по-видимому, вообще не нес каких-либо повинностей в пользу собственника, довольствовавшегося тем, что земля его не пустует и не может быть на этом основании конфискована общиной. Однако собственник был вправе в любой момент согнать прекариста с предоставленного ему участка, невзирая на то, как долго тот его обрабатывал; соответственно прекарист считался не владельцем, а лишь держателем.

В эпоху домината прекарий все чаще оформляется письменно, становится долгосрочным, нередко пожизненным, и обуславливается определенными в договоре платежами. В перспективе это приводило к попаданию прекариста в зависимость от земельного собственника, но при этом владельческие права

его укреплялись, а сам прекарий становился если не юридически, то фактически своеобразной формой условного землевладения, отчасти предвосхищавшей отношения зависимого крестьянина и феодала.

Патронат и коммендация. Важную роль в трансформации отношений собственности сыграло развитие еще одного древнего института, а именно патроната (патроциния), заключавшегося в самоотдаче, разумеется, не всегда добровольной, одних граждан под покровительство других, более обеспеченных и влиятельных. Такой акт назывался коммендацией. Патроцинии III-V вв. — это, по сути дела, форма личной зависимости мелких, а также средних землевладельцев от землевладельцев крупных. Стремясь ценой личной свободы и гражданского полноправия избавиться хотя бы от некоторых государственных и муниципальных повинностей, найти защиту от притеснений со стороны властей и более сильных соседей, вступавший под патронат человек в конце концов, а иногда и сразу, утрачивал право собственности на землю, превращаясь в ее держателя. Логичным следствием установления патроната являлось поэтому возникновение в латифундиях режима частной власти, противостоящей государству. Императоры, хотя и безуспешно, боролись с патронатом.

Натурализация хозяйства. Постепенное превращение рабовладельческой виллы в децентрализованную латифундию имело далеко идущие последствия для всей позднеантичной экономики. Важнейшим из них следует признать растущую натурализацию, ослабление рыночных связей. Посаженные на землю рабы и мелкие арендаторы старались свести свои расходы к минимуму и по возможности обходиться изделиями, изготовленными самолично или в пределах латифундии. С другой стороны, свертывание латифундистами собственного земледельческого хозяйства (особенно хлебопашенного) нередко сопровождалось развитием поместного ремесла. В крупных позднеантичных имениях появились самостоятельно хозяйствующие ремесленники, в том числе перебравшиеся из городов. Экономические связи господского хозяйства с городом ослабевали. Солидная часть сельскохозяйственной продукции попадала в город, минуя рынок, прежде всего по государственным каналам, через налоговую систему.

Экономический спад III-V вв. Ослабление рыночных связей сопровождалось экономическим спадом. Он выразился в таких явлениях, как сокращение посевных площадей, снижение урожайности, огрубление ремесленной продукции, уменьшение масштабов городского строительства и торговых перевозок. Спад был кризисом рабовладельческого строя в целом. Непосредственной же его причиной следует считать саму перестройку производственных отношений, вызвавшую нарушение устоявшихся хозяйственных связей и ориентиров и совпавшую по времени с рядом неблагоприятных конкретно-исторических обстоятельств. В их числе — похолодание и увлажнение климата, пагубно сказавшееся на севооборотах; демографический кризис (обусловленный не в последнюю очередь принесенными с Востока эпидемиями); усиление политической нестабильности и вторжения варваров; иссякание в Средиземноморье

большинства известных тогда месторождений драгоценных металлов и хронический дефицит в торговле с Востоком, способствовавшие монетному голоду и порче монеты.

Вместе с тем экономический спад III—V вв. было бы неправильно расценивать как катастрофу. Земледелие и ремесло оставались все же на высоком уровне, несомненно превосходящем уровень раннего средневековья. Города, хотя и сокращались в размерах, не утратили своей специфически римской инфраструктуры. Сохранялась и поддерживалась густая сеть хороших мощеных дорог, Средиземное море оставалось относительно безопасным для судоходства до середины V в. Денежное обращение все еще играло немаловажную роль, обслуживая довольно бойкую местную и региональную торговлю. Материальные возможности античной цивилизации далеко еще не были исчерпаны, о чем свидетельствует, между прочим, монументальное строительство, продолжавшееся в V в. в Риме, Равенне, Арле, Гиппоне, не говоря уже о городах восточной половины империи.

В экономическом спаде поздней античности проглядывают и черты обновления. Интенсивное хозяйствование предшествовавшей эпохи, еще не подкрепленное соответствующими техническими и естественнонаучными достижениями, основывалось на хищнической эксплуатации природы и человеческого труда, предполагавшей неограниченность этих ресурсов. Экономический подъем рубежа старой и новой эры был оплачен последовавшим вскоре истощением земли и износом работника, как физическим, так и моральным. Поэтому переход к экстенсивным формам хозяйствования в известной мере содействовал улучшению экологической и социальной ситуации. Особого внимания заслуживает процесс становления работника нового типа: из простого исполнителя, безразличного к результату своего труда, социально одинокого, забитого и озлобленного, убогого в своих желаниях и наклонностях, он постепенно превращался в рачительного хозяина, гордого своей сопричастностью какому-то коллективу, важностью своего труда для общества. Эти социально-экономические возможности проявились не сразу, но в конечном счете именно они обусловили более высокий уровень средневековой цивилизации по сравнению с античной.

Общественный и государственный строй Римской империи в конце III—V в. В эпоху домината государственный строй Римской империи претерпел радикальные изменения. Они были вызваны как рассмотренными выше экономическими процессами, так и существенными социальными сдвигами. Во II - начале III в. н.э. возникает новое сословное деление: на *honestiores* («достойные», «почтенные») и *humiliores* («смирненные», «ничтожные»). В период домината сословная структура еще более усложняется, так как среди «достойных» выделяется элита - так называемые *clarissimi* («светлейшие») в свою очередь с IV в. подразделявшиеся на три разряда. Что же касается «смирненных», то в эту группу наряду со свободнорожденными плебеями все чаще стали включать неполноправные слои населения: колонов, отпущенников, в дальнейшем и рабов. Так

складывается принципиально новая структура общества, в рамках которой постепенно преодолевается деление на свободных и рабов, а древние полисные градации уступают место иным, отражающим усиливающуюся иерархичность общественной организации. В этой ситуации древние римские магистратуры окончательно утрачивают всякое значение: одни (квесторы, эдилы) исчезают вовсе, другие (консулы, преторы) превращаются в почетные должности, замещаемые по воле государя его приближенными. Сенат, разросшийся к 369 г. (когда представители восточных провинций стали собираться в Константинополе) до 2 тыс. человек, вырождается в собрание тщеславных магнатов, то раболепствующих перед императором, то фрондирующих, озабоченных в основном защитой своих сословных привилегий и внешних атрибутов власти. С конца III в. многие императоры, выбранные армией или назначенные предшественником, не обращаются в сенат даже за формальным утверждением в этом сане. Поскольку резиденция императора все чаще находится вне Рима (в Константинополе, Медиолане, Равенне, Аквилее и т.д.), он все реже удостоивает сенаторов своим посещением, предоставляя последним автоматически регистрировать направляемые им эдикты. В периоды политической нестабильности, например, в середине V в., значение сената возрастало, случалось, он открыто вмешивался в борьбу за власть, оспаривая ее у армии. При «сильных» императорах его роль нивелировалась до роли городского совета столицы империи, каковым он оставался на протяжении всего раннего средневековья.

Реальная власть сосредоточивается в совете императора, получившем название священного консистория. Отныне император уже не принцепс — первый среди равных, лучший из граждан, высший магистрат, чья деятельность хотя бы в теории регулируется законом, а доминус — господин, владыка, воля которого сама является высшим законом. Особа его объявляется священной, публичная и даже частная жизнь обставляется сложным пышным церемониалом, заимствованным во многом у эллинистических и персидских монархов. Из «республики» империя превратилась в деспотию, а граждане — в подданных. Управление государством все в большей мере осуществлялось при помощи огромного, иерархически организованного и разветвленного бюрократического аппарата, включавшего помимо центральных ведомств многочисленную провинциальную администрацию и целую армию контролировавших и инспектировавших ее столичных чиновников.

В конце III в. было ликвидировано старое административное устройство империи (с его традиционным делением на императорские и сенаторские провинции, личные владения императора, союзные общины и колонии разного статуса). Отныне Восток и Запад имели, как правило, а с 395 г. всегда, отдельное управление. При этом каждая из империй (Западная и Восточная) делилась на 2 префектуры, те в свою очередь — на диоцезы (общим количеством 12), а последние — на более или менее равновеликие провинции, число которых резко возросло и достигло в конце концов 117. В

нарушение многовековой традиции одной из провинций был объявлен Рим. Наместники провинций, раньше управлявшие вверенными им территориями, регулярно объезжая их и опираясь в решении дел на магистратов автономных общин, теперь прочно обосновываются, вместе с многочисленными чиновниками, в постоянных резиденциях. Главными их обязанностями становятся сбор налогов и высшая юрисдикция; военные функции постепенно переходят к специально назначенным военачальникам, подчиненным только вышестоящим военным инстанциям.

Шедшее вразрез с древней римской практикой разграничение гражданской и военной власти на местах было вызвано стремлением центрального правительства ограничить могущество провинциальной администрации, воспрепятствовать возможным проявлениям сепаратизма. В то же время оно явилось следствием коренной перестройки римской армии, все реже комплектовавшейся из полноправных римских граждан. Причина этого кроется не только в сокращении общей численности земельных собственников. С предоставлением в 212 г. римского гражданства большинству свободного населения империи исчез один из главных стимулов, побуждавших перегринов идти на военную службу. В условиях социально-политической нестабильности и прогрессирующего обесценивания денег нужного эффекта не давали и такие меры, как постоянное повышение солдатского жалования и освобождение ветеранского землевладения от муниципальных налогов.

Попытка превращения легионеров в особое наследственное сословие и своего рода прикрепление их вместе с потомством к предоставленным им наделам имела результатом лишь дальнейшее падение престижа и боеспособности армии. Более успешными на первых порах оказались: рекрутчина (при которой магнатам вменялось в обязанность выставлять определенное число добровольцев из своих колонов) и особенно наем варваров (отдельных лиц и целых формирований). Охрана границ стала поручаться варварским племенам, поселяемым там на правах федератов. В дальнейшем именно эта практика явилась одной из главных непосредственных причин крушения империи.

Финансовые реформы эпохи домината. В эпоху домината коренным образом трансформируется и система налогообложения. До конца III в. римские граждане были освобождены от уплаты регулярных прямых налогов; допускались лишь экстраординарные налоги, связанные по большей части с военной угрозой. Прямые налоги платило лишь население провинций. Доходы казны складывались также из средств от эксплуатации государственной собственности, косвенных налогов и пошлин.

Однако неуклонно расширявшаяся практика предоставления римского гражданства провинциалам и провинциальным общинам весьма отрицательно сказывалась на налоговых поступлениях. Ситуация усугублялась систематической порчей монеты (снижением содержания в ней серебра), что вело к дезорганизации хозяйства и также способствовало

оскудению казны. Преодоление кризиса, охватившего в III в. римское общество, предполагало поэтому и упорядочение государственных финансов.

Энергичные меры по выпуску полноценной монеты были предприняты в первые же годы правления Диоклетиана (284—305), попытавшегося также — впервые в истории — регламентировать цены на основные продукты и услуги. Но стабилизировать денежное обращение удалось лишь при Константине I (306-337). Была уточнена стоимость золота в слитках и введен монометаллический золотой стандарт; из серебра наряду с медью чеканили только мелкую именную монету. На этой основе был налажен выпуск новой высокопробной золотой монеты — солида — весом в 1/72 римского фунта, реальная стоимость которой в целом соответствовала номиналу. Эти меры подготовили базу для проведения налоговой реформы, начатой при Диоклетиане и завершенной при Константине I.

Отныне все собственники (исключая все же жителей Средней и Южной Италии) должны были уплачивать прямые налоги. В сельской местности размер налога определялся соотношением количества земли, принадлежащей тому или иному человеку (с учетом ее качества, расположения и характера использования), и количества занятых на ней работников. Для оценки земельной собственности и рабочей силы вводились условные расчетные единицы — *iugum* («ярмо», т.е. упряжка волов) и *caput* («голова»), По которым вся система получила название *iugatio-capitatio*. Со «смирненных» налог взимался в натуре, он именовался термином, обозначающим годовой урожай, — анноной, «достойные» вносили его в звонкой монете. В городах оценка имущества производилась с учетом доходности мастерской, лавки и т.д. Низшие слои общества (и горожане, и селяне) были, кроме того, обязаны государству многочисленными — до 40 наименований — отработочными повинностями: по ремонту дорог и мостов, обеспечению транспортом и т.п. В целом по сравнению с эпохой принципата налоговый пресс заметно усилился, затронув и городские общины. Со времени Валентиниана I (364-375) города оставались лишь треть доходов с принадлежащих им общественных земель.

Города, в меньшей мере племенные общины, сами уже не справлялись с выполнением общественно необходимых функций по поддержанию хозяйственной деятельности, охране правопорядка и т.д. Императоры все чаще прибегали к административным мерам, постепенно переходя от ограниченного контроля к жесткой регламентации. Этой цели, помимо превращения органов муниципального самоуправления в придаток общеимперского государственного аппарата, служил и ряд конкретных мер, направленных на сохранение разлагавшейся общественной системы.

Сталкиваясь с непрекращающимся бегством граждан из городской общины, Диоклетиан, а затем Константин I законодательно запретили выход из нее представителям всех сословий. Принадлежность к некоторым профессиональным коллегиям стала наследственной, к концу IV в. ремесленникам было отказано в праве служить в армии, принимать сан священника, занимать муниципальные должности. Эдиктами 316 и 325 гг. к

своему сословию и к своей курии (городскому сенату) были прикреплены и декурионы, называемые теперь чаще куриалами. На них была возложена тягостная обязанность по сбору налогов, причем куриалы должны были возмещать недоимки из своих средств. Результатом явилось разорение этого сословия, бывшего главной социальной опорой ранней империи.

Государственные реформы эпохи домината продлили Римскому государству жизнь примерно на полтора столетия, отсрочив его гибель, казавшуюся в середине III в. близкой и неотвратимой. Некоторые из этих реформ, например, монетная, были весьма успешными: солид Константина I служил расчетной единицей на протяжении всего раннего, а в Византии и классического, средневековья. Удачными в целом следует признать также нововведения в области провинциального управления и кодификации римского права. Однако многие мероприятия императоров, в частности в военных и финансовых вопросах, дав временный эффект, возымели в конечном счете самые плачевные последствия. Государственность периода домината была по природе своей чужда как уходящему в прошлое античному обществу, так и нарождавшемуся феодальному. Протообраз феодальной государственности можно усмотреть скорее в тех социально-политических явлениях, с которыми императоры эпохи домината энергично, но не очень последовательно и в общем безуспешно боролись, прежде всего - в режиме частной власти, складывавшемся в латифундиях.

Кризис идеологии. Главнейшим проявлением кризиса в идеологии позднеантичного общества был постепенный отход от представления о гармонии интересов отдельного человека и гражданской общины в целом. Для всех категорий населения утрачивают значение социально значимые цели и ориентиры. К III в. стала совершенно очевидной иллюзорность, если не лживость, регулярно провозглашаемого императорами (начиная с Августа) наступления золотого века под эгидой мощного и слаженного Римского государства. Неустанно повторяя тезис о совершенстве существующего строя, нацеливая граждан на благоговейное оберегание раз и навсегда установленного положения вещей, официальная пропаганда содействовала лишь усилению социальной апатии и недоверия к любому публичному слову и действию. Все большее число римских граждан, от плебеев до сенаторов, самоустраивается от общественных дел, стремится жить незаметно, не обнаруживая лишней раз свое богатство, искусство, личное превосходство вообще. Человек сосредоточивается на своих внутренних переживаниях, приобретающих постепенно большую важность, чем политические перипетии внешнего мира. Поскольку, согласно общей тональности античной культуры, отчуждение от общества воспринималось и осмысливалось как отчуждение от гармонии космоса, интеллектуальная и эмоциональная энергия индивида направляется на восстановление нарушенной связи человека и миропорядка, все чаще воплощенного для него в божестве.

Одновременно пересматриваются и другие идеологические представления классической эпохи. Теряет прежнюю четкость деление и на свободных и

рабов, в рабе начинают видеть личность, философы все настойчивее проводят мысль о том, что свобода и рабство - это состояния не столько юридические, сколько моральные: сенатор может быть рабом порочных страстей, тогда как добродетельный раб внутренне свободен. Меняется и отношение к труду: в среде «почтенных» на него по-прежнему смотрят с презрением, но для «смирненных», чьи взгляды все меньше определяются стереотипами разлагающейся, но пока что поддерживаемой государством полисной идеологии, труд становится благом, залогом здоровой и честной жизни. Складывается новая система ценностей, во многом уже чуждая рабовладельческому обществу.

С наибольшей силой и ясностью перестройка общественного сознания проявилась в сфере религии. Это выразилось, в частности, в попытках создать, все еще в рамках полисной религии, единый для всей империи культ верховного и всемогущего, как правило, солнечного божества. В том же направлении эволюционировали и религиозные настроения народных масс, все чаще искавших в культе не помощи в конкретном деле, находящемся в «ведении» того или иного божества, а утешения во всех жизненных горестях и обретения душевного равновесия через индивидуальное приобщение к божественной силе, мудрости и благодати. В древних земледельческих и солнечных культах упор теперь делается преимущественно на единое животворное начало всего сущего, приобретают популярность дуалистические учения (например, митраизм) с их представлениями о равновеликости и бескомпромиссной борьбе добра и зла. Однако яснее и последовательнее всего на духовные запросы своего времени ответило христианство, на долю которого выпал поэтому наибольший успех.

Христианизация империи. Христианство представляло собой уже не полисную, а мировую религию, преодолевающую жесткие этнические и социально-правовые барьеры, присущие умирающему античному обществу. «Для Бога нет ни эллина и иудея, ни свободного, ни раба», — говорится в одном из посланий апостола Павла. Бог христиан воплощает в себе мировой порядок, его величие столь беспредельно, что в сравнении с ним любые социальные градации и общности оказываются несущественными, поэтому ему предстает абстрактный человек, оцениваемый по его личным качествам, а не по принадлежности к той или иной общественной группе. Связь человека с Богом мыслится в христианстве как основополагающая, опосредующая его связи с другими людьми. Соответственно истинная благодать достигается не суетными мирскими усилиями (к каковым относилась и всякая гражданская деятельность), а через близость к Богу, понимаемую одновременно как прижизненная причастность его величию («Царстве Божее внутри вас») и как посмертное воздаяние за праведную жизнь. Отсюда следует, что человеку надлежит заботиться не о внешних обстоятельствах своего существования, но о духовном и уповать во всем на Бога. Так в превращенной форме христианство отразило социальную действительность поздней античности: далеко зашедшее стирание национальных, политических, отчасти правовых и идеологических различий;

прогрессирующее исчезновение привычных общественных гарантий существования, делавшее человека беззащитным перед лицом все более авторитарной политической власти, природных и экономических катаклизмов; отсутствие общего для всех обездоленных реального выхода из тупика, в который завело общество рабство; растущая разобщенность людей, их социально-психологическое одиночество и индивидуализм как проявление кризиса общественного строя.

Распространению христианства немало способствовало и то обстоятельство, что оно предлагало своим приверженцам не только мировоззрение (более стройное и содержательное, чем в соперничавших религиях), но и сплоченную церковную организацию. Принадлежность к ней временами была небезопасна, но зато обеспечивала прихожанам многообразную моральную и материальную помощь, объединяла их в коллектив. Своим влиянием, а постепенно и богатством христианская община объективно, часто и субъективно, противостояла государству и его идеологии. Периодические гонения на христиан (особенно жестокие в середине III и в первые годы IV в., при Диоклетиане) возымели, однако, противоположный результат, способствовали сплочению христианских общин и привлечению в них новых членов, плененных душевной стойкостью мучеников за веру и солидарностью их единомышленников. Убедившись в тщетности попыток сломить христианскую церковь, преемники Диоклетиана прекратили преследования и постарались поставить ее на службу государству, делая при этом акцент на те стороны христианского учения, которые могли быть использованы для пресечения социальных конфликтов: идеи смирения, непротивления злу насилием, признания греховности всего человеческого рода, тезис «нет власти не от Бога».

В 313 г. императоры Лициний и Константин, сами оставаясь еще язычниками, издали знаменитый Медиоланский (Миланский) эдикт, предоставлявший христианам свободу вероисповедания. Их перестали принуждать к совершению языческого обряда поклонения гению императора, а христианская церковь получила даже некоторые привилегии, в частности статус юридического лица, позволявший ей наследовать имущество. Церковь не замедлила откликнуться на этот шаг, и уже в 314 г. епископы Галлии призвали своих единомышленников не уклоняться впредь от воинской службы, вообще не чураться гражданской деятельности. В 323 г. христианин стал консулом, и очень скоро церковная организация оказалась подключенной к системе государственного управления. Со своей стороны, императоры оказывали церкви растущую поддержку. В 325 г. в малоазийском городе Никее, с целью уладить спорные богословские вопросы, упорядочить богослужение и церковную догматику, под эгидой императора Константина I был созван Все-ленский собор, т.е. собрание всего высшего христианского духовенства. На соборе был выработан так называемый Символ веры — краткое официальное изложение сути христианского учения, произведен отбор и канонизация текстов священных для христиан книг, сформулированы обязательные для них правила

поведения; несогласные (а таких было немало) объявлялись еретиками, иначе говоря, отколовшимися от церкви.

Сам Константин принял крещение лишь на смертном одре в 337 г., но его преемники были уже христианами, а в 381 г. христианство было провозглашено государственной религией и начались преследования уже язычников. Столетие спустя в язычестве продолжали упорствовать главным образом жители глухих сельских районов и отдельные прослойки городской интеллигенции, основная же масса населения была обращена в христианство. Однако обращение это носило нередко формальный характер. В своих представлениях и повседневной жизни многие из принявших крещение еще долго оставались язычниками и даже совершали языческие обряды. Подлинная христианизация культуры произошла в Западной Европе уже в эпоху средневековья.

Формы социального протеста. Кризис античного общества проявился также в обострении социальных конфликтов. Усилившийся налоговый гнет, произвол чиновников, притеснения со стороны магнатов, бесчинства германских наемников, вторжения варваров — все это усугубляло прежние социальные противоречия, вовлекало в социальную борьбу новые группы населения. В народных движениях III—V вв. активно участвуют не только рабы, но и колоны, мелкие земельные собственники, городской плебс, иногда и средние слои общества — куриалы. Эти движения переплетаются с внутривластной борьбой и вторжениями иноземцев, сепаратистскими выступлениями провинциальной знати и конфессиональными конфликтами.

Наряду со старыми формами сопротивления — бегством рабов от своих господ и налогоплательщиков от государственных чиновников — в этот период проявляются и более активные формы, в том числе восстания, направленные как против латифундистов, так и государства в целом. Самое крупное из этих восстаний связано с движением багаудов (от кельтского «бага» — борьба), охватившим Северо-Западную Галлию, особенно Арморик, позднее также Северо-Восточную Испанию. Выступления багаудов продолжались с перерывами с III по V в. и были особенно интенсивными в 30 – 50-е годы V в. Это были мелкие землевладельцы, в основном, видимо, кельтского и иберийского происхождения, а также рабы и арендаторы, пытавшиеся отложиться от Рима, установить свои порядки и жить никому не подвластными самоуправляющимися общинами.

Активизируется и социальный протест городского плебса, требовавшего теперь не только хлеба и зрелищ, но и защиты от злоупотреблений местных магнатов, все чаще контролирующих городскую администрацию. Защиты добивались и куриалы. Это побудило Валентиниана I учредить в 365 г. должность дефенсора (защитника) города, призванного оберегать простой народ от притеснений, разбирать жалобы и наблюдать за отправлением правосудия. Первоначально дефенсоры назначались из Рима, затем их стали выбирать сами горожане, обычно отдававшие предпочтение кому-то из именитых сограждан, например, епископу. Очень скоро поэтому пост

дефенсора оказался в руках городской верхушки и к середине V в. лишился прежнего значения.

Достаточно часто народные движения облекались в одежды религиозного протеста или сочетались с ним. В языческий период истории Римской империи сопротивление рабовладельческому обществу и государству чаще всего проявлялось в исповедании христианского вероучения. С превращением христианства в государственную религию эту функцию стали выполнять различные ереси, иногда также язычество. Ереси IV—V вв. по преимуществу питались не народным истолкованием Евангелия, а богословской мыслью, тонкости которой простому люду обычно были недоступны. Тем не менее многие массовые движения того времени происходили под знаменем того или иного еретического учения: арианства, несторианства, монофизитства на Востоке (см. гл. 5), донатизма и пелагианства на Западе.

Пелагианство, названное так по имени священника Пелагия (начало V в.), отвергавшее один из основных догматов христианской Церкви о греховности человеческого рода, делало из этого далеко идущий вывод о противоправности рабства и других форм социального угнетения. Получив значительное распространение, особенно в Галлии, пелагианство послужило одним из важных источников еретической мысли средневековья, но не породило массового народного движения.

Иначе было в Северной Африке, где действовали донатисты — последователи жившего в начале IV в. епископа Доната. Они ратовали за очищение церкви от мирской скверны, настаивали на вторичном крещении грешников, выступали против вмешательства государства в церковные дела. Донатистов поддерживали различные слои населения Северной Африки, от сепаратистски настроенной части знати до рабов, мелких арендаторов и городских низов, видевших в донатистском учении отрицание ненавистных им порядков как безбожных. К середине IV в. в рамках донатизма оформилось течение так называемых агонистиков («борющихся»), иначе циркумцелимонов («блуждающих вокруг хижин»). Они отвергали существующий мир как несправедливый и стремились либо добровольно уйти из него через аскетизм или самоубийство, либо преодолеть его несправедливость силой, изгоняя священников и сборщиков налогов, освобождая рабов, уничтожая долговые расписки и т.д. Подобные действия вызывали осуждение со стороны донатистского духовенства и карательные меры со стороны государства, нередко воспринимавшиеся агонистиками как возможность уйти в мир иной.

Народные движения эпохи домината немало способствовали расшатыванию основ рабовладельческого общества, но уничтожить его не могли. Эксплуатируемые массы империи представляли собой конгломерат множества социальных групп, разделенных сословными перегородками и несовпадающими интересами. Мелкие земельные собственники, арендаторы и даже колонны нередко сами являлись рабовладельцами. Городской плебс, существовавший в значительной мере за счет государства, оказывался

соучастником эксплуатации налогоплательщиков. Вторгавшиеся на территорию империи варвары также были не прочь захватить рабов, обложить данью землевладельцев. Отношение обездоленных слоев населения римского государства к варварам было неоднозначным: иногда они приветствовали их, помогая овладеть городом (как случилось в 410 г. в Риме), в других случаях вместе с регулярными войсками оказывали им сопротивление. Союз низших слоев империи с варварами в реальной истории не имел места.

2. Падение Западной Римской империи и образование варварских королевств

Причины Великого переселения народов. Период с IV в. по VII в. вошел в историю Европы как эпоха Великого переселения народов, названная так потому, что на эти четыре столетия приходится пик миграционных процессов, захвативших практически весь континент и радикально изменивших его этнический, культурный и политический облик. Это эпоха гибели античной цивилизации и зарождения феодализма.

Усиление имущественного и социального неравенства подталкивало различные слои варварских племен к тому, чтобы попытаться захватить новые, занятые чужаками, земли — на этой стадии развития варварское общество склонно к экспансии. Сказалось также давление шедших с Востока степных кочевников. Однако наиболее общей причиной, повлекшей одновременное перемещение огромной разноплеменной массы людей, по всей видимости, было резкое изменение климата. Приблизительно со II в. начинается и к V в. достигает максимума похолодание, вызвавшее усыхание сухих и увлажнение влажных почв с соответствующими изменениями растительного покрова. Эти перемены отрицательно сказались на условиях хозяйствования как кочевых народов евразийских степей, так и оседлого населения европейского севера, побуждая и тех, и других искать новую среду обитания в более южных широтах.

Ухудшение климата хронологически совпало для многих варварских племен Европы с разложением у них родоплеменного строя. Экстенсивное по преимуществу развитие производства и сопутствовавший ему рост народонаселения натолкнулись в начале новой эры на ограниченность природных ресурсов лесной отчасти и лесостепной зоны континента, которые при тогдашнем уровне производительных сил были менее удобны в хозяйственном отношении, чем районы Средиземноморья. В числе основных причин миграций нужно назвать и внешнеполитические факторы, а именно: давление одних варварских племен (чаще всего кочевых) на другие и ослабление Римской империи, оказавшейся более неспособной противостоять натиску со стороны своих окрепших соседей. В IV — V вв. главную роль в Великом переселении играли германские и тюркские, впоследствии также славянские и угро-финские племена.

Передвижения германских племен. Родиной германцев были северные, приморские области Германии, Ютландия и Южная Скандинавия. Южнее жили кельты, восточнее — славяне и балты. Первая волна германской

экспансии вылилась в грандиозные перемещения кимбров и тевтонов, за четверть века исколесивших пол-Европы (крайние точки: Ютландия, Венгрия, Испания) и наконец в 102-101 гг. до н.э. разгромленных Гаем Марием в отрогах Западных Альп. Вторая волна приходится на 60-е годы I в. до н.э., когда свевы под предводительством Ариовиста попытались закрепиться в Восточной Галлии. В 58 г. до н.э. они были разбиты Цезарем. Однако к этому времени германцы уже прочно обосновались на среднем Рейне, к концу столетия и на верхнем Дунае, покорив и по большей части ассимилировав местное кельтское население. Дальнейшее продвижение германцев на юг было остановлено римлянами, поэтому с конца I в. до н.э. экспансия их направляется в основном на восток и юго-восток: в верховья Эльбы и Одера, на средний, затем и нижний Дунай.

После разгрома в Тевтобургском лесу (9 г. н.э.) римляне больше не предпринимали серьезных попыток завоевать Германию. Редкие экспедиции вглубь германской территории носили по преимуществу демонстрационный характер; более действенным было признано дипломатическое вмешательство, позволявшее при помощи подкупа, шантажа и натравливания одних племен на другие удерживать пограничных варваров от нападения. Граница же установилась по Рейну и Дунаю, где впредь в многочисленных крепостях было сосредоточено большинство легионов. В последней трети I в. н.э. для облегчения переброски войск в стратегически важном районе Шварцвальда были сооружены новые мощные укрепления — лимес; земли между лимесом, Рейном и Дунаем (так называемые Десятинные поля) были заселены приглашенными из Галлии кельтами. В начале II в. римляне захватили также Дакию, обезопасив себя от варварских набегов и на нижнем Дунае.

Положение стало меняться во второй половине II в., когда в ходе так называемой Маркоманской войны (166—180) значительные массы варваров впервые прорвали римскую границу, создав угрозу даже Италии. Марку Аврелию с трудом удалось отбросить их за Дунай, но с этого времени германские вторжения заметно учащаются. Борясь с ними и сталкиваясь с падением боеспособности и численности собственных войск, римляне пошли по пути поселения отдельных варварских племен на территории империи, переобучая их охрану ряда рубежей; одновременно усилилась варваризация самой римской армии.

В 50-е годы III в., воспользовавшись охватившей империю смутой, германцы проникли на римскую территорию сразу на нескольких участках. Наибольшую опасность для Рима представляли вторжения аламанов и франков в Галлию и дальше в Испанию, а также появление готов на северных Балканах, откуда они совершали набег в внутренние районы полуострова и пиратские нападения с моря на побережье Пропонтиды и Эгеиды. Франки и аламаны были оттеснены за Рейн приблизительно в 260 г.; последние, правда, закрепились на Десятинных полях. На Балканах в 269 г. готы потерпели сокрушительное поражение при Наиссусе и отступили за Дунай. Однако, несмотря на несомненный успех, года спустя римляне эвакуировали

войска и гражданское население из Дакии. После этого граница на несколько десятилетий стабилизировалась. В дальнейшем, несмотря на периодические вторжения и мятежи германских поселенцев (например, в середине IV в., когда франки и аламаны вновь попытались перейти в наступление), римляне прочно удерживали рейнско-дунайский вал: на Западе — до 406 г., на Востоке — до последней трети VI в.

Вестготы. К середине IV в. из объединения готских племен выделились союзы западных и восточных готов (иначе вест- и ост-готовов), занимавшие соответственно земли между Дунаем и Днепром и между Днепром и Доном, включая Крым. В состав союзов входили не только германские, но также фракийские, сарматские, возможно, и славянские племена. В 375 г. остготский союз был разгромлен гуннами — кочевниками тюркского происхождения, пришедшими из Центральной Азии и подчинившими к этому времени некоторые угорские и сарматские племена, в том числе аланов. Теперь эта участь постигла и остготовов.

Спасаясь от гуннского нашествия, вестготы в 376 г. обратились к правительству Восточной Римской империи с просьбой об убежище. Они были поселены на правом берегу нижнего Дуная Мезии, в качестве федератов — союзников с обязательством охранять дунайскую границу в обмен на поставки продовольствия. Едва ли через год вмешательство римских чиновников во внутренние дела вестготов (которым было обещано самоуправление) и злоупотребления поставками вызвали восстание вестготов; к ним примкнули отдельные отряды из других варварских племен и многие рабы из поместий и рудников Мезии и Фракии. В решающем сражении у Адрианополя в 378 г. римская армия была наголову разбита, при этом погиб император Валент.

В 382 г. новому императору Феodosию I удалось подавить восстание, но теперь вестготам для поселения была предоставлена не только Мезия, но также Фракия и Македония. В 395 г. они снова восстали, опустошив Грецию и вынудив римлян выделить им новую провинцию — Иллирию, откуда они, начиная с 401 г., совершали набеги в Италию. Армия Западной Римской империи состояла к этому времени по большей части из варваров, во главе ее стоял андал Стилихон. В течение нескольких лет он достаточно успешно отбивал нападения вестготов и других германцев. Хороший полководец, Стилихон вместе с тем понимал, что силы империи истощены, и стремился по возможности откупиться от варваров. В 408 г., обвиненный в потворстве своим соплеменникам, разорявшим тем временем Галлию, и вообще в чрезмерной уступчивости варварам, он был смещен и вскоре казнен. Взявшая верх «антигерманская партия» оказалась, однако, неспособной организовать сопротивление варварам. Вестготы снова и снова вторгались в Италию, требуя все большей контрибуции и новых земель. Наконец в 410 г. Аларих после долгой осады взял Рим, разграбил его и двинулся на юг Италии, намереваясь переправиться в Сицилию, но по пути внезапно умер.

Падение Вечного города произвело страшное впечатление на современников, многие восприняли это событие как крушение всей империи

и даже как начало светопреставления. Однако, получив военную помощь с Востока, правительство Западной Римской империи сумело в короткий срок взять ситуацию под контроль. С вестготами было заключено соглашение: преемник Алариха Атаульф получал в жены сестру императора Гонория Галлу Плацидию и обещание земель для поселения в Аквитании. С 412 г. вестготы воюют в Галлии и Испании с врагами империи, иногда и против нее пока в конце концов не оседают -- формально на правах федератов — в Юго-Западной Галлии, в районе Тулузы, ставшей столицей их государства — первого варварского государства возникшего на территории империи (418г.).

Вандалы. Поражение римлян под Адрианоподем совпало по времени с их последним походом за Рейн, после чего они окончательно перешли к обороне и на западном участке границы. Охрана рубежей на нижнем Рейне была поручена франкам, которым пришлось уступить крайний север Галлии — Токсандрию; на среднем Рейне и верхнем Дунае все еще преобладали римские гарнизоны, местами поддерживаемые аламаническими федератами. В 406 г., пользуясь тем, что основные силы Западной Римской империи были отвлечены на борьбу с вестготами, вандалы, аланы и квады (принявшие теперь имя свевов), преодолев сопротивление франков, прорвали римский лимес в районе Майнца и хлынули в Галлию. Другая часть вандалов, аланов и свевов присоединилась к остготскому союзу, возглавлявшемуся Радагайсом; вместе они форсировали Дунай возле Аугсбурга и через Норик вторглись в Италию. В 406 г. недалеко от Флоренции Стилихон разгромил войско Радагайса, год спустя британские легионы восстановили границу на среднем Рейне, но выдворить варваров из Галлии римлянам уже не удалось. Разорив восточные, центральные и юго-западные районы страны, вандалы, аланы и свевы в 409 г. пересекли Пиренеи и ворвались в Испанию, закрепившись в основном в ее западных областях.

Наибольшую опасность для Рима в тот период представляли вандалы, к которым в 416 г. присоединились остатки разбитых вестготами аланов. Отличаясь особой дикостью и агрессивностью, они не шли на договор с империей, не оседали в какой-то одной местности, предпочитая временный захват и грабеж все новых и новых территорий. Между 422 и 428 гг. жертвами вандалов стали приморские города Восточной Испании. Завладев находящимися там кораблями, они в 429 г. под предводительством Гейзериха высадились в Африке в районе Тингиса (Танжера) и начали наступление на запад.

Римское господство в Северной Африке было основательно поколеблено участвовавшими набегами берберских племен, только что закончившейся войной наместника, Бонифация против центрального правительства, наконец, непрекращающимися выступлениями народных масс. В этой обстановке вандалы без труда преодолели за год 1000 км и осадили Гиппон-Регий, где епископом был знаменитый христианский богослов Августин. Взяв город в 431 г. после 14-месячной осады, вандалы четыре года спустя вырвали у империи согласие на владение захваченными землями в качестве федератов. Мир был, однако, недолгим. Уже в конце 435 г. вандалы заняли Карфаген и,

получив в свои руки огромный торговый флот, стали совершать налеты на побережье Сицилии и Южной Италии. В 442 г. римское правительство было вынуждено признать их полную независимость и власть над большей частью Северной Африки.

Гунны. Потеря главных африканских провинций, снабжавших Италию зерном и оливковым маслом, явилась для римлян тяжелым ударом: враг обосновался в глубоком тылу. И все же военная угроза исходила прежде всего с севера. После вторжений 406 г. имперские войска уже почти не контролировали рейнско-дунайский вал. Римские гарнизоны оставались лишь в некоторых пунктах Реции и Норика, тогда как защита рейнского рубежа была почти всецело передана германским федератам — теперь уже не только франкам, но также бургундам, пришедшим вслед за вандалами и обосновавшимся на среднем Рейне в районе Вормса, и аламаннам, постепенно занявшим современный Эльзас. Что же касается Паннонии, то там к 20-м годам V в. прочно утвердились гунны.

С гуннами Рим столкнулся еще в 379 г., когда те, идя по пятам вестготов, вторглись в Мезию. С тех пор они неоднократно нападали на балканские провинции Восточной Римской империи, иногда терпели поражение, но чаще уходили лишь по получении откупного, так что понемногу константинопольское правительство превратилось в их данника. Отношения гуннов с Западной Римской империей поначалу строились на другой основе: гуннские наемники составляли заметную часть западноримской армии, особенно с 20-х годов V в., главная императорская резиденция использовала их для борьбы с то и дело поднимавшими мятеж франками и бургундами, обосновавшимися на Рейне, а также с багаудами — крестьянами северо-западной Галлии, пытавшимися отложиться от Рима и жить никому не подвластными самоуправляющимися общинами.

В 436 г. гунны, возглавляемые Атилой (за свои насилия прозванным христианскими писателями Бичом Божьим), разгромили королевство бургундов; это событие легло в основу сюжета «Песни о Нибелунгах». В результате часть бургундов влилась в состав гуннского союза, другая была переселена римлянами к Женевскому озеру, где позднее, в 457 г., возникло так называемое Бургундское королевство с центром в Лионе.

В конце 40-х годов ситуация изменилась. Атила стал вмешиваться во внутренние дела Западной Римской империи и претендовать на часть ее территории. В 451 г. гунны вторглись в Галлию| вместе с ними шли гепиды, герулы, остготы, ругии, скиры, другие германские племена. В решающем сражении на Каталаунских полях (близ Труа в Шампани) римский полководец Аэций, бывший когда-то заложником у гуннов и не раз водивший в бой гуннские отряды, с помощью вестготов, франков и бургундов разбил войско Атилы. Это сражение по праву считается одним из важнейших в мировой истории, поскольку на Каталаунских полях в известной мере решалась судьба не только римского владычества в Галлии, но и всей западной цивилизации.

Однако силы гуннов отнюдь еще не были исчерпаны. На следующий год Атила предпринял поход в Италию, взяв Аквилею, Милан, ряд других городов. Лишенная поддержки германских союзников римская армия оказалась не в состоянии ему противостоять, но Атила, опасаясь поразившей Италию эпидемии, сам ушел за Альпы. В 453 г. он умер, и среди гуннов начались усобицы. Два года спустя восстали подчиненные им германские племена. Потерпев поражение сначала от гепидов, затем от остготов, гунны откочевали из Паннонии в Северное Причерноморье. Держава гуннов распалась, остатки их постепенно смешались с идущими с востока тюркскими и угорскими племенами.

Крушение Западной Римской империи. Победа на Каталаунских полях явилась последним крупным успехом Западной Римской империи. В 454 г. по приказанию Валентиниана III был убит чрезмерно популярный и независимый, по его мнению, Аэций. В 455 г. от рук одного из военачальников Аэция свева Рикимера погиб сам император. После этого началась политическая чехарда: за 21 год на престоле Западной Римской империи сменилось 9 правителей, ставленников италийской или галльской знати, варварской армии под командованием Рикимера (сместившего или убравшего не одного августа), а после его смерти в 472 г. — Византии, вандалов и бургундов. Это время дальнейшего нарастания кризиса империи и стремительного сокращения ее границ.

В мае 455 г., вскоре после убийства Валентиниана III, вандальский флот внезапно появился в устье Тибра; в Риме вспыхнула паника, император Петроний Максим не сумел организовать сопротивление и погиб. Вандалы без труда захватили город и подвергли его 14-дневному разгрому, уничтожив при этом множественных памятников культуры. Отсюда происходит термин «вандализм», которым обозначают намеренное бессмысленное уничтожение культурных ценностей.

Вандалы не пытались закрепиться в Италии, но с этого времени твердо контролировали все крупные острова и морские коммуникации в Западном Средиземноморье. Тогда же начинается экспансия бургундского государства. В 461 г. бургунды овладевают Лионом и начинают успешное продвижение вниз по Роне, в сторону Прованса, и одновременно на север, завоевав к концу 70-х годов те земли, которые в средние века и получили название Бургундия. Навстречу им с севера, на территорию нынешней Лотарингии, продвигались франки, а с северо-востока, в современный Эльзас (позднее также в немецкую Швейцарию) — аламаны. Наибольший успех в этот период выпал на долю вестготов, понемногу занявших прилегающие к Бискайскому заливу области Аквитании, а затем большую часть Центральной Галлии, до среднего течения Луары.

В отличие от вандалов вестготы, бургунды, франки и аламаны формально оставались федератами, их правители имели высший римский титул патриция, контролируемые ими земли продолжали считаться частью римского государства. Однако на деле это были уже вполне самостоятельные политические образования притом далеко не всегда дружественные по

отношению к Риму. Вестготы, например, неоднократно пытались захватить средиземноморские области римской Галлии. Будучи призваны в начале 50-х годов в Испанию для борьбы с багаудами, а также со свевами, прочно обосновавшимися на северо-западе страны и регулярно совершавшими набеги в другие ее районы, вестготы действительно помогли римлянам разгромить и тех, и других, но уйти из Испании уже не пожелали. К началу 70-х годов они шаг за шагом подчинили почти весь полуостров, кроме удерживаемого свевами северо-запада и твердынь басков в Западных Пиренеях и Кантабрии. То обстоятельство, что вестготы выступали не как враги, а как уважающие римские законы федераты империи, лишь облегчило им расширение своего государства.

В последние годы своего существования Западная Римская империя являла собой причудливое и в целом печальное зрелище. Под прямым контролем Равенны оставались: Италия (без островов), приморская часть Иллирии, некоторые районы в Реции и Норике, три оторванные друг от друга области Галлии — Прованс, Овернь и территория между средним течением Луары, Соммой и Ла Маншем (будущая Нейстрия), а также прибрежная Мавритания и, может быть, отдельные пункты в Юго-Восточной Испании. При этом центральное правительство, как правило, не было в состоянии реально помочь удаленным от Италии провинциям, предоставляя местным властям самим решать возникающие проблемы.

Ярким примером служит история Британии, которая после 408 г. с уходом римских легионов была, по сути дела, брошена на произвол судьбы. На неоднократные мольбы жителей Британии о помощи против вторгавшихся из Ирландии и Шотландии кельтов западно-римское правительство, насколько известно, не реагировало. Некоторое время британцы защищались самостоятельно, затем, в 20-е годы, пригласили с этой целью германское племя саксов выделить им для поселения земли в юго-восточной части острова в Кенте. В 40-е годы саксы перестали повиноваться римским властям, объявили себя независимыми и, опираясь на все прибывающие с континента отряды соплеменников (а также англов, ютов и фризов), начали войну с вчерашними хозяевами острова. Британцы сопротивлялись, время от времени нанося противнику серьезные поражения (перипетии этой борьбы в преобразованном виде нашли отражение в легендах о короле Артуре), но постепенно отступали все дальше на запад к Ирландскому морю. Нечто подобное происходило и на других территориях, где еще сохранялась римская государственность. В Норике римская власть удерживалась в некоторых городах лишь благодаря союзу с германским племенем ругиев, которым платили что-то среднее между данью и жалованьем за службу; в Мавритании сохранность римских порядков зависела от умения местных магнатов договориться с берберами; Овернь долгое время оставалась римской из-за соперничества бургундов и вестготов. Даже в самой Италии власть императора обеспечивалась главным образом поддержкой почти полностью варварской армии, периодически помогавшейся увеличению жалованья.

В 476 г. варвары и здесь потребовали земель для поселения; отказ римлян удовлетворить это требование привел к государственному перевороту: предводитель германских наемников Одоакр из племени скиров сместил последнего западно-римского императора Ромула Августула и был провозглашен солдатами конунгом Италии. Заручившись поддержкой римского сената, Одоакр отослал знаки императорского достоинства в Константинополь с заверениями в послушании. Восточноримский василевс Зенон, вынужденный признать сложившееся положение вещей, пожаловал ему титул патриция, тем самым узаконив его власть над италийцами. Так прекратила существование Западная Римская империя.

Варварские королевства после падения Западной Римской империи. Свержение Ромула Августула принято считать концом не только Западной Римской империи, но и всего античного периода истории. Дата эта, разумеется, условная, символическая, поскольку большая часть империи уже давно находилась вне реального контроля равеннского правительства, так что образование еще одного варварского государства, теперь уже на территории Италии, знаменовало завершение длительного процесса.

Великое переселение народов отнюдь не закончилось в 476 г. В VI в. приходят в движение баски: успешно сдерживая натиск вестготов в Кантабрии и Пиренеях, они одновременно начинают колонизацию галльских земель к югу и западу от Гаронны (о чем свидетельствует, помимо всего прочего, закрепившийся за этой территорией топоним Гасконь). Продолжается миграция в Британию саксов, англов и их союзников, и к концу раннего средне-вековья ее уже обычно называют Англией, тогда как северо-западная оконечность Галлии — Арморик, куда переселилась часть бежавших от германцев бритов, получила название Бретань. Другая часть саксов с лангобардами переместилась с низовий Эльбы на верхний Дунай, в то время едва ли не самый беспокойный район Европы, где одно германское племя чаще всего сменяло другое, а посреди этой варварской стихии еще несколько десятилетий сохранялись островки римского населения.

Лежащая дальше на восток Паннония стала в VI в. ареной борьбы между германцами, славянами и аварами — тюркоязычными по преимуществу племенами, пришедшими из евразийских степей. Последние в итоге взяли верх и в 60-е годы VI в. создали на среднем Дунае могущественную державу, терроризировавшую всех своих соседей, — Аварский каганат. К тому же примерно времени относится начало массовых вторжений славян на Балканы и их постепенное движение на запад к Эльбе и Альпам. Средиземноморье в то время оставалось относительно спокойным; положение стало меняться в середине VII в., когда в Леванте, а затем в Египте и Северной Африке обосновались арабы, которые стали оказывать все более заметное воздействие на исторические судьбы Западной Европы.

После падения Западной Римской империи ее провинциальные владения были скоро захвачены варварами. Вестготы окончательно утвердились на большей части Испании, закрепили за собой Овернь и поделили с бургундами Прованс, вандалы тем временем прибрали к рукам мавританские

порты. Дольше всех сопротивлялись римляне Северной Галлии, создавшие там самостоятельно государство. Однако в 486 г. близ Суассона они потерпели поражение от салических (приморских) франков, захвативших после этого все галльские земли к северу от Луары, кроме Арморики.

К концу V в. на обломках Западной Римской империи сложилось несколько варварских королевств: Вандальское, Вестготское, Свевское, Бургундское, Франкское и государство Одоакра в Италии. Племена, обитавшие во внутренних областях Германии, равно как в Британии, а тем более в Скандинавии, еще не имели собственной государственности. Судьба этих политических образований была неодинаковой. Наименее долговечным оказалось созданное бывшими наемниками, в основном из числа герулов, скиров и некоторых других столь же немногочисленных германских племен, государство Одоакра — видимо, потому, что не обладало прочной племенной основой. В 493 г. оно было уничтожено пришедшими из Норика и Паннонии остготами; возглавлял их конунг Теодорих (493-526), действовавший с ведома восточноримского императора Зенона. Королевство остготов, включавшее помимо Италии Сицилию, Норик, часть Паннонии и Иллирии, а позднее также Прованс, вскоре стало самым сильным в Западной Европе, но в 555 г., после затяжной войны, было завоевано Византией. Еще раньше, в 534 г., эта участь постигла королевство вандалов (см. гл. 5).

Наиболее жизнеспособным и динамичным оказалось Франкское королевство (см. гл. 4). В сражении возле Пуатье в 507 г. франки одержали решительную победу над вестготами и в течение нескольких месяцев захватили почти все их владения в Галлии, включая Тулузу. Вмешательство остготов предотвратило завоевание франками и действовавшими в союзе с ними бургундами средиземноморских областей Галлии. Прованс около 510 г. отошел к остготам, Септимания осталась за вестготами, чья столица была перенесена за Пиренеи в Толедо. Однако с этого времени верховенство в Галлии перешло к франкам. В 534 г. они завоевали королевство бургундов.

Дальнейшая история варварских королевств связана с завоевательной политикой восточноримского императора Юстиниана I. Помимо Северной Африки и Италии ему удалось отобрать в 551 г. у ослабевших вестготов ряд городов в Южной Испании: Картахену, Кордову, Малагу и др. Но развить успех византийцы уже не сумели. В 568 г., теснимые аварами, на Апеннинский полуостров вторглись лангобарды, в считанные годы овладевшие большей Северной и Южной Италией, после чего Константинополь перешел к обороне и уже не пытался расширить владения империи. Тем временем в наступление перешло стабилизировавшееся королевство вестготов. В 585 г. они положили конец независимости свевов и одновременно начали теснить византийцев, отвоевав южную часть полуострова к 636 г. Северная Африка оставалась в руках Константинополя до арабского завоевания в 60-е гг. VII в. В начале VIII столетия арабы вышли к Гибралтарскому проливу, пересекли его и за несколько лет полностью уничтожили Вестготское королевство.

Тема 1.2. Франкское государство в V — IX вв.

План

- 1. Франкское завоевание Галлии. Королевство Меровингов**
- 2. Франкское государство при Каролингах**
- 3. Возникновение Французского королевства.**

1. Франкское завоевание Галлии. Королевство Меровингов

В 486 г. в результате франкского завоевания в Северной Галлии возникло Франкское королевство, во главе которого стоял вождь салических франков Хлодвиг (486-511) из рода Меровея (отсюда династия Меровингов). Так начался первый период истории франкской державы — с конца V до конца VII в., обычно называемый меровингским периодом.

При Хлодвиге была завоевана Аквитания (507), при его преемниках — Бургундия (534); остготы уступили франкам Прованс (536). К середине VI в. Франкское королевство включало почти всю территорию бывшей римской провинции Галлии. Франки подчинили себе также ряд германских племен, живших за Рейном: верховную власть франков признали тюринги, аламаны и бавары; саксы принуждены были платить им ежегодную дань. Франкское королевство просуществовало значительно дольше, чем все другие варварские королевства континентальной Европы, многие из которых (сначала часть Вестготского и Бургундское, затем Лангобардское) оно включило в свой состав.

История Франкской державы позволяет проследить развитие феодальных отношений от самой ранней стадии до преобладания и территории феодального уклада; от зарождения раннефеодального королевства до его расцвета в виде первой на Западе средневековой империи — Каролингской. Процесс феодализации происходил здесь в форме синтеза разлагающихся римских и германских родоплеменных отношений. Соотношение тех, и других было неодинаково на севере и на юге королевства. К северу от Луары романизация галльского населения в I — начале V в. была заметно слабее, чем на юге страны. Однако согласно новейшим данным археологии и аэрофотосъемки, в эти столетия здесь оставалось много римских рабовладельческих вилл, где главной рабочей силой были рабы и колонаты, и даже после франкского завоевания основную массу населения составляли галло-римляне.

С другой стороны, для этих областей была характерна и более быстрая, и глубокая варваризация общества, чем в южных частях королевства в ходе франкских завоеваний. Это объяснялось тем, что франки к концу V в. находились на более низком уровне общественного развития, чем, например, вестготы или бургунды, не говоря уже о галло-римлянах. Принесенные ими примитивные отношения поэтому способствовали распространению здесь разлагающегося родоплеменного уклада. Кроме того, после первой волны франкских вторжений при Хлодвиге последовали другие в VI и VII вв., значительно усиливавшие германизацию и варваризацию этой области.

Первоначально франки селились здесь изолированно от галло-римского населения. Это, с одной стороны, консервировало их примитивный варварский строй, с другой - на первых порах замедляло взаимодействие с галло-римским населением, с его разлагающимся рабовладельческим укладом.

К югу от Луары варварское население — сначала бургундов и вестготов, а затем и франков — было малочисленное, чем на севере, но зато проживало по большей части в одних и тех же поселениях с местными жителями. Поэтому влияние разлагающихся позднеантичных отношений было здесь более сильным и длительным, разложение варварских общественных порядков происходило быстрее, но складывание новых феодальных отношений шло медленнее, чем на севере.

При этом и на севере, и на юге Франкского королевства важным фактором варварского влияния в процессе феодального синтеза было сосредоточение политической власти в руках варварской верхушки, облегчавшее ей насаждение своих порядков. На первом этапе существования Франкского королевства (конец V — конец VII в.) на севере Галлии позднеримская и варварская структуры существовали в виде различных укладов: разлагающихся рабовладельческого и варварского, родоплеменного, а также зарождающегося феодального (коллат, разные формы поземельной зависимости, дружинные отношения у франков), которому принадлежало будущее.

«Салическая правда». Важнейшим источником для изучения общественного строя франков (преимущественно Северной Галлии) в меровингский период является «Салическая правда» (Lex Salica). Она представляет собой запись судебных обычаев салических франков, произведенную, как полагают, в начале VI в., еще при Хлодвиге. Римское влияние сказалось здесь гораздо меньше, чем в других варварских правдах, и обнаруживается главным образом во внешних чертах: латинский язык, штрафы в римских денежных единицах.

«Салическая правда» в более или менее чистом виде архаические порядки, существовавшие у франков еще до нее, и слабо отражает жизнь и правовое положение галло-римского населения. Но на протяжении VI-IX вв. франкские короли делали все новые и новые дополнения к «Салической правде» поэтому в сочетании с другими источниками более позднего периода она позволяет проследить также дальнейшую эволюцию от родоплеменного строя к феодализму франкского общества в целом.

Хозяйство и общинная организация франков по данным «Салической правды». В земледелии, которое в VI в. являлось основным занятием франков, по-видимому, уже господствовало двухполье. Помимо зерновых культур — ржи, пшеницы, овса, ячменя — получили широкое распространение бобовые культуры и лен. Активно возделывались огороды, сады, виноградники. Повсеместное распространение получает плуг с железным лемехом. В сельском хозяйстве использовались различные виды рабочего скота: быки, мулы, ослы. Обычными стали двух- или трехкратная

вспашка, боронование, прополка посевов, вместо ручных начали применяться водяные мельницы. Значительно развилось и скотоводство. Франки держали в большом количестве крупный рогатый и мелкий скот — овец, коз, а также свиней и разные виды домашней птицы, занимались охотой, рыболовством, пчеловодством.

Прогресс в хозяйстве был следствием не только внутреннего развития франкского общества, но и результатом заимствования германцами более совершенных методов ведения сельского хозяйства, с которыми они столкнулись на завоеванной римской территории.

В этот период у франков существует вполне развитая частная, свободноотчуждаемая собственность на движимое имущество. Но такой собственности на землю, за исключением приусадебных участков, «Салическая правда» еще не знает. Основной земельный фонд каждой деревни принадлежал коллективу ее жителей свободных мелких земледельцев, составлявших общину. По данным древнейшего текста «Салической правды», франкские общины представляли собой очень разные по размеру поселения состоявшие из родственных семей. В большинстве случаев это были большие (патриархальные) семьи, включавшие близких родственников обычно трех поколений — отца и взрослых сынов их семьями, ведущих хозяйство совместно. Но появлялись уже малые, индивидуальные семьи. Дома и приусадебные участки находились в индивидуальной собственности отдельных больших и малых семей, а пахотные и иногда луговые наделы — в их наследственном пользовании. Однако право свободно распоряжаться наследственными наделами принадлежало только всему коллективу общины. Индивидуально-семейная собственность на землю у франков в конце V и в VI в. только зарождалась. Об этом свидетельствует XII глава «Салической правды» — «Об аллодах», согласно которой земельное наследство в отличие от движимого имущества (оно могло свободно переходить по наследству или передаваться в дар) наследовалось только по мужской линии — сыновьями умершего главы большой семьи, женское потомство исключалось из наследования земли. В случае отсутствия сыновей земля переходила в распоряжение соседей (т.е. общины).

Община имела также ряд других прав на земли, находившиеся в индивидуальном пользовании ее членов. У франков на севере страны существовала «система открытых полей»: все пахотные наделы после снятия урожая и луговые наделы после сенокоса превращались в общее пастбище, и на это время с них снимались все изгороди. Земли под паром также служили общественным пастбищем. Такой порядок связан с чересполосицей и принудительным севооборотом для всех членов общины. Земли, не входившие в приусадебное хозяйство и в пахотные и луговые наделы (леса, пустоши, болота, дороги, неподеленные луга), оставались в общем владении, и каждый член общины имел равную долю в пользовании этими угодьями.

«Салическая правда» предполагает наличие у франков общины. Так, глава XLV «О переселенцах» гласит: «Если кто захочет переселиться в виллу в

данном контексте «вилла» означает деревню. — Ред.) к другому и если один или несколько из жителей виллы-захотят принять его, но найдется хоть один, который воспротивится переселению, он не будет иметь права там поселиться». Если пришелец все же поселится в деревне, то протестующий может изгнать его через суд. Жители виллы здесь выступают как члены общины, регулирующие поземельные отношения в своей деревне.

Община «Салической правды» представляла собой в V—VI вв. переходный этап от большесемейной «земледельческой» общины (где сохранялась коллективная собственность рода на всю землю, включая и пахотные наделы больших семей) к соседской общине-марке, в которой уже господствует индивидуальная собственность малых семей на наделную пахотную землю при сохранении общиной собственности на основной фонд лесов, лугов, пустошей, пастбищ и пр.

В «Салической правде» отчетливо прослеживается еще заметная роль родовых отношений. Сородичи продолжали играть большую роль в жизни свободного франка. Из них состоял тесный союз, включавший всех родичей «до шестого колена» (третьего поколения по нашему счету), все члены которого в определенном порядке обязаны были выступать в суде в качестве соприсяжников (принос присягу в пользу сородича). В случае убийства франка в получении и уплате вергельда участвовала не только семья убитого или убийцы, но и их ближайшие родственники со стороны отца и матери.

Но в то же время «Салическая правда» показывает уже процесс разложения и упадка родовых отношений. Среди членов родовой организации намечается имущественная дифференциация. Глава «О горсти земли» предусматривает случай, когда обедневший сородич не может помочь своему родственнику в уплате вергельда: в этом случае он должен «бросить горсть земли на кого-нибудь из более зажиточных, чтобы тот уплатил все по закону». Наблюдается стремление со стороны более зажиточных членов выйти из союза родичей. Глава IX «Салической правды» подробно описывает процедуру отказа от родства, во время которой человек должен публично, в судебном заседании отказаться от соприсяжничества, от участия в уплате и получении вергельда, от наследства и от других отношений с родичами. В случае смерти такого человека его наследство поступает не родичам, а в королевскую казну.

В конце VI в. под воздействием имущественного расслоения и ослабления родовых связей наследственный надел свободных франков превращается в индивидуальную, отчуждаемую земельную собственность отдельных малых семей — аллод. Ранее, в «Салической правде», этим термином обозначалось всякое наследство: применительно к движимости аллод в ту пору понимался как собственность, но применительно к земле — только как наследственный надел. Но в эдикте короля Хильперика (561—584) во изменение главы «Салической правды» «Об аллодах» было установлено, что в случае отсутствия сына землю могут наследовать дочь, брат или сестра умершего, но «не соседи», т.е. община. Земля становится объектом завещаний, дарений, а затем и купли-продажи, другими словами, превращается в собственность

общинника. Это изменение носило принципиальный характер и вело к дальнейшему углублению имущественной и социальной дифференциации в общине, к ее разложению.

Община сохраняется, но ее права теперь распространяются на неподделанные угодья (леса, пустоши, болота, общественные выпасы, дороги и т.п.), которые продолжают оставаться в коллективном пользовании всех ее членов. К концу VI в. луговые и лесные участки нередко также переходят в аллодиальную собственность отдельных общинников. В ходе становления аллода большая семья все больше уступает место малой индивидуальной семье, состоящей из родителей и детей. Меняет свой характер и община. Из коллектива больших семей она к концу VI в. превращается в объединение индивидуальных семей, владеющих аллодами, - соседскую общину или общину-марку. Она представляет последнюю форму общинного землевладения, в рамках которой завершается разложение родоплеменного строя и зарождаются феодальные отношения.

Социальное расслоение во франкском обществе меровингского периода. Зародыши социального расслоения в среде франков-завоевателей проявляются в «Салической правде» в различных размерах вергельда для разных категорий свободного населения. Для простых свободных франков он составляет 200 солидов, для королевских дружинников (антрустионов) или должностных лиц, состоящих на службе у короля, — 600 (о родовой знати «правда» не упоминает). Жизнь полусвободных — литов — защищалась сравнительно низким вергельдом в 100 солидов. У франков имелись и рабы, совершенно не защищаемые вергельдом: убийца лишь возмещал ущерб, причиненный господину раба.

Развитию рабства у франков способствовали завоевания Галлии и последующие войны, дававшие обильный приток рабов. Позднее источником рабства становилась ксбала, в которую попадали разорившиеся свободные люди, а также преступники, не заплатившие судебного штрафа или вергельда: они превращались в рабов тех, кто уплачивал за них эти взносы. Однако рабский труд у франков не был основой производства, как в Римском государстве. Рабы использовались чаще всего как дворовые слуги или ремесленники — кузнецы, золотых дел мастера, иногда как пастухи, конюхи, но не как основная рабочая сила в сельском хозяйстве.

Уже в источниках VI в. имеются данные о наличии в среде франков имущественного расслоения. Это не только приведенные выше сведения о расслоении среди сородичей, но и указания на распространение во франкском обществе займов и долговых обязательств. Постоянно упоминаются, с одной стороны, богатые и влиятельные «лучшие люди», с другой — «бедные» и вовсе разорившиеся, не способные уплатить штрафы бродяги.

Возникновение аллода стимулировало рост крупного землевладения у франков. Еще в ходе завоевания Хлодвиг присвоил себе земли бывшего императорского фиска. Его преемники постепенно захватили все свободные земли, которые сначала считались достоянием всего народа. Из этого фонда

франкские короли щедро раздавали земельные пожалования в полную, свободно отчуждаемую (аллодиальную) собственность своим приближенным и церкви. Так, к концу VI в. во франкском обществе уже зарождается слой крупных землевладельцев. В их владениях наряду с франкскими рабами эксплуатировались также полусвободные — литы — и зависимые люди из числа галло-римского населения — вольноотпущенники по римскому праву, рабы, галло-римляне, обязанные нести повинности («римляне-трибутарии»), возможно, из числа бывших римских колонов. На этом этапе истории франкского общества рост крупной земельной собственности осуществлялся в первую очередь за счет королевских пожалований.

Крупное землевладение росло и изнутри общины. Концентрация земельных владений совершалась путем обогащения одних общинников за счет других. Началось разорение части свободных общинников, причиной которого послужило вынужденное отчуждение их наследственных аллодов.

Рост крупной земельной собственности приводил к возникновению частной власти крупных землевладельцев, которая как орудие внеэкономического принуждения была характерна для складывающегося феодального строя.

Притеснения со стороны крупных светских землевладельцев, церковных учреждений и королевских должностных лиц вынуждали свободных франков отдаваться под покровительство (*mundium*) светских и духовных крупных землевладельцев, которые таким образом становились их сеньорами (господами). Акт вступления под личное покровительство, как и в античности, назывался «коммендацией». На практике он нередко сопровождался вступлением в поземельную зависимость, что для безземельных и малоземельных людей часто означало постепенное втягивание их в личную зависимость. Коммендация усиливала в то же время политическое влияние крупных землевладельцев и способствовала окончательному разложению родовых союзов и общинной организации.

Все эти изменения в среде франков происходили на фоне все усиливающегося с середины VII в. их взаимодействия с галло-римским населением Франкского королевства.

Галло-римское население и его роль в феодализации франкского общества. О том, что происходило в среде галло-римского населения в VI-VII вв., известно немного, в основном из нарративных источников и данных археологии. Мы знаем, что варварские завоевания, хотя и подорвали основы рабовладельческого строя и крупного землевладения, не уничтожили частную собственность землю (в том числе и крупную). Повсюду в среде галло-римского населения сохранилась не только мелкая крестьянская земельная собственность, но и крупное церковное и светское землевладение, основанное на эксплуатации рабов, часто уже посаженных на землю, и разных категорий сидевших на чужой земле близких по положению к римским колонам. Значительная часть поселений V-VI вв. располагались на территории бывших вилл еще III века.

«Салическая правда» делит галло-римлян на три категории: «королевских сотрапезников», в которых можно видеть привилегированную группу местного населения, приближенную к королю, по-видимому, крупных землевладельцев; посессоров - землевладельцев мелкопоместного и крестьянского типа; тяглых людей (трибутариев), обязанных нести повинности, по-видимому, это были люди, пользующиеся чужой землей на определенных условиях. По сведениям Григория Турского и ряда других источников, в VI в. на этой территории сохранились сенаторы, по традиции, крупные землевладельцы — высшая категория населения Большими земельными владениями, в том числе укрепленными центрами, часто находившимися в пределах старых римских городов, располагали епископы. Хотя эти центры — «города» — в основном были резиденциями епископов, в них обычно проживало и некоторое число торговцев и ремесленников. Крупные землевладельцы, как и в позднеримское время, сохраняли в своих владениях определенные политические права над зависимыми от них людьми. Для галло-римского населения, во всяком случае в Северной Галлии, продолжали действовать нормы римского права, а не «Салическая правда». Дальнейшая эволюция галло-римских социальных отношений шла в сторону наметившегося еще во II—III вв. исчезновения крупных вилл рабовладельческого типа, сокращения числа рабов, массового поселения их на земле, за-крепления поземельной зависимости колонов от их господ. Определенную роль в ускорении этих процессов сыграли пожалования земли и судебных прав галло-римским землевладельцам франкскими королями уже в конце VI—VII вв., их привлечение на королевскую службу в качестве придворных и администраторов. Новые волны франкской колонизации в конце VI—VII вв. усиливали воздействие разлагающихся варварских отношений на галло-римское население, способствовали более интенсивному синтезу и укреплению феодального уклада.

Но гораздо более заметным было воздействие галло-римского социального строя на разложение общинных отношений и феодализацию общества. Положение галло-римских рабов и колонов оказывало влияние на формы зависимости, в которые втягивались обедневшие франкские общинники. Галло-римская крупная собственность служила образцом для вновь складывающейся франкской. Объектом эксплуатации германских крупных земле-владельцев до конца VII в. являлись не столько зависимые крестьяне из числа их соплеменников, сколько посаженные на земл* германские и галло-римские рабы, колоны и вольноотпущенники из галло-римлян, статус которых определялся римским правом. На протяжении VII в. крупное землевладение галло-римлян и франков постепенно унифицировалось, по мере того как смешивались эти этнические группы. Начали сливаться в единый слой зависимого крестьянства галло-римские и франкские рабы, вольноотпущенники, германские литы, мелкие галло-рим и франкские крестьяне. Прежнее противопоставление рабов и рабовладельцев постепенно утрачивало свое значение. Так в ходе синтеза двух

разлагающихся старых укладов развивался и набирал силу новый - феодальный.

Влияние разлагающихся позднеантичных отношений в процессе феодализации было особенно велико в Южной Галлии. Здесь раньше, чем на севере, среди германцев, утвердилась частная собственность на землю в ее римской форме, раньше совершился ход к общине-марке, быстрее шло ее разложение и рост крупной земельной собственности варварской знати. Вместе с тем франкское завоевание Южной Галлии способствовало дроблению крупных доменов и варварской и галло-римской знати и укрепило слой мелких крестьян-собственников, смешанный по своему этническому составу.

В процессе синтеза галло-римских и германских отношений правовые и этнические различия между завоевателями и местным населением во всех областях королевства постепенно стирались. При сыновьях Хлодвиги участие в военном ополчении становится обязанностью всех жителей королевства, в том числе и галло-римлян. С другой стороны, франкские короли пытаются распространять поземельный и подушный налоги, сохранившиеся от Римской империи и сначала взимавшиеся только с галло-римского населения, и на завоевателей-германцев.

В связи с этой политикой королевской власти в Галлии неоднократно вспыхивали восстания. Самое крупное из них произошло 9 г. в Лиможе. Народные массы, возмущенные тем, что король Хильперик повысил поземельный налог, захватили и сожгли адтные списки и хотели убить королевского сборщика налогов, Хильперик жестоко расправился с восставшими и подверг население Лиможа еще более тяжелому обложению. На первый план в жизни франкского общества все более выдвигаются социальные различия: происходит сближение галло-римской, бургундской и ской землевладельческой знати, с одной стороны, и германских и галло-римских мелких земледельцев разного правового статуса - с другой.

Франкское королевство. Одновременно с феодализацией франкского общества шел процесс зарождения раннефеодального государства.

Органы управления, присущие родоплеменному строю, постепенно уступают место усилившейся власти племенного вождя, ставшего королем. Это превращение было ускорено самим фактом завоевания, поставившим франков лицом к лицу с галло-римским населением, которое необходимо было держать в повиновении. Кроме того, на завоеванной территории франки столкнулись с более развитым обществом, само существование которого требовало создания новой власти взамен разрушенного аппарата рабовладельческой империи.

Король сосредоточил в своих руках все функции управления, центром которого стал королевский двор. Власть короля основывалась прежде всего на том, что он являлся крупнейшим земельным собственником и стоял во главе многочисленной, лично преданной ему дружины. Страной он управлял как личным хозяйством, дарил своим приближенным в частную собственность земли ранее составлявшие общеплеменную собственность,

произвольно распоряжался доходами, поступавшими к нему в виде налогов, штрафов и торговых пошлин. Королевская власть опиралась на поддержку складывающегося слоя крупных землевладельцев.

В центральном управлении Франкского королевства сохранились лишь слабые следы былой родоплеменной организации в виде ежегодных военных смотров — «мартовских полей». Поскольку в меровингский период основную массу франков составляли еще свободные общинники, из которых состояло и всеобщее военное ополчение, на «мартовские поля» сходились все взрослые свободные франки. Однако эти собрания в отличие от общенародных собраний прошлого не имели теперь серьезного политического значения. Зато франкские короли периодически созывали собрания виднейших магнатов, на которых обсуждались общегосударственные вопросы.

Следы древних порядков родоплеменного строя больше сохранились в местном управлении Франкского королевства.

«Сотни» из подразделений племени у древних франков превратились после завоевания Галлии в территориальные административные единицы. Управление графством — более крупной территорией — всецело находилось в руках королевского должностного лица — графа, который был главным судьей в графстве и взимал в пользу короля треть всех судебных штрафов. В «сотнях» же собирались еще народные собрания всех свободных людей, выполнявшие главным образом судебные функции и проходившие под председательством выборного лица — тунгина. Но и здесь присутствовал представитель королевской администрации — сотник контролировавший деятельность собрания и собиравший дол штрафов в пользу короля. По мере развития социальной дифференциации в среде франков руководящая роль в этих собраниях переходила к более зажиточным и влиятельным лицам — бургам, или «добрым людям».

Полнее всего сохранилось самоуправление в деревенской общине, которая на сельских сходах избирала своих должностных лиц, творила суд по мелким правонарушениям и следила за соблюдением обычаев марки. Попытки меровингских королей использовать в управлении страной римские институты касались главным образом налоговой системы и галло-римского населения. В целом государственная машина Западной Римской империи была разрушена завоеванием.

Дробление королевства при преемниках Хлодвиг. Рост крупного землевладения и частной власти крупных земельных собственников в связи с зарождением нового феодального уклада уже при сыновьях Хлодвиг привел к ослаблению королевской власти. Лишившись вследствие щедрых земельных раздач значительной части своих домениальных владений и доходов, франкские короли оказались бессильными в борьбе с сепаратистскими устремлениями крупных землевладельцев. После смерти Хлодвиг началось дробление королевства.

В VII в. намечается обособление самостоятельных политических единиц в составе Франкского королевства: Нейстрии — Северо-Западной Галлии с

центром в Париже; Австразии — северо-восточной части Франкского королевства, включавшей исконные франкские области по обоим берегам Рейна и Мааса; Бургундии — территории бывшего королевства бургундов. В конце VII в. на юго-западе выделилась Аквитания. Эти четыре области различались между собой и этническим составом населения, и особенностями социального строя, и степенью феодализации.

В Нейстрии, которая к моменту франкского завоевания была сильно романизована, галло-римляне, составлявшие и после завоевания большинство населения, раньше, чем в других областях королевства, слились с франками-завоевателями. Здесь уже к концу VI — началу VII в. важное значение приобрело крупное церковное и светское землевладение и быстро шел процесс исчезновения свободного крестьянства.

Австразия, где основную массу населения составляли франки и подвластные им другие германские племена, а влияние галло-римских порядков было слабее, до начала VIII в. сохраняла более примитивный общественный строй; здесь медленнее разлагалась община-марка — большую роль продолжали играть мелкие свободные землевладельцы-аллодисты, составлявшие основу военного ополчения. Складывающийся слой феодалов был в основном представлен мелкими и средними феодалами. Церковное землевладение здесь было слабее, чем в Нейстрии.

В Бургундии и Аквитании, где галло-римское население также значительно преобладало и быстро ассимилировало сначала бургундов и вестготов, а затем франков, долго сохранялось мелкое свободное крестьянское и среднепоместное землевладение. Но вместе с тем там имелись и крупные земельные владения, особенно церковные, а свободная община уже в VI в. исчезла почти повсеместно.

Все названные области Франкского королевства были слабо связаны между собой экономически (в то время господствовали натурально-хозяйственные отношения), что препятствовало их объединению. Короли из дома Меровингов, возглавлявшие эти области после раздробления Франкского королевства, вели между собой борьбу за верховенство, которая осложнялась непрерывными столкновениями между королями и крупными землевладельцами внутри каждой из областей.

Объединение страны майордомами Австразии. В конце VII в. фактическая власть во всех областях королевства оказалась в руках майордомов. Первоначально это были должностные лица, возглавлявшие королевское дворцовое управление (*maiordomus* — старший по дому, управляющий хозяйством двора). Затем майордомы превратились в крупнейших землевладельцев. Все управление каждой из названных областей королевства сосредоточивалось в их руках, майордом выступал как вождь и военный предводитель местной земельной аристократии. Короли из дома Меровингов, потерявшие всякую реальную власть, назначались и смещались по воле майордомов и получили от современников небрежительное прозвище «ленивых королей».

После продолжительной борьбы в среде франкской знати в 687 г. майордом Австразии Пипин Геристальский стал майордомом всего франкского государства. Это удалось ему потому, что в Австразии, где крупное землевладение было слабее, чем в других частях королевства, майордомы могли опираться на довольно значительный слой мелких и средних вотчинников, а также свободных аллодистов крестьянского типа, заинтересованных в усилении центральной власти для борьбы с притеснениями крупных землевладельцев, подавления втягивавшегося в зависимость крестьянства и для завоевания новых земель. При поддержке этих социальных слоев майордомы Австразии смогли вновь объединить под своей властью

2. Франкское государство при Каролингах

Ускорение процесса феодализации. Бенефициальная реформа. Майордомы Австразии из дома Пипинидов (потомки Пипина Геристальского), став правителями объединенного Франкского королевства, положили начало новой династии франкских королей, которая позднее по имени самого крупного из своих представителей - Карла Великого — получила название династии Каролингов.

Представители дома Каролингов (Пипинидов) правили Франкским королевством с конца VII в. сначала в качестве майордомов при «ленивых королях», затем с 751 г. — в качестве королей. Этот период в истории Франкского королевства, до его распада в середине IX в., обычно называют каролингским.

В правление Каролингов во франкском обществе сложились основы феодального строя. Ускорился рост крупной земельной собственности за счет социального расслоения внутри общины там, где она сохранилась, разорения массы свободных крестьян, которые, теряя свои аллоды, постепенно превращались в поземельно, а затем и лично зависимых людей. Процесс этот, начавшийся еще при Меровингах, в VIII-IX вв. принял бурный характер; он стимулировался прямым захватом крестьянских наделов крупными светскими и церковными землевладельцами. И те, и другие разными способами, в том числе и насильственным присваивали себе земли общинников. Разорению крестьян способствовали бесконечные внутренние и внешние войны, отрывавшие их от хозяйства для выполнения военной повинности также частые неурожаи и голод. Крестьянская земля становилась господской и чаще всего передавалась прежним владельцам крестьянам — в пользование за оброк или барщину. Сам же крестьянин из свободного землевладельца превращался в поземельно зависимого в той или иной степени человека.

К началу VIII в. во Франкском королевстве уже сложились два враждебных друг другу социальных слоя: первый — крупные землевладельцы галло-римского и германского происхождения, которые владели своими землями по большей части на правах безусловной частной собственности (аллод); второй — уже в той или иной степени зависимые крестьяне, не имевшие земельной собственности или сохранившие ее в

небольшом количестве и подвергавшиеся эксплуатации со стороны собственников земли, на которой они жили.

Значительную часть этих зависимых людей составляли потомки галло-римских рабов, колонов, вольноотпущенников, германских рабов и литов. Различия между названными категориями постепенно все более сглаживались. Но наряду с ними во франкском обществе, особенно на юге, еще существовали довольно многочисленные промежуточные группы населения; мелкие и средние земельные собственники крестьянского типа, частично также пользовавшиеся трудом несвободных. Иногда наряду с аллодом они владели землями как мелкие вотчинники, составлявшие промежуточный слой между феодалами и свободными крестьянами. В VIII — начале IX в. шел процесс размывания этих промежуточных слоев и формировалось более однородное зависимое крестьянство. Сдвиги в социальной структуре франкского общества определили политику преемника Пипина Геристальского — майордома Карла Мартелла.

Карл Мартелл («Молот», 715—741 гг.) начал свое правление усмирением внутренних смут в королевстве. Разбив восставших против него феодалов Нейстрии, а затем, в союзе с арабами, — герцогов Аквитании и владетелей Прованса, Карл выступил против вышедших из повиновения германских зарейнских племен саксов, фризов, аламаннов, баваров — и вновь обложил их данью. В 732 г., в решающем сражении при Пуатье, Карл Мартелл нанес поражение арабам, которые, завоевав в начале VIII в. Испанию вторглись в 720 г. в Южную Галлию, угрожая Франкскому королевству. Большую роль в борьбе с арабами сыграло незадолго до этого созданное франкское феодальное конное войско. Победа франков при Пуатье положила предел дальнейшему продвижению арабов в Европе. В руках арабов теперь осталась лишь небольшая часть Южной Галлии — Септимания.

Развитие феодальных отношений, происходившее во Франкском королевстве, требовало изменения форм земельной собственности. Аллодиальная собственность должна была уступить место более зрелой форме феодальной собственности. Поскольку значительная часть разорившихся свободных крестьян уже не имела сериальных средств для службы в ополчении, особенно в качели конных воинов, встал вопрос о коренной реорганизации военных сил. Таковы были социальные предпосылки так называемой бенефициальной реформы Карла Мартелла. Сущность ее состояла в том, что вместо преобладавших при Меровингах дарений земли в полную, безусловную собственность (аллод) после этой реформы получила широкое распространение и законченную форму система пожалований земли в условную феодальную собственность в виде бенефиция (*beneficium* — дословно «благодаяние»). Бенефиций жаловался в пожизненное пользование на условиях выполнения определенных служб, чаще всего конной военной службы. В случае смерти жалователя или получателя бенефиция возвращался первоначальному собственнику или его наследникам. Если наследник хотел получить бенефиций своего предшественника или если сам бенефициарий хотел пользоваться таким

владением после смерти жалователя, требовалось возобновление пожалования. Бенефиций мог быть отнят, если не выполнялась требуемая за него служба или разорялось хозяйство бенефициария. С течением времени бенефиций стал превращаться из пожизненного в наследственное владение и в течение IX—X вв. приобрел черты феода (лена), т.е. наследственного условного держания, связанного с обязанностью несения военной службы.

Карл Мартелл провел широкую раздачу бенефициев. Фондом с пожалований служили сначала земли, конфискуемые у мятежных магнатов, а когда эти земли иссякли, он провел частичную секуляризацию церковных земель, за счет которых наделил большое число бенефициариев. Карл Мартелл вместе с тем содействовал распространению христианства и расширению владений церкви на покоренных им территориях.

Проводя реформу Карл Мартелл преследовал, конечно, и политические цели. Заменив аллодиальные пожалования, истощавшие фонд королевских земель, бенефициями, он надеялся привязать бунтующих крупных феодалов к трону угрозой отнятия у них пожалований; с помощью бенефициальной системы он рассчитывал создать взамен пришедшего в упадок пешего крестьянского ополчения боеспособное конное войско. К этому времени конница стала играть в войнах решающую роль.

Бенефициальная реформа имела ряд важных социальных последствий. Во-первых, она значительно укрепила складывавшийся слой мелких и средних феодалов, которые в качестве профессиональных воинов стали основой конного ополчения и всей военной организации; они были предшественниками будущего рыцарства. Крестьянство же, составлявшее раньше основу пешего франкского ополчения, утратило значение главной военной силы, что усилило его неполноправное положение в обществе. Во-вторых, распространение бенефициальных пожалований вело к укреплению феодальной земельной собственности и крестьянской зависимости. Бенефициарий обычно получал землю вместе с сидящими на ней людьми, которые несли за его пользу барщину или платили оброк. Широкий слой бенефициариев жил целиком эксплуатацией зависимого крестьянства. В-третьих, бенефициальные пожалования создавали поземельные связи между жалователем и получателем и способствовали установлению отношений личной верности и покровительства (вассалитет, см. ниже) между ними. Таким образом, реформа способствовала дальнейшему утверждению феодальных отношений во франкском обществе. По примеру короля другие крупные землевладельцы тоже стали практиковать эту форму пожалований, что содействовало оформлению иерархической структуры земельной собственности. Но усиливая военное значение магнатов и создавая иерархические отношения внутри феодалов, бенефициальная реформа немало способствовала в дальнейшем политическому распаду Франкского королевства.

На первых порах, однако, реформа Карла Мартелла усилила центральную власть, что было одной из ее целей. Укрепившийся благодаря ей слой средних феодальных землевладельцев-бенефициариев составил на некоторое

время опоры каролингской династии. Этот слой был заинтересован в сильной центральной власти так как она могла оказать ему помощь в подчинении крестьян подавлению их сопротивления, защитить от своеволия крупны феодалов и обеспечить захват новых территорий. Опираясь на этот слой, Карл Мартелл и его преемники значительно расширили границы Франкского королевства и усилили свою власть.

Переход королевского титула к Пипину Короткому. Образом Патримония св. Петра. Сын и преемник Карла Мартелла майордом Пипин Короткий (741-768) урегулировал взаимоотношения с церковью, обостренные проведением секуляризации церковных земель при Карле Мартелле. Все розданные в бенефиции церковные земли признавались собственностью церкви, в пользу которой бенефициарии должны были вносить определенные платежи, земельные держания назывались «прекариями по королевскому повелению» (*precaria verbo regis*). Однако бенефициарии обязаны были нести военную службу только в пользу королевства, и без разрешения короля церковь не имела права отнять у них землю. Со времени этого компромисса Каролинги находились всегда в тесном союзе с церковью и римским папой.

Теснимый лангобардами, папа все свои надежды возлагал на помощь франков, поэтому он санкционировал присвоение Пипином королевского титула. В 751 г. на собрании франкской знати и своих вассалов в Суассоне Пипин был официально провозглашен королем франков. Последний меровингский король Хильдерик III был заключен в монастырь. В свою очередь по призыву папы Стефана II Пипин силой оружия принудил лангобардского короля отдать папе захваченные им ранее города Римской области и земли Равеннского экзархата (бывшего византийского владения). На этих землях в Средней Италии в 756 г. возник Патримоний св. Петра — т.е. собственные владения папы римского.

Дальнейшее расширение Франкского королевства. При сыне Пипина Короткого Карле, прозванном Великим (768—814), Каролингская держава пережила наивысший расцвет. Продолжая завоевательную политику своих предшественников, Карл в 774 г. совершил поход в Италию, сверг последнего лангобардского короля Дезидерия и присоединил к Франкской державе лангобардское королевство.

Карл Великий перешел от обороны к наступлению и против арабов в Испании. Первый поход туда он предпринял в 778 г., однако смог дойти только до Сарагосы и не взяв ее, вынужден был вернуться за Пиренеи. События этого похода послужили сюжетной основой для знаменитого средневекового французского эпоса «Песни о Роланде». Ее героем стал один из военачальников Карла — Роланд, погибший в стычке с басками[1] вместе с арьергардом франкских войск, прикрывая отход франков в Ронсевальском ущелье. Несмотря на первую неудачу, Карл продолжал попытки продвинуться к югу от Пиренеев. В 801 г. ему удалось захватить Барселону и основать на северо-востоке Испании пограничную территорию — Испанскую марку. Наиболее длительные и кровопролитные войны Карл вел в Саксонии (с 772 по 802 г.), расположенной между реками Эмсом и Нижним Рейном на

западе, Эльбой на востоке и Эйдером на севере. Саксонские племена уже пришли к социальному расслоению: родоплеменная знать — эделинги, простые свободные — фрилинги, полусвободные — лацци; но у них еще не было королевской власти, господствовало язычество.

Саксы, особенно основная их масса — фрилинги, отчаянно сопротивлялись франкам, которые несли им потерю земли и свободы, насильственную христианизацию. Сначала в борьбе с франками участвовали и эделинги. Но уже с 777 г. благодаря ловкой политике Карла большинство их стало постепенно переходить на его сторону, получая от него щедрые земельные пожалования. После этого борьба широких масс саксов направлялась одновременно и против франков, и против феодализирующейся саксонской знати. Там, где саксы отбивали нападения франков, они восстанавливали язычество как символ независимости.

Упорное сопротивление саксов Карл пытался сломить крайне жестокими мерами. После победы над ними на Везере в 782 г. он приказал казнить 4500 саксонских заложников. Тогда же он издал «Капитулярий по делам Саксонии», угрожавший смертной казнью всем, кто будет выступать против церкви и короля, и предписывавший саксам платить десятину церкви. Вскоре сложил оружие и принял христианство Бидукинд, один из немногих эделингов, возглавлявших саксонское сопротивление после 777 г. За это он получил от Карла богатые дары и земельные пожалования. Теперь борьба саксов-фрилингов сосредоточилась на небольшой территории Северо — Восточной Саксонии. Чтобы сломить непокорных, Карл заключил временный союз с их восточными соседями, полабскими славянами-ободритами, издавна враждовавший с саксами. В ходе войны и после ее завершения в 804 г. Карл практиковал массовые переселения саксов во внутренние области Франкского королевства, а франков и ободритов — в Саксонию.

Завоевания Карла были направлены и на юго-восток. В 788 г. он окончательно присоединил Баварию, ликвидировав там герцогскую власть. Благодаря этому влияние франков распространилось и на соседнюю с ней Каринтию (Хорутанию), населенную славянами — словенцами. На юго-восточных границах разросшегося Франкского королевства Карл столкнулся с Аварским каганатом в Паннонии. Кочевники-авары совершали постоянные набеги на соседние земледельческие племена. В 788 г. они напали и на Франкское королевство, положив начало франкско-аварским эйнам (они продолжались с перерывами до 803 г.). Только союз франков с южными славянами позволил им при участии хорутанского князя Войномира, который возглавил этот поход, разгромить в 796 г. центральную крепость аваров. В результате Аварская держава распалась, а Паннония временно оказалась в руках славян.

Империя Карла Великого. Франкская держава охватывала теперь огромную территорию. Она простиралась от среднего течения реки Эбро и Барселоны на юго-западе до Эльбы, Салы, Богемских гор и Венского леса на востоке, от границы Ютландии на севере до Средней Италии на юге. Эта

территория была населена множеством племен и народностей, различных по уровню развития. Карл и его приближенные видели в новой державе возрождение Западной Римской империи, франкского короля манил титул императора. Уже в его правление проявились универсалистские тенденции в политическом развитии средневековья, приводившие время от времени к созданию обширных полиэтнических образований.

Воспользовавшись тем, что папа Лев III, спасаясь от враждебной к нему римской знати, укрылся при дворе франкского короля, Карл предпринял поход в Рим в защиту папы. Благодарный не без давления Карла, в 800 г. венчал его императорской короной в храме Св. Петра в Риме. Так на западе возникла новая империя, что вызвало конфликт между Карлом и Византией, императоры которой считали себя единственными наследниками старой Римской империи.

На несколько десятилетий империя франков стала сильнейшей державой в Западной Европе. Постоянной резиденцией императора в конце его жизни стал Аахен. Новые рубежи империи были укреплены пограничными областями — марками. На северо-западе была создана Бретонская, на юге Испанская марка, в Италии Франкская империя была отделена от византийских владений полузависимыми герцогствами Сполето и Беневент. На границах со славянскими племенами, простиравшихся от Балтики до Адриатики (ободритами, лютичами, лужицкими сербами, чехами, моравами, словенцами, хорватами), велись периодические войны. И здесь были созданы пограничные укрепленные зоны: Датская марка у Шлезвига, Саксонский рубеж против прибалтийских славян, Сербский рубеж от Эльбы до Дуная, Паннонская, или Восточная, марка в среднем течении Дуная (составившая ядро будущей Австрии). Северную Италию от Византии и южных славян прикрывала Фриульская марка.

Высок был в начале IX в. и международный престиж империи Каролингов: покровительства Карла домогались короли Шотландии и Астурии, вожди племенных ирландских княжеств. В 812 г. императорский титул Карла был с оговорками признан и императором Византии.

При Карле Великом Франкское раннефеодальное государство достигло своего расцвета. В VIII—IX вв. оно все более отчетливо выступало как орудие политической власти феодалов. Для того чтобы держать в повиновении крестьянство, теряющее земли и свободу, для завоевания и освоения новых территорий феодалам необходима была относительно сильная центральная власть. Это объясняется временное усиление королевской власти при первых Каролингах, особенно заметное в правление Карла Великого. Дважды в год при дворе короля собирались совещания наиболее влиятельных крупных землевладельцев. По их совету король давал указы — капитулярии — по самым различным вопросам действовавшие по всей обширной империи.

Контроль за органами местного управления осуществлялся через «государевых посланцев», которые разъезжали по графствам и наблюдали за действиями местных должностных лиц. Военные смотры теперь

происходили не в марте, а в мае и назывались «майскими полями». В отличие от «мартовских полей» они были не собраниями народного ополчения, а преимущественно съездами королевских бенефициариев. Карл Великий провел новую военную реформу. Теперь служить в армии обязаны были только относительно зажиточные свободные землевладельцы, имевшие 3—4 средних крестьянских надела (манса). Все менее состоятельные (в первую очередь свободные крестьяне, наделы которых лично не превышали одного манса) должны были объединяться в группы и за общий счет выставлять одного вооруженного воина. Таким образом, крестьянство, не только зависимое, но и свободное, все более устранялось от военной службы, которая постепенно становилась привилегией класса феодалов.

Однако за внешней централизацией империи скрывалась ее внутренняя слабость и непрочность. Созданная путем завоевания, она была чрезвычайно пестра по своему этническому составу. Помимо франков и подвластных им племен и народностей на территории бывшей Галлии (бургунов, аквитанцев и др.) в империю Карла Великого входили саксы, фризы, бавары, аламаны, тюринги, лангобарды, бретонцы, романское население Галлии и Италии, баски и жители Наварры, частично хорутане и авары, кельты (потомки бриттов).

Каждая из земель империи, населенных разными племенными группами и народностями, была мало связана с другими и без постоянного военного и административного принуждения не хотела подчиняться власти завоевателей. Поэтому Карл Великий проводил всю свою жизнь в походах, отправляясь каждый раз туда, где возникала реальная угроза отпадения той или иной территории. С течением времени удерживать завоеванные племена и народности становилось все труднее.

Такая форма империи — внешне централизованного, но внутренне аморфного и непрочного политического объединения, тяготевшего к универсализму, — была характерна для многих наиболее крупных раннефеодальных государств в Европе (Великоморавская держава в IX в., империя Оттонов в X в., держава Кнута Великого, объединявшая в начале XI в. Англию и Скандинавские страны и др.).

Современникам Каролингская держава, особенно при Карле Великом, представлялась блестящей и величественной, образ этого императора героизировался, а затем вошел во многие легенды, песни средневековья. Современников восхищала действительно незаурядная личность Карла, его неутомимая энергия, стремление вникать во все детали управления обширной державой, в дела военные, дипломатические, развивать образование и культуру, его успехи в военных походах. Им импонировала и внешность императора: его высокий рост, крепкое телосложение, благообразный лик, — и его относительная образованность, интерес к литературе и поэзии, в частности античной, умение читать по-латыни и по-гречески (хотя писать он так и не научился).

Формирование основ феодальных отношений в Каролингской державе. Завершение переворота в поземельных отношениях. К концу

VIII и началу IX в. переворот в поземельных отношениях во Франкской державе привел к господству феодальной земельной собственности — основы феодального строя. Захват крестьянских земель светскими и церковными крупными землевладельцами сопровождался усилением различных форм внеэкономического принуждения. Это было неизбежным следствием утверждения феодальной земельной собственности, так как при условии наделения непосредственных производителей (крестьян) землей и средствами производства прибавочный труд в пользу собственника земли можно было извлечь только внеэкономическим принуждением. Захваты крупными феодалами крестьянских наделов принимают особенно массовый характер к началу IX в. Это вынуждены были констатировать даже королевские капитулярии того времени. Так, в капитулярии Карла Великого 811г. говорится, — что «бедняки жалуются на лишение их собственности; одинаково жалуются на епископов, и на аббатов, и на попечителей, на графов и на их сотников». Крупные землевладельцы, в частности те из них, которые в качестве графов или других должностных лиц располагали средствами принуждения по отношению к местному крестьянскому населению, силой превращали его в зависимых людей. Разорению крестьянства способствовали, как уже отмечалось активная завоевательная политика Каролингов, особенно Карла Великого, требование от еще сохранявшихся, в основном в германских областях, свободных крестьян продолжительной военно службы, надолго отрывавшей их от хозяйства, а также церковная десятина, тяжелые налоги, высокие судебные штрафы.

Большую роль в обезземелении и втягивании в зависимость крестьянства играла церковь. Для расширения своих земельных владений наряду с прямым насилием она использовала религиозные чувства крестьянских масс, внушая верующим, что дарения в пользу церкви обеспечат им отпущение грехов и вечное блаженство в загробном мире. Церковные учреждения, отдельные прелаты и прежде всего сами папы широко практиковали подделку документов, чтобы утвердить свои права на те или иные земельные владения.

Установление феодальной поземельной и личной зависимости крестьянства. Иммуитет. Зарождение феодальной иерархии. Разорившиеся или стоявшие на грани разорения свободные крестьяне легко попадали в зависимость от крупных землевладельцев. При этом однако, феодалы были заинтересованы не в сгоне крестьян с земли, а скорее в их прикреплении. Земля была в условиях господства натурального хозяйства единственным средством существования. Поэтому, даже теряя аллоды, свободные общинники брали у феодалов землю в пользование на условии выполнения определенных повинностей.

Одним из самых распространенных способов втягивания свободного крестьянства в зависимость еще при Меровингах являлась практика передачи земли в прекарии (прекария). В VIII-IX вв. эта практика получила особенно широкое распространение как одно из важнейших средств феодализации. Прекарии, что дословно означает «переданное по просьбе», — это условное земельное держание, которое крупный собственник передавал во временное

пользование (иногда на несколько лет, иногда пожизненно) какому-либо человеку, чаще всего безземельному или малоземельному. За пользование этим наделом его получатель обычно должен был платить оброк или в отдельных случаях выполнять барщину в пользу собственника земли.

Существовали прекарии нескольких видов. Иногда такое условное держание передавалось человеку, у которого было недостаточно или вовсе не было земли (*precaria data*). Но иногда мелкий собственник сам, под давлением нужды и притеснений со стороны соседних крупных землевладельцев, передавал право собственности на свою землю одному из них (часто — церкви) и получал эту землю обратно в качестве прекария пожизненно или наследственно — в пределах одного-двух поколений (*precaria oblata*) на условиях несения определенных повинностей. Иногда прекарист получал в пользование не только отданную землю, но еще и дополнительный участок. Такой прекарий назывался «прекарий с вознаграждением» (*precaria remuneratoria*). Прекарии последнего типа были особенно распространены на землях церкви, которая стремилась таким образом привлечь побольше крестьян-дарителей, чтобы округлить свои владения. Прибавки к дарениям давались обычно из необработанных земель, освоение которых требовало приложения крестьянского труда.

Прекарист, отказываясь от права собственности на землю превращался из собственника ее в держателя. Хотя первоначально он и сохранял личную свободу, но попадал в поземельную зависимость от собственника земли. Таким образом, хотя прекарные отношения имели форму «добровольного договора», в действительности они являлись результатом тяжелого экономического положения крестьян, вынуждавшего их отдавать землю крупным землевладельцам, а иногда и следствием прямого насилия.

Наряду с крестьянами в VIII—IX вв. в качестве прекаристов часто выступали мелкие вотчинники, сами эксплуатировавшие труд зависимых людей, обычно вышедшие из среды более зажиточных аллодистов-общинников. В этих случаях прекарий служил для оформления поземельных отношений внутри слоя феодалов, так как такой мелкий вотчинник был уже, по существу, феодальным землевладельцем, вступившим в определенные отношения с более крупным феодальным земельным собственником, предоставившим ему землю в прекарий.

Если в VI—VII вв. решающую роль в складывании крупной феодальной собственности и установлении крестьянской зависимости играли королевские пожалования, то в VIII—IX вв. более важным фактором этих процессов становится разорение массы крестьянства и втягивание его в поземельную зависимость от крупных феодалов даже без активной роли королевской власти. Теряя землю, крестьянин часто вскоре терял и свою личную свободу. Но могло быть и иначе. Так, бедняк, будучи не в состоянии уплатить долг, попадал в кабалу к кредитору, а затем и в положение лично зависимого человека, мало чем отличавшегося от раба. Такая же участь часто ожидала бедняка, которого нужда толкнула на кражу или другие преступления и который, не имея возможности возместить ущерб

потерпевшему, становился его кабальным рабом. К личной зависимости часто вел акт коммендации мелкого свободного крестьянина светскому магнату или церкви (см. выше). На практике установление личной зависимости крестьянина от феодала могло иногда предшествовать утере им аллода. Однако широкое распространение таких личных отношений между ними имело своей общей предпосылкой быстрый рост крупного землевладения за счет мелкой крестьянской и общинной собственности, выражавший главную тенденцию социального развития франкского общества той эпохи.

Разорению и втягиванию крестьянства в зависимость способствовала в немалой степени и дальнейшая концентрация в руках отдельных крупных землевладельцев политической власти, служившей им орудием внеэкономического принуждения. Короли, будучи не в силах препятствовать этому процессу, вынуждены были акционировать его путем специальных пожалований, жалования появились еще при Мерovingах, но широкое их распространение относится к каролингскому периоду. Сущность их заключается в том, что особыми королевскими грамотами должностным лицам — графам, сотникам и их помощникам — запрещалось вступать на территорию, принадлежащую тому или иному магнату, для выполнения на ней каких-либо судебных, административных, полицейских или фискальных функций. Все эти функции передавались магнатам и их должностным лицам. Такое пожалование называлось иммунитетом (от латинского *immunitas* — неприкосновенность, освобождение от чего-либо).

Обычно иммунитетные права крупного землевладельца сводились к следующему: он пользовался на своей земле судебной властью; имел право взимать на территории иммунитета все поступления, которые до этого шли в пользу короля (налоги, судебные штрафы и иные поборы); наконец, он являлся предводителем военного ополчения, созываемого на территории иммунитетного округа. Юрисдикции иммуниста подлежали иски о земле и другом имуществе и дела о мелких правонарушениях не только лично зависимых, но и лично свободных жителей его владений. Высший уголовный суд обычно оставался в руках графов, хотя некоторые иммунисты присваивают себе также и права высшей юрисдикции.

Иммунитетное пожалование чаще всего лишь оформляло те средства внеэкономического принуждения, которые феодал в качестве крупного землевладельца присваивал себе задолго до получения пожалования. Располагая судебно-административными и фискальными полномочиями, иммунист использовал их для приобретения новых земельных владений, усиления эксплуатации и укрепления зависимости своих крестьян, в том числе и еще лично свободных. В каролингский период иммунитетное пожалование распространяло власть иммуниста на землю и людей, до этого находившихся под чьей-либо частной властью. Вместе с тем иммунитет способствовал усилению независимости феодалов от центральной власти, подготавливая тем самым последующий политический распад Каролингской империи.

Росту политической самостоятельности феодалов немало способствовало и развитие вассальных отношений. Вассалами первоначально назывались свободные люди, вступившие в личные договорные отношения с крупным землевладельцем, большей частью в качестве его военных слуг — дружинников. В каролингский период вступление в вассальную зависимость часто сопровождалось пожалованием вассалу бенефиция, что придавало ей хотя не только личной, но и поземельной связи. Вассал обязывался верно служить своему господину (сеньору), становясь его «человеком» (homo), а сеньор обязывался защищать вассала. Располагая большим количеством вассалов, крупный землевладелец приобретал политическое влияние и военную силу, укреплял свою независимость от королевской администрации.

В 847 г. внук Карла Великого Карл Лысый в своем Мерсенском капитулярии предписывал, чтобы «каждый свободный человек выбрал себе сеньора». Таким образом, вассалитет признавался главной законной формой общественной связи. Развитие вассалитета вело к формированию иерархической структуры господствующего слоя феодалов, ослабляло центральную власть и способствовало усилению частной власти феодалов.

Организация крупного землевладения. Феодалная вотчина. С утверждением и оформлением к началу IX в. крупной феодалной собственности на землю происходят существенные изменения в хозяйственной и социальной организации франкского общества. В VIII — начале IX в. основой ее становится феодалная вотчина — сеньория, поглотившая как свободные франкские общины, так и крупные земельные комплексы галло-римского типа.

Структура крупного феодалного землевладения, сложившегося в каролингский период, не была однородной. Крупные землевладельцы, как светские, так и духовные, располагали землями самого различного размера и качества. Среди их владений имелись крупные вотчины, которые занимали сплошные территории, совпадавшие с целой деревней или состоявшие из ряда деревень. Вотчины такого типа были наиболее широко распространены в северных областях Франкского королевства — между Рейном и Луарой. Но и там иногда владения даже крупных землевладельцев складывались из небольших вотчин, включавших часть большой деревни или лежавших в разных деревнях, либо даже из отдельных дворов, расположенных попеременно с владениями других собственников, иногда еще свободных крестьян. Такой тип был особенно характерен для южных областей страны.

Разнообразие в структуре крупного землевладения объяснял тем, что как на севере, так и на юге страны далеко не всегда крупный землевладелец становился сразу собственником в деревне. Иногда он приобретал сначала несколько мелких крестьянских участков, а затем постепенно округлял свои владения путем обмена, покупки или прямого захвата, пока вся деревня превращалась в его вотчину или ее часть.

Источники по истории крупной феодалной вотчины каролингского периода (политики, капитулярии, «Капитулярий о поместьях» (Capitulare de villis) Карла Великого более полно рисуют нам феодалную вотчину

Франкского королевства. Они показывают, что уже в эту эпоху она являлась организацией для присвоения крупными землевладельцами феодальной ренты — прибавочного труда крестьян в форме оброков и барщины. Земля в феодальной вотчине обычно делилась на две части: на господскую землю, или домен (от латинского *dominus* — господин), на которой велось хозяйство феодала, и на землю, находившуюся в пользовании зависимых крестьян и состоявшую из наделов. На севере домен в таких вотчинах был довольно велик, составляя не менее 1/3 всех входивших в них земель.

В состав господской, или домениальной, земли входили барская усадьба — дом и двор с хозяйственными постройками, иногда с мастерскими вотчинных ремесленников, сад, огород, виноградник, скотный двор и птичник сеньора. С барской усадьбой обычно были связаны мельницы и церковь, которая считалась собственностью феодала. Пахотные земли, луга и виноградники вотчинника, разделенные на мелкие участки, в северных областях королевства лежали попеременно (чересполосно) с участками зависимых крестьян. Часть лесных массивов и тех пастбищ, лугов и пустошей, которые прежде принадлежали свободной общине, теперь также превратилась в собственность феодала. Вследствие чересполосицы в вотчине господствовал принудительный севооборот с выпасом скота по пару и по жнивью после снятия урожая. Обработка господской земли велась в основном зависимыми крестьянами, трудившимися на барщине со своим скотом и инвентарем, а также, хотя и в гораздо меньшей степени, дворовыми рабами, использовавшими инвентарь и скот вотчинника.

Земли, находившиеся в пользовании крестьян, делились на наделы, называвшиеся в западной части Франкской державы мансами, в восточной — гуфами, а на юге — колониками. В каждый надел входили: крестьянский двор с домом и дворовыми постройками, иногда сад и виноградник, примыкавшие ко двору, и полевой пахотный надел, состоявший из отдельных полос паши, разных чересполосно с земельными участками других крестьян вотчинника. Кроме того, крестьяне пользовались выпасами, оставшимися в распоряжении общины, а иногда и в руках феодала (за плату). Таким образом, общинная организация с принудительным севооборотом и коллективным использованием неподеленными угодьями не исчезла с возникновением вотчины. Однако из свободной она превратилась теперь в зависимую, а сельский сход свободных общинников — в сход зависимых крестьян. Он проходил под председательством назначенного сеньором старосты, проводившего в жизнь требования сеньора, но вмерте с тем отстаивавшего перед ним интересы крестьян.

Наделы, на которых сидели зависимые крестьяне, были тяглыми, т.е. на них лежали определенные повинности (оброк, барщина). На землях вотчины обычно имелись и свободные держания — прекарии и бенефиции должностных лиц вотчинной администрации, которыми они пользовались как платой за свою службу, а также бенефиции мелких вассалов сеньора.

Положение зависимого крестьянства. Крестьянское население вотчины не было единым по своему происхождению и правовому положению. Оно

делилось на три основные группы — колонов (*coloni, ingenui*), литов и рабов-сервов (*servi, mancipia*). Большинство зависимого крестьянства в каролингской феодальной вотчине составляли колоны. Они не утратили полностью личной свободы, но уже находились в поземельной зависимости от вотчинника, не могли уйти со своего надела, находившегося у них в наследственном пользовании, и были ограничены в распоряжении этим наделом. Основную массу колонов этой эпохи составляли потомки ранее свободных крестьян — как франкского, так и галло-римского происхождения.

С течением времени они все больше теряли личную свободу и сливались с литами и посаженными на землю рабами в одну массу лично зависимых крестьян.

Рабы (сервы), жившие в вотчине, разделялись на две категории: дворовые рабы, не имевшие надела, и рабы, сидевшие на земле. Первые жили и работали на барском дворе; их можно было продать и купить, и все то, что они имели или приобретали, рассматривалось как собственность господина. Рабы (сервы), наделенные землей и прикрепленные к ней, обычно не отчуждались без земли и по своему фактическому положению были уже не рабами, а лично зависимыми крестьянами. В отличие от колонов они находились не только в поземельной, но и в полной личной зависимости от феодала. В большинстве своем сервы были потомками зависимых людей позднеримского и меровингского времени — рабов, колонов и др.

Промежуточное положение между колонами и сервами занимали литы, обычно находившиеся под патронатом какого-либо светского или духовного крупного землевладельца и державшие свой земельный надел в наследственном пользовании.

В зависимости от того, кому первоначально принадлежали крестьянские наделы (мансы) — колону, литу или серву, — они назывались свободными, литскими или рабскими (*mansi ingenuiles, mansi lidiles, mansi serviles*). Однако в IX в. рабские или литские мансы часто попадали в руки колонов, и наоборот. При этом повинности, которые крестьяне должны были выполнять в пользу феодала, определялись не столько правовым положением самого держателя, сколько характером манса (свободного, литского или рабского).

Грани в правовом положении отдельных категорий крестьян постепенно стирались, и они все больше сливались в единую массу зависимых. Зависимые крестьяне всех категорий обязаны были нести повинности в пользу сеньора — выполнять барщину и платить оброк.

Тяжелее всех была барщина сервов, составлявшая обычно не менее трех дней в неделю. Сервы выполняли при этом особенно трудные работы. Колоны также работали на барщине, но основной ее формой у них была не недельная, а поурочная барщина, при которой они обязывались обработать в пользу помещика определенный участок земли и собрать с него урожай, выполнять извозную повинность, рубить лес и т.п.

С начала IX в. наблюдается тенденция к росту барщины и у колонов. Все зависимые крестьяне обязаны были платить сеньору, кроме того, и оброк,

большей частью в натуральной форме — зерном, мукой, вином, пивом, домашней птицей, яйцами, ремесленными изделиями. Иногда оброк взимался в денежной форме (например, поголовный сбор — *saraticum*) с лично зависимых крестьян. Однако денежная рента не имела большого распространения. В южных областях преобладали вотчины, более мелкие по размеру. Домен занимал в них меньше места, с чем связана была и относительно небольшая барщина, зато дольше сохранял значение рабский труд на домене. При относительно значительной прослойке свободных крестьян-аллодистов положение зависимых — колонов, манципиев, вольноотпущенников — сохраняло больше позднеантичных черт, присущих рабскому состоянию, чем на Севере. В силу природных условий: горного ландшафта, теплого климата, допускавшего разнообразие возделываемых культур, — система открытых полей с чересполосицей и принудительным севооборотом не была распространена. Здесь господствовали компактные крестьянские наделы, на которых велось поликультурное земледельческое хозяйство (возделывались одновременно зерновые, виноград, оливки и др.), а также было развито скотоводство.

Натуральный характер хозяйства. В феодальной деревне каролингского периода господствовало натуральное хозяйство. Преобладание натурально-хозяйственных отношений объясняется низким уровнем развития производительных сил, в частности отсутствием общественного разделения труда между ремеслом и сельским хозяйством.

В феодальной вотчине каролингского периода ремесленный то был соединен с сельским хозяйством, что обеспечивало феодал также основными изделиями ремесла. Производством одежды обуви и необходимого инвентаря занимались сами зависимые крестьяне или дворовые ремесленники, обслуживавшие также население деревни. Все, что производилось в вотчине, шло главным образом на снабжение барского двора и за редким исключением потреблялось внутри вотчины.

Это, конечно, не значит, что в каролингский период вовсе не было торговли. Существовали рынки и даже ярмарки, денежное обращение. Но торговые связи не играли существенной роли в хозяйственной жизни вотчин и вообще деревни. Продавались излишки, в том числе иногда зерно или шерсть, а покупалось то, что чаще всего нельзя было произвести в вотчине: соль, вино, металл, иногда оружие, а также предметы роскоши, пряности, привозимые иностранными купцами из заморских стран. Постоянных торговых связей между отдельными частями Каролингской империи не было. Внешняя торговля была развита слабо, удовлетворяла только потребность верхушки общества в предметах роскоши и не оказывала серьезного влияния на общий уровень экономической жизни.

Распад империи Карла Великого. Под покровом временной централизации в империи происходила феодализация местного управления: граф из королевского должностного лица стал постепенно превращаться в сеньора своего округа, захватывая в собственность земли, вверенные его управлению, а свободное население графства оказывалось в положении его

вассалов или зависимых крестьян. Кьерсийский капитулярий 877 г. официально признал наследственность графской должности, закрепив ее за крупнейшими землевладельцами каждого графства. Этому же способствовали раздачи иммунитетов каролингскими королями и признание ими вассалитета в качестве главной законной общественной связи.

Временное объединение под властью Каролингов различных племен и народностей при отсутствии экономического, социально-правового, этнического и культурного единства между ними было возможно лишь до тех пор, пока франкские феодалы, особенно слой мелких и средних феодалов-бенефициариев, поддерживали королевскую власть. Когда же к середине IX в. в империи сложились основы феодального строя, позиция новых крупных землевладельцев по отношению к центральной власти изменилась.

Крупные феодалы стали почти независимыми от нее; мелкие и средние феодалы, становясь их вассалами, были гораздо больше связаны с магнатами, чем с королем. Крестьянство в основном стало уже зависимым. Подавление крестьянских движений, носивших лишь местный характер, производилось силами самих феодалов, связанных узами вассалитета.

Сын и преемник Карла Великого Людовик Благочестивый (814-840), прозванный так за свою ревностную приверженность церкви и щедрые дары ей, уже в 817 г. разделил империю между своими сыновьями, сохранив за собой лишь верховную власть. За этим разделом последовал ряд новых, которые привели к длительным междоусобиям и смутам. Наконец, в 843 г. после смерти Людовика его сыновья, собравшись в Вердене, заключили договор о новом разделе империи.

По Верденскому договору младший сын Людовика Благочестивого Карл по прозвищу Лысый получил земли к западу от рек Шельды, Мааса и Роны — Западно-Франкское королевство, включавшее основные территории будущей Франции. На этих землях господствовали романские языки, легшие впоследствии в основу французского языка. Средний из братьев — Людовик Немецкий — завадел областями к востоку от Рейна и к северу от Альп, население которых говорило на германских диалектах. Это королевство стало называться Восточно-Франкским, а позднее — Немецким. Старший сын Людовика Лотарь, согласно Верденскому договору, сохранил за собой императорский титул. Его владения складывались из Италии, а также земель, расположенных вдоль Рейна. Империя Лотаря представляла собой искусственное соединение осколков различных политических и этнических образований. Более или менее единым целым в нем была лишь Италия.

Таким образом, Верденский договор положил начало складыванию трех будущих европейских стран — Франции, Германии, Италии — и соответственно французской, германской и итальянской народностей.

3. Возникновение Французского королевства.

Начало Французскому королевству положил Верденский договор 843 г., по которому Франкское государство было поделено между сыновьями Людовика Благочестивого (см. гл. 4). После смерти Лотаря в 855 г. его

королевство распалось: старшему из его сыновей, Людовику, унаследовавшему императорский титул, досталось королевство Италия, второму, Карлу, — Юго-Восточная Галлия, составившая королевство Прованс (в дальнейшем Бургундия, или Арелат), младшему, Лотарю, — области между Северным морем и Вогезами — так называемая Лотарингия (впоследствии это название закрепилось лишь за землями в верховьях Мааса и Мозеля). Территория бывшего Франкского государства продолжала мыслиться как общее достояние потомков Карла Великого, поэтому смерть кого-то из них, как правило, влекла за собой перекройку границ, временные объединения и новые разделы. Чаще всего яблоком раздора становилась Лотарингия — средоточие родовых поместий Каолингов, где своя династия не сложилась. Поделенная в 870 г. между Карлом Лысым и Людовиком Немецким по Мерсенскому договору, она вскоре была восстановлена в прежних границах и в течение нескольких десятилетий переходила из рук в руки, но в конце концов вошла в состав Восточно-Франкского королевства на правах племенного герцогства. Западно-Франкское королевство, или, как оно стало со временем называться, Франция, вернулось к границам 843 г. и оставалось в их пределах до конца XIII в.

В этническом отношении Французское королевство представляло собой довольно сложное образование. На крайнем юго-западе страны, в Гаскони, проживали баски, на крайнем северо-западе — в Бретани, — кельты, на севере, во Фландрии, — германоязычные фламандцы. В начале X в. земли в низовьях Сены захватили норманны. Остальная территория была романоязычной, но занимали ее две народности: северофранцузская и южнофранцузская, или провансальская. Условная граница между ними проходила примерно по линии Пуатье — Лион. Население Испанской марки в основном составляли близкие по языку и культуре к провансальцам предки нынешних каталонцев.

Центр политической жизни королевства традиционно находился на северо-востоке страны. Постоянной столицы еще не было: королевский двор переезжал с места на место, чаще всего задерживаясь в Лане, а с конца X в. — в Париже. Управление удаленными областями было возложено на графов (comites) и их заместителей — виконтов (vicecomites). До середины IX в. они оставались государственными чиновниками. Борясь с сепаратизмом и местничеством, Каролинги старались назначать их наместниками в районы, где у тех не было имений, и при этом почаще менять их местами, но иногда (особенно на юге) были вынуждены привлекать к управлению и старую местную аристократию. Другим средством держать графов и виконтов в узде служили периодические наезды из центра так называемых государевых посланцев — ревизоров, третейских судей, глашатаев и т.д. Однако по мере того как графы и виконты обзаводились на вверенных им территориях вассалами и землями (в первую очередь благодаря установлению родственных связей с местной знатью), они все больше превращались из простых исполнителей монаршей воли в наделенных публичной властью феодалов. Постепенное вращение их в формирующиеся на местах

феодалы, наряду с расширяющейся практикой раздачи иммунитетных привилегий, затрудняло деятельность государевых посланцев, подрывало основы той относительно централизованной государственности, которая существовала при Карле Великом и Людовике Благочестивом.

Отправляясь в 877 г. в поход за Альпы, Карл Лысый был вынужден согласиться на то, чтобы должности и другие бенефиции тех его вассалов, которые не вернутся из похода, наследовали их сыновья. Закрепивший это решение Кьерсийский капитулярий оказался важным шагом на пути признания наследственного характера государственных должностей и других государевых пожалований. Принцип наследственности бенефициев (принятие которого знаменовало превращение их в феоды) утверждался постепенно и стал само собой разумеющимся лишь к концу X в.

С конца IX в. династия Каролингов правила лишь номинально. Реальная власть находилась в этот период в руках кого-либо из наиболее влиятельных северофранцузских феодалов, обычно графа Парижского из рода Робертинов, отличившихся в борьбе с норманнами. С пресечением в 987 г. династии Каролингов магнаты возвели на трон представителя именно этого рода, к тому времени также несколько утратившего былые могущество, — Гуго Капета (такое прозвище было ему дано по названию излюбленного головного убора). Его потомки — Капетинги — правили страной до 1848 г. (с перерывами в конце XVIII — начале XIX в.). Политическая чехарда, вызывавшая помимо всего прочего нарушение вассально-ленных обязательств, слабость и нерадивость большинства преемников Карла Лысого (ум. в 877 г.) немало содействовали падению авторитета королевской власти. Смена династии нанесла ему новый удар, поскольку во многих районах, особенно на юге, Капетинги были признаны далеко не сразу, а главное, формально.

Наиболее сильными центробежными тенденциями были в окраинных районах с нероманским в большинстве своем населением. Неудивительно поэтому, что уже в начале X в. Гасконь (составлявшая в дальнейшем одно целое с Гиенью), Бретань, Нормандия, в меньшей степени Бургундия оказались фактически независимыми. Особый статус этих земель получил отражение в титулатуре их правителей — герцогов. С властью короля всерьез считались только на северо-востоке, но и здесь ему противостояло несколько крупных вассалов, из которых по крайней мере двое — графы Фландрии и Шампани — были сильнее своего сеньора.

Суверенные права Гуго Капета и его ближайших преемников — Роберта Благочестивого (996-1031), Генриха I (1031-1060) и Финта I (1060—1108) — на деле ограничивались их собственным леном — небольшой и до начала XII в. почти не увеличившейся территорией между Парижем и Орлеаном, получившей впоследствии название Иль-де-Франс — «Остров Франции». За пределами домена их власть признавалась лишь постольку, поскольку выступали как сюзерены, т.е. верховные сеньоры, возглавлявшие феодальную иерархию. Король улаживал конфликты между вассалами, в случае их гибели опекал их несовершеннолетних детей, предводительствовал

на войне. В остальном крупные синьоры были вполне самостоятельны: вершили суд, чеканили монету, собирали в свою пользу налоги, затевали частные войны, открыто вступали в контакт с другими монархами и их вассалами, тем более что международные отношения строились на лично-сеньориальной основе. Вмешательству короля в свои внутренние дела они решительно противились, напоминая, что именно они возвели Капетингов на престол.

Тема 1.3. Юго-Западная Европа в VII—IX вв.

План

1. Италия в VII-IX вв.

2. Испания в VII — IX вв.

1. Италия в VIII-X вв.

Политическое развитие. Последняя крупная волна варварских нашествий в Европе пришлась на Италию. К концу VI в. значительную часть ее территории (Северная и Средняя Италия, на юге - Сполето и Беневент) завоевали лангобарды, составлявшие основное ядро широкого племенного союза. Южная Италия, а также Римский дукат и Равеннский экзархат остались владениями Византии, победившей в середине VI в. остготских правителей, но не сумевшей оказать решительного сопротивления вторжению в 568 г. новых варваров. Возникшее в результате их завоевания Лангобардское королевство просуществовало до 70-х годов VIII в., когда было захвачено франками Карла Великого.

При лангобардах вся территория королевства была разделена на герцогства, в которых сосредоточивалась административная, судебная и военная власть, что создавало условия для сепаратизма и усиления позиций отдельных герцогов. Лангобардские короли (их короновали «железной короной») сделали столицей г. Павию. Они предпринимали постоянные усилия для обуздания самовластья герцогов и стремились расширить свои владения, в частности присоединить к ним Римский дукат и Равеннский экзархат, совершали завоевательные походы в Южную Италию. Лангобардские короли не преуспели, однако, в осуществлении главной цели своей политики — объединении страны, что стало одной из причин победы Карла Великого. Не способствовала единству Лангобардского королевства и политико-правовая неоднородность его населения. Привилегированный слой составляли лангобарды, которые жили, как правило, компактными поселениями, где действовало лангобардское обычное право, зафиксированное в Эдикте Ротари (643 г.) и в законах последующих королей, в частности, в постановлениях Лиутпранда середины VIII в. Подвластное лангобардам коренное население Италии оставалось в сфере действия римского права. Отсутствовало в королевстве и религиозное единство — принявшие в свое время арианство лангобарды не спешили переходить в

католичество: многое здесь зависело от позиций герцогов, использовавших исповедальные различия в своих политических целях.

Франкское завоевание 774 г. включило Лангобардское королевство в состав обширного европейского государства, с 800 г. — империи, но не принесло Италии политического единства. В центре Апеннинского полуострова в 756 г. возникло Папское государство, или Папская область. Южная Италия (Апулия, Калабрия, Сицилия и ряд других территорий) оставалась под властью Византии. Карл Великий изменил территориально-административное деление своих владений в Италии: вместо герцогств были образованы 20 графств, отданных в управление представителям франкской знати. В IX в. в городах, являвшихся центрами епископских диоцезов (при франках католичество утвердилось повсеместно), судебные и фискальные функции переходили постепенно в руки епископов и избиравшихся из горожан скабинов, выполнявших преимущественно судебные обязанности. Контроль за деятельностью графов (в пограничных марках — маркграфов) и епископов осуществляли «императорские посланцы». Однако и при Каролингах процесс децентрализации власти усиливался, поскольку широко практиковалась раздача иммунитетных прав епископам и светским лицам. Иммунитетные территории выходили из юрисдикции графов.

Политическая раздробленность Италии не была преодолена и после распада империи Карла Великого, хотя по Верденскому договору 843 г. она обрела статус независимого королевства. С конца IX в. титул короля Италии постоянно оспаривали представители франкской знати. Непрочность верховной власти позволила венграм совершить в первой половине X в. ряд грабительских набегов на страну. Юг Италии подвергался частым нападениям арабов (сарацин), к концу IX в. овладевших Сицилией.

С середины X в. Северная и Средняя Италия становятся объектом притязаний со стороны германских королей. Сопротивление местного населения их завоевательной политике делало позиции императорской власти достаточно эфемерными. Более прочным оказывалось владычество графов, маркграфов и высшего духовенства — епископов, архиепископов, аббатов. Хотя формально многие земли Северной и Средней Италии вошли в состав империи, реальную силу императоры обретали лишь в то время, когда находились здесь со своим войском. Военные походы в Италию стали в XI—XII вв. одним из важных направлений политики германской империи, причем особенно привлекательными для ее правителей становились быстро развивавшиеся и богатевшие итальянские города.

Формирование феодальных отношений. В Италии складывание феодальных отношений происходило в VIII-IX в. в процессе синтеза романских и германских элементов, путем взаимовлияния порядков, характерных для местного римского населения и привнесенных варварами. В Лангобардском королевстве этот процесс протекал достаточно медленно и был ускорен франкским завоеванием.

В раннее средневековье в Италии шло два встречных процесса. С одной стороны, происходили изменения в хозяйственной системе, утвердившейся во владениях римской знати, которая основывалась на труде сервов, колонов и либертинов. Главной тенденцией здесь стало наделение земель сервов и других непосредственных производителей, расширение их экономической самостоятельности и снижение нормы эксплуатации. Стирала различия в социальном статусе разных категорий работников, превращавшихся в прикрепленных к наделу зависимых крестьян. В то же время среди римского населения сохранялась прослойка мелких свободных собственников земли, самостоятельно ведущих свое хозяйство.

С другой стороны, в лангобардскую эпоху на землях, занятых варварами, существовали порядки, характерные для разлагавшегося родоплеменного строя. Большая семья (у лангобардов — фара) обладавшая правами на пахотный надел, который обрабатывался сообща ее членами, постепенно дробилась на малые индивидуальные семьи, получавшие права на землю. С возникновением у лангобардов аллода стал заметно расти в VIII в. слой свободных мелких собственников, близких по своему хозяйственному положению к римским посессорам. Дифференциация в их среде вела к возникновению свободных арендаторов — либелляриев, получавших землю по договору (либелла) в наследственное пользование с широкими правами распоряжения наделом и фиксированной рентой (денежный чинш или часть урожая). Число либелляриев росло и за счет сервов и колонов, обретавших, как правило, за выкуп личную свободу.

В IX-X вв. либеллярии и другие наследственные держатели (эмфитевты, прекаристы) составляли в Северной и Средней Италии широкую прослойку мелких держателей, постепенно оказывавшихся в разных формах личной зависимости от земельных собственников. Эта тенденция наметилась еще в пору франкского господства, когда раздавались иммунитеты и бенефиции, быстро превращавшиеся в наследственные феодалы. Складывавшаяся в VIII—IX вв. феодальная вотчина, в том числе на церковных и монастырских землях, отличалась незначительными размерами домена — в ней преобладали наделы, обрабатывавшиеся либелляриями, колонами, сервами, либертинами, которые оказывались не только поземельно, но и лично зависимыми от вотчинника. Слой крупных земельных собственников составляли потомки римской знати, лангобардская верхушка (герцоги и королевские чиновники), представители франкской знати. Обширные вотчины возникали и на церковных и монастырских землях — при франках позиции католической церкви заметно усилились. Некоторые монастыри — Боббио, Фарфа, Монтекассино и др. — уже в IX в. стали крупнейшими земельными собственниками.

В Южной Италии, лишь частично затронутой лангобардским завоеванием, процесс феодализации шел медленнее, чем в центральных и северных областях полуострова. В раннее средневековье здесь продолжали господствовать хозяйственные порядки, сложившиеся еще в позднеимперскую эпоху. Основную массу рабочей силы в поместьях составляли сервы и

колоны. Сохранялся и слой мелких посессоров. Политика Византии была направлена в целом на консервацию существующей социально-экономической системы, некоторые изменения в статусе рабов и колонов все же происходили. В рамках этой политики проводилась и греческая колонизация в Калабрии и приморских городах Южной Италии - сюда переселялись византийские чиновники и разные категории трудового люда, причем рабы часто получали свободу. Арендные отношения получили распространение в X— XI вв. и сопровождались установлением личной зависимости арендаторов от собственников. Феодальный уклад сформировался в Южной Италии на столетие позже, чем в Средней и Северной Италии, к концу X в., и стал итогом трансформации преимущественно позднеримской хозяйственной системы. Наметившиеся в раннее средневековье различные пути и темпы складывания феодализма в Южной Италии и остальной части страны сохранились и в последующие столетия его эволюции, в пору его наиболее полного развития.

Рост городов. Важной особенностью истории Италии в отличие от других стран Европы был рано обозначившийся процесс оживления городской жизни. Уже в VIII в. постепенно восстанавливались города, разрушенные в эпоху варварских завоеваний или пришедшие в запустение в первые столетия средневековья в связи с общей натурализацией экономики страны. Но даже в этих условиях многие античные города Италии продолжали существовать в своем прежнем качестве торгово-ремесленных центров, хотя масштабы товарного производства и их торговые связи резко сократились. Именно в таких центрах, как Милан, Верона, Болонья, Рим и другие, имел место прямой континуитет от античного города к средневековому. Многие итальянские города и поныне сохраняют римскую планировку центральных улиц и площадей.

В VIII - IX вв. возникали и новые городские поселения, часто на перекрестках торговых дорог или путей пилигримов, по берегам рек и в морских бухтах. Складывались постоянные рынки внутри страны, расширялись торговые связи со странами Европы, Африки, Ближнего Востока, чему весьма способствовало выгодное географическое положение Италии. В начальную пору подъема городов благоприятно сказывалась на их росте королевская политика покровительства купцам и ремесленникам в фискальных целях. В IX в. интенсивностью экономической жизни отличались многие города Северной и Средней Италии — Асти, Милан, Верона, Пьяченца, Равенна, Лукка. Крупным центром была Павия, остававшаяся столицей до начала XI в. На побережье Тирренского моря в X в. формировались крупные порты - Генуя, Пиза, Амальфи, имевшие широкие торговые связи с Испанией, Тунисом, Египтом, Византией. Пиза и Генуя обретали силу и в борьбе с морскими набегами арабов, обосновавшихся на о. Сицилия: создавался флот, способный отразить угрозу пиратского разбоя и даже перейти в контрнаступление. Важным торговым посредником между Востоком и Западом был г. Бари, главный центр византийских владений в Южной Италии.

В Восточном Средиземноморье сильным конкурентом Пизы и Генуи стала Венеция, основанная в V в. на островах в устье р.По и богатевшая на посреднической торговле и экспорте добывавшейся в лагуне соли. Крупные портовые города вели активную торговлю не только на внешних рынках, но и внутри страны, вовлекая в международный товарооборот сельскохозяйственную продукцию (зерно, вино, оливковое масло) и изделия ремесленников (оружие, ткани, стекло и др.). Несмотря на размах посреднической торговли, главной основой богатства многих итальянских городов было интенсивное развитие в них товарного ремесленного производства и рано наметившаяся в нем специализация. Так, Милан уже в X в. стал центром оружейного дела, Павия славилась выделкой кож, Лукка — изготовлением тонких сукон, Венеция — изделиями из стекла. В ряде городов Южной Италии впервые в Европе началось изготовление шелковых тканей на местном сырье — в деревнях стали выращивать тутового шелкопряда. Позже шелкоткацкое производство было организовано в Лукке и Венеции. В каждом городе формировался свой набор ремесел — и тех, что были необходимы для жизни самого города (продовольственные товары, одежда и т.д.), и тех, что работали преимущественно на экспорт. Вывозили сукна, шелк, льняные ткани, ювелирные изделия, кожаную продукцию и ряд других товаров. В раннее средневековье город имел и сельскохозяйственный облик — его ближайшая округа (контрада), а порой и территория внутри городских стен включали принадлежащие горожанам сады, виноградники, пахотные участки, обеспечивающие их продовольствием, а иногда и сырьем. Позже, в XI—XIII вв., итальянский город оказал огромное влияние на развитие сельского хозяйства и социальную структуру деревни, что во многом обусловило специфику феодальных отношений в стране. Высокая степень урбанизации стала характерной чертой Италии уже к концу раннего средневековья. Сближение развитых городов — важный фактор, воздействовавший на политическую судьбу и культурную жизнь Италии в средние века.

2. Испания в VII — IX вв.

Мусульманское завоевание Испании. К концу VII в. арабы завершили покорение византийских владений в Северной Африке, и в 709 г. их первый отряд высадился на территории Вестготского королевства. Кроме арабов в завоевании участвовали коренные жители Северной Африки — берберы, незадолго до того принявшие ислам. В 711 г. началось их вторжение в Испанию. Вестготское войско значительно превосходило врага численно, однако потерпело сокрушительное поражение в первой же крупной битве; к 714г. сдались все крупные крепости королевства. Арабы и берберы (в христианском мире их обычно называли маврами) захватили вестготские владения и к северу от Пиренеев, однако их продвижение в глубь Франкского королевства было остановлено Карлом Мартеллом.

Слабость Вестготского королевства была обусловлена острыми внутренними социальными и политическими противоречиями. Крестьянство было отягощено повинностями и государственными налогами; знать вела

ожесточенную борьбу за престол, поскольку принцип наследования королевской власти здесь так и не утвердился; огромное влияние католической церкви вызывало недовольство части светской знати, а также проживавших в стране ариан и иудеев. Поэтому основная масса населения довольно безразлично отнеслась к вторжению арабов, а некоторые представители господствующей верхушки (например, архиепископ Севильи) даже помогали им. Серьезное сопротивление мавры встретили лишь на гористом севере полуострова, где несколько позже сформировались испано-христианские государства.

Мусульманская Испания. До 755 г. мусульманская Испания (или ал-Андалус) входила в состав Дамасского халифата. Когда власть там захватили Аббасиды, представитель свергнутой династии Омейядов Абд ар-Рахман сумел утвердиться в ал-Андалусе и провозгласил себя эмиром. Его столицей стал город Кордова. В 929 г. эмир Абд ар-Рахман III окончательно утвердил независимость арабской Испании от других исламских государств, присвоив себе титул халифа. X век был вершиной политического могущества ал-Андалуса, однако вызревавшие в это время тенденции феодальной раздробленности вызвали в 1008—1031 гг. серию междоусобиц и дворцовых переворотов, что привело к распаду халифата на несколько десятков независимых княжеств-тайф, крупнейшими из которых были Кордовская, Толедская, Севильская, Валенсийская, Сарагосская тайфы.

В экономическом отношении мусульманская Испания представляла собой процветающий регион раннесредневековой Европы. На юге полуострова были созданы ирригационные системы, позволившие значительно поднять урожайность традиционных культур (зерновых, винограда и др.) и начать культивирование новых (сахарный тростник, рис, хлопок, некоторые овощи и фрукты). В центральных районах страны получило широкое распространение перегонное овцеводство. Значительная часть завоевателей осела в городах, которые быстро превратились в торгово-ремесленные центры. Ал-Андалус славился своими тканями, керамикой, изделиями из металла и кожи. Несмотря на сложные отношения с остальным исламским миром, арабская Испания активно торговала на Средиземном море, ее монета обращалась на огромной территории от Индии до Ирландии. Экономическое благополучие отличало ал-Андалус вплоть до его окончательного покорения христианами в XV в., делало его города привлекательной целью для военных походов.

Социальный строй ал-Андалуса свидетельствует о специфичности местного варианта феодализма. В сельском хозяйстве господствовало мелкое крестьянское хозяйство при фактически полном отсутствии домена. Не получили развития прикрепление крестьян к земле и связанные с ним тяжелые формы личной зависимости. Крестьяне, как правило, арендовали на тяжелых условиях (до 2/3 доходов с земли) участки у крупных землевладельцев (воинов, чиновников, придворных и т.п.), проживавших обычно в городах, а также платили значительные налоги в казну. В отличие от других западноевропейских стран раннего средневековья платежи взимались главным образом деньгами.

Политическое развитие ал-Андалуса даже в период халифата с его централизованной и развитой администрацией отличалось относительной нестабильностью. Правители отдельных территорий, особенно окраинных, нередко добивались реальной автономии от Кордовы. Постоянно вспыхивали мятежи, вызванные противоречиями между племенными группировками арабов, между арабами и берберами. Непросто складывались и отношения завоевателей с местным населением. Значительная часть его приняла ислам, другая, сохранив свою религию, усвоила язык и культуру мавров (таких называли мосарабы, т.е. арабизированные). Тем не менее эти категории населения не были полноправными, часто поднимали восстания, особенно в периоды усиления мусульманского религиозного фанатизма. Главным очагом таких восстаний был город Толедо.

Высокоразвитая городская цивилизация мусульманской Испании стала базой для невиданного в раннесредневековой Западной Европе развития культуры. В светских и религиозных школах Кордовы, Севильи, Толедо изучались право, философия, история, причем здесь учились и выходцы из христианской Европы. Библиотека кордовских халифов насчитывала более 400 тыс. свитков, в том числе переводы античных и византийских авторов. Деятельность андалусских ученых и переводчиков сыграла большую роль в становлении европейской средневековой науки; сюжеты и художественные приемы испано-арабской литературы активно заимствовались писателями и поэтами других стран; арабская лексика обогатила все европейские языки, в особенности испанский и португальский.

Возникновение испано-христианских государств и начало Реконкисты. В ходе завоевательного похода 709—714 гг. арабам не удалось покорить небольшую территорию между Кантабрийскими горами, Пиренеями и Бискайским заливом. Эти земли, заселенные кантабрами, астурами, басками, не смогли в свое время захватить ни римляне, ни готы, здесь почти не получили распространения процессы феодализации. Бежавшие в Астурию немногочисленные остатки вестготского войска получили поддержку местного населения. В 718 г. близ местечка Ковадонга был разбит арабский отряд, посланный для ликвидации этого последнего очага сопротивления. Командовал победителями Пелайо, родственник последнего готского короля; он был провозглашен первым королем Астурии.

К концу 50-х годов VIII в., воспользовавшись междоусобицами в ал-Андалусе, астурийские короли сумели захватить земли, в несколько раз превосходившие по площади первоначальную территорию государства. Часть этих земель (Галисия) была присоединена, часть опустошена. На границах образовалась своеобразная заградительная полоса от арабских набегов, которая служила одновременно земельным фондом, пригодным для колонизации и хозяйственного освоения (они зафиксированы в источниках уже в самом начале IX в.). Процесс возвращения и колонизации испано-христианскими государствами занятых мусульманами территорий получил названия Реконкиста (по-испански — отвоевание).

Стабильность этого процесса и его конечная победа в XV в. были обусловлены тем, что все группы населения христианских территорий по тем или иным причинам были заинтересованы в Реконкисте. Феодалы в ходе завоеваний получали новые земли, должности в администрации покоренных областей, укрепляли свою самостоятельность по отношению к центральной власти. Церковь не только получала обширные земельные пожалования, но и учреждала в бывших мусульманских владениях новые приходы, монастыри, епископства, использовала лозунги борьбы христианства против ислама для усиления своего идейного и политического влияния в обществе. Победы над ал-Андалусом обогащали королевскую казну, упрочивали позиции и престиж короны как внутри страны, так и на международной арене. Крестьянство стремилось найти на новых территориях облегчение от сеньориальных и государственных повинностей, приобрести землю, еще не поглощенную феодальными вотчинами. Города, которые основывались в ходе Реконкисты или заселялись христианами после отвоевания, пользовались значительными льготами. Общим для всех участников войн с маврами было стремление к захвату богатой добычи.

Реконкиста длилась почти восемь веков и имела свои особенности на различных этапах истории Испании. Так, до середины VIII в. для астурийской Реконкисты было характерно переселение людей с юга на север, освоение внутренних районов королевства выходцами из разоренных войной территорий, а также эмигрантами-маврами. До середины IX в. заселение безлюдных пограничных земель велось на свой страх и риск отдельными крестьянами и вотчинниками. Позже, когда граница Реконкисты подошла к заселенным землям, замкам и городам, руководство ею взяла на себя королевская власть.

В конце VIII в. наряду с королевством Астурия на Пиренейском полуострове сложился еще один центр Реконкисты — владения франков. Хотя поход Карла Великого на Сарагосу в 778 г. не был удачным, вскоре после него франкам удалось захватить территорию нынешней Каталонии. Там была создана Испанская марка с центром в Барселоне. Горные районы между Астурией, Каталонией и арабскими владениями переходили из рук в руки. Пока в течение IX—X вв. здесь не образовались два небольших государства — королевство Наварра и графство Арагон. Таким образом, весь север полуострова был отвоеван у арабов.

В X — начале XI в. на политической карте Испании происходят серьезные изменения. После распада империи Каролингов на территории Испанской марки образуется фактически самостоятельное графство — Барселонское. Астурийские короли, отвоевав у мавров несколько крупных городов к северу от реки Дуэро, перенесли свою столицу из Овьедо в Леон. Во второй половине X в., в период наивысшего расцвета халифата, Реконкиста приостановилась. Мусульмане под командованием талантливого полководца аль-Мансура неоднократно опустошали как Астуро-Леонское королевство, так и Барселонское графство. Королевская власть в Леоне в это время ослабела, большое влияние в стране приобрели фафы Кастилии, сумевшие

объединить прежде раздробленные земли на востоке страны. В 1035 г. Арагон и Кастилия стали королевствами. В 1037 г. кастильский король Фернандо I разбил леонского короля и объединил под своей властью запад христианской Испании. Таким образом, к концу 30-х годов XI в. на Пиренейском полуострове сложились: королевство Кастилия, Наварра и Арагон, графство Барселонское с вассальными территориями и около тридцати мусульманских княжеств.

Социально-экономический и политический строй Астури-Леонского королевства. Север Пиренейского полуострова, за исключением побережья Каталонии, был отсталой окраиной как римской, так и готской Испании. Арабское завоевание, постоянные набеги с юга также препятствовали экономическому развитию региона. До XI в. Астури-Леонское королевство было малолюдной аграрной страной. Жители небольших, удаленных друг от друга деревень занимались возделыванием злаковых (пшеница, ячмень) и технических (лен, конопля) культур. Под влиянием Реконкисты необычайно широкое распространение получило скотоводство. Оно требовало меньшего количества рабочих рук, чем земледелие; в случае военной опасности стада были гораздо менее уязвимы, чем посевы; пограничные территории с их благоприятным ландшафтом и редким населением могли успешно использоваться под пастбища; широкое применение конницы в войнах также стимулировало развитие этой отрасли хозяйства. Поскольку названные факторы действовали на протяжении всей Реконкисты, скотоводство долго оставалось важнейшим элементом экономики средневековой Испании. Кроме того, в Астури-Леонском королевстве получили развитие промыслы (рыболовство, добыча соли), домашнее и вотчинное ремесло. Торговля была слабой.

Источниками формирования зависимого крестьянства были: дифференциация в среде свободных кантабро-баскских общинников; переселение на север (вместе с вотчинниками) части зависимого населения в процессе арабского завоевания; захват свободных земель внутри страны вестготской и местной знатью и подчинение живущих на них общинников; включение в феодальные вотчины завоеванных территорий и их населения; помещение на земле пленных мавров. К середине X в. в королевстве складывается система феодальных повинностей. Поземельно зависимые крестьяне выплачивали поземельный налог, отрабатывали полевые барщины. Лично зависимые кроме того платили подушную подать, поборы за право наследовать имущество, вступать в брак вне вотчины. Потребности Реконкисты обусловили весомую долю служб и платежей военно-административного характера (военный налог, налоги и отработки по ремонту дорог, укреплений, мостов) в системе повинностей. Существенное значение имели поборы за пользование покосами и пастбищами.

Тем не менее, несмотря на разнообразие и обилие феодальных повинностей, в Астури-Леонском королевстве не сложились предпосылки для развития особенно тяжелых, жестких форм крестьянской зависимости. Необходимость колонизации новых земель заставляла вотчинников и

королевскую власть предоставлять переселенцам льготные условия поселения, частыми были случаи бегства крестьян на свободные территории близ южной границы. В такой обстановке даже в глубинных районах страны феодалы были вынуждены смягчать эксплуатацию; серваж исчез уже к XI в. Кроме того, свободные крестьяне составляли важный источник пополнения войска, что побуждало государство заботиться о сохранении данной категории населения. С X в. кастильские графы даже предоставляют свободным крестьянам, способным содержать боевого коня и снаряжение, некоторые привилегии, сближавшие таких крестьян (их называли кабальеро-вильяно) с низшими слоями господствующего класса. Свободное крестьянство пополнялось и за счет привлечения на пустующие земли переселенцев-мосарабов из ал-Андалуса.

В состав господствующей верхушки Астуро-Леонского королевства входила высшая светская знать, средние и мелкие служилые феодалы (инфансоны), крупное духовенство. Феодалная вотчина здесь отличалась относительно неразвитым доменом; значительную роль в доходах феодалов помимо поземельных платежей играли поступления от военной добычи, отправления судебных и административных должностей. Наибольшая концентрация крупного вотчинного землевладения наблюдалась в Галисии, наибольшее распространение мелкого крестьянского и вотчинного землевладения — в Кастилии.

Астуро-Леонское королевство было раннефеодальным государством. В VIII в. король в значительной степени являлся еще военным вождем, опиравшимся на вооруженную силу свободных общинников, лишь к X в. утвердился принцип наследования верховной власти, сложилась достаточно примитивная система центральной и местной администрации (королевский совет, дворцовые графы, судьи и графы на местах). Большую роль в военной организации наряду с феодальными дружинами продолжало играть крестьянское ополчение. Особенностью внутрифеодальных отношений было сравнительно слабое распространение иммунитетов, замедленное превращение бенефициев (в Испании они назывались престимониями) в феоды и постоянное укрепление королевского домена за счет включения в него отвоєванных у мавров земель. Это способствовало относительной стабильности центральной власти. Кроме того, очевидная внешняя опасность заставляла феодалов ограничивать сепаратистские устремления. Вследствие этого феодальная раздробленность не приводила в Испании к утрате государственного единства.

Каталония. В IX в. на территории Испанской Марки возникает несколько графств, управляемых наместниками франкских государей — графами. Наиболее сильным из них было графство Барселонское, где в последней четверти столетия укореняется династия, основанная графом Вифридом Волосатым. После распада франкской державы Испанская Марка оказалась в составе Западно-Франкского королевства. Самостоятельность ее постепенно росла, и когда в 987 г. во Франции была низложена династия Каролингов, графы Испанской Марки отказались признать Гуго Капета королем. С этого

времени их подчинение французской короне стало номинальным, хотя и сохранялось юридически до 1259 г. В XI в. в Испанской Марке происходит политическая консолидация вокруг Барселонского графства, постепенно подчинившего себе другие графства области. В дальнейшем за ней закрепляется название «Каталония», которое, как и топоним «Кастилия», по-видимому, означает «страна замков».

Каталония также участвовала в Реконкисте, хотя и в меньшей мере, чем государства Западной Испании. Борьба шла с переменным успехом. В середине X в. каталонские графства признавали вассальную зависимость от Кордовского халифата и поддерживали с ним интенсивные торговые связи. В 985 г. мавры неожиданно напали на Барселону и разорили ее, но уже через два-три десятилетия инициатива перешла в руки христиан. К началу XII в. граница была отодвинута на юг, в сторону реки Эбро, а некоторые мусульманские правители, включая эмира Сарагосы, платили графам Барселоны дань.

Колонизация новых земель способствовала постоянному пополнению слоя крестьян-аллодистов, особенно в Южной, так называемой Новой Каталонии, где крестьяне были одновременно обязательно воинами. В Старой Каталонии также сохранялось крестьянское аллодиальное землевладение, сложившееся в ходе франкских завоеваний начала IX в. Однако здесь оно рано стало объектом притязаний со стороны светских и церковных сеньоров, с X в. опиравшихся на хорошо укрепленные замки, столь важные в приграничных условиях. Феодальная вотчина этого района была архаичной (вплоть до начала XI в. в ней использовался труд рабов) и влияние Реконкисты испытала на себе сравнительно слабо.

В Старой Каталонии феодализация проходила быстрее, чем где бы то ни было в христианской Испании, а феодальная зависимость приняла наиболее тяжелые для крестьян формы. Свобода перехода крестьян из одной вотчины в другую или переселение их на новые земли существенно ограничивались, платежи взимались в большем размере, чем на западе Пиренейского полуострова, и сопровождались достаточно обременительными службами, в том числе уничижительного характера. В середине XI в. крестьянские повинности были зафиксированы в первом кодексе феодального права Каталонии (одном из древнейших в Европе) — «Барселонских обычаях». Центральное место в этом своде занимают статьи, регулирующие взаимоотношения в среде феодалов. Они свидетельствуют, что социально-политическое развитие в Каталонии совершалось примерно в том же направлении и такими же темпами, что и в Южной Франции.

Наварра и Арагон. Общественный строй Наварры и Арагона в раннее средневековье был более архаичен, чем в Астуро-Леонском королевстве и Каталонии. Этот район был очень слабо освоен римлянами, влияние вестготов и франков также было поверхностным. В рассматриваемый период здесь преобладало баскоязычное население, романизовавшееся очень медленно. Землевладение феодального типа развивалось главным образом в долинах больших рек, в горах же сохранялись свободные крестьянские

общины. Запоздалым было и формирование феодальной иерархической структуры. Об утверждении в этих государствах феодального строя можно говорить не ранее, чем с середины XI в.

На рубеже X-XI вв. при короле Санчо Великом Наварра со столицей в Памплоне была сильным государством, подчинившем себе Арагон и Кастилию. После смерти Санчо (1035 г.) его держава распалась; Наварра, оттесненная от арабской границы своими более активными соседями, постепенно отошла от участия в Реконкисте. В дальнейшем ее судьба оказалась все теснее связанной с судьбой Франции. Арагон, напротив, ведет в XI в. последовательно наступательную политику, понемногу расширяя свои владения за счет мусульманских эмиратов долины Эбро. Общность целей во внешней политике с графством Барселонским предопределила слияние их в XII в. в единое государство.

Тема 1.4. Византийская империя в IV—IX вв.

План

- 1. Византия в IV - первой половине VII в.**
- 2. Византия во второй половине VII — первой половине IX в.**

1. Византия в IV - первой половине VII в.

Образование Византийской империи. В 330 г. император Константин I перенес столицу Римской империи на Восток, в город Византий, древнюю мегарскую колонию на Босфоре. Новую столицу называли в честь императора «городом Константина» (Константинополем). Восточные провинции включали плодородные земли, лежащие в более благоприятной природно-климатической зоне. Здесь было больше полезных ископаемых (золота, серебра, меди, железа), источники нефти, залежи мрамора и других минеральных ресурсов; более плотным было здесь и население, обладавшее к тому же более высоким культурным уровнем. Исключительно удачный выбор места для новой столицы в перекрестье торговых путей между странами Востока и Запада, юга и севера, а также в центре интенсивного культурного обмена, обусловил ее быстрое превращение в крупнейший город Европы.

Выделение восточных провинций в особую государственно-политическую систему было завершено официальным разделом Римской империи в 395 г. на Западную и Восточную. В состав Восточно-Римской империи вошли: Балканский полуостров, Малая Азия, Северная Месопотамия, часть Армении и грузинских земель, Сирия, Палестина, Египет, Киренаика, Кипр, Крит, Родос и другие острова Восточного Средиземноморья, а также южное побережье Крыма. На этих землях жили: греки, иллирийцы и фракийцы (уже подвергшиеся романизации и эллинизации), армяне, грузины, сирийцы, евреи, копты и другие этнические группы. Грекам, однако, принадлежала ведущая роль в общественной и культурной жизни империи.

После падения Западной Римской империи в 476 г. Восточная осталась единственным продолжением некогда единой империи, и сами ее подданные, независимо от их этнического происхождения, по-прежнему называли ее «Римской (по-гречески «Ромейской») империей», а себя «ромеями». И эта черта самосознания подданных оставалась до конца одной из ярких особенностей их менталитета. Наименование «Византия» (от названия города Византий) изредка употребляли уже греческие интеллектуалы с XIV в., но утвердиться в литературе оно стало в XVI-XVII вв. благодаря западноевропейским эрудитам.

В долинах рек, на равнинах (во Фракии, Фессалии, на Пелопоннесе, в Северной Африке) было широко распространено хлебопашество, особенно в Египте, бывшем до середины VII в. главной житницей империи.

В приморских субтропических районах были высоко развиты культура олив, виноградарство и садоводство. На Балканах к северу от Южной Фракии и Южной Македонии, а также на высокогорьях и плоскогорьях Малой Азии преобладало скотоводство: разводили крупный и мелкий рогатый скот, свиней, лошадей, ослов. Использование тягловой силы животных (быков, буйволов) было всюду необходимым условием возделывания злаков.

Восточно-Римская империя многократно превосходила Западную по численности городов. Константинополь и Фессалоника, Коринф и Фивы, Смирна и Эфес, Никея и Никомидия, Дамаск и Бейрут, Антиохия и Александрия были средоточием ремесла и торговли, крупными экономическими, политическими и культурными центрами. Даже мелкие и средние города, особенно многочисленные на побережье, торговали друг с другом и с зарубежными странами. Купцы империи доминировали на рынках всего Средиземноморья, они освоили торговые пути на Кавказ, в Центральную Азию, Северное Причерноморье, в Индию и Китай, достигая на Западе Британии, а на Востоке — Тапробаны (Цейлона).

Особенности социально-экономического, общественно-политического и культурного развития Византии позволяют выделить в ее истории несколько периодов: ранний (IV — первая половина VII в.), средний (вторая половина VII-XII в.) и поздний (XIII -середина XV в.). В истории ранней Византии выделяется внутренний рубеж - конец VI в. До этого времени преобладали позднеантичные формы в общественной и политической жизни, а затем наступила эпоха их крушения, началась собственно византийская история империи как средневекового государства.

Византийская деревня в IV-VI вв. Помимо более благоприятных природно-климатических условий большое значение для судеб Восточно-Римской империи имела и специфика ее аграрного строя. Здесь было гораздо шире распространено свободное крестьянское землевладение, оказавшееся наиболее перспективной формой организации сельскохозяйственного производства в условиях средневековья. Деревня представляла собой соседскую общину (митрокомию). Частная собственность крестьянина на пахотную землю и приусадебный участок сочеталась с общинной собственностью на угодья, неподеленную сельскую округу. В отличие от

западной марки, общинники были здесь теснее связаны производственными и социальными связями. Община в Византии была податной, т.е. обязанной платить в пользу казны разнообразные налоги и выполнять государственные отработочные повинности. Общинники были связаны круговой порукой: при налоговой несостоятельности кого-либо из них его участок присоединяли к участкам соседей с обязательством вносить за него налоги (эту меру называли эпиболэ — «прибавка»).

Более многочисленным был в Византии и слой свободных колонов, обладавших владельческими правами на свои участки. Они приближались по статусу к наследственным арендаторам-эмпитевтам, которых эдиктом Анастасия I (491-518) запрещалось сгонять с земли после того, как семья непрерывно арендовала ее в течение 30 лет. Колоны-энапографы были гораздо менее многочисленными на Востоке, чем на Западе, — они мало отличались от рабов, посаженных на пекулий. Рабов еще использовали в сельском хозяйстве, но роль их неуклонно снижалась. Большинство рабов в деревне на Востоке уже в V—VI вв. были переведены на пекулий. Положение колонов не было стабильным: в VI в. их владельческие права были урезаны, а статус энапографов был распространен на свободных колонов.

В V—VI вв. существенную роль в византийской деревне стали играть патронатные отношения — одна из зародышевых форм будущей средневековой крестьянской зависимости: разорившиеся крестьяне бежали от бремени казенных налогов на землю крупного собственника, отдавались под его покровительство, становились зависимыми поселенцами в его имении. Юридически они сохраняли статус свободных людей, но условия их существования целиком определялись хозяином земли. Несмотря на запреты центральной власти, число крестьян под патронатом, особенно на церковных землях, росло. Уже в V в. стал употребляться и специальный термин для обозначения этой категории зависимых крестьян - парики («присельники»). Число крупных владений в V-VI быстро сокращалось. Исключение составляли разбросанные по всем провинциям империи многочисленные императорские имения, а также непрерывно растущие владения церкви и монастырей.

Все это определило более благоприятные условия сельскохозяйственного производства на Востоке: последствия кризиса здесь ощущались слабее и позднее, чем на Западе (на рубеже V-VI вв.)

Город, ремесло и торговля. Восточноримские города не пережили в V — середины VI в. упадка, как это было на Западе. Византия оставалась страной городов, которые здесь по-прежнему господствовали над деревней. Большинство имперской знати, чиновничество, крупные землевладельцы, богатые торговцы и судовладельцы жили в городах, но основную массу горожан составляли ремесленники, мелкие торговцы, наемные работники, а также рабы, большинство которых сосредоточивалось в крупных городах.

Главной производственной организацией в городе была небольшая ремесленная мастерская (эргастирий), нередко совмещенная с лавкой, в

которой ее хозяин продавал изделия, изготовленные им самим, своим собственным инструментом, с помощью двух-трех наемных работников или рабов. Часто само помещение под мастерскую ремесленника арендовал у домовладельца. Помимо эргастриев свободных ремесленников имелись мастерские, принадлежавшие казне, церкви, светской знати. В них трудились и наемные работники, и рабы, нередко получавшие мастерскую от господина в качестве пекулия. Особенно много было рабов в императорских мастерских, монополизировавших производство многих предметов роскоши (с середины VI в. среди них видное место занимали шелковые ткани), дворцового реквизита, дорогого оружия и воинского снаряжения, чеканку монеты. Запросы привыкшей к роскоши элиты стимулировали производство высококачественных товаров, внешнюю и внутреннюю торговлю. Византийский золотой солид (номисма) стал на многие века подлинной международной валютой средневековья.

В Позднеримской империи ремесленники были насильственно, в фискальных целях, объединены по роду занятий в коллегии, к которым были прикреплены, отвечая своим имуществом за уплату налогов и выполнение повинностей всеми членами объединения. Дети членов коллегии наследовали занятия и статус родителей. С середины VI в., в связи с упадком центральной власти и сами византийских городов, коллегии постепенно теряли свое значение. Стали складываться профессиональные ремесленные и торговые объединения на добровольной основе.

В V – VI вв. жизнь города еще определялась позднеантичными институтами. Город оставался полисом-общиной, владевшей сельской округой, где горожане имели участки земли и вели свое хозяйство. Города обладали правом самоуправления. Во главе органов власти – курий – стояли представители местной знати. Куриалы отвечали своим имуществом за поступление налогов с горожан, были обязаны за свой счет содержать общественные здания, поддерживать благоустройство города, раздачу продовольствия городской бедноте, устраивать празднества и зрелища. С упадком города он постепенно терял свои полисные земли, переходившие в руки представителей центральной власти, духовенства, сельских общин. Куриалы разорялись. Государство, стремясь стабилизировать положение, прикрепило их к куриям, сделав, как тогда говорили, «рабами своих предков»: родившийся куриалом куриалом и умирал. Но и эти крайние меры не остановили процесса оскудения городов.

Государство. Черты непосредственной преемственности между поздней Римской империей и Восточно-Римской (Византией) особенно ярко выразились в формах организации власти. Верховная власть (законодательная, исполнительная, судебная) принадлежала императору. Оставался в силе со времен домината принцип: «Что угодно императору, имеет силу закона». В IV—V вв. сложился союз государственной власти с христианской церковью: император обеспечивал защиту церкви и господство среди подданных христианского вероисповедования, церковь же освящала власть императора как власть «помазанника Божия». Персона императора

была окружена поклонением и роскошью. Все его отношения с подданными регламентировались строгими нормами торжественного церемониала.

Император признавался единственным законным повелителем всей ойкумены (цивилизованного, христианского мира), которая в IV — первой половине V в. в сущности совпадала с Римской империей: кроме нее в Европе и Передней Азии не существовало никаких иных государств. Поэтому и позднее, в эпоху образования «варварских» королевств, император претендовал на высший политический авторитет среди них. Теоретически власть новых властителей лишь в той мере признавалась законной, в какой они признавали верховенство императора. Однако его власть в самой империи не была наследственной. Переход ее к новому государю во многом зависел от синклита (сената), состоящего из представителей высшей гражданской и военной знати, от армии, от позиции высшего духовенства, а иногда — и от симпатий простых константинопольцев. Поэтому императоры, чем дальше, тем чаще стали прибегать к институту соправительства: они официально короновали своих сыновей как младших соучастников своей власти, рассчитывая законно обеспечить ее своим потомкам. Но и эти меры не всегда достигали цели — традиции старого Рима, согласно которым даже высшая власть была лишь «магистратом», т. е. должностью на службе у подданных, оказались чрезвычайно живучими, так как во все эпохи отвечали интересам высшей имперской знати.

Административный аппарат империи был чрезвычайно громоздким. В его организации в IV-VI вв. господствовал принцип разделения гражданской и военной властей при определяющей роли столичного чиновничества во главе с императором. Центральное управление концентрировалось в его дворце и было специализировано по ведомствам-канцеляриям. Важнейшими из них были налоговое, военное, императорских имуществ и внешних сношений. Второй важный принцип состоял в делении знатных и чиновных лиц на иерархически соподчиненные ранги и разряды с соответствующими титулами. Как правило, высокую должность мог занять лишь человек, имевший определенный титул или наделенный им при занятии должности. Обладатели высоких постов (как в столице, так и в провинциях) получали от императора плату, в десятки и сотни раз превосходившую вознаграждение рядовых чиновников. Впрочем, фавориты императора пользовались огромным влиянием, даже если не обладали ни высоким постом, ни пышным титулом. Они входили в узкий совещательный (иногда тайный) совет при императоре (консисторий). Управление хозяйственной жизнью, торговлей и снабжением столицы продуктами, полицейские функции, сыск и организация судопроизводства находились в ведении епарха Константинополя. Его власть уподобляли императорской, только «без порфиры», т. е. без императорских регалий.

В политическую борьбу вокруг трона империи иногда вмешивались жители Константинополя. Они объединялись в IV—VI вв. в общественные неформальные организации — димы (от греч. «демос» народ),

группировавшиеся вокруг спортивных партий ипподрома, расположенного по соседству с императорским двором. «Партии» различались по цвету одежд возниц, правивших колесницами в состязаниях на ипподроме. Наиболее влиятельными были «голубые» (венеты), находившиеся под покровительством земельной аристократии, и «зеленые» (прасины), опиравшиеся на поддержку владельцев крупных мастерских и купцов-организаторов торговли с Ближним Востоком. Димы по старой традиции помогали епарху в обеспечении порядка в столице, в ремонте стен и их обороне, а особенно — в организации спортивных состязаний и празднеств. По той же традиции димы могли выражать на ипподроме свое отношение к политике императора и его фаворитам. С занятых народом скамей в его ложу порой летели камни и комья грязи.

Среди многочисленных функций чиновного аппарата империи одной из наиболее важных была забота о сборе казенных налогов. Чиновники налогового ведомства составляли основную массу чиновничества империи. Основу византийской налоговой системы, введенной повсеместно еще в III в., составлял учет имущества налогоплательщиков, фиксируемого в налоговых списках-кадастрах. В принципе налоги взимались со всех подданных и всех объектов собственности, приносящей какой-либо доход или способной его приносить. Главным был поземельный налог, его величина зависела от количества и качества земли у собственника. Налоги с крестьян взимались в ранней Византии преимущественно натурой (зерном, вином, оливковым маслом). Через каждые 15 лет производилась общая ревизия кадастров (существовало даже, помимо счета лет «от сотворения мира», летоисчисление по «индиктам», т.е. по годам 15-летнего цикла). При новой описи в кадастрах отмечали перемены в имущественном положении налогоплательщиков и корректировали размеры налога. Генеральные ревизии не исключали, однако, вмешательства местных служителей фиска в порядок уплаты налогов с целью их увеличения. Круговая порука односельчан в той или иной форме оставалась важнейшей особенностью податной системы Византии. Вносили в казну налоги и арендаторы, и колонаты, и посаженные на пекулий рабы.

Юридически за уплату налогов отвечал собственник земли, переложивший их на плечи зависимых от него людей. Крестьяне должны были также продавать государству продукты по фиксированным (низким) ценам и выполнять государственные отработочные повинности (строительство дорог, мостов, судов, перевозка грузов и т.п.). От налогов и повинностей не были избавлены и горожане. Поземельный налог с них взыскивался на общих основаниях, если они имели земельные участки, а это было обычным явлением: горожане имели в пригороде участки земли, на которых вели собственное хозяйство. Кроме того, они платили подати с иных объектов собственности, а также рыночные пошлины как при покупке, так и при продаже своих ремесленных изделий. Именно налоги с крестьян и горожан являлись главным источником доходов имперского казначейства. Значительными были поступления и от императорских имений,

государственных мастерских и рудников. Освобождение от налогов, частичное или полное, давалось редко — и только центральной властью. Ко второй четверти VI в., в условиях относительной стабилизации, государство накопило огромные средства, позволившие ему перейти к активной внешней политике на всех рубежах империи.

Территория империи делилась на административные области — провинции. Гражданским управлением ведали назначаемые императором наместники со своим штатом чиновников. Военной властью (комплектование армии, ее оснащение, расквартирование и обучение, охрана границ и руководство военными действиями) обладали военачальники, также назначаемые императором. В отличие от западно-римской армии, на Востоке она в IV — первой половине VI в. еще комплектовалась преимущественно из свободных крестьян, и была поэтому сравнительно более надежной. Лишь с постепенным оскудением деревни и необходимостью увеличить военные силы империи в их составе возросло значение отрядов наемников из представителей различных «варварских» племен.

Сходным было положение и на военном флоте империи, который в IV — первой половине VI в. не имел соперника во всем Средиземноморье. Византийские быстроходные военные корабли (диеры и триеры) были снабжены двумя и тремя рядами весел и были способны поднимать до 200—300 человек экипажа и воинов. Военный флот империи мог сравнительно быстро перебросить и пехоту, и кавалерию в случае необходимости к побережью тех провинций, где возникала военная опасность. Разделение военных и гражданских властей позволяло обеспечивать послушность императору и гражданских сановников, и военачальников, но оно ослабляло возможности мобилизации всех сил империи в критические моменты борьбы с внешними врагами.

Организация христианской церкви. С середины IV в. христианство было официальной религией, обязательной для всех полноправных подданных Византийской империи. Начавшееся еще значительно раньше формирование на всей территории империи церковных диоцезов (епископий и митрополий) окончательно оформилось при поддержке государства. Особенно большое влияние в церкви приобрели диоцезы Рима, Александрии и Антиохии.

Официально их старшинство было утверждено Первым (Никейским) Вселенским собором (325 г.). В конце IV в. ранг патриарха получил епископ Константинополя. Как главе столичной церкви ему было отведено второе место «по чести» после римского папы. Обширные территориальные пределы юрисдикции Константинопольской патриархии и его почетное первенство, наряду с Римом, были установлены Халкидонским собором в 451 г. Под Церковной юрисдикцией Константинопольского патриархата были все земли Восточно-Римской империи, лежащие к северу от границ Сирии (находившейся под юрисдикцией патриарха Антиохии), кроме Иллирика на Балканах, оставшегося под верховенством папы. На этом же соборе к диоцезам высшего ранга был добавлен Иерусалимский, получивший пятое

место в церковной иерархии. Были установлены и его (весьма скромные) границы. Таким образом, вся христианская церковь оказалась под управлением пяти патриархов, получившем впоследствии название пентархии («власти пяти»). Многовековая борьба за верховенство в управлении церковью развернулась, в основном, между папством и Константинопольской патриархией.

Уже в IV в. обнаружились заметные различия между восточной и западной церквами и в вопросах догматики, и в организации управления, и в церковной обрядности.

Со времени превращения христианства в государственную религию центральная власть империи неизменно проявляла заботу об интересах и материальном благополучии церкви. К середине VI в. по количеству и богатству земельных владений церковь мало уступала императорскому дому. Кроме того, в городах ей принадлежали мастерские, лавки и доходные дома. Коренное отличие восточной церкви от западной состояло, однако, в том, что она находилась в большей зависимости от государственной власти и оставалась в течение тысячелетия ее верной союзницей. Вся территория империи была разделена не только на административные округа, но и на иерархически соподчиненные церковные епархии. Подданные империи оказались под контролем двух властей — светских и духовных.

Одновременно со становлением церковной организации и укреплением материального положения церкви широкое распространение в империи получил институт монашества. Из движения одиночек-отшельников, искавших (первоначально в Египте) «спасения» в пещерах и пустынях, монашество превратилось в мощную корпорацию, обладавшую крупным недвижимым и движимым имуществом. Монастыри возникали всюду. Черное духовенство приобретало все большее общественное влияние. Именно из среды монахов избиралось высшее духовенство, вплоть до патриарха.

Церкви и монастырям высшая власть раздавала привилегии в первую очередь. Их освобождали от многих налогов и ото всех отработочных повинностей. Церковные иерархи имели право суда над подвластными им церковнослужителями, а игумены — над монахами в монастырях.

Правление Юстиниана I. Заключительный период в истории позднеантичного мира совпал с 30-летним правлением Юстиниана I, когда Восточно-Римская империя достигла апогея своего могущества. Юстиниан родился в крестьянской семье, проживавшей в Македонии. Его дядя Юстин, также бывший крестьянин, вступил в армию и сделал военную карьеру. Возведенный на престол воинами, Юстин I (518—527) приблизил к себе племянника и провозгласил его своим соправителем. После смерти дяди Юстиниан занял престол как его законный преемник. Новый император обладал блестящим образованием, необыкновенным умом, сильной волей и неистощимой энергией. Всецело преданный римской политической идее, Юстиниан I был убежден в том, что именно ему суждено свыше восстановить единство Римской империи. Вся деятельность императора была

подчинена этой цели, на пути к которой он не гнушался никакими средствами, вплоть до актов крайней жестокости.

Под стать Юстиниану была и его жена — императрица Феодора. Бывшая куртизанка и уличная комедиантка, став императрицей (Юстиниан пленился ее красотой), она проявила большой интерес к государственным и церковным делам, участвовала в управлении, принимала послов, вступала порой в контакты (втайне от мужа) с оппозиционными императору кругами и вершила судьбы высших сановников.

Прежде всего император постарался повысить доходы государства, укрепить социальный строй и систему управления империей. Серией фискальных, социальных и политических мер он еще более ослабил крупное землевладение, окончательно разгромив оппозицию старой сенаторской и куриальной знати. Он лишал ее представителей высоких постов, возвышал преданных ему способных людей незнатного происхождения. Император увеличил размеры земельных владений фиска, как и государственных мастерских и лавок в городах. Он проявлял заботу о развитии торговли и новых (в обход Ирана) торговых путей на Восток. После овладения тайной производства шелка (по легенде, коконы шелковичного червя были тайно вынесены из Китая монахами-несторианами) шелкоткачество уже при Юстиниане было налажено прежде всего в Сирии и Финикии. Монополия государства на производство и торговлю шелком обеспечивала казне значительный доход.

Некоторым социальным мерам Юстиниана присущи противоречия, характерные вообще самому общественному строю империи в эту эпоху. Преследуя землевладельцев-сенаторов, он в то же время покровительствовал становлению землевладения новой знати и расширению владений церкви. Защищая право частной собственности крестьян, он в то же время изнурял их непомерным налоговым гнетом. Он узаконил колонат и защищал эмпитевтов и в то же время навечно прикреплял к земле свободных колонов. Содействуя развитию торговли и ремесла, император в то же время ввел казенные монополии на торговлю основными продуктами и сдавал их на откуп, что вызвало стремительный рост цен. Поощряя перевод рабов на пекулий и сближая их статус со статусом энапографов, он в то же время не признавал за рабами никаких прав, определяя их по-прежнему как «говорящие орудия», находящиеся в полной власти господ.

Все это нашло отражение в гигантском «Своде гражданского права», систематизировавшем и отчасти реформировавшем богатое наследие римских юристов. Огромная работа была проведена за 6 лет (528-534). В свод вошли: «Институции» (руководство к пользованию Кодексом), собственно «Кодекс» (законы императоров II — начала VI в.), «Дигесты» (выдержки из сочинений римских юристов) и, наконец, «Новеллы» (законы самого Юстиниана).

Среди важнейших идей, положенных в основу свода, были: идея полной частной собственности на землю и все иные доходные объекты (именно это обусловило значительные заимствования из «Кодекса» правом

капиталистической эпохи), идея неограниченной власти императора и идея прочного союза государства с христианской церковью. Существенное значение в социальной жизни общества имело признание равенства перед законом всех свободных подданных императора, исповедовавших христианство, независимо от их социального и этнического происхождения, равенство прав наследования, независимо от пола и возраста детей, право на подачу апелляции в более высокую судебную инстанцию вплоть до обращения к императору. Огромную роль в развитии товарно-денежных отношений имело законодательное регулирование таких имущественных отношений, как аренда, кредит, залог, найм. Впрочем, декларация прав и действительность далеко не всегда находились в гармонии. В целом внутренняя политика Юстиниана объективно служила не столько сохранению позднеантичных порядков, сколько их разрушению. В частности, живых носителей старых традиций, сенаторов и куриалов, Юстиниан притеснял в первую очередь.

Внешняя политика Юстиниана и ее последствия. Осуществление завоевательной программы Юстиниан начал с разрома в 533—534 гг. Вандальского королевства в Северной Африке; в длительных войнах, проходивших с переменным успехом, в 535—555 гг., было ликвидировано Остготское королевство и завоеваны Италия, включая Сицилию, а в 554 г. — Юго-Восточная, прибрежная часть Испании. Казалось, Юстиниан достиг своей цели — Средиземное море снова стало «внутренним озером» империи. Однако его завоевания были непрочными: осуществление грандиозных планов потребовало затраты колоссальных материальных средств и людских ресурсов.

Правление Юстиниана ознаменовано обострением социальной напряженности в обществе. В январе 532 г. в ответ на усиление налогового гнета, введение казенных монополий на торговлю продуктами и производ царских фаворитов вспыхнуло восстание в Константинополе, названное по кличу повстанцев «Ника» (по греч. — «Побеждай!»). Низы димов «голубых» и «зеленых» объединились. В ложу императора на ипподроме бросали камни. Весь город пришел в волнение. Начались пожары. Восставшие выдвинули своего кандидата на престол. Во дворце кончились вода и продовольствие. Растерявшийся император хотел бежать морем через Босфор. Положение спасла сохранившая самообладание императрица, ей даже приписывают фразу: «Порфира — лучший саван!». Вызванная во дворец наемная гвардия была тайно проведена на ипподром и обрушилась на мятежников. До 30 тысяч безоружных константинопольцев были убиты на месте. Обескровленные димы надолго ушли с политической арены.

Почти одновременно волнения охватили Палестину, а в 536 г. — Северную Африку, где победившие вандалов воины не получили обещанных им земельных участков. Восставшие, к которым присоединились рабы и колоны, сопротивлялись имперским войскам почти 11 лет. Непрочными были завоевания Юстиниана и в Италии (535—536 гг.). Политика реставрации имперских порядков, возвращение земель, колонов и рабов

прежним господам (и их потомкам), своеволие чиновников, целый поток которых хлынул из столицы в отвоеванные земли, — все это вызвало восстание жителей Италии. Власть остготов была вновь восстановлена на части территории. Их король Тотила (541—552), давший свободу примкнувшим к нему рабам и колонам и наделявший землей, отобранной у крупных собственников, крестьян из остготов и римлян, получил поддержку широких слоев населения. К 546 г. у империи в Италии, на Сицилии, Сардинии и Корсике почти не осталось владений. Только в 552-555 гг., собрав все силы, Юстиниан добился победы.

Неспокойно было и на Балканах. Здесь действовали отряды «скамаров» (разбойников), в которые вливались и разорившиеся поселяне. Рядом неудач была отмечена политика Юстиниана на Востоке. Бросив все силы на Запад, император ослабил оборону восточных границ. В 540 г. персы вторглись в Месопотамию и Сирию, взяли и разрушили жемчужину восточных городов империи — Антиохию. Трижды Юстиниан заключал с персами перемирие, выплачивая им все возрастающие контрибуции и дани. Упорно посягал Иран и на юго-восточное побережье Черного моря (Лазик). Войны за нее шли с переменным успехом с 549 до 556 г. Только в 562 г. борьба с Ираном завершилась мирным договором. Империя удержала Лазик, но отказалась от претензий на Сванетию и иные грузинские земли. Империи удалось не допустить Иран ни к черноморскому, ни к средиземноморскому побережьям.

Вторжения славян. Наиболее крупными были неудачи внешней политики Юстиниана на севере Балканского полуострова. Тройная линия крепостей, возведенная им здесь по правому берегу Дуная, не смогла сдержать напор варваров. Почти каждый год в своих набегах они разоряли северобалканские земли. В правление Юстиниана это были чаще всего тюрки-протоболгары, славяне и авары. Вторжения протоболгар участились с начала 40-х годов, а нападения аваров — с начала 60-х. Явившись из Приазовья в 558 г. к устью Дуная, они получили от Юстиниана разрешение поселиться в Паннонии в качестве союзников империи. Авары подчинили себе протоболгар, обосновавшихся здесь еще в середине V в., и распространили отчасти непосредственное господство, отчасти влияние на славянские племенные союзы, расселившиеся в первой половине VI в., еще до прихода аваров, на примыкавших к левому берегу Дуная территориях. К северу от Среднего Дуная, в бассейне Тиссы, авары основали мощное союзно-племенное объединение — Аварский каганат, ставший вплоть до второй четверти VII в. главным врагом империи на Балканах. Пренебрегая договором с империей, авары вместе с протоболгарами и славянами стали систематически разорять ее владения, достигая в набегах окрестностей Константинополя.

Наиболее серьезные последствия для империи имели, однако, вторжения славян. Их нападения начались еще при Юстине и стали почти ежегодными с начала правления Юстиниана I. Организованные в племенные объединения, славяне заселили сначала левобережье Нижнего и Среднего Дуная, куда возвращались с добычей и пленными после набегов на земли империи. Но с середины VI в., в отличие от других варваров, которые возвращались из

походов в места постоянных поселений или уходили дальше на Запад, славяне стали все чаще задерживаться в пределах империи на зиму, а затем и расселяться на захваченных ими землях.

Основу общественного строя славян составляла земледельческая община с пережитками кровнородственных (большесемейных) отношений. Члены общины владели земельными наделами, права собственности на которые, как и на всю сельскую округу и угоды, принадлежали еще общине в целом. Первоначально захваченных в походах пленных (чаще всего византийцев) славяне либо продавали и отдавали за выкуп, либо оставляли, по прошествии нескольких лет, жить среди них на общих правах. Со временем, однако, особенно после поселения в империи, славянская племенная знать стала довольно широко использовать труд рабов в своих хозяйствах. Во главе племенных и союзно-племенных объединений стояли князья, но их власть ограничивалась племенными собраниями. Прокопий Кесарийский писал в середине VI в., что славяне все дела решают сообща, так как живут в «демократии».

Расселение славян на землях империи, помешать которому она оказалась не в состоянии, началось во второй половине VI в. Особенно массовый характер оно приняло в последние десятилетия VI и первые десятилетия VII в. В 602 г. посланные против славян левобережья нижнего Дуная войска отказались выполнить приказ зимовать в земле врага, подняли мятеж и ушли с дунайской границы, открыв ее для беспрепятственных переселений славян на территорию империи. Чаще всего они захватывали лучшие земли, потеснив местных жителей и обложив их данью. Славянская колонизация охватила огромные территории Балкан: они расселялись и к северу от Балканского хребта, и во Фракии, Македонии, Эпире, Греции, на Пелопоннесе и ряде островов Эгейского моря. К середине VII в. они стали вторым по численности (после греков) этносом на Балканах.

По большей части славяне сохраняли на новых местах свои прежние племенные названия. Известны наименования около 30 славянских племенных объединений. Византийцы обозначали их термином «славинии». В течение двух-трех веков славинии жили совершенно независимо, постепенно прекращая набеги на соседние земли и устанавливая мирные (в том числе торговые) отношения с местным населением. Иногда они объединялись для нападения или обороны в более крупные союзы. С 580-х до 670-х годов славяне не менее четырех раз осаждали Фессалонику, второй по значению и величине город империи, с целью сделать его своим политическим центром.

Тенденции к формированию собственной государственности не нашли, однако, у славян развития на византийской земле. Уровень их общественного строя еще не был достаточен для образования прочного союза и организации власти племенной верхушки над собственным и завоеванным населением. Славинии так и не стали государствами до их интеграции в состав империи. Процесс этот занял несколько столетий. Причем наибольший эффект давали

не военные походы против славян, а соглашения с ними и обращение их в христианство.

Первоначально славяне опустошили значительные пространства империи, в том числе немало мелких и средних городов (в которых они не селились), множество византийцев было убито, уведено в плен, обращено в рабство. Затем, прочно обосновавшись на издревле освоенных землях, славяне сами же возвращали эти земли к жизни. С развитием и усилением связей с местным населением славянская земледельческая община превращалась в соседскую, все реже становились переделы пахотной земли между семьями, упрочивались права полной собственности общинников на свои участки. В свою очередь, более консервативная славянская община оказала влияние на местную, ослабленную налогами, и содействовала укреплению крестьянского землевладения, ставшего в VII—IX вв. основой возрождения империи.

Византийская империя во второй половине VI — первой половине VII в. Постаревший Юстиниан успел увидеть начало краха своих трудов. Население было разорено. Упали доходы казны. Крупные имения, в том числе императорские, были разорены. Запустело множество деревень, а укрепленные города, напротив, переполнялись беженцами. Свертывалась торговля. Не хватало для войска рекрутов из крестьян, а на плату наемникам не было денег. Юстиниан был вынужден снизить налоги и вчетверо сократить армию. Положение еще более осложнилось при ближайших преемниках Юстиниана. На Балканах хозяйничали авары, славяне и протоболгары. В 568 г. в Италию вторглись лангобарды. Империя сохранила здесь лишь Равенну с прилегающей областью, юг полуострова и Сицилию. В целях укрепления обороны Равенны в ней была введена новая форма управления, заключавшаяся в объединении гражданской и военной власти над провинцией в руках одного наместника — экзарха. (Экзархат стал прообразом будущей системы фем). Через несколько лет экзархатом со столицей в Карфагене стал и административный округ Африка.

Жестокий кризис поразил центральные органы власти. Поднявшие мятеж в 602 г. дунайские легионы возвели на трон из своей среды сотника Фоку, который обрушил жестокий террор на сановную землевладельческую знать, вызвал гражданскую войну в Малой Азии. Воспользовавшись случаем, персы возобновили наступление на восточные провинции империи.

Спасение пришло из Африки. Сын экзарха Карфагена Ираклий явился в 610 г. с военным флотом провинции к Константинополю и легко овладел им. Фока был казнен. Став императором (610—641), вокруг которого сплотились все оппозиционные Фоке группировки знати, он реформировал армию, усилив кавалерию и отряды лучников, заключил перемирие с аварами и стал наносить персам одно поражение за другим. В 626 г. была одержана крупная победа над нарушившими мир аварами под стенами Константинополя, они осаждали его в союзе со славянами и персами. Авары после этого перестали серьезно угрожать империи. Скоро перестали угрожать и персы, но не только из-за побед над ними Ираклия в 627-628 гг. Вскоре, в 637-651 гг. Иран был завоеван арабами, новым еще более опасным врагом, неожиданно

появившимся у юго-восточных пределов империи. В 637 г. они разгромили армию Ираклия на р. Ярмуке. Началось стремительное завоевание арабами византийских восточных провинций. В 636-642 гг. империя потеряла Сирию, Палестину, Верхнюю Месопотамию, Египет, а еще через полвека — и Карфагенский экзархат. Лазика и Армения стали независимыми от Византии. По сравнению с эпохой Юстиниана, территория империи сократилась более чем втрое. Арабы вскоре положили конец и безраздельному господству империи на море — они создали свой военный флот, с помощью которого в 654 г. разорили о. Родос и стали с тех пор угрожать всем прибрежным провинциям и коммуникациям империи.

Крупные перемены произошли и в этническом составе империи как на Балканском полуострове, где расселились славяне, так и в Малой Азии: наступление персов и арабов вызвало отток из пограничных во внутренние районы полуострова сирийцев, армян, а затем и персов.

2. Византия во второй половине VII — первой половине IX в.

Следующий период в истории Византии (до конца XII в.) распадается на три этапа. Рубеж между первыми двумя приходится на середину IX в., между вторым и третьим — на конец XI в. Если в предшествующие три столетия империя пережила глубокий переворот в социально-экономической структуре и в политической системе, приобрела черты средневековой монархии, то теперь наступила эпоха ее расцвета, взлета ее могущества и богатой многогранной культуры.

По своему общественно-политическому строю Византийская империя представляла собой особый вариант средневекового государства, сочетавшего традиции позднеантичной государственности, следы влияния восточных деспотий и признаки феодальных монархий Западной Европы. Однако к концу этого этапа Византия вновь столкнулась с тяжелым кризисом, обусловленным скорее не спадом экономики, а внутривнутриполитическими причинами и вторжениями новых врагов. Для XII столетия характерно дальнейшее сближение общественной (хозяйственной и политической) структуры империи со структурой западноевропейских стран — процесс, который стимулировался целой серией реформ, проведенных императорами династии Комнинов. Положение было временно стабилизировано, но реформы не смогли остановить ослабления центральной власти, внутренней дезинтеграции и упадка боеспособности армии и военного флота.

Экономическое положение империи. Крупные социально-экономические перемены произошли прежде всего в аграрной сфере. Подобно раннефеодальной Западной Европе, Византия также пережила период относительного экономического и социального преобладания деревни над городом. В буре варварских нашествий, в условиях ослабления центральной власти свободное крестьянское землевладение стало основной формой земельной собственности и организации сельского хозяйства. Колонат исчез. Крупные имения сохранились лишь спорадически — они принадлежали в основном фиску, церкви и монастырям.

Наиболее подробные сведения о жизни византийской деревни содержит «Земледельческий закон» VIII в., представляющий собой, как и западные «варварские правды», запись обычного права, которая приобрела характер официального правового сборника. Он был очень популярен в империи, в том числе в районах, населенных славянами. Соседская община переживала время интенсивного развития. Накопление экономических ресурсов происходило тогда преимущественно в деревне, где окрепшее крестьянское хозяйство производило значительные излишки продуктов земледелия. Следствием этого был ускорившийся процесс имущественной дифференциации среди общинников. В результате укрепления частной собственности общинника на пахотный участок (периодические переделы в общине были уже исключением) он стал близким к западноевропейскому аллоду.

В деревне на одном полюсе возник слой зажиточных крестьян, арендовавших или скупавших участки соседей и использовавших труд наемных работников и рабов (главным образом для ухода за скотом). На другом полюсе увеличивалось число общинников, не способных обработать свою землю из-за отсутствия или потери тягловых животных, недостатка инвентаря и семян, а порой и рабочих рук. Росло также число крестьян, потерявших свои участки и вынужденных наниматься к богатым. Часть крестьян вообще покидала деревню в поисках средств к жизни в городах. В VIII—IX вв., однако, соседская община была еще относительно устойчивой и жизнь византийской деревни сравнительно благополучной.

Существенно иным было хозяйственное положение городов в ту же эпоху. Набеги варваров, разрыв торговых связей, сокращение спроса на дорогие изделия со стороны обедневшей и уменьшившейся численно знати (многие ее представители погибли в войнах и во время террора Фоки) ударили прежде всего по экономике города. Мелкие и средние города, особенно на Балканах и на востоке Малой Азии, аграризировались, т.е. их население занималось почти исключительно сельским хозяйством. Уровень ремесла резко снизился, торговля почти замерла.

Однако упадок городов, особенно крупных, не был абсолютным. Потребности двора и патриархии, заказы на вооружение и снаряжение армии и флота, спрос иноземцев на предметы роскоши не дали угаснуть ремеслу в таких городах, как Константинополь, Фессалоника, Никея, Эфес, Трапезунд. Центр внешней торговли в VIII в. стал постепенно перемещаться на Балканы. Возрастало значение путей из славянских стран и из Западной Европы, ведущих к Фессалонике и Константинополю, оживилась торговля с Венецией, Равенной и Амальфи, а на рубеже VIII-IX вв. — с арабами. Имело значение и наличие дешевой рабочей силы в укрепленных крупных городах (ставших убежищем для массы людей, потерявших свои очаги и имущество), а также дешевизна на городском рынке поступающих из деревни продуктов. Не случайно оживление товарно-денежных отношений, возрождение городских форм жизни, подъем ремесла и торговли имели место в IX в. прежде всего в

столице империи — Константинополе, быстро обретавшем былую славу мастерской великолепия.

Военно-административные реформы. Фемный строй. Значительные изменения произошли в VII-IX вв. и в управлении империей. Потеря восточных провинций с преобладающим негреческим населением повлекла за собой повышение удельного веса греческого этноса среди подданных императора. С верностью трону именно греков судьбы империи оказались отныне связаны теснее, чем когда-либо раньше. Неслучайно поэтому при Ираклии произошел окончательный переход с латинского языка на греческий в государственном делопроизводстве, а сам монарх сменил латинский титул «император» на греческий — «василевс».

Смена титула имела и другой глубинный смысл: статус правителя империи уже не связывался с идеей выборности государя как представителя интересов всех подданных, как главная должность в империи (магистрат). Император стал средневековым монархом, исполнителем воли господствующего слоя. Компромисс с римской традицией выразился в добавлении к титулу определения «римский» (официальной была формула — «василевс ромеев»), т.е. само государство продолжало рассматриваться как Римская империя, а ее подданные — как римляне.

Наиболее радикальные преобразования начались, однако, в структуре провинциального управления. Критическое положение империи требовало концентрации власти на местах, и принцип разделения властей стал сходить с политической арены. Границы провинций подверглись перекройке, а вся полнота военной и гражданской власти в каждой из них вручалась теперь императором наместнику-стратигу (военачальнику). Стратигу были подчинены также судья и чиновники фиска провинции, а сама она получила отныне наименование «фема» (так называли первоначально отряд местного войска).

Ядро войска фемы составили стратиоты — воины-крестьяне, как правило, достаточно состоятельные, чтобы приобрести положенное вооружение, снаряжение, а также боевого коня (если служили в кавалерии). Семья стратиота должна была располагать необходимым числом рабочих рук (включая наемных работников или рабов), чтобы не нести ущерба в отсутствие хозяина, призванного в фемное ополчение для похода или воинских учений (обычно весенних).

Имя крестьянина-стратиота вносилось в военные списки (каталоги). В VII—VIII вв. воинская служба стала наследственным жребием внесенной в каталог семьи (освобожденной ото всех налогов, кроме поземельного, и от отработок в пользу казны), независимо от неблагоприятных перемен в хозяйстве стратиота. В IX в., однако, обязанность служить в фемном войске все теснее связывается с наличием у крестьянской семьи участка земли определенного размера — воинская повинность становится поземельной. Иногда государство само предоставляет землю поселянам при условии несения военной службы. Так, в конце VII—VIII в. десятки тысяч покоренных силой или подчинившихся добровольно славянских семей были

переселены на северо-запад Малой Азии (в Вифинию) и наделены землей на условиях несения воинской службы. Впоследствии, с успехами интеграции славян в число подданных империи, их делали налогоплательщиками казны и все чаще вносили в местные фемные воинские каталоги.

Первые фемы возникли при Ираклии в Малой Азии после 634 г. — Армениак, Опсикий, Анатолик, затем — в 70-х годах, — Фракия, защищавшая подступы к столице. К середине IX в. фемный строй утвердился на всей территории империи. Новая организация военных сил и управления позволила империи отразить натиск врагов, а затем перейти к возвращению потерянных земель. Скоро обнаружилось, однако, что и фемный строй таит в себе опасность для центральной власти: стратеги крупных малоазийских фем обрели огромную власть, ускользая из-под контроля центра. Они вели даже войны друг с другом. Поэтому императоры стали в начале VIII в. дробить крупные фемы, вызвав недовольство стратигов, на грёбне которого к власти пришел стратег фемы Анатолик Лев III Исавр (717—741).

Внешнеполитическое положение империи. Три главных врага угрожали империи в этот период: протоболгары, славяне и арабы. В 681 г. между Дунаем и Балканским хребтом, на территории, заселенной славянами, возникло и отстояло в борьбе с войсками империи свое право на бывшие земли Византии новое государство — Болгария. Основано оно было пришедшим из Приазовья во главе с ханом Аспарухом племенным объединением протоболгар, которые частью привлекли к себе в качестве союзников, частью подчинили местных славян. Уже в 681 г. империя была вынуждена платить протоболгарам ежегодную дань. Болгария стала до начала XI в. основным соперником Византии на Балканах, расширяя свои земли за счет империи и подчиняя себе независимые славянские Северная Фракия и Македония.

Наступающей стороной были обычно протоболгары, конницу которых поддерживали в походах пехотные отряды из славян — подданных хана Болгарии. С конца VII до середины IX в. ее войска много раз вторгались на земли Византии, доходя до стен Константинополя и угрожая ему захватом. Так было, в частности, в 814 г., когда только внезапная смерть хана Крума помешала решительному штурму столицы. В борьбе с этим ханом в 811 г. погиб император Никифор I (802-811), вторгшийся в пределы Болгарии (войско его было уничтожено на обратном пути в балканском ущелье).

Наиболее опасным врагом на востоке вплоть до середины IX в. оставались арабы. В 670-х годах они несколько раз подступали к Константинополю, осаждая его и с суши, и с моря. Тогда византийцы впервые применили «греческий огонь». Горючая смесь из нефти, селитры и серы через особые трубы с силой выплескивалась на суда или осадные орудия, обращая их в пепел. Нельзя было спастись и вплавь: состав горел на воде. Секрет изготовления «греческого огня» тщательно охранялся: в течение нескольких веков это оружие приносило византийцам победы, особенно на море. В 718 г. Лев III отбросил арабов, целый год осаждавших столицу империи. В 740 г. он снова разбил их. Во 2-й четверти VIII в. армия империи дошла до Евфрата и

Армении, вернув часть восточных земель. Однако в конце этого века арабы снова усилили натиск. В 823—826 гг. они на 130 лет отняли у империи о. Крит. Только к середине IX в. границы с Арабским халифатом были стабилизированы.

Иконоборчество. Социальные конфликты и ереси. Бывший стратиг-мятежник, Лев III как никто другой понимал огромную опасность трону со стороны своих прежних соратников: завязывался конфликт между гражданской (чиновной, по преимуществу - столичной) знатью и военной (в основном провинциальной) аристократией. Этот конфликт на четыре последующих столетия стал стержнем политической жизни империи: в борьбе за трон каждая из группировок стремилась обеспечить себе преимущественное право на присвоение доходов казны и ренты с крестьян. Лев III видел свою задачу в том, чтобы устранить угрозу со стороны военных, не ослабляя силы войска и не нанося ущерба чиновной знати. Удовлетворить интересы тех и других казалось удобным за счет монастырей, накопивших огромные богатства.

В 726 г. специальным эдиктом Лев III объявил почитание икон и мощей святых идолопоклонством, поддержав таким образом позицию, которую отстаивала часть малоазийского белого духовенства. Оно было крайне обеспокоено тем, что в результате разгула суеверий, охвативших широкие слои народа, огромное влияние в провинциях приобрели монастыри. Они всячески разжигали фанатизм, пропагандировали культ святых, оттеснив белое духовенство на второй план. Дары и пожертвования щедрым потоком текли в монастырскую казну.

Выдвинутый императором тезис — кто за почитание икон и мощей, тот против трона и державы — был предельно ясен для размежевания сторон (иконоборцев и иконопочитателей). Борьба длилась более столетия, и вовлечены в нее были все слои населения. Ей сопутствовали конфискации, ссылки, пытки истребление инакомыслящих. Закрывались монастыри, монахов насильственно зачисляли в войско, принуждали вступать в брак. Монастырские сокровища переходили в императорскую казну и к военной верхушке. С конца VIII в. иконоборчество стало ослабевать. Его основные задачи были выполнены: монастыри ослаблены и поставлены под надзор государства и церковной иерархии, сепаратистские тенденции крупных религиозных центров подавлены, над стратегами усилен контроль центральной власти. VII Вселенский собор (787 г.) осудил иконоборчество. Второй период иконоборчества, наступивший в 815 г., был уже лишен прежнего ожесточения. И внутренняя обстановка, и международное положение требовали консолидации сил господствующих кругов империи.

В 812—823 гг. столицу осадил узурпатор, один из мятежных военачальников в Малой Азии, славянин по происхождению, Фома Славянин. Его поддержали знатные иконопочитатели, некоторые стратеги Малой Азии и часть славян на Балканах. Заключил он союз и с арабским халифатом. Однако осада не удалась, Фома был побежден, схвачен и предан казни.

Иконоборчество навсегда сошло с исторической арены. В целом оно не нашло широкой поддержки в империи. В 843 г. икопочитание было торжественно восстановлено, иконоборцы, и живые, и умершие, были преданы церковью анафеме.

Немало сил потребовала и борьба с приверженцами дуалистической павликианской ереси. Они считали весь видимый материальный мир, включая светскую власть и официальную церковь, творением дьявола, миром зла, противостоящим потустороннему, духовному миру добра. Павликиане создали на востоке Малой Азии своеобразное государство с центром в городе Тефрика, распространяя порой свое влияние на значительную часть полуострова. В жестокой борьбе с ними армия империи уничтожила несколько десятков тысяч еретиков. Только в 879 г. Тефрика была взята, а их вождь Хрисохир убит.

Тема 1.5. Страны Северной Европы: Англия и Скандинавские страны

План

1. «Эпоха викингов» в Северной Европе.

2. Англия до середины XI в.

1. «Эпоха викингов» в Северной Европе.

IX — середина XI в. вошли в историю Северной Европы под названием «эпохи викингов». Это был период их широкой экспансии, в которой разрозненные военные набеги, а позже более организованные походы, возглавленные скандинавскими конунгами (королями), переплетались с развитием международной торговли, с колонизацией и открытием новых земель. В самой Скандинавии этот период ознаменовался усилением распада родоплеменных отношений и зарождением предпосылок для возникновения первых государственных образований.

В «эпоху викингов» произошли глубокие сдвиги в материальной и духовной культуре скандинавских народов. Развертывается внутренняя колонизация — частичное освоение и заселение лесных зон Скандинавского полуострова. Возникают новые типы быстроходных и маневренных кораблей, на которых викинги плавали по Северному и Балтийскому морям, поднимаясь по европейским рекам — по Сене до Парижа и по днепровскому водному пути до Константинополя; суда викингов бороздили Средиземное море и Атлантику, вплоть до Исландии и островов у побережья Северной Америки. На основе развернувшейся международной торговли поднялись важные ее центры в Северной Европе — Хайтабю в Дании (в области теперешнего Шлезвига), Бирка на озере Меларен (в Южной Швеции), Скирингосаль в Южной Норвегии. Успехи в строительном и фортификационном деле выразились, в частности, в сооружении системы уникальных по конструкции военных кольцевых укреплений в Ютландии и на примыкающих к ней островах.

Экспансия викингов в IX — первой половине X в. Этимология термина «викинг» до конца не выяснена; возможно, слово происходит от «вик» — бухта, порт, где базировались участники морских походов, но предлагались и другие объяснения. На Западе они были известны под именем норманнов («северных людей»), а на Руси — варягов.

Первые упоминания о нападении викингов восходят к самому концу VIII в. В 793 г. отряд скандинавов напал на монастырь на Севере-Восточном побережье Англии, разграбил и сжег его. Вскоре подобные разбойничьи нападения сделались подлинным бедствием для населения приморских районов Англии, Ирландии, Франкского королевства, Германии, Южного побережья Балтийского моря. Повсюду эти внезапные появления вооруженных и безжалостных язычников несли смерть, разграбление и порабощение захваченных врасплох местных жителей, которые долгое время не были способны оказывать им сопротивление. Духовенство было склонно объяснять это бедствие божьей карой за грехи, и даже была составлена молитва: «Боже, избави нас от неистовства норманнов!»

Со временем правители стран, подвергавшихся нападениям норманнов, сумели организовать защиту от них и начались более регулярные военные действия. Отпор, который он встретил со стороны франков, побудил датского конунга Годфреда приступить к постройке оборонительного вала, защищавшего Ютландию с юга. Эта цепь укреплений известна под названием Даневирке («Датский вал»), возведение ее началось в начале IX в., но продолжалось и в следующем столетии.

Датским завоевателям удалось разграбить и подчинить своей власти обширные территории в разных частях Европы. Они переселялись на острова Северной Атлантики — Фарерские, Шетландские, Оркнейские и Гебридские. После 870 г. выходцы из Норвегии открыли и начали заселять Исландию. Первым поселенцем здесь был Ингольф Арнарсон, обосновавшийся на юго-западном берегу острова вблизи горячих источников-гейзеров, в Рейкьявике («Залив дыма»). В IX — начале X в. норвежцы и датчане завоевали значительную часть Ирландии, основав здесь свои королевства. В IX в. шведы, уже обосновавшиеся на Южном побережье Балтийского моря, продолжили путь «из варяг в греки», выведивший их к Византии и Арабскому халифату. Экспансия на территории Руси имела не только военный, но и торговый характер. Купец шел рука об руку с воином. Присутствие скандинавов на Руси, в том числе в качестве наемников и дружинников киевских и новгородских князей, прослеживается по многим источникам.

На протяжении IX в. датские викинги грабили Северную Германию, Францию, Англию, включая такие города, как Гамбург, Дорестад (в устье Рейна), Руан, Париж, Шартр, Лондон, Кентербери, Йорк. К концу века значительная часть Северной и Восточной Англии была ими завоевана и на этих территориях стали селиться скандинавские воины, которые делили между собой земли. Королю Уэссекса Альфреду (871-899) удалось лишь остановить эти нашествия. Восточная часть острова получила впоследствии название Дэнло («Область датского права»), здесь переселенцы вводили свои

социальные и юридические порядки, сохранявшиеся на протяжении нескольких столетий.

Одновременно викинги появились и в западной части Средиземноморья, разграбляя города Италии и Южной Франции, Испании и Португалии.

На рубеже IX и X вв. часть датского войска, которое воевало в Северной Франции, обосновалась на полуострове Котантен. Его предводитель Роллон получил в 911 г. эту часть Франции в лен от французского короля на условии защиты страны от норманнов. Формально вассальное владение Франции, новое герцогство Нормандия фактически было независимым и от слабых западно-франкских королей, и от датских конунгов. Роллон и его сподвижники оставались еще полуязычниками, совершавшими человеческие жертвоприношения, что не мешало им щедро наделять церковь богатствами и землями. Но на протяжении следующих поколений нормандцы утратили большую часть признаков скандинавского происхождения, включая родной язык и старые обычаи. Норманны интенсивно смешивались с местным населением - потомками кельтов, римлян, франков. В Нормандии сложилось «образцовое» французское феодальное герцогство с сильной центральной властью. Когда впоследствии (в 1066 г.) нормандцы подчинили себе Англию и Южную Италию с Сицилией, где основали в начале XII в. Сицилийское королевство, они и здесь выступали в роли носителей феодальной централизации.

Формально вассальное владение Франции, новое герцогство Нормандия фактически было независимым и от слабых западно-франкских королей, и от датских конунгов. Роллон и его сподвижники оставались еще полуязычниками, совершавшими человеческие жертвоприношения, что не мешало им щедро наделять церковь богатствами и землями. Но на протяжении следующих поколений нормандцы утратили большую часть признаков скандинавского происхождения, включая родной язык и старые обычаи. Норманны интенсивно смешивались с местным населением, потомками кельтов, римлян, франков. В Нормандии сложилось «образцовое» французское феодальное герцогство с сильной центральной властью. Когда впоследствии (в 1066 г.) норманны подчинили себе Англию и Южную Италию с Сицилией, где основали в начале XII в. Сицилийское королевство, они и здесь выступали в роли носителей феодальной централизации.

Заселение Исландии. Открытие Америки. Примерно к 930 г. норвежцами была заселена вся береговая кромка Исландии (внутренняя часть острова остается пустынной и до настоящего времени). Расселившись по обособленным хуторам, колонисты занимались скотоводством и морским промыслом и в гораздо меньшей степени — земледелием. В 930 г. было учреждено общее для всех жителей Исландии вече — альтинг — и были приняты по норвежскому образцу первые законы. Единственная должность, введенная этими законами, была должность законоговорителя — хранителя права, остававшегося еще устным. Альтинг был как судебным и законодательным собранием исландцев, так и центром культурной жизни, местом регулярного общения рассеявшихся по обособленным хуторам

бондов — местных жителей, крестьян. Разумеется, альтинг не был «древнейшим парламентом Европы» (как его иногда именуют), ибо в общественном устройстве Исландии ясно видны существенные элементы «военной демократии». Признаки государства здесь еще отсутствовали.

В 80-е годы X в. исландцами и норвежцами была открыта Гренландия, которую они начали заселять, а вскоре ими были открыты острова у побережья Северной Америки, названные ими Хеллюланд («Страна плоских камней»), Маркланд («Лесная страна»), Виланд («Страна дикого винограда»). Во главе этих экспедиций, описанных впоследствии в «Саге о Гренландцах» и «Саге об Эйрике Рыжем», стоял Лейв Счастливый (Удачливый), сын Эйрика Рыжего, гренландского первопоселенца. На островах скандинавы повстречали местных жителей — скрелингов. Нелегко отделить достоверные сведения от вымысла в этих сагах, но, опираясь на археологические находки, ученые склонны полагать, что скандинавы действительно открыли Ньюфаундленд, где обнаружены следы построек того типа, который характерен для скандинавских «длинных домов» «эпохи викингов», и остатки кузницы. Лейв опередил Колумба на полтысячелетия, но все же именно Колумбу принадлежит первенство в подлинном открытии Америки для Европы, и об имевшихся у Колумба сведениях о плаваниях викингов на Запад и о картах, которые они якобы составили, ни на чем не основаны (никаких карт скандинавы в X-XI вв. чертить не умели).

Поход викингов в первой половине X — первой половине XI в. Крупнейшее достижение скандинавских захватчиков в конце X и начале XI в. — подчинение ими Англии. Английское королевство, ослабленное внутренними усобицами, стало их добычей. Датские и норвежские вожди поступали на службу к королям Англии, получая от них жалованье, награды, затем они превратили эти платежи в огромную контрибуцию, взимаемую с населения, изнемогавшего от этих непомерных поборов. В 1016 г. датский вождь Кнут занял английский престол, а после смерти брата сделался королем Дании. В 1028 г. он добился власти и над Норвегией. Так возникла держава Кнута Великого (1016—1035), недолговечная, как и все раннесредневековые политические объединения. После смерти его сына Хардануфа в 1042 г. датчане утратили английскую и норвежскую короны.

Последним викингом на престоле считают норвежского конунга Харальда Хардрада («Сурового правителя», 1046-1066), который в молодости ходил походами в Восточную и Южную Европу, служил в варяжской гвардии в Константинополе и воевал в Италии и Сицилии. Его женой была дочь великого князя Киевского Ярослава. В 1066 г. Харальд снарядил большой флот и отплыл к берегам Восточной Англии с намерением завоевать английский престол. Скандинавское население острова перешло на его сторону, но только что провозглашенный знатью английский король Гарольд победил норвежского конунга в битве при Стэмфордбридже, неподалеку от Йорка. Харальд Хардрад погиб 25 сентября 1066 г. Англия навсегда избавилась от угрозы со стороны викингов, для того чтобы менее чем через

три недели, 14 октября того же года, стать в результате битвы при Гастингсе добычей нор-мандского герцога Вильгельма Завоевателя.

Правда, в 1069 г. датский конунг Свейн Эстридссон попытался было напасть на Англию, но после получения выкупа датчане в следующем году покинули восточное побережье Англии. Намерения датского конунга Кнута II совершить новый завоевательный поход на Англию не осуществились. На этом экспансия викингов завершилась. К концу XI в. под властью скандинавов оставались Северная Шотландия, Гебридские и Оркнейские острова, остров Мэн, Дублин и Лейнстер в Ирландии.

Общий характер походов викингов. В походах викингов можно видеть последнюю волну Великого переселения народов. Подобно тому как германские и другие племена и союзы племен в V—VI вв. не ограничивались нападениями на богатую Римскую империю, но переселялись в отвоеванные у нее области, создав там новые государства, так и скандинавы в IX—XI вв., переживавшие распад родоплеменного строя и испытывавшие потребность в землях и добыче, вторгались в страны Европы и во многом изменили ее социальную, политическую и демографическую структуру.

Однако эта вторая и заключительная волна Великого переселения отличалась от первой. В V и VI вв. варвары способствовали разрушению уже изжившей себя рабовладельческой системы, тогда как северные варвары (а также нападавшие на Западную Европу венгры и арабы) в IX—XI вв. пришли в столкновение с новым, еще только формировавшимся и укреплявшимся социальным строем, разрушить который они были не в состоянии, и в конечном итоге включились в процесс феодализации. В одних частях Европы, например, в Англии, скандинавские вторжения несколько замедлили эти процессы, создав новые слои свободного крестьянства, противившегося феодальному подчинению; в других регионах (в Северной Франции и Южной Италии), наоборот, они придали этим процессам большую законченность. В обоих случаях викинги и их потомки, феодализировавшиеся вожди и рыцари, а вслед за ними и военно-крестьянские колонисты восприняли ту социальную структуру, которая уже складывалась в захваченных ими областях, видоизменяя ее. Этот новый социальный опыт они переносили и к себе на родину. Процессы феодализации в Скандинавских странах начались под воздействием импульсов, шедших из более «продвинутых» к феодализму стран Запада, но привели к ощутимым результатам уже после завершения «эпохи викингов».

Своеобразие генезиса феодализма в Скандинавских странах. В Дании, Швеции и Норвегии, развивавшихся вне сферы античного мира и сравнительно поздно испытывавших влияние развитых феодальных обществ, долго сохранялись пережитки родовых отношений и патриархального рабства. Раннефеодальный период длился в Скандинавии до XII—XIII вв. Сложившийся в этих условиях феодализм отличался значительным своеобразием: в Скандинавских странах не получили большого распространения личная зависимость крестьян и барщина, а Норвегия их вообще не знала; права феодалов на лены были более ограничены, а

вассальные отношения (феодалная иерархия) — менее развиты, чем в странах Западной Европы. Что касается Исландии, колонизованной преимущественно норвежцами, то в ней феодализм вообще не развивался, и она оставалась страной свободных самоуправляющихся хуторян до 60-х годов XIII в., когда подпала под власть норвежского короля.

Своеобразие развития Скандинавских стран в немалой степени объясняется естественно-географическими условиями: относительно суровым климатом, преобладанием моренного, горного ландшафта с малым количеством удобных для хлебопашества земель. В горных районах Норвегии и Швеции земледелие было возможно лишь на ограниченных пространствах и велось весьма примитивно. Большую роль играло скотоводство; в лесных областях и на севере — в тундре — были распространены охота на пушного зверя и оленеводство, на побережье занимались рыболовством. Скандинавы издавна были искусными кораблестроителями и мореходами. Только в южной части Скандинавского полуострова — в области Сконе, а также на равнинном Ютландском полуострове (с прилегающими островами) существовали благоприятные условия для земледелия. Здесь раньше, чем в других областях Скандинавии, стали распространяться двух- и трехполье, обработка земли плугом с железным лемехом.

Общественно-политический строй скандинавов в раннее средневековье. Основную массу населения Скандинавии составляли свободные — бонды. Это были земледельцы, скотоводы, охотники и рыбаки, имевшие собственное хозяйство и жившие в обособленных хуторах (в Норвегии и в некоторых районах Швеции, а также в Исландии) либо небольшими деревушками (в Дании и в большей части Швеции). В датских общинах практиковались переделы земли. Большая семья являлась собственницей пахотной земли, которую нельзя было отчуждать; такое владение называлось одалем. Даже после того как начались разделы больших семей, выделившиеся из их состава индивидуальные семьи не получали права свободного распоряжения участками: сородичи сохраняли в течение длительного времени право преимущественного приобретения и выкупа одаля. Леса, луга и прочие угодья оставались в общей собственности жителей всего округа и считались «общими владениями» (альменнингами).

Складывание классового общества в условиях Скандинавии шло медленно. Большую роль играли органы местного самоуправления — тинги, областные и окружные собрания бондов. На них вершился суд, решались споры, заключались различные сделки. Право функционировало в Скандинавских странах первоначально как областное, и у каждой области существовали собственные обычаи. В более позднее время, когда появилась письменность (помимо древнего рунического письма), областные правовые уложения были записаны.

Постепенно усиливалось общественное влияние знати. Источником ее могущества были прежде всего стада скота, торговля и особенно богатства, захваченные в морских походах и набегах викингов в IX — первой половине

XI в. Там, где родовая знать имела земельные владения, она эксплуатировала рабов из пленных, отчасти из числа обедневших свободных, которых наделяли земельными участками. На Ютландском полуострове, в Сконе и на равнинных пространствах Швеции, где земледелие играло важную роль, возникали поместья с барской запашкой.

По мере роста могущества знати, с одной стороны, и подчинения ей части свободных — с другой, возникали предпосылки для складывания государства. Походы викингов ускорили этот процесс.

Первые скандинавские короли (конунги), выделившиеся из родовой знати, в течение длительного времени в значительной степени оставались предводителями племен и племенных союзов. Тем не менее постепенно закладывались основы политического объединения. В Дании этот процесс начался еще в VIII в., а во второй половине X в. Харальд Синезубый (ок. 950 — ок. 986) значительно упрочил королевскую власть. Конунгу Харальду Прекрасноволосому в конце XI в. удалось подчинить себе многие племенные округа Норвегии, и в начале XI в. объединение Норвегии было в основном завершено. Но королевская власть в Норвегии не стала достаточно прочной. Король Олав Харальдссон (1016-1028) был изгнан из страны и погиб в борьбе против восставших крестьян и знати в 1030 г. Затем Норвегия была временно включена в состав обширной, но непрочной державы датского короля Кнута. В Швеции долгое время существовало два королевства: к северу область свеев с центром в Упсале и южнее расположенная область племен ётов. Объединение их под властью королей Упсалы произошло к началу XI в. при короле Олафе Скётконунге (ок. 995-1020). Однако еще и в XII в. власть шведского короля оставалась ограниченной.

Добиваясь укрепления своего положения, королевская власть стремилась опереться на христианскую церковь. Но христианизация наталкивалась на упорное противодействие крестьян и родовой знати, связывавших сохранение язычества с защитой своей независимости. Поэтому борьба против усиления королевской власти принимала подчас форму борьбы за сохранение язычества. Христианская церковь укрепилась в Скандинавии в конце X — начале XI в., однако язычество не было окончательно сломлено еще и в XII в. Тем не менее с успехами феодализации влияние церкви росло. Около 1103 г. было учреждено общескандинавское архиепископство в Лунде. Церковь получала щедрые пожалования от королей, приобрела особую юрисдикцию и стала проводником церковного права в Скандинавии. Духовенство добились в своих интересах отмены некоторых ограничений в распоряжении землей.

2. Англия до середины XI в.

Англосаксонские королевства в Британии и особенности процесса феодализации. На территории Британии, завоеванной англосаксами (эта территория и стала впоследствии собственно Англией), в период со второй половины V до начала VII в. образовалось несколько варварских англосаксонских королевств: Кент — на крайнем юго-востоке, основанный ютами; Уэссекс и Суссекс — в южной и юго-восточной части острова,

основанные саксами; Восточная Англия — на востоке; Нортумбрия — на севере и Мерсия — в центре страны, основанные главным образом англами.

Некоторая часть кельтского населения Британии, избежавшая истребления, слилась с завоевателями — германцами. Так кельтский элемент вошел в этнический состав английского народа.

Процесс феодализации англосаксонских королевств был относительно замедленным и прошел через два этапа: V—VIII века, когда он только начинался, и IX—XI века, когда феодальный способ производства на этой территории уже стал господствующим. Медленность его складывания в Англии определялась рядом причин. Во-первых, относительно более слабой романизацией Британии в I — начале V в. н. э. по сравнению, например, с Галлией этого времени. Римское влияние в аграрных отношениях сказалось преимущественно на юго-востоке острова; в других его областях оно проявилось главным образом в создании отдельных укрепленных пунктов, строительстве дорог и мостов. После ухода римских легионеров в начале V в. до массовых германских вторжений в конце века эти элементы романизации были в значительной мере ликвидированы местным кельтским населением, в среде которого господствовал еще племенной строй. В ходе англосаксонского завоевания следы романизации исчезли почти полностью. Поэтому феодализм в Англии развивался с очень слабыми элементами германо-романского синтеза, в основном путем внутренней эволюции разлагающегося родоплеменного строя англосаксов. Во-вторых, переселившиеся в Британию племена англов, саксов, ютов и фризов находились на более низком уровне социально-экономического развития, чем франки, не говоря уже о вестготах и бургундах, и дольше, чем они, сохраняли и на новом месте значительные пережитки родоплеменного строя. Этому способствовало и то, что они расселялись среди покрывавших всю Англию лесов, вдоль речных долин, в изолированных друг от друга и от кельтов поселениях.

Из англосаксонских правд VI—VII вв. видно, что преобладающим занятием завоевателей, особенно в центре и на юге страны, было земледелие, но заметную роль играло и скотоводство, а также рыболовство, охота и лесные промыслы, в некоторых же районах — добыча соли, железа и свинца. Земледелие было пашенным. В нем использовался чаще всего тяжелый плуг с упряжкой из 4 или 8 волов, реже легкий, одноволовый. В центральных и южных районах Англии уже было распространено двуполье. Возделывались озимая пшеница, рожь, ячмень, овес, бобы и горох.

С момента расселения, задолго до возникновения у англосаксов феодального землевладения, они жили общинами. Вопрос о характере этих общин для VI—VII вв. является спорным. В источниках нет прямых упоминаний о системе открытых полей и чересполосице, характерных для соседской общины — марки. Они появляются здесь только в IX—X вв. До этого в Англии существовали, видимо, два типа общины — большесемейная (земледельческая) и более крупная общинная организация, объединявшая несколько поселений в единый округ, в центре которого сходилось собрание

глав больших семей, вершились судебные дела, осуществлялось самоуправление. Отдельные деревенские общины, состоящие из индивидуальных семей, стали возникать только к концу VII — началу VIII в.

Основную массу населения вплоть до IX в. составляли свободные крестьяне-общинники — кэрлы, владевшие довольно крупными участками земли — гайдами (участок, который при тяжелых глинистых почвах Англии можно было вспахать 8-воловым плугом), что тоже предполагало наличие больших патриархальных семей. Последнее обстоятельство задерживало возникновение в Англии свободно отчуждаемой земельной собственности типа франкского аллода. Распоряжение наделом ограничивалось правами всех членов большой семьи. Позднее такое большесемейное владение, основанное на обычном общинном праве, стало называться фольклэндом (народная земля). Такую землю нельзя было завещать, продавать, передавать по женской линии.

Кэрлы VI—VII вв. обладали полноправием, имели право участвовать в народных собраниях, самоуправлении, иметь оружие и составляли основу военного ополчения англосаксонских королевств.

Однако уже ранние англосаксонские правды свидетельствуют о наличии в обществе социального расслоения. Кроме основной массы кэрлов в них упоминаются родовая знать — эрлы, позднее королевские дружинники — гезиты, жизнь которых была защищена более высоким вергельдом, а также рабы и полусвободные люди — дэты и уили (так назывались завоеванные англосаксами кельты — уэльсцы). Эти низшие категории населения сидели уже на чужой земле, платили своим господам натуральный оброк, а иногда и работали на них. Они составляли главную рабочую силу на землях как эрлов, так отчасти и кэрлов.

Начало процесса феодализации. С конца VII в. в англосаксонских государствах, где раньше, где позже, начинается процесс феодализации. Происходит рост имущественного неравенства среди кэрлов, заставляющий тех, кто обеднел, брать землю на определенных условиях у более богатых людей, искать их покровительства. Однако главным средством феодализации в Англии этих столетий было зарождение феодальной собственности в результате массовых королевских пожалований дружинникам и церковным учреждениям земли или чаще права собирать с определенных участков королевских владений поборы, т.е. держать ее в качестве «кормления». Такие пожалования оформлялись грамотами, а земля, доходы от которой передавались кому-либо, называлась «бокленд» (от англосаксонского *boc* — грамота, и *land* — земля). С появлением бокленда в Англии возникает крупное феодальное землевладение, так как обычно право получения доходов с пожалованной земли вскоре превращалось в право свободно отчуждаемой собственности на нее, а люди, жившие на этой земле, постепенно становились зависимыми от владельцев бокленда, хотя и сохраняли еще долго личную свободу.

Крупные землевладельцы, в зависимость от которых втягивались обедневшие и разорившиеся кэрлы, назывались глафордами (более поздняя

форма — «лорд», что соответствовало понятию «сеньор», «господин»). Однако и в условиях развития бокленда и глафордата основная масса кэрлов по крайней мере до XI в. оставалась мало втянутой в процесс феодализации, а община, постепенно приобретающая облик соседской, деревенской общины, сохраняла свою свободу. Поэтому и главную рабочую силу на землях, пожалованных в бокленд, составляли еще рабы и полусвободные из местного населения, но не англосаксонские кэрлы. Характерно, что в англосаксонской Англии были неизвестны прекарные сделки, служившие во Франкском государстве одним из основных каналов втягивания свободных крестьян в поземельную зависимость. Главную же роль в этом процессе до IX—X вв. играла, как отмечалось, королевская власть.

Всемерно содействовала процессу феодализации и церковь. Христианизация англосаксов началась в 597 г. в Кенте и затянулась до конца VII в. в силу неоднократных рецидивов язычества, особенно в Мерсии и Нортумбрии. Христианская церковь укрепляла своим авторитетом королевскую власть и группировавшуюся вокруг нее землевладельческую знать. Короли в свою очередь щедро одаривали епископов и монастыри боклендами, подчиняли их власти крестьянское население. Поэтому распространение христианства долго вызывало протест свободного англосаксонского крестьянства.

Эволюция государства у англосаксов. В момент их образования в ходе завоевания Англии англосаксонские королевства отличались большой архаичностью.

Король выступал в них в VI и VII вв. скорее, как племенной вождь, чем как носитель государственности. Большую роль играли органы местного, уже в основном территориального управления — народные собрания округов, состоявших из нескольких поселений.

Позднее эти округа стали объединяться в сотни, в которых собирались сотенные собрания всех свободных жителей этих территорий. Еще более крупные территориальные единицы с начала IX в. составляли графства — скиры, или шайры в каждом королевстве, которые тоже имели свои народные собрания — моты, или гемоты. Возможно, что в более ранний период в рамках каждого королевства собирались и общенародные собрания свободных общинников-воинов, но прямые данные об этом отсутствуют. Как уже отмечалось, войско длительное время состояло в основном из ополчения кэрлов.

Однако с развитием феодальных отношений, в частности глафордата, в народных собраниях на уровне общинных сходов, сотен и графств решающая роль переходила к крупным землевладельцам, глафордам и их приказчикам, простые же кэрлы постепенно теряли свое влияние. Одновременно усиливалось значение в этих собраниях и представителей королевской власти в графствах — шерифов, заменивших прежних руководителей собраний из числа родовой знати. Уменьшалась роль кэрлов и в военной организации королевств. По мере укрепления королевской власти растет значение в войске гезитов, отчасти вытеснявших, отчасти поглощавших старую родовую

знать — эрлов. При этом разница в вергельде между кэрлом и знатным человеком — гезитом — возрастает в несколько раз.

Постепенное превращение племенных королевств в раннефеодальные государства сопровождалось постоянной борьбой между ними за титул верховного короля. В конце VI — начале VII в. ведущее положение занимал Кент, с середины VII в. — Нортумбрия, в VIII в. — Мерсия, с начала IX в. — Уэссекс. Король Уэссекса Экберт в 829 г. объединил под своей властью в едином уже раннефеодальном государстве все англосаксонские королевства. Это стало возможным в силу того, что к этому времени процесс феодализации значительно продвинулся и феодализирующаяся верхушка общества испытывала потребность в усилении центральной власти, чтобы легче преодолевать сопротивление втягивавшихся в зависимость крестьян. С другой стороны, с конца VIII, особенно же с начала IX в. начались опустошительные набеги на Англию норманнов, преимущественно датчан на Восточную Англию и норвежцев на ее северо-западные области. Для борьбы с опасным врагом приходилось объединять усилия всех королевств, и Уэссекс, который менее других подвергался нападениям извне, стал естественным центром сопротивления завоевателям.

В объединенном государстве заметную политическую роль стал играть новый орган — «совет мудрых» (уитенамот), состоявший из наиболее могущественных крупных землевладельцев королевства.

Однако объединение страны не спасло ее от датской угрозы. Датчане постепенно захватили для поселения значительную территорию на северо-востоке страны и теснили англосаксов к югу. Их продвижение было приостановлено в правление короля Альфреда Великого (871—899 или 900 г.). Альфред начал укреплять военные силы англосаксов, опираясь, с одной стороны, на пешее крестьянское ополчение (фирд), с другой — на созданное им конное тяжеловооруженное войско мелкопоместных землевладельцев. Альфред построил также большой флот и сильные пограничные укрепления. Это позволило ему противостоять натиску датчан. Он вынудил их заключить договор о разделе Англии на две части: юго-западную в центре с Уэссексом и северо-восточную «область датского права» (Дэнло), оставшуюся в руках датчан. Альфред собрал и издал все старые англосаксонские законы в виде единого свода, дополнив их новыми королевскими постановлениями. Эта «Правда короля Альфреда» отражала уже развитие в стране феодальных порядков и закрепила их к выгоде складывающегося господствующего класса. Во второй половине X в. король Эдгар (959—975) ликвидировал самостоятельность области Дэнло и вновь объединил всю территорию Англии в единое государство.

Датские набеги и необходимость борьбы с ними, с одной стороны, несколько замедлили феодализацию англосаксонского общества, особенно на северо-востоке страны. Датчане в IX—X вв. отставали от англосаксов в своем развитии, у них в большей степени сохранялись общинный строй и свободное крестьянство, которые еще энергично противостояли феодализации. С другой стороны, однако, длительные войны с датчанами,

требовавшие частых сборов ополчения и постоянных поборов на ведение военных действий или откупов от нападения противника («датские деньги»), способствовали разорению свободного крестьянства. В этих условиях оно все больше теряло свою землю в пользу крупных землевладельцев, которых продолжало поддерживать своими пожалованиями раннефеодальное государство. Все большая часть кэрлов в IX—XI вв. превращается в зависимых крестьян, эксплуатируемых лордами. Важную роль в этом процессе теперь начинают играть иммунитетные пожалования королей крупным феодалам — так называемая сока. Крестьяне, оказывавшиеся на территории соки, — сокмены — находились в судебной зависимости от иммунитета и, хотя сохраняли личную свободу, но постепенно обязывались платить ему различные поборы и нести в его пользу повинности.

В X и начале XI в. в Англии, особенно на юге страны, появляются уже крупные вотчины (в Англии они назывались манорами), обрабатываемые барщинным трудом феодально-зависимых крестьян. Из инструкции управляющему вотчиной (Gerefa) и латинского трактата «Об обязанностях разных лиц» (в вотчине. — Ред.), относящихся к этому времени, мы знаем, что в этих феодальных вотчинах работали три основные группы крестьян: гениты — потомки свободных кэрлов, чья зависимость, возникшая в результате пожалования земли, на которой они жили, в бокленд, была относительно легкой; гебуры — основная рабочая сила в маноре, выполнявшая тяжелую барщину, — получали землю и инвентарь от господина и находились в тяжелой зависимости от него; котсетли — держатели мелких наделов, по своему правовому положению близкие к гебурам.

К этому времени завершается и процесс формирования нового господствующего слоя военно-служилой знати, так называемых тэнов, пришедших на смену древним королевским дружинникам — гезитам. Тэны, как правило, уже были мелкими и средними феодальными землевладельцами, предшественниками будущих рыцарей.

К середине XI в. Англия была в значительной мере феодализирована. Однако процесс феодализации не был еще завершен: наряду с феодальными вотчинами сохранялось еще много свободных общин и даже свободных крестьян-собственников, игравших заметную роль в органах самоуправления и в войске.

Возобновление и конец датских нашествий. В конце X в. датские короли, объединившие к этому времени под своей властью не только Данию, но и южную часть Скандинавского полуострова, возобновили набеги на Англию и в 1016 г. установили там свою власть. Король Кнут (1016—1035) был одновременно королем Англии, Дании и Норвегии. Стремясь найти опору в лице крупных англосаксонских землевладельцев, он подтверждал многие из присвоенных ими привилегий и прав.

Датское владычество в Англии оказалось непрочным. Используя внутренние раздоры в датском государстве, англосаксы продолжали борьбу с чужеземным гнетом. Вскоре после смерти Кнута его большая держава

распалась и на английский престол вступил представитель старой англосаксонской династии Эдуард по прозвищу Исповедник (1042—1066).

РАЗДЕЛ 2. Высокое Средневековье (X—XIII вв.) Западно-европейская цивилизация (X—XIII вв.).

Тема 2.1. Средневековая западная цивилизация и её духовные основы

План

- 1. Цивилизационные особенности и духовные основы Западной Европы**
- 2. Образ средневекового человека**
- 3. Система духовных ценностей, мир эмоций, формы поведения**
- 4. Картина мира. Восприятие пространства и времени средневековыми людьми**

1. Цивилизационные особенности региона

Сегодня «феодализм» в универсалистском значении этого понятия предстает перед нами как закономерный этап в ходе всемирно-исторического процесса, обеспечивший существенное продвижение человеческого общества по пути прогресса. Восхождение было противоречивым и неоднозначным. Периоды подъема сменялись застоями и упадком, человечество платило высокую цену за прогресс жертвами войн, эпидемий и неурожаев, насилия. Не-избежные на этом пути отступления и потери сопровождались важными обретениями во всех сферах жизни — экономической, социальной, политической и культурной.

Возможность прогресса была обеспечена самой системой, в которой основной производителем владел орудиями труда и имел более высокий, чем у раба и колона, социальный статус.

Западноевропейское средневековье внесло свой неповторимый и особый вклад во всемирно-исторический процесс. Хотя европейская цивилизация в целом отличается преемственностью (она унаследовала от античной Римской империи, в частности, один из важнейших факторов своего единства — христианскую религию), только в Западной Европе имел место синтез, т.е. прямое взаимодействие римских и варварских (германских, кельтских и др.) начал. Западная Европа испытала на себе сильное воздействие позднеримского общества — с развитыми государственными, правовыми структурами, отношениями неравенства, наличием рабства, с высокоразвитой культурой. Синтез ускорил становление новых общественных отношений и государств средневековой Западной Европы и сообщил ей исходную динамику, которая составила вторую отличительную черту развития этого региона в масштабах всемирно-исторического процесса. Тому же способствовал и тип германской общины, которая в сравнении со славянской общиной отличалась большей свободой в проявлении индивидуального начала. Отмеченные особенности стали вполне очевидными в период с XI по XV вв., позволив Западной Европе обогнать

более развитые в начальный период средневековой истории страны Востока. Решающим условием успеха на этом этапе послужило развитие города в его особых, характерных только для Западной Европы формах. Динамика развития содействовала более быстрому преодолению средневековой замкнутости и традиционной повторяемости форм жизни. Она обеспечила Западной Европе мировое первенство при переходе к капитализму и позволила осуществить колониальную экспансию на Восток и в Новый свет.

Отставание отдельных регионов или стран в масштабах Западной Европы сравнительно быстро преодолевалось, благодаря так называемому «вторичному синтезу», т.е. усвоению достижений более развитых стран или римского наследия странами бессинтезного генезиса феодализма на новом витке их развития. Возможность подобного явления обеспечивали тесные связи и взаимодействие внутри западноевропейской общности, которые можно считать еще одной важной особенностью этой цивилизации.

Западная Европа уже на этапе средних веков явила миру исключительный опыт общественного развития — консолидации сословий и их социально-политической активности, создавших известное равновесие во взаимоотношениях общества и государства. Эта активность была реализована, в частности, в системе сословного представительства. Последняя была общеевропейским феноменом, однако именно в Западной Европе представительные учреждения стали действенным органом политической жизни, заложив основы европейского парламентаризма нового времени. Они оказались способными к этому главным образом благодаря силе городского сословия.

Население Западной Европы исповедовало христианство, его религиозную и в целом духовную жизнь в течение многих веков почти безраздельно направляла католическая церковь с центром в Риме. В Византии и принявших от нее веру странах господствовало православие. Католическая и православная церкви имели расхождения догматического характера. Православная церковь играла менее активную роль в политической жизни общества и взаимоотношениях с государством. Однако обе ветви христианства, в отличие, например, от буддизма, стимулировали более деятельное отношение к земному миру как творению Бога.

Наконец, в Западной Европе была выработана концепция личности, основанная на началах рационализма, разработанной системе права и идеалах гуманизма.

Отдаленная от нас во времени средневековая история существует не только в памяти народов Западной Европы. Их современная жизнь связана с ней многими живыми нитями. В средневековую эпоху возникло большинство европейских народов, городов и государств, зародились и оформились национальные языки, культура и национальный характер. Социальный и политический средневековый опыт заложил основы современных парламентов, западноевропейского демократического и правового общества. Высокие образцы литературы и искусства, философской, политической, исторической мысли и сегодня питают

европейскую культуру и духовную жизнь. Готическая и романская архитектура, органически вошедшие в архитектурный ансамбль западноевропейских городов, и сегодня материализуют образ средневековой эпохи. Живая связь времен сообщает средневековой истории не только академический интерес, побуждая в особенностях прошлого искать ответы на проблемы современной жизни. Последнее обстоятельство делает средневековедение не только интереснейшей, но и актуальной областью исторического знания.

2. Образ средневекового человека

Человек, каким его представляло Средневековье. Западноевропейский мир XI-XV столетий, где христианское религиозное сознание господствовало, пронизывая всю общественную ткань, исходило из универсальной и вечной модели человека как творения Божьего. О природе, истории и судьбе человека сообщается в книге Бытия, открывающей Ветхий Завет. На седьмой день творения создал Бог Человека и наделил его господством над природой - растительным и животным миром, который обеспечивал ему пропитание и существование.

Человек имел таким образом призвание стать господином природы, земли и всего живого. Но этого не произошло. Первочеловек - Адам по наущению Евы, сованной Дьяволом в образе Змеи, то есть Злом, совершил грех. С тех пор человек - вместилище двух противоположных сущностей: образа и подобия Божия и первородного греха. Изгнанный из земного Рая, он обречен на страдания: тяжкий физический труд для мужчин и муки деторождения для женщин, на стыд перед наготой и на вечную смерть. Таков человек христианской мифологии.

В разные эпохи средневековое христианство делало акцент то на негативной, то на позитивной, божественной, сущности образа человека. Пессимистическое видение его как существа слабого, испорченного, смиренного перед Богом проходит через все Средневековье, но особенно этот образ выражен в ранний период - в IV-X вв. и даже еще в IX-XII столетиях.

Наиболее яркое воплощение этой библейской модели человека раннего Средневековья - Бедный Иов. Его история - история смирения и самоуничтожения перед Богом. Это простой, непорочный, богобоязненный человек, безропотно принимающий все обрушившиеся на него несчастья, как волю Божию. «И отошел сатана от лица Господня, - говорится в Библии, - и поразил Иова проказою лютою от подошвы ноги его по самое темя его. И взял он себе черепицу, чтобы оскоблить себя ею, и сел в пепел [вне селения]. И сказала ему жена его: ты все еще тверд в непорочности своей! Похули Бога и умри. Но он сказал ей: ты говоришь, как одна из безумных: неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать? Во всем этом не согрешил Иов устами своими» (Кн. Иова, 2,4). Излюбленное в средние века иконографическое изображение Иова - человек, изъеденный язвами на своем гноище.

С конца XII-XIII вв. получает распространение и становится все более

привлекательным другой, более оптимистический образ человека, как отражения божественного образа, способного продолжить на земле созидательную деятельность и обрести тем самым свое спасение. Это переосмысление сущности человека нашло отражение в изменении трактовки труда: представление о нем как о проклятье, несчастье, наказании человека за первородный грех постепенно стало вытесняться новым идеалом трудасозидания, труда как инструмента искупления и спасения человека. Столкновение этих двух тенденций отразилось в появлении в скульптуре и в иконографии начала XIII в. двух образов Адама - одного, раздавленного трудом-проклятьем и другого Адама-созидателя. Одновременно развивалась нетерпимость к тем, кто добровольно или вынужденно пребывал в праздности. Общество осуждало и выталкивало, обрекая на бродяжничество, убогих, больных, безработных.

С XIII в. образ человека все чаще начинает находить выражение в портрете, в реалистических чертах сильных мира сего: уверенных и самодовольных пап, императоров, королей, прелатов, важных сеньоров, богатых горожан. Напротив, в образе человека страдающего, воплощением библейской модели которого в раннее Средневековье был Бедный Иов, теперь стал изображаться сам Бог в его человеческом воплощении, то есть Бог-Сын, Иисус. Через Христа-Страждущего человек приблизился к Богу и к Спасению. «Истинные Врата», - так называли Христа богословы «О Ты, который сказал: «Я есмь врата, и кто пройдет через меня, будет спасен», покажи нам, где пребывают Твои врата, когда и кому Ты их отворяешь - вопрошал французский мистик XIII в. Гильом де Сен Тьерри, обращаясь к Христу. - Дом, что имеет Тебя вратами, - это небо, где обитает Твой Отец».

Христос-Агнец, Христос-Пастырь, Христос-Учитель иконографии раннего Средневековья и XII в. уступил место в XIII в. Христу-Человеку, возродившему своими страданиями человека. Он - Новый Адам, рядом с ним Пречистая Дева - Новая Ева. Но прежде всего он был Христом-Страдальцем, Страждущим: это - Христос Страстей, Бичеваний, Распятый, Сострадания. Новое благочестие выдвигало на первый план всю человеческую жизнь Христа-Человека, ставшего Богом - от Благовещения до Вознесения. Земное существование Христа - одна из излюбленных тем искусства, начиная с XIII в. Ей посвящались специальные театрализованные действия, мистерии. Одно из самых выразительных иконографических воплощений жизни Христа - фрески итальянского художника Джотто в капелле дель Арена в Падуе (1304-1306 гг.). XIV век породил образ Иисуса, облеченного в пурпурную мантию, в короне из терний, которого Пилат демонстрирует толпе. Обращаясь к Христу, Иоанн, согласно Евангелию, говорит: «Esse Homo» - «Вот Человек». Этот образ Христа был призван символизировать один из исключительных моментов человеческой истории, но одновременно - это также символическая фигура страдающего, униженного, но божественного по своей природе человека. Великая тайна человеческой истории, пишет Ж. Ле Гофф, которую на протяжении всего долгого Средневековья пытались объяснить теологи, - почему Бог принял решение сделаться человеком, смирить себя в Христе.

Но человек, согласно христианской мифологии, не замыкается один на один с Богом. Он, его душа, был ставкой в той вечной борьбе, которую ведет против Бога - Духа Добра, Сатана - Дух Зла. Человек должен сам принимать решение поддаваться или нет греховным искушениям и таким образом выбирать Рай или Ад. За душу человека сражаются две армии сверхъестественных сил: ангелов и демонов. В этой борьбе человек располагал духовной поддержкой Богородицы, святых, ангелов. Средневековое искусство насыщено изображениями финальной сцены земного существования человека, когда душа умершего, в виде маленького человечка, взвешивается на весах Страшного суда архангелом Михаилом, за действиями которого напряженно наблюдают, готовые подхватить ее в любую минуту в случае перевеса в сторону зла или добра, соответственно - Сатана и Св. Петр.

Из этой христианской мифологии произошли две широко распространенные на протяжении всего Средневековья концепции человека. Согласно одной из них, человек - вечный путник, совершающий странствие по земной жизни. В зависимости от своей склонности он выбирает путь либо к спасению и вечной жизни, либо к вечной смерти и страданиям. Парадоксально, но средневековый человек действительно не был прикован к месту. Он был, по выражению Ж. Ле Гоффа, «странником по своей сути и по призванию». В XIII в. монахи нищенствующих орденов находились чаще в пути, чем в своей обители. Тип человека-странника олицетворяли пилигримы, совершавшие паломничества по святым местам, и странствующие рыцари. XII-XIII века породили более высокую и более опасную форму земного странствия, которая была связана с религиозной идеей Крестовых походов.

Но странствия были чреваты опасностями. Одна из них - разрыв связи с домом, семьей, социальной группой, т. е. утрата стабильности положения, статуса, одного из важнейших, согласно господствовавшим представлениям, условий сохранения благочестия и спасения. Паломничество легко могло перерасти в бродяжничество и горе было тому, кто не имел «ни очага, ни места», особенно если это был клирик: монах-бродяга - самый худший образ человека в представлении Средневековья.

Согласно другой концепции, сущность человека заключается в покаянии, замаливании грехов, открывающем путь к спасению. Одна из важных черт образа средневекового человека - его поразительная готовность к покаянию в ответ на любые несчастья и чрезвычайные ситуации: будь-то неурожай, засуха, эпидемия болезни, военное разорение и т. д., в которых он всегда видел Божье наказание, ниспосланное за грехи. Эта концепция нашла выражение в обязательной с XIII в. практике ежегодной исповеди.

Образ человека, который христианская мифология и догма стремились представить, как универсальный тип, был внутренне сложен. Его образует противоречивое единство души и тела, духа и материи. В иерархии средневековых христианских ценностей телесное имело низкую оценку. «Омерзительным одеянием души» называл тело богослов Григорий Великий.

«Когда человек умирает, - говорил французский король Людовик Святой, - он излечивается от проказы, каковой является его тело». Спасение, или гибель души, согласно учению церкви, осуществляется через тело. Церковь призывала к смирению плоти, аскетическому образу жизни. Монашеские уставы строго регламентировали количество дозволенных ванн и туалетных процедур, так как в уходе за телом видели роскошь и признак изнеженности. Считалось, что крещение должно было «отмыть» христианина раз и навсегда в прямом и переносном смысле.

Тем не менее, восприятие тела и телесного средневековым обществом было двойственно противоречивым. Принижая тело, христианский идеал вместе с тем делал исключение для святых, телам которых поклонялись. Физическая красота - непременный атрибут святости. Святые были наделены не только духовными дарами (доброжелательность, мудрость, честность, терпимость, одаренность, уверенность, радость), но и телесными (красота, сила, ловкость, здоровье, долголетие, способность к наслаждению). Вот как, например, рассказывает доминиканский монах о Фоме Аквинском: «Когда св. Фома прогуливался на лоне природы, народ, работавший на полях, бросив свои занятия, устремлялся ему навстречу, с восхищением созерцая его величественную фигуру, красоту его человеческих черт; в гораздо большей степени их толкала к нему его красота, чем его святость», - заключает монах.

Полагали, что тело умершего святого «распространяет аромат святости». Но сохраняли останки, тела не только святых, но и великих мира сего - императоров, королей, пап, епископов. Их бальзамировали с помощью пахучих трав и минералов. Отдельно хоронили внутренности, извлеченные из тела: церковь обещала воскресение плоти.

Христианский идеал, принижающий тело, вступал в противоречие и с представлениями всей аристократии и рыцарей, с их культом физической силы, столь необходимой и на войне, и на турнире, и на охоте. «Кумирами людей всех состояний были те, кто совершал подвиги, то есть нечто из рода спортивных достижений».

Представления Средневековья о конституции человека не ограничивались противоречивым единством души и тела: она включала также разум, рассудок, «определяющий дыхание», возможность постижения высокого смысла античной и христианской философии и соединяющий человека с третьим лицом Троицы - Святым Духом. Наконец, сердце, которое, как верили, соединяет душу и рассудок, ведает всей гаммой чувств и высшим из них - чувством Любви, является мотором, движущим ток крови.

Показательно, что человек в целом его физической конституции, т. е. в телесном воплощении был одновременно метафорическим образом органического единства общества - «христианского тела», головой которого, как писал епископ Иоанн Солсберийский, является государь, его советники - сердцем; судьи и наместники - глазами, ушами и языком; воины - руками; сборщики податей - желудком и кишечником, крестьяне - ногами.

Согласно средневековым представлениям, жизнь человеческая разделяется на шесть периодов: младенчество, детство, отрочество, юность, зрелость, старость, которым соответствуют шесть исторических эпох - от сотворения мира до потопа, от потопа до Авраама, от Авраама до царя Давида, от Давида до вавилонского плена, от вавилонского плена до рождения Христова, и последний период - от Рождества Христова до конца света. Возрастам человеческим (и историческим эпохам) средневековое символическое сознание уподобляло часы дня: на заре трудился праведный Авель, третий час - время Ноево и построения ковчега, девятый час - законодательство Моисеево, вечер - пришествие Христа. Периоды человеческой жизни, как их отмеряло Средневековье, не совпадают с современными представлениями. Считалось, что юность длится до двадцати пяти лет, зрелость - до сорока пяти, а после того наступает старость. Историко-демографические исследования подтверждают, что люди в средние века умирали рано: голодовки, эпидемии, войны делали свое дело.

Средневековая социология. Средневековая концепция человека не сводима к, хотя и противоречивому, единству его души и тела. Образ человека включал также в себя и его социальную функцию: место в обществе и обусловленные этим обязанности. Сознание незыблемости социальной иерархии - одна из специфических черт менталитета средневекового человека: долг каждого оставаться там, куда поместил его. Бог; стремиться к возвышению - значит проявлять гордыню, опуститься - предосудительно. Следует почитать земной порядок, который не что иное, как лишь сколок с общества небесного: Царь царей, - утверждал в начале XIII в. Герар, епископ Камбрэ и Арраса, - организует небесное, духовное общество, равно как и общество земное, мирское по различным чинам; распорядок чинов на небе и на земле священен, ибо установлен самим Богом. Таким образом, неподвижность, застывлость, наследственность общественного статуса составляла идеал средневековой социологии. Практически в плане социального и политического поведения и сознания это означало обязанность человека повиноваться высшим авторитетам: папе и прелатам, если это был человек церкви; королю, сеньорам, патрицианским правителям городов, если речь шла о мирянине. Он должен также следовать авторитету обычаев, традиции, освещающих существующий порядок, и прежде всего - всегда авторитету Библии, отцов церкви - в раннее Средневековье: магистрам и мэтрам университетов - начиная с XIII в.

Средневековье, особенно в ранний период (V-IX вв.), строило свои представления об обществе исходя из двухчастных схем-пар. Самая важная из таких схем - это оппозиция «клирик-мирянин», что отвечало социальным реальностям общества, где господствующую роль играла религия, а духовенство рассматривалось как важнейший его элемент. Но одновременно вес имела и другая, мирская линия осмысления общественного расслоения. Она, особенно в раннее время, выражалась оппозицией «могущественный (т. е. обладающий властью) – бедный». По мере развития товарно-денежных отношений и превращения богатства в важнейший источник и следствие

могущества, эта формула преобразуется в противопоставление «богатый – бедный». Вместе с тем некоторые средневековые классификаторы, как например Рауль Глабер, вводили одновременно и третью категорию «средних», размещая ее между двумя общественными полюсами: «грандами» - большими людьми и «малыми». Этими «средними» стало купечество избравших силу городов, располагавшееся средневековыми писателями между светской и церковной аристократией, с одной стороны, и массой крестьян и простых граждан - с другой.

Но где-то около тысячного года появляется трехчастная схема совсем другого рода. Исходящая из социальных функций различных общественных групп, она отражала реалии процесса феодализации и подразделяла общество на три функциональных категории-класса: молящихся, сражающихся и трудящихся. Своими истоками, как считают ученые, в частности этнолог Ж. Дюмезиль, эта схема связана с мифологическими представлениями, восходящими к глубокой древности индоевропейских народов, придававших большое значение гармоническому сочетанию трех сфер общественной жизни к тому времени у них сложившихся: сферы сакрального, т. е. священного, связанного с властью, религией, правом; сферы физической силы, т. е. защиты, войны; сферы, связанной с обеспечением питания, богатства, изобилия человека. Этим трем сферам соответствовали и три функции: религиозно-жреческая, военная, хозяйственная. Дополняя друг друга, они обеспечивали единство общественного целого.

Это возникшее в конкретной исторической ситуации и отражающее ее реалии представление об общественном устройстве наложило сильнейший отпечаток на всю структуру мышления индоевропейских народов и продолжало жить в их сознании по прошествии многих столетий, даже тогда, когда историческая ситуация стала совсем иной.

Этой модели общественного устройства не знает Библия, ее нет и у раннехристианских писателей. Но где-то в начале IX в. она возникла, и идея ее начинает проникать в христианство, используется его идеологами в целях обеспечения политического и социального мира. Она широко распространяется сначала в Англии, потом во Франции. В 20-30-х годах XI в. она получает всестороннее развитие в трудах епископов Адальберона Ланского и Герарда Камбрезийского, разработавших на ее основе схему западнохристианского общества. Согласно ей, богоустановленное общество, составлявшее в известном смысле «единое тело» - христианскую церковь, разделялось в действительности на три категории, так называемые ордо: один составляли те, кто молились - духовенство (*oratores*), другой - те, кто защищали с оружием в руках церковь, - воины (*bellatores*); наконец, «трудящиеся» - те, кто пахали землю (*laboratores*).

Эта теория отражала современные ей реальные общественные порядки и тенденции их развития в феодальной Европе как они обозначились к тысячному году.

Действительно, ведущей общественной силой этого общества было духовенство, особенно монашество, за увеличение влияния которого

ратовали оба епископа. И функцией его, согласно учению церкви, было осуществление связи между земным и небесными мирами: через него передается мирянам благодать, необходимая для их спасения; духовенство же ведет особый образ жизни, соблюдает священные запреты, выполняет обет воздержания и не участвует в «суете» земной жизни. Под воинами понимался прежде всего тот новый возвышающийся социальный слой конных воинов - рыцарей, из которых формировалась новая феодальная знать и которые, согласно схеме, «призваны» были защищать два других социальных разряда силой оружия. Наконец - мир труда, представленный в основном крестьянством, которое стремительно превращалось в феодально-зависимое.

Трехфункциональная модель имела целью не только описать общественную структуру, но и закрепить ее, объявив неизбежность, заданность свыше и тем самым предотвратить остро ощущаемую опасность социального взрыва. Конечно, заявлял Герард Камбрезийский, люди рождаются равными перед Богом, но грехи, которые они совершают, - различны, поэтому подчинение одних другим неизбежно. Тройственность идеальной общественной структуры - одно из проявлений этого. Человеческое общество с самого начала триедино и каждая из его частей не может обойтись без другой, но и вместе они существуют только благодаря тому, что неравны друг другу. Таким образом закреплялось идеологически социально подчиненное положение разряда «трудящихся» двум высшим. Но не только это. Трехфункциональная модель вместе с тем объективно способствовала росту социального престижа «трудящихся». Их труд начинали рассматривать как общественно ценный, а их самих - как неотъемлемый элемент общества. И в этом также отражались социальные реальности той эпохи: численный рост крестьянства в целом и увеличение влияния его элитарного, зажиточного слоя, игравшего главную роль в развернувшемся в XI в. массовом колонизационном движении хозяйственного освоения нови на огромном пространстве внутренних областей и приграничных земель.

Представление о «трехфункциональном» общественном устройстве не оставалось неизменным на протяжении столетий. Эта модель трансформировалась, усложнялась по мере изменения социально-политической действительности и идеологических потребностей правящих социальных слоев. Ее разрушение и, в конечном счете, исчезновение было связано с подъемом городов XI-XIII вв., с усложнением общественного разделения труда и социальной структуры общества в целом.

Возникнув как концепция епископов, идеалом которых была сильная монархическая власть, действующая в согласии с епископатом и монашеством, эта модель с конца XII в. перестает служить возвеличению церкви. Ее берет на вооружение светская феодальная знать - рыцарство в своей борьбе то против верховенства церкви, то против притязаний королевской власти. С последней четверти XIII в. она уступает место новой концепции - священной королевской власти, возвышающейся над тремя

неравными друг другу, отличающимися по социально-профессиональному положению категориями - сословиями: рыцарством, духовенством, элитой трудящихся городских коммун.

Сочинения средневековых авторов XIII в. отразили изменения представлений об общественном устройстве: их десакрализацию, смешение религиозных классификаций с иными, основанными на профессиональных функциях, имущественном, семейном положении. Вертикальная ориентация социальной иерархии, символизирующая движение «сверху» «вниз», богоустановленность и незыблемость общественных разрядов, начинает все чаще и все интенсивнее сочетаться с иерархией горизонтальной, отражающей многообразие и динамизм жизненных положений, ситуаций, свойственных земному, человеческому миру. В XIII в. деление общества на социальные статусы было признано церковью.

3. Система духовных ценностей, мир эмоций, формы поведения

Общие верования, общие страхи, общие одержимости Средневековый человек предстает перед нами в разных социальных типах - монаха и рыцаря, крестьянина и бюргера, нищего и бродяги, школяра и студента и т. д.

При всем многообразии социальных и индивидуальных воплощений можно, однако выделить некие общие характеристики, присущие в целом человеку этой эпохи. Это не должно удивлять. Люди жили не в безвоздушном пространстве, но в конкретной, сформированной христианством идеологической и культурной системе, в особом мире представлений и чувствований, который предполагал и общие верования, и общие страхи, и специфические формы поведения. Конечно, среда, уровень образованности, историко-географические различия зон обитания (Средиземноморье или Северная Европа, Балканы и т. д.) вносили свои коррективы в культурное и психологическое поведение человека, не устраняя, однако, то общее, что было присуще ему именно как человеку западноевропейского христианского мира, средневековой цивилизации.

Одна из таких общих характеристических черт - одержимость сознанием своей греховности и ее предвестия пороков, которые рассматривались как уступки дьяволу.

Косми дьявола мерещились средневековому человеку повсюду и рассказы о нем - излюбленная тема нравоучительных проповедей и «примеров» (Exempla), коротких историй, житейских анекдотов, призванных воспитывать благочестие и внушать пастве отвращение к греху. Дьявол насылает на людей болезни. Он и его воинство, черти и чертенята, смущают благочестивых, мешают творить молитву, влезают на спину во время богослужения. Они принимают образ свиней, змей, псов, кошек, обезьян и незаметно влекут людей к соблазнам. Они прикидываются добрыми и даже творят чудеса (волшебство, которое в средневековом сознании переплеталось с чудотворством). Вот почему, утверждал Цезарий Гейстербахский, монах, живший на рубеже XII-XIII вв., люди должны быть постоянно начеку: их подстерегают опасности страшнее врагов и грабителей, опасности, от которых не спасут ни замки, ни мечи.

Не слишком полагаясь ни на собственное благочестие, ни на милосердие Божье, человек Средневековья отдавал себя в руки магии, которая должна была защитить его от реальных и сверхъестественных опасностей. Средневековое сознание разработало целую систему магических средств, обороняющих от враждебной силы. В центре этой оборонительной магии был поставлен крест - знак мученической кончины Христа, наделенный чудодейственной способностью отгонять нечистых духов. Крест - важнейший символ христианства, его водружали на церквах, наперсный крест носили князья церкви, крест выносили во время литургии, знак креста ставили в начале делового документа, знаком креста осеяли пищу. Магическую, чудесную силу приписывали и мощам святых. Церкви гордились священными останками христианских мучеников и героев. Но более усердными покровителями, нежели святые, были ангелы. Каждый человек имел своего ангела-защитника, как, впрочем, и своего демона.

В XII в. складывается представление о семи смертных грехах. Это - гордыня, скупость, чревоугодие, роскошь, гнев, зависть, леность. Но наряду с этим существовали особые дьявольские обольщения, которым были подвержены представители тех или иных сословий: монахи - лицемерию, рыцари - разбою, купцы - обману и ростовщичеству, клирики - симонии (приобретение должностей за деньги).

В 1215 г. IV Латеранский собор изменил всем верующим обязательную ежегодную исповедь и покаяние в грехах перед лицом священника, представителя Бога. Очищение от грехов посредством исповеди считалось настолько действенным средством исцеления души, что способно было даже изменить внешний вид человека. Так было, рассказывается в одном из «примеров», с неким юношей, который предал себя дьяволу, но зайдя в церковь, исповедался. Когда он вышел, обитавший поблизости бес спросил его, не видел ли он его приятеля. – «Ты не узнаешь его?» - «Узнал бы я, -- ответил черт, - если б он был как прежде». – «Это я, что вчера был твоим другом, но Господь милосердный избавил меня от твоего общества». Верили, что на том свете на каждого ведется специальное «дело», в котором фиксируются все прегрешения и добрые дела.

Список грехов на Страшный суд притаскивают бесы, список добрых дел, обычно меньший по объему, предъявляют ангелы. Оба списка кладутся на весы и взвешивание определяет, куда душе держать путь: в Рай или в Ад. Но случались и неожиданности. Об одной из них рассказывается в «Книге примеров и проповеднической практики»: «Когда грехи Карла Великого перевесили, святой Иаков принес множество камней и положил их на чашу весов к добрым делам императора, решив тем самым судебное разбирательство в его пользу». В «Диалогах о чудесах» Цезарий Гейстербахский рассказывает о богатом кельнском бюргере, который, услышав от священника о том, что «апостолы будут судить род людской, призадумался и решил купить камней на будущее: когда в Судный день на весы будут положены его добрые дела и грехи, апостолы смогут присовокупить камни к его заслугам, и чаша эта перевесит. Он приобрел

целый корабль с камнями, выгрузив их близ церкви Апостолов в Кельне. Вскоре церковь стали расширять, и камни были использованы для укрепления фундамента».

Страх смерти и Суда «в конце времен» владел всеми. Церковь настойчиво внушала мысль, что спасутся немногие. Знаменитый немецкий проповедник XIII в. францисканец Бертольд Регенсбургский утверждал, что на 100 тысяч осужденных на Ад приходится лишь один спасенный. Некий проповедник, «побывавший» на том свете, открыл своему другу, что спасутся лишь немногие священники, так как «широкая дорога, которая ведет в Ад, забита их прихожанами».

В представлениях средневекового человека о Страшном суде исследователи отмечают некую двойственность. С одной стороны, согласно учению церкви, Страшный суд мыслился «в конце времен», как общий для всех, но с другой, в популярной проповеднической литературе, в нравоучительных рассказах и примерах сообщалось о немедленном суде над душой умирающего или умершего. В сознании простых людей эти два образа Страшного суда сливались в один - суд, который вершится над человеком в момент его кончины, тогда как Страшный суд перед Вторым пришествием представлялся далеким и неопределенным. Люди были уверены: Судный день уже на пороге, он уже происходит для многих грешников, но тем из них, кто готов покаяться и изменить свое поведение, может быть дана отсрочка и возможно даже возвращение души в тело. Многие впадали в отчаяние, полагая, что для них все кончено и исповедь их уже не спасет. Все это порождало общую атмосферу страха и ощущение виновности.

Священники внушали верующим мысль о неизбежности кары за грехи, о вездесущности Господа и вместе с тем о его милосердии. Большие надежды на смягчение наказания связывали с вмешательством Богородицы, верили, что она способна вырвать из когтей Дьявола даже великого грешника, если он поклонялся ей при жизни. В одной из проповедей рассказывалось, что Мария вступила в спор с бесами из-за души развратного монаха. «Бесы утверждали, что он принадлежит им, но Пресвятая Дева, «знавшая, что даже отправляясь к женщине, с которой он состоял в преступной связи, монах не преминул прочитать перед ее статуей «Ave Maria!», заявила, что он – «Ее раб» и передала дело на решение своего Сына, который возвратил монаха к жизни, чтобы предоставить ему возможность покаяться».

Приведенный пример интересен еще и тем, что обнаруживает и другую характеристическую черту сознания средневекового человека: для него не существовало границы между естественным и сверхъестественным, реальным и воображаемым. Небесный мир был для средневекового человека не только столь же реальным, что и земной, но и составлял с ним единое целое. Верили, что оба мира соединены «лестницей Спасения» - лестница Иакова, по которой обитатели небес спускаются на землю, а благочестивые стремящиеся к совершенству люди при поддержке ангелов устремляются по ней вверх, пытаясь возвыситься до лицезрения небес и Господа, но даже лучшим из них, как рассказывалось в нравоучительных историях, не

удавалось одолеть последнюю ступень: они падали и снова пытались подняться.

Небу (Раю) противостояло подземелье (Ад). В «Божественной Комедии» Данте размещает круги Ада на разных пространственных уровнях: движение к Сатане - это спуск вниз, в то время как «лестница Иакова» ведет вверх - к спасению. Но владельцы «нижнего пространства», не отделены от человеческого мира. Они проникают в него, непрерывно вторгаются в него, воздействуют на его грешных обитателей.

Средневековый человек постоянно ощущал себя окруженным «видениями». Средневековая проповедническая литература, в частности такой ее жанр как «пример», сохранила содержание этих «видений», описывающих путешествие в потусторонний мир, совершаемое монахом или мирянином во сне. Посещаются Ад с его огненными реками, чудищами и муками грешников, Рай, где благоухают луга и раздаются ангельское пение, Чистилище (с XII в.), где души умерших подвергаются всевозможным испытаниям. Эти тексты написаны чаще всего монахами, но они отражают народные представления, фольклорные языческие мотивы (мост в потусторонний мир, охраняемый фантастическими животными, винные и медовые реки в запредельной стране сытости и блаженства), веру в чудеса и спасительную силу магии, свойственную и средневековому книжнику, и простецу, человеку «из народа».

И те, и другие верили в оживших мертвецов «временно» умерших и живых, посещающих мир иной. Выходцы с того света, по образному выражению Ж.-К. Шмитта, «таводняют» средневековый Запад. Мертвецы сохраняют интерес к земным делам и это никого не удивляет, так как от живых и их благочестия зависело подчас положение умерших в мире ином.

«Сын ландграфа Людовика, - рассказывает Цезарий Гейстербахский, - хотел во что бы то ни стало узнать, какова участь его покойного отца, и один клирик, сведущий в черной магии, вызвал Дьявола. Тот согласился без ущерба для клирика доставить его к воротам Ада. По просьбе Дьявола бесы на короткий срок извлекли душу ландграфа из адского колодца. Несчастный умолял, чтобы его сыновья возвратили церкви те владения, которые он несправедливо захватил и оставил им в наследство, - тогда его душа испытала бы большое облегчение». Клирик передал сыновьям ландграфа его просьбу, но обуреваемые корыстью они отказались ее выполнить. Покойники и после смерти были обуреваемы страстями, поглощавшими их при жизни. Тот же Цезарий Гейстербахский рассказывает о «случае», который «произошел в кельнской епархии»: «два крестьянских рода смертельно враждовали между собой, и случилось так, что главы обеих семей скончались в один и тот же день и, поскольку принадлежали к одному и тому же приходу, были погребены в одной общей же могиле. Произошло «неслыханное чудо»: их тела повернулись задом друг к другу, толкаясь и пинаясь, так что в борьбе участвовали и головы, и ноги, и спины; они дрались с такою силой, как если бы то были кони, а не люди. Пришлось их выкопать и похоронить в разных могилах. Вражда мертвецов послужила

уроком для оставшихся в живых, которые достигли примирения», но души этих крестьян «продолжали враждовать и в Аду».

«Тот свет», как он виделся средневековому человеку, не имел ничего общего с вечным покоем и сном, не говоря уже о том, что происходящее там поразительно напоминало сцены повседневной жизни горожанина или крестьянина. Вот еще один рассказ «очевидца», священника, «побывавшего» в мире ином: «Бесы хлопотали и бегали там с места на место. Одни приводили души умерших, другие принимали их, третьи подвергали их пыткам. Стон и шум, вопли и плач раздавались со всех сторон». Не обходилось дело и без путаницы. В Аду появился гильдесхаймский епископ Конрад, но князь тьмы приказал отправить его назад: «Не наш он, ведь убит невинным». Священник визионер притулился у дверей, и заметивший его Дьявол сказал: «Мы очень заняты, сейчас мы от него отделаемся». Вина этого священника заключалась в том, что, получив у одного умирающего паломническое одеяние, он не позаботился о душе; и теперь черти, окунув эту одежду в какую-то жидкость, ударили ею священника по лицу. С воплем «Помогите, умираю, горю!» он пробудился и был отнесен с ожогами в больницу.

В этом мире сама вечность находилась буквально «в двух шагах» от времени земной жизни человека. Самый впечатляющий пример «вторжения» воображаемого средневековым человеком пространства и времени в реальную жизнь - Чистилище.

Средневековье представляло Чистилище как некое «опосредствующее», «третье» пространство между Раем и Адом, как место временного пребывания души человека «между смертью и воскресением», где она может очиститься не от самых тяжелых своих грехов. Считалось, что душа в Чистилище сохраняет некую телесную оболочку, которая и испытывает страдания.

В отличие от Ада и Рая, соотносимых с вечностью, существование Чистилища должно прекратиться к моменту Второго пришествия, когда его обитатели присоединятся к Раю, преддверием которого, собственно, и считали Чистилище. Таким образом, Чистилище сосуществует с земной историей и завершает свое бытие одновременно с земным.

Идея Чистилища восходит к раннехристианским представлениям о возможности при определенных условиях «выкупить» некоторые грехи уже после смерти. Однако образ его, как особой структуры потустороннего мира, окончательно утверждается лишь между 1170 и 1220 гг. По мнению ученых это произошло «под давлением потребности верующих в сохранении надежды на спасение, хотя бы и ценою мук, которые душа испытывает в течение более или менее длительного времени».

На протяжении нескольких столетий теологи не решались прямо сформулировать идею Чистилища и видимо потому, что это «третье место» потустороннего мира не было предусмотрено Писанием и Отцами церкви. Это стало возможным под давлением действительности и изменения сознания самого человека. Утверждение образа Чистилища в богословской и

проповеднической литературе, в обществе в целом, совпадает со все возрастающей привязанностью средневекового человека к благам земной жизни и вместе с тем все большим отдалением его в своем сознании от вечности, стремлением продлить время, разделявшее его бременное существование и день Страшного суда. Заинтересованность в Чистилище, тщательное вычисление сроков пребывания там души выявляется одновременно с усилением внимания общества к счету, арифметике, числовым выкладкам, а также - к географии как земного мира, так и потустороннего.

Верили, что в Чистилище ведут «земные впадины», которые находятся в разных частях мира: это кратеры в Сицилии, гроты в Ирландии. Но пройти очищение можно было и другим путем. Цезарий Гейстербахский рассказывает, что «некий монах простоял целый год на скале в Трире», а другой – «проходил очищение в банях».

Утверждение образа Чистилища сопровождалось изменением восприятия времени, которое стало осмысляться как объективное и субъективное: длительность и «интенсивность» пребывания в Чистилище зависела от количества и характера грехов умершего и это «объективное» время не совпадало с ощущением самого «посетителя», который полагал, что провел в Чистилище в десять или сто раз больше времени, чем на самом деле он был там. Переход из времени Чистилища в вечность воспринимался как особое торжественное событие, которое Данте в своей поэме (идеально отражающей движение по кругам Ада и различным областям Чистилища и Рая) обозначает ударом грома.

Вера в Чистилище заставила с большим вниманием относиться к обстоятельствам смерти человека, к его поведению в момент земной кончины, а также к поведению его близких после его смерти, ибо только их благочестие могло очистить усопшего от части его грехов: вера в Чистилище вынуждала общество по-новому осознать момент земной смерти. Она обогатила, усложнила и драматизировала похоронный обряд. Теоретически, каждый христианин мог помочь душе усопшего быстрее покинуть Чистилище.

Восносить молитвы за спасение души считалось долгом всех близких человека, причем не только родных, но и братьев по той или иной корпорации, прежде всего членов монашеских орденов. В одной из проповедей рассказывалось: «явившись после смерти своему брату, один монах сказал, что страдает от мук в Чистилище только по той причине, что утаил новые туфли, спрятанные им в ногах постели, он умолял отдать их аббату и просить его о молитвах за его душу».

На вере в то, что молитвы, мессы и приношения даров могут сократить срок пребывания душ в Чистилище строилась широко распространившаяся в эти столетия практика завещаний. Составители их, завещая денежные суммы, были озабочены тем, чтобы за их души наследники отслужили как можно больше месс, особенно в первые месяцы после кончины, с тем, чтобы как можно скорее выволить душу из мук. Так возникала новая солидарность

внутри семейного коллектива, городской общности, цеха, религиозного братства, ордена. Время, проводимое в Чистилище, определялось силой взаимной ответственности людей, интенсивностью и прочностью социальных связей умерших, также, как и мерой индивидуальной ответственности человека перед самим собой в его смертный час. Невидимый сверхъестественный мир проявлял себя в чуде. И жажда чуда - еще одна характеристическая черта сознания средневекового человека. В частное, прямое или косвенное, вмешательство Бога в порядок земной жизни верили все. Существовала целая иерархия выразителей и передатчиков божественной воли. Наиболее могущественная из них - Дева Мария, которая, как считалось, может добиться от Бога любого чуда.

Почитание Марии, как «Новой Евы» особенно распространилось с XI в. В 1140 г. был введен праздник непорочного зачатия Марии. Богородица пользовалась особым народным почитанием. Ее трактовали, прежде всего, как заступницу за людей перед Христом. Гвибер Ножанский объясняет, как Мария, принадлежащая сотворенному миру, могла влиять на Творца: ведь она, заявляет Гвибер, мать Бога, а мать не просит, она приказывает. Вот почему Христос слушает ее и, прислушиваясь к ней, может менять свои решения. С культом заступницы, в котором отчетливы языческие народные мотивы, переплетается и поклонение тому вечно женственному началу, которое воспевали трубадуры и воплотили в камне скульпторы XII-XIII вв.

Далее в иерархии заступников и чудотворцев следовали святые.

Каждая местность, каждая церковь или аббатство имели своего святого-покровителя, так же, как и каждый человек считал своим заступником святого, именем которого он был наречен при крещении. Крупные святые обладали также большими возможностями в осуществлении чуда, но подчас местные святые вполне успешно с ними конкурировали. Во всяком случае «местный патриотизм» верующих в этом отношении был очень силен.

Вместе с тем, верующие стремились заручиться помощью как можно большего числа небесных заступников. В этом отношении выделялись жители Кельна. Здесь почитались культы 11 тыс. дев, 6666 солдат Фиванского легиона и 10 тыс. рыцарей. В целом кельнцы могли рассчитывать на заступничество 27 тыс. ходатаев перед Богом.

Чудотворная сила святых проявлялась в самых разных сферах: изгнание бесов, умножение плодородия, защита от стихийных и общественных бедствий и т. п., но особенно - в целительной практике, где чудеса особенно часты. В позднее Средневековье развивается «специализация» святых: покровительство тому или иному ремеслу, способность исцелить от той или иной болезни. Но бывали и случаи «совместительства»: Святая Гертруда, сопровождавшая души умерших непосредственно после смерти, в то же время защищала от мышей.

Образ святого в средневековой культуре сформировался не только на основе христианской мифологии. Свой вклад в его разработку внесли народная фантазия, волшебная сказка, фольклор, языческие верования в заклинания, амулеты, обладавшие магической силой и т. п.

Идеал христианского смирения, преданность Христу, отказ от мирских радостей, сосредоточение помыслов и сил на спасении души и служении Богу соседствовали и тесно переплетались здесь с жаждой чуда, с верой в волшебную силу всего, что имело отношение к святому будь то его личные вещи, слезы, слюна или пыль с его усыпальницы.

Средневековое общество, каким оно выступает в житийной литературе, - общество, где люди и святые находятся в постоянном контакте и взаимодействии. Почитатели возносят молитвы своему святому, всячески его ублажают, но одновременно считают себя в праве предъявлять ему требования, когда тот долго не догадывается, каких благодеяний от него ожидают. Отношения со святым, как и его образ, как показывают исследования А.Я. Гуревича, моделировались по образу и подобию земных, человеческих: дар требовал вознаграждения. То, что привлекало средневекового человека больше всего - это то, что любой неблагоприятный поступок мог повлечь за собой немедленное наказание со стороны заинтересованного небесного заступника. Он мог защитить и творить сверхъестественное.

Наряду со святыми, признанными и канонизированными церковью, широко было распространено и лжечудотворство. Чтобы избежать сомнительных случаев, претендующих на чудотворство, церковь с начала XIII в. стремится ограничить целительную практику святых их посмертным периодом. Это имело результатом распространение и расцвет культа мощей, прикосновение к которым могло повлечь за собой чудо и в котором было много от языческих верований в амулеты, священные предметы.

Таким образом, мир средневекового человека наполняли чудеса. «Чудесное», по выражению Ж. Ле Гоффа, - те врата, через которые выходит к нам значительная часть средневекового мира воображаемого. Внимание исследователей средневековой культуры больше всего привлекает в чудесном «система прочтения сверхъестественного». Они стремятся выяснить его истоки, соотношения фольклорного, языческого и христианского элементов, функции «чудесного» в средневековом обществе.

«Чудесное» больше, чем другие элементы средневековой культуры и менталитета принадлежит предшествующим эпохам. Свои представления о чудесном Средневековье черпало из разных источников - памятников Античности, варварской, языческой, мифологии, фольклора, Библии. Но христианство в целом внесло мало нового в эту сферу средневековой культуры.

«Чудесное» - то, чего нет в действительности, но, что могло бы быть, что выходит за рамки нормального, естественного. Чудесное обычно связывали с различными местами, странами (горы, острова, источники, замки и т. д.), человекоподобными существами (великаны, карлики, феи), фантастическими животными (грифоны, драконы и т. д.) и людьми (женщина-змея Мелузина, женщины-птицы - сирены), чудесными предметами (рог изобилия, волшебное кольцо, делавшее невидимым). Оно проявляло себя через сны, видения, в магических действиях, ведовстве, в фантастических описаниях

людей, животных, населяющих окраины Ойкумены и в фантастических чудовищах изобразительного искусства.

Христианство в принципе было нетерпимо к чудесному, которое как бы противостояло его запретам и табу, утверждая культ чревоугодия, праздности и беспечности, трансформируя человека в животное, что было особенно скандальным для христианской идеологии, сосредоточенной на человеке как «образе и подобию Божьему». Вплоть до XII-XIII вв. чудесное оставалось главным образом принадлежностью традиционной, «народной» культуры, фольклора. Но одновременно церковь стремилась, особенно начиная с XIII в. «нейтрализовать» эти традиции чудесного, постепенно преобразовывая их, наполняя новым, христианским смыслом. Церковь тщательно разделяла чудотворное (сверхъестественное «божественное», христианское) и чудесное (сверхъестественное «естественное» - языческое), отодвигая его постепенно в осуждаемую область суеверий. Особенность чудесного, согласно этой концепции, таким образом в том, что источником его выступают силы разнообразные, в том числе и природные, тогда как источник чудотворного - один: Бог, божественная сила.

Бог мог позволить себе вмешательство в законы природы, как это имело место в случаях установления истины в ходе судебного разбирательства. «Бог на стороне правого» - эта формула узаконивала один из самых варварских обычаев Средневековья - доказательство истины посредством чуда, так называемый Божий суд. Обвиняемого испытывали огнем, через который он должен был пройти, или раскаленным металлом, держа его в руке, остававшиеся при этих испытаниях в живых, считались невиновными. Выбор Бога мог дать знать о себе и в результате поединка (ордалии). В 1215 г. IV Латеранский собор запретил ордалии и физические испытания с целью определения виновности или невиновности обвиняемого, заменив их устными или письменными свидетельствами.

В чудесном средневековый человек находил противовес банальности повседневного размеренного существования. Это - особый универсум, мир - во всем противоположный земному, обыденному. Там изобилие пищи, нет нужды в одежде, топливе, тяжком труде. И именно к сфере чудесного относится распространение в начале XIII в. представления о стране сытости - Кокане, «стране навыворот», где нет забот и все сыты. Но одновременно «чудесное» - также форма сопротивления официальной христианской идеологии. Отсюда настороженность церкви. Она стремилась подчинить чудесное чудотворному, чудотворству, давая ему символическое или морализаторское истолкование. Вместе с тем стремление укрепить свое влияние на паству и общество делало церковь все более терпимой к его восходящим к древности представлениям. Результатом стало торжество чудесного в культуре готики классического Средневековья.

Характеристической чертой умственного инструментария средневекового человека, вытекающей из особенности видения им мира, является также «мышление символами». Средневековый человек «жил в лесу символов».

Мир, - утверждал Блаженный Августин, состоит из знаков-символов и вещей. «Вещи» - материальные предметы, реалии жизни, но одновременно они - суть, отображение, знаки чего-то им соответствующего в сфере более высокой, сверхъестественной и священной. Мыслить, согласно средневековому сознанию, означало - открывать эти скрытые значения. Средневековый человек вынужден был постоянно «расшифровывать». Но это определяло его зависимость от клириков - духовенства, знатоков символики, людей, владеющих книжным знанием, способных прояснить для неграмотных простецов, мыслящих магическими образами, скрытый смысл символов, открывающих доступ в истинный и вечный мир, к спасению.

Символикой было пронизано все. Она начиналась уже на уровне слова: «назвать вещь - значит ее объяснить», утверждали христианские авторитеты, а понимание - «есть знание и овладение вещами, реальностями». И далеко не случайно «фундаментом» средневековой педагогики было изучение слов и языка - тривиум: грамматика, риторика, диалектика. Грамматика составляла основу школьного преподавания, и средневековые авторы воздавали ей почести, потому что она учила не только буквам и слогам, но и языку символов.

Символическим была пронизана природа и искусство, особенно архитектура. Символика господствовала в церковном и мирском церемониалах, таких как, например, миропомазание и рукоположение в сан духовного лица, коронация, выход короля или папы и т. д.

Средневековый человек был связан «числом» и связанной с ним символикой. Вплоть до XIII в. наибольшее восхищение вызывали символические цифры: 3 - Троица, 4 - число Евангелистов, рек Рая, главных человеческих доблестей; 7 - число Божьих даров, таинств, смертных грехов; 10 - десять Заповедей Бога и Церкви; 12 - число Апостолов и месяцев в году и т. д. Целый универсум символических цифр, раскрывающих смысл и скрытые судьбы человечества, содержит Апокалипсис. В их числе и мифическая эпоха тысячного года (миллениум), как «периода, устрашающего и вселяющего надежду человечеству», когда, вслед за испытаниями Антихриста, последует долгое царство правосудия и мира на земле (см. стр. 94-96). По мере роста общественных потребностей, распространения товарно-денежных отношений, проникновения их в феодальное хозяйство, усиление купечества, эта увлеченность числами и вычислениями начинает сочетаться с точным счетом, арифметическими операциями.

Неграмотность, ограничивавшая возможности использования письменного слова, обусловила большое значение изобразительных форм в жизни средневекового человека и их воздействие на его чувство и разум. Церковь сознательно и широко использовала образ как инструмент воспитания, и дидактическая и идеологическая функции картины, скульптуры долго преобладали над эстетической ценностью. Вплоть до XIII в. естественные формы искажались в угоду символическому смыслу. Лишь с XIII в. по мере утверждения новой символической системы, основанной на

имитации природы и использовании перспективы, начинает утверждаться «реалистический» образ.

Но на всем протяжении долгого Средневековья человек в физиологическом и сверхъестественном смысле одновременно видел и понимал вселенную и общество в цвете. Цвета - символичны и образуют ценностную систему. Наивысшей оценкой обладал пурпурный цвет, символизировавший императорское и королевское достоинство. Затем следовал синий - цвет Девы и французского королевского дома. Зеленый цвет внушал опасение, он символизировал молодость, соблазнительную и опасную; желтый - злое начало, обман. Сочетание белого и красного - чистоту и милосердие. Символом господства и власти был цвет золота.

Средневекового человека привлекали яркие, сверкающие цвета, ассоциировавшиеся с высшей энергией и силой, со Светом, как символом Спасения и божественного совершенства. Свет - суть Бог и у Данте Рай - восхождение к Свету.

В средневековом обществе, где чудесное было неотделимо от земного, где господствовало символическое мышление, большее значение придавали снам. Средневековый человек был также «великим сновидцем». Считалось, что сны способны открыть царство воображаемого, мир грез. Но сны - также источник страхов и соблазнов, поскольку они, как утверждала церковь, являются излюбленным полем битвы между дьяволом и Богом за то, чтобы погубить или спасти человека. В изображении снов библейских персонажей соревновались скульптура и живопись. «Откуда берутся сны», спрашивает ученик учителя в «Светильнике» Гонория Августодунского. – «Подчас от Бога, если это откровение о будущем, как было с Иосифом, когда он по звездам узнал, что надо бежать в Египет. Подчас от дьявола, когда речь идет о постыдном видении, или о подстрекательстве на злое дело, вроде случая с женой Пилата, о котором читаем в истории страстей Господних. А подчас от самого человека, когда то, что он видел и слышал или думал, представляется ему во сне и порождает страх, если речь идет о печальном, или надежду, если речь идет о веселом». Все сны рассматривались как значимые, ибо воля Божья присутствует повсюду и проявление ее в сновидении доступно созерцанию человека любого социального статуса - и короля, и знатного, и крестьянина. Таким образом, сон для средневекового человека «есть знание». «В третью ночь Изольда увидела во сне, будто она держит на коленях голову кабана, которая пачкает ее платье кровью, и тогда она поняла, что больше не увидит своего друга живым». Вместе с тем, церковь решительно выступала против практики толкований снов и гаданий по снам: если сном, как посланием из мира иного, мог быть удостоен каждый, то сном-чудом, видением - лишь элитарные сновидцы - короли и святые, выдающиеся епископы и монахи, которые к тому же были «достаточно учеными», чтобы правильно разгадать смысл своего сновидения. Сон-чудо - неперенный атрибут, принадлежность и признак святости сновидца: святому Мартину, который отдал половину своего плаща встретившемуся ему бедняку, тот явился во сне в своем «истинном облике» - облике Христа.

Но предсказательные сны, предупреждала церковь благочестивых людей, исходят не только от Бога, но и от Дьявола. В житии Марии из Уаньи Жака де Витри, Дьявол, прикинувшийся святым, объявляет: «Мое имя Сновидение. Я являюсь многим людям во сне, особенно монахам и клирикам, они под воздействием моих утешений отдаются экзальтации и доходят до того, что считают себя достойными бесед с ангелами и божественными силами».

Сон и у мирян, и у клириков рассматривался как состояние, которого желательно избегать, во всяком случае, не предаваться ему чрезмерно. Клирики в этом вопросе руководствовались аскетическим идеалом. Простые люди воспринимали сон и ночь как особенно зловещий и опасный промежуток времени. Средневековые медики объясняли (с XII в.) феномен сна и сновидений (в соответствии с теорией четырех телесных соков) как следствие пищеварения, исходя из чего давали конкретные рекомендации поведения. Сообщаемые средневековыми источниками прямые свидетельства о сновидениях и спящих охватывают широкий спектр различных ситуаций от случайно подмеченного разговора во сне, храпа, хождения и сомнабулического поведения, до точного описания ночных страхов в том числе и у детей. Они включают в себя также описания состояния бессонницы, которую некоторые из страдавших ею объясняли состоянием перевозбуждения.

Такой атрибут сна как спальная мебель, кровать перешла в Средневековье из Античности. Долгое время, однако, она оставалась предметом и признаком роскоши, во всяком случае в мирской среде. В монастырях, клирической среде при всех различиях материального положения и соответственно «качества» спальных принадлежностей каждый монах имел собственное ложе, хотя часто оно состояло из тюфяка, набитого соломой или листвой. Также выглядела постель крестьянина и нередко рядового гражданина. Ритм сна и бодрствования определялся, за исключением праздничных дней, природной сменой дня и ночи и соответственно колебаниями светового дня в зависимости от времени года. В те немногие часы между полуночью и рассветом, когда миряне еще спали, монахи бодрствовали, участвуя во всеобщей или в первой совместной дневной молитве. Затем они предавались медитации или, если дисциплина не была очень строгой, еще раз ложились спать.

Описания конкретных сновидений эпохи Средневековья отражают жизненные обстоятельства людей того времени. Поскольку грамотность была распространена преимущественно в высших слоях и клирической среде, то традиционные тексты передают прежде всего заботы, нужды, радости и чаяния этих общественных групп, причем чаще всего мира духовенства. Традиционны и широко распространены сюжеты, в которых спящий входит в контакты с церковными деятелями или святыми, передает их повеления или пожелания; получает предостережения относительно собственной близкой кончины или своих домочадцев.

Сновидения играли большую роль в жизни средневекового человека и общества в целом. Они оказывали влияние на все области его деятельности;

нередко их толкования сочетались с астрологическими прогнозами. Это было особенно распространено и ценилось при дворах правителей. Но толкование сновидений достаточно широко использовалось и для фабрикации фальшивок в угоду политическим и материальным интересам. Ситуация не изменилась существенно и в раннее Новое время. Книгопечатание способствовало широкому распространению лексики и толкований снов. Амбивалентное в XII-XIII вв. отношение церкви к этой практике в позднее Средневековье и последующие столетия сменилось однозначной враждебностью как к одному из проявлений черной магии. Церковь развернула борьбу против «слепой веры» во сны и их толкования многочисленными сонниками, как проявления суеверий и ведовства. Некоторые теологи отрицали принципиально возможность снисхождения небесной вести на спящего человека, подобно тому как это бывает при дневных видениях и чудесах.

К числу культурно-психологических характеристик средневекового общества и средневекового человека относится и господство устной традиции. Вплоть до XIII века огромное большинство населения, миряне прежде всего, было неграмотно. В этом мире неумеющих читать слово обладало особой силой. Оно было важнейшим звеном общения людей друг с другом. Через слово проповедника, священника средневековый человек получал инструкции нравственного и религиозного поведения, подкрепляемые поучительными историями и «случаями - примерами из жизни».

В обществе, где господствовала сила традиции, авторитета, обычая, а жизнь человеческая была коротка, люди с хорошей долгой памятью пользовались особым уважением. Они ценились в судебной практике, при разбирательстве конфликтов, спорных случаев. Искусство памяти играло большую роль в формировании человека в средние века. Интеллектуалы, юристы, купцы обучались искусству быстрого запоминания. Чрезвычайно был высок в глазах людей той эпохи престиж знания письменности и книжной культуры, ассоциировавшегося прежде всего с чтением священной книги Библии. Он переносился на духовных лиц, в частности монахов как людей, связанных со скрипториями, мастерскими, где переписывали и читали книги и которые имелись в каждом монастыре. Но священник обладал особым весом и как человек, который «держал слово, речь» и вера которого была апробирована долгой памятью, ибо средневековое христианство - вера традиции, памяти. Средневековый человек – «человек, наделенный хорошей памятью».

Таким образом, средневековый человек предстает перед нами обремененным тяжелым грузом представлений, восходящих к глубокой древности и трансформированных христианством. Как тип в своих основных характеристиках (психологических и поведенческих) и социальных воплощениях (духовенство, рыцарство, маргиналы - отщепенцы, «трудящиеся») он зарождается еще в период поздней Античности и в раннее Средневековье. К первым векам христианства восходит появление

монашества, в войнах римско-варварского мира проглядывают черты рыцарства и уже в Каролингской империи принимались меры против бродяг и праздношатающихся.

Исторически сложившийся тип средневекового человека как коллективной личности, не оставался неизменным. Он трансформируется и усложняется с началом второго тысячелетия по мере возрастания ценности мирского состояния, усложнения общественной структуры и специализации общественных функций (разряды, статусы, сословия), роста социальной напряженности особенно с XII-XIII и в XIV-XV вв., когда урбанистическое развитие западноевропейского общества выдвигает такие новые социокультурные типы человека как «горожанин», «интеллектуал» (тип наиболее сложный, объединяющий в глазах средневекового человека тех, кто работает «словом и разумом», а не руками), «купец»; когда чрезвычайно расширяется спектр «маргиналов» - людей, отброшенных обществом на самый крайний его полюс: нищие, бродяги, еретики и евреи, акробаты и музыканты, проститутки, прокаженные, имеющие уродства, но также и ростовщики. Одновременно возникают новые страхи и новые «одержимости»; самые мощные и массовые из них, получившие особенное развитие уже в XVI-XVII столетиях, - страх смерти и охота на ведьм, которую возглавила церковь.

Тревоги повседневной жизни: болезни, представления о их причинах и лечении. Болезнь - древнейший враг рода человеческого. Над тем, откуда происходят болезни, как с ними бороться, задумывались и древневавилонские жрецы, и медики в средневековых университетах, равно как и знахари в глухих деревнях, и врачи в современных лабораториях. Каждая эпоха, каждая культура давала свои ответы на эти вопросы, но неизменно эти ответы были связаны со свойствами данной культуры общими представлениями о причинности и вплетены в присущую этой культуре картину мира - сетку представлений о мире и месте человека в нем, посредством которых люди объясняют и переживают окружающую действительность.

До недавнего времени было принято думать, что Средневековье - эпоха господства христианского мировоззрения во всех сферах жизни, и представления средневекового человека о болезни не являются здесь исключением. Действительно, если обратиться к теологическим и медико-теологическим трактатам, принадлежащим перу известных христианских авторов - от Григория Нисского, Тертуллиана, Августина до Хильдегарды Бингенской и Фомы Аквинского, - которые традиционно использовались историками как источники по истории средневековой медицины, то этот взгляд может показаться вполне оправданным. С первых веков христианства церковь разрабатывает сложнейшее учение о болезни «с Божьего поущения» как следствии греха или испытания, с культом страдания и возможностью апеллировать только к всемогущему Богу. Собственно, «медицинская», «натуралистическая» часть этого учения базировалась на античной теории, наивысшее выражение получившей в трудах римского

врача Галена (I в.). Согласно этой теории, здоровье человека зависит от гармоничного сочетания в его организме четырех основных жидкостей - крови, слизи, черной и желтой желчи. Нарушение их баланса или порча одной из них и приводят к различным телесным недугам. Однако такого рода естественные неполадки в организме являются не столько причиной, сколько поводом к болезни, ибо и здоровье, и болезнь, заканчивающаяся выздоровлением или смертью, и вообще вся судьба человека и окружающего его мира находятся в руках «Бога-Творца и Распорядителя всего сущего». Он карает грешников или посылает испытание праведникам, напоминая и тем, и другим о бренности земного бытия и необходимости заботиться лишь о спасении души. В роковом стечении обстоятельств жизни человека обнаруживается воля божественного Провидения, которая мотивирует всякую болезнь, тогда как вера в абсолютную и непререкаемую божественную справедливость не позволяет усомниться в ее оправданности и целесообразности. Именно такое восприятие болезни средневековая церковь стремилась привить своим прихожанам.

Но действительно ли воспитательные усилия церкви увенчались полным успехом, и христианское объяснение (этиология) болезни было единственным и главенствующим в повседневной жизни средневекового общества? Усомниться в этом заставляют нас источники, которые в отличие от «официальных» медико-теологических сочинений содержат сведения о повседневной жизни, быте и нравах самых обыкновенных людей: крестьян, ремесленников, мелких рыцарей и купцов, викингов, - о том, в чем они видели причину болезней, как лечились, как относились к больным. Из проповедей, обличающих невежество и грехи прихожан, из «покаянных книг» (пенитенциалий - перечней вопросов, которые задает священник на исповеди) мы узнаем, что в обыденной жизни люди часто объясняли возникновение болезней, так же как и внезапную, непонятную смерть - неудачные роды, рождение детей-уродов и разные другие несчастья - воздействием колдовства, «дурного» глаза, «вредом» со стороны мертвых, «стрелами» эльфов, домовых и других сказочных существ, населявших, согласно средневековым народным представлениям, весь окружающий мир.

С точки зрения официальной церкви, подобные объяснения болезни были «суевериями», «ложными фантазиями» глупых женщин, «сбитых с толку Сатаной», а потому уличенные в таких заблуждениях наказывались церковным покаянием - епитимьей. Всякий раз во время исповеди священник допытывался у прихожанина: «Уж не веришь ли ты в то, что некоторые женщины способны умерщвлять без всякого видимого оружия крещеный люд и, сварив их мясо, поесть его, а вместо сердца вложить в тело солому, или деревяшку, или что-либо подобное, чтобы сделать их снова живыми?» После такой процедуры человек, как думали, заболел без видимой причины и умирал. Или: «Не поступала ли ты так, как в обычае у некоторых женщин, повинующихся дьявольской воле? Они выслеживают следы христиан и их отпечатки, берут из следа кусок дерна и сторожат его, надеясь таким образом лишить человека здоровья или жизни?»

Как видим, для народной культуры, если понимать под этим «низовой» бесписьменный, устный пласт средневековой культуры, отличный от ее «элитарной», «официальной», письменной традиции - пласт, который в том или ином объеме реализовался в повседневной жизни практически всех слоев общества, на протяжении всего средневековья, характерна совершенно иная и парадоксальная ситуация. Наряду с официальным объяснением болезни Божьей карой за грехи или испытанием праведникам, в обыденной жизни продолжали существовать традиционные объяснения, унаследованные от дохристианской эпохи. Более того, в повседневности именно они и доминировали. Несмотря на то, что христианская этиология была известна всем и каждому, в экстремальной ситуации, когда необходимо излечить болезнь, в обществе «срабатывали» какие-то иные умственные «механизмы», и люди гораздо чаще стремились объяснить болезнь (а объяснение причины ее возникновения было первой и самой важной частью лечения) как это было принято традиционно, а не вмешательством далекого и непонятного Провидения. В течение нескольких столетий все усилия церкви, направленные на искоренение «злостных суеверий», «внушенных Дьяволом», оставались безрезультатными, и некоторые из традиционных этиологии, например, объяснение болезни колдовством или «дурным глазом», дожили до наших дней. Причина этого коренится прежде всего в устном, бесписьменном характере народной культуры, обусловившем ее необычайную жизнеспособность и приспособляемость к меняющимся условиям и позволившем ей сохранить как бы «законсервированными» целые фрагменты архаической, «варварской» картины мира, т. е. глубинного, «первоначального» пласта народного сознания с присущим ему так называемым мифологическим (мифомагическим) типом мышления и соответствующим образом поведения.

Традиционные объяснения причин болезни не имеют никакого отношения к культу Дьявола, ибо они на много тысячелетий древнее его, и являются как раз фрагментами дохристианской архаической картины мира. В основе их - свойственное всем архаическим культурам мифологическое представление о болезни как о некой чужеродной силе, внешнем влиянии, нарушающем здоровье - естественное и «правильное» состояние человека.

4. Картина мира. Восприятие пространства и времени средневековыми людьми

К числу культурно-психологических характеристик средневекового человека и общества относится господство устной традиции.

Именно устный, бесписьменный характер народной культуры обусловил ее необычайную жизнеспособность и приспособляемость к меняющимся условиям и позволил ей сохранить как бы «законсервированными» целые фрагменты архаической, «варварской» картины мира, т.е. глубинного, «первоначального» пласта народного сознания с присущим ему так называемым мифологическим (мифомагическим) и символическим типом мышления.

Это представление отражает основополагающее для архаической картины мира разделение мира на «свой» - близкий, понятный мир людей («микрокосм») и «чужой» мир («макрокосм»), где сосредоточены силы, неподвластные человеку в обычных условиях - силы природы, боги, мифические существа, умершие предки. Этот мир полон опасностей и враждебен маленькому миру людей. Чтобы противостоять агрессии его обитателей, чтобы не случилось засухи или падежа скота, чтобы урожай был хорошим, а охота и рыбная ловля удачными, чтобы застраховать себя от болезней и прочих несчастий, человек должен постоянно участвовать в разнообразных ритуалах, основное предназначение которых - поддерживать (а в случае необходимости и восстанавливать) это хрупкое равновесие, «мирное сосуществование» между «микро-» и «макрокосмом». Именно для этого нужны, например, сложные погребальные обряды, жертвоприношения богам, духам природы, мертвым, разнообразные сезонные празднества - эти неотъемлемые компоненты повседневной практики людей аграрного, традиционного общества. А средневековое общество было именно таким. Христианство вытеснило языческих богов, но изменить привычный образ мира, стереотип мышления и соответствующий ему способ поведения было не так-то уж просто, ведь основным населением средневековой Европы оставались те же крестьяне, неграмотные «простоцы», из поколения в поколение продолжавшие воспроизводить традиционные формы быта, обычаи, потому что «так делали их отцы и деды». Характерной чертой мышления средневекового человека является «мышление символами».

Как утверждал Августин Блаженный: «Мир состоит из знаков-символов и вещей. «Вещи» - материальные предметы, реалии жизни, но одновременно они – знаки чего-то им соответствующего в сфере более высокой, сверхъестественной и священной».

Символикой было пронизано всё: природа и искусство, особенно архитектура. Символика господствовала в церковном и мирском церемониалах, таких, например, как миропомазание и рукоположение в сан духовного лица, коронация, выходы короля или папы и т.д.

Средневековый человек был заворожён «числом» и связанной с ним символикой. Вплоть до 13 в. наибольшее восхищение вызывали символические цифры: 3 – Троица, 4 – число Евангелистов, рек Рая, главных человеческих доблестей; 7 – число Божьих даров, таинств, смертных грехов; 10 – десять Заповедей Бога и церкви; 12 – число Апостолов и месяцев в году и т.д.

По мере роста общественных потребностей, распространения Т-Д отношений проникновения их в феодальное хозяйство, усиления купечества, эта увлеченность числами и вычислениями начинает сочетаться с точным счетом, арифметическими операциями.

Неграмотность, ограничивавшая возможности использования письменного слова, обусловила большое значение изобразительных форм в жизни средневекового человека и их воздействие на его чувства и разум.

Вплоть до 13 в. естественные формы искажались в угоду символическому смыслу. Лишь с 13 в. по мере утверждения новой символической системы, основанной на имитации природы и использовании перспективы, начинает утверждаться «реалистический» образ.

На всем протяжении долгого Средневековья человек видел и понимал вселенную и общество в цвете. Цвета также были символичны и образовывали ценностную систему. Более всех ценился пурпурный цвет, символизировавший императорское и королевское достоинство. Затем следовал синий цвет – цвет Девы Марии и французского королевского дома. Зеленый цвет внушал опасение, он символизировал молодость, соблазнительную и опасную; жёлтый – злое начало, обман. Сочетание белого и красного – чистоту и милосердие. Символом господства и власти был цвет золота.

Средневекового человека привлекали яркие, сверкающие цвета, ассоциировавшиеся с высшей энергией и силой, со Светом, как символом спасения и божественного совершенства.

Символичным было и восприятие Бога и христианской атрибутики. Для народа Бог существовал телесно такой, каким его очень рано начала изображать христианская иконография. Средневековые христиане унаследовали этот образ Бога от иудаизма. Древние евреи воображали Бога, сидящим на троне, смотрящим на людей с высоты неба, и слова Библии о том, что Бог сотворил человека по образу своему, воспринималось как непосредственное указание на физическое сходство и Бог представлялся с человеческими чертами. Но и после того как восторжествовали антропоморфные образы Бога, в иконографии и представлениях людей продолжали существовать его символы. Таковыми была, например, рука, которая появляется на небе из облаков. Она была знаком предписания. Эта рука была материализацией, прежде всего, висящей над человеком угрозы, её всегда окружала атмосфера священного трепета и даже ужаса.

Догмат о Троице или Духе святом легче усваивался богословами, чем массой верующих. Народная религиозность колебалась между чисто монотеистическим видением Бога и дуалистическим образом Бога – отца и Бога-сына.

Христос в раннем христианстве изображался преимущественно в виде агнца, ягнёнка, с крестом или знаменем с распятием. Но это абстрактное представление навлекло на себя критику, т.к. оно заслоняло человечность Христа, его антропоморфность. Поэтому рядом с Христом-агнцем скоро появился антропоморфный Христос-пастырь, Христос-учитель и наставник. Кроме того, он проникал в душу средневекового человека как Спаситель. (Особенно с 13 в.)

Этот очень близкий человеку Христос мог приблизиться еще больше, приняв облик младенца. С 12 в. утверждение культа Христа-младенца было связано с возвышением культа Евы Марии.

Но в первую очередь Христос становился все больше Христом-страдальцем, Христом Голгофы и страстей Господних. Распятие изображали

все чаще и все более реалистично. Крест из символа триумфа еще в 11 в. (каковым он был для крестоносцев) превратился в символ смирения и страдания. Но символика креста часто встречала сопротивление в народной среде (особенно у еретиков). Для них он был символом предназначаемой для рабов позорной смерти, невыносимым унижением и оскорблением Бога.

С 13 в. эволюция образа Христа идет в направлении повышения интереса к его земной жизни. (В искусстве появляются реалистические циклы о земном существовании Христа.) первым портретом средневековья был портрет Христа.

Основополагающие формы ориентации человека в мире, которые лежат в основе их отношения к действительности, это пространство и время.

Огромный покров лесов с разбросанными по нему возделанными плодородными прогалинами – таков, внешний облик средневекового христианского мира. И если на Востоке лес – это бедность и признак цивилизации, то на Западе он в изобилии и является признаком варварства.

Для крестьян и вообще трудового люда лес был источником дохода. Туда выгоняли пастись стада. Там рубили лес, который заменял в экономике камень, железо и уголь. В лесу собирали дикорастущие плоды, которые были основным подспорьем в примитивном рационе сельского жителя, а во время голода давали ему шанс выжить. В лесу заготавливали дубовую кору для дубления кож, золу кустарников для обеливания или окраски тканей, смолистые вещества для факелов и свечей, а также мед диких пчел, заменявший не известный для Запада сахар (до крестовых походов).

Но из леса исходила и угроза – он был средоточием вымышленных и реальных опасностей. Лес обступал средневековый Запад и изолировал его. Это была главная граница, «ничейная земля» между феодальными сеньорами и странами. Из его страшного «мрака» внезапно появлялись голодные волки, разбойники, рыцари-гроббисты.

Но если для большинства людей средневекового Запада вся их жизнь ограничивалась промком леса, то другая часть средневекового общества была очень мобильна. Кроме крестьян, ушедших от сеньоров, на средневековых дорогах можно было встретить купцов, рыцарей, монахов, порвавших с монастырем, студентов, идущих в знаменитые школы и университеты, а также паломников и всякого рода бродяг.

Лес, дорога и моря также были проникнуты символикой. Лес – это сумерки и иллюзии; море – земной мир и его искушения; дорога – поиски и паломничества.

Люди Средневековья входили в контакт с физической реальностью через посредство мистических и псевдонаучных абстракций. Природа для них – это 4 элемента, которые образуют Вселенную и человека: земля (плоть), вода (кровь), воздух (дыхание), огонь (теплота). Представления о Вселенной были одинаковыми и у самых ученых, и у невежественных простолюдинов.

Средневековая космография (*представления о вселенной*) допускала различные теории представлений о Земле, в том числе и геоцентрическое представление о том, что земля круглая, неподвижная и находится в центре

вселенной. С 13 в. представляли уже более сложную и близкую к действительности систему движения планет по Птолемею (т.е. геоцентрическая система мира, когда планеты, Солнце вращаются вокруг неподвижной Земли, как центра Вселенной). По средневековым представлениям центром Земли являлся Иерусалим и Восток, который чаще всего помещали на картах наверху, на месте Северного полюса, Восток имел своей высшей точкой некую гору, где находился земной Рай, и вытекали Тигр, Евфрат, Ганг и Нил.

Индийский океан, который считали замкнутым, были средоточием грёз и неудовлетворенных желаний христианского мира: мечты об островах, богатых драгоценными металлами редкими породами деревьев, пряностями; мечты об изобилии и сумасбродстве (порожденные бедным и ограниченным миром), мечты об иной жизни, о разрушении табу, о свободе от предписываемой церковью строгой морали.

Люди средневековья, по традиции античных географов, делили Землю на 3 части – Европу, Африку и Азию. Каждую из них они стремились отождествить с определённым религиозным пространством. Вообще о далеких странах имела лишь крайне скудная информация, обычно окрашенная фантазией. Но и пространство близкого окружения было слабо исследовано.

Протяженность пространства измеряли временем, которое требовалось для того, чтобы его преодолеть (днями пути по суше или по морю), либо временем трудовых затрат (морские журналы и др. – это участки земли, которые обычно можно было вспахать в течение дня). О точности измерения пространства, как и времени, заботились мало. Человек видел в себе «малый мир» - микрокосм, соотносимый с «большим миром» - макрокосмом, ощущал свое внутреннее родство с этим большим миром и мерил его своим движением или частями своего тела (например, ткани мерили локтями и т.п.) В Европе в целом или в пределах отдельного государства не существовало единых, общепринятых мер длины или площади, повсюду применялись местные меры. Слабая связь между частями страны, натуральность хозяйства, отсутствие развитых средств сообщения – всё это изолировало относительно маленькие человеческие коллективы, обрекая их на самодовлеющую жизнь, с собственными традициями и способами измерения времени и пространства.

Когда в Европе стала практиковаться картография, то на картах мира, в высшей степени не точных, а во многом просто фантастических, изображали кроме реальных стран и населенных пунктов, героев библейских или древних времен: Рай с Адамом и Евой, Трою, империю Александра Македонского, провинции Рима, святые места, посещаемые паломниками, и сцены грядущего «конца света». Подобное слияние истории с географией, времени с пространством как нельзя лучше отражает своеобразие восприятия мира людьми средних веков.

Космографические и географические представления Средневековья. Общим их местом было учение о Земле как о центре

Вселенной. Согласно книге монаха Госсуина «Образ мира» (XIII в.), ее представляли как шар, окруженный со всех сторон небом, подобно скорлупе, облегающей яйцо. Небо наполнено «духовным воздухом» - эфиром, свободно пропускающим свет. Ангелы легко пересекают эфир, но для смертных он гибелен, как гибельна суша для рыб. Полагали, что небо состоит из системы сфер, о чем учил еще Аристотель. Споры велись о числе сфер: одни насчитывали всего три, другие - свыше пятидесяти. С начала XIII в. постепенно внедряется концепция Птолемея, дававшая более близкое к действительности объяснение движения планет - геоцентризм.

Мир в целом представляли состоящим из четырех элементов: огня, воздуха, воды и земли. Они существовали отдельно, как белок и желток в яйце. Земля - самый тяжелый из элементов и потому расположена в центре Вселенной. Центром («пупом») земли считали Иерусалим. К востоку от него (средневековые карты помещали восток наверху, где теперь расположен север) находилась высокая гора. С нее брали начало четыре великие реки: Тигр, Евфрат, Фисон и Геон, обтекавшие сад Эдемский - земной рай. При этом Фисон идентифицировали с Гангом, иногда с Индом, а Геон - с Нилом. Французский историк Жуанвиль (конец XIII-нач. XIV в.), участвовавший в походе Людовика IX в. Египте, рассказывает, что жители этой страны опускают на ночь сети в Нил и утром вылавливают алоэ и корицу, имбирь и ревень. Считают, что пряности эти происходят из Эдема - с райских деревьев они падают в реку и Нил уносит их прочь. Подданные султана пытались подняться к истокам Нила, но всякий раз их останавливали непреодолимые препятствия.

Индийский океан рисовался замкнутым морем, и его острова фантазия людей наполняла золотом, пряностями, благовонными деревьями, населяла диковинными существами. Даже венецианец Марко Поло (1254-1324 гг.), оставивший описание своих путешествий по Китаю и Северной Индии, говорил о людях с хвостами, толстыми как у собак. Легенды же помещали на краю ойкумены гинскефалов - людей с песьими головами, и других людей - совсем без головы, с глазами, посаженными посередине груди. Эти окраинные земли представлялись не только царством богатств и чудес, но и странами, где не существовало никаких социальных и моральных ограничений (старательно насаждавшихся церковью и государством): свободными от половых табу, от сословных рангов, от постов и голодовок. Легенды повествовали о каннибализме и нудизме (особенно поражающим воображение средневековых людей с их страхом перед обнаженным телом), о полигамии (многобрачии) и сексуальной свободе аборигенов.

В сказочных образах представляли и животный мир ойкумены. По свидетельству Госсуина, тигр - это синее или многоцветное (пестрые расцветки ассоциировались с темными силами) животное, от которого можно спастись, если бросить ему зеркало: он принимает отражение за детеныша и останавливается, чтобы приласкать его. Дыхание пантеры так сладко, что оно привлекает всех остальных животных. Другие звери и вовсе порождение мифологии: единорог и феникс или какое-то странное чудовище,

соединяющее в себе коня, слона и вепря и наделенное подвижными рогами.

Средневековые географы разделяли ойкумену на три части: Европу, Азию и Африку, религиозно окрашивая каждую. Европа мыслилась христианским материком, Азия и Африка - средоточием язычества, магометанства (ислама), неверия и нечестия. Средневековое пространство было иерархизировано и каждый из пространственных уровней имел этическую оценку: пространство могло быть «дурным» или «благим». Рай и Иерусалим имели иную оценку на средневековой пространственной шкале, нежели степи, населенные кочевниками, или леса, полные волков и вурдалаков. Иерархия космоса соответствует иерархии божьих тварей и в сознании средневекового человека прочно связана с социально-политической иерархией сеньориально-вассальных отношений.

Время. Пространственной непрерывности, которая переплетала и соединяла небо и землю, соответствовала аналогичная непрерывность времени. Время – лишь момент вечности. Оно принадлежит одному Богу. Овладеть временем, измерить его, извлечь из него пользу или выгоду считалось грехом.

В Средневековье время вообще ценилось намного ниже, чем в наши дни. Оно текло медленно, подчиняясь смене годичных сезонов, дня и ночи. Сутки делились на несколько отрезков, отмечаемых обычно колокольным звоном и измеряемых солнечными или песочными часами. Представление о минуте, не говоря уже о секунде, отсутствовало. Даже когда (ок. 1300 г.) на башнях городских ратуш и соборов начали устанавливать механические часы, они отбивали час, но не показывали более мелкие его доли.

Человек, подчиненный рутине размеренного сельского труда или ремесленной деятельности, не связанной со срочной работой на широкий рынок, жил не торопясь. Ритмы времени определялись не только производственной деятельностью, но зависели от природных сезонов и соотнесенного с ним календаря церковных служб и праздников. Эти праздники (наряду с воскресными днями дни многочисленных святых), когда запрещено было трудиться, занимали до трети времени в году.

Время воспринималось как векторно направленное, и одним из распространенных мотивов средневековой поэзии и мудрости было размышление о бренности земного бытия: «Где те, кто жили некогда?» Но вместе с тем время ощущали и как цикличное: «Все возвращается на круги своя».

Время обесценивалось не только в силу особенностей производства при феодализме, но и в силу того, что оно вступало в противоречие с вечностью, о которой постоянно твердили церковные проповедники. Жизнь земная, учили они, протекает во времени, но жизнь души – вечная, и потому, прежде всего, нужно заботиться о спасении души и помышлять о вечности.

На фоне божественной вечности разыгрывалась и история человечества. Её представляли себе весьма смутно. Образованные люди воспринимали её в свете библейской истории, в качестве смены мировых монархий, но «ниже» уровня политической жизни действительность осознавалась скорее, как

стабильное и почти неизменное состояние. Мир, созданный божественным Творцом «в начале времен», проходит предуказанный Богом путь, кульминационной точкой которого являются Рождество и страстная мука (распятие) Сына божия, и завершится «в конце концов» Вторым пришествием Христа. Поэтому некоторые историки 12 и 13 вв., изложив политическую историю прошлого и настоящего, переходили от своей современности к картинам грядущего Страшного суда. Ведь и будущее, как они полагали, предустановленно Творцом и в определенном смысле уже известно.

Представления же людей необразованных об истории были преимущественно легендарными и сказочными, они помнили рассказы людей старших поколений, а более далекое прошлое окутывалось мифом, и эпос вольно перерабатывал историю.

В Средневековье очень популярен был образ колеса фортуны, отражавшего цикличность времени: тот, кто сегодня возвышен, завтра будет унижен, а того, кто ныне пребывал внизу, поворот Фортуны скоро вознесёт на самый верх.

Колесо Фортуны было идеологической основой готической розы, украшавшей фасады готических соборов. Оно служило уроком покорности судьбе, иммобильности (*от лат. immobilis - неподвижный*). Однако миф о колесе фортуны не помешал средневековой мысли придать времени линейное, т.е. векторное, а не круговое направление. История имеет свое начало и конец – таков был главный тезис. Поэтому любая западная хроника в средние века начиналась с сотворения мира, с Адама, и, если она останавливалась на том времени, когда писал хронист, под её истинным окончанием всегда подразумевался Страшный суд.

Тема 2.2. Социально-экономическое развитие Западной Европы. Западноевропейский средневековый город

План

- 1. Рост производительных сил. Отделение ремесла от сельского хозяйства.**
- 2. Возникновение и рост средневековых городов. Теории происхождения средневековых городов**
- 3. Простое товарное хозяйство при феодализме.**
- 4. Население и внешний вид средневековых городов.**
- 5. Борьба городов с феодальными сеньорами и формирование городского самоуправления. Формирование и рост городского сословия**
- 6. Цеховая система организации ремесла**
- 7. Развитие торговли и кредитного дела в Западной Европе**
- 8. Появление капиталистических отношений**

1. Рост производительных сил. Отделение ремесла от сельского хозяйства.

Производительные силы средневекового общества — это люди с присущими им особенностями сознания, трудовыми навыками, природная среда их обитания и созданные ими в процессе жизнедеятельности орудия, технологии и формы организации труда.

Будучи материальной основой феодального строя, производительные силы отличались тогда рядом особенностей. Хозяйство было преимущественно мелким и натуральным. Его характеризовали ручные орудия и низкая производительность труда, отсутствие сколько-нибудь значительных материальных ресурсов, простое (нерасширенное) воспроизводство. Даже крупные владения феодалов чаще всего представляли собой конгломерат более или менее значительных усадеб, деревень или их групп, обычно разбросанных и существовавших за счет суммированного индивидуального труда. Такому хозяйству были присущи не только комплексный характер, использование одного и того же инвентаря для бытовых и производственных нужд, но как бы «сращение» работника с орудиями его труда и с всеобщим средством производства — землей, прямая зависимость от природной среды.

Демографические процессы в V—XV вв. Решающая производительная сила общества — люди. Рождаемость и смертность, характер семьи, миграции и расселение людей, общая структура населения (социальная, профессиональная, этническая, половая, возрастная) и их динамика определяются как естественно-биологическими, так и общественными факторами. В V—XV вв. демографические процессы в Западной Европе были сложными и отнюдь не прямолинейными, они прошли через ряд спадов и подъемов. Слишком сильны были факторы смертности — знаменитая «триада бедствий»: болезни, войны, голод.

Численность населения увеличивалась медленно. В период демографических спадов, особенно в XIV-XV вв., деревни многих стран континента ощущали нехватку рабочих рук, в то время как некоторые города, куда устремились обездоленные люди в поисках средств к жизни, испытывали относительную перенаселенность.

Этнический состав Западной Европы в раннее средневековье был пестрым: греки, романские народности, кельты, фракийцы, германцы, балты, славяне, угро-финны, «вкрапления» азиатских и африканских этносов (арабы, евреи, берберы, турки, левантийцы).

В средние века по всей Западной Европе окончательно сформировалась и распространилась малая индивидуальная семья (родители и неженатые дети, в среднем до 5 человек). Сначала сохранялась и большая семья (родители, женатые дети, братья с семейными детьми и т.д. — до 40 и более человек). В условиях натурального хозяйства, примитивной техники, трудоемких работ (корчевание леса, осушение болот и др.) это было необходимо. В ходе миграций, войн, внутренней колонизации, обезземеливания крестьян и их ухода в города, роста общественного разделения труда, особенно в период зрелого феодализма, большая семья постепенно разрушалась. Хозяйство велось преимущественно малыми семьями, сородичи привлекались в

экстренных случаях. Но в ряде стран большие семьи до конца средневековья не только сохраняли известные права на наследственную родовую землю, но и выступали как производственный коллектив.

Среда обитания средневекового общества. Основу производительных сил в средние века составляла используемая и преобразуемая человеком природно-географическая среда. Она диктовала подавляющей массе людей их занятия, особенности и типы поселений и жилищ, характер одежды и пищи, применение тех или иных сельскохозяйственных культур, орудий и способов труда. Она воздействовала на складывание и развитие городов, торговли и средств сообщения, отражалась на политической и духовной жизни, темпах социальной эволюции.

Еще в XII - первой половине XIII в. до 2/3 площади Западной Европы занимали леса. Существовали десятки крупных лесных массивов, в сотни тысяч гектаров каждый. На протяжении всего средневековья европейцы располагали обширными запасами некультивированных земель, незаселенных территорий. Колонизация, распашка целинных земель были одним из важных элементов развития производительных сил.

Но «дикая природа» очень много значила для средневекового человека и сама по себе. Свое жилище он сооружал из дерева, камня или глины. Из этого же природного сырья изготавливались и нехитрые предметы быта. В лесу и в поле он кормил свой скот. Шкуры и мех диких животных согревали в непогоду, служили постелью, их мясо было для большинства населения главным источником белков и животных жиров (ведь рядовое население деревни редко питалось мясом домашнего скота и птицы, почти не употребляло очень дорогое тогда животное масло). Водоемы давали рыбу. К главному злаковому продукту своего стола - кашам, лепешкам, болтушкам, а по мере внедрения пековых печей — и печеному хлебу простолудин добавлял множество разнообразных диких растений. Охота, рыбная ловля, собирательство, лесные и прочие промыслы были столь же обычными видами деятельности средневекового крестьянина, как возделывание земли, разведение скота, изготовление необходимых предметов быта.

Важную общественную роль играл тогда ландшафт. Так, равнинный ландшафт способствовал появлению деревень, а изрезанный рельеф вынуждал к хуторскому расселению, дроблению пашен. Моренный ландшафт, обычно с каменистыми почвами, мешал применению плуга, консервировал мотыгу. Холмы использовались в фортификационных целях. Природные рубежи служили границами между государствами и владениями. На каждом этапе средневековья люди обретали новые возможности для освоения природной среды, постепенно совершенствуя условия своего обитания. В ходе этих процессов создавался вторичный (искусственный) ландшафт: умножались и усложнялись поселения — деревни, хутора, города, замки, монастыри; строились каналы, дамбы, мосты, осушались болота, леса сменялись пашнями. Вместе с тем экстенсивные формы хозяйствования и хищническое использование природных ресурсов истощали их. Произошло буквальное сведение лесов в Византии, Англии, Франции, Испании,

Голландии (Hotland— «лесная страна»). Уже с начала II тысячелетия сокращение лесов стало усиливать эрозию и выветривание почв, а к концу XIII в. в старых пашенных районах снизилось природное плодородие почв. В XV в. оказались выбранными многие доступные тогда залежи полезных ископаемых. Мелели реки, сокращалась фауна и флора; их недостаточность приходилось возмещать за счет интенсификации земледелия и скотоводства.

Особенности орудий, навыков и организации труда до конца классического средневековья. Самая динамичная производительная сила — орудия труда. В средние века совершенствование орудий и технологии производства происходило медленно, путем накопления и прямой передачи практического опыта, и весьма неравномерно. В сельском хозяйстве быстрее совершенствовались пахотные орудия, но в целом сельскохозяйственные инструменты принципиально мало изменились вплоть до новейшего времени. Намного быстрее развивались ремесленные инструменты. Скачок здесь произошел с развитием городов и горно-металлургического дела. Преимущественно целям обрабатывающего производства стали служить и первые механизмы (мельничные и часовые передачи, подъемные приспособления и др.). Конечно, применение механизмов было ограниченным, а коэффициент их полезного действия — невысоким из-за примитивности двигателей (мускульная сила людей и животных, сила воды и ветра). Однако распространение механизмов содействовало развитию соответствующих отраслей производства и эволюции техники. По сложности инструментов и технологий, по разделению труда лидировала металлообработка. Кузнецы многих специальностей изготавливали предметы непосредственного потребления, орудия труда и войны. Общественная важность ремесла придавала кузнецам особый авторитет и ореол. В раннее средневековье их искусство считали чуть ли не колдовством и не низким занятием даже для коронованных особ. Но и в ремесле важнейшие изобретения появлялись именно в ходе практической деятельности, как результат многих проб.

При ручной, медленно изменяющейся технике прогресс производства сильно зависит от организации труда, форм объединения и разделения функций в самом процессе производства. В средние века преобладал мелкий, индивидуальный, раздробленный и поэтому комплексный труд: крестьянин сам делал необходимые для него предметы, ремесленник вел изделие от стадии сырья до стадий готовности и сбыта. В сельском хозяйстве индивидуальный труд обычно сочетался с простой кооперацией, когда группа людей одновременно совершала однородную работу. В крестьянском доме кооперацию осуществляла семья, в поместье — зависимые крестьяне и наемные работники.

Постепенно в городском ремесле стали возникать и более сложные формы разделения и кооперации труда. Над одним объектом подчас должны были трудиться лица разных специальностей, осуществляя уже не комплексные, а более или менее обособленные операции. Это могло происходить как одновременно (строительство зданий и кораблей, металлургия), так и

последовательно (при изготовлении монет, книг, тканей). Но чаще всего разделение труда в ремесле осуществлялось не в рамках мастерской, а путем отпочкования отдельных самостоятельных специальностей. В одних случаях разделение шло по конечному продукту. Например, от кузнецов отделились ювелиры, оловянники, медники, слесари, замочники, оружейники; последние затем разделились на изготовителей амуниции, арбалетов, холодного оружия; последние — на мечников, ножовщиков и т.д. В других случаях особые ремесла складывались на основе отдельных операций при изготовлении одного продукта. Более всего специальностей возникло в области изготовления тканей: свыше 30 — в сукноделии (от мойщиков сырой шерсти до красильщиков готового сукна), свыше 20 — в ткачестве (включая прядильщиц).

В течение V—XV столетий развитие производительных сил Западной Европы прошло через несколько этапов. Каждый из них получил разное выражение в зоне с преобладающим античным влиянием (I), в зоне со смешанной (синтезированной) общественной основой (II) и в зоне с варварской основой (III).

Материальная культура в V—VII вв. В первые века средневековья сохранялся значительный разрыв в уровне материальной культуры между романизованными и прочими регионами Западной Европы. Правда, в V—VII вв. в Южной Европе, подвергавшейся сильной варваризации, произошел известный разрыв с античной традицией. Огрублялись орудия труда и вообще ремесленные изделия. Ухудшилась породность скота, сократилось число сельскохозяйственных культур, были утрачены некоторые трудовые навыки.

Прогресс производительных сил в VIII — начале XI в. В последние столетия раннего средневековья ускорилось развитие бывших окраин Римского мира: Северной и Восточной Франции, Западной Германии, особенно территорий вдоль Рейна, в меньшей мере — Англии. В I и отчасти во II зонах завершается образование раннефеодальных государств; начался этот процесс и в III зоне. Новая феодальная общественная система уже вырисовывается в масштабах всего континента. Ее вызревание сопровождалось заметным прогрессом в развитии производительных сил. Наиболее значительные для всей Западной Европы показатели были достигнуты в романизованных регионах.

На территории первой и второй зон развиваются города, возникают замки. Увеличилось число сельских поселений, что свидетельствует о росте населения и внутренней колонизации. Начали сооружать мощенные камнем дороги (Кордова, IX в.) и постоянные мосты (через Рейн — у Майнца, Луару — у Орлеана и др.). В строительство внедряется обожженный кирпич. Лепная керамика вытесняется гончарной (изготавливаемой с помощью круга), появляется глазурь. Изобретение в IX в. вертикального ткацкого станка стало переворотом в ткачестве. Начинается взлет сукноделия; с X в. для валяния сукон, а также осушения болот (в Нидерландах) приспособляется водяная мельница. Внедрение начиная с IX—X вв. новой упряжи (хомут и

усовершенствованная сбруя) позволило использовать лошадь (которая в раннее средневековье служила почти исключительно для верховой езды) как важнейшую тягловую силу в сельском хозяйстве и на транспорте; это подняло производительность труда, дало мощный толчок развитию сухопутных дорог и транспортных средств, крупному строительству, военному делу. Быстро развиваются кузнечное, оружейное, шорное ремесла. Еще в предыдущий период началось использование шпор, стремян и подков. В VII в. стал применяться тяжелый меч. В VIII в., с формированием рыцарского войска, появились кольчуга и цельноклепаный металлический доспех, были усовершенствованы щиты, кинжалы и боевые топоры. Затем (в X в.) внедряется твердое седло с прочными креплениями, необходимое для тяжеловооруженного рыцаря.

Через арабов европейцы получили культуры риса, хлопка и сахарного тростника, бумагу, немало ремесленных навыков и научных познаний — в математике, медицине, анатомии и др. В VII — начале IX в. испанские арабы создали и первые теоретические труды по химии, обосновали теорию химического состояния веществ; они умели изготавливать кислоты, щелочи и купоросы, проводили опыты по превращению металлов. Монах из Орильяка Герберт (ок. середины X в. — 1003 г.), обучавшийся в Испании, впервые «перенес» на европейскую почву арабские (индийские) цифры, абак и позиционную систему счисления; он построил в Реймсе гидравлический орган, читал лекции по астрономии и геометрии, создал первое в средневековой Европе математическое исследование.

Произошло как бы расширение, социальное и территориальное «окультуривание» всего континента. Этот фактор — синтез ряда традиций — способствовал успешному последующему развитию производительных сил.

Расцвет феодализма и производительные силы в XI—XIII вв. В X—XIII вв. феодальный строй утвердился в Западной Европе и переживал период взлета. Это потребовало нового арсенала орудий и средств труда, способов его организации. Город, с его товарным производством, рынком, связями, углубленным разделением труда, превратил товарно-денежные отношения в важнейший фактор общественной жизни. Отныне они играют все более существенную роль.

Наряду с социальными и сословными различиями углубляются и различия, связанные с профессиональными занятиями, образом жизни, степенью состоятельности и объемом прав, общественным положением и влиянием. Укрепляется малая семья. Эти столетия отмечены заметным ростом населения, что приводило к относительной перенаселенности освоенных районов. Избыточное население, подстегиваемое ростом феодальной ренты, искало выход в бегстве с насиженных мест. Поэтому XI—XIII века отмечены значительной динамикой населения: происходит широкая внутренняя колонизация незанятых земель. Специфической формой внешней колонизации стали Крестовые походы. Возникают многие тысячи деревень и хуторов, тысячи новых городов; население старых и новых городов сравнительно быстро возрастает.

Расчистки под пашни сопровождались вырубкой лесов и мелиоративными работами (Ломбардия, Голландия). В Западной Европе к концу XIII в. заметно возрос вторичный ландшафт, сократилась площадь болот и лесов. Одновременно усилилось освоение недр: добыча металлических руд, соли, строительного камня, удобрений, торфа, каменного угля. В отличие от предшествующего периода (когда поваленный лес сжигался) древесина стала полностью использоваться как сырье при строительстве, для поделок, варки дегтя, смолокурения, как топливо. Вошли в практику специальные лесоразработки. Усиление регалии (права верховной собственности монархов) на землю, ее недра, воды, фауну и флору резко ограничивало возможности рядового населения использовать плоды дикой природы. Охота стала «дворянским занятием».

По мере усовершенствования орудий и способов обработки почвы, особенно с распространением железного плуга с упряжкой в несколько пар быков, а также двуполья и трехполья, росла производительность труда в сельском хозяйстве. За счет внутренней колонизации, освоения новых земель увеличились площади культивируемой земли. Наряду с ячменем расширяются посевы яровой и озимой пшеницы (сменившей полбу), а также ржи; превращение лошади в основную тягловую силу привело к распространению пришедшего с востока овса. Развиваются специализированные отрасли земледелия: огородничество, садоводство, разведение масличных и технических культур (льна, растений-красителей и др.). Постепенное потепление климата Западной Европы в течение VIII—XIII веков способствовало продвижению на север даже теплолюбивого винограда. Совершенствуются виноделие, маслоделие, сыроварение. Наиболее богатыми агрономическими приемами и разнообразием культур располагали Италия и Византия, но с XIII в. трактаты по агротехнике создаются в Англии и других странах Европы. Истощенные почвы нуждались в удобрениях. Наряду с навозом и золой в качестве удобрений все шире применяют ископаемые: мергель (глинистый известняк) и торф.

Традиционные методы земледелия (подсечно-огневой, залежный и переложный) сохранялись в Европе долго. Но с рубежа I и II тысячелетий все далее на север распространяется более совершенная система севооборота: двуполье (на юге оно применялось уже в начале VII в.) и трехполье (обычно по схеме: пар — озимые — яровые). Новые системы полей стали одним из важнейших элементов развития производительных сил, они способствовали комплексному использованию земли и восстановлению плодородия почвы. И хотя урожайность зерновых оставалась низкой, в среднем сам-три, общий объем продукции земледелия заметно возрос.

Расширилось разведение домашних животных, особенно лошадей, овец и птицы, а также собак; повысилась роль мясного скота. В наиболее развитых странах начали заниматься улучшением пород скота. В Англии, Испании, Италии, Нидерландах особенно распространилось овцеводство.

Еще более заметный подъем наступил в ремесле, прежде всего городском, где складывается цеховая форма организации ремесленников. Из

конопляной, льняной, шерстяной пряжи вырабатывались ткани для одежды, парусина и мешковина, канаты. От испанских арабов европейцы с VIII в. получали хлопок. Через Византию Западная Европа заимствовала китайский шелк; в течение X—XII веков тутовое дерево и шелковичный червь попали в Андалусию, Италию, Францию. Развитие торговли и судоходства позволило сукноделам Тосканы и Фландрии с XIII в. получать шерсть-сырец из Англии и Испании. Кожевники и сапожники применяют восточные красители и дубильные вещества. С Карпат и из Средней Азии начали ввозить каменную соль.

В городе, замке и, что особенно важно, в деревне повысился спрос на изделия из металла: орудия труда и оружие, украшения и монеты. В горно-металлургическом производстве произошел качественный скачок. В XII—XIII вв. перешли к использованию глубинных залежей. В металлургии наряду с древесным стал применяться каменный уголь (в Англии и Франции с XI в.) и появились кирпичные стационарные домницы (с XII в.). Появились такие методы обработки металла, как сварка, термическая обработка, горячая и холодная ковка и штамповка, вытяжение, изгибание, протягивание, закрутка, шлифовка, чеканка, с XIII в. — строгание, сверление, обточка и полировка. В странах, обладающих значительными запасами металлических руд, — Германии, Испании, Швеции, Англии — горно-металлургические промыслы выросли в особые, самостоятельные отрасли.

Общественные перемены и производительные силы в XIV—XV вв. В XIV—XV вв. экологическая, демографическая и политическая ситуация были исключительно сложными. С конца XIII в. началось похолодание, стало ощущаться ухудшение почв в старых пашенных районах. В середине XIV в. разразилась эпидемия «черной смерти», затем чума неоднократно повторялась. Эпидемии, большие войны и восстания, характерные для этого периода, породили кризисную ситуацию в сельском хозяйстве. Во многих странах наблюдались деколонизация культурных земель, забрасывание пашен, нехватка рабочих рук, падение урожая и рент, повышение цен на продукты питания и сырье. Выход из аграрного кризиса был достигнут путем значительной хозяйственной перестройки: развития наиболее товарных сфер сельского хозяйства, новой организации землепользования и труда в поместьях, более интенсивного использования природных ресурсов, особенно промышленного значения. Перестройка сопровождалась значительным числом изобретений в области орудий труда, особенно механизмов, и — впервые — заметными проявлениями роли науки.

Особенности и итоги развития производительных сил до конца XV в. Эволюция производительных сил и эволюция всего феодального общества были взаимно обусловлены. Так, первый скачок в развитии производительных сил (VIII—IX вв.) произошел в ходе завершения в передовых странах феодализационных процессов; второй (XI—XII вв.) — со складыванием феодальных городов; третий (середина XIV—XV в.) — в результате внутренней перестройки феодальной общественной системы под воздействием товарно-денежных отношений. Ускоренная эволюция

производительных сил к концу развитого феодализма стала основой для складывания в передовых странах элементов раннего капитализма, и сама стимулировалась ими.

Рост производительных сил. Отделение ремесла от сельского хозяйства. При том, что город становился средоточием отделившихся от сельского хозяйства функций средневекового общества, в том числе политико-идеологических, основой городской жизни была экономическая функция — центральная роль в складывающемся и развивающемся простом товарном хозяйстве: в мелком и мирном производстве и обмене. Его развитие основывалось на общественном разделении труда: ведь постепенно выделяющиеся отдельные отрасли труда могут существовать лишь путем обмена продуктами своей деятельности.

К X-XI вв. в хозяйственной жизни Западной Европы произошли важные изменения. Рост производительных сил, связанный с утверждением феодального способа производства, в период раннего средневековья быстрее всего шел в ремесле. Он выражался там в постепенном изменении и развитии техники и главным образом навыков ремесла и промыслов, в их расширении, дифференциации, усовершенствовании. Ремесленная деятельность требовала все большей специализации, уже не совместимой с трудом крестьянина. Одновременно совершенствовалась сфера обмена: распространялись ярмарки, складывались регулярные рынки, расширялись чеканка и сфера обращения монет, развивались средства и пути сообщения.

Наступил момент, когда неизбежным стало отделение ремесла от сельского хозяйства: превращение ремесла в самостоятельную отрасль производства, концентрация ремесла и торговли в особых центрах.

Другой предпосылкой отделения ремесла и торговли от сельского хозяйства явился прогресс в развитии последнего. Расширились посевы зерна и технических культур; развивались и совершенствовались огородничество, садоводство, виноградарство и тесно связанные с сельским хозяйством виноделие, маслоделие, мельничное дело. Увеличилась численность и улучшилась породность скота. Использование лошадей внесло важные улучшения в дорожной транспорт и военное дело, в крупное строительство и обработку почвы. Увеличение продуктивности сельского хозяйства давало возможность обменивать часть его продуктов, в том числе пригодных как ремесленное сырье, на готовые ремесленные изделия, что избавляло крестьянина от необходимости производить их самому. Наряду с названными хозяйственными предпосылками на рубеже I и II тысячелетий появились важнейшие социальные и политические предпосылки складывания специализированного ремесла и средневековых городов в целом. Завершился процесс феодализации. Государство и церковь видели в городах свои опорные пункты и источники денежных поступлений и по-своему содействовали их развитию. Выделился господствующий слой, потребность которого в роскоши, оружии, особых условиях жизни способствовала увеличению числа профессиональных ремесленников. А рост государственных налогов и сеньориальных рент до известного времени

стимулировал рыночные связи крестьян, которым все чаще приходилось выносить на рынок не только излишки, но и часть необходимых для их жизни продуктов. С другой стороны, крестьяне, подвергавшиеся все большему гнету, стали убегать в города, это была форма их сопротивления феодальному гнету.

В деревне возможности для развития товарного ремесла были весьма ограниченными, так как рынок сбыта ремесленных изделий там узок, а власть феодала лишала ремесленника необходимой ему самостоятельности. Поэтому ремесленники бежали из деревни, и селились там, где находили наиболее благоприятные условия для самостоятельного труда, сбыта своей продукции, получения сырья. Переселение ремесленников в рыночные центры и города было частью общего движения туда сельских жителей.

В результате отделения ремесла от сельского хозяйства и развития обмена, в результате бегства крестьян, в том числе и знающих какое-либо ремесло, в X—XIII вв. (а в Италии с IX в.) повсюду в Западной Европе бурно росли города нового, феодального типа. Они являлись центрами ремесла и торговли, отличались по составу и основным занятиям населения, его социальной структуре и политической организации.

Формирование городов, таким образом, не только отражало общественное разделение труда и социальную эволюцию периода раннего средневековья, но и было их результатом. Поэтому, являясь органичной составной частью феодализационных процессов, складывание города несколько отставало от складывания государства и основных структур феодального общества.

2. Возникновение и рост средневековых городов. Теории происхождения средневековых городов

Города оказали значительное воздействие на экономику средневекового общества, сыграли очень важную роль в его социально-политической и духовной жизни. XI столетие — время, когда в большинстве стран Западной Европы в основном сложились города, как и все главные структуры феодализма, — является хронологическим рубежом между ранним средневековьем (V—XI вв.) и периодом наиболее полного развития феодального строя (XI—XV вв.), средневековой цивилизации в целом.

Городская жизнь в Раннее средневековье. Первые столетия средних веков в Западной Европе характеризовались почти полным господством натурального хозяйства, когда основные жизненные средства добываются в самой хозяйственной ячейке, силами ее членов и из ее ресурсов. Крестьяне, составляющие подавляющую массу населения, производили сельскохозяйственные продукты и ремесленные изделия, орудия труда и одежду для собственных нужд и для уплаты повинностей феодалу. Принадлежность орудий труда самому работнику, соединение сельского труда с ремеслом, — характерные черты натурального хозяйства. Лишь немногие специалисты-ремесленники проживали тогда в немногочисленных городских поселениях, а также в поместьях крупных феодалов (обычно в качестве дворовых людей). Небольшое число сельских ремесленников

(кузнецы, гончары, кожевники) и промысловиков (солевары, углежогы, охотники) наряду с ремеслом и промыслами занимались и сельским хозяйством.

Обмен продуктами был незначителен, он основывался прежде всего на географическом разделении труда: различиях в природных условиях и уровне развития отдельных местностей и регионов. Торговали преимущественно добываемыми в немногих пунктах, но важными в хозяйстве товарами: железом, оловом, медью, солью и т.п., а также предметами роскоши, не производившимися тогда в Западной Европе и привозимыми с Востока: шелковыми тканями, дорогими ювелирными изделиями и оружием, пряностями и т.д. Главную роль в этой торговле играли странствующие, чаще всего иноземные купцы (греки, сирийцы, арабы, евреи и др.). Производство продуктов, специально рассчитанное на продажу, т.е. товарное производство, в большей части Западной Европы почти не было развито. Старые римские города приходили в упадок, происходила аграризация экономики, а на варварских территориях города только возникали, торговля была примитивной.

Конечно, и начало средневековья отнюдь не было «без городским» периодом. Сохранялись еще поздне-рабовладельческий полис в Византии и западно-римские города, в разной мере запустевшие и разрушенные (Милан, Флоренция, Болонья, Неаполь, Амальфи, Париж, Лион, Арль, Кёльн, Майнц, Страсбург, Трир, Аугсбург, Вена, Лондон, Йорк, Честер, Глостер и многие другие). Но они по большей части играли роль либо административных центров, либо укрепленных пунктов (крепостей-бургов), либо резиденций епископов и т.д. Их небольшое население мало чем отличалось от деревенского, многие городские площади и пустыри использовались под пашни и пастбища. Торговля и ремесла были рассчитаны на самих горожан и не оказывали заметного влияния на окружающие деревни. Больше всего городов сохранилось в наиболее романизированных областях Европы: могучий Константинополь в Византии, торговые эмпории в Италии, Южной Галлии, в вестготской, а затем арабской Испании. Хотя и там позднеантичные города в V—VII вв. пришли в упадок, некоторые из них были относительно многочисленны, в них продолжали действовать специализированные ремесла, постоянные рынки, сохранялись муниципальная организация и цехи. Отдельные города, прежде всего в Италии и Византии, являлись крупными центрами посреднической торговли с Востоком. На большей же части Европы, где не было античных традиций, существовали отдельные городские очаги и немногие ранние города, поселения городского типа были редки, малолюдны, не имели заметного экономического значения.

Таким образом, в масштабах Европы городской строй как общая и завершенная система в раннее средневековье еще не сложился. Западная Европа отставала тогда в своем развитии от Византии и Востока, где процветали многочисленные города с высокоразвитым ремеслом, оживленной торговлей, богатыми постройками. Однако и существовавшие

тогда пред- и раннегородские поселения, в том числе на варварских территориях, сыграли значительную роль в феодализационных процессах, выступая центрами политико-административной, стратегической и церковной организации, постепенно сосредоточивая в своих стенах и развивая товарное хозяйство, становясь пунктами перераспределения ренты и главными очагами культуры.

Теории происхождения средневековых городов. Вопрос о причинах и обстоятельствах возникновения средневековых городов представляет большой интерес.

Пытаясь ответить на него, ученые в XIX и XX вв. выдвигали различные теории. Для значительной их части характерен институционально-юридический подход к проблеме. Наибольшее внимание уделялось происхождению и развитию специфических городских учреждений, городского права, а не социально-экономическим основам процесса. При таком подходе невозможно объяснить коренные причины происхождения городов.

Историки XIX в. занимал в первую очередь вопрос о том, из какой формы поселения произошел средневековый город и как учреждения этой предшествующей формы трансформировались в учреждения города. «Романистическая» теория (Савиньи, Тьерри, Гизо, Ренуар), которая строилась главным образом на материале романизированных областей Европы, считала средневековые города и их учреждения прямым продолжением поздних античных городов. Историки, опиравшиеся в основном на материал Северной, Западной, Центральной Европы (в первую очередь немецкие и английские), видели истоки средневековых городов в явлениях нового, феодального общества, прежде всего правовых и институциональных. Согласно «вотчинной» теории (Эйхгорн, Нич), город и его институты развивались из феодальной вотчины, ее управления и права. «Марковая» теория (Маурер, Гирке, Белов) выводила городские учреждения и право из строя свободной сельской общины-марки. «Буртовая» теория (Кейтген, Мэтланд) усматривала зерно города в крепости-бурге и буртовом праве. «Рыночная» теория (Зом, Шредер, Шульте) выводила городское право из рыночного права, действовавшего в местах, где велась торговля.

Все эти теории отличались односторонностью, выдвигая каждая какой-либо единственный путь или фактор возникновения города и рассматривая его преимущественно с формальных позиций. К тому же они так и не объяснили, почему большинство вотчинных центров, общин, замков и даже рыночных местечек так и не превратились в города.

Немецкий историк Ритшель в конце XIX в. попытался объединить «буртовую» и «рыночную» теории, видя в ранних городах поселения купцов вокруг укрепленного пункта — бурга. Бельгийский историк А. Пиренн в отличие от большинства своих предшественников отводил определяющую роль в возникновении городов экономическому фактору — межконтинентальной и межрегиональной транзитной торговле, и ее носителю — купечеству. Согласно этой «торговой» теории, города в

Западной Европе возникали первоначально вокруг купеческих факторий. Пиренн также игнорирует роль отделения ремесла от сельского хозяйства в возникновении городов и не объясняет истоки, закономерности и специфику города именно как феодальной структуры. Тезис Пиренна о чисто торговом происхождении города не был принят многими медиевистами.

В современной зарубежной историографии сделано многое для изучения археологических данных, топографии и планов средневековых городов (Гансгоф, Планиц, Эннен, Веркотерен, Эбель и др.). Эти материалы многое разъясняют в предыстории и начальной истории городов, почти не освещенной письменными памятниками. Seriously разрабатывается вопрос о роли в складывании средневековых городов политико-административных, военных, культовых факторов. Все эти факторы и материалы требуют, конечно, учета социально-экономических сторон возникновения города и его характера как феодальной структуры.

Многие современные зарубежные историки, стремясь уяснить общие закономерности генезиса средневековых городов, разделяют и развивают концепции возникновения феодального города именно как следствия общественного разделения труда, развития товарных отношений, социальной и политической эволюции общества.

В отечественной медиевистике проведены солидные исследования по истории городов почти всех стран Западной Европы. Но длительное время в ней делался акцент в основном на социально-экономической роли городов, при меньшем внимании к их другим функциям. В последние годы, однако, проявляется тенденция рассматривать все многообразие социальных характеристик средневекового города, притом от самых истоков. Город определяется как не только наиболее динамичная структура средневековой цивилизации, но и как органический компонент всего феодального строя.

Возникновение феодальных городов. Конкретно-исторические пути возникновения городов весьма разнообразны. Уходившие из деревень крестьяне и ремесленники селились в различных местах в зависимости от наличия благоприятных условий для занятия «городскими делами», т.е. делами, связанными с рынком. Иногда, особенно в Италии и Южной Франции, это были административные, военные и церковные центры, нередко располагавшиеся на территории старых римских городов, которые возрождались к новой жизни — уже в качестве городов феодального типа. Укрепления этих пунктов обеспечивали жителям необходимую безопасность.

Концентрация населения в подобных центрах, в том числе феодалов с их слугами и свитой, духовных лиц, представителей королевской и местной администрации, создавала благоприятные условия для сбыта ремесленниками своих изделий. Но чаще, особенно в Северо-Западной и Центральной Европе, ремесленники и торговцы селились вблизи больших вотчин, усадеб, замков и монастырей, обитатели которых приобретали их товары. Селились они у пересечения важных дорог, у речных переправ и мостов, на берегах удобных для стоянки кораблей бухт, заливов и т.п., где издавна действовали традиционные торжища. Такие «рыночные местечки»

при значительном росте их населения, наличии благоприятных условий для ремесленного производства и рыночной деятельности также превращались в города.

Рост городов в отдельных областях Западной Европы происходил разными темпами. Раньше всего, в VIII—IX в., феодальные города, в первую очередь как центры ремесла и торговли, сформировались в Италии (Венеция, Генуя, Пиза, Бари, Неаполь, Амальфи); в X в. — на юге Франции (Марсель, Арль, Нарбонн, Монпелье, Тулуза и др.). В этих и других областях, с богатыми античными традициями быстрее, чем в других, специализировались ремесла, произошло формирование феодального государства с его опорой на города.

Раннему возникновению и росту итальянских и южно-французских городов способствовали также торговые связи этих областей с более развитыми в то время Византией и странами Востока. Конечно, известную роль сыграло и сохранение там остатков многочисленных древних городов и крепостей, где легче было найти приют, защиту, традиционные рынки, рудименты ремесленных организаций и римского муниципального права.

В X—XI вв. стали возникать феодальные города в Северной Франции, в Нидерландах, в Англии и Германии — по Рейну и верхнему Дунаю. Фландрские города Брюгге, Ипр, Гент, Лилль, Дуэ, Аррас и другие славились тонкими сукнами, которыми снабжали многие страны Европы. В этих областях было уже не так много римских поселений, большинство городов возникало заново.

Позднее, в XII—XIII вв., выросли феодальные города на северных окраинах и во внутренних областях Зарейнской Германии, в Скандинавских странах, в Ирландии, Венгрии, дунайских княжествах, т.е. там, где развитие феодальных отношений происходило медленнее. Здесь все города вырастали, как правило, из рыночных местечек, а также областных (бывших племенных) центров.

Распределение городов на территории Европы было неравномерным. Особенно много их было в Северной и Средней Италии, во Фландрии и Брабанте, по Рейну. Но и в других странах и регионах количество городов, включая мелкие, было таково, что обычно житель деревни мог добраться до какого-либо из них в течение одного дня.

При всем различии места, времени, конкретных условий возникновения того или иного города оно всегда являлось результатом общего для всей Европы общественного разделения труда. В социально-экономической сфере оно выражалось в отделении ремесла от земледелия, развитии товарного производства и обмена между разными сферами хозяйства и разными территориями и поселениями; в собственно социальной и политической сферах — в развитии структур государственности с их институтами и атрибутами.

Этот процесс, имел длительный характер и не был завершен в рамках феодализма. Однако в X—XI вв. он стал особенно интенсивным и привел к важному качественному сдвигу в развитии общества.

3. Простое товарное хозяйство при феодализме

Товарные отношения — производство на продажу и обмен, — концентрируясь в городах, стали играть огромную роль в развитии производительных сил не только в самом городе, но и в деревне. Натуральное в своей основе хозяйство крестьян и господ постепенно втягивалось в товарно-денежные отношения, появлялись условия для развития внутреннего рынка на основе дальнейшего разделения труда, специализации отдельных районов и отраслей хозяйства (разные виды земледелия, ремесел и промыслов, скотоводство).

Само товарное производство средних веков не следует отождествлять с капиталистическим или видеть в нем прямые истоки последнего, как это делали некоторые видные историки (А. Пиренн, А. Допш и др.). В отличие от капиталистического простое товарное производство было основано на личном труде мелких, обособленных непосредственных производителей — ремесленников, промысловиков и крестьян, которые не эксплуатировали в широких масштабах чужой труд. Все более втягивалось в товарный обмен, простое товарное производство, однако, сохраняло мелкий характер, не знало расширенного воспроизводства. Оно обслуживало сравнительно узкий рынок и вовлекало в рыночные отношения лишь небольшую часть общественного продукта. При таком характере производства и рынка все товарное хозяйство при феодализме в целом также являлось простым.

Простое товарное хозяйство возникло и существовало, как известно, еще в античную эпоху. Затем оно приспособлялось к условиям разных общественных систем и подчинялось им. В той форме, в которой товарное хозяйство было присуще феодальному обществу, оно выросло на его почве и зависело от господствующих в нем условий, развивалось вместе с ним, подчинялось закономерностям его эволюции. Лишь на определенном этапе феодальной системы, по мере развития предпринимательства, накопления капитала, отделения мелких самостоятельных производителей от средств производства и превращения рабочей силы в товар в массовом масштабе простое товарное хозяйство стало перерастать в капиталистическое. До этого времени оно оставалось неотъемлемым элементом экономики и социального строя феодального общества, так же как средневековый город — главным центром товарного хозяйства этого общества.

4. Население и внешний вид средневековых городов

Основное население городов составляли люди, занятые в сфере производства и обращения товаров: различные торговцы и ремесленники (сами же сбывавшие свой товар), огородники, промысловики. Значительные группы людей были заняты продажей услуг, в том числе обслуживанием рынка: матросы, возчики и носильщики, трактирщики и содержатели постоялых дворов, слуги, цирюльники.

Наиболее представительной частью горожан были профессиональные торговцы из местных жителей и их верхушка — купцы. В отличие от немногочисленных странствующих купцов раннего средневековья они

занимались и внешней, и внутренней торговлей и составляли особый общественный слой, заметный по численности и влиянию. Выделение купеческой деятельности, формирование особого слоя занятых ею лиц было новым и важным шагом в общественном разделении труда.

В крупных городах, особенно политико-административных центрах, обычно жили феодалы со своим окружением (прислуга, военные отряды), представители королевской и сеньориальной администрации — служилая бюрократия, а также нотариусы, врачи, преподаватели школ и университетов и другие представители нарождающейся интеллигенции. Во многих городах заметную часть населения составляло черное и белое духовенство.

Горожане, предки которых обычно были выходцами из деревни, еще долго сохраняли свои поля, пастбища, огороды как вне, так и внутри города, держали скот. Отчасти это объяснялось недостаточной товарностью тогдашнего сельского хозяйства. Сюда же, в города, часто свозились поступления из сельских усадеб сеньоров: города служили местом их концентрации, перераспределения и сбыта.

Размеры средневековых западноевропейских городов были весьма невелики. Обычно их население исчислялось 1 или 3—5 тыс. жителей. Даже в XIV—XV вв. большими считались города с 20—30 тыс. жителей. Только немногие из них имели население, превышающее 80—100 тыс. человек (Константинополь, Париж, Милан, Венеция, Флоренция, Кордова, Севилья).

Города отличались от окружающих деревень своим внешним видом и плотностью населения. Обычно они были окружены рвами и высокими каменными, реже деревянными, стенами, с башнями и массивными воротами, которые служили защитой от нападений феодалов и нашествий неприятеля. Ворота на ночь закрывались, мосты поднимались, на стенах дежурили дозорные. Сами же горожане несли сторожевую службу и составляли ополчение.

Городские стены со временем становились тесными, не вмещали всех построек. Вокруг стен, окружавших первоначальный городской центр (бург, сите, град), постепенно возникали предместья — посады, слободы, населенные главным образом ремесленниками, мелкими торговцами и огородниками. Позднее предместья в свою очередь обносились кольцом стен и укреплений. Центральным местом в городе была рыночная площадь, рядом с которой обычно располагались городской собор, а там, где было самоуправление горожан, — еще и ратуша (здание городского совета). Люди одинаковых или смежных специальностей нередко селились по соседству.

Поскольку стены мешали городу расти вширь, улицы делались крайне узкими (по закону — «не шире длины копья»). Дома, часто деревянные, тесно примыкали друг к другу. Выдающиеся вперед верхние этажи и крутые крыши домов, расположенных напротив друг друга, чуть не соприкасались. В узкие и кривые улицы почти не проникали лучи солнца. Уличного освещения не существовало, как, впрочем, и канализации. Мусор, остатки пищи и нечистоты обычно выбрасывались прямо на улицу. Здесь же нередко бродил мелкий скот (козы, овцы, свиньи), рылись куры и гуси. Вследствие

тесноты и антисанитарного состояния в городах вспыхивали особенно опустошительные эпидемии, часто случались пожары.

5. Борьба городов с феодальными сеньорами и формирование городского самоуправления. Формирование и рост городского сословия

Средневековый город возникал на земле феодала и поэтому должен был ему подчиняться. Большинство горожан первоначально составляли несвободные министриалы (служилые люди сеньора), крестьяне, издавна жившие на этом месте, иногда бежавшие от своих прежних господ либо отпущенные ими на оброк. При этом они нередко оказывались в личной зависимости от сеньора города. В руках последнего сосредоточивалась вся городская власть, город становился как бы его коллективным вассалом или держателем. Феодал был заинтересован в возникновении городов на своей земле, так как городские промыслы и торговля давали ему немалый доход.

Бывшие крестьяне приносили с собой в города обычаи и навыки общинного устройства, которые оказали заметное влияние на организацию городского управления. Со временем она, однако, все более принимала формы, соответствующие особенностям и потребностям городской жизни.

Стремление феодалов извлечь из города как можно больше доходов неизбежно привело к коммунальному движению: так принято называть борьбу между городами и сеньорами, происходившую повсюду в Западной Европе в X—XIII вв. Сначала горожане боролись за освобождение от наиболее тяжелых форм феодального гнета, за сокращение поборов сеньора, за торговые привилегии. Затем стояли и политические задачи: обретение городского самоуправления и прав. Исход этой борьбы определял степень независимости города по отношению к сеньору, его экономическое процветание и политический строй. Борьба городов велась отнюдь не против феодальной системы в целом, а против конкретных сеньоров, за то, чтобы обеспечить существование и развитие городов в рамках этого строя.

Иногда городам удавалось за деньги получить от феодала отдельные вольности и привилегии, зафиксированные в городских хартиях; в других случаях эти привилегии, особенно право самоуправления, достигались в результате длительной, иногда вооруженной, борьбы. В нее обычно вмешивались короли, императоры, крупные феодалы. Коммунальная борьба сливалась с другими конфликтами — в данной области, стране, международными — и была важной составной частью политической жизни средневековой Европы.

Коммунальные движения проходили в различных странах по-разному, в зависимости от условий исторического развития, и приводили к различным результатам. В Южной Франции горожане добились, в основном без кровопролития, независимости уже в IX—XII вв. Графы Тулузы, Марселя, Монпелье и других городов Южной Франции, как и Фландрии, являлись не только городскими сеньорами, но государями целых областей. Они были заинтересованы в процветании местных городов, раздавали им муниципальные вольности, не препятствовали относительной самостоятельности. Однако они не желали, чтобы коммуны становились

слишком мощными, получали полную независимость. Так произошло, например, с Марселем, который в течение столетия был независимой аристократической республикой. Но в конце XIII в. после 8-месячной осады граф Прованса Карл Анжуйский взял город, поставил во главе его своего наместника, стал присваивать городские доходы, дозируя средства для поддержки выгодных ему городских ремесел и торговли.

Многие города Северной и Средней Италии — Венеция, Генуя, Сьена, Флоренция, Лукка, Болонья и другие — в XI-XII вв. стали городами-государствами. Одной из ярких и типичных страниц коммунальной борьбы в Италии была история Милана — центра ремесла и торговли, важного перевалочного пункта на путях в Германию. В XI в. власть графа там сменилась властью архиепископа, который управлял при помощи представителей аристократических и клерикальных кругов. В течение всего XI в. горожане вели борьбу с сеньором. Она сплотила все городские слои. С 50-х годов движение горожан вылилось в гражданскую войну против епископа. Она переплелась с мощным еретическим движением, охватившим тогда Италию, — с выступлениями вальденсов и особенно катаров. Повстанцы-горожане нападали на клириков, разрушали их дома. В события были втянуты государи. Наконец, в конце XI в. город получил статус коммуны. Во главе его встал совет консулов из привилегированных граждан — представителей купеческо-феодалских кругов. Аристократический строй Миланской коммуны, конечно, не удовлетворил массу горожан, их борьба продолжалась и в последующее время.

В Германии аналогичное коммунальное положение заняли в XII—XIII вв. наиболее значительные из так называемых имперских городов. Формально они подчинялись императору, но на деле были независимыми городскими республиками (Любек, Норнберг, Франкфурт-на-Майне и др.). Они управлялись городскими советами, имели право самостоятельно объявлять войну, заключать мир и союзы, чеканить монету и т.д.

Многие города Северной Франции (Амьен, Сен-Кантен, Нуайон, Бовэ, Суассон, и др.) и Фландрии (Гент, Брюгге, Ипр, Лилль, Дуэ, Сент-Омер, Аррас и др.) в результате упорной, часто вооруженной борьбы со своими сеньорами стали самоуправляющимися городами-коммунами. Они выбирали из своей среды совет, его главу — мэра и других должностных лиц, имели собственный суд и военное ополчение, свои финансы, сами устанавливали налоги. Города-коммуны освобождались от выполнения жителями барщины, несения оброка и других сеньориальных повинностей. Взамен этого они ежегодно уплачивали сеньору определенную, сравнительно невысокую денежную ренту, а в случае войны выставляли в помощь ему небольшой военный отряд. Города-коммуны нередко сами выступали как коллективный сеньор по отношению к крестьянам, жившим на окружавшей город территории.

Но так получалось не всегда. Более 200 лет длилась борьба за независимость северофранцузского города Лана. Его сеньор (с 1106 г.) епископ Годри, любитель войны и охоты, установил в городе особенно

тяжкий сеньориальный режим, вплоть до убийства горожан. Жители Лана сумели купить у епископа хартию, предоставляющую им определенные права (фиксированный налог, уничтожение права «мертвой руки»), заплатив и королю за ее утверждение. Но епископ вскоре нашел хартию для себя невыгодной и, дав взятку королю, добился ее отмены. Горожане восстали, разграбили дворы аристократов и епископский дворец, а самого Годри, спрятавшегося в пустой бочке, убили. Король вооруженной рукой восстановил в Лане старый порядок, но в 1129 г. горожане подняли новое восстание. Долгие годы шла затем борьба за коммунальную хартию с переменным успехом: то в пользу города, то в пользу короля. Лишь в 1331 г. король с помощью многих местных феодалов одержал окончательную победу. Управлять городом стали его судьи и чиновники.

Вообще немало городов, даже весьма значительных и богатых, не могли добиться полного самоуправления. Это было почти общим правилом для городов на королевской земле, в странах с относительно сильной центральной властью. Они пользовались, правда, рядом привилегий и вольностей, в том числе и правом избирать органы самоуправления. Однако эти учреждения обычно действовали под контролем чиновника короля или иного сеньора. Так было во многих городах Франции (Париж, Орлеан, Бурж, Лоррис, Нант, Шартр и др.) и Англии (Лондон, Линкольн, Оксфорд, Кембридж, Глостер и др.). Ограниченные муниципальные свободы городов были характерны для Скандинавских стран, многих городов Германии, Венгрии, и их вовсе не было в Византии.

Немало городов, особенно мелких, не обладавших необходимыми силами и денежными средствами для борьбы со своими сеньорами, оставалось целиком под властью сеньориальной администрации. Это, в частности, характерно для городов, принадлежавших духовным сеньорам, которые особенно тяжело угнетали своих горожан.

Права и вольности, получаемые средневековыми горожанами, во многом были сходны с имунитетными привилегиями, носили феодальный характер. Сами города составляли замкнутые корпорации и превыше всего ставили местные городские интересы.

Одним из важнейших результатов борьбы городов с их сеньорами в Западной Европе было то, что подавляющее большинство горожан добилось освобождения от личной зависимости. В средневековой Европе победило правило, согласно которому бежавший в город зависимый крестьянин, прожив там определенный срок (по обычной тогда формуле — «год и день»), также становился свободным. «Городской воздух делает свободным», — гласит средневековая пословица.

Формирование и рост городского сословия. В процессе развития городов, ремесленных и купеческих корпораций, борьбы горожан с сеньорами и внутренних социальных конфликтов в городской среде в феодальной Европе складывалось особое средневековое сословие горожан.

В экономическом отношении новое сословие было более всего связано с торгово-ремесленной деятельностью, и с собственностью, основанной не

только на производстве, но и на обмене. В политико-правовом отношении все члены этого сословия пользовались рядом специфических привилегий и вольностей (личная свобода, подсудность городскому суду, участие в городском ополчении, в формировании муниципалитета и др.), составляющих статус полноправного горожанина. Обычно городское сословие отождествляется с понятием «бюргерство».

Слово «бюргер» в ряде стран Европы первоначально обозначало всех городских жителей (от германского *Burg* — город, откуда произошло средневековое латинское *burgensis* и французский термин *bourgeoisie*, первоначально также обозначавший горожан). По своему имущественному и социальному положению городское сословие не было единым. Внутри него существовали патрициат, слой состоятельных торговцев, ремесленников и домовладельцев, рядовые труженики, наконец, городское плебейство. По мере углубления этого расслоения термин «бюргер» постепенно менял свое значение. Уже в XII—XIII вв. он стал применяться только для обозначения полноправных горожан, в число которых не могли попасть представители низов, отстраненные от городского самоуправления. В XIV—XV вв. этим термином обычно обозначались богатые и зажиточные слои горожан, из которых позднее вырастали первые элементы буржуазии.

Население городов занимало особое место в социально-политической жизни феодального общества. Нередко оно выступало единой силой в борьбе с феодалами (иногда в союзе с королем). Позднее городское сословие стало играть заметную роль в сословно-представительных собраниях.

Таким образом, не составляя социально монолитного слоя, жители средневековых городов конституировались как особое сословие или, как это было во Франции, сословная группа. Их разобщенность усиливалась господством корпоративного строя внутри городов. Преобладание в каждом городе локальных интересов, которые порой усиливались торговым соперничеством между городами, также препятствовало совместным действиям горожан как сословия в масштабах страны.

Ремесло и ремесленники в городах. Цехи. Производственную основу средневекового города составляли ремесла и «ручные» промыслы. Ремесленник, подобно крестьянину, был мелким производителем, который владел орудиями производства, самостоятельно вел свое хозяйство, основанное преимущественно на личном труде.

В условиях узости рынка и мелкого производства целью труда ремесленника не могли быть прибыль и обогащение, но лишь само существование на уровне, соответствующем его социальному статусу. Но в отличие от крестьянина специалист-ремесленник, во-первых, с самого начала был товаропроизводителем, вел товарное хозяйство. Во-вторых, он не столь нуждался в земле как средстве непосредственного производства. Поэтому городское ремесло развивалось, совершенствовалось несравненно быстрее, нежели сельское хозяйство и ремесло деревенское, домашнее. Примечательно также, что в городском ремесле внеэкономическое принуждение в виде личной зависимости работника не было

необходимостью и быстро исчезло. Здесь имели место, однако, другие виды внеэкономического принуждения, связанные с цеховой организацией ремесла и корпоративно-сословным, феодальным в своей основе характером городского строя (принуждение и регламентация со стороны цехов и города и т.д.). Это принуждение исходило уже от самих горожан.

6. Цеховая система организации ремесла

Характерной особенностью ремесла и других видов деятельности во многих средневековых городах Западной Европы была корпоративная организация: объединение лиц определенных профессий в пределах каждого города в особые союзы — **цехи**, гильдии, братства. Ремесленные цехи появились почти одновременно с самими городами во Франции, Англии, Германии — с XI — начала XII в., хотя окончательное оформление цехов (получение специальных грамот от королей и других сенсоров, составление и запись цеховых уставов) происходило, как правило, позднее.

Цехи возникали потому, что городские ремесленники как самостоятельные, раздробленные, мелкие товаропроизводители нуждались в определенном объединении для защиты своего производства и доходов от феодалов, от конкуренции «чужаков» — неорганизованных ремесленников или постоянно прибывавших в города выходцев из деревни, от ремесленников других городов, да и от соседей — мастеров. Такая конкуренция была опасна в условиях весьма узкого тогдашнего рынка, незначительного спроса. Поэтому главной функцией цехов стало утверждение монополии на данный вид ремесла. В Германии она называлась *Zunftzwang* — цеховое принуждение. В большинстве городов принадлежность к цеху являлась обязательным условием для занятия ремеслом. Другой главной функцией цехов являлось установление контроля над производством и продажей ремесленных изделий. Появление цехов было обусловлено достигнутыми в то время уровнем производительных сил и всей феодально-сословной структурой общества. Исходным образцом для организации городского ремесла отчасти послужили строй сельской общины — марки и усадьбы мастерские-магистерии.

Каждый из цеховых мастеров был непосредственным работником и одновременно собственником средств производства. Он трудился в своей мастерской, со своими инструментами и сырьем. Как правило, ремесло передавалось по наследству: ведь многие поколения ремесленников работали при помощи тех же инструментов и приемов, что и их прадеды. Выделявшиеся новые специальности оформлялись в отдельные цехи. Во многих городах постепенно возникли десятки, а в наиболее крупных — даже сотни цехов.

Цеховому ремесленнику обычно помогала в работе его семья, один или два подмастерья и несколько учеников. Но членом цеха являлся только мастер, владелец мастерской. И одной из важных функций цеха было регулирование отношений мастеров с подмастерьями и учениками. Мастер, подмастерье и ученик стояли на разных ступенях цеховой иерархии. Предварительное прохождение двух низших ступеней было обязательным

для всякого, кто желал стать членом цеха. Первоначально каждый ученик со временем мог стать подмастерьем, а подмастерье — мастером.

Члены цеха были заинтересованы, чтобы их изделия получали беспрепятственный сбыт. Поэтому цех через специально избранных должностных лиц строго регламентировал производство: следил, чтобы каждый мастер выпускал продукцию определенного вида и качества. Цех предписывал, например, какой ширины и цвета должна быть изготавливаемая ткань, сколько нитей должно быть в основе, каким следует пользоваться инструментом и сырьем и т.д. Регламентация производства служила и другим целям: чтобы производство членов цеха сохраняло мелкий характер, чтобы никто из них не вытеснял другого мастера с рынка, выпуская больше продукции или удешевляя ее. С этой целью цеховые уставы нормировали число подмастерьев и учеников, которых мог держать у себя мастер, запрещали работу в ночное время и по праздникам, ограничивали число станков и сырья в каждой мастерской, регулировали цены на ремесленные изделия и т.д.

Цеховая организация ремесла в городах сохраняла феодальную, корпоративную природу. До определенного времени она создавала наиболее благоприятные условия для развития производительных сил, товарного городского производства. В рамках цехового строя было возможно дальнейшее углубление общественного разделения труда в форме выделения новых ремесленных цехов, расширения ассортимента и повышения качества производимых товаров, совершенствования навыков ремесленного труда. В рамках цехового строя повышалось самосознание и самоуважение город-ских мастеров.

Поэтому примерно до конца XIV в. цехи в Западной Европе играли прогрессивную роль. Они охраняли ремесленников от чрезмерной эксплуатации со стороны феодалов, в условиях узости тогдашнего рынка обеспечивали существование городских мелких производителей, смягчая конкуренцию между ними и ограждая их от конкуренции различных чужаков.

Цеховая организация не ограничивалась осуществлением основных, социально-экономических функций, но охватывала все стороны жизни ремесленника. Цехи объединяли горожан для борьбы с феодальными сеньорами, а затем с господством патрициата. Цех участвовал в обороне города и выступал как отдельное боевое подразделение. Каждый цех имел своего святого патрона, подчас также свою церковь или часовню, являясь своеобразной церковной общностью. Цех был также организацией взаимопомощи, обеспечивая поддержку нуждавшимся мастерам и их семьям в случае болезни или смерти кормильца.

Цеховая система в Европе, однако, не была универсальной. В ряде стран она не получила распространения и не везде достигла завершенной формы. Наряду с ней во многих городах Северной Европы, на юге Франции, в некоторых других странах и областях существовало так называемое свободное ремесло.

Но и там имели место регламентация производства, защита монополии городских ремесленников, только осуществлялись эти функции органами городского управления.

Борьба цехов с патрициатом. Борьба городов с сеньорами в подавляющем большинстве случаев привела к переходу в той или иной степени городского управления в руки горожан. Но в их среде к тому времени существовало уже заметное социальное расслоение. Поэтому, хотя борьба с сеньорами велась силами всех горожан, полностью использовала ее результаты лишь верхушка городского населения: домовладельцы, в том числе феодального типа, ростовщики и, конечно же, купцы-оптовики, занятые транзитной торговлей.

Этот верхний, привилегированный слой представлял собой узкую, замкнутую группу — наследственную городскую аристократию (патрициат), которая с трудом допускала в свою среду новых членов. Городской совет, мэр (бургомистр), судебная коллегия (шеффены, эшевены, скабины) города выбирались только из числа патрициев и их ставленников. Городская администрация, суд и финансы, в том числе налогообложение, строительство — все находилось в руках городской верхушки, использовалось в ее интересах и за счет интересов широкого торгово-ремесленного населения города, не говоря уже о бедняках.

Но по мере того как развивалось ремесло и крепло значение цехов, ремесленники, мелкие торговцы вступали в борьбу с патрициатом за власть в городе. Обычно к ним присоединялись также наемные работники, бедный люд. В XIII—XIV вв. эта борьба, так называемые цеховые революции, развернулась почти во всех странах средневековой Европы и часто принимала очень острый, даже вооруженный характер. В одних городах, где ремесленное производство получило большое развитие, победили цехи (Кёльн, Базель, Флоренция и др.). В других, где ведущую роль играли широкомасштабная торговля и купечество, победителем из борьбы вышла городская верхушка (Гамбург, Любек, Росток и другие города Ганзейского союза). Но и там, где побеждали цехи, управление городом не становилось подлинно демократическим, так как верхушка наиболее влиятельных цехов объединялась после своей победы с частью патрициата и устанавливала новое олигархическое управление, действовавшее в интересах наиболее богатых горожан (Аугсбург и др.).

Начало разложения цехового строя. В XIV—XV вв. роль цехов во многом изменилась. Их консерватизм, стремление увековечить мелкое производство, традиционные приемы и орудия труда, помешать техническим усовершенствованиям из-за боязни конкуренции превратили цехи в тормоз прогресса и дальнейшего роста производства. По мере роста производительных сил, расширения внутреннего и внешнего рынка конкуренция между ремесленниками внутри цеха неизбежно возрастала. Отдельные ремесленники вопреки цеховым уставам расширяли свое производство, между мастерами развивалось имущественное и социальное неравенство. Владельцы крупных мастерских начали давать работу более

бедным мастерам, снабжали их сырьем или полуфабрикатами и получали готовые изделия. Из среды прежде единой массы мелких ремесленников и торговцев постепенно выделилась зажиточная цеховая верхушка, эксплуатировавшая мелких мастеров.

Расслоение внутри цехового ремесла выражалось также в разделении цехов на более сильные, богатые («старшие», или «большие») и более бедные («младшие», «малые») цехи. Так происходило в первую очередь в наиболее крупных городах: Флоренции, Перудже, Лондоне, Бристоле, Париже, Базеле и др. Старшие цехи начинали господствовать над младшими и эксплуатировать их, так что члены младших цехов подчас утрачивали свою экономическую и правовую самостоятельность и фактически превращались в наемных рабочих.

Положение учеников и подмастерьев, их борьба с мастерами. В положение угнетаемых со временем попали также ученики и подмастерья. Первоначально это было связано с тем, что обучение средневековому ремеслу, которое происходило путем прямой передачи навыков, оставалось длительным. В разных ремеслах этот срок колебался от 2 до 7 лет, а в отдельных цехах достигал 10—12 лет. В этих условиях мастер мог долго и с выгодой пользоваться бесплатным трудом своего уже достаточно квалифицированного ученика.

Цеховые мастера все сильнее эксплуатировали и подмастерьев. А продолжительность их рабочего дня была обычно очень велика — 14-16, а иногда и 18 часов. Судил подмастерьев цеховой суд, т.е. опять-таки мастера. Цехи контролировали быт подмастерьев и учеников, их времяпрепровождение, трапезы, знакомства. В XIV—XV вв., когда в передовых странах начался упадок и разложение цехового ремесла, эксплуатация учеников и подмастерьев приобрела постоянный характер. В начальный период существования цеховой системы ученик, пройдя стаж ученичества и став подмастерьем, а затем проработав некоторое время у мастера и накопив небольшую сумму денег, мог стать мастером. Теперь же доступ ученикам и подмастерьям к этому статусу фактически закрывается. Началось так называемое замыкание цехов. Чтобы получить звание мастера, кроме свидетельств об обучении и отличной характеристики требовалось уплатить крупный вступительный взнос в кассу цеха, выполнить образцовую работу («шедевр»), устроить богатое угощение для членов цеха и т.д. Лишь близкие родственники мастера могли беспрепятственно вступить в цех. Большинство же подмастерьев превращались в «вечных», т.е., по сути дела, в наемных рабочих.

Для защиты своих интересов они создавали особые организации — братства, компаньонажи, которые являлись союзами взаимопомощи и борьбы с мастерами. Подмастерья выдвигали экономические требования: повышения заработной платы, уменьшения рабочего дня; они прибегали к таким острым формам борьбы, как забастовка и бойкот наиболее ненавистных мастеров.

Ученики и подмастерья составляли самую организованную и квалифицированную часть довольно широкого в городах XIV—XV вв. слоя наемных работников. В его состав входили также внецеховые поденщики и работники, ряды которых постоянно пополнялись приходящими в города крестьянами, потерявшими землю, а также обедневшими ремесленниками, все еще сохранявшими свои мастерские. Этот слой составил уже элемент предпролетариата, который полностью сформировался позднее, в период широкого и повсеместного развития мануфактуры.

По мере обострения социальных противоречий внутри средневекового города эксплуатируемые слои городского населения начали открыто выступать против стоявшей у власти городской верхушки, в которую теперь во многих городах входила наряду с патрициатом и цеховая верхушка. В эту борьбу включалось и городское плебейство — самый низший и бесправный слой городского населения, лишенные определенных зачатий и постоянного местожительства деклассированные элементы, находившиеся вне феодально-сословной структуры.

В XIV—XV вв. низшие слои городского населения поднимают восстания против городской олигархии и цеховой верхушки в ряде городов Западной Европы: во Флоренции, Перудже, Сиене, Кельне и др. В этих восстаниях, отражавших наиболее острые социальные противоречия внутри средневекового города, значительную роль играли наемные работники.

Таким образом, в социальной борьбе, развернувшейся в средневековых городах Западной Европы, можно различить три основных этапа. Сначала вся масса горожан боролась против феодальных сеньоров за освобождение городов от их власти. Затем цехи повели борьбу с городским патрициатом. Позднее же развернулась борьба городских низов против богатых городских мастеров и купцов, городской олигархии.

7. Развитие торговли и кредитного дела в Западной Европе

Рост городов в Западной Европе способствовал в XI—XV вв. значительному развитию внутренней и внешней торговли. Города, в том числе и небольшие, прежде всего, формировали местный рынок, где осуществлялся обмен с сельской округой.

Но в период развитого феодализма более крупную роль — если не по объему, то по стоимости продаваемой продукции, по престижу в обществе — продолжала играть дальняя, транзитная торговля. В XI—XV вв. такая межрегиональная торговля в Европе сосредоточивалась в основном вокруг двух торговых «перекрестков». Одним из них являлось Средиземноморье, служившее связующим звеном в торговле западноевропейских стран — Испании, Южной и Центральной Франции, Италии — между собой, а также с Византией, Черноморьем и странами Востока. С XII—XIII вв., особенно в связи с крестовыми походами, первенство в этой торговле от византийцев и арабов перешло к купцам Генуи и Венеции, Марселя и Барселоны. Главными объектами торговли здесь были вывозимые с Востока предметы роскоши, пряности, квасцы, вино, отчасти зерно. С Запада на Восток шли сукна и другие виды тканей, золото, серебро, оружие. Помимо прочих товаров в этой

торговле фигурировало много рабов. Другой район европейской торговли охватывал Балтийское и Северное моря. В ней принимали участие северо-западные области Руси (особенно Нарва, Новгород, Псков и Полоцк), Польша и Восточная Балтика — Рига, Ревель (Таллин), Данциг (Гданьск), Северная Германия, Скандинавские страны, Фландрия, Брабант и Северные Нидерланды, Северная Франция и Англия. В этом районе торговали преимущественно товарами более широкого потребления: рыбой, солью, мехами, шерстью и сукном, льном, пенькой, воском, смолой и лесом (особенно корабельным), а с XV в. — хлебом.

Связи между обоими районами международной торговли осуществлялись по торговому пути, который шел через альпийские перевалы, а затем по Рейну, где было много крупных городов, втянутых в транзитный обмен, а также вдоль Атлантического побережья Европы. Большую роль в торговле, в том числе международной, играли ярмарки, широко распространившиеся во Франции, Италии, Германии, Англии уже в XI—XII вв. Здесь велась оптовая торговля товарами повышенного спроса: тканями, кожей, мехом, сукнами, металлами и изделиями из них, зерном, вином и маслом. На ярмарках во французском графстве Шампань, длившихся почти круглый год, в XII—XIII вв. встречались купцы из многих стран Европы. Венецианцы и генуэзцы доставляли туда дорогие восточные товары. Фламандские и флорентийские купцы привозили сукна, купцы из Германии — льняные ткани, чешские купцы — сукна, кожи и изделия из металла. Из Англии доставляли шерсть, олово, свинец и железо. В XIV—XV вв. главным центром европейской ярмарочной торговли стал Брюгге (Фландрия).

Масштабы тогдашней торговли не следует преувеличивать: она ограничивалась низкой производительностью труда, господством в деревне натурального хозяйства, а также беззакониями феодалов и феодальной раздробленностью. Покупки и всякого рода поборы взимались с купцов при переезде из владений одного сеньора в земли другого, при переправе через мосты и даже речные броды, при проезде по реке, протекавшей во владениях того или иного сеньора. Знатнейшие рыцари и даже короли не останавливались перед разбойными нападениями на купеческие караваны.

Тем не менее, постепенный рост товарно-денежных отношений создавал возможность накопления денежных капиталов в руках отдельных горожан, прежде всего купцов и ростовщиков. Накоплению денежных средств также содействовали операции по обмену денег, необходимые в средние века вследствие бесконечного разнообразия монетных систем и монетных единиц, поскольку деньги чеканили не только государи, но и все сколько-нибудь видные сеньоры и епископы, а также крупные города.

Для обмена одних денег на другие и установления эквивалентной стоимости той или иной монеты выделилась особая профессия менял. Менялы занимались не только разменом монеты, но и переводом денежных сумм, из чего возникли кредитные операции.

С этим было обычно связано и ростовщичество. Разменные операции и операции по кредиту вели к созданию специальных банковских контор.

Первые такие конторы возникли в городах Северной Италии — в Ломбардии. Поэтому слово «ломбардец» в средние века стало синонимом банкира и ростовщика и сохранилось позднее в наименовании ломбардов.

Самые большие кредитные и ростовщические операции осуществляла римская курия, в которую стекались громадные денежные средства из всех европейских стран.

Городские торговцы. Купеческие объединения. Торговля наряду с ремеслом составляла экономическую основу средневековых городов. Для значительной части их населения торговля являлась основным занятием. В среде профессиональных торговцев преобладали мелкие лавочники и разносчики, близкие к ремесленной среде. Элиту составляли собственно купцы, т.е. богатые торговцы, преимущественно занимавшиеся дальним транзитом и оптовыми сделками, разъезжавшие по разным городам и странам (отсюда другое их название — «торговые гости»), имевшие там конторы и агентов. Нередко именно они становились одновременно банкирами и крупными ростовщиками. Наиболее богатыми и влиятельными были купцы из столичных и портовых городов: Константинополя, Лондона, Марселя, Венеции, Генуи, Любека. Во многих странах в течение длительного времени купеческую верхушку составляли иностранцы.

Уже в конце раннего средневековья появились и затем широко распространились объединения купцов одного города — гильдии. Подобно ремесленным цехам, они обычно объединяли купцов по профессиональным интересам, например, путешествующих в одно место или с одинаковыми товарами, так что в больших городах было по нескольку гильдий. Торговые гильдии обеспечивали своим членам монопольные или привилегированные условия в торговле и правовую защиту, оказывали взаимопомощь, были религиозными и военными организациями. Купеческая среда каждого города, как и ремесленная, была объединена родственными и корпоративными связями, к ней подключались и купцы из других городов. Обычными стали так называемые «торговые дома» — семейные купеческие компании. В средние века расцвела и такая форма торгового сотрудничества, как различные паевые товарищества (складничество, компаньонаж, коммента). Уже в XIII в. возник институт торговых консулов: для защиты интересов и личности купцов города посылали своих консулов в другие города и страны. К концу XV в. появилась биржа, где заключались коммерческие контракты.

Купцы разных городов иногда также ассоциировались. Самым значительным таким объединением стала знаменитая Ганза — торгово-политический союз купцов многих германских и западнославянских городов, который имел несколько филиалов и держал в руках североευропейскую торговлю до начала XVI в.

Купцы играли большую роль в общественной жизни и жизни города. Именно они управляли в муниципалитетах, представляли города на общегосударственных форумах. Они оказывали влияние и на

государственную политику, участвовали в феодальных захватах и колонизации новых земель.

8. Появление капиталистических отношений

Успехи развития внутренней и внешней торговли к концу XIV—XV вв. привели к росту торгового капитала, который накапливался в руках купеческой верхушки. Торговый, или купеческий (как и ростовщический), капитал представляет собой древнейшую свободную форму капитала. Он действовал в сфере обращения, обслуживая обмен товаров и в рабовладельческом, и в феодальном, и в капиталистических обществах. Но на определенном уровне развития товарного производства при феодализме, в условиях разложения средневекового ремесла торговый капитал начал постепенно проникать в сферу производства. Обычно это выражалось в том, что купец закупал оптом сырье и перепродавал его ремесленникам, а затем скупал у них готовые изделия для дальнейшей продажи. Малообеспеченный ремесленник попадал в зависимое от купца положение. Он отрывался от рынка сырья и сбыта и был вынужден продолжать работу на торговца-скупщика, но уже не как самостоятельный товаропроизводитель, а в качестве фактически наемного рабочего (хотя нередко и продолжал работать в своей мастерской). Проникновение в производство торгово-ростовщического капитала послужило одним из источников капиталистической мануфактуры, которая зарождалась в недрах разлагающегося средневекового ремесла. Другим источником зарождения раннекапиталистического производства в городах было отмеченное выше превращение учеников и подмастерьев в постоянных наемных рабочих, не имеющих перспективы выбиться в мастера.

Однако значение элементов капиталистических отношений в городах XI—XV вв. не следует преувеличивать. Их возникновение происходило лишь sporadически, в немногих наиболее крупных центрах (преимущественно в Италии) и в наиболее развитых отраслях производства, в основном в сукноделии (реже в горно-металлургическом деле и некоторых других производствах). Развитие этих новых явлений раньше и быстрее происходило в тех странах и в тех отраслях ремесла, где имелся по тем временам широкий внешний рынок сбыта, побуждавший к расширению производства, вложению в него значительных капиталов. Но все это еще не означало формирования капиталистического уклада. Характерно, что даже в крупных городах Западной Европы значительная часть капиталов, накопленных в торговле и ростовщичестве, вкладывалась не в расширение промышленного производства, а в приобретение земли и титулов: владельцы эти капиталов стремились войти в состав господствующего слоя феодалов.

Развитие товарно-денежных отношений и перемены в социально-экономической жизни феодального общества. Города как основные центры товарного производства и обмена оказывали все возрастающее и многостороннее влияние на феодальную деревню. Крестьяне все чаще стали обращаться к городскому рынку для приобретения предметов повседневного потребления: одежды, обуви, металлических изделий, утвари и недорогих украшений, а также для сбыта изделий своего хозяйства. Вовлечение в

торговый оборот продукции пашенного земледелия (хлеба) происходило несравненно медленнее, чем изделий городских ремесленников, и медленнее, чем продукции технических и специализированных отраслей сельского хозяйства (лен-сырец, красители, вино, сыр, сырые шерсть и кожа и т. п.), а также изделий сельских ремесел и промыслов (особенно пряжи, льняных домотканых материй, грубых сукон и др.). Эти виды производства постепенно превращались в товарные отрасли деревенского хозяйства. Возникало и развивалось все больше местных рынков, что расширяло сферу воздействия городских торжищ и стимулировало образование внутреннего рынка, связывающего различные области каждой страны более или менее прочными экономическими отношениями, что было основой централизации.

Расширявшееся участие крестьянского хозяйства в рыночных связях усилило рост в деревне имущественного неравенства и социального расслоения. Из крестьян выделяется, с одной стороны, зажиточная верхушка, а с другой — многочисленные деревенские бедняки, иногда вовсе безземельные, живущие каким-либо ремеслом или работой по найму, в качестве батраков у феодала или у богатых крестьян. Часть этой бедноты, подвергавшейся эксплуатации со стороны не только феодалов, но и своих более зажиточных односельчан, постоянно уходила в города в надежде обрести более сносные условия существования. Там она вливалась в среду городского плебейства. Иногда в города переселялись и зажиточные крестьяне, стремившиеся накопленные средства использовать в торгово-промышленной сфере.

В товарно-денежные отношения втягивалось не только крестьянское, но и господское хозяйство, что вело к значительным изменениям отношений между ними, а также в структуре сеньориального землевладения. Наиболее характерным для большинства стран Западной Европы был путь, при котором развивался процесс коммутации ренты: замена отработочной и большей части продуктовой рент денежными платежами. При этом феодалы фактически перекладывали на крестьян все заботы не только по производству, но и по сбыту сельскохозяйственных продуктов, обычно на ближнем, местном рынке. Такой путь развития постепенно приводил в XIII—XV вв. к ликвидации домена и раздаче всей земли феодала в держание или аренду полуфеодального типа. С ликвидацией домена и коммутацией ренты было связано и освобождение основной массы крестьян от личной зависимости, которое завершилось в большинстве стран Западной Европы в XV в. Коммутация ренты и личное освобождение в принципе были выгодны для крестьянства, обретающего большую хозяйственную и лично-правовую самостоятельность. Однако нередко в этих условиях экономическая эксплуатация крестьян возрастала или принимала обременительные формы — из-за повышения их платежей в пользу феодалов и увеличения различных государственных повинностей.

В некоторых областях, где складывался широкий внешний рынок для сельскохозяйственных продуктов, связь с которым была под силу только сеньорам, развитие шло другим путем: здесь феодалы, напротив, расширяли

домениальное хозяйство, что вело к увеличению барщины крестьян и к попыткам укрепить их личную зависимость (Юго-Восточная Англия, Центральная и Восточная Германия, ряд областей Северной Европы и др.).

При возросшем общественном весе крестьянства и бюргерства усиливалось сопротивление крестьян феодальному гнету, обострилась социальная борьба во всех сферах общества. В XIV—XV вв. в ряде стран произошли крупнейшие в истории западноевропейского средневековья крестьянские восстания, поддержанные горожанами и отразившиеся на развитии этих стран. К началу XV в. в странах Западной Европы классическая вотчинная система пре-терпела упадок и центр сельскохозяйственного производства и его связей с рынком переместился из хозяйства феодала в мелкое крестьянское хозяйство, которое становилось все более товарным. Кризис вотчинной организации четко обозначил, что пик расцвета феодальной системы (рубеж XIII—XIV вв.) в целом в Западной Европе был пройден.

Тема 2.3. Франция в X – XIII вв.

План

- 1. Политическое развитие Франции в X—XIII вв. Факторы процесса централизации**
- 2. Социально-экономическое развитие Франции в X – XIII вв.**

1. Политическая раздробленность в XI—XII вв. Факторы процесса централизации.

Политическая раздробленность в XI—XII вв. Факторы процесса централизации. Во Франции, как и повсюду в Европе, процессу централизации предшествовал довольно длительный период ослабления королевской власти и политической раздробленности.

До XII в. положение французского короля было крайне затруднительным по нескольким причинам. Среди них следует назвать ограниченные материальные возможности правящей династии и компактную структуру земельных владений крупных феодалов, создающую благоприятные условия для их политической автономии. Домен Капетингов представлял собой сравнительно небольшую полосу земли по Сене и Луаре, тянущуюся от Компьеня до Орлеана и окруженную со всех сторон феодальными княжествами — герцогствами Нормандия, Бургундия, Бретань и графством Шампань, во много раз превосходящими по своим размерам его территорию еще в XII в. Специфика вассальной системы во Франции позволяла королю рассчитывать лишь на помощь непосредственных вассалов. Отсутствовал в обществе дополнительный социальный резерв в виде свободного крестьянства, который могла бы использовать монархия, подобно тому, как это было в Англии, Швеции или Кастилии. Королевская власть имела выборный характер. Своеобразие экономического и политического развития юга и севера страны, усиленное наличием двух народностей, усугубляло

политическую раздробленность. Тем не менее процесс государственной централизации начал последовательно осуществляться во Франции, в первую очередь в ее северной части.

Одним из решающих факторов этого явилось возникновение и развитие городов и товарно-денежных отношений, которое нарушило хозяйственную замкнутость отдельных территорий. Это сделало возможным достижение экономического единства — необходимого условия политического объединения. Развитие городов вызвало также становление в обществе новой социальной силы — сословия горожан, заинтересованных в усилении королевской власти, с которой они связывали надежду на ликвидацию феодальной анархии и создание благоприятных условий для торговли (устранение таможенных границ, единство мер и весов, защита от иностранных купцов).

Возник политический союз городов и королевской власти. Он приобрел исключительное значение в ходе процесса централизации во Франции из-за узкой социальной базы королевской власти и политической силы крупных феодалов. Союз городов с королевской властью как осознанная монархией линия ее внутренней политики оформился в результате освободительного движения городов, хотя не сразу и с отмеченными выше особенностями. Тем не менее Людовик IX (1226-1270) в своем поучении сыну завещал хранить союз с городами, сила которых, по его словам, должна была служить гарантией безопасности монархии.

Другим фактором, содействовавшим процессу централизации, были изменения в расстановке сил внутри слоя феодалов. Рост хозяйственной самостоятельности крестьян, улучшение их социального статуса, возрастающий отпор крестьянства затрудняли реализацию по отношению к нему внеэкономического принуждения. Феодалы вынуждены были сплотиться вокруг королевской власти. К этому их толкала также надежда на извлечение дополнительных доходов от службы в королевской армии и растущем государственном аппарате, от государственной эксплуатации крестьянства. В сильной королевской власти особенно нуждались мелкие и средние феодалы, не располагавшие ни достаточными материальными средствами, ни средствами внеэкономического принуждения. Противниками централизаторской политики оставались крупные феодалы, более всего дорожившие своей политической самостоятельностью, властью над населением и доходами с него. Королевская власть как представительница порядка в обществе поддерживала то одну, то другую группу феодалов, используя для собственного усиления внутрифеодальные противоречия.

Рост королевского домена. Процесс государственной централизации прошел, не без труда и отступлений, через несколько этапов. До конца XII в. французские короли решали проблему усиления собственной власти в пределах домена. На первых порах результатами развития городов, подобно королю в его домене, воспользовались крупные феодалы — герцоги и графы. Поэтому централизация разделилась на два этапа — централизация по провинциям и общегосударственное объединение. Этапы не всегда были

четко разграничены по времени, что существенно осложняло утверждение центральной администрации над местными органами управления.

Начало XII в. явилось переломным моментом в укреплении королевской власти. Людовик VI (1108—1137) и его канцлер аббат Сугерий положили конец сопротивлению феодалов — сеньоров Монтлери, Пюизе и Томаса де Марль в королевском домене. Их замки были разрушены или заняты королевскими гарнизонами. Людовик VII (1137—1180) начал увеличивать королевский домен, присоединив города Бурж и Сане. Благодаря браку с Элеонорой Аквитанской он распространил свое влияние и на юг страны. Затем, однако, последовал их развод и новое замужество наследницы богатой Аквитании с Генрихом Плантагенетом, графом Анжуйским, вассалом французского короля. В 1154 г. Генрих стал английским королем, и это событие существенно осложнило в будущем взаимоотношения Франции и Англии.

Значительное увеличение домена произошло в правление Филиппа II Августа (1180—1223). Ему принадлежит заслуга борьбы с самым крупным соперником французской монархии — английским королем. При Генрихе II Плантагенете резко увеличились континентальные владения Англии, куда входили Анжу, Мэн, Турень, Нормандия, Пуату, а после женитьбы на бывшей королеве Франции Элеоноре — Аквитания (см. гл. 11). Его владения превышали домен французского короля. Филипп II, искусный политик и дипломат, используя нарушения английским королем вассальных обязательств, начал борьбу с ним. Наибольших успехов Филипп II добился в борьбе с английским королем Иоанном II Безземельным. Объявив его владения во Франции конфискованными, он завоевал в 1202-1204 гг. Нормандию, которая считалась самой ценной жемчужиной английской короны. Война приобрела значение европейского конфликта, так как Иоанн привлек на свою сторону императора Оттона IV, графа Фландрского и некоторых других феодалов. Но в 1214 г. французы разгромили англичан в битвах при Ларш-о-Муане близ Анжера и при Бувине (во Фландрии). Большую помощь королю оказали города домена и крестьянство. Не случайно от этого времени сохранилось большое число коммунальных хартий, дарованных Филиппом II.

Альбигойские войны. Следующее значительное увеличение домена произошло за счет южных областей страны, которые до начала XIII в. жили почти обособленно от северной ее части. Задачу присоединения юга к домену облегчила сложившаяся там внутренняя обстановка.

Экономическое процветание южно-французских городов, их политическая самостоятельность способствовали обострению социальных противоречий в этом регионе. Они проявились в идеологической борьбе, вызванной развитием еретических учений вальденсов и катаров в 40-е годы XII в. Центр активного распространения ереси на юге Франции — город Альби — дал ей название «альбигойской ереси», вскоре превратившейся в массовое народное движение с антифеодальной и антицерковной направленностью.

Приверженцы дуалистической идеи о добре и зле, катары считали земной мир и католическую церковь созданием дьявола, отрицая ряд догматов христианства, они были преисполнены жаждой духовного очищения. Они требовали ликвидации церковной Иерархии, церковного землевладения и десятины. Вальденсы ратовали за возвращение евангелической простоты и равенства раннехристианских общин. Часть их выступала с проповедью бедности и отказа от богатств. «Никто не должен ничем владеть», — учил основатель ереси вальденсов Петр Вальдо из Лиона.

Основную массу альбигойцев составляли горожане и крестьянство. Однако к движению примкнули рыцари и знать. Даже граф Тулузский Раймонд склонялся к альбигойству. Причастность привилегированных слоев к ереси диктовалась желанием использовать земельные богатства церкви, а также политическими расчетами. Они сводились к стремлению сохранить политическую автономию юга, тогда как католическая церковь на этом этапе находилась в тесном политическом союзе с Капетингами. Была угроза распространения ереси в Северной Франции. Но, главное, движение давало удобный повод для вмешательства. В 1209 г. папа Иннокентий III удалось организовать крестовый поход против альбигойцев с участием северофранцузских феодалов. Их военным предводителем являлся барон Симон де Монфор. В 1213 г. в битве при Мюрэ крестоносцы одержали решительную победу. После ожесточенного сопротивления были взяты города Безье и Каркассон. Однако Раймонду Тулузскому удалось удержать Тулузу, Ним, Бокер и Ажан. После гибели Симона де Монфора в борьбу вмешался французский король Людовик VIII. В итоге двух успешных походов в 1224 и 1226 гг. он присоединил к домену графство Тулузское и часть земель по Средиземноморскому побережью (1229). Последний оплот альбигойцев — крепость Монтсегюр была взята только после 10-месячной осады; оставшиеся в ней 200 еретиков были уничтожены (1244). Однако Аквитания осталась в руках Плантагенетов.

Война нанесла жестокий удар по экономическому могуществу южных городов, от которого они постепенно оправились, хотя и потеряв прежнюю независимость от королевской власти.

Государственное управление в XIII в. В середине и второй половине XIII в. расширение королевского домена было подкреплено созданием общегосударственного аппарата управления. Его основу составили центральные органы, выросшие из королевской феодальной курии: Королевский совет — верховный орган управления; Парижский парламент (верховный суд) и финансовое ведомство — Палата счетов. Основной линией развития государственного аппарата была постепенная замена службы по вассальным обязательствам службой, оплачиваемой государством, которую несли специально обученные чиновники — легисты, знатоки законов и часто выходцы из неблагородных сословий. Королевский совет как постоянный орган при короле состоял из приближенных к нему крупных феодалов, принцев крови, а также легистов. Во главе отдельных административных округов, на которые был разделен домен, стояли бывшие управляющие

королевскими поместьями — прево. Округа соединялись в более крупные единицы — бальяжи (на севере) и сенешальства (на юге). Возглавлявшие их бальи и сенешали как чиновники короля соединяли в своих руках административную, судебную и военную власть. Король назначал их из числа крупных феодалов, стремясь обрести в них политических союзников.

Королевская власть постепенно утрачивала свою патримониальную основу и превращалась во власть, представляющую «общее благо» и имеющую публично-правовой характер. Существенное значение при этом имела тенденция к замене выборной власти короля наследственной. Представители правящей династии Капетингов пытались реализовать наследственный принцип, коронуя наследника при живом отце. Государство не считается теперь личной собственностью короля, которая могла быть разделена между наследниками или подарена частным лицам. Утверждается принцип не отчуждаемости домена. Король перестает рассматриваться как частное лицо, когда он должен был, подобно любому другому феодалу, приносить клятву сеньору, во владениях которого им приобреталась земля. Чтобы избежать унижительной процедуры принесения оммажа короли перекладывают ее на своих чиновников, а затем вообще отказываются от нее. Король становится законодателем. Укореняются понятия о священной природе королевской власти и государственной измене.

Наиболее крупные и важные реформы внутреннего управления были проведены в царствование Людовика IX (1226-1270). На территории королевского домена были запрещены судебные поединки (решения тяжб с помощью поединка спорящих сторон, широко применявшиеся в сеньориальном суде). Появилась возможность перенести дело в королевский суд. На решение любого суда — сеньориального или городского — могла быть подана апелляция в королевский суд. Парижский парламент становился верховной судебной инстанцией королевства. Наиболее важные дела, в первую очередь уголовные, были только в ведении королевского суда. Общественному порядку и ослаблению феодальных усобиц в государстве содействовал запрет Людовика IX вести частные войны на территории домена, а также установление правила, действующего на земле всего королевства и получившего название «40 дней короля». В течение этого срока сеньоры, оказавшиеся перед угрозой военного конфликта, могли апеллировать к королю.

В королевском домене была введена единая монетная система; королевская монета получила право хождения по всему государству наряду с местными монетами сеньоров. Право чеканки собственной монеты имели тогда около 40 сеньоров. Постепенно королевская монета стала вытеснять из обращения местную монету. Отличаясь высоким содержанием серебра или золота, она широко использовалась как во внешней, так и во внутренней торговле. Это содействовало экономическому единству страны.

Людовик IX, снискавший себе имя «Святого», пытался реализовать идеал «христианнейшего государя», объявив целями своей внутренней и внешней политики мир и справедливость. Он выступил организатором VII и VIII

крестовых походов против «неверных» и добился мира с соседями в Европе. Им были заключены договор с королем Арагона, который содействовал спокойствию на юге Франции, и в 1259 г. — с королем Англии. Английский король Генрих III сохранил Гиень, за которую давал клятву верности французскому королю. Неоднократно Людовик IX выступал в роли арбитра в спорных европейских делах.

Но о тщетности его усилий добиться «справедливости» внутри страны красноречиво свидетельствовали многочисленные городские волнения и случившееся в период его царствования восстание «пастушков». Вместе с тем проведенные им реформы имели прогрессивное значение для углубления процесса централизации. Последующее усиление налогового гнета, рост злоупотреблений со стороны центральной и местной властей и тяготы войн побуждали современников этих явлений считать время Людовика IX «золотым веком» в истории страны.

2. Социально-экономическое развитие Франции в X—XIII вв.

В истории Франции на IX—XI вв. приходится заключительный этап процесса феодализации. В начале этого периода в стране имелось еще много крестьян, не находившихся в какой-либо зависимости от частных лиц и подчинявшихся непосредственно короне. Не менее важно, что значительная часть крестьян, уже оказавшихся на положении держателей, еще не попала в полную зависимость к своим сеньорам и в политическом, судебном, административном отношении продолжала оставаться свободной. Вместе с тем возрастало число крестьян, находившихся в лично-наследственной зависимости, сервов и колонов, а также жителей иммунитетных территорий.

К исходу XI в. на фоне прогрессирующего ослабления королевской власти крупные сеньоры уже утрачивали способность управлять своими обширными владениями централизованно. На местах стал возникать своего рода вакуум власти; в этих условиях значительная часть публичных прав и полномочий перешла к сеньорам средней руки — владельцам нескольких, а то и одного, замка. Не случайно именно со второй половины IX в. и особенно в X—XI вв. в обстановке непрекращающихся междоусобиц и периодических вторжений норманнов, арабов и венгров во Франции возникает множество хорошо укрепленных замков. Этот процесс, более или менее общий для всей Юго-Западной Европы, получил в специальной литературе последних лет наименование инкастелламенто (буквально — «озамкование»). Владельцы замков — шателены — понемногу сосредоточили в своих руках судебно-административную власть над окрестным сельским населением, жившим как бы «в тени» их господствовавших над округой замков. В результате все жители округи, будь они в личной либо поземельной зависимости от данного или какого-нибудь другого феодала или нет, становились его «людьми» в судебно-административном отношении. Поскольку это подчинение выражалось прежде всего в определенных поборах и службах (постоянной, посыльной, строительной и т.д.), по форме мало или вовсе не отличавшихся от обычных феодальных повинностей, несшие их крестьяне постепенно оказывались фактически на положении плательщиков ренты, правда, не

очень обременительной. Для по земельно- и лично зависимых крестьян установление судебно-административной зависимости обернулось утратой всех или почти всех остававшихся у них гражданских прав и ощутимым усилением феодальной эксплуатации.

Таким образом, к концу рассматриваемого периода практически все французское крестьянство стало феодально зависимым. Несмотря на это, и в социально-экономическом, и в социально-правовом отношении оно не представляло собой чего-то единого. Общественное положение и уровень эксплуатации конкретного крестьянина определялись целым рядом факторов: размерами, состоянием и юридическим статусом той земли, на которой этот крестьянин сидел, его происхождением, формой (или формами) зависимости, связывавшей его с господином, договорными обязательствами, если таковые имели место, местными обычаями и пр. Встречающиеся в источниках этого времени термины «серв», «виллан», «колон», «свободный» и другие отражают лишь наиболее общие, притом не очень четкие, различия социального характера.

В условиях феодальной раздробленности унификация правового статуса крестьянства всей страны и даже отдельного герцогства или графства была невозможна. Не существовало и такой политической силы, которая была бы способна надолго и на деле закрепить статус даже сравнительно небольших групп крестьянского населения, обнаруживавших тенденцию к расслоению и социальной трансформации. Поэтому, несмотря на известное сходство в положении наиболее угнетенной и бесправной части (составлявшей, кстати, меньшинство) французского крестьянства этой эпохи — сервов — и восточноевропейского крестьянства XVI—XVIII вв., называть сервов крепостными некорректно. Различными были не только исторические условия, породившие серваж и крепостничество, но и сами эти социальные категории, по существу. Серв XI и следующих столетий обычно все-таки не был так принижен, как крепостной, был более свободен в хозяйственных занятиях, в передвижении, в семейных отношениях.

И все же можно говорить о явном усилении феодальной зависимости и уровня эксплуатации французского крестьянства в IX - XI вв. Наиболее драматично этот процесс протекал на севере страны, где на рубеже X-XI вв. происходят два крупных крестьянских восстания (в 997 г. в Нормандии, в 1024 г. в Бретани), направленных как раз против установления сеньориальных порядков в их классической, предусматривающей сочетание различных видов зависимости, форме. Таким образом, наблюдалось сближение различных групп трудящегося населения, из которых одни улучшали свой статус, другие — ухудшали.

Особенности оформления феодальных отношений. Францию часто называют страной классического феодализма, подчеркивая тем самым законченность и выраженность его форм. Это определение, однако, приложимо лишь к северной и центральной частям страны, где синтез римских и варварских начал получил наиболее полное воплощение. Там же сложились и наиболее благоприятные условия для развития земледелия, в

первую очередь зернового хозяйства. Территорию в бассейне рек Сены и Луары, в районах Парижа и Орлеана отличали благоприятные географические условия — наличие плодородных земель, рек и сухопутных дорог, относительно высокая плотность населения. К концу XI в. слой феодалов численно вырос и распался на несколько групп. От крупных сеньоров, нередко восходящих к потомкам каролингской знати, отделились многочисленные боковые ветви, образовавшие значительную группу средних феодалов. Количественно преобладали мелкие феодалы, выходцы из слуг и вассалов короля и светских магнатов. Другим важным источником пополнения низших слоев феодалов были выходцы из сельской общины, ставшие воинами-профессионалами.

Уже в XI в. слой феодалов полностью отделился от других слоев, некогда питавших его истоки, и превратился в замкнутую привилегированную группу, принадлежность к которой определялась рождением. Феодалы монополизировали к этому времени практически всю собственность на землю, что отразила господствующая в обществе правовая норма «нет земли без сеньора». Аллоды общинников составляли исключение даже на юге, где их было больше, чем на севере. Под власть сеньоров попали общинные угодья, использование которых для зависимых крестьян теперь было связано с уплатой определенных повинностей. Сформились баналитетные права сеньоров: монополия на печь, виноградный пресс и мельницу, которые раньше были коллективной собственностью общины.

Важным показателем завершенности процесса оформления феодального слоя являлась сложившаяся в его среде последовательная иерархия — от низших групп «однощитных» рыцарей, не имевших вассалов, через 3—4 промежуточные ступени более состоятельных феодалов — к властителям значительных территорий: герцогам Нормандии, Бретани, Бургундии, Аквитании, графам Шампани. Иерархию французских феодалов отличала правовая норма: «Вассал моего вассала не мой вассал». Она охраняла привилегии магнатов от посягательств центральной власти, обеспечивая вместе с тем внутреннюю сплоченность этого слоя.

Реализовав монополию на землю, феодалы во Франции приобрели значительную политическую власть. Благодаря широко развитой практике субинфеодации, т.е. передачи сеньорами части своей земли вассалам, политические прерогативы распределились в среде феодалов преимущественно в зависимости от размеров и статуса их земельных владений. Главной политической прерогативой являлось право судопроизводства, судебные штрафы от которого служили важным дополнительным источником сеньориальных доходов. Крупные феодалы могли обладать правом высшей юстиции. В целом процесс оформления господствующего слоя во Франции прошел быстрее, чем во многих других странах Западной Европы, и отличался большей законченностью.

Формирование феодально зависимого крестьянства происходило медленнее, но также завершилось в XI в. Основной категорией крестьян в XI в. являлись сервы, находившиеся в поземельной и в личной зависимости. Для

многих групп крестьянства, однако, отсутствовало обязательное прикрепление к земле.

Изменения в аграрном строе в XI—XIII в. Внутренняя колонизация и положение крестьянства. Социально-экономическое развитие Франции в это время отличали заметные сдвиги и прогресс в развитии производительных сил, следствием которых явилось повышение продуктивности сельского хозяйства (см. гл. 19). Усовершенствованные за счет железных деталей орудия труда, многократная (до 4 раз) вспашка земли, использование лошадей на сельскохозяйственных работах существенно улучшили обработку почвы и ускорили темпы производства. Этому же способствовало и распространение на севере страны трехполья. В южных областях в силу особенностей климата и почв долго сохранялись двухполье и легкий плуг. Там наряду с зерновыми культурами большие площади занимали виноградники, технические культуры и плодовые деревья.

Происходили массовые расчистки под пашню залежных земель и лесов, достигшие апогея во второй половине XII в. В результате реже стал голод из-за неурожая, засухи или наводнений. Заинтересованные в расширении пригодных для земледелия площадей феодалы и церковь нередко выступали организаторами расчисток. Однако подъем нори был делом главным образом самих крестьянских общин, которые и придают ему подлинно массовый характер. Внутренняя колонизация, в ходе которой осваивались новые территории, возникали новые поселения, во Франции окончилась раньше, чем в других странах Западной Европы. Крестьяне-пришельцы (госпиты) имели более льготные по сравнению с сервами условия пользования землей. Они не несли барщины, уплачивая натуральный оброк и небольшую сумму денег, были лично свободны, оставаясь только в поземельной и судебной за-висимости от феодалов.

Расширение посевных площадей и значительный рост урожайности позволили крестьянину производить в собственном хозяйстве не только необходимый, но и прибавочный продукт. Производительность труда росла преимущественно в крестьянском хозяйстве, так как на своем участке крестьянин трудился гораздо усерднее, чем на барщине. Поэтому сеньорам стало труднее реализовать феодальную ренту не в форме принудительных барщинных отработок, а в виде части урожая, собранного крестьянами в их хозяйстве. В XII—XIII вв. началась постепенная ликвидация барской запашки и раздача крестьянам в наследственное держание земель, входивших до того в домен. Это привело к замене барщинных повинностей продуктовой рентой. Процесс сокращения и даже ликвидации барской запашки получил наиболее выраженные формы именно во Франции и особенно в хозяйствах светских феодалов. В церковных землях эти перемены происходили медленнее и в меньших масштабах.

Города в XI—XIII вв. Прогресс производительных сил и связанное с ним отделение ремесла от сельского хозяйства способствовали развитию городов как экономических центров ремесла и торговли. Во Франции начиная уже с X в. расцветают старые городские поселения, основанные еще римлянами и

пришедшие в упадок в V—IX вв. (Бордо, Тулуза, Лион, Марсель, Ним, Пуатье, Париж, Руан и др.). Появляются и новые городские поселения. К XIII в. в стране было множество крупных, средних и мелких городов, общее число которых в ходе последующего развития вплоть до XX в. увеличилось незначительно.

Особенностью развития Южной Франции в XI–XII вв. был именно ранний расцвет ее городов. Этому способствовали их торговые связи со Средиземноморским регионом, а также участие в крестовых походах.

Активная внешняя торговля благоприятно отразилась и на состоянии ремесла, особенно суконного. Ним и Монпелье, например, славились производством тонкого сукна, идущего на экспорт. Широкие возможности сбыта товаров, ослаблявшие необходимость детальной регламентации ремесла, определили такую специфическую особенность социально-экономического развития южных городов, как почти полное отсутствие цехов до конца XIV в. В условиях так называемого «свободного ремесла» контроль не столько за объемом производства, сколько за качеством товаров осуществляли органы городского управления.

Южные города рано приобрели и политическую самостоятельность, чему способствовали не только их экономический подъем, но и традиции позднеантичного муниципального устройства.

В процессе освобождения из-под власти сеньора южные города использовали в основном не средства вооруженной борьбы, а финансовые сделки, выкуп. Это обстоятельство наряду с вовлечением части южного дворянства в торговлю смятили противоречия между горожанами и дворянством и сделали возможным их политический союз на юге Франции.

В течение XII в. почти во всех южных городах была установлена коллективная форма власти консулат (правление консулов — выборных лиц от проживающего в городах дворянства и духовенства, а также от ремесленной верхушки). Управление принадлежало Большим советам, которые состояли из полноправных горожан, т.е. жителей, имевших собственность в городе и плативших налоги. Процесс этот шел без участия далекой от южных городов королевской власти. Обретая большую степень самостоятельности и ориентированные по преимуществу на внешнюю торговлю, южные города не сыграли значительной роли в деле государственной централизации Франции. Напротив, их подъем питал сепаратистские тенденции в развитии южных провинций.

Иначе сложилась историческая судьба городов Севера. Экономический подъем наиболее значительных из них — Арраса, Бовэ, Санлиса, Амьена, Нуайона, Дана и Реймса — наметился лишь к XII в. и был связан с развитием в Северо-Восточной Франции главным образом производства суконных и льняных тканей. Основным средством достижения политических и экономических прав городов на Севере явились восстания, часто неоднократные, приобретающие особенно ожесточенные формы в тех случаях, когда борьба шла против духовных сеньоров. В ходе восстаний в этих городах против горожан выступала организованная сила церкви,

которая использовала, в частности, такое распространенное и испытанное средство, как интердикт (запрет богослужения).

Обычно горожане заключали тайный союз, члены которого были связаны присягой. Борьба сопровождалась изгнанием сеньора и его рыцарей из города или их убийством. В случае успеха феодалы были вынуждены предоставлять городу большую или меньшую самостоятельность, часто расценивая эту уступку как временную меру.

Серию кровопролитных восстаний в городах Северной Франции, развернувшихся с конца XI и в начале XII в. и получивших название коммунального движения, открыл город Камбре. После ряда попыток (967, 1024, 1077) он получил коммунальную хартию на самоуправление. Его примеру в XII в. последовали Сен-Кантен, Бовэ, Нуайон, Дан, Амьен, Суассон, Корби, Реймс и др. В ходе движения города добивались неодинаковых результатов. Не-которые из них получили права коммуны (см. гл. 8). Другие города, как правило, игравшие менее значительную экономическую роль, добивались только некоторых привилегий экономического или политического характера: права личной свободы жителей, привилегий в области торговли или управления (города Лорисс, Бомон). Города, таким образом, вступали с сеньорами в договорные отношения, условия которых были зафиксированы в хартиях городских вольностей. Данные сеньорами, они утверждались королем.

Освобождение обычно шло в несколько этапов, и бывало так, что борьба с сеньорами осложнялась внутренними противоречиями в городе — между ремесленниками и патрициатом или противоречиями в ремесленной среде. Борьбу облегчала, как правило, принадлежность города нескольким сеньорам, как это случилось в Бовэ, где власть над городом делили епископ, капитул и шателен, представлявший интересы короля.

Коммунальное движение положило начало политическому союзу городов с королевской властью. Города при этом искали помощи у короля в борьбе против сеньоров и часто находили ее, так как монархия желала ослабления власти крупных феодалов. В этом союзе города всегда находились на положении подчиненного и неполноправного партнера, который платил налоги, покупал хартии привилегий и их подтверждение новым королем, предоставлял государству займы, которые оставались безвозвратными ссудами. Король же получал от городов военную, денежную и политическую помощь в борьбе с внешним врагом и во внутренней политике, направленной на ослабление политического могущества крупных феодалов.

На территории своего домена французские короли избегали давать городам права коммуны, уступая им лишь часть привилегий под контролем назначенного центральной властью чиновника, как это случилось с Парижем, Орлеаном и Буржем. Таким образом, результативность борьбы городов за самостоятельность определяем, не только их экономической или политической значимостью, но и принадлежностью города королю или иному сеньору. Поддержка королем городов носила не всегда

последовательный характер, так как он руководствовался финансовыми или политическими расчетами.

Завоевание городами политической самостоятельности способствовало быстрому росту их экономического могущества. Основу его составляло развитие ремесла, которое привело к возникновению новых специальностей и цехов. В городах Северо-Восточной Франции существовало 25 специальностей только в сукноделии. В Амьене число ремесленных специальностей, организованных в цехи, равнялось 80, в Аббевиле — 64, в Сен-Кантене — 53. Во второй половине XIII в. по решению прево (должностное лицо короля) Парижа Этьена Буало записываются уставы 100 цехов («Книга ремесел Парижа»), в частности, 22 цехов только в области производства металлических изделий. К началу XIV в. число зарегистрированных цехов в Париже достигло 350.

В Северной Франции развивалась хозяйственная специализация областей, послужившая здесь в отличие от Юга основой для формирования внутренних экономических связей. Торговля железной рудой, солью, скотом и сукном из Нормандии, полотном, сукном, высококачественным вином из Шампани и Бургундии, разнообразными ремесленными изделиями из Парижа с ориентацией на внутренний рынок делала эти области экономически зависимыми друг от друга и таким образом связывала их. Проявлением торгово-экономических межгородских связей явилась организация в начале XIII в. в Париже «Ганзы речных купцов», объединившей руанских и парижских купцов, торговавших по Сене. К ней присоединились купцы Бургундии с Верхней Соны и Йонны. Затем появилось товарищество купцов, торгующих по Луаре. Деятельность торговых объединений стимулировала рост производства в городах по Сене, Уазе, Марне, Сомме, Верхней Соне и Средней Луаре. Эта особенность экономического развития северофранцузских городов позволила им сыграть решающую роль в централизации страны.

К XIII в. относится расцвет знаменитых шампанских ярмарок, которые проходили в городах, расположенных на Марне и Сене с их притоками. Присоединение Шампани в 1284 г. к королевскому домену закрепило ее экономические связи с Парижем. В XIII в. определилось место Парижа как крупнейшего экономического центра Северной Франции и политической столицы государства. Его население было весьма многочисленным: 70 тыс. жителей; в Руане проживало около 50 тыс. человек, но большинство других городов было среднего размера — до 5—6 тыс. жителей.

На фоне экономического подъема в городах начинается процесс имущественной дифференциации, который не в состоянии были предотвратить цеховые ограничения. Из среды горожан выделяется зажиточная купеческая и ремесленная верхушка, владевшая движимой и недвижимой собственностью и захватившая в свои руки городское управление. Ей противостояла основная масса ремесленников и торговцев, ущемленных в политических правах и лишенная доступа к городскому управлению. В Париже «Ганза речных купцов» захватила в свои руки

городское управление, ее торговый дом стал административным центром столицы — его ратушей (*hotei de ville*). На печатях Ганзы был изображен корабль с горделивой надписью — «плывет и не тонет». Статуты Этьена Буало на этом этапе еще санкционировали свободное вступление в цех при условии уплаты небольшого взноса. Не во всех цехах требовали изготовления шедевра, в ряде случаев допускалось свободное ремесло, не всегда ограничивались количество учеников и объемы про-изводства. Однако сама запись статута была вызвана волнениями основной массы ремесленников, требовавших от зажиточных мастеров соблюдения цеховых постановлений. Состав плательщиков городских налогов (талы) обнаруживает близость многих мастеров к беднякам и неравенство между цехами, в частности выделение богатых цехов — сукновалов, ювелиров и некоторых других.

В XIII в. по городам прокатилась волна выступлений ремесленников против патрициата, осложненных внутрицеховыми и межцеховыми противоречиями. Так, например, в Бовэ «малый народ» убивал богатых горожан, пытаясь добиться права участия в выборах органов городского управления для всех цехов. Эти волнения служили поводом для вмешательства королевской власти в дела городского управления и проведения с конца XIII в. политики постепенной ликвидации коммунальных вольностей.

Влияние товарно-денежных отношений на французскую деревню. В XII и особенно XIII в. жизнь французской деревни развивалась под значительным воздействием экономически сильных городов. Это вызвало сравнительно быструю замену продуктовой ренты денежной. В условиях наметившейся ранее тенденции к сокращению домена основным поставщиком сельскохозяйственных товаров на рынок стал французский крестьянин. Преимущественная связь деревни с городским рынком через крестьянское хозяйство составила одну из важнейших особенностей французской экономики, которая определилась в этот период.

Следствием отмеченных изменений явился начавшийся в XII в. выкуп крестьян на волю. Бывший серв выкупал четыре основные повинности, характеризующие личную зависимость во Франции: побор с наследства (право «мертвой руки»), брачный побор, произвольную талью и поголовный побор. Земля при этом оставалась собственностью феодала, за пользование которой крестьянин платил денежную ренту — ценз, отчего крестьянин стал называться цензитарием, а его земельный участок — цензивой. В таком случае рента была фиксированной. Крестьянин мог распоряжаться своим держанием, закладывать или продавать его. При отчуждении участка сеньор получал дополнительную плату. Сохранялась судебная зависимость крестьян от феодала, однако в качестве лично свободных людей (вилланов) крестьяне могли обращаться в королевский суд, апеллируя на решения сеньориального суда.

Выкуп мог быть индивидуальным или коллективным, его сумма определялась договором, оформленным в виде хартии. Иногда она была

настолько обременительна, что крестьяне предпочитали не менять своего положения, и тогда «освобождение» могло быть принудительным.

Распространение продуктовой и денежной форм ренты, участие крестьян в торговле повышали самостоятельность крестьянского хозяйства и диктовали необходимость предоставления личной свободы, хотя и не были единственной причиной этого процесса, большую роль в его развитии сыграла борьба крестьян, которую в этот период отличает их стремление улучшить не только свое экономическое положение, но и социальный статус. В XII—XIII вв. в деревнях Франции идет борьба крестьян за расширение экономических, административных и юридических прав сельской общины. Этот процесс шел параллельно коммунальному движению в городах и мог иметь своим результатом образование сельской коммуны, для которой были характерны статус личной свободы жителей, право выборного управления, самостоятельного сбора ренты в пользу сеньора, выбора прокуратора — доверенного лица в ее внешних контактах, право нижней юстиции по конфликтам, возникающим между ее членами. Права сельской общины закреплялись письменной хартией. Все это укрепляло крестьянскую общность, обеспечивая ее противостояние феодалам, которые в условиях развития товарно-денежных отношений пытались увеличить размеры денежной ренты.

Рост рентных платежей значительно затруднял крестьянам реализацию продукции на рынке. Большая сумма выкупных платежей побуждала крестьян обращаться к ростовщикам и оборачивалась долговой кабалой для них. Особенно тяжелыми были условия выкупа свободы у церковных феодалов. Заметным бременем на крестьянах лежала и церковная десятина («большая» — с урожая зерна и «малая» — со скота, шерсти и продуктов животноводства). Наконец, именно с XIII в. определились посягательства государства на доходы крестьянского хозяйства. Все это создавало на-пряженную обстановку в деревне, которая часто разряжалась открытыми выступлениями крестьян.

В 1251 г. во Фландрии и Северной Франции началось самое крупное в XIII в. восстание «тастушков», как называли себя крестьяне. Особенностью его явился ярко выраженный антицерковный характер. Громя монастыри и церкви, крестьяне двигались к Парижу и далее на юг к Туру и Орлеану. Восстание свидетельствовало о глубоком недовольстве в среде крестьянства.

Тема 2.4. Англия в X – XIII вв.

План

- 1. Нормандское завоевание и его последствия**
- 2. Социально-политическое развитие Англии в конце XI—XII в.**
- 3. Экономическое Развитие Англии в XII - XIII вв.**
- 4. Политическое развитие Англии в XIII в.**

1. Нормандское завоевание и его последствия

К середине XI в. в Англии в основном уже господствовали феодальные порядки, но процесс феодализации еще не завершился. Значительная часть крестьян, особенно в области Денло, оставалась свободной, а феодально зависимые держатели земли еще не слились в единую массу зависимых крестьян. Феодальная вотчина и феодальная иерархия еще не приняли законченной формы и не получили повсеместного распространения.

В 1066 г. Англия подверглась нормандскому завоеванию. Герцог Нормандии Вильгельм собрал большое войско из нормандских, северофранцузских и даже итальянских рыцарей, жаждавших добычи, захватов новых земель и зависимых крестьян. Поводом для вторжения послужили претензии Вильгельма на английский престол, якобы завещанный ему умершим незадолго до этого английским королем Эдуардом Исповедником. Папа поддержал притязания герцога.

В сентябре 1066 г. Вильгельм со своим войском на больших ладьях переплыл Ла-Манш и высадился на юге Англии. Войско герцога, главную силу которого составляла уже тяжело вооруженная рыцарская конница, было более многочисленно, чем английское. Во главе последнего выступил избранный «советом мудрых» новый король Англии Гарольд. За три недели до битвы с нормандцами он отбил внезапное нападение норвежского короля Харальда Хардрада на Северную Англию, согласованное с Вильгельмом. Войско Гарольда состояло в основном из пешего наспех собранного крестьянского ополчения и его личной дружины. В октябре 1066 г. в решающей битве при Гастингсе мужественно сопротивлявшиеся англосаксы были разбиты, сам Гарольд погиб. Герцог Нормандский же двинулся к Лондону, захватил его и стал королем Англии под именем Вильгельма I Завоевателя.

Завоевание, однако, встретило отпор со стороны как англосаксонской знати, так и сохранившегося в стране значительного слоя свободных крестьян. Особенно силен он был на севере страны. В ответ на массовые конфискации земли у местного населения в пользу пришельцев-завоевателей на севере и северо-востоке — в Денло в 1069 и 1071 гг. произошли крупные народные восстания, возглавленные представителями местной знати. Подавляя их, завоеватели во главе с Вильгельмом опустошили главные области восстания — Йоркскую долину и графство Дарем, которые после этого несколько десятилетий оставались необитаемыми.

После подавления этих восстаний большинство земель англо-саксонской знати было конфисковано и передано иноземным рыцарям-завоевателям. Мелкие местные феодалы — тэны — частично сохранили свои владения, но стали вассалами нормандских баронов (так стали называть в Англии крупных феодалов). Средние и мелкие феодалы по континентальному образцу стали называться рыцарями. В церковной иерархии и аппарате королевского управления безраздельно господствовали завоеватели — выходцы из Франции. Сам Вильгельм составил из конфискованных земель огромный «домен короны», занимавший седьмую часть всех возделываемых в Англии земель. Значительная часть находившихся на этих землях лесов была

превращена в королевские охотничьи заповедники. Под страхом страшных наказаний жителям этих территорий, особенно крестьянам, запрещалось там охотиться, рубить лес, собирать топливо.

Владение обширным доменом усиливало позиции короля по отношению к знати. Этому способствовало и то, что раздача земель нормандским феодалам происходила постепенно, по мере их конфискации у местного населения, в результате разбросанность, некомпактность владений крупных феодалов затрудняла складывание в Англии обширных территориальных княжеств, фактически независимых от короля.

Завершение процесса феодализации. «Книга Страшного суда». Нормандское завоевание способствовало окончательному завершению процесса феодализации Англии. К 1066 г. герцогство Нормандское, как и Франция в целом, было уже полностью феодализировано. Захватив землю и политическую власть в Англии, завоеватели стремились насадить там привычные им порядки, оформить политически и юридически уже и ранее сложившиеся там феодальные отношения. Сам король в известной мере сознательно проводил такую политику. Одним из важных его мероприятий на этом пути явилось проведение в 1086 г. всеанглийской поземельной переписи, получившей в народе название «Книга Страшного суда» («Domesday book»), поскольку лица, дававшие сведения ее составителям, обязывались под угрозой наказания говорить, «ничего не утаивая», как на «Страшном суде».

Перепись имела две главные цели: во-первых, дать королю сведения о размерах владений и доходов его вассалов, чтобы требовать с них определенной военной службы, во-вторых, король хотел иметь точные сведения для обложения всего населения денежным налогом. Этим потребностям соответствовали и вопросы исследования: сколько земли в каждом графстве находится в королевском домене, сколько у крупных духовных и светских феодалов, каково количество их вассалов. При этом учитывалось количество гайд (в это время уже фискальных единиц) в каждом маноре, земельных наделов (плугов земли) и плуговых упряжек (рабочего скота) в домене и у крестьян-держателей, численность крестьян разных категорий, живущих в маноре. Отмечалась приблизительная доходность манора в деньгах. В целом «Книга Страшного суда» содержала богатую информацию о хозяйстве и социальной структуре почти всей территории Англии, а также их динамике, поскольку фиксировала данные по трем периодам: 1) в правление Эдуарда Исповедника; 2) в годы, последовавшие непосредственно после завоевания, и 3) на 1086 г. Данные «Великой переписи» свидетельствуют о том, что ее проведение укрепило феодальный строй и ускорило превращение свободных крестьян в зависимых. Это видно из того, что в окончательном ее варианте единицей учета служила не деревня, но уже вотчина – манор, а главное – из того, что многие из свободных до 1066 г. крестьян оказались записанными под 1086 г. как вилланы. В Англии XI в. этот термин, как правило, обозначал держателей,

находившихся в поземельной зависимости, плативших ренту, в том числе часто выполнявших барщину.

Особенности ленной системы и политического развития страны. Значение нормандского завоевания. Нормандские бароны являлись непосредственными вассалами короля. Но Вильгельм требовал вассальной службы не только от баронов, но и от их вассалов. Все рыцари, чьими бы вассалами они ни были, обязаны были, согласно «Солсберийской присяге» 1085 г., по требованию короля нести службу в королевской армии. С введением прямой вассальной зависимости всех феодальных землевладельцев от короля система вассалитета получила в Англии более централизованный характер, чем на континенте, где обычно действовало правило: «Вассал моего вассала — не мой вассал».

С момента нормандского завоевания королевская власть в Англии оказалась сильнее, чем в других странах тогдашней Западной Европы. На первых порах это определялось наличием большого королевского домена, отсутствием компактных крупных феодальных владений, особенностями вассальной системы, политической слабостью городов. Враждебность к завоевателям местного населения, ослабевшая лишь ко второй половине XII в., также побуждала нормандскую верхушку сплачиваться вокруг короля. Используя эту ситуацию, Вильгельм I сразу же создал относительно сильный аппарат центрального управления. Во главе графств были поставлены должностные лица короля — шерифы, ведавшие администрацией, судом, сбором налогов и королевских доходов. Были сохранены и даже повышены налоги, дававшие королю большие финансовые ресурсы.

Таким образом, нормандское завоевание заметно усилило королевскую власть, политическое единство страны и создало предпосылки для образования в Англии относительно централизованного государства.

2. Социально-политическое развитие Англии в конце XI—XII в.

Усиление центральной власти продолжалось в Англии и после смерти Вильгельма I. В этом в той или иной степени были заинтересованы все феодальные слои. Даже крупные бароны в конце XI — начале XII в. нуждались в нем для подавления враждебного англосаксонского населения, и прежде всего разного рода крестьянского протеста (ведь крестьянство составляли именно англосаксы). У короля были и другие, более последовательные союзники, прежде всего мелкие и средние феодальные землевладельцы — рыцари как нормандского, так и англосаксонского происхождения. Этот слой феодалов видел в короле защиту не только от крестьянских движений, но и от посягательств на их земли и доходы со стороны крупных феодалов. Поддерживала королевскую власть и церковь, превратившаяся благодаря щедрым пожалованиям Завоевателя и его преемников в крупнейшего феодального землевладельца страны. Она пользовалась широкими привилегиями, и в частности правом иметь церковные суды, независимые от королевских. Естественными союзниками королевской власти являлись и наиболее значительные, расположенные в домене города, а также составлявшие около 12% населения свободное

крестьянство, для которого король был единственной защитой от крупных феодалов. Такое соотношение социальных сил создавало условия для сохранения и дальнейшего развития централизации. Преемники Вильгельма I, особенно его младший сын Генрих I (1100—1135), продолжали укреплять центральный государственный аппарат: большую роль стал играть постоянный королевский совет (королевская курия), включавший высших должностных лиц — королевских судей, лиц, ведавших королевской канцелярией, казной и сбором налогов (юстициарий, канцлер, казначей). В состав курии входили также наиболее верные королю крупные феодалы. Она совмещала в себе судебные, административные и финансовые функции. Важное значение приобрели разъездные судьи, перемещавшиеся по стране и контролировавшие деятельность администрации, осуществление правосудия, сбор налогов в графствах.

Уже при Генрихе I внутри королевской курии выделяется казначейство, носившее в Англии название «Палаты шахматной доски» и ведавшее сбором королевских доходов и проверкой финансовой отчетности шерифов, а также судебное ведомство.

Вместе с тем в поисках противовеса политическому влиянию крупных феодалов и для укрепления власти шерифов на местах Генрих I стал энергично восстанавливать, хотя и под контролем центральной власти, старые англосаксонские органы местного управления, собрания свободных жителей сотен и графств. В сотенных собраниях чинился суд по мелким правонарушениям, распределялись и затем взыскивались налоги, проводились разного рода правительственные расследования.

Несмотря на успехи централизации, крупнейшие магнаты и в Англии при любом удобном случае проявляли непокорность королю. Настоящая феодальная усобица разразилась после смерти Генриха I (1135), не оставившего после себя сыновей. Претензии на престол предъявили одновременно его дочь Матильда — жена француза, графа Анжуйского Жоффруа Плантагенета, и племянник, также французский феодал Стефан граф Блуа. Воспользовавшись борьбой за престол, феодалы, поддерживавшие претендентов, разоряли и грабили страну, особенно крестьян и горожан, полностью вышли из повиновения центральной власти. Феодальная анархия прекратилась только в 1153 г., когда при посредничестве церкви Стефан и Матильда заключили соглашение, по которому королем признавался Стефан, но после его смерти престол должен был перейти к сыну Матильды, молодому графу Анжуйскому Генриху Плантагенету. В 1154 г. он вступил на английский престол под именем Генриха II, положив начало новой династии Плантагенетов, правившей страной до конца XIV в.

Генрих II (1154—1189) сосредоточил под своей властью огромные владения: кроме Англии ему принадлежала, как и его предшественникам, Нормандия, а также обширные земли во Франции — Анжу, Мэн, Турень, Пуату. Позднее он присоединил к ним и Аквитанию. Англия стала, таким образом, частью большой державы Плантагенетов (иногда ее называют Анжуйской империей). Обладая большими финансовыми ресурсами и

опираясь на поддержку рыцарства, горожан и свободного крестьянства, Генрих II подавил смуты феодалов в Англии, распустил их отряды, срыл замки, стал назначать на должности шерифов выходцев из мелких и средних феодалов, подчинив их всецело королевской курии.

Важную роль в укреплении централизации государства сыграли реформы Генриха II. Стремясь расширить компетенцию королевского суда за счет сеньориальных судов, он провел судебную реформу. Сущность ее заключалась в том, что каждый свободный человек мог за определенную плату получить разрешение перенести свое дело из любого вотчинного суда в королевский, где оно расследовалось присяжными, тогда как в вотчинных судах судебный процесс осуществлялся по-прежнему с помощью «божьего суда».

Введение института присяжных вызвало огромный приток судебных дел в королевский суд из сеньориальных курий. Падение влияния последних содействовало и то, что Генрих II изъял из их компетенции все тяжкие уголовные преступления и значительно ограничил их юрисдикцию по земельным искам. Королевская курия была признана высшим апелляционным судом для всех сеньориальных судов. От этой реформы выиграло прежде всего рыцарство, а также зажиточные свободные крестьяне и горожане. Подавляющее большинство населения страны — лично зависимого крестьянства (вилланов) — эта реформа не коснулась. Королевские суды не принимали иски вилланов против их господ; они остались подсудны своему господину. Судебная реформа Генриха II отвечала интересам средних и мелких феодалов. Усилив королевскую власть, оказав поддержку рыцарям и верхушке свободного крестьянства, она углубила пропасть между свободными и лично зависимыми крестьянами, оставила последних вне защиты королевских судов и тем содействовала ухудшению их юридического положения и усилению феодального гнета.

Расширение судебных функций королевской курии увеличило доходы короля. Но значительные слои населения страдали от тяжелых штрафов, налагавшихся королевскими судами. В процессе судебной практики королевских судов стало постепенно вырабатываться так называемое общее право (*common law*) — единое для всей страны королевское право, которое постепенно вытесняло местное право, применявшееся в сеньориальных судах и судах сотен и графств.

Генрих II провел также военную реформу. Она заключалась в том, что военная служба феодалов в пользу короля ограничивалась определенным, сравнительно небольшим сроком. Взамен остальной, а иногда и всей службы феодалы должны были уплачивать особую денежную сумму — «щитовые деньги». На эти деньги король нанимал рыцарей, что уменьшало его зависимость от ополчения баронов. Кроме того, король предписывал, чтобы каждый свободный человек в соответствии с его имущественным положением имел определенное вооружение и по призыву короля должен был являться для участия в походе. Тем самым как бы восстанавливалось

пришедшее в упадок старинное ополчение свободного крестьянства (англосаксонский «фирд»).

Все эти реформы усиливали королевскую власть и содействовали централизации феодального государства.

Неудачной оказалась попытка Генриха II поставить под контроль государства церковные суды. На этой почве он столкнулся с главой английской церкви, архиепископом Кентерберийским Томасом Бекетом. В ходе борьбы по негласному приказу короля Бекет был убит (1170). В дело вмешался папа, вынудивший Генриха II под угрозой отлучения принести публичное покаяние и отказаться от реформы церковных судов.

Завоевание Ирландии. Попытки захвата Шотландии. Укрепив центральную власть в Англии, Генрих II в интересах английских феодалов предпринял завоевание Ирландии, где еще только зарождался феодализм и господствовал клановый строй. Английские бароны начали походы в Ирландию в 1169—1170 гг. на свой страх и риск. После их первых успехов в Ирландию в 1171 г. прибыл сам король, быстро одержавший победы над клановыми вождями, которые вынуждены были признать Генриха II своим «верховным правителем». Однако фактически англичанам удалось подчинить себе лишь небольшую часть ирландских земель в прибрежной юго-восточной части острова и создать здесь укрепленный район, позднее названный «Пэйл» (буквально — огороженная территория). Отсюда английские феодалы, ставшие собственниками захваченных в Пэйле клановых земель, делали набеги на другие области Ирландии, что мешало нормальному развитию феодализации и складыванию государства на острове. В Пэйле английские завоеватели насаждали феодальные порядки, превращая ранее свободных ирландцев в своих зависимых крестьян.

Генрих II предпринимал также попытки подчинить Шотландское государство, северного соседа Англии. В ходе непрерывных пограничных войн он пленил шотландского короля Уильяма Льва и в 1174 г. вынудил его заключить договор, по которому Уильям принес ему оммаж и вассальную присягу за Шотландию. Однако Шотландия, уже достаточно феодализованная и централизованная страна, вскоре освободилась от вассальной зависимости. В противовес нажиму Англии, она стала все более сближаться с Францией, с которой позднее (в XIII—XIV вв.) оказалась в тесном антианглийском союзе.

Складывание единой английской народности. Нормандцы и другие выходцы из Франции не сразу слились с коренным населением Англии. На протяжении XII в. короли нередко обращались в официальных актах к своим подданным как к «французам и англичанам». Но к концу XII в. этнические и языковые различия между местным населением и нормандскими завоевателями фактически стерлись. Французский элемент влился в этнический состав складывавшейся английской народности, сложился единый социокультурный тип населения. Разговорным языком основной массы жителей Англии — крестьян, горожан и подавляющего большинства феодалов, особенно рыцарства, — был английский. Лишь феодальная знать,

представители королевской администрации, юристы пользовались также французским языком, который наряду с латынью служил официальным языком в государственных учреждениях.

Несмотря на значительное укрепление центральной власти при Генрихе II, в Англии неоднократно вспыхивали восстания недовольной его политикой знати, в том числе сыновей короля. Их поддерживали мятежные феодалы континентальных владений Ппантагенетов, в которых Генрих II не располагал такой полнотой власти, как в Англии.

3. Экономическое Развитие Англии в XII - XIII вв.

Аграрный строй и положение крестьянства в XI-XII вв. Население Англии, по данным «Книги Страшного суда», составляло в это время около 1,5 млн человек; из них громадное большинство (не менее 95%) жило в деревне. Главным занятием населения было земледелие. В центральных и южных, в основном земледельческих районах страны преобладали большие деревни и сохранялась сельская община с системой открытых полей, выпасом по жнивью, чересполосицей и принудительным севооборотом. На северо-востоке, а также на западе, на восточных склонах Пеннинских гор и южной части Оксфордшира значительное распространение получило овцеводство. Шерсть уже в это время была важным предметом торговли. Вывозили ее преимущественно во Фландрию, где фламандские ремесленники вырабатывали из нее сукна. В этих овцеводческих областях, как и на северо-западе страны, чаще встречались мелкие поселения или хутора, не знавшие системы открытых полей.

После нормандского завоевания английская феодальная вотчина (манор) принимает законченную форму, подчинив себе ранее свободную сельскую общину. Хозяйство маноров, особенно крупных, основывалось на барщинном труде зависимых крестьян, отчасти — дворовых. Там, где господствовала система открытых полей, в ее общий распорядок включалась и господская земля (домен), а также земли еще лично свободных крестьян. Преобладали маноры с доменом, вилланами и свободными держателями, но было и немало маноров, значительно отличавшихся от этого классического типа, в которых не было домена или он был невелик, большее место занимали свободные держатели, чем зависимые. Манор XI—XII вв. оставался в основном натуральным хозяйством.

Основную часть крестьянства, по данным «Книги Страшного суда», составляли вилланы, имевшие полный надел земли — виргату (30 акров) — или часть надела, а также долю участия в общинных выпасах и лугах; они выполняли барщину, несли натуральные и денежные платежи в пользу лорда. В «Книге Страшного суда» указаны также бордарии — зависимые крестьяне с наделом, значительно меньшим, чем у виллана (обычно от 7 до 15 акров). Помимо вилланов и бордариев в английской деревне XI—XII вв. имелись коттарии (позднее коттеры) — зависимые крестьяне, держатели мелких участков, обычно в 2—3 акра, приусадебной земли. Они работали на лорда и добывали средства к существованию дополнительными занятиями (были пастухами, сельскими кузнецами, плотниками и т.п.). Самую низшую

категорию зависимых крестьян составляли сервы. По большей части это были дворовые люди, не имевшие, как правило, наделов и своего хозяйства и выполнявшие различные тяжелые работы в господской усадьбе и на господских полях.

Свободное крестьянство не исчезло в Англии и после нормандского завоевания, хотя численность его значительно сократилась и правовое положение ухудшилось. Наличие в деревне наряду с зависимыми слоя лично свободных крестьян (фригольдеров) составляло одну из характерных особенностей аграрного развития Англии в средние века. Особенно много свободных крестьян сохранилось на северо-востоке страны — в Денло. Хотя свободный крестьянин был обязан уплачивать лорду обычно небольшую денежную ренту, выполнять некоторые относительно легкие повинности и подчиняться его юрисдикции, он считался юридически свободной личностью.

На протяжении XII в. различные категории крестьянства все больше превращаются в зависимых крестьян — вилланов, главной повинностью которых являлась барщина, обычно в размере трех, а иногда и более дней в неделю. Кроме того, виллан платил оброк отчасти продуктами, отчасти деньгами. Он часто подвергался произвольному обложению со стороны господина, уплачивал особый взнос при выдаче замуж дочерей, отдавал помещику лучшую голову скота при вступлении в наследство; он обязан был также соблюдать мельничный, пивоваренный и другие баналитеты. Росли и многочисленные церковные сборы, самым тяжелым из которых была десятина.

Развитие городов. Города начали возникать в Англии как центры ремесла и торговли в X—XI вв., еще до нормандского завоевания. «Книга Страшного суда» насчитывает до сотни городов, в которых проживало около 5% всего населения.

В результате усиления политических связей Англии с Нормандией и другими французскими землями окрепли и расширились ее торговые связи. Значительную торговлю с континентом вел Лондон, а также Саутгемптон, Дувр, Сендвич, Ипсвич, Бостон и другие города. Предметами вывоза наряду с шерстью были свинец, олово, скот. Несколько позже (с конца XII—начала XIII в.) стали вывозить хлеб и кожи. Все эти продукты сельского хозяйства продавали и светские феодалы, и монастыри, но иногда и крестьяне. Уже в XI и особенно в XII в. получили значительное распространение ярмарки (Винчестерская, Бостонская, Стэмфордская, в Йорке и др.), которые посещались купцами не только из Фландрии, но и из Италии, Германии и других стран.

С ростом городов как экономических центров формировалось сословие горожан. Наиболее значительные города Англии были расположены на королевском домене, и их сеньором являлся сам король. Это осложняло борьбу горожан за политическую автономию, так как бороться с таким могущественным сеньором отдельным, даже крупным, городам было не под силу. Поэтому ни один из английских городов не смог добиться

самоуправления типа французской коммуны; английские города вынуждены были довольствоваться лишь отдельными экономическими и финансовыми привилегиями и частичным самоуправлением, которые оформлялись королевскими хартиями.

Освобождения от обременительных феодальных платежей они обычно добивались путем уплаты сеньору ежегодной фиксированной денежной суммы (так называемой «фирмы») с правом горожан, самим производить раскладку и сбор этих средств среди жителей. За деньги же они часто приобретали право самоуправления и суда, ограничивавшее вмешательство королевских или сеньориальных должностных лиц в дела городской общины. Города покупали также право иметь привилегированную корпорацию горожан (так называемую торговую гильдию), в которую обычно входили не только купцы, но и некоторые ремесленники. Однако пользоваться этими привилегиями могли лишь те, кто принимал участие в уплате «фирмы», т.е. наиболее состоятельные горожане. Более мелкие сеньориальные города обычно добивались лишь экономических привилегий и не пользовались самоуправлением.

В Лондоне, Линкольне, Йорке, Винчестере и других городах еще в конце XI—начале XII в. появились собственно ремесленные гильдии (цехи), которые вступали в борьбу со стоявшей у власти городской верхушкой.

В XIII в. в Англии совершенствовалось земледелие, повсеместно утверждалось трехполье. Расчистка леса и осушение болот привели к увеличению площади культивируемой земли и пастбищ в ходе широкой внутренней колонизации, повысилась урожайность зерновых и других культур. С увеличением спроса на английскую шерсть, особенно во Фландрии, а также Италии, связано дальнейшее развитие овцеводства. Общий хозяйственный подъем, в том числе в крестьянском производстве, вызвал быстрый рост населения в целом по стране в 2,5—3 раза. Это привело в свою очередь к сокращению крестьянских наделов, земельному голоду в деревне, расширению земельного рынка и росту цены на землю.

Продолжался процесс отделения города от деревни. К концу XIII в. в Англии насчитывалось уже около 280 городских поселений. Соответственно возрос и удельный вес городского населения. Повышался постоянный спрос на продукты сельского хозяйства, благодаря чему цены на них, особенно на хлеб, держались относительно высокие. Это стимулировало вовлечение в рыночные связи как помещичьего, так и крестьянского хозяйства. Уже в конце XII—начале XIII в. развиваются довольно прочные внутренние экономические связи. В качестве важнейшего центра общеанглийской торговли выдвигается столица Англии Лондон. Одна из важнейших особенностей экономического развития Англии в средние века — большая роль деревни в развитии внутренних связей. Быстрому развитию их способствовала ранняя специализация сельскохозяйственных районов — одних на производстве хлеба (Южная, Центральная и Восточная Англия), других — на производстве мясо-молочных продуктов и шерсти (Западная, Северо-Западная и Северо-Восточная Англия). Расширение внутренних

экономических связей стимулировалось также развитием внешней торговли, поскольку основу последней до конца XIV в. составлял вывоз продуктов сельского хозяйства, шерсти, хлеба, кожи.

В XIII в. основной хозяйственной и социальной ячейкой английского общества оставался манор. Манориальная структура отличалась пестротой, сложностью и своеобразием местных вариантов. С конца XII в. манор активно втягивается в рыночные связи. В наиболее крупных, особенно церковных, вотчинах, располагавших большим количеством вилланов, под влиянием этих связей барщинная система не только не ослабевала, но еще более укреплялась. Стремясь выбросить на рынок побольше сельскохозяйственных продуктов, владельцы таких маноров усиленно расширяли домениальное хозяйство за счет общинных угодий и расчистки пустошей, стремились увеличить барщину, чтобы иметь рабочую силу для обработки домена. С этим было связано стремление крупных феодалов воспрепятствовать личному освобождению вилланов и даже сделать зависимыми еще сохранивших личную свободу и полусвободных крестьян.

В то же время товарно-денежные отношения уже в XIII в. порождали в английской деревне новые явления, исподволь подрывавшие барщинную систему хозяйства. В более мелких манорах, где было меньше вилланов и где связь с рынком осуществлялась не только через домениальное, но и через крестьянское хозяйство, они приводили к коммутации ренты. К концу XIII в. денежная рента уже преобладала в стране. Это в значительной степени освобождало крестьян от повседневного контроля феодала. Однако английские феодалы в отличие от французских, как правило, еще не отказывались от ведения домениального хозяйства. Те из них, кто стал на путь коммутации вилланских барщин, наряду с трудом вилланов или вместо него начали применять труд наемных работников из числа многочисленных в Англии этого времени малоземельных зависимых и свободных крестьян (коттеров). Однако на всем протяжении XIII столетия домениальное барщинное хозяйство, сосредоточенное в вотчине, все же играло решающую роль в сельскохозяйственном производстве Англии и в снабжении внутреннего и внешнего рынка его продукцией.

Так в английской деревне XIII в. наметились две противоположные тенденции развития — консервативная и прогрессивная.

Имущественное расслоение крестьянства. Обострение социальной борьбы в деревне. Развитие товарно-денежных отношений в деревне в целом тяжело отразилось на широких массах крестьянства. С развитием рынка росли потребности феодалов. Часть их удовлетворяла свое стремление к увеличению доходов путем увеличения размеров барщины; другие — повышая под разными предлогами денежную ренту. Наступление на крестьян шло также по линии захвата феодалами части земель, находившихся в общинном пользовании.

Коммутация ренты ускорила и углубила начавшееся задолго до XIII в. имущественное расслоение крестьянства. Среди вилланов выделилась небольшая зажиточная верхушка, богатевшая на торговле. Отдельные

представители этой группы получали возможность выкупиться на волю. Напротив, многие средние, а также мелкие крестьяне беднели, будучи не в состоянии уплачивать в срок повышавшуюся денежную ренту. Среди вилланов росло количество коттеров, вынужденных работать по найму у своих же или чужих лордов. Еще быстрее шло расслоение свободного крестьянства: в его среде резко обозначилась зажиточная крестьянская верхушка, которая по своему социальному положению примыкала к низшим слоям феодалов, и масса мелких фригольдеров, часто настолько бедных, что они не могли пользоваться привилегиями своего свободного статуса. Тяжелый гнет, лежавший на основной массе английского крестьянства, углублялся по мере роста государственных налогов, которыми облагались и свободные крестьяне, и вилланы.

На усиление эксплуатации крестьянство отвечало сопротивлением. В XIII в. оно носило в основном локальный характер. Вилланы и свободные крестьяне сообща, нередко с оружием в руках, разрушали изгороди, поставленные лордами на общинных землях. Целые деревни отказывались от уплаты повышенных рент и выполнения ненавистных дополнительных барщин, пытались искать правосудия в королевских судах, а иногда оказывали вооруженное сопротивление не только своему лорду или его управляющему, но и королевским чиновникам, пытавшимся принудить их к покорности. Во всех выступлениях крестьян большую роль играла сохранившаяся почти повсеместно, но утратившая былую свободу община.

Протест вилланов против феодального гнета в XIII в., как и в XII в., выражался также в побегах из города и в леса, куда от преследований феодалов часто уходили и свободные крестьяне. Имели место и крестьянские выступления против королевских должностных лиц — судей, сборщиков налогов и др.

Особенности положения феодалов. Под воздействием товарно-денежных отношений различия, существовавшие со времен нормандского завоевания между крупными феодалами — баронами и мелкими — рыцарями, в XIII в. еще более углубились. Они определялись теперь не только размерами их владений и доходов, но и характером их хозяйственной деятельности и их политической позицией.

В XIII в. особенно интенсивно втягивались в товарно-денежные отношения рыцари. В их поместьях преобладала денежная рента, кое-где применялся уже наемный труд. Большая часть английского рыцарства все более теряла характер военного сословия и превращалась в сельских хозяев. Общая заинтересованность в развитии внутреннего рынка, в ограничении произвола крупных феодалов и уменьшении королевских поборов, в дальнейшей централизации государства сближала этот слой феодалов с горожанами и с верхушкой свободного крестьянства. Благодаря этому слой феодалов в целом не превратился в Англии в замкнутое сословие, подобно дворянству во Франции и в Германии. Каждый свободный собственник земли, каково бы ни было его происхождение, при наличии определенного годового дохода (в 20, а позднее в 40 фунтов) обязан был принять звание

рыцаря и войти в состав дворянства. Другая часть рыцарства, однако, не имела хозяйственных интересов, живя в основном за счет военной службы, грабежа, даров своих сеньоров и короля.

Бароны же и прелаты, составлявшие вместе замкнутую группу феодальной аристократии, даже если они втягивались в рыночные связи, держались за барщинные методы эксплуатации, упорно отстаивали свои сословные привилегии.

Развитие городов. В XIII в. заметно возросла экономическая и социально-политическая роль английских городов. Большую роль в их экономической и политической жизни начинает играть купечество.

Города становятся крупными центрами накопления богатств: их доля в общегосударственных налогах все более повышалась. Это заставило королевскую власть в какой-то мере считаться с их интересами. Если к началу XIII в. хартии имели 80 наиболее крупных городов, то на протяжении XIII в. различные привилегии получили еще 113 городов. Горожане постепенно оформляются в сословие, которое обычно выступает как политический союзник королевской власти. Но рост государственного обложения вызывал сильное недовольство горожан. Это, как и их экономические и политические интересы в целом, сближало позиции горожан с позицией рыцарства и верхушки свободного крестьянства.

С середины XIII в. в городах заметно обостряются внутренние социальные противоречия. Городская верхушка крупных городов, состоящая из городских землевладельцев, наиболее богатых купцов и ростовщиков, захвативших городское управление и финансы, разными способами притесняет и эксплуатирует основную массу городских ремесленников и мелких торговцев, а также городскую бедноту. Жизнь английских городов во второй половине XIII в. наполнена борьбой между ремесленниками и городской олигархией за право участия в управлении городом.

4. Политическое развитие Англии в XIII в.

Основные направления политического развития Англии в XIII в. По мере укрепления внутренних экономических связей усиливались и централизация феодального государства. Хотя в ней по-прежнему в той или иной степени были заинтересованы феодалы в целом, особенно рыцарство, а также городское сословие и верхушка свободного крестьянства, процесс централизации государства сопровождался длительной политической борьбой, которая иногда приводила к вооруженным конфликтам.

Первый этап политической борьбы XIII в. падает на время правления короля Иоанна, прозванного Безземельным (1199—1216), — младшего сына Генриха II. Иоанн использовал унаследованный им от отца сильный государственный аппарат для нажима на все слои населения. Произвольными конфискациями земель, арестами и казнями неугодных ему магнатов, постоянными нарушениями феодальных обычаев он возбудил против себя оппозицию баронов. Раздражали их также слишком частые и чрезмерные требования субсидий и «щитовых денег» в связи с неудачными войнами Иоанна во Франции, в которых бароны не были заинтересованы. Их

поддерживала церковь, недовольная вмешательством короля в церковные выборы и его бесконечными поборами.

В отличие от всех предшествующих столкновений короля с баронами в лагере последних оказались на этот раз и те слои населения, которые раньше всегда поддерживали короля против баронов, — рыцарство и горожане. К поддержке баронов их побудили и произвол королевской администрации, и бесконечные поборы, особенно с городов. Неудачная внешняя политика Иоанна еще более усилила всеобщее недовольство. В войне 1202—1204 гг. француский король Филипп II Август захватил ряд владений Иоанна во Франции: Нормандию, Анжу, Мэн, Турень, часть Пуату. Поражение Иоанна и его союзников в битвах при Ларош-о-Муане и Бувине (1214) положило конец его попыткам вернуть эти земли. Еще до этого (в 1207 г.) Иоанн вступил в длительный конфликт с папой Иннокентием III из-за того, что тот без согласия короля назначил архиепископа Кентерберийского.

В 1212 г. папа издал буллу о лишении Иоанна престола и передал права на английскую корону французскому королю Филиппу II. Опасаясь восстаний своих подданных, Иоанн в 1213 г. капитулировал перед папой, признал себя его вассалом и обязался ежегодно выплачивать 1000 марок серебром. Этот позорный акт еще больше усилил оппозицию. Весной 1215 г. бароны при поддержке рыцарства и горожан начали войну против короля. Лондонцы открыли им ворота столицы. Король был вынужден подчиниться требованиям восставших баронов и 15 июня 1215 г. подписал так называемую Великую хартию вольностей.

Великая хартия вольностей. Большинство статей Великой хартии вольностей (*Magna Charta Libertatum*) отражало интересы баронов и церковных феодалов. Король обязался соблюдать свободу церковных выборов; обещал не брать со своих непосредственных вассалов больших поборов, чем установлено обычаем. Он обязался не собирать со своих непосредственных держателей феодального вспомоществования и «щитовых денег» без согласия «общего совета королевства». В состав этого совета должны были входить непосредственные держатели короля, т. е. в основном те же бароны. Баронов в отличие от представителей всех других сословий могли судить только люди равного с ними звания — пэры. Король обязался не арестовывать баронов, не лишать их имущества, не объявлять их вне закона без приговора пэров. Отменялось утвердившееся после реформы Генриха II право короля вмешиваться в юрисдикцию сеньориальных судов. Наконец, для наблюдения над выполнением хартии избирался комитет в составе 25 баронов, который в случае нарушения хартии королем мог начать против него войну.

Значительно меньше хартия дала рыцарству и верхушке свободного крестьянства. Баронам и королю запрещалось требовать с держателей рыцарских феодалов больше служб и феодальных платежей, чем полагалось. Всем свободным людям была обещана защита от злоупотреблений королевских чиновников и чрезмерных штрафов; для них Великая хартия сохраняла судебные порядки, введенные Генрихом II. Еще меньше, чем

рыцари, получили го-рода. Хартия только подтвердила неприкосновенность уже существующих вольностей Лондона и других городов, но не ограничила права короны собирать с них особенно ненавистный для горожан побор — талью. Было установлено единство мер и весов. Хартия разрешила свободный въезд и пребывание в Англии иностранных купцов. Эта мера, хотя и способствовала развитию внешней торговли, была невыгодна горожанам, так как нарушала их монополию. Основной массе английского народа — вилланам — Великая хартия не дала никаких прав. Хартия лишь еще раз подчеркнула их полное бесправие в феодальном государстве.

Некоторые постановления хартии были прямым проявлением феодальной реакции; вместе с тем Великая хартия имела для своего времени и известное прогрессивное значение. Она ограничивала королевский произвол не только в отношении баронов, но также рыцарства и горожан — социальных слоев, которые в ту эпоху являлись носителями прогрессивных тенденций в экономическом развитии страны, и ограждала эти слои от притеснений крупных феодалов.

Великая хартия не была осуществлена на практике. Иоанн, заручившись поддержкой папы, объявившего баронов бунтовщиками, отказался ее соблюдать. Началась война, в разгар которой Иоанн умер, и бароны признали королем его малолетнего сына Генриха III (1216-1272).

Установление баронской олигархии. В правление этого короля разыгрался новый, еще более крупный политический конфликт, начавшийся в 1258 г. Бесконечными поборами, щедрыми пожалованиями земель и доходов родственникам — французам и провансальцам, — дружбой с папой, которому он позволял осматривать Англию, Генрих III вызвал всеобщее недовольство. Как и в 1215 г., бароны, стремившиеся контролировать короля, нашли себе временных союзников в лице рыцарства, а также городов.

Когда весной 1258 г. Генрих III потребовал у баронов на военную авантюру в Италии, в которую его втянул папа Иннокентий IV, треть всех доходов страны произошел взрыв всеобщего недовольства. Бароны, явившись вооруженными к королю, потребовали проведения политических реформ. Король вынужден был уступить. В июне 1258 г. в Оксфорде собрался совет магнатов, названный впоследствии «бешеным», который утвердил «Оксфордские провизии», установившие в стране режим баронской олигархии. Всю власть они передавали Совету 15 баронов, без согласия которых король не мог принимать никаких решений. Кроме того, бароны избрали 12 человек от рыцарей и городов, которые собирались трижды в год и вместе с Советом 15-ти обсуждали государственные дела.

Бесконтрольное хозяйничанье баронов не удовлетворяло рыцарей и города. В рядах оппозиции произошел раскол. В 1259 г. рыцари выдвинули ряд самостоятельных политических требований. При поддержке наиболее дальновидной части баронов во главе с Симоном де Монфором, графом Лестерским, были приняты «Вестминстерские провизии», защищавшие рыцарство и верхушку свободного крестьянства от произвола крупных

феодалов. Однако большая часть баронов держалась олигархической программы.

Гражданская война 1263—1267 гг. Рассчитывая на противоречия в лагере оппозиции, Генрих III отказался соблюдать «Оксфордские провизии», и в 1263 г. началась гражданская война. Во главе оппозиции стал Симон де Монфор, который опирался не только на баронов, но и на широкие слои рыцарей, свободных крестьян и городское население. Во многих городах в результате ожесточенной внутренней борьбы было свергнуто господство купеческой олигархии. Средние и низшие слои горожан активно поддерживали Монфора. Лондонцы прислали на помощь Монфору 15-тысячное ополчение. В битве при Льюсе (1264) королевская армия была разбита, Генрих III и его старший сын Эдуард попали в плен. Монфор стал фактическим правителем Англии. Не доверяя баронам, он управлял страной, опираясь на рыцарство и верные ему города.

В январе 1265 г. Монфор впервые созвал собрание, на которое кроме крупнейших прелатов и баронов пригласил по два рыцаря от каждого графства и по два горожанина от наиболее значительных городов. Это было началом английского парламента.

Победа над королем привела к усилению гражданской войны. В движение включились массы фригольдеров, а кое-где и вилланы. Крестьяне громили поместья сторонников короля, отнимали огороженные ими общинные угодья, отказывались от выполнения повинностей. Страх перед народным движением заставил баронов искать соглашения с королем. Когда принц Эдуард бежал из плена, большая их часть присоединилась к нему. В битве при Ившеме (1265) войска Монфора были разбиты, а сам он убит.

Массовые конфискации земель у сторонников Симона де Монфора, проведенные Генрихом III, вызвали их вооруженное сопротивление, активную роль в котором играло свободное крестьянство. Испуганные размахом народных движений борющиеся группировки феодалов пошли на взаимные уступки и помогли королю в 1267 г. подавить это движение.

Власть Генриха III была окончательно восстановлена. Однако и король, и бароны убедились в невозможности держать в повиновении народные массы без поддержки рыцарства и состоятельных горожан, без регулярного диалога с ними. Поэтому результатом гражданской войны 1263—1267 гг. явилось возникновение сословного представительства — парламента, в котором наряду с баронами заседали депутаты рыцарства и городов.

Английский парламент в XIII-XIV вв. Возникновение сословной монархии. Парламент окончательно сложился в правление Эдуарда I (1272—1307). С этого времени английское феодальное государство приобретает форму сословной монархии. Опираясь на парламент, король провел проверку и частично отменил судебные привилегии крупных феодалов, запретил церковным учреждениям приобретать земли без разрешения короля. Эдуард I и его преемники нуждались в парламенте, так как видели в нем противовес крупным феодалам. Сословное собрание давало возможность королю больше опираться на рыцарство и городскую верхушку. Даже субсидии королю,

утвержденные парламентом, легче собирались и давали большие суммы, чем прежние произвольные поборы. Таким образом, создание парламента в целом усилило феодальное государство.

По своей структуре английский парламент отличался от французских Генеральных штатов. В него приглашались личными королевскими письмами архиепископы, епископы, аббаты крупнейших монастырей и бароны. Кроме того, туда вызывались по два рыцаря от каждого графства и по два горожанина от самых крупных городов. Рыцари и городские представители избирались на местных собраниях в графствах и в городах наиболее зажиточными людьми. Свободное крестьянство и городская беднота не были представлены в парламенте. Вилланам прямо запрещалось участвовать в выборах.

Король договаривался с парламентом относительно обложения населения налогами. Эдуард I пытался иногда собирать налоги и повышать пошлины и без согласия парламента. Своими вымогательствами он вызвал недовольство рыцарства и горожан, которых поддерживали и бароны. В 1297 г. под угрозой нового конфликта Эдуард I издал «Подтверждение хартии», официально утвердившее право парламента участвовать в установлении налогов.

В первой половине XIV в. парламент стал делиться на две палаты: верхнюю — палату лордов, где заседали прелаты и бароны, и нижнюю — палату общин, где заседали рыцари и представители городов; вместе они имели численный перевес над баронами и собирательно стали называться термином «общины». Прочный союз рыцарства и городской верхушки в парламенте обеспечил им большее политическое влияние по сравнению с сословно-представительными собраниями других стран, в частности с Генеральными штатами Франции. В XIV в. помимо права устанавливать налоги парламент приобрел право участвовать в издании статутов (законов), которые обычно принимались королем и палатой лордов по петиции палаты общин. Немалую роль в этих успехах парламента сыграла Столетняя война, финансирование которой требовало частых созывов парламента и политических уступок короля притязаниям парламента в обмен на разрешение очередных налогов.

Возникновение парламента и оформление сословной монархии отразило успехи политической централизации Англии и, в частности, факт складывания в стране общегосударственных сословных групп — баронов, рыцарства и горожан. В свою очередь парламент способствовал дальнейшему укреплению феодального государства. Он играл в Англии XIII—XIV вв. прогрессивную роль, поскольку ограничивал политические притязания наиболее реакционной части феодалов — баронства — и способствовал проведению политики короля в интересах более передовых слоев общества того времени — рыцарства и верхушки горожан. Парламент являлся органом, выражавшим общественное мнение разных слоев населения, а также ареной мирного разрешения многих социально-политических конфликтов.

Захватнические войны Англии в Уэльсе, Шотландии и Ирландии. В интересах феодалов Эдуард I и его преемники вели активные завоевательные войны. В 1282—1283 гг. Эдуарду I удалось завоевать и присоединить к Англии Уэльс. Земли уэльских феодалов он раздал своим баронам. Его попытки завоевать Шотландию после смерти ее короля Александра III (1286), который не оставил наследников, не увенчались успехом. Вначале при поддержке части крупных шотландских феодалов король добился восстановления вассальной зависимости Шотландии от Англии, а затем в 1295 г. установил там прямое английское правление. Но в 1297 г. вспыхнуло восстание крестьян и горожан под руководством Уильяма Уоллеса, а в 1306 г. началась всеобщая война за независимость, в которой приняло участие также шотландское рыцарство. Борьбу шотландцев возглавил Роберт Брюс. Война фактически окончилась в 1314 г. победой шотландцев при Бэннокберне. Им удалось отстоять политическую самостоятельность своей страны. В 1328 г. Англия вынуждена была официально признать независимость Шотландии.

В Ирландии англичане предпринимали дальнейшие попытки, как правило, неудачные, к расширению захваченной в XII в. области, мешая складыванию там единого Ирландского государства.

Тема 2.5. Германия в X – XIII вв.

План

- 1. Восточно-Франкское королевство**
- 2. Итальянская политика немецких королей. Создание империи**
- 3. Империя и папство. Борьба за инвеституру**
- 4. Политическое развитие империи в XIII в.**
- 5. Социально-экономическое развитие Германии**
- 6. Восточная колонизация**

1. Восточно-Франкское королевство

Политическое обособление восточной части каролингской империи началось в ходе разделов франкской державы между потомками Карла Великого в 843—880 гг. На престоле нового королевства, называвшегося современниками Восточной Францией (*Francia orientalis*), сменяли друг друга государи из дома Каролингов. Они то соперничали с государями Западно-Франкского королевства, то помогали им. Один из «восточных» Каролингов — Карл III (876—888) — был приглашен и на западно-франкский престол. Подчинив себе затем Северную Италию, он на короткое время объединил в своих руках всю державу Карла Великого. Как Карл III, так и некоторые другие государи «Восточной Франции» отправлялись в походы на Рим, чтобы по традиции франкских государей, заложенной Карлом Великим, получить там императорский титул.

Хотя «Восточная Франция» не представляла собой чего-то единого, она отличалась от прочих земель империи прежде всего двумя особенностями.

Там, во-первых, преобладали не романские, а германские диалекты, а во-вторых, хозяйство и общественные отношения были куда архаичнее, чем в Италии или к западу от Рейна. Это отставание проявилось прежде всего в том, что процесс феодализации на востоке находился на начальной стадии. В частности, здесь сохраняла силу старая, хотя и несколько видоизменившаяся, племенная организация, какую уже невозможно было встретить (за исключением, может быть, отдельных окраинных областей) в более развитой западной половине франкской империи. Крупнейшие германские герцогства — Саксония и Бавария — представляли собой как раз наиболее сложившиеся племенные объединения, во главе с герцогами из местной племенной знати.

На основе племени тюрингов герцогство так и не смогло сформироваться, поскольку тюринги быстро оказались в подчинении у саксонских герцогов.

Швабское герцогство, напротив, сложилось, но наследники его швабы (аламанны), в отличие от баварцев и саксов, не достигли племенного единства — в их земле ряд знатных семейств не без успеха оспаривал власть у местных герцогов.

Герцогство Лотарингия носило совсем иной, не племенной, характер. Лотарингия появилась в результате чисто политических комбинаций и разделов, не имела собственной этнической основы и включала в себя на западе области с преобладанием не германского, а романского населения.

Вдоль р. Майн сложилось Франконское герцогство. Еще при Меровингах Майн стал удобной дорогой, по которой франки охотно переселялись на восток и густо заселяли оба берега реки, ассимилируя осевших там ранее аламаннов и баваров. Для соседних племен этот смешанный народ так и остался «франками», а их земля — Франконией.

Отдаленное и очень архаичное по своим порядкам племя фризов, занимавшее часть побережья Северного моря и ряд ближайших островов, сыграло большую роль в развитии мореходства и торговли (как, впрочем, и пиратства) в раннее средневековье. Однако в силу своего окраинного положения фризы почти не участвовали в политической жизни Восточно-Франкского королевства.

Социальные отношения. Если на юге и особенно западе страны (прежде всего в Лотарингии), т.е. в областях с заметным римским и каролингским наследием процесс социального расслоения и феодализации к X—XI вв. сделал заметные успехи, то в большинстве других земель (и в особенности в Саксонии, Фрисландии и приальпийских районах) сохранялось архаическое, слабо дифференцированное в имущественном и социальном отношении общество. Это естественное стадияльное отставание означало, в частности, наличие масс свободных собственников — главной основы сильных армий восточно-франкских государей, а также отсутствие как многочисленной феодальной знати, так и связанных с ней тенденций к феодальной раздробленности, к тому времени уже господствовавших и в Западно-Франкском королевстве, и в Лотарингии.

Появившиеся после франкского завоевания на юге и западе Германии огромные и широко разбросанные вотчины каролингского типа (см. гл. 4) сохраняются в X—XI вв., а в отдельных случаях и дольше, что также может рассматриваться как пережиток. В западных областях бывшей франкской империи каролингские вотчины к тому времени по большей части распадаются на частные феодальные владения.

Германская деревня в тех регионах, где уже начался процесс феодализации, предстает весьма пестрым социальным организмом, где бок о бок сосуществуют и хозяйства, втянутые в ту или иную форму зависимости от совершенно разных крупных вотчин, центры которых могут располагаться на большом расстоянии от самой деревни, и владения вотчинников (как правило, мелких), «выросших» из числа самих местных жителей, и дворы самостоятельных землевладельцев и держателей, весьма разных по своему общественному положению. Соответственно даже факт проникновения вотчинных отношений в германскую деревню на этом этапе еще не означал подчинения деревни и ее традиционной организации вотчине, и ее владельцу.

Хотя обычно именно в крупных монастырских хозяйствах, действительно, раньше всего вводились всевозможные новшества, в монастырском землевладении даже на западе страны наряду с трехпольем встречается еще и архаичное двухполье. О победе трехполя в Германии к востоку от Рейнской области к началу X в. говорить тем более нет оснований. По всей видимости, тогда одновременно сосуществовали самые разные типы землепользования.

Обитатели деревни описываются в источниках преимущественно терминами «варварских прав»: свободные, литы, сервы. В реальности X в. за каждым из этих понятий стоят группы лиц весьма различного статуса. Особенно существенна неопределенность понятия «свободный»: оно может обозначать и светского вотчинника и мелкого самостоятельного аллодиста, и человека, находящегося в той или иной слабой форме зависимости. Постепенное сближение разных групп земледельческого населения как по их реальному правовому статусу, так и в сознании современников происходит по мере выделения и оформления особого слоя служилых людей, занимающихся только военным делом. Обобщенное понятие «крестьянин» — *rusticus* Bauer — появляется только в XI в. и свидетельствует о том, что грань между невоюющими земледельцами и не работающими на земле профессиональными воинами в обществе в целом определилась. Другой стороной того же процесса стало некоторое повышение статуса самых низких групп населения, в частности рабов. Главными поставщиками рабов в Германию были фризы. Они покупали или захватывали рабов в основном у языческих племен, живших по берегам Балтики. Убийство рабов в принципе запрещалось, но на практике, видимо, не являлось чем-то исключительным. Впрочем, уже переход раба в христианство улучшал его положение. Только с XI — начала XII в. рабы как социально-значимая категория населения постепенно исчезает.

Германская знать представляла собой совокупность более или менее обширных родственных групп, взаимоотношения которых между собой во

многим определили, как политическую историю Германии вообще, так и пути становления германского королевства, в частности. Насколько можно судить, знатность приносила земельные богатства, а не обладание землей доставляло знатность. С течением времени соотношение между старой племенной знатью и уже вполне феодальной, выросшей из среды свободных на службе у короля или герцога, начинает меняться в пользу последней. Однако для периода ранее середины XI в. не удастся обнаружить, из каких именно центров известные по письменным источникам знатные германские семейства осуществляли свою власть. Возможно, это связано с тем, что возводить бургы — укрепления из дерева и земли, а позже и из камня — до той поры считалось исключительной прерогативой короля.

Объединение восточно-франкских земель саксонскими герцогами. Восточно-франкские короли, герцоги и знать довольно удачно сдерживали натиск викингов на свои владения. Зато появление в Подунавье кочевых племен мадьяр (венгров) оказало самое тяжелое воздействие на оседлые народы Центральной Европы. Под ударами венгров погибла так называемая Великая Моравская держава — крупное объединение славян, соседствовавшее на западе с Баварией. Постоянные набеги мадьяр нанесли тяжелый ущерб и всем германским землям. Вместе с тем венгерская угроза, по всей видимости, способствовала объединению германских герцогств в одно королевство.

После смерти последнего государя Восточно-Франкского королевства из династии Каролингов впервые королем был избран представитель местного знатного рода — франконский герцог Конрад I (911—918). Он натолкнулся на решительное сопротивление большинства других герцогов и умер, по сути дела потерпев поражение в борьбе с ними. После его смерти королями почти одновременно были провозглашены герцоги двух сильнейших, хотя очень разных по уровню хозяйственного, культурного и политического развития герцогств — Баварии и Саксонии. Корона в конце концов осталась за саксонским герцогом Генрихом, но ему пришлось отказаться от всякого вмешательства в баварские дела. С провозглашения королем Генриха I принято начинать историю германского королевства.

Генрих I (919-936) сумел успокоить страну после десятилетий бесконечных смут и добиться в своем королевстве относительного мира. Ради его достижения король всячески стремился заручиться симпатией и поддержкой германской знати. Чтобы подчеркнуть свою близость к ней, он даже отказался от обычного у франкских королей церковного помазания на царство и коронации — обрядов, возвышавших «помазанника Божьего» над всеми знатными людьми его королевства. При поддержке знати Генриху удалось в очередной раз «переподчинить» Восточно-Франкскому королевству развитую и богатую Лотарингию. Генрих сумел наладить неплохие отношения с церковью, объединить германские племена и разные группировки знати для отпора венграм и добился первых успехов в борьбе с этими опасными кочевниками благодаря широкому строительству бургов и организации сравнительно многочисленной тяжелой конницы.

Возникновение такого конного войска (на первых порах в основном из лично зависимых от короля или герцогов людей) было важным этапом складывания феодальной знати и преобразования социальных отношений в германском обществе в целом.

Сын Генриха I Оттон I (936-973) продолжал политику отца в деле организации отпора мадьярам. Его войску из немецких и чешских тяжеловооруженных конников удалось в 955 г. нанести на р. Лех у Аугсбурга настолько сокрушительное поражение венграм, что те навсегда оставили в покое германские земли. Однако в остальном Оттон I порвал со многими традициями Генриха I. Так, уже начиная со своей подчеркнуто торжественной коронации в Ахене, Оттон I стремился во всем утвердить превосходство короля над герцогами и всей прочей знатью. Ценой ему за это были восстания и мятежи, потрясавшие германские земли много лет подряд.

2. Итальянская политика немецких королей. Создание империи

Итальянские походы и римская коронация Оттона I. Решение начать военные походы в Италию Оттон I принял скорее всего просто потому, что видел в себе достойного преемника франкских государей, продолжателя их давней традиции коронования в Риме. В X в. распад каролингской империи вовсе не представлялся окончательным. Напротив, именно при Оттоне I, имевшем сильное влияние и в Западно-Франкском королевстве, возрождение державы Карла Великого могло казаться вполне вероятным. Приобретение императорского титула «по всем правилам» в Риме было в этих обстоятельствах действием вполне логичным.

Во время первого похода за Альпы в 951 г. Оттон I не смог достичь Рима, но зато освободил из заключения законную наследницу итальянского королевства, женился на ней и был провозглашен местной знатью королем Италии.

В 962 г., воспользовавшись приглашением римского папы Иоанна XII, оказавшегося в весьма затруднительном положении, Оттон I прошел, не встречая сопротивления, через всю северную Италию и вступил в Рим. В «Вечном городе» он был торжественно провозглашен императором. Современники Оттона I видели в этой церемонии только обновление давней франкской традиции. Но впоследствии римская коронация 962 г. стала представляться событием рубежным: с этого года принято отсчитывать историю новой, теперь уже германской, империи.

Имперская церковь. Осуществление власти на больших территориях было на протяжении всего средневековья труднейшей задачей. Для средневекового монарха самым надежным способом реализовать свою волю в той или иной точке страны было его личное присутствие там. Это одна из причин, почему императоры из Саксонской династии, точно так же, как и многие другие государи, находились в постоянных разъездах. В столь обширной державе, как империя Оттона I, однако, явно требовались и другие средства управления.

Самым эффективным способом осуществлять власть, опробованным еще Карлом Великим, было использование в интересах королевства церковной организации. Если Генрих I больше опирался на светскую знать, то для Оттона I и его преемников главным средством управления страной становится именно церковь. Оттон I систематически наделял имперские монастыри и епископства обширными землями и широкими привилегиями, при этом назначая епископами и аббатами верных себе людей. (Каноническое избрание не отменялось, но становилось простой формальностью). От поставленных королем прелатов требовалось исполнение в интересах империи широкого круга чисто светских обязанностей — от судебных до фискальных и военных. Начиная с Оттона III, епископы стали получать даже графские полномочия. Как и в пору расцвета Каролингской империи, до трех четвертей тяжелой конницы в оттоновское войско приводили с собой епископы и аббаты.

Щедрыми дарами церкви германские государи отнюдь не подрывали материальные основы собственной власти. До тех пор, пока короли могли распоряжаться высшими церковными должностями по собственному усмотрению, они были в состоянии ставить все ресурсы церкви себе на службу. Эти ресурсы за счет новых дарений постоянно возрастали, поскольку церковное имущество, в отличие от светского, не могло делиться между наследниками и, следовательно, дробиться. Отчуждалось оно также крайне редко. В отличие от «светских» феодалов, принадлежащее церкви не могло со временем превратиться в собственность какого-либо знатного рода. Вполне логично, что в германских землях именно императора, щедро одаривающего церковь, но и по своей воле распоряжающегося церковными должностями, привыкли считать главой церкви и даже наместником Христа на земле. Церковная организация, подчиненная императорам и составляющая основу их власти, получила в историографии название «имперской церкви».

«Римская империя» Оттонов. Оттон II (973-983) старался продолжать политику своего отца, но ему меньше сопутствовала удача. Предприняв попытку подчинить своей власти юг Италии, Оттон II потерпел сокрушительное поражение от арабов и едва избежал византийского плена (982). В отношениях между империей Оттонов и Византией вражда чередовалась с попытками заключить союз. Оттон I добился для своего сына — будущего Оттона II — руки византийской принцессы Феофано (Теофано), правда, как оказалось, не порфирородной (а следовательно, не приносившей супругу прав на константинопольский престол). После смерти мужа Феофано с удивительным мастерством семь лет управляла империей в малолетство своего сына.

По рождению наполовину сакс, наполовину грек, считавший себя потомком Карла Великого и византийских василевсов, получивший по своим временам очень хорошее образование, Оттон III (994 -1002) был уверен в том, что ему самой судьбой предназначено возродить Римскую империю во всем ее былом величии. Немедленно после объявления совершеннолетия Оттон III устремился в Италию, где сумел быстро получить корону

итальянского королевства и впервые в истории возвести немца на папский престол. Новый папа Григорий V тут же короновал своего государя в Риме. Отгон III мечтал о создании единой христианской мировой державы с центрами в Риме и Аахене, а возможно, и в Константинополе. Он устроил себе постоянную резиденцию в Риме на месте, где когда-то стоял дворец римских императоров, и завел двор по византийскому образцу. Римских пап Отгон III решил поставить под прямой и постоянный контроль, а потому не стал подтверждать привилегий, полученных апостольским престолом от Пипина и Оттона I, и даже назвал фальшивкой «Константинов Дар». После смерти Григория V император поставил папой под именем Сильвестра II своего наставника в науках и старшего друга ученого Герберта из Орильяка.

Всемирную «Римскую империю» Оттон III представлял, вероятно, как совокупность самостоятельных христианских королевств, подчиненных власти единого императора. Политические проекты Оттона III не встретили сочувствия среди знати Германии, которой отводилось место лишь одного из королевств, составлявших империю. Еще хуже относились к идеям императора в Италии, поскольку они самым серьезным образом затрагивали интересы многих влиятельных сил — от римского духовенства до соперничавших между собой многочисленных семейств итальянских нобилей. В конце концов в Риме поднялся мятеж, Оттон III бежал из города и вскоре в возрасте двадцати двух лет скончался, не оставив наследника. Королевская корона перешла к представителю боковой ветви Саксонской династии Генриху II (1002-1024), совершенно чуждому романтическим политическим фантазиям своего предшественника.

Отношения государей Саксонской династии с их восточными соседями. На востоке германские племена вдоль всей границы своего расселения, от Балтики до Адриатики, соприкасались с разными по уровню развития славянскими племенами. Наиболее беспокойной издавна была граница между саксами и ободритами, часто опустошавшими земли друг друга. Первый же король из Саксонской династии Генрих I предпринял большой поход на племена заэльбских славян (929) и подчинил в той или иной форме многие из них. Оттон I сделал следующий шаг — он образовал ряд марок на славянском пограничье и начал активную христианизацию славян, создав для этого на их землях несколько епископств. Оттон I основал и новое архиепископство с центром в Магдебурге специально ради организации широкого миссионерства среди язычников-славян. Распространение христианства должно было прочно включить вчерашних язычников в имперскую церковную организацию, а значит, и в саму империю. Кроме того, борьба с язычеством считалась прямой обязанностью всякого императора — главы христианского мира — уже в силу его сана. Первым архиепископом Магдебургским Оттон I назначил «епископа русов» Адальберта, ездившего в 961—962 гг. по приглашению послов княгини Ольги с миссионерскими целями в Киев, но обманувшегося в своих надеждах и вынужденного быстро вернуться.

Однако усилия Оттона I по христианизации прибалтийских славян оказались напрасными. В 983 г. заэльбские племена подняли восстание, в ходе которого освободили свою землю, уничтожили там все церковные учреждения и вернулись к язычеству. Им удалось даже разгромить Гамбург. После этого более столетия все попытки как немцев, так и поляков вновь насадить христианство у ободритов и соседних племен и подчинить их себе оставались безуспешными.

Оттон III в отличие от своего деда, не стремился включить все новообращенные земли на Востоке Европы в систему немецкой церковной организации. При его согласии были созданы независимые от немецких прелатов архиепископства в Гнезно и Эстергоме. Приобретенная таким образом церковная самостоятельность Польши и Венгрии послужила одной из важных основ складывания в этих странах самостоятельных королевств. Близким ко двору Оттона III был и миссионер Бруно Кверфуртский, в 1008 г. отправившийся проповедовать христианство печенегам и посетивший по дороге Киев.

«Оттоновское возрождение». По сравнению с «темной» порой развала каролингской державы конца IX — начала X в. правление Оттонов ознаменовалось некоторым подъемом образования и культуры. Этот подъем опирался как на традиции «каролингского возрождения», сохранившиеся в таких аббатствах, как Фульда или Санкт-Галлен, так и на резко участвовавшие контакты германской знати с Италией и Византией в рамках имперской политики государей Саксонской династии. В особенности усилила византийские культурные влияния и придворных кругах женитьба Оттона II на Феофано. Оттон III сумел привлечь к своему двору из разных стран нескольких известных современников, самым знаменитым из которых был Герберт Орильякский — папа Сильвестр II.

В Германии центрами образования и культуры, как и раньше, были крупные аббатства (Лерш, Корвея и др.), но наряду с ними все большее значение начинают приобретать и центры некоторых епископств (Хильдесхайм, Мадерборн).

Хотя «Оттоновское возрождение» было слабым даже по сравнению с «возрождением» Каролингским, оно отмечено серьезными успехами по крайней мере в историописании. Приближенный к семье Оттонов монах Видукин из знатного саксонского рода в своей «Истории саксов» прославляет прошлое и настоящее родного племени. Характерно, что к далеким итальянским предприятиям Оттона I отношение у саксонского «патриота» Видукинда весьма прохладное. Крупнейший исторический памятник поры саксонских императоров — «Хроника» Титмара, епископа Мерзебургского. Начатая как история отдельного епископства, «Хроника» превратилась в уникальное сочинение, описывающее исторические события как по всей империи, так и у ее соседей на востоке, в том числе и на Руси.

Очень своеобразной фигурой «Оттоновского возрождения» была монахиня Росвита (Гросвита), которую часто называют первой немецкой писательницей. Она сочинила несколько латинских поэм и драм как

церковного, так и светского содержания, а также апологетическую историю правления Оттона I в стихах.

3. Империя и папство. Борьба за инвеституру

Императоры и церковная реформа. Назревание кризиса. Со смертью бездетного Генриха II (1024) прекратилась Саксонская династия. Германская знать избрала королем Конрада II из древнего франконского рода, членов которого позднейшие авторы называли Салиями. Германская корона принадлежала государям Франконской (иначе Салической) династии вплоть до 1125 г.

В годы правления одного из них — Генриха III (1039-1056) раннесредневековая германская империя достигла своей вершины. Система имперской церкви действовала безотказно, и император твердой рукой правил своей державой. Генрих III, как и его предшественники, считал себя наместником Христа на земле и полагал, что помазание на царство дает государю, помимо прочего, благодать священства. *Rex et sacerdos* (король и священнослужитель) — формула, отражавшая представление о двояком — светском и религиозном — характере власти императора. Генрих III всячески поддерживал стремление к обновлению церкви, резко усилившееся в Западной Европе в X-XI вв. Хотя в германском монашестве и зародились движения, напоминавшие клюнийское, главным инициатором церковной реформы в Германии была императорская власть, видевшая в церкви свою важнейшую опору и потому заинтересованная в ее всемерном укреплении.

Генрих III в 1046 г. самовластно низложил трех соперничавших между собой пап — ставленников разных групп итальянской знати — и поставил нового папу, немца по происхождению. Папы родом из Германии, прямо назначавшиеся императором, правили в Риме с 1046 по 1057 г. и сделали очень много для обновления церкви. Никто тогда не предполагал, что усилившаяся в результате реформ римская церковь вскоре выйдет из подчинения императорам.

Причины глубокого кризиса императорской власти, приближение которого стало чувствоваться уже в последние годы правления Генриха III, состояли, однако, не столько в росте самостоятельности римской церкви, сколько в социальных сдвигах в самой Германии. Процесс феодализации, который ранее привел к распаду западной части каролингской империи, теперь стал делать быстрые успехи в Германии. Место немногочисленной племенной верхушки, с которой приходилось иметь дело Оттонам, заняла новая — феодальная — знать. Она состояла из значительно большего числа влиятельных семейств, уже сумевших собрать и прочно закрепить за собой крупные комплексы владений, как родовых, так и полученных за службу. Именно позиция новой знати стала постепенно в весьма большой степени определять успехи и неудачи германских государей.

Кризис начался в правление Генриха IV (1056-1106). Уже в малолетство этого государя разные группировки германской знати вели между собой ожесточенную борьбу. Но настоящие испытания для императорской власти

наступили несколько позже — во время Саксонского восстания и в особенности так называемой борьбы за инвеституру.

Жители Саксонии давно уже были недовольны переходом королевской короны к династии из другого герцогства. Когда же Генрих IV начал решительно укреплять свои позиции и имущественные права в Саксонии, создавая подобие королевского домена на подступах к богатым серебром горам Гарца, саксы ответили восстанием (1073). В начавшемся мятеже приняли участие все слои саксонского общества; восставших тайно или явно поддержали недовольные королем князья и в других частях Германии. Генрих IV едва спасся и вскоре вынужден был согласиться на требования повстанцев. Однако осквернение мятежными крестьянами захоронений ближайших родственников государя резко изменило настроение в стране. Германские князья пришли на помощь Генриху IV, королю удалось договориться с некоторыми из знатных повстанцев, и в 1075 г. саксонское войско было разбито, причем крестьянское ополчение уничтожено полностью.

«Борьба за инвеституру». Саксонское восстание было прологом к гражданской войне, охватившей всю Германию. Причиной ее стала, как говорили современники, «борьба за инвеституру».

В древнегерманском обществе переход недвижимости от одного владельца к другому закреплялся символической передачей какого-либо предмета, например, стебля травы. В X—XI вв. из этого обычая развился новый — публичное вручение одним лицом другому, стоящему ниже его по иерархии, определенных символических предметов. Это действие означало передачу части властных полномочий, а также связанных с ними земель, доходов, прав; оно получило название инвеституры. Светского князя германский государь инвестировал обычно знаменем, церковного — кольцом и посохом. Каждый новый епископ сначала должен был получить эти предметы из рук короля или его представителя, затем они освящались и вручались ему повторно — уже в ходе церковного обряда посвящения.

В XI — начале XII в. разгорелся острейший конфликт между императорами и папами, формально — по вопросу об инвеституре епископов. Папы, вдохновлявшиеся идеями церковной реформы и стремившиеся освободить церковь от влияния светских властей, стали усматривать в королевской инвеституре недопустимый акт симонии: избрание духовных лиц — внутреннее дело церкви, вмешиваться в которое не имеет права ни одно светское лицо, в том числе и сам император. Однако императоры не собирались, естественно, отказываться ни от давнего обычая, позволявшего им свободно распоряжаться церковными должностями, ни от своего понимания императорского сана («Rex et sacerdos»).

На последней стадии «спора об инвеституре» правоведы императора особо остро ставили вопрос о владениях, пожалованных церкви светскими властителями. Если папа, ссылаясь на Новый Завет, отстаивает независимость церкви от императорской власти, то пусть он вернет церковь к бедности апостольских времен, возвратив светским властям все имущество,

подаренное ими церкви. Если же он желает сохранить эти владения, то пусть несет за них соответствующие обязательства перед империей.

Сущность «спора из-за инвеституры» состояла, разумеется, не в ритуальных формальностях, а в том, под чьим контролем должна находиться церковная организация — главная опора власти в империи, являвшейся крупнейшим политическим образованием Западной Европы (оно включало германские земли, Бургундское королевство и значительную часть Италии). В самом общем плане «спор за инвеституру» решал вопрос о том, кому быть во главе христианского мира — императорам или папам.

Отношения между Генрихом IV и избранным в 1073 г. папой Григорием VII были вначале вполне мирными. Еще в 1074 г. Григорий VII, предвосхищая идею Крестового похода, предполагал отправиться во главе христианского войска в Святую Землю, оставив Генриха IV управлять вместо себя церковью. Но когда Генрих осенью 1075 г. своей волей поставил трех итальянских епископов, папа в категорических выражениях потребовал от короля отменить эти назначения и впредь оказывать должное послушание преемнику апостола Петра.

В ответ большинство немецких епископов по требованию Генриха IV отказали в повиновении папе. Король потребовал от «Гильдебранда, более не папы, но лжемонаха», чтобы он немедленно освободил Римскую кафедру. Тогда Григорий VII прибег к неслыханному до того средству: он публично отлучил Генриха IV от церкви, объявил его низложенным и освободил всех подданных короля от клятвы верности (1076 г.).

Впечатление, произведенное этим решительным шагом Григория VII, было исключительным. От императора отвернулось большинство князей, германские епископы один за другим стали слать папе покаянные письма. Все враги Генриха в самой Германии увидели в папском отлучении удобную возможность для возобновления борьбы; князья договорились не признавать его королем, если он пробудет под папским отлучением более года. Именно это решение вынудило Генриха IV в январе 1077 г. спешно отправиться вымаливать прощение у папы в Каноссе.

Примирение сторон было, однако, лишь кратковременным. Смуты и внутренние войны почти непрерывно сотрясали германские земли, не прекратившись даже после свержения Генриха IV с престола его сыном — Генрихом V (1106-1125). Генрих V собирался мириться с папами, но логика политической борьбы заставила и его продолжить старый конфликт. Борьба императоров с папами шла с переменным успехом в зависимости от того, на чью сторону в тот или иной момент склонялись германские светские и духовные князья. Генрих IV сумел занять Рим и получить из рук поставленного им «антипапы» императорскую корону (1084 г.), Генрих V однажды даже захватил римского папу в плен, но добиться победы над римской церковью не удалось ни тому, ни другому. Всех поставленных целей не смогла достичь и римская церковь.

«Борьба за инвеституру» весьма способствовала развитию политико-правовой мысли в Западной Европе. Появилось немало трактатов, в которых

сторонники пап и императоров подробно обосновывали свои позиции и старались опровергнуть аргументы противников. В ходе страстных споров, которые велись тогда не только в ученой среде, порой рождались суждения и идеи, далеко отходившие от принятых ранее норм.

Вормсский конкордат и итоги кризиса. Многолетний конфликт истощил обе стороны и привел их в конце концов к заключению в 1122 г. в Вормсе конкордата (т. е. соглашения). Генрих V торжественно отказывался от инвестирования епископов посохом и кольцом и обязывался признавать выборы епископов, осуществленные по каноническим правилам. Папа соглашался с тем, что избрание епископа должно проводиться в присутствии короля (или его представителя). Если из-за несогласий в соборном капитуле избранными будут считать себя сразу двое, за государем остается право поддержать сторону, которую он считает правой. Канонично избранный епископ мог немедленно занять свой пост. Однако, чтобы вступить во владение имуществом церкви (без которого власть епископа оставалась бы призрачной), ему все-таки необходимо было пройти обряд инвеституры и получить от императора жезл. (В отличие от посоха и кольца, жезл был предметом «нейтральным», не относившимся к обязательным атрибутам епископского сана). Очень важным было то, что в Германии инвеститура жезлом могла проводиться перед церковным посвящением епископа, тогда как в других областях империи — Бургундии и Италии — лишь спустя полгода после него.

Вормсский конкордат наносил существенный удар по системе «имперской церкви». Из нее (а значит, и из сферы власти императора) по сути дела изымались Италия и Бургундия. Инвеститура скипетром в этих краях становилась формальностью, и у императора не оставалось средств для прямого влияния на посвящение епископов. В Германии, напротив, такое влияние сохранялось. В результате Вормсского конкордата в Германии укрепились позиции не столько папы, сколько германских князей — ведь именно из членов княжеских родов и состояли по большей части церковные капитулы, которые должны были «свободно избирать» новых епископов. Соответственно, реальное выполнение конкордата в Германии зависело от состояния отношений между государем и князьями в каждой конкретной исторической ситуации. «Сильным» императорам и много лет спустя после Вормсского конкордата удавалось распоряжаться епископскими кафедрами по собственной воле.

В итоге кризиса империи конца XI — начала XII в. окончательно изменилась сущность связей между императором и германской знатью. Они в полной мере приобрели характер вассально-ленных отношений, что, естественно, означало снижение возможностей центральной власти. Ослабление связей между императором и германской церковью привело к тому, что монархи все больше искали себе опору среди министериалов. Такая ориентация станет характерной чертой политики государей Салической династии и сменившей ее династии Штауфенов.

4. Политическое развитие империи в XIII в.

Империя при Штауфенах. С трудом оправившись от кризиса времен «борьбы за инвеституру» и приспособившись к новым условиям, средневековая империя вновь переживает подъем в годы правления государей из династии Штауфенов (Гогенштауфенов) (1138—1254). Некогда не слишком значительный швабский род оказал решительную поддержку Генриху IV в самые трудные для него годы. За свою верность государю Штауфены получили титул герцогов Швабии и породнились с королевской семьей. То и другое позволило им быстро сконцентрировать в своих руках обширные владения в Швабии и прилегающих землях, а затем и выдвинуть претензии на корону. Главным соперником Штауфенов в Германии на протяжении десятилетий был богатый и влиятельный род Вельфов, связанный родственными узами с английскими королями из дома Плантагенетов. Самый могущественный из Вельфов — Генрих Лев (1142-1195) правил одновременно в двух крупнейших германских герцогствах — Баварии и Саксонии. Штауфены и Вельфы то враждовали друг с другом, то шли на взаимные уступки, заключали брачные союзы и политические соглашения. Именно в результате одного из компромиссов с Вельфами Штауфены смогли получить королевскую корону.

Смуты времен «борьбы за инвеституру» привели, в частности, к укреплению права германской знати избирать себе королей. В результате наследственная монархия в средневековой Германии так и не сложилась. «Сильный» император мог заставить князей еще при его жизни избрать королем своего сына и наследника, но заменить сам принцип выборности правом наследования не удалось никому. Княжеское право избирать короля не позволяло сложиться ни прочному королевскому домену, ни другим институциональным основаниям королевской власти. В их отсутствие судьба династии и королевства сильно зависела от личности монарха, от продолжительности правления и т. п. Королевская власть при Штауфенах, опиравшаяся прежде всего на имперских министриалов и на сформировавшуюся к тому времени систему ленных связей, была относительно сильной. Немалые денежные средства, оказывавшиеся в их распоряжении, впервые позволили императорам набирать наемные войска. И все же германским государям приходилось все чаще покупать поддержку князей ценой тех или иных уступок.

Наиболее важную роль в истории XII — первой половины XIII в. сыграли три императора из рода Штауфенов: Фридрих I (1152-1190), его сын Генрих VI (1191-1197) и внук Фридрих II (1212-1250).

Характерной чертой политики всех Штауфенов было настойчивое стремление подчинить своей власти Италию. Если Оттоны (за исключением Оттона III) и Салии ограничивались отдельными экспедициями за Альпы, то Штауфены последовательно стремились превратить Италию в главную опору своей власти. При этом им, естественно, то и дело приходилось сталкиваться с папами, видевшими в Италии область исключительно собственного влияния. Многолетняя борьба императоров с Римом поэтому представляла

собой не столько соперничество двух универсалистских сил, претендовавших на лидерство во всем христианском мире, сколько столкновение конкретных политических интересов германских государей и пап в Италии.

Вторым после папы противником Штауфенов в Италии было возникшее в 1130 г. норманнское Сицилийское королевство. Со временем в Северной Италии выросла еще одна могущественная сила — городские коммуны. Большая часть их во главе с Миланом чаще противостояла императорам, меньшая, обычно возглавлявшаяся соперницей Милана Кремоной, была склонна в основном поддерживать их. У германских государей было немало постоянных или временных союзников в Италии, но императоры с трудом разбирались в сложных и быстро менявшихся хитросплетениях политической борьбы там, что не раз приводило их к серьезным поражениям.

Император Фридрих I, вошедший в историю с данным ему потомками итальянским прозвищем Барбаросса (т.е. Рыжебородый), в течение ряда лет старался создать в Северной Италии подобие собственного домена. Развитие процессов феодализации в Германии сделало насущной задачей для ее государей формирование мощного комплекса собственных фамильных владений как основы власти в стране. Фридрих I пытался создать такой комплекс в самой богатой области империи. Правовое обоснование его претензий разработали болонские юристы, опираясь на римское право. Представление о том, что средневековая империя является непосредственным продолжением империи Августа и Константина, весьма способствовало так называемой рецепции (т. е. восприятию) и широкому распространению в Западной Европе начиная с XII в. норм классического римского права.

Шесть раз отправлялся Фридрих I походом в Италию для осуществления своих политических планов. Решающую роль в их судьбе сыграло сражение при Леньяно (1176), когда войско императора потерпело поражение от ополчения союза ломбардских городов, поддержанного папой. Одной из основных причин такого исхода битвы стал отказ Вельфа Генриха Льва прислать на помощь императору свои войска. После Леньяно Фридриху I пришлось идти на заключение мирных договоров с папой (1177) и Ломбардской лигой (1183). По этим соглашениям император вынужден был отказаться от ряда своих важнейших претензий в Северной Италии. Последствием поражения при Леньяно стали и имперские судебные процессы против Генриха Льва (1179—1180), после которых у Вельфа силой были отняты почти все его владения, а сам он изгнан в Англию.

Итальянская политика Фридриха I получила развитие при его сыне императоре Генрихе VI. По стечению обстоятельств он стал наследником Сицилийского королевства и сумел силой подтвердить свое право на южноитальянскую корону. Военный поход, который закончился пышной коронацией Генриха VI в Палермо (1194), стал возможен благодаря огромному выкупу, заплаченному англичанами Генриху за освобождение из неволи короля Ричарда I Львиное Сердце. Объединение под властью одного государя империи и Сицилийского королевства вызвало чрезвычайное

беспокойство как в Риме, так и в Константинополе. Энергичный Генрих VI вынашивал планы подчинения Византии и освобождения Святой Земли, но в разгар подготовки к Крестовому походу он неожиданно умер в цветущем возрасте.

Рано осиротевший сын Генриха VI Фридрих родился и вырос в Сицилийском королевстве под опекой папы Иннокентия III. Хотя объединение корон Сицилии и Германии было крайне невыгодно Риму, обстоятельства заставили Иннокентия III выдвинуть именно юного Сицилийского короля своим претендентом на германский трон. В 1212 г. Штауфен стал германским королем, а через восемь лет императором Фридрихом II. Несмотря на то, что Фридрих II был ставленником римской церкви, именно при нем борьба между империей и папством достигла исключительного ожесточения. Решительно продолжая политику отца и деда в Северной и Средней Италии, Фридрих II мог опираться на большие ресурсы исключительно централизованного по меркам XIII в. Сицилийского королевства. Много лет находясь под церковным отлучением и даже объявленный папой низложенным, как когда-то Генрих IV, Фридрих II с переменным успехом вел войны за подчинение Италии. Неожиданная кончина (1250) застала его в тот момент, когда чаша весов, казалось, в очередной раз стала клониться в его сторону.

Правление Штауфенов пришлось на время расцвета крестоносного движения. Неудивительно, что на первом месте после итальянской политики для каждого из государей этой династии стояло дело освобождения Гроба Господня. Конрад III был одним из предводителей неудачного Второго крестового похода (1147—1149), Фридрих I Барбаросса умер на пути в Палестину, Генриху IV только смерть помешала отправиться в «паломничество», зато Фридрих II (находившийся под отлучением) высадился с небольшим войском в Святой Земле (Шестой крестовый поход). Без единого сражения император договорился с египетским султаном о мирной передаче Иерусалима, Вифлеема и Назарета на несколько лет под власть христиан. Сам возложив на свою голову корону в храме Гроба Господня, Фридрих II подтвердил принятый им уже ранее титул короля Иерусалимского.

«Освобождение» Иерусалима в 1229 г. тесно связано с представлениями Штауфенов, в особенности Фридриха II, о роли империи и императора в судьбах человечества. Хотя германские государи всегда считали себя стоящими во главе христианского мира, из этого не делалось политических выводов о необходимости подчинить силой оружия всех христиан. Но то, что христианская «Римская империя», согласно общепринятому пониманию пророчества Даниила, является последней (четвертой) мировой державой, возлагало именно на императоров ответственность за состояние, в котором человечество встретит Страшный Суд. Империя для Штауфенов — не только политическое образование, но и метафизическое явление, она освящена Богом и имеет исключительное значение для исполнения Божественного промысла. Не случайно именно со времен Штауфенов обычным названием

германской державы становится *Sacrum imperium*, или *Sacrum Romanum imperium* — Священная (точнее, Освященная) империя, или же Священная Римская империя. В духе эсхатологических ожиданий, столь характерных для XII—XIII вв., распространялось представление о Штауфенах как последней императорской династии перед вторым пришествием. Освобождение императором Иерусалима от власти неверных — важный пункт в пророчествах о конце света, так что именно во Фридрихе II нередко видели императора, завершающего мировую историю.

Сам Фридрих II чем дальше, тем больше подчеркивал мессианский характер своей власти, называя себя образом и наместником Всевышнего, повелителем мира и четырех элементов, одушевленным законом, новым Константином, основателем золотого века, всеобщего мира (*Friedrich* — «царство мира»), а после коронации и Иерусалиме еще и преемником царя Давида. Местечко, где родился император, сравнивалось с Вифлеемом, канцлер Фридриха — с апостолом Павлом. Во время торжественных процессий император раздавал народу благословения, словно он был священником или, скорее, мессией. На взгляд современников, Фридрих II также представлял в эсхатологическом свете то как Антихрист или предтеча Антихриста, то в качестве апокалипсического Зверя.

Сам Фридрих, однако, был весьма далек от религиозного фанатизма. В беседе с людьми султана он позволял себе подсмеиваться над христианскими обрядами и с одобрением отзывался об исламских обычаях. Книга о соколиной охоте, написанная Фридрихом II, выдает в авторе человека весьма рационального склада мышления. Может быть, враги государя были не так уж далеки от истины, когда утверждали, что он отзывался о Моисее, Иисусе и Мухаммаде как о трех величайших обманщиках в истории.

Эсхатологически окрашенный у современников образ Фридриха II породил легенду о том, что император не умер в 1250 г., а таинственно скрылся, чтобы появиться в конце времен, реформировать церковь и установить царство всеобщего мира. На протяжении всей второй половины XIII в. в Италии и Германии появлялись самозванцы, выдававшие себя за Фридриха II.

Политическое развитие во второй половине XIII в. В 1254 г. после ряда одержанных побед умирает последний король из дома Штауфенов — сын и преемник Фридриха II. С этого времени начинается почти тридцатилетнее «междоцарствие», когда в Германии не было общепризнанного государя. Папам и их союзникам удалось со временем искоренить весь люто ненавидимый ими род «гонителей церкви» Штауфенов. Последний законный отпрыск штауфенского рода — юный внук Фридриха II швабский герцог Конрадин — попытался в 1268 г. отвоевать Сицилийское королевство, но проиграл сражение, попал в плен и был обезглавлен победителями в Неаполе. Смутное время княжеских междоусобиц, в ходе которых были разграблены многие имперские владения в Германии, продолжалось до 1273 г., когда князья избрали на престол Рудольфа I (1273—1291) из скромного швабского рода графов Габсбургов.

«Междучарстviем» в полной мере воспользовались германские князья, начавшие переходить к объединению комплексов своих владений в более или менее сплошные территории. От старых племенных герцогств к тому времени уже мало что осталось, вследствие как общего развития феодализации в Германии, так и сознательной политики императоров. Фридрих I Барбаросса, например, после победы над Генрихом Львом раздробил старое Саксонское герцогство на ряд самостоятельных княжеств. Он же отделил от Баварии возникшую еще в X в. Восточную марку, наделил ее значительными привилегиями и сделал герцогством Австрию. Швабское герцогство после угасания Штауфенов распалось на множество независимых владений. Зато новое Австрийское герцогство, отвоеванное королем Рудольфом I у сильнейшего имперского князя — короля Чешского, станет со временем ядром обширных земель габсбургского дома.

Приобретение Рудольфом I Австрии явилось важной вехой не только в истории Габсбургов, но и в эволюции королевской власти в Германии. После поражения Штауфенов и десятилетий междучарстviя верховные права и прерогативы императоров были ослаблены настолько, что каждому германскому государю приходилось править, рассчитывая прежде всего на ресурсы собственного фамильного княжества. Для государей из дома Габсбургов это была Австрия и присоединенные к ней со временем земли, для Вительсбахов — Бавария, для Люксембургов — Чехия. Единого для всех династий королевского домена в Германии так и не образовалось.

5. Социально-экономическое развитие Германии

Аграрные отношения. Быстрый демографический подъем в XI в. вызвал аграрное перенаселение и, соответственно, нехватку обрабатываемых земель. Следствием этого стало резкое расширение внутренней колонизации. До начала XIV в. по всей Германии интенсивно расчищались леса, осушались заболоченные равнины. Расчистки всячески поощрялись сеньорами, и крестьяне, бравшиеся за освоение новых земель, пользовались немалыми льготами. Поэтому вновь основанным поселениям не свойственна социальная пестрота деревень предшествующего периода. Теперь все жители зависели от одного и того же сеньора и несли перед ним примерно одинаковые обязанности. Это способствовало объединению крестьян — не случайно именно в поселениях, возникших на расчистках, историк обнаруживает классические образцы общины-марки.

Положение крестьянства в XII—XIII вв. в целом существенно улучшается. Сокращается число лиц, находящихся в тяжелых формах зависимости, идет определенное усреднение статуса землевладельца, в большинстве районов Германии заметно укрепление наследственных прав крестьян на их участки. Права жителей «старых» деревень постепенно начинают подтягиваться к правам колонистов, осваивавших новь. Во многих случаях деревня становится отдельным низшим судебным округом. Выход значительных групп крестьянства из личной зависимости давал им права на владение движимым имуществом, а это, в свою очередь, ускоряло процессы имущественной дифференциации в деревне. Сдвиги в деревне

стимулировались и развитием городской жизни. Все эти обстоятельства вызвали, по все видимости, значительный рост аграрного производства в XII—XIII вв.

Известно лишь одно крупное столкновение между крестьянами и господами в Германии в ту пору. На крайнем севере Германии свободные крестьяне «штединги» (потомки колонистов из Нидерландов), сохранившие весьма архаичные социальные отношения и, возможно, некоторые языческие традиции, вступили в борьбу с бременским архиепископом. В 1232—1233 гг. против обвиненных в ужасных ересьх штедингов пришлось даже объявлять крестовые походы. Крестоносцы терпели вначале поражения, и только в 1234 г. сопротивление крестьян было, наконец, сломлено.

На протяжении XI—XII вв. серьезные изменения происходят и в положении сеньоров. Вотчинное хозяйство теперь получило почти повсеместное распространение, но сам характер вотчины за некоторыми исключениями существенно изменился по сравнению с предыдущим периодом. Большинство рыхлых и разбросанных на огромных территориях вотчин каролингского типа не смогло пережить времена смут и гражданских войн. Нередко от такого старого вотчинного владения в итоге оставался лишь небольшой набор мало связанных между собой прав (чинши и др. сборы, баналитеты, пошлыны и пр.). Чтобы, опираясь на такие владельческие права, постепенно собрать компактное поместье — «излюбленный» тип вотчины в этот период, — сеньорам нужно было приложить много усилий.

Больше всего возможности для приобретения со временем земель, зависимых людей и власти в определенной округе давали судебные права, или банн — полученное от императора право ловить преступников, судить их и наказывать осужденных. Использовать это право для создания крупного комплекса владений можно было потому, что оно распространялось, во-первых, на целый округ, чьи бы владения там ни лежали, а во-вторых, не только на зависимых людей, но и на свободных.

С XI в. замок (бург) становится типичным жилищем знати. Государи Франконской династии, как и Оттоны, продолжают строить королевские бурги. Однако теперь императоры уже не могут сохранить эту прерогативу только за собой. С конца X — начала XI в. крупные, а потом и мелкие сеньоры начинают возводить многочисленные сторожевые башни и бурги сначала в угрожаемых приграничных областях (на Нижнем Рейне и Маасе для защиты от норманнов, позже в Майсенской и Восточной марках), а затем и по всей империи. Внутренние войны второй половины XI — начала XII в. создали условия для возникновения множества рыцарских замков. Замок — важное средство обеспечения господства над всей округой, а не только над отдельными группами зависимого населения, и не случайно с рубежа XI и XII вв. в знатных семействах укореняется обычай называть себя по родовым замкам.

С XI в. видна тенденция к быстрому социальному подъему министериалов. Они смогли сконцентрировать в своих руках значительные средства и начали претендовать на сословные привилегии знати. Примерно в

XIII в. происходит слияние министриалов и рыцарства, что приводит к более четкому отграничению низших слоев знати от прочих групп свободного населения.

Город, торговля и основные промыслы в XI—XIII вв. Римская урбанизация затронула лишь небольшую часть будущей Германии — области к западу от Рейна и к югу от Дуная. Вдоль этих пограничных рек протянулась цепь римских опорных пунктов и укрепленных городов, на месте которых впоследствии выросли Кёльн, Майнц, Вормс, Страсбург, Аугсбург, Вена и др. Многие римские муниципии сумели пережить эпоху Великого переселения народов, но потеряв значительную часть населения и претерпев радикальные перемены в топографии города и его функциях. Как и в других областях бывшей Западной Римской империи, остатки большинства сохранившихся городов со временем превратились в резиденции и владения епископов (Трир, Кёльн, Вормс, Майнц, Зальцбург и др.). В той части Германии, где римских поселений не было, говорить о городской жизни до XI-XII в., как правило, не приходится. Германские, скандинавские и славянские укрепления, торжища и культовые места могли временами собирать значительное число людей, но так и не приобрели черт постоянных городских поселений.

Быстрый рост населения Европы начиная с XI в. стал одной из нажнейших предпосылок постепенного подъема городов. Не случайно наиболее урбанизированная область в Европе к северу от Альп стала с этого времени складываться по нижнему течению Рейна и Мааса — в «нижних землях», или Нидерландах (по большей части относившихся к Германской империи). Именно в этих краях заметен с X-XI вв. особенно сильный демографический подъем. Наряду с другими обстоятельствами (например, исключительно удачным географическим положением), высокая плотность населения способствовала превращению Нидерландов в один из самых развитых регионов средневековой Европы. Отсюда на протяжении всего средневековья исходили импульсы к экономическому и социальному развитию Вестфалии, областей по Рейну, Северной Германии, соседних французских земель. Богатство многочисленных нидерландских городов скапливалось благодаря не только успешной торговле, но и рано развившемуся высокоспециализированному сукноделию. Самым крупным и влиятельным городом в этом регионе стал Брюгге в западной Фландрии.

Население старых римских городов вдоль Рейна и Дуная к XI в. находилось в основном в личной зависимости от сеньора и было обязано ему отработками и податями, обычными для несвободных людей. Значительную группу жителей наряду с клириками, купцами и ремесленниками составляли министриалы епископа, также не обладавшие свободой. Правда, несколько привилегированной группой населения с самого начала были приезжие купцы — особые права их объединений впоследствии вошли составной частью в городские права.

По мере роста численности и влиятельности городского населения с XI в. начинает складываться городская община, все более отделяющая свои

интересы от интересов сеньора. Однако примеров самостоятельной политической активности горожан в XI—XII вв. очень мало. В это время большинство городов еще жизненно заинтересовано в покровительстве сеньора, и только самые развитые и большие из них (Кёльн, Вормс, Майнц) уже предпринимают первые самостоятельные шаги в политике. Так, горожане Вормса, порой даже вопреки воле своего епископа, поддерживали Генриха IV в самые тяжкие для него времена. В 1074 г. в Кёльне вспыхнуло и первое известное нам восстание против сеньора города — архиепископа, закончившееся, правда, неудачей. Жители Вормса в 1111 г. попытались захватить знаки власти тяжело заболевшего императора. Предполагая его скорую кончину, они, очевидно, всерьез готовились повлиять на выборы нового государя.

В развитом виде городская община в западных германских землях предстает только с середины XII в. Примерно на то же время приходится и становление цехов: в 1128 г. впервые упоминается один из них — вюрцбургских сапожников, а в XIII в. цехи становятся в городах Германии явлением повсеместным. Купеческие корпорации (гильдии) — старше: так, гильдия вормских торговцев рыбой получила свою привилегию уже в 1106/07 г. Наверняка были и более ранние гильдии, от которых не дошло прямых свидетельств.

На рубеже XII и XIII вв. во многих германских городах появляется городской совет, члены которого, вероятно по аналогии с городскими магистратами в Италии и Бургундии, стали называться консулами. Городские советы создавались с согласия сеньоров, чтобы освободить их от многих мелких забот по контролю за горожанами. Однако скоро совет становится выразителем интересов общины и уже с начала XIII в. возглавляет ее выступление против сеньора. На протяжении XII—XIII вв. в большинстве германских городов формируется городской патрициат из богатых купцов и министриалов, который и берет постепенно в свои руки власть.

К востоку от Рейна и северу от Дуная торгово-ремесленные поселения начинают складываться у стен королевских пфальцев (Гослар), монастырей (Кведлинбург), у рыночных мест (Нюрнберг), замков. К началу XII в. на территории Германии насчитывалось в общей сложности примерно полсотни городских поселений. Церковь и светская знать быстро осознали, что собственные города приносят большие выгоды, а потому с середины XII в. германские сеньоры повсеместно основывают новые города в своих владениях. Таково происхождение, например, Любека, Мюнхена и Лейпцига. Чтобы привлечь людей, сеньоры с самого начала обещали «своим» горожанам много прав и привилегий, за которые в старых епископских городах приходилось бороться мучительно и долго. Прежде всего горожанам гарантировалась личная свобода. Даже пришлые зависимые люди могли избавиться в городе от власти своих сеньоров. Уже в императорской привилегии Бремену 1186 г. говорилось, что всякий проживший в нем «год и день» обретал свободу. Постепенно эта норма распространилась очень

широко, и поздние юристы даже придумали правовую формулу: «Городской воздух делает свободным».

Основной торговый путь в Германии на протяжении всего средневековья вел от альпийских перевалов по Рейну в Нидерланды и Англию. По нему на север перевозились в первую очередь товары из Византии и Леванта, доставлявшиеся итальянскими купцами, и также вино. В южном направлении довольно рано стали транспортировать сукна из Фландрии. Лучшее всего сумел воспользоваться преимуществами своего расположения на этом пути Кёльн, постепенно опередивший своего давнего конкурента — Майнц и со временем превратившийся в крупнейший город средневековой Германии. Кёльнцы уже в XII в. держали собственное подворье в Лондоне. На Северном и Балтийском морях преимущество в XII в. принадлежало купцам из вестфальских городов. Немецкие купцы с начала постоянно бывали в Висби на Готланде — главном центре балтийской торговли, а с конца XII в. начали оттеснять готландцев с их ведущих позиций. Не позднее 1192 г. появился Немецкий двор в Новгороде. (В свою очередь, и русские купцы, по крайней мере вплоть до первой трети XIII в., бывали в Любеке). На рубеже XII и XIII вв. немецкие купцы стали постоянными гостями и в устье Западной Двины, откуда при их активном участии началось завоевание земель ливов. Не последнюю роль в успехе немецких купцов сыграло широкое использование ими нового типа парусного корабля — когга, изобретенного во второй половине XII в. фризами. Когг превосходил все другие суда на Балтике и в Северном море размерами, грузоподъемностью и маневренностью.

Купцы из разных северогерманских городов, часто связанные семейными узами и общностью происхождения, действовали совместно, когда затрагивались общие интересы. Свое объединение они называли Ганза (т. е. братство, гильдия). В XIII в. Ганза представляла собой союз купеческих фамилий, в организационном плане весьма аморфный, но отчасти именно поэтому легко приспосабливавшийся к весьма различным в разных зонах его влияния условиям. Постепенно Ганза становилась главной силой на Балтике и в Северном море.

В южной Германии роль важнейшего торгового центра играл Регенсбург в Баварии. Именно туда поступала основная часть восточных товаров, поскольку везти их из Венеции удобнее всего было через перевал Бреннер в Тироле, а оттуда накатанная дорога вела в Баварию. По крайней мере, с 1228 г. в Венеции было постоянное подворье немецких купцов, в основном регенсбургских. Помимо южного торгового пути, важную роль для Регенсбурга и всей Верхней Германии в X—XII вв. играл путь восточный — через Прагу, Краков и Галич в Киев. В Регенсбурге была отдельная гильдия купцов, торговавших с Русью; сохранились сведения о посещениях регенсбуржцами Киева и русскими купцами Баварии. Из Руси поступали меха, воск, рыба, в обратном направлении везли фландрские и кельнские сукна. Лишь нападения половцев и в особенности вторжение татаро-монголов прервали эту торговлю.

Немецкие города вырастали преимущественно на посреднической торговле, производство товаров, которые пользовались бы спросом за пределами непосредственной округи, на первых порах было редкостью. Если во Фландрии уже в XI в. производились сукна, известные по всей Европе, то в германских городах текстильное производство широко распространяется лишь с XIII в.

При относительно слабом развитии ремесленного производства некоторые немецкие горожане освоили весьма прибыльные промыслы. Самым выгодным из них занимались жители северных приморских городов — с XIII в. они на широкую ногу поставили ловлю сельди на Балтике. Засоленная балтийская сельдь пользовалась высоким и постоянным спросом по всей Европе, что и неудивительно при изобилии постных дней, в которые христианам запрещалось есть мясо.

В Южной Германии активно развивался горный промысел. Для нужд расширявшейся европейской торговли требовалось все больше серебра. Помимо известного еще в X в. месторождения в горах Гарца, на протяжении XII—XIII вв. были обнаружены залежи серебра в Шварцвальде и Тироле. Однако только успехи «внутренней колонизации» позволили основать крупнейшие прииски в Рудных горах, ставшие главным поставщиком серебра в XIII в., а также рудники в Силезии и Чехии. Уже в XII в. немцы научились делать шахты для разработки сравнительно глубоко залегающих пластов. Чтобы осваивать месторождения, сеньоры должны были предоставлять немалые привилегии мастерам горного дела. Из таких привилегий на протяжении XIII в. складывается особое горное право. Помимо серебра в Германии XII—XIII вв. добывалось немало железной руды. В хорошо поставленном металлургическом деле уже около 1200 г. началось использование энергии падающей воды для раздувания мехов. Это позволило увеличить температуру плавки и соответственно повысить качество выплавляемого металла.

6. Восточная колонизация

Постепенное распространение немецких поселений на Восток началось еще в VIII в. (средний Дунай, Восточные Альпы). Новая демографическая ситуация и благоприятно складывавшиеся политические обстоятельства привели в XII в. к резкому усилению колонизационных процессов на восточных рубежах империи. Если в южной части славяно-германского пограничья ничья колонизация проходила преимущественно мирным путем, то на севере она привела к бесконечным и кровопролитным войнам.

Императоры Салии и Штауфены редко обращали внимание на восточных соседей — их интересовало по преимуществу лишь признание Чехией, Польшей и Венгрией ленной зависимости от империи. Зато князья, стоявшие во главе пограничных «марок», были весьма заинтересованы в расширении своих владений. С XII в. они вновь настойчиво стремятся к покорению балтийских славян — ободритов и лужичей, освободившихся от власти германских духовных и светских князей после восстания 983 г.

Во время Второго крестового похода папа разрешил саксонским рыцарям не отправляться в Палестину, а заняться насильственным обращением в христианство соседних язычников — славян. Хотя результаты этого «вендского» крестового похода 1147 г. были скромными, судьба племен, оказавшихся зажатыми между империей и Польским королевством, была в XII—XIII вв. решена. Главную роль в дальнейшей истории заэльбских областей сыграли не столько немецкие и польские рыцари, сколько крестьяне-переселенцы с запада, которых князья привлекали на завоеванные земли большими земельными наделами, налоговыми и иными льготами. Быстрый рост населения Западной Европы в XI в. весьма способствовал успеху этой политики. Многие крестьяне-колонисты, отправившиеся на восток, покидали родные края из-за аграрного перенаселения и вызванного им малоземелья. Не случайно среди первых колонистов так много было выходцев из Нидерландов — области с самой высокой плотностью населения в Европе к северу от Альп.

Немецкая колонизация охватывала не только земли, завоеванные силой оружия. Некоторые западнославянские князья, принявшие христианство, сами приглашали в свои владения немецких поселенцев, ожидая от них существенного увеличения собственных доходов. В результате немецкой колонизации многие славянские племена были полностью ассимилированы; возникли новые немецкие земли — Мекленбург, Бранденбург, Померания. В зоне колонизации стали возникать и расти города, среди них Любек, Штральзунд, Берлин. В XIII в. многочисленные немецкие поселения существовали уже в Силезии, Чехии, Венгрии. На то же столетие приходится и немецкая колонизация Восточной Прибалтики, населенной языческими племенами балтийской и финно-угорской языковых групп — ливов, лэтов, эстов, пруссов.

Дорога в устье Западной Двины была освоена раньше всего купцами из Бремена и Любека. За ними пришли миссионеры (получившие у полоцкого князя разрешение проповедовать в этих краях), а за миссионерами и воины. В 1201 г. в земле ливов была основана Рига, ставшая со временем центром новой немецкой земли — Ливонии. Один за другим в Ливонии стали вырастать каменные замки. Стремление колонистов крестить местное население наталкивалось на упорное сопротивление — войны в регионе продолжались многие годы. Массового переселения крестьян из Германии в Ливонию организовать не удалось, так что, в отличие от других областей в зоне восточной колонизации, немецкое население здесь всегда составляло меньшинство, сосредоточенное по городам и замкам. Соответственно, слабо были выражены и процессы ассимиляции. В политическом отношении Ливония не представляла собой единства — рижские епископы (позже архиепископы) то и дело вступали в конфликты с основанным в 1202 г. духовно-рыцарским орденом меченосцев, порой с другими ливонскими епископами, а со временем и с городской общиной Риги. Отношения с соседними русскими землями (Новгород, Псков, Полоцкое княжество) были у немцев очень непростыми, что не исключало, впрочем, союзов в

конкретных политических обстоятельствах. Мир 1243 г. с Новгородом на столетия определил восточную границу Ливонии по реке Нарве.

Покорение Пруссии началось позже, чем завоевание Ливонии (1231), но шло значительно успешнее. Главную роль здесь сыграл Немецкий (Тевтонский) орден, приглашенный в Прибалтику польским герцогом Конрадом Мазовецким, чьи владения особенно страдали от набегов пруссов. Немецкий орден сумел прекрасно воспользоваться предоставившейся возможностью и создал на завоеванных землях пруссов небольшое, но сильное и хорошо организованное государство. После падения Акры в 1291 г. основная деятельность ордена сосредоточилась в Пруссии, с 1309 г. там пребывал и верховный магистр. Завоевав земли пруссов и подавив нередкие в первое время восстания, орден привлек в страну большое число поселенцев — крестьян, дворян, бюргеров из Германии. Главного врага орден видел в литовских племенах, сохранявших язычество до XIV в., против которых и направлял военные экспедиции почти ежегодно. В «литовских походах» Немецкого ордена принимали участие рыцари со всей Европы — от португальцев до поляков. Захват орденом земель к западу от Вислы в начале XIV в. серьезно испортил его отношения с Польским королевством.

Распространение немецких поселенцев на обширных территориях Центральной и Восточной Европы в XII-XIII вв. являлось (частью общеевропейского процесса — широкой «внутренней колонизации» и массовых военно-колонизационных движений.

Тема 2.6. Италия в X – XIII вв.

План

- 1. Становление городских коммун**
- 2. Город и деревня**
- 3. Завоевание Южной Италии и Сицилии норманнами**
- 4. Империя, папство и города-коммуны**

1. Становление городских коммун

В пору Высокого средневековья Италия вступила страной городов, где статус города имели более 300 епископских центров, были многочисленные другие городские поселения — бурги, а также замки, представлявшие собой своеобразные хозяйственные и социальные общности.

С XI в. ускорился демографический рост в городах: к началу XIII в. численность населения во многих из них возросла в среднем от 5—6 до 30—40 тысяч человек. Менялась и топография — на линейную планировку античного городского поселения накладывалась хаотическая средневековая застройка тесных, кривых улиц и переулков, соединенных небольшими площадями. Возникавшие на «пустом месте» города имели с самого начала своеобразную застройку, часто определявшуюся рельефом местности.

Ремесленники и торговцы предпочитали селиться по принципу профессиональной принадлежности, «по цехам», группируясь вокруг

определенных приходских церквей. Из сельской округи в город переселялись не только крестьяне, пополнявшие ремесленную среду, но и феодалы. Рыцари (вальвассоры) предлагали горожанам свои военные услуги и нередко активно включались в их торгово-финансовую деятельность. Крупные феодалы (нобили, гранды) оказывались жителями города часто не по доброй воле.

Издавна обосновавшиеся в замках ближайшей и более отдаленной округи города (контадо и дистретто) и наделенные широкими иммунитетными правами, феодальные сеньоры по мере роста экономической мощи городов начинали чинить серьезные препятствия их нормальной жизни. Они облагали произвольными пошлинами купцов, не гнушались применять силу к непокорным и творить несправедливый суд. В XI в. многие крупные города начали «войну с замками». Так, Флоренции потребовалось почти два столетия, чтобы положить конец самовластью окрестных нобилей. Борьба с владельцами замков стала ее целенаправленной политикой, которая проводилась разными методами — от выкупа, частичного или полного, у феодальных сеньоров их судебно-административных и фискальных прав, а также приобретения земель до военных походов, кончавшихся разрушением замков и принудительным переселением их владельцев в город. Так, в 1125 г. была разрушена мощная крепость Фьезоле, представлявшая особую угрозу для Флоренции. К этому времени ослабела власть сеньоров Флоренции — маркграфов Тосканских, потерявших значительную часть своих владений в округе. Флорентийская коммуна приобрела фактическую независимость. Было ограничено и влияние епископа — он исполнял лишь религиозные функции. Путь к утверждению власти коммуны, который прошла Флоренция, был типичен для многих городов Тосканы, Ломбардии и других районов Центральной и Северной Италии.

Переселение нобилей в город, пик которого пришелся на конец XII — начало XIII в., знаменовало победу над замками городских коммун, набиравших экономическую и политическую силу. Однако это обернулось для городов и угрозой внутренней нестабильности. Нобили возводили внутри городских стен укрепленные дома-башни, где жили семейными кланами, нередко вместе со своими военными дружинами. Такие дома-башни и поныне сохранились во Флоренции, Болонье, Сан-Джиминьяно и ряде других городов. Претендуя на власть в городе, феодальные семейства вступали в ожесточенную борьбу друг с другом, вовлекая в нее пополюсов (торгово-ремесленные слои) и плебс. Государственная самостоятельность, которую получили многие города Северной и Центральной Италии к концу XII в., стала итогом борьбы, которую они вели как с помощью денег, так и с оружием в руках не только против окрестных феодалов, но, что еще важнее, против местного сеньора, духовного или светского, а также против верховного сюзерена — германского императора.

К началу XI в. вся полнота власти в итальянских городах принадлежала, как правило, епископам (напомним, что статус города имели центры епископских диоцезов), но иногда и светским сеньорам. Опорой епископа

были коллегии консулов, избиравшиеся поначалу из городской знати, а затем и из купечества. Консулы (число их колебалось в разных городах от двух до двенадцати и даже двадцати) участвовали наряду с местным клиром в избрании епископа и помогали ему в административных и судебных делах. Однако постепенно коллегия консулов, ограничивая власть епископа, сосредоточила в своих руках ее важнейшие prerogatives. При этом все дела консулы решали коллегиально. Не всегда, впрочем, процесс освобождения города от власти епископа проходил гладко. Так, в Милане утверждение независимости города и образование коммуны стало результатом длительной и ожесточенной борьбы горожан с архиепископом — трижды поднимали они восстания в 30 — 70-е годы XI в. В 1098 г. в Милане возникла коммуна, а в 1117 г. власть в городе взяла в свои руки коллегия консулов.

В конце XI—XII в. коммуны с консульским правлением сложились в десятках городов Северной и Центральной Италии — в Падуе, Ферраре, Кремоне, Генуе, Пизе, Сьене, Болонье и многих других. Формально статус коммуны подтверждал своими хартиями германский император как верховный сюзерен итальянских земель, оговаривая в этих документах и свои фискальные и судебные права. В XII в., в пору консульского правления, формировались основные властные структуры городских коммун. Высшим законодательным органом стал Большой совет (от 300 до 600 человек), включавший представителей городской знати и торгово-ремесленной верхушки. Он не только принимал законы, но и назначал магистратов, а также избирал консулов сроком на год. Исполнительная власть, включая суд и командование городским войском, принадлежала консулам. Для контроля за их деятельностью из представителей влиятельных фамилий создавался Малый совет. К концу XII в. города-коммуны превратились в самостоятельные городские республики со своим законодательством и администрацией, с собственным войском, правом чеканить монету, взимать торговые пошлины и т.д. Социальная структура городов-республик была достаточно разнородной. Четко различались несколько групп: феодальная знать, имевшая крупные земельные владения в округе, средние и мелкие феодалы (капитаны, вальвассоры), торгово-ремесленное население (пополо), состоявшее из двух групп — «жирного народа», к которому принадлежали богатые торговцы и ремесленные мастера, ростовщики и менялы, и «тощего народа» — основной массы ремесленников и мелких торговцев. Большую часть жителей города составлял плебс — подмастерья, наемные работники и пополнявшие их ряды крестьяне, переселившиеся в город. Власть в городе принадлежала знати и представителям «жирного народа». Но со временем ее все активнее начинали оспаривать широкие слои пополанов.

2. Город и деревня

XI—XII века — период бурного роста торговой активности многих городов Северной и Центральной Италии, чему немало способствовали и Крестовые походы. От Первого крестового похода очень выиграли крупные порты — Пиза, Генуя и Венеция, оказавшие помощь крестоносцам деньгами, оружием и судами, на которых они переправлялись на Восток. В награду эти

города получили часть военной добычи и торговые привилегии от правителей крестоносных государств. И в последующих походах итальянские города предоставляли значительную помощь европейскому рыцарству, что приносило им немалые выгоды. В первой половине XII в. Венеция, Генуя и Пиза основали свои торговые фактории почти по всему побережью Сирии и Палестины. Итальянские поселения стали важными центрами торговли между Востоком и Западом.

Помимо выгодной посреднической торговли, итальянские города имели мощный источник обогащения в кредитных операциях международного масштаба. Крупнейшим в Европе банкиром была в XII в. Сиена. За пределами Италии активно вели финансовые дела выходцы из городов Ломбардии. Имя «ломбардцы» стало собирательным для всех итальянских купцов, занимавшихся кредитованием европейских феодалов. Крупные купцы Генуи, Венеции, Пизы, Пьяченцы были, как правило, и финансистами. Спаянность торговых и кредитно-денежных операций — одна из характерных черт городской экономики Италии в средние века. Значительные доходы получали города и от продажи производившейся в них ремесленной продукции. В XII в. городские ремесленники стали объединяться в цеховые организации (объединения купцов возникли еще раньше), что ослабляло конкуренцию в каждой отрасли и обеспечивало более надежный сбыт ремесленных изделий как на внутренних, так и на внешних рынках. Все более заметной становилась специализация отдельных городов на производстве товаров, имевших спрос особенно в торговле с другими странами. Так, производство шерстяных тканей в крупных масштабах было развито в этот период в Милане, Падуе, Вероне, сукна и шелка — в Лукке. Главным центром оружейного дела, как и производства других изделий из металла, был Милан. В Пизе, Генуе и Венеции, большого размаха достигло кораблестроение. Широкую славу приобрели ремесленники, работавшие по дереву и камню: многие города активно обустраивались в XII в. — возводились укрепления, строились храмы и дворцы коммуны. Переживала расцвет архитектура романского стиля, многие выдающиеся ее образцы сохраняются и поныне: грандиозные соборы в Лукке, Пизе и Парме, церкви Сан Микеле в Павии и Сан Клементе в Риме, баптистерий во Флоренции.

Экономически сильные и политически независимые города-коммуны в ходе ожесточенной борьбы с окрестными феодалами вытеснили их из округа, постепенно подчиняли своему влиянию небольшие соседние города, бурги и сельские поселения. Деревня была источником снабжения города продовольствием и сырьем для ремесла. Одним из главных путей утверждения власти города над округой стало приобретение земель и отдельными горожанами, и коммуной в целом (собственность коммуны в свою очередь сдавалась в аренду или продавалась жителям города). В быстро набравшем темпы процессе мобилизации земельной собственности участвовали не только знать и состоятельное купечество, но и лица свободных профессий (нотарии, медики, учителя), а также простые ремесленники. Во владении рядовых горожан оказывались, как правило,

небольшие участки, снабжавшие их необходимым продовольствием. Крупные земельные собственники торговали получаемой из своих имений сельскохозяйственной продукцией. Торговый обмен между областями Италии включал пшеницу, просо, другие зерновые, а также бобовые культуры, оливковое масло, вино. Причем последние широко вывозились и в другие страны. Активное втягивание деревни в сферу городской торговли определило одну из особенностей аграрного развития Италии — уже в XII в. наметилась устойчивая тенденция роста удельного веса натуральной ренты (наряду с денежной) в системе крестьянских платежей.

Превращение итальянского города в гораздо большей мере, чем в других странах Европы, в земельного собственника не изменило феодальной природы поземельных отношений. В XI - XII вв. сохранялись категории лично зависимого крестьянства — сервов и колонов, хотя возможности освобождения за выкуп несколько расширились. Города даже способствовали этому процессу — в XIII в. он примет характер целенаправленной городской политики. Либеллярии, эмфитевты и другие свободные наследственные держатели, составлявшие основную массу крестьянства, по-прежнему пользовались широкими правами распоряжения наделом. Не исчез и слой крестьян — мелких собственников. Однако все более заметной становилась имущественная дифференциация в среде сельских жителей, которую ускоряли вовлечение деревни в товарно-денежные отношения и ростовщические операции, связанные с земельными держаниями (зalog-продажа участка и др.). Более распространенной становилась в XII в. мелкая крестьянская аренда на короткий срок (5-7 лет) с уплатой собственнику части урожая — от одной четверти до половины. В срочную аренду сдавали компактные комплексы земель с многообразной агрикультурой и монокультурные участки — виноградники, оливковые рощи и т.д. Самой распространенной отраслью сельского хозяйства Италии в средние века было виноградарство, которое сохранило от античности высокий уровень агротехники.

Воздействие города на экономическое развитие деревни шло разными путями. Ориентируя крестьянское хозяйство на рынок и преследуя прежде всего собственные интересы, город насаждал в округе и разведение технических культур — льна, конопли, хлопка. В то же время городские коммуны поддерживали освоение пустошей, строительство систем мелиорации и ирригации. В Венето, Лигурии, Тоскане в XI-XII вв. активно шел процесс внутр-решней колонизации, в котором принимали участие ремесленники и рыцари, получавшие освоенные участки новых земель в наследственное держание, а затем и в собственность. Наконец, своим примером городские коммуны способствовали возникновению в XII в. сельских коммун — самоуправляющихся общин, разными путями добывавшихся судебно-административных прав у местных сеньоров. Сельские коммуны владели угодьями, имели свою выборную администрацию, право суда по делам низшей юрисдикции и в ряде случаев — право издавать статуты, касавшиеся преимущественно хозяйственных

распорядков (сроки сева и уборки урожая, характер агрикультуры в зерновом хозяйстве, виноградарстве и т.д.). Городские суды в XII в. обычно поддерживали иски сельских общин к местным феодалам относительно земельной собственности, административных прав и т.п. Покровительство сельским коммунам было частью антифеодальной политики юродов в тот период, когда они сами добивались независимости. Позже, уже в начале XIII в., взаимоотношения города и его округа приобретут иной характер — не только экономического, но и политического подчинения деревни городу-государству.

3. Завоевание Южной Италии и Сицилии норманнами

Если в Северной и Центральной Италии к концу XII в. сложились самостоятельные города-республики, то в Южной Италии политические процессы развивались иначе. Крупные города — Неаполь, Амальфи, Салерно, Бари, Палермо — по размаху торговой активности и уровню ремесленного производства не уступали ведущим городам Центральной и Северной Италии. В XI в. многие города Южной Италии и Сицилии добились от феодальных сеньоров вольностей, в частности, участия представителей горожан в органах судебно-административной власти. Начался процесс формирования городских коммун: от имени «всего народа» совершались земельные сделки, заключались торговые договоры, подтверждались издавна сложившиеся обычаи и т.д. Однако полной самостоятельности города Южной Италии добиться не смогли. В условиях феодальной раздробленности и междоусобиц сеньориальная власть оказалась достаточно сильной, чтобы не лишиться себя такой важной материальной опоры, как города.

После завоевания во второй половине XI в. Южной Италии и Сицилии норманнами, выходцами из герцогства Нормандия в Северной Франции, возникли новые препятствия для расширения свободы городов. Когда в 1130 г. норманнский правитель Рожер II образовал Сицилийское королевство, объединив в нем Южную Италию и Сицилию, некоторые города подняли восстания, отказываясь признать новую власть. Рожер II сломил их сопротивление, но был вынужден ради укрепления своих позиций подтвердить хартиями прежние привилегии городов. Однако затем во главе городской администрации был поставлен королевский чиновник, ограничивались судебные и финансовые права городов, зафиксированные в хартиях. Развитие городской экономики серьезно тормозили непомерные государственные налоги. К тому же в результате норманнского завоевания купцы Амальфи, Салерно, Бари и других крупных городов, традиционно торговавшие на рынках Византии, лишились своих преимуществ из-за враждебных отношений сицилийских королей с «империей ромеев».

При норманнах в Южной Италии и на Сицилии завершился процесс складывания феодальных отношений. Значительная часть земель была отобрана у местных владельцев, не только у магнатов, но и у мелких собственников, и роздана норманнской знати на правах феодалов. Она заняла ведущее положение в Сицилийском королевстве, оттеснив прежнюю

феодалную верхушку. Оформилась и структура всего слоя феодалов. В нем четко вычленились три уровня — графы, бароны и рыцари — с соответствующей иерархией ленных отношений. Однако норманнские короли Рожер II и его преемник Вильгельм II сохраняли за собой верховное право распоряжения ленами, равно как и право высшей юрисдикции, и стремились не допустить усиления власти графов и баронов, решительно пресекая всякие проявления феодальной вольницы. Главной опорой королевской власти стали рыцарство и католическая церковь, которую она щедро одаривала земельными пожалованиями.

К концу XII в. Сицилийское королевство достигло высокой степени централизации. Власть опиралась на разветвленный чиновничий аппарат. Несмотря на то что сицилийские короли были прямыми вассалами пап, они сохраняли право назначать епископов и аббатов в своих землях. Пышно расцвела столица Сицилийского королевства — Палермо. В 80-е годы XII в. при Вильгельме II в городе были воздвигнуты величественный собор и королевский дворец.

С приходом норманнов усилилась полиэтничность Южной Италии и Сицилии: здесь жили италийцы, составлявшие основную часть населения, греки, арабы, норманны. Завоеватели отличались веротерпимостью и охотно принимали на службу представителей разных этнических групп. Сохранялись и правовые различия — действовали лангобардское, византийское, арабское и норманнское право. Однако в поземельных отношениях наметилась унификация. Широкое распространение имели виды держания с полным или частичным прикреплением работника к земле. Это были лишенные личной свободы и права покинуть надел сервы, а также полусвободные вилланы. Заметную прослойку составляли свободные наследственные арендаторы (либеллярии) и мелкие собственники-аллодисты. Эти категории крестьян упорно отстаивали свою независимость, нередко с оружием в руках. Важную роль в урегулировании взаимоотношений крестьян с вотчинниками в XI—XII вв. играла община, добивавшаяся получения хартий от сеньюров, где определялись некоторые судебно-административные права жителей (участие «добрых людей» в сеньориальном суде, выборы синдика, отвечавшего за выполнение соглашения, и т.д.).

4. Империя, папство и города-коммуны.

В XI—XIII вв. Италия была главной ареной борьбы двух универсалистских сил — германской империи, претендовавшей на господство в Европе, и папства, стремившегося утвердить свое верховенство над светскими государями христианского мира. Напряженное противостояние этих мощных политических сил периодически взрывалось ожесточенными конфликтами, в которые вовлекались и итальянские города. В первой половине XI в. во взаимоотношениях пап и императоров тон задавали последние. В самом начале столетия папа Сильвестр II и германский император Оттон III выдвинули утопический план создания универсального христианского государства, в котором высшая светская власть принадлежала бы императору, а папа был бы его духовным главой.

Этому плану, где предусматривалось верховенство императора, не суждено было сбыться как в силу смерти его инициаторов, так и в силу противодействия ему со стороны Англии, Франции, Византии, а также германской и римской знати и духовенства.

В последующие десятилетия XI в. папская власть оказывалась во все большей зависимости от воли германских императоров, что вызывало растущее недовольство римского духовенства. Назревало и движение за реформу церкви (борьба с симонией), за нравственное очищение духовенства, за верховенство папской власти.

Решительный шаг к укреплению авторитета папы и всей римско-католической церкви был сделан Григорием VII (1073-1085), бывшим монахом Гильдебрандом. В так называемом «Диктате папы», отразившем суть его доктрины, резко подчеркивалось, что светские власти должны подчиняться папе, наместнику Бога на земле, единственному главе церкви. Светским правителям запрещалось назначать и смещать епископов (это означало лишение их права на инвеституру), а духовенству не разрешалось получать церковные должности из рук светских владык. Утверждалось также, что никто не имеет права судить папу. Германский монарх Генрих IV объявил папу «узурпатором и лжемонахом». В ответ Григорий VII предал Генриха IV церковному проклятию и освободил его подданных от принесенной ему присяги. Под угрозой неповиновения значительной части своих подданных, включая епископов и светскую знать, Генрих IV явился в январе 1077 г. в тосканскую крепость Каноссу, где тогда находился папа, чтобы принести ему покаяние. Как кающийся грешник он трое суток стоял перед закрытыми воротами замка, добиваясь приема у папы. Григорий VII снял с Генриха IV отлучение, лишь получив клятвенные заверения в полном и неизменном послушании.

Противостоявшая «папе-еретику» ломбардская знать резко осудила короля за измену их общему делу, утверждая, что он «обманул надежды Италии». Но Генрих IV, испытавший унижение в Каноссе, вовсе не собирался прекращать борьбу с «папой-узурпатором» и уступать свои прерогативы. Разрядив внешней покорностью папе остроту сложившейся ситуации, он вскоре перешел в наступление, создал антипапскую коалицию и поддержал германских епископов, избравших в 1080 г. нового папу Климента III. Через четыре года Генрих IV с войском вступил в Рим, где назначенный им папа Климент III в соборе св. Петра короновал его императорской короной.

Григорий VII укрылся в замке св. Ангела, который германские рыцари не смогли взять штурмом, и призвал на помощь норманнское войско во главе со своим ленником Робертом Гвискарсом. Поход последнего на Рим сопровождался насилиями над жителями и многочисленными разрушениями. Григорий VII был вынужден покинуть Рим, опасаясь гнева восставших горожан, обвинивших его во всех своих бедах. Он отправился в Салерно под защиту норманнов, где умер несколько месяцев спустя. Климент III еще долго противился власти законно избранных пап. Только Урбану II удалось

прочно утвердиться на папском престоле, а после его призыва в 1095 г. к великому военному походу христианского рыцарства за освобождение Иерусалима от сарацин авторитет римского первосвященника значительно упрочился.

В ожесточенной борьбе империи и папства, развернувшейся в последние десятилетия XI в. и завершившейся компромиссом - Вормским конкордатом 1122 г., обе конфликтующие стороны бы ли озабочены поддержкой итальянских городов и потому жаловали им права самоуправления. Так, Пиза, Сьена и Лукка получили хартии вольностей от Генриха IV, а свободы Милана и Флоренции были подтверждены папскими грамотами. Четко обозначившаяся к началу XII в. полярная политическая ориентация городских коммун приняла позже форму «партийного» противостояния гвельфов и гибеллинов — сторонников соответственно папы и императора. Однако в основе длившейся более двух столетий распри между городами в Северной и Центральной Италии лежала не только приверженность папе или императору, в которых они видели гарантов своих свобод, но прежде всего их экономическое соперничество, острая конкурентная борьба на внутреннем и внешнем рынках.

Политическая разобщенность городов-коммун, усилившаяся к середине XII в., позволила германскому императору Фридриху I Барбароссе начать решительное утверждение своих верховных прав на территории Италии. Страна с множеством богатых, процветающих городов стала одним из главных направлений его внешней политики. В 1154 г. Фридрих I вступил с войском в Северную Италию, собрал под Пьяченцей совет из представителей феодальных сеньоров и городов-коммун Ломбардии и потребовал от последних восстановления императорских прерогатив-регалий, что означало бы резкое ограничение городских судебно-административных и финансовых прав (к этому времени обязательства городов перед императором были сведены к минимуму — предоставлению небольших денежных субсидий и военных отрядов). Серьезные претензии Фридрих I предъявил Милану, активно утверждавшему свою власть в Ломбардии, — в назидание он разграбил и сжег несколько соседних с ним коммун. Затем Фридрих I короновался в Павии итальянской короной и двинулся на Рим, где должен был по традиции получить из рук папы и с согласия римлян императорскую корону.

Папа Адриан IV находился в остром конфликте с жителями Рима, отстаивавшими право на существование римской коммуны, которая была провозглашена в 1143 г. Во главе республиканского движения стоял Арнольд Брешианский, сурово критиковавший высшее духовенство за отступление от нравственных принципов христианства: он осуждал клир за алчность, лицемерие, продажность. Папа поставил условием коронации Фридриха I выдачу Арнольда Брешианского, захваченного в плен его рыцарями, вступившими в Рим. Настроенный на союз с папой в борьбе против городов, не склонных расставаться с независимостью, Фридрих I выдал папе «еретика», Арнольд Брешианский был брошен в тюрьму и вскоре казнен. В

Риме вспыхнули волнения, которые император жестоко подавил. Наметившийся союз папы с императором оказался недолгим — Фридрих I был возмущен тем, что папа признал права на трон в Сицилийском королевстве его противника Вильгельма I.

Император покинул Италию, но в 1158 г. начал новый поход. Теперь у Фридриха I было два врага — города-коммуны и папа, недовольный тем, что в нарушение Вормсского конкордата 1122 г. назначение епископов вновь перешло в руки императора. Фридрих I стал создавать союз против Милана, продолжавшего выказывать неповиновение, опираясь на поддержку других коммун. Подойдя с войском к Милану, император выдвинул условия: восстановление регалий, утверждение избранных коммуной консулов, уплата дани (9000 марок серебром). В Ронкальской долине он созвал совет из представителей ломбардской знати и городов, на который пригласил и четырех юристов из Болоньи. Юристы, ссылаясь на «Кодекс» Юстиниана, подтвердили его права на регалии и на судебную власть. Решения Ронкальского совета возбудили против Фридриха I недовольство всех коммун. Однако первый же город, который оказал сопротивление этим решениям — Крема, был разрушен по приказу императора. В 1161 г. Фридрих I, опустошив сельскую местность вокруг Милана, начал летом осаду города. Весной 1162 г. магистраты Милана вынуждены были сдать город императору, который приказал жителям покинуть его стены, а солдатам — разграбить дома и сжечь их. Милан был полностью разрушен.

Жестокая политика Фридриха I оттолкнула от него некоторые поддерживавшие его города и привела к сплочению Италии — от Венеции до Сицилийского королевства — вокруг папы Александра III. Опираясь на поддержку папы, Милан отстроил стены и в 1165 г. вошел в оборонительный союз с Венецией, Вероной, Падуей и Виченцей, образовавших Веронскую лигу. Фридрих I в 1166 г. предпринял новый поход в Италию, но разразившаяся в его войске эпидемия вынудила его вернуться в Германию. Тем временем итальянские города, оставив распри, стали активно объединять усилия по укреплению своей военной мощи. В 1167 г. Бергамо, Мантуя, Брешиа, Феррара и Кремона создали еще одну лигу, которая в том же году соединилась с Веронской лигой. Так возникла Ломбардская лига — мощный союз городов, которому начали оказывать поддержку папа и Сицилийское королевство. На общие средства был восстановлен Милан и построена близ него стратегически важная крепость, названная в честь папы Алессандрией.

В течение шести лет император не давал о себе знать, а Ломбардская лига, которая к началу его нового похода в 1174 г. насчитывала 37 городов, готовилась к решительной борьбе. Весной 1175 г. Фридрих I осадил Алессандрию после неудавшегося штурма, а войско лиги в свою очередь окружило его отряды. Через юд, 29 мая 1176 г. городское ополчение Ломбардской лиги, состоявшее преимущественно из рыцарей и пополанов Милана и Брешии, напало на стоявшее лагерем близ Леньяно войско императора и выиграло сражение. Фридрих I был сбит с лошади и исчез в суматохе, оставив на поле боя свой меч и знамя, а его рыцари в панике

разбежались. Одержав решающую победу над императором, итальянские города отстаивали свою независимость. Выиграло и папство. После битвы при Леньяно многие вассалы императора перешли на сторону папы, а в 1177 г. Фридрих I подписал соглашение, признав верховную власть папы и отказавшись от достигнутого в предшествующих походах.

После длительных переговоров мир был заключен в Констанце в 1183 г. Ронкальские постановления отменялись. Городские коммуны признали суверенитет императора, но получили право избирать магистратов, чеканить монету, осуществлять суд, содержать войско, объявлять войну и заключать мир, создавать союзы, что означало их фактическую независимость. За императором сохранялась высшая юрисдикция, право постоя и формальное ут-верждение избранных коммуной консулов. Городские коммуны Северной и Центральной Италии получили статус самостоятельных государств. К концу XII в. в этой части Апеннинского полуострова, в отличие от централизованного Сицилийского королевства, сложилась политическая система городского полицентризма, не равнозначная феодальной раздробленности. Небывалый расцвет городской цивилизации в Италии в последующие столетия вывел ее в число самых передовых стран средневековой Европы.

Тема 2.7. Страны Пиренейского полуострова в X – XIII вв.

План

- 1. Реконкиста и политическая организация государств Пиренейского полуострова в X – XIII вв.**
- 2. Социально-экономическое развитие Пиренейского полуострова. Города.**

1. Реконкиста и политическая организация государств Пиренейского полуострова в X – XIII вв.

Период с середины XI до середины XIII в. был временем решающих успехов Реконкисты. Раздробленные мавританские владения явились сравнительно легкой добычей христианских государей. Так, в 1085 г. кастильцы заняли Толедо — крупнейший город Центральной Испании, бывшую столицу вестготов. В начале XII в. арагонцы овладели Уэской и Сарагосой, в 1147 г. при поддержке участников Второго крестового похода был взят Лиссабон. В руки христиан к концу XII в. попала большая часть территории полуострова. Тем не менее продвижение их на юг было неизмеримо более медленным, чем арабское завоевание Испании в VIII в. Это объясняется рядом обстоятельств. Во-первых, среди христианских государств полуострова не было единства. Объединение Леона и Кастилии было непрочным. Несколько раз королевство подвергалось разделу между сыновьями умершего монарха. Окончательно объединение Кастилии и Леона произошло только в 1230 г. В 1137 г. Арагон и Каталония заключили унию, однако сохраняли автономию во внутреннем управлении. В 1139 г.

португальский граф Афонсу Энрикеш провозгласил себя королем, хотя Кастилия смирилась с отпадением этой области лишь после разгрома ее войск португальцами в 1385 г. Наварра, которая с XII в. не имела общей границы с маврами и перестала участвовать в Реконкисте, тем не менее была постоянно вовлечена в междоусобные войны на полуострове. В качестве союзников в междоусобицах государства севера полуострова нередко привлекали мусульманских правителей ал-Андалуса, что, конечно, также замедляло Реконкисту.

Другим фактором, сдерживавшим продвижение Кастилии и Арагона на юг, было военное вмешательство берберских государств Северной Африки. Андалусские эмиры неохотно прибегали к их помощи, опасались попасть от них в зависимость, однако в критических ситуациях берберы наносили тяжелые удары христианским государям. Так, их победы над кастильцами в 1086 г. при Салаке и в 1195 г. при Аларкосе на несколько десятилетий отсрочили решающие успехи Реконкисты. С другой стороны, христианские королевства вели борьбу преимущественно своими силами, помощь извне (Франция, крестоносцы, Генуя, Пиза) оказывалась лишь эпизодически.

Важнейшим обстоятельством, определявшим темпы Реконкисты, была объективная возможность подчинения и колонизации захваченных земель. Далеко не всегда имелись средства для строительства крепостей на южных границах, содержания гарнизонов в городах, где нередкими были восстания мусульманского населения. При дефиците людских ресурсов приобретение земель, которые нечем было заселить, не создавало стимулов к новым захватам. Поэтому с XI в. частью явления становится не завоевание отдельных мавританских государств, а превращение их правителей в данников, ежегодно выплачивавших Кастилии и Арагону огромные суммы.

В силу названных обстоятельств Реконкиста в XI—XIII вв. осуществлялась не постепенно и плавно, а как бы скачками. Ее главные победы пришлись на первую половину XIII в. В начале века Кастилии удалось урегулировать свои отношения с соседями, и 1212 г. ее король Альфонсо VIII во главе союзного войска наголову разбил берберов при Лас Навас де Толоса. После окончательного объединения Леона и Кастилии Реконкиста сделала решительный шаг вперед. В 30-50-е годы XIII в. кастильцы завоевали крупнейшие мавританские тайфы — Хаэн, Кордову, Севилью. Захватив город и область Мурсию на Средиземноморском побережье, Кастилия отрезала Арагону путь для Реконкисты на юг, Экспансия Арагона пошла в несколько ином направлении: он утверждается в Валенсии, на Балеарских островах, на Сицилии, Сардинии и в Южной Италии. Арагонские короли имели также владения в Южной Франции. Португалия завоевала область Альгарви, завершив свое участие в Реконкисте.

Таким образом, во второй половине XIII в. в руках мавров на Пиренейском полуострове осталась лишь Гранада с прилегающей к ней территорией. Она уже не представляла серьезной опасности для христианских государств. Реконкиста приостановилась до конца XV в.

Политическая организация. Реконкиста оказала существенное влияние на политическую организацию пиренейских стран. Внешняя опасность, а позже необходимость консолидации феодалов для осуществления совместных завоеваний препятствовали развитию феодальной раздробленности. С XI в. в Леоно-Кастильском королевстве монархия окончательно приобретает наследственный характер. В борьбе с мятежными феодалами короли могли использовать финансовые ресурсы вассальных мусульманских территорий, военные формирования городов, помощь многочисленных кабальеро и идальго. Однако полномочия королевских должностных лиц на территории государства все же существенно ограничивались привилегиями крупных светских сеньоров, церкви и орденов, с одной стороны, и правами сельских и особенно городских общин — с другой. С середины XIII в. центральная администрация стремится унифицировать систему управления вместо традиционных фуэро городам навязываются новые своды права («Королевское фуэро», «Семь Партид мудрого короля дона Альфонсо»), которыми закреплялась ведущая роль королевской власти в решении местных вопросов. Консехо решительно противодействовали посягательствам на свою автономию, заключали между собой союзы («эрмандады» — братства), поднимали восстания против центральной власти, иногда блокируясь с мятежной феодальной знатью. В результате этого сопротивления введение в действие общегосударственных законов в Леоно-Кастильском королевстве началось лишь в середине XIV в., причем они не столько заменили, сколько дополнили уже существовавшее обычное право.

У леонских и кастильских королей уже с XI в. существовал обычай созывать ассамблеи с участием высшей светской и церковной знати для обсуждения вопросов законодательства, судопроизводства, сбора податей и текущей политики. В 1188 г. в Леоне на такую ассамблею были впервые привлечены горожане. Это положило начало органам сословного представительства в странах Пиренейского полуострова. С середины XIII в. в этих органах (они назывались кортесами) стали регулярно заседать и кастильские горожане. Леоно-кастильские кортесы делились на три палаты: в первой заседали епископы и аббаты, во второй — светские сеньоры, в третьей — представители консехо, в выборах которых принимали участие наряду с зажиточными горожанами и наиболее состоятельные крестьяне (обычно кабальеро-вильяно); участие свободного крестьянства в сословном представительстве было особенностью Леоно-Кастильского королевства. Поскольку духовенство и знать не принимали активного участия в работе кортесов, наиболее влиятельным в них было городское сословие, особенно во второй половине XIII — первой половине XIV в. В это время кортесы пользовались большим авторитетом в вопросах законодательства и особенно в налоговой политике; однако поскольку в кортесах заседали кабальеро, освобожденные от налогов, они не препятствовали усилению финансового обложения торгово-ремесленных слоев населения городов, а также крестьянства.

Восточная часть Пиренейского полуострова в политическом отношении представляла собой своеобразную федерацию владений (королевства Арагон и Валенсия, принципат Каталония с вассальными территориями на юге Франции), имевших общего монарха — короля Арагона, но управлявшихся различными учреждениями по разным законам. Так, кортесы Каталонии, Арагона и Валенсии избирались и заседали отдельно. В арагонских кортесах было четыре палаты — рикос-омбрес, кабальерос, духовенства и горожан (с конца XIII в.); крестьянство никакого участия в их работе не принимало. Арагонской землевладельческой знати и патрициату богатых городов Каталонского побережья удалось превратить кортесы в серьезное орудие оппозиции королевской власти. Особенностью сословного представительства было существование в Арагонском королевстве постоянно действовавшего органа - «генеральной депутации», который наблюдал за исполнением решений кортесов между их сессиями; контроль над депутацией реально принадлежал аристократии.

Кроме Кастилии и Арагона трехпалатные кортесы сложились в XIII в. также в Португалии и Наварре.

2. Социально-экономическое развитие Пиренейского полуострова. Города.

В рассматриваемый период в странах Пиренейского полуострова наблюдался прогресс во всех сферах производства. В сельском хозяйстве возросла роль земледелия. Функционировали созданные маврами ирригационные системы, получили широкое распространение виноградарство, выращивание оливы, шелковицы. Преобладающей системой выращивания злаковых оставалось двуполье. С завоеванием обширных плоскогорий Центральной Испании (Новая Кастилия и Арагонская Месета) открылись широкие возможности для перегонного скотоводства. В связи с развитием как в Испании, так и в других странах Западной Европы сукноделия особенно выгодным занятием становится овцеводство.

С XIII в. испанская шерсть вывозится во Фландрию, Италию, Францию, Англию. С овцеводством занимались не только крестьяне. Крупные стада скота имели светские феодалы, церковь, города. Для нормирования пользования пастбищами, перегона стад, защиты своих интересов в XII—XIII вв. образуются союзы собственников скота — месты. В Кастилии в 1273 г. месты были объединены в общегосударственный «Почетный совет Месты». Специализация сельскохозяйственного производства в различных районах полуострова создала условия для роста внутренней торговли. Северные и центральные районы (Астурия, Галисия, Каталония, Арагон, Старая и Новая Кастилия) поставляли скот, кожи, рыбу, соль, сельскохозяйственный инвентарь, южные — зерно, масло, вино и т.п. На внешний рынок кроме шерсти вывозились кожи и вина. Особенно активны были каталонские купцы, а кастильский экспорт осуществлялся главным образом иностранными торговцами.

Как и везде в Западной Европе, XI-XIII века в Испании и Португалии были временем становления и развития городов как центров ремесла и

торговли. На Пиренейском полуострове этот процесс имел существенные особенности, связанные с Реконкистой. Многие города достигли особого развития в мусульманскую эпоху. Включение их в состав христианских государств часто было связано с разрывом традиционных производственных и торговых отношений с мусульманским миром, с эмиграцией ремесленников и торговцев на юг, увеличением доли аграрного (особенно скотоводческого) сектора в городской экономике. Тем не менее такие города, как Толедо, Сарагоса, Валенсия, Севилья, и при христианах оставались важными центрами ремесла и торговли, их продукция (металлоизделия, оружие и упряжь, кожи, ткани) были широко известны на европейских рынках.

Значительно более скромными были города, появившиеся в ходе Реконкисты. Как правило, они возникали на базе административных центров и особенно крепостей, строившихся в зоне военных действий. Короли и графы, основывавшие их, были заинтересованы в привлечении поселенцев, которые могли бы составить постоянный гарнизон. Для этого еще с IX в. издавались специальные «поселенные грамоты», фиксирующие различные льготы для переселенцев. Экономика этих поселений оставалась аграрной, но уже в X в. здесь появляются рынки, а на рубеже X—XI вв. — ремесленные мастерские ткачей, бондарей, колесников, кузнецов и т.д. Возникают некоторые элементы самоуправления, специфические правовые обычаи, которые записываются в особые документы — фуэро. Фуэро города Леона 1020 г. еще предписывает возвращать сеньорам переселившимся в него зависимых крестьян, но более поздние памятники, как правило, провозглашают свободу горожан независимо от того, как долго они там проживают. В XI—XII вв. население городов быстро увеличивается, растет их ремесленное и торговое значение. Однако земледелие и особенно скотоводство продолжают играть большую роль их хозяйстве. Важными центрами овцеводства, например, были Сеговия, Куэнка, Теруэль, Порту. Они поставляли сырье для сукноделия. Изготавливались также льняные и шелковые ткани, металлоизделия, предметы повседневного обихода. Во всех более или менее значительных городах наряду с постоянно действующими или еженедельными рынками проводились ярмарки, доходы от которых пополняли королевскую казну.

Некоторой спецификой обладали города на северо-западе Леонско-Кастильского королевства. Большую роль в их становлении сыграла дорога, ведущая из Франции к Сантьяго-де-Компостелу — одному из известнейших в Европе монастырей, куда ежегодно отправлялись сотни паломников. Это обстоятельство, а также близость столиц — Леона, Овьедо, Бургоса — привлекли сюда французских ремесленников. В XII—XIII вв. здесь шла острая борьба между ремесленниками и городскими сеньорами — аббатом монастыря в городе Саагуне и архиепископом в Сантьяго-де-Компостела. Для приморских городов Каталонии, в первую очередь Барселоны, характерно развитие там дальней торговли и наличие богатого купечества, что сближает их с некоторыми городами Италии и Южной Франции.

Колонизация и социальное развитие. На социальное развитие Кастилии, Арагона и Португалии огромное влияние оказали Реконкиста и колонизация. Во всех пиренейских королевствах выработалась сходная процедура заселения новых земель. Их верховным собственником считался король, а реальными владельцами — те, кто их населял. В дарственных хартиях, «поселенных грамотах» и фуэро короли передавали вотчинникам, сельским и юродским общинам права на землю и, как правило, жаловали налоговые льготы. Часть земли становилась королевским доменом. Нередкими были случаи, когда короли нарушали пожалованные ими же привилегии и передавали свободные деревни и даже города во владение светским и церковным сеньорам. Поэтому право феодального государя распоряжаться землей было не номинальным, а вполне реальным.

В свободной деревне земля делилась на пахотные наделы и уголья, подконтрольные всей общине — консехо. Общинное устройство было свойственно и зависимым деревням. Консехо отвечал перед вотчинником или короной за выполнение повинностей. В Кастилии и Португалии они были сравнительно невелики: для зависимых крестьян — фиксированный натуральный или денежный ценз (например, 3 хлеба и курица; 1—2 солида в год), иногда — полевые барщины (как правило, несколько дней в году); в свободных деревнях — поземельный налог и различные поборы военно-административного происхождения. В Старой Каталонии и Арагоне, где власть вотчинников над крестьянами с раннего средневековья была прочнее, чем на западе полуострова, положение зависимого населения ухудшилось.

Промежуточное положение между свободными и зависимыми крестьянами в Леоне и Кастилии занимали члены так называемых бегетрий (от латинского *benefactoria*, т.е. «благодетение»). Бегетрия — крестьянская община, которой сеньор оказывал оговоренное соглашением покровительство, а крестьяне за это выполняли в его пользу некоторые повинности, первоначально весьма необременительные. Различались два типа бегетрий — «от моря до моря», члены которых могли избирать себе сеньора по всей стране (т.е. от Бискайского залива до Атлантики), и «бегетрий род», где сеньором мог быть лишь член определенного семейства. Крестьяне были вправе менять сеньора, вести с ним судебные тяжбы. Однако в XIII—XIV вв. повинности членов бегетрий существенно возросли, право на смену сеньора было сильно ограничено и на практике членство в бегетрий превратилось в одну из форм феодальной зависимости.

Некоторые черты землевладения и социального устройства деревни были унаследованы государствами Пиренейского полуострова от мавров, в особенности в тех областях, где проживало значительное мосарабское население (Толедо, Валенсия, Севилья и т.п.). Здесь сохранялась аренда, по условиям которой лично свободный арендатор выплачивал земельному собственнику часть урожая натурой или денежный взнос. Арендные договоры возобновлялись довольно часто, что сопровождалось повышением платы, и могли заключаться также между крестьянами. Начиная с XIII в.

земли мосарабов интенсивно раздариваются королями светским и церковным феодалам, а их население переходит в разряд зависимых держателей.

Социальный и сословный строй городов Леоно-Кастильского королевства различался в зависимости от того, был ли данный город свободным или имел сеньора. Большинство крупных и средних городов в стране были свободными и подчинялись непосредственно короне. Полноправными горожанами считались те, кто обладал недвижимой собственностью независимо от характера занятий и длительности проживания. Наиболее зажиточные горожане, как правило, обязаны были приобрести боевого коня и вооружение; за это их освобождали от городских и государственных повинностей и, как и кабальеро-вильяно, приравнивали к некоторым отношениям к служилым феодалам. Такие городские кабальеро занимали высшие муниципальные должности, имели привилегии в пользовании городскими землями (в первую очередь пастбищами), представляли городскую общину в органах сословного представительства. Непривилегированное полноправное городское население состояло из ремесленников, мелких торговцев, лиц, которые вели собственное хозяйство в аграрной сфере городской экономики.

Ремесло в испанском городе развивалось преимущественно по типу «свободного ремесла», поскольку королевской власти и городской верхушке удалось воспрепятствовать организации гехов — в них видели источник повышения цен на рынке и угрозу для правящих слоев общины. Поэтому корпорации ремесленников и объединения торговцев возникали только с конца XII—XIII в. лишь в некоторых отраслях ремесла и преимущественно в Каталонии и Арагоне. Кроме полноправных горожан в состав городского населения входили наемные работники, чей труд использовался как в ремесле, так и в земледелии и скотоводстве, бедняки, арендовавшие жилье и небольшие участки земли. В приниженном положении находилось сохранявшееся мусульманское население. В городах, имевших сеньора, проживала также его челядь, а все жители таких городов, не исключая и кабальеро, были обязаны сеньору некоторыми платежами и службами.

Границы феодального сословия Леоно-Кастильского королевства были размытыми и, особенно до середины XIII в., открытыми: верхушка свободного крестьянства и зажиточные горожане довольно легко могли превратиться в кабальеро. К XIII в. постепенно складывается различие между кабальеро и инфансонами — представителями потомственных служилых феодалов. Теперь источники часто именуют тех и других «идальго» (от испанского *fijo d'algo* — «сын значительного человека»). Идальго, как правило, не были богаты; довольно скудные доходы, получаемые от рент, дополнялись военной добычей и выручкой от продажи скота и шерсти. Высшая знать королевства — рикос-омбрес (букв. «богатые, могущественные люди») — имела обширные земельные владения, значительные денежные доходы (в том числе и в виде выплат из казны), пользовалась большим влиянием на государственные дела. Ядро этого слоя составляли 20—30 феодальных родов (таких, например, как Лара, Гусман,

Аро и др.), которые постоянно боролись друг с другом за влияние в стране, нередко поднимали мятежи против королевской власти. В Леоно-Кастильском королевстве слой рикос-омбрес пополнялся за счет наиболее богатых или выделившихся на королевской службе идалго; наоборот, отдельные обедневшие знатные роды постепенно растворялись среди массы мелких и средних феодалов.

Особую группу составляли члены духовно-рыцарских орденов (Сантьяго, Алькантара, Калатрава и др.), которые сложились во второй половине XII в. по образцу орденов крестоносцев. В орден вступали как клирики, так и светские феодалы — рикос-омбрес и идалго, отдавая организации полностью или частично свое имущество. Оставаясь мирянами, рыцари орденов принимали на себя обеты, главным из которых была непримиримая борьба с мусульманами. Орден располагали значительными вооруженными силами, активно участвовали как в Реконкисте, так и в междоусобицах, имели огромные земельные владения, замки, неисчислимые стада скота. В XIII-XV вв. отношения с орденами выросли в серьезную проблему для королевской власти.

В отличие от Леоно-Кастильского королевства, в Каталонии и Арагоне и знать, и средние, и мелкие феодалы подразделялись на ряд сословных групп — в зависимости от происхождения и способа получения титула и земельных владений («по естеству», «по королевской грамоте», «по праву завоевания» и т.д.). Возможность попасть в состав кабальерос для горожан или свободных крестьян была крайне ограниченной. Арагонская знать и даже дворянство располагали значительно большей, чем в Кастилии, независимостью от короны и даже имели признанное право вести войны против своего монарха.

В Португалии слой феодалов развивался примерно тем же путем, что и в Леоно-Кастильском королевстве. Следует, однако, отметить, что здесь городские кабальерос прочнее, чем в Кастилии, сохраняли связь с собственно городскими занятиями, особенно с торговлей и мореходством. Большое влияние в стране имел духовно-рыцарский Ависский орден, магистр которого в конце XIV в. даже занял королевский трон и основал новую правящую династию.

Тема 2.8. Скандинавские страны в XI – XIII вв.

План

- 1. Формирование феодализма**
- 2. Норвегия, Швеция и Дания в XII – XIII вв.**
- 3. Города и бюргерство.**

1. Формирование феодализма

С прекращением походов викингов иссякли прежние источники богатств родоплеменной знати, ослабло ее общественное влияние. Земля стала концентрироваться в руках новых социальных элементов, прежде всего служилой знати. В формирующийся слой феодалов входило и высшее

духовенство, и часть старой знати. «Сильные люди» и «могучие бонды», выделявшиеся из среды свободного населения, так-же сосредоточили в своих руках немалые земельные владения. В течение XII и XIII вв. значительная часть скандинавских крестьян из собственников земли превратилась в держателей наделов на землях крупных землевладельцев.

Важную роль в развитии феодальных отношений играла королевская власть. Короли были крупнейшими землевладельцами, они захватывали право верховной собственности на общинные пастбища и леса. В силу этого многие крестьяне, имевшие хозяйства на расчищенных от леса землях и пустошах, превратились в держателей короля. Король принуждал население содержать его вместе со свитой во время постоянных разъездов по стране. Со временем эти поборы превратились в регулярный налог, уплачивавшийся обычно продуктами. Право сбора налога король передавал своим служилым людям, поставленным во главе областей и округов. Эти пожалования отчасти напоминают лены (феоды) в других странах Европы. Однако в Скандинавских странах они формально не считались наследственным достоянием их владельцев, хотя фактически нередко были таковыми. Замки, возводившиеся в Дании и Швеции начиная с XIII в., не являлись собственностью феодалов: они занимали их в качестве наместников короля, должны были охранять их, следить за порядком в округе и собирать подати с населения.

Своеобразно проходил и процесс складывания феодально-зависимого крестьянства. Поскольку бонд был обычно не только земледельцем, но и скотоводом, рыбаком, охотником и жил зачастую на обособленном хуторе, где вел самостоятельное хозяйство там, где земледелие было слабо развито или отсутствовало, он, по сути дела, мало был связан или совсем не был связан с определенным участком пахотной земли. Втянуть такого человека в за-висимость было нелегко. Скандинавские крестьяне упорно сопротивлялись нажиму феодалов. Бонды обладали оружием, так как на них лежала обязанность по призыву короля являться в ополчение, они на собственные средства строили и снаряжали военные корабли. Поскольку значение крестьян в военном деле было велико, королевской власти приходилось с ними считаться.

Однако по мере роста социального расслоения военная служба становилась тягостной для крестьян. Междоусобицы, войны и служба в ополчении во многом способствовали их разорению. Стремясь избавиться от королевской военной службы и растущих налогов, многие бонды передавали себя и свою собственность под власть и покровительство крупных землевладельцев. Как и повсюду в Европе раннего средневековья, в странах скандинавского Севера шел процесс социального разделения общественных функций, при котором власть, военное дело и управление сосредоточивались в руках общественной верхушки, а материальное содержание общества возлагалось на зависимых, подвластных крестьян — непосредственных производителей.

Тем не менее в силу значительной хозяйственной самостоятельности и длительного сохранения общинных порядков крестьянство Скандинавии — за исключением Дании, где земледелие было ведущей отраслью хозяйства, — на протяжении всего средневековья отчасти сохраняло личную правоспособность; феодальная зависимость выражалась здесь преимущественно в уплате ренты продуктами. При сохранении бондами значительных элементов личной свободы гарантией собственнических прав феодалов на землю было лишение держателей юридической обеспеченности держания. Поэтому, хотя обычно держатель пользовался участком длительное время и даже пожизненно, за ним не закреплялось право прочного владения землей, поскольку срок, на который заключалось соглашение о владении им землей, не превышал нескольких лет. Крестьянин не был прикреплен к земле или к личности собственника, но за это он расплачивался правовой необеспеченностью держания. Вместе с тем в тот период в Скандинавских странах еще существовал большой слой крестьян, сохранявших право собственности на землю и лишь обязанных платить налоги государству.

2. Норвегия, Швеция и Дания в XII – XIII вв.

Норвегия в конце XII—XIII в. С развитием феодальных отношений обострялась социальная борьба. Она нередко принимала форму выступлений против короля и поддерживавшей его служилой знати. Крупнейшим событием явились гражданские войны в Норвегии в последней четверти XII — начале XIII в. На первом этапе это была борьба претендентов на престол. Но вскоре в нее все более активно стали вмешиваться, с одной стороны, феодализировавшиеся элементы общества и служилая знать, заинтересованные в укреплении государства, а с другой — обездоленные слои крестьян, страдавших от растущей эксплуатации.

В 1177 г. самозванец Сверрир возглавил восстание биркебейнеров («берестеников» — прозвище вызвано тем, что потерпевшие поражение повстанцы, изнашив свою обувь, стали обвязывать ноги берестой) — бедняков, надеявшихся с его победой поправить свое положение. Но после захвата престола Сверрир (1184—1202) стал проводить политику в интересах крупных землевладельцев и служилых людей, в число которых вошли и выходцы из биркебейнеров, возвысившиеся в ходе борьбы. Конфликт между духовенством и Сверриром, который добивался установления верховенства королевской власти над церковью, достиг такого ожесточения, что папа отлучил короля от церкви и наложил на страну интердикт. Сверрир в свою очередь изгнал из Норвегии тех прелатов, которые поддерживали папу и вели пропаганду против короля. Восстания крестьян не прекращались, так как в период гражданских войн возросли государственные поборы, ложившиеся на плечи бондов тяжелым бременем, и укрепил свои позиции гос-подставляющий класс, сплавивавшийся вокруг престола. Народное движение было подавлено лишь после того, как старая знать и церковники (которых поддерживали папа и датский король) примирились с потомками Сверрира и вместе с новыми феодальными землевладельцами стали поддерживать монархию.

Укрепление королевской власти в Норвегии в XIII в. произошло при короле Магнусе Законодателе. В 1274 г. он издал первый обще-норвежский свод права, заменивший областные судебники, записанные в конце XII — начале XIII в. Во главе местного управления стояли ленники короля. Крестьяне были отстранены от участия в политической жизни. Церковным и светским землевладельцам тем не менее не удалось полностью лишить норвежских бондов остатков личной свободы. В Норвегии не сложились такие институты, как сеньория, система вассалитета и феодальной иерархии, иммунитет и вотчинный суд. При ограниченности пригодных для пахоты земель и преобладании поселений хуторами барщина не получила развития, домениальное хозяйство имело скромные размеры. Преобладала рента продуктами. Повинности крестьяне несли главным образом в пользу государства.

Феодализм в Норвегии был развит слабее, чем в других Скандинавских странах.

Развитие феодализма в Швеции. Хотя и в Швеции постепенно возрастал слой держателей, не имеющих собственной земли, число крестьян, сохранявших независимость от крупных землевладельцев, было велико. В ходе борьбы за укрепление королевской власти и начавшегося в XII в. завоевания Финляндии складывалось феодальное сословие. Местная знать пыталась сохранить обособленность областей и выборную королевскую власть, но потерпела поражение. В процессе этой борьбы укрепилось положение ярла — правителя королевства и начальника ополчения. Ярл Биргер возглавил крестовый поход против Финляндии (1249—1250) и подчинил ее западные области. При поддержке церкви он возвел на престол своего сына и основал новую династию (1250).

Укрепление королевской власти и в Швеции сопровождалось введением постоянных налогов и ухудшением положения бондов. Во второй половине XIII в. шведские феодалы — фрельсы (т.е. «освобожденные» от публичных повинностей и сборов) окончательно превратились в господствующее сословие. Они несли конную рыцарскую службу и освобождались от уплаты налогов. Иммунитетные привилегии получило и высшее духовенство. Попытка шведских феодалов вторгнуться на Русь и захватить устье Невы закончилась их разгромом (Невская битва 1240 г.).

Развитие феодализма в Дании. В течение XII в. в Дании также развернулась междоусобная борьба, но король Вальдемар I (1157-1182), устранив соперников, усилил свою власть союзом с церковью. Влияние церкви на государственные дела в Дании было очень невелико. Духовенство получило иммунитетные привилегии от короля и во многом способствовало торжеству феодальных отношений. Дания в большей мере, чем другие Скандинавские страны, испытывала влияние развитых феодальных стран Западной Европы.

Со второй половины XII в. в Дании создается рыцарское войско из средних и мелких феодальных землевладельцев, освобождаемых за военную службу от уплаты налогов. Служилое привилегированное сословие

превращалось в главную опору королевской власти, а бонды — в слой, который должен был своим трудом содержать это сословие. Введение тяжелой поземельной подати, взимаемой с каждого плуга, вызвало в 1250 г. крестьянское восстание против короля Эрика IV, прозванного «Плужный грош».

С крайней жестокостью проводились датскими феодалами крестовые походы против славянского Поморья. Балтийские славяне были покорены и насильственно крещены. Войны Дании против эстов сопровождались подчинением районов Нарвы и Ревеля (Таллина) (в середине XIV в. эти владения были проданы Тевтонскому ордену). Ослабление императорской власти датские короли использовали для захватов в Северной Германии. Вальдемар II (1202-1241) подчинил себе Гольштинию, Гамбург и другие территории. Любек находился под его покровительством. Однако вскоре почти все эти владения были утрачены в результате поражения, нанесенного Вальдемару северогерманскими городами и крестьянами северо-западной области Германии Дитмаршена (1227 г.). Процесс феодализации общества нашел отражение в первых записях датского права, относящихся к началу XIII в., и в поземельной описи Дании, составленной при Вальдемаре II.

3. Города и бюргерство.

Города и бюргерство. Замедленность экономического развития и устойчивость натурального хозяйства в Скандинавских странах проявились в относительной слабости городов. Торговые центры, игравшие большую роль в период походов викингов, пришли в упадок в X—XI вв. Солеварение, металлургия, ткачество и другие ремесла оставались преимущественно крестьянскими промыслами. Городские ремесленники были малочисленны. Внутренняя торговля была слабо развита, в сельских местностях деньги представляли редкость, и в течение долгого времени сохранялся натуральный обмен. Средствами обмена служили скот, куски домотканого сукна и другие товары.

Во второй половине XII и в XIII в. ремесло и торговля сделали некоторые успехи. Особенно расширилась внешняя торговля, увеличился вывоз рыбы, мехов и кож. Берген в Норвегии, Висбю на острове Готланд, ежегодные ярмарки в Сконе играли значительную роль в торговле Северной Европы.

Ряд датских и шведских городов получил королевские хартии, жаловавшие им частичное самоуправление по образцу немецкого (магдебургского) городского права. В это время возвышается Стокгольм. Однако экономически слабое бюргерство не оказывало существенного влияния на политическую жизнь. К тому же с середины XIII в. и в XIV в. в торговле Скандинавии все более заметное место начинают занимать богатые ганзейские купцы, главным образом из Любека и Ростка. Они захватывали в свои руки вывоз рыбы, продуктов животноводства и промыслов. В Швеции, где с XIII в. началась интенсивная разработка горных месторождений железных и медных руд, немцы добились доминирующего положения. Короли Дании, Норвегии и Швеции давали немецким купцам и ростовщикам, у которых брали большие суммы денег, широкие привилегии.

Муниципальные советы наиболее крупных шведских городов состояли наполовину из немцев, они заправляли в Бергене и датских портах.

Роль немецкого купечества и ремесленников в экономической жизни Скандинавии была двойственной: они способствовали развитию торговли и некоторых отраслей хозяйства, например, крупного рыболовства, животноводства, горного дела. Но засилье немцев тормозило рост местного бюргерства, особенно в Норвегии.

Тема 2.9. Византия в X—XII вв.

План

- 1. Политическое развитие Византии в X—XII вв.**
- 2. Аграрные отношения в Византии в X—XII вв.**
- 3. Византийские города в X—XII вв.**
- 4. Византия в XIII в.**

1. Политическое развитие Византии в X—XII вв.

Время со второй половины IX до конца XI в. – это период окончательного оформления институтов средневековой монархии, которая после нового яркого расцвета вновь вступила со второй половины XI в. в полосу кризиса, достигшего апогея к 80-м годам столетия.

Внешняя политика. Миссии в Хазарию и Моравию возглавляли выдающиеся церковные и культурные деятели Византии, родные братья из Фессалоники («солунские братья») Константин (в монашестве Кирилл) и Мефодий. В Моравию они прибыли с изобретенной ими славянской азбукой и переводами необходимых богослужебных книг, положив своей деятельностью начало письменной культуре южных, а затем и восточных славян. Через 20 лет ученики просветителей принесли славянскую азбуку в Болгарию, где продолжали дело своих учителей. В отношениях с Болгарией установился длительный мир. Основателю Македонской династии Василию I (867—886) удалось еще более упрочить международное положение империи. Был отражен натиск арабов.

Ситуация резко изменилась в конце IX — начале X в. В 893-896 и 913—919 гг. Византии пришлось выдержать тяжелейшие войны с царем Болгарии Симеоном, принявшим титул «василевса болгар и ромеев» и посягавшим на византийский престол. Примерно тогда же арабы овладели почти всей Сицилией и угрожали владениям империи в Южной Италии. Захватили они и Кипр, а Крит стал гнездом арабских пиратов.

В 904 г. арабы взяли и разграбили Фессалонику. Международное положение империи стало улучшаться с середины X в., чему способствовали военная реформа Никифора II Фоки (963-969), сформировавшего отряды тяжеловооруженной конницы, а также ослабление Болгарии и распад Багдадского халифата. Византия отвоевала у арабов Крит, Кипр, а затем и Северную Месопотамию, часть Малой Азии и значительную часть Сирии и утвердила свое влияние на Армению и Грузию. Собрав силы и пользуясь

передышкой на восточных границах, Византия начала войны за подчинение Болгарии и вела их с невиданной жестокостью, обеспечившей Василию II прозвище «Болгаробойца» (победив в одной из битв, он ослепил сразу 14 тысяч пленных воинов). В 1018 Болгария была завоевана, а сербы и хорваты признали зависимость от империи. Снова весь Балканский полуостров до Дуная оказался под властью Византийской империи.

Новый, наступивший с 30-х годов XI в. упадок центральной власти и военных сил империи был связан прежде всего с борьбой внутри господствующей верхушки Византии, а также с начавшимся спадом ремесленного производства и торговли, страдавших от стеснительной опеки властей, непомерных поборов и от «порчи» монеты. Население городов, расположенных прежде всего на морских торговых путях, поднимало восстания, требуя всюду одного - снизить налоги, отменить ограничения, препятствующие развитию ремесла и торговли. Крупнейшим было восстание в столице в 1042 г., когда восставшие захватили часть императорского дворца и сожгли налоговые списки.

Военная знать с последней четверти X в. перешла к решительным вооруженным попыткам отнять власть у ставленника «бюрократов» на троне. Малоазийские военачальники в 70-х и 80-х годах дважды были близки к успеху, стремясь лишить власти юного Василия II. В последней из этих попыток (в 988 г.) император сохранил трон, а может быть и жизнь, благодаря посланному на помощь из Руси отряду, разгромившему узурпатора. Эти мятежи крупнейших полководцев открыли серию восстаний военной знати, следовавших друг за другом в течение полустолетия. С 30-х до начала 80-х годов XI в., менее чем за полвека, на престоле сменилось 10 императоров, 6 из которых были свергнуты. Преемники Василия II на троне, в страхе за судьбу своей власти, стали проводить политику сознательного ослабления армии, отзыва опытных полководцев с постов и их замены гражданскими сановниками и даже евнухами, чуждыми военному делу.

Результаты не замедлили сказаться. Империя на всех границах перешла к глухой обороне. На восточные границы наступал новый враг — турки-сельджуки, на Балканы из причерноморских степей вторгались полчища кочевников-печенегов. Болгары, стремясь восстановить свое государство, поднимали грозные восстания. Особенно крупными были восстания болгар в 1040—1041 и 1072 гг.

Почти незаметным на этом фоне оказалось событие, повлекшее серьезные последствия для империи в последующем. В середине XI в. усилившееся папство, используя ослабление власти империи в Южной Италии, поставило ее под свое церковное главенство. Патриарх резко протестовал. Летом 1054 г. папские послы (легаты), прибыв в Константинополь, потребовали восстановить «законные права» папства также на Иллирик и Болгарию. Получив отказ, легаты провозгласили анафему патриарху Константинополя, а патриарх — легатам. Произошел официальный разрыв (схизма) церквей,

формально входивших до этого в единую христианскую церковь. С тех пор полемика между представителями

Двух церквей, то затухая, то разгораясь, продолжалась веками. Причем сознательно оставляли на втором плане проблему границ супрематии папства и патриархии, выдвигая на первый план расхождения по вопросам догматики, обрядности и организации церкви. Например, западные христиане, в отличие от восточных, признавали исхождение Святого Духа «и от Сына», а не только «от Отца», причащались пресным хлебом (опресноками), а не квасным, придерживались безбрачия низшего духовенства, тогда как на Востоке брак священника считался допустимым.

Тактика спорящих сторон состояла в том, чтобы подкрепить претензии на верховенство доводами о более высоком «качестве» своего толка христианства. Взаимное отчуждение постепенно привело к утверждению обращенных в адрес друг друга эпитетов уничижительным оттенком: восточных христиан на Западе стали называть «схизматиками», а западных на Востоке — «латинянами».

В войнах с империей особенно преуспели турки-сельджуки. В 1071 г. они разгромили армию Византии при Манцикерте (в Армении). Император Роман IV Диоген попал в плен. Сельджуки овладели почти всей Арменией и Малой Азией, основав в центре полуострова, на земле империи, свое государство — Иконийский султанат. В том же 1071 г. норманны захватили в Италии последний принадлежавший здесь Византии город Бари (в Апулии). К 1081 г. из окон царского дворца были видны сельджукские разъезды на берегу Босфора в Азии, а печенежские — на берегу бухты Золотой Рог в Европе.

Отчаянное положение империи вызвало новое обострение борьбы за власть. В 1081 г. победу одержала военная аристократия, посадившая на престол своего ставленника, ставшего основателем новой династии, — Алексея I Комнина (1081—1118).

Русско-византийские отношения в IX—XI вв. С древними русами византийцы сталкивались уже на рубеже VIII—IX вв. Русы нападали на владения империи в Крыму (Херсон) и на южное побережье Черного моря уже в первые десятилетия IX в. В 860 г. русы, неожиданно появившись на множестве небольших ладей, осадили Константинополь. Столкновение завершилось договором, в результате которого часть правящей верхушки Руси приняла христианство (но ненадолго). С этого времени русы получили доступ на рынки столицы империи.

К началу X в. отношения Руси и Византии осложнились, и летом 907 г. войска русов снова появились на Босфоре, прибыв и по морю, и по суше. Окрестности столицы подверглись разгрому. В 911 г. Византия заключила с русами договор, предоставив им право беспошлинной торговли в Константинополе, и обязавшись содержать за свой счет послов и купцов Руси во время их пребывания в империи и снабжать их всем необходимым на обратный путь. Торговые связи Руси с империей стали регулярными: ежегодно летом торговые флотилии русов прибывали к Константинополю,

располагались в пригороде и вели до осени торг на рынках Константинополя. Особым спросом знатных русов пользовались шелковые ткани.

По неизвестным причинам в 941 г. киевский князь совершил новый поход на Византию, разорил берега Босфора и часть побережья Малой Азии, но был разбит под Константинополем с помощью «греческого огня». Не смирившись с поражением, через два или три года он снова двинул на Византию свой флот и сухопутные силы, но был встречен на Дунае послами императора. В 944 г. был подписан новый договор. Усилился приток русов на службу в войска Византии.

В 967 г. Никифор II Фока предложил князю Святославу, щедро уплатив, совершить нападение на враждебную империи Болгарию. В 968 г. Святослав одолел болгар, подчинил их своему влиянию (не лишая трона государя), но вопреки надеждам императора, начал вместе с ними войну против Византии. Война продолжалась до лета 971 г., когда армия империи нанесла поражение русскому князю. Был возобновлен мирный договор. Отношения Руси и Византии снова стали дружественными, несмотря на гибель Святослава по пути из Болгарии в Киев — возможно, при участии византийских дипломатов, побудивших печенегов преградить путь князю, а затем напасть на него в порогах.

В 987 г. отчаявшийся Василий II попросил князя Владимира прислать на помощь отряд для борьбы с узурпатором Бордой Фокой. Владимир выполнил просьбу, поставив условие — выдать за него сестру императора Анну. Русы разбили Фоку в 988 г., но Василий II медлил с выполнением соглашения. Тогда Владимир подверг осаде и взял принадлежащий империи город Херсон в Крыму. Император отправил Анну к Владимиру, который перед вступлением с нею в брак принял христианство и вернул империи Херсон. Шеститысячный отряд русов остался в распоряжении Василия, и в течение почти ста лет это войсковое подразделение, периодически пополняясь, оставалось одним из самых боеспособных в империи, сражаясь за ее интересы на всех рубежах.

В 988/989 г. христианство было принято княжеским двором Руси и киевлянами, а затем и жителями других городов и регионов. Крещение продолжалось не один век, но решительный шаг был сделан. Широкий доступ на Русь более высокой византийской культуры был открыт. Вслед за организацией церкви сюда стала проникать не только греческая, но и славяноязычная (сначала богослужебная, затем и светская) литература. В этом процессе большую роль сыграла Болгария, в которой славянская грамота уже опиралась более чем на столетнюю традицию, и собственная литература достигла высокого уровня. Русь активно перенимала опыт империи также в каменном зодчестве, живописи, книжном деле, ювелирном и стеклодельном производстве. В начале XI в. на Афоне был основан русский монастырь, ставший важным центром русско-византийских культурных связей.

С защитой торговых интересов связан и последний поход уже христианской Руси на Константинополь в 1043 г. Его возглавил сын

Ярослава Мудрого новгородский князь Владимир. Поход был неудачным: флот русов был разметан бурей и сожжен «греческим огнем» под Константинополем. Отношения, однако, были улажены. В 1047 г. русы уже помогали Константину IX Мономаху (1042—1055) разбить очередного узурпатора. Мономах выдал свою дочь за другого сына Ярослава Мудрого — Всеволода. Торговые культурные связи Руси с Византией и ее владениями в Крыму не прерывались до конца XI в., несмотря на господство в причерноморских степях сначала печенегов, а с последней четверти столетия и в течение всего XII в. — половцев. Почти полное прекращение на длительный срок русско-византийских связей было обусловлено сначала захватом Константинополя крестоносцами в 1204 г., а затем — разорением Киева татаро-монголами в 1240 г.

Периода от правления Алексея I Комнина (1081 г.) до взятия Константинополя крестоносцами в 1204 г. Это была эпоха Комнинов (1081—1185). Четверо из них оставили глубокий след в истории Византии, а вслед за уходом последнего, Андроника I (1183—1185), перестала существовать и сама империя как единое государство. Комнины полностью отдавали себе отчет в критическом положении своего государства и энергично, как рачительные домохозяева (их и винили-то современники в том, что они превратили империю в свою вотчину), принимали экономические, социальные, политические меры для его спасения. Крушение империи они отсрочили, но упрочить надолго ее государственную систему не смогли.

Международное положение Византии. Алексей I захватил власть в результате военного переворота. С первых дней правления новому императору пришлось преодолевать чрезвычайные трудности. Внешние враги зажали империю в тиски: почти вся Малая Азия была в руках турок-сельджуков, норманны, переправившись из Италии на Адриатическое побережье Балкан, овладели стратегическим городом-крепостью Диррахием, разорили, разбив войска империи, Эпир, Македонию, Фессалию. А у ворот столицы печенеги. Сначала Алексей I бросил все силы против норманнов. Только в 1085 г. с помощью Венеции, купцам которой предоставлены права беспощадной торговли в империи норманнов удалось вытеснить с Балкан.

Еще более грозной была опасность со стороны кочевников. Печенеги уходили после набегов за Дунай — они стали обосновываться в пределах империи. Их поддерживали половцы, полчища которых также вторглись на полуостров. Сельджуки вступили с печенегами в переговоры о совместном нападении на Константинополь. В отчаянии император обратился к государям Запада, взывая о помощи и соблазняя всерьез некоторыми кругами Запада и сыграло свою роль как в организации Первого крестового похода, так и в последующих притязаниях западных сеньоров на богатства империи. Между тем Алексею I удалось разжечь вражду между печенегами и половцами. Весной 1091 г. печенежская орда была почти полностью уничтожена с помощью половцев во Фракии.

Дипломатическое искусство Алексея I в его отношениях с крестоносцами Первого похода помогло ему с минимальными затратами вернуть Никею, а

затем, после побед западных рыцарей над сельджуками, погрязшими в междоусобицах, отвоевать весь северо-запад Малой Азии и все южное побережье Черного моря. Положение империи укрепились. Глава Антиохийского княжества Боэмунд Тарентский признал Антиохию фьефом Византийской империи.

Труды Алексея I продолжил его сын Иоанн II Комнин (1118-1143). В 1122 г. он разгромил печенегов, снова вторгнувшихся во Фракию и Македонию, и навсегда устранил опасность с их стороны. Вскоре произошло столкновение с Венецией, после того, как Иоанн II лишил торговых привилегий обосновавшихся в Константинополе и других городах империи венецианцев. Флот Венеции в ответ разорил острова и побережья Византии, и Иоанн II уступил, подтвердив привилегии республики. Опасными оставались и сельджуки. Иоанн II отвоевал у них южное побережье Малой Азии. Но борьба за Сирию и Палестину с крестоносцами лишь ослабила империю. Прочной была власть Византии только в Северной Сирии.

В середине XII в. центр внешней политики империи снова переместился на Балканы. Мануил I (1143—1180) отразил новый натиск сицилийских норманнов на Адриатическое побережье, о Корфу, Фивы и Коринф, острова Эгейского моря. Но попытки перенести войну с ними в Италию кончились неудачей. Тем не менее Мануил подчинил себе Сербию, вернул Далмацию, поставил королевство Венгрию в вассальную зависимость. Победы стоили огромной затраты сил и средств. Усильвшийся Иконийский (Румский) султанат турок-сельджуков возобновил давление на восточные границы. В 1176 г. они наголову разгромили армию Мануила I при Мириокефале. Империя была вынуждена повсюду перейти к обороне.

Империя накануне катастрофы 1204 г. Ухудшение положения империи на международной арене и смерть Мануила I резко обострили внутривластную обстановку. Властью полностью овладела придворная камарилья во главе с регентшей при малолетнем Алексее II (1180-1183) Марией Антиохийской. Казна расхищалась. Растаскивались арсеналы и снаряжение военного флота. Мария открыто покровительствовала итальянцам. Столица кипела от негодования. В 1182 г. вспыхнуло восстание. Повстанцы расправились с обитателями богатых итальянских кварталов, обратив их в руины. И Мария, а затем и Алексей II были убиты.

Пришедший к власти на гребне восстания Андроник I искал опору среди ремесленно-торговых кругов Константинополя. Он пресекал лихоимство и произвол чиновников, отменил так называемое «береговое право» — обычай, позволявший грабить потерпевшие крушение купеческие суда. Современники сообщают о некотором оживлении торговли в короткое правление Андроника. Однако он был вынужден частично компенсировать ущерб, понесенный венецианцами в 1182г., и восстановить их привилегии. Международное положение империи ухудшалось год от году: еще в 1183г. венгры овладели Далмацией, в 1184г. отложился Кипр. Высшая знать разжигала растущее недовольство столичных жителей и плела интриги. Опальные вельможи воззвали о помощи к норманнам, и те действительно

снова вторглись на Балканы в 1185г., захватили и подвергли беспощадному разгрому Фессалонику. Во всем винили Андроника. Был составлен заговор. Андроника схватила и буквально растерзала толпа на улицах города.

В правление Исаака II Ангела (1185-1195, 1203-1204) и его брата Алексея III (1195-1203) процесс разложения аппарата центральной власти быстро прогрессировал. Императоры оказались бессильными повлиять на ход событий. В 1186г. болгары сбросили власть империи, образовав Второе Болгарское царство, а в 1190 г. и независимыми и сербы, возродившие свою государственность. Империя разваливалась на глазах. Летом 1203 г. крестоносцы подступили к стенам Константинополя, и Алексей III, отказавшись от руководства обороной города, бежал из столицы, в которой царил хаос, уступив трон ранее свергнутому им Исааку его сыну Алексею IV (1203-1204).

2. Аграрные отношения в Византии в X—XII вв.

Византийская деревня. Наметившаяся ранее в Византии тенденция к становлению новой социально-экономической структуры и общественно-политической системы окончательно восторжествовала к концу XI в. Процесс имущественной дифференциации в деревне ускорился.

В ходе отвоевания захваченных варварами земель, иконоборчества и подавления оппозиционных движений государство упрочило право своей собственности на земли страны, за исключением земель сельских общин и частных земельных собственников. Суть происшедших перемен в отношениях собственности состояла в том, что власти империи взяли под контроль все «бесхозные» земли, включая пустоши и неудобья. На всей территории империи господствовали три вида собственности на землю: полная частная собственность отдельных лиц, коллективная собственность сельских общин на неподеленные, т.е. находившиеся в общем пользовании земли и, наконец, собственность государства (практически все менее отличимая от императорской). Государственная собственность состояла как из имений, превращенных в доходные хозяйства (правлящей семьи, благотворительных учреждений, правительственных ведомств), так и из гигантского неосвоенного фонда, который императоры использовали в качестве могущественного орудия в своей социальной и политической борьбе. Жалуя с разной степенью прав и льгот землю гражданским и военным чинам, императоры лавировали между группировками знати, стремясь упрочить трон.

Юридический статус земельной собственности являлся главным фактором, определявшим имущественные и социальные условия жизни всего византийского крестьянства. Разложение сельской общины было ускорено налоговой реформой Никифора I (802-811) явлением товарно-денежных отношений. Кроме главного поземельного налога натурой (синоны), были введены другие налоги. Строго соблюдалась эпиболэ в ее новой форме: заброшенный соседом участок уже не присоединяли к земле общинников, а давали им право его обрабатывать взамен уплаты налогов. Эпиболэ теперь стали называть «аллиленгием», т.е. «солидарной ответственностью».

Общинники по-прежнему в складчину вооружали обедневших стратиотов. С Никифора I (и до конца империи) казна стала взимать со всех жителей деревни «капникон» («подымное»), т.е. подворную подать с домохозяина, независимо от его имущественного положения. Ранее ее платили только «парики» (присельники) церкви.

С тех пор эта категория крестьян (парики) все чаще упоминается в источниках. Безземельный крестьянин получал от господина земли участок на условиях уплаты части урожая либо определенной суммы денег, или за отработки в хозяйстве господина. Иногда эти обязанности сочетались в разных пропорциях по воле собственника земли. В X – XI вв. взносы в пользу господина приобретали нередко ту форму, которую имел тогда главный поземельный налог в пользу казны. К концу X в. он стал все чаще собираться в денежной форме.

Специфика частновладельческой эксплуатации в Византии состояла в том, что ее уровень определялся обычаем, приравнивавшим официально взносы париков к арендной плате, более чем вдвое превышавшей государственный налог. Поскольку господин перекладывал на париков и казенные налоги с его земельной собственности, их взносы господину втрое превышали платежи крестьян-собственников своих участков. Основное отличие парика от свободного общинника состояло в отсутствии у парика собственности на обрабатываемую им землю, а от свободного арендатора чужой земли – в отсутствии защищенного публичной властью договора с господином земли и в непрерывном проживании в пределах господской вотчины. В силу всего этого, хотя парик юридически оставался свободным и полноправным поданным империи, он, оказавшись в сфере частнопрововых отношений, попадал и в личную зависимость. Право парика уйти, рассчитавшись с господином, или перейти к другому хозяину было трудно реализовать – основание хозяйства на новом месте требовало немалых средств. К тому же парик нередко получал от господ вместе с участком помощь (скотом, семенами, орудиями), и единовременная выплата долгов была ему непосильной. Если император жаловал господину освобождение от налогов с его земли, то это означало, что он может их собирать с париков в свою пользу. В таком случае налог по его социальному содержанию становился (вместе с ежегодной платой парика господину за участок) подобием феодальной ренты. Поэтому исследователи, справедливо отмечая важность этого обстоятельства и учитывая специфику структуры господствующего слоя империи и ее политической системы, трактуют общественный строй Византии как полуфеодальный, ибо и в империи, и в феодальных странах Западной Европы условия жизни крестьян, составлявших в ту эпоху подавляющее большинство населения, оказались весьма близкими.

Парик пришел в крупном поместье на смену полусвободному и свободному арендатору, наемному работнику, колону и рабу. Владение землей становилось источником богатства только при обеспечении ее рабочими руками. Труд париков стал наиболее выгодной формой

эксплуатации: они были наследственными держателями. Через 30 лет непрерывного держания семья парика уже не могла быть согнана с ее участка, но лишь при условии выполнения своих обязанностей перед хозяином земли. Парик не приобретал прав собственности на участок и мог быть продан или подарен вместе с ним другому лицу, церкви или монастырю.

Аграрное законодательство императоров Македонской династии. Стремительное распространение парикий серьезно беспокоило центральную власть. Во-первых, потеря земли свободными общинниками и превращение их в париков частных лиц повлекло сокращение и налоговых взносов в казну, и численности стратиотского ополчения. Во-вторых, корона, в ее стремлении обеспечить парическим трудом свои многочисленные поместья, столкнулась с острой конкуренцией крупных землевладельцев. Зимой 927-928 г. после катастрофического недорода империю постиг жестокий голод. Спасаясь от гибели, обедневшие крестьяне за бесценок продавали свои участки или отдавали право собственности на них богатым и влиятельным людям (динатам, т.е. «сильными»), становясь их париками, иногда всей деревней. Париками стратигов оказывались и разорившиеся стратиоты, утратившие способность нести воинскую службу.

Троном владели тогда императоры Македонской династии (867-1056), отражавшие интересы высшей гражданской знати (чиновной бюрократии). В течение столетия, с 20-х годов XI в., императоры издали целую серию законов (новелл), которыми пытались помешать распространению парикий и вторжению динатов в общины налогоплательщиков. Государство утвердило право общинников на предпочтительную покупку земли своих односельчан. Затем такое право было дано им на покупку и динатских земель. Проданную менее 30 лет назад крестьянскую землю безвозмездно возвращали прежнему собственнику. Но законы соблюдались плохо. В новелле 934 г. признавалось, что динаты, «презрав императорские законы», продолжают притеснять крестьян, «сгоняют их с собственных полей, вытесняют с принадлежащей земли». Внутри общин появились богачи: используя право предпочтения, они вполне законно скупали участки своих односельчан, превращая целые общины в свои поместья.

В 996 г. император Василий II Болгаробойца (976-1025) отменил срок давности: крестьянину (или его наследникам) возвращали землю, независимо от того, когда она была потеряна. Общинников, ставших динатами за счет односельчан, предписывалось обращать в прежнее состояние. Согласно закону, свободный крестьянин или его наследники в течение 30 лет сохраняли право собственности на свой заброшенный участок, и в случае их возвращения до истечения этого срока, независимо от того, кто и на каких условиях в отношении к фиску использовал эту землю, они снова вступали во владение ею, получая на ближайшие годы налоговые льготы. Если крестьянин (или его наследник) не возвращался, его земля переходила в собственность казны, которая или продавала ее, или сдавала в аренду, или использовала для императорских пожалований. При императорах

Македонской династии были введены специальные, детально регламентированные инструкции (податные уставы) для чиновников фиска о принципах обложения и сбора налогов о методах защиты прав казны, которая, в конкуренции с династами, овладевала запустевшими общинными землями.

Еще строже были законы об участках, внесенных в каталоги стратиотов. В середине X в. эти участки были объявлены неотчуждаемыми. Имущественное положение стратиотов подверглось новой оценке.

Обедневшие воины не получили освобождения от службы: вооружали их по-прежнему совладельцы-общинники. Менее состоятельных заставляли служить в пехоте или на флоте, а зажиточных в коннице. Социальный состав армии менялся. Тяжеловооруженная конница становилась ее ударной силой. Росла стоимость вооружения. На службу в кавалерию стали привлекать мелких и средних вотчинников. Но слой состоятельных крестьян был невелик. К концу столетия боеспособность фемных ополчений упала, и все большую роль в войске стали приобретать наемники.

Законы лишь затормозили процесс оскудения мелкого крестьянского землевладения. Сами императоры были непоследовательны в своей политике. Росли их уступки династам, недорольным мерами центральной власти.

Крупное землевладение. По сравнению с положением в Западной Европе в ту же эпоху византийским крупным владениям были присущи три главные особенности. Во-первых, они, как правило значительно уступали западным по размерам и были зачастую разбросаны по разным провинциям, не составляя больших сплошных массивов. Во-вторых, крупная земельная собственность в империи не имела иерархической структуры, вассально-ленные отношения не получили развития. Императоры все чаще наделяли из фонда государственных земель и из собственных имений отличившихся на службе сановников и военачальников, монастыри и церкви. Сначала среди дарений преобладали солемнии, т.е. право взыскивать в свою пользу все или часть налогов в том или ином налоговом округе.

Уже в середине XI в. появился особый вид солемнии — прония, представлявшая собой пожалование на срок жизни (в награду за службу) налогов с определенной территории с правом управления ею. Так было положено начало получившим с XII в. значительное распространение условным держаниям от короны, но их сходство с западными ленами было весьма относительным (по своей внутренней структуре прония отличалась от феода и лена: иерархия земельной собственности ограничивалась здесь одной ступенью: император — бенефициарий).

В-третьих, крупные землевладельцы редко получали от императора освобождение от всех налогов и никогда не располагали полным судебным иммунитетом в пределах собственных владений (право высшей юрисдикции оставалось прерогативой государства). Центральная власть всегда сохраняла контроль над крупным землевладением, сдерживала его рост и оказывала существенное влияние на уровень частновладельческой эксплуатации.

Особыми льготами пользовалось в империи, как правило, только монастырское землевладение.

Все это вызывало растущее недовольство землевладельческой, в основном военной, аристократии. Путь к отмене ограничений расширению своих владений она видела в возведении на престол ставленника из своей среды, вместо представителя на троне чиновной бюрократии, которая владела и средствами казны, и властью, позволявшей ей самой приобретать земельные владения, проса состояла в том, какая из форм эксплуатации крестьян станет главной: централизованная (в интересах чиновничества) или частновладельческая (о чем мечтала военная знать). Конфликт этих двух группировок господствующего класса стал до конца XI в. стержнем политической жизни общества.

Экономическая и социальная политика Комнинов. Для истории Византии XII в. характерно проявление двух противоположных тенденций, наметившихся уже в XI в. С одной стороны, имел место подъем сельскохозяйственного производства (в новейшей историографии это время обозначают как «эпоху экономической экспансии»), с другой — прогрессировал процесс политической дезинтеграции. Расцвет экономики не только вел к укреплению государственной системы, но, напротив, ускорял ее дальнейшее разложение. Традиционная организация власти в центре и в провинциях, прежние формы отношений внутри правящего класса стали объективно преградой для дальнейшего общественного развития.

Комнины оказались перед неразрешимой альтернативой: для упрочения центральной власти и обеспечения доходов казны (необходимого условия для содержания сильной армии) они должны были по-прежнему защищать мелкое землевладение и сдерживать рост крупного, как и раздачу пожалований и привилегий. Но такого рода политика ущемляла интересы военной аристократии, которая привела их к власти и оставалась их социальной опорой. Разрешить эту проблему Комнины (прежде всего Алексей I) пытались двумя путями, избегая коренной ломки общественно-политической системы, считавшейся незыблемой ценностью. Мысль о переменах в «таксисе» (освященном веками правопорядке) была чужда менталитету византийцев. Введение новшеств почиталось грехом, непростительным императору.

Во-первых, Алексей I стал реже, чем его предшественники предоставлять частным лицам, церкви и монастырям освобождение от налогов и право селить на своей земле на положении париков разорившихся и не уплачивавших налогов в казну крестьян. Скупее стали и пожалования земли из фонда государства и из имений правящей семьи в полную собственность. Во-вторых, раздачу льгот и пожалований Алексей I стал жестко обуславливать личными связями и отношениями. Его милости были или наградой за службу престолу, или залогом для ее несения, а предпочтение при этом отдавалось людям, лично преданным, прежде всего — представителям обширного клана Комнинов и породненных с ними фамилий.

Политика Комнинов могла принести лишь временный успех - она страдала внутренними противоречиями: новые формы отношений между представителями господствующего класса могли стать основой для возрождения государства лишь при коренной перестройке централизованной системы управления, но именно ее упрочение оставалось по-прежнему главной целью. Мало того, раздача пожалований и привилегий соратникам вела неизбежно, сколь бы ни были они в данный момент преданы трону, к росту крупного землевладения, ослаблению свободного крестьянства, падению доходов от налогов и усилению тех самых центробежных тенденций, против которых она была направлена. Военная аристократия одолела чиновную знать, но, сохранив прежнюю систему власти и центральный аппарат управления, она нуждалась в услугах «бюрократов» и при проведении своих реформ оказалась их заложницей, сдерживаясь полумерами.

К рубежу XI—XII вв. в парикии оказалась значительная часть крестьянства. Укрепилась крупная вотчина. Жалуя ее господину экскуссию (полное или частичное освобождение от налогов), император изымал его владения из-под контроля фиска. Оформлялся сходный с западноевропейским иммунитет: вотчинник суда в пределах его владений, исключая права высшей юрисдикции, связанной с особо тяжкими преступлениями. Некоторые вотчинники расширяли деменальное хозяйство, увеличивали производство зерна, вина, скота, втягиваясь в товарно-денежные отношения. Немалое число их, однако, предпочитали накапливать богатства, большую часть которых множество знатных персон и в XII в. обретали не от доходов вотчины, а от выплат из казны и даров императора.

Шире Комнины стали жаловать пронии, по преимуществу на условиях несения военной службы. Современники сравнивали пронию с бенефицием. При Мануиле I Комнинче (1143—1180) возник принципиально новый вид пронии — не на землях казны, а на частных землях свободных налогоплательщиков. Иначе говоря, императоры утверждали право верховной собственности государства на земли свободных крестьян. Жалуемое вместе с правом присвоения государственных налогов право управлять пожалованной в пронию территорией способствовало быстрому превращению условной земельной собственности в полную, наследственную, а свободных налогоплательщиков — в париков обладателя пронии, которая по своей социальной сущности превращалась в частное владение.

В поисках средств Алексей I и его ближайшие преемники прибегали к разорительной для свободных налогоплательщиков практике - откупу налогов (уплатив в казну сумму, превышавшую официально установленную с податного округа, откупщик с лихвой компенсировал затраты с помощью властей). Посягал Алексей I и на долю богатств духовенства. Он конфисковывал сокровища церкви на нужды армии и выкуп пленных, жаловал владения тем монастырям, которые переживали упадок, светским лицам в управление с обязательством наладить хозяйство обитателей за право присваивать часть их доходов. Проводил он и внеочередные ревизии

монастырских земель, частично конфискуя их, ибо монахи скупали за бесценок класмы через продажных чиновников и уклонялись от уплаты налогов, не всегда располагая таким правом.

Крупные вотчинники во второй половине XII в. стали, в свою очередь, жаловать часть своих владений своим приближенным, становившимся их «людьми». Некоторые магнаты располагали крупными отрядами воинов, состоявшими, впрочем, в основном не из вассалов (ленные отношения в империи остались слабо развитыми), а из многочисленной челяди и наемников, укрепляли свои усадьбы и вводили при них порядки, наподобие столичного двора. Углублявшийся процесс сближения социальной структуры вотчины с западноевропейской нашел отражение и в нравах знати империи. Проникали с Запада новые моды, стали устраиваться (особенно при Мануиле I) турниры, утверждался культ рыцарской чести и воинской доблести. Если из 7 прямых представителей Македонской династии государем-воином был лишь Василий II, то почти все Комнины сами возглавляли в бою свою армию. Власть магнатов стала распространяться и на территорию округи, часто далеко за пределы их собственных владений. Нарастали центробежные тенденции. Попытку обуздать своеволие магнатов и произвол чиновников предпринял узурпатор, двоюродный брат Мануила I, Андроник I. Он снизил налоги, отменил их откуп, повысил жалованье правителям провинций, искоренял коррупцию и жестоко подавлял сопротивление бывших соратников Мануила. Магнаты сплотились в челядь к Андронику. Отняв у него в результате кровавого переворота трон и жизнь, представители земельной аристократии и основатели новой династии Ангелы (1185—1204) практически ликвидировали контроль центральной власти над крупным землевладением. Земли со свободными крестьянами щедро раздавались в пронию. Имена, конфискованные Андроником, возвращались прежним хозяевам. Были снова повышены налоги. К концу XII в. ряд магнатов Пелопоннеса, Фессалии, Южной Македонии, Малой Азии, утвердив свою власть в целых регионах, отказали в повиновении центральной власти. Встала угроза развала империи на независимые княжества.

3. Византийские города в X—XII вв.

Византийский город. «Книга эпарха». С середины IX в. начался подъем городов в Византии. Свободные мелкие производители-ремесленники и торговцы создавали основную массу продукции, поступавшую на рынок. Мастера и торговцы основными продуктами питания и предметами роскоши были организованы в корпорации — профессиональные объединения нового типа. Хотя и связанные генетически с прежними коллегиями, они отличались от них главным образом тем, что строились не на принудительном, а на добровольном принципе. Принадлежность к корпорации была не повинностью, а привилегией, и вступление в нее было обставлено рядом условий: взнос, наличие материальных возможностей для дела, овладение мастерством, обязательство соблюдать правила. Установленные эпархом (градоначальником), эти правила для 22 корпораций столицы были постепенно сведены в X в. в сборник постановлений — «Книгу эпарха».

Ремеслом можно было заниматься и вне корпорации, но такой ремесленник или торговец при получении заказов и продаже изделий и товаров не имел тех льгот, которые были официально предоставлены членам корпорации. Закон защищал их от конкуренции внекорпоративного ремесла. Наибольшие льготы имели корпорации торговцев. Состоятельные члены корпораций использовали труд мистиев (наемных работников) и рабов.

Взамен первоочередного права на получение заказов и продажу своих изделий корпорации были опутаны целой сетью обязательств и ограничений, решительно отличавших их от возникших позднее на Западе средневековых городских цехов. Члены корпорации не имели права самим избирать главу корпорации — его назначал епарх. Глава отвечал за уплату налогов и пошлин всех членов объединения и за соблюдение ими не только профессиональных правил, но и принятых норм морали. Члены корпорации под угрозой исключения должны были доносить на своих коллег о любом «слове и деле» против законной власти. Их профессиональная деятельность подвергалась придирчивому контролю со стороны городских чиновников (предписывались объемы производства, запасы сырья, место и время торговли, число и сроки найма мистиев). Была установлена и норма прибыли членов корпорации. Они платили налоги с городской недвижимости (мастерских-лавок), если ее имели, а не брали в аренду, а также пошлину как при закупке сырья и иных товаров, так и при продаже своих.

Тем не менее, ремесленное производство и торговля в империи процветали, подъем начался в столице (с середины IX в.), а затем (со второй половины XI в.) — и в провинциальных городах.

Византийский город в конце XI-XII в. Начавшийся в IX-X вв. подъем ремесла и торговли привел к расцвету провинциальных городов. Проведенная Алексеем I реформа монетной системы, увеличение массы разменной монеты, необходимой для розничного товарооборота, определение четкого соотношения между монетами разного достоинства оздоровили денежное обращение. Расширились и укрепились торговые связи сельской округи с местными городскими рынками. В городах, близ крупных монастырей и вотчин периодически устраивались ярмарки. Каждой осенью в Фессалонику съезжались купцы со всего Балканского полуострова и из иных стран (в том числе с Руси).

В отличие от западноевропейских, византийские города не были под юрисдикцией знатных персон. Ими управляли наместники государя, опираясь на гарнизоны, которые состояли тогда в основном из наемников. С падением доходов от налогов с крестьян росло значение поборов и пошлин с горожан. Города были лишены каких бы то ни было налоговых, торговых, политических привилегий. Попытки торгово-ремесленной верхушки добиться более благоприятных условий для своей профессиональной деятельности по-прежнему сурово пресекались. На городские рынки внедрялись крупные вотчинники, развертывавшие оптовую торговлю с иным купечеством. Они приобретали в городах дома, под склады, лавки, суда, причалы и все чаще торговали без посредничества городских купцов.

Иноземные негоцианты, получавшие льготы от императора в обмен на военную поддержку, платили в два-три раза меньшие пошлины, чем византийские торговцы или не платили их вовсе. Горожанам пришлось вести тяжелую борьбу и с магнатами, и с государством. Союз центральной власти с городами против непокорных магнатов в Византии не сложился.

К концу XII в. признаки грядущего упадка едва наметились в провинциальных центрах, но ярко проявились в столице. Мелочная опека властей, система ограничений, высокие налоги и пошлины, консервативные принципы управления душили корпорации. Ремесло и торговля в столице хирели. Итальянские торговцы находили все более широкий сбыт для своих товаров, которые стали превосходить византийские по качеству, но были значительно дешевле их.

4. Византия в XIII в.

Четвертый крестовый поход и Латинская Романия. Наступивший с конца XII в. кризис усилил процесс децентрализации Византии, облегчил успехи завоевателей. Еще в 1185 г. сицилийский король Вильгельм II отторгнул у Византии Ионические острова. В 1191 г. английский король Ричард I овладел Кипром, уступив его через год бывшему иерусалимскому королю Ги де Лузиньяну. Возникло самостоятельное Кипрское королевство (1192—1489). Однако систематический захват византийских земель начался в ходе Четвертого крестового похода. 13 апреля 1204 г. его участники взяли штурмом Константинополь. Византия пала и на ее месте образовалась Латинская империя (1204—1261). Но крестоносцам не удалось осуществить план подчинения всех земель некогда принадлежавших Византии: этому помешало сопротивление местного населения малоазийских и балканских провинций, а также Болгарского царства. В северо-западной части Малой Азии возникло самостоятельное греческое государство — Никейская империя, в Южном Причерноморье — Трапезундская империя, на западе Балкан — Эпирское государство. Все они в той или иной мере считали себя наследниками Византии и боролись за ее восстановление.

Тем не менее, западноевропейскими рыцарями, венецианцами, а позднее и генуэзцами были основаны государства и колонии, протянувшиеся от Ионического до Черного моря. Их совокупность получила название Латинской Романии (так как в Западной Европе Византию нередко называли Романией). В состав Латинской Романии входили: Латинская империя со столицей в Константинополе и государства «франков» на Балканах; владения Венецианской республики, колонии и фактории генуэзцев, территории, принадлежавшие духовно-рыцарскому ордену госпитальеров (иоаннитов): Родос и острова Додеканеса (1306-1522).

Латинская империя. После того как Константинополь перешел в руки латинян, совместная комиссия, состоявшая из венецианцев и франков, избрала императором одного из вождей похода, графа Фландрии и Эно Балдуина I. По форме как бы восстанавливалась византийская государственность, сохранялся пышный церемониал и титулатура византийских монархов. Но по существу Латинская империя строилась на

основе разветвленной феодальной иерархии французского образца. Централизация страны была поверхностной. Императору непосредственно принадлежала лишь часть Константинополя (другой частью владели венецианцы) и завоеванные впоследствии Фракия и северо-западная часть Малой Азии. Правители других государств Латинской Романии считались вассалами императора, но их зависимость от него была номинальной. На Балканах были основаны Фессалоникское королевство (1204-1224), Афинская сеньория, затем герцогство (1205-1456), Морейское, или Ахейское княжество (1205-1432).

Латинская империя, формально объединившая эти владения, оказалась непрочной. Балдуин Фландрский сразу же отказался от любого сотрудничества с греками и вступил в конфликт с болгарским царем Калояном, разгромившим войска империи в битве при Адрианополе (1205). От этого поражения Латинская империя не смогла оправиться. Несмотря на временную стабилизацию, достигнутую при преемнике Балдуина Генрихе I (1205-1216), силы ее таяли, ожидаемого притока рыцарей с Запада не было. Терявшее одно владение за другим, это государство пало в 1261 г. Подобную же судьбу разделило и Фессалоникское королевство. Иначе складывалась ситуация в Центральной и Южной Греции. Вся земля там была разделена на рыцарские лены. Бароны считались пэрами Морейского княжества и владели десятками ленов. Самый крупный дом принадлежал князю Морей. В феодальную иерархическую структуру были включены и греческие феодалы, слой которых был достаточно многочисленным и обеспечивал власти морейских князей большую устойчивость.

«Франки» принесли в Грецию феодальные отношения, основанные на широком распространении домениального хозяйства. Повсеместно усилилась частноправовая зависимость крестьян от сеньора, возросла барщина. Основной категорией зависимого крестьянства были парики, или вилланы, лишенные личной свободы. Вилланский статус был пожизненным.

Греческие феодалы — архонты — сохранили в Морейском княжестве свои земли и привилегии, особый правовой статус. Совладение отдельными территориями, смешанные браки способствовали сближению двух этнически разных групп господствующего класса. Медленно, но неуклонно развивались процессы эллинизации «франков», усваивавших язык и традиции местного населения. Консолидации Морейского княжества способствовало и то, что православная церковь отчасти сохранила здесь свои позиции: весь низший клир оставался греческим, и лишь верхушка епископата принадлежала к римско-католической церкви. Морейские князья сознавали, что унификация обрядов и полное подчинение церкви папству резко усилят сопротивление местного населения господству «франков».

В XV в. Морейское княжество было завоевано византийцами (1428-1432), а Афинское герцогство — османами (1456).

Венецианская Романия. В отличие от «франков» венецианцы не стремились к созданию большого государства на территории Византии. Они добивались обеспечения торговой монополии своей республики в Восточном

Средиземноморье, контроля над коммуникациями и главными рынками Романии. После Четвертого крестового похода Венеция приобрела торговые кварталы Константинополя, остров Крит, порты Корон и Модон на Южном Пелопоннесе, острова в Ионическом море. Постепенно Венеция расширяла свои владения за счет важных крепостей Греции (На-вплий, Монемвасия и др.) и островов в Эгейском море (Эвбея, Спорады и Киклады и др.). Крупнейшим ее приобретением в XV в. стал Кипр (1489). Города венецианской Романии играли первостепенную роль в посреднической торговле Венеции с Востоком. Кроме того, они были поставщиками сельскохозяйственной продукции Романии, особенно зерна, на венецианские рынки.

На Крите и других островах земли были поделены между государством, венецианскими колонистами, церковью и греческими архонтами. Венецианские колонисты находились в более привилегированном положении, чем архонты. Они монополизировали управление и внешнюю торговлю. На Крите увеличились отработочные повинности крестьян, возросли налоги. Недовольство крестьян усилением эксплуатации, а архонтов — политическими и экономическими ограничениями привело к резкому обострению социальной борьбы. С 1212 по 1367 г. на Крите произошло 12 крупных выступлений против венецианского владычества. Это заставило республику пойти на уступки местной знати, многие представители которой вошли в состав привилегированного чиновничества, а также на некоторое смягчение эксплуатации крестьян. С середины XIV в. усиливалась консолидация феодального слоя, шел процесс эллинизации венецианских колонистов. Вместе с тем быстрое развитие товарно-денежных отношений способствовало освобождению крестьян за выкуп, росту торгово-ремесленных слоев. В XV—XVI вв. Крит был важным центром греко-венецианской культуры, испытывавшей влияние итальянского Ренессанса.

Генуэзская Романия. Генуя не приняла участия в Четвертом крестовом походе и для образования торговых колоний и факторий в Романии воспользовалась договором с никейским императором Михаилом VIII (1261). После восстановления Византии и падения Латинской империи генуэзцы основали в Галате, на противоположном от Константинополя берегу Золотого рога, свой город-крепость — Перу. Затем, с конца 60-х годов XIII в., они приступили к колонизации Крыма, где их важнейшим оплотом стал город Каффа (Феодосия). Постепенно сеть генуэзских факторий покрыла все берега Черного и Азовского морей. Наибольшее значение из них имели Солдайя (Судак), Чембало (Балаклава), Тана (Азов), Самастро (Амастрида), Севастополис (Сухуми). С середины XIV в. и до 1475 г., когда Каффа была завоевана османами, генуэзцы фактически контролировали торговлю в Азово-Черноморском бассейне. В Эгейском море им принадлежал остров Хиос и Фокея с богатыми месторождениями квасцов. Генуэзская династия Гаттилузи управляла островами Лесбосом и Фасосом, а в XV в. — и Лемносом.

В отличие от Венеции Генуя, с ее слабым центральным управлением, предоставляла дело организации факторий частным лицам или объединениям предпринимателей, банкам. Фактории обладали значительной самостоятельностью и управлялись избираемыми на год консулами и небольшим штатом финансовых и судебных чиновников. Генуэзское население было в подавляющем меньшинстве в городах Романии, и оно довольно быстро наладило прочные связи с феодальной и городской верхушкой тех областей, где устраивались фактории. Так как в генуэзской колонизации довольно широко участвовали не только купцы, но и городские низы, матросы и ремесленники, последние три группы нередко сближались по положению с эксплуатируемым местным населением городов Черноморья или Эгеиды и вместе с этим населением участвовали в борьбе против городского патрициата. Города и фактории генуэзцев в Северном (Каффа) и Северо-Восточном (Тана, Мапа-Анапа) Причерноморье были крупными центрами работоторговли и экспорта рабов в Европу и мамлюкский Египет.

Греческие государства в первой половине XIII в. Первые попытки отдельных греческих архонтов организовать сопротивление латинянам, народные выступления против их владычества не имели успеха. Однако с 1205 г. в Вифинии, вокруг не занятых крестоносцами городов Брусса и Никея, складывается ядро новой государственности — Никейской империи. Города Малой Азии, вошедшие в ее состав, были развитыми центрами ремесла и торговли, а земли отличались плодородием. Основатель государства Феодор I Ласкарь (1205—1222) не располагал большими денежными средствами. Однако он унаследовал много бывших императорских поместий, владения константинопольских церквей и монастырей, захваченных латинянами. Эти земли он использовал для раздачи в прении, как правило, без права передачи их по наследству и с условием обязательного несения прониаром воинской службы. Опираясь на прониаров, а также на отряды пограничных военных поселенцев — акритов и зажиточных свободных крестьян — стратиотов, Феодор I создал эффективную армию, остановившую продвижение латинян в Малой Азии. Его преемник, талантливый полководец и администратор Иоанн III Ватац (1222—1254), перенес военные действия на Балканы, осуществил там значительные завоевания и подготовил падение Латинской империи. Ему, однако, пришлось вступить в борьбу с другим греческим государством — Эпирским царством (1204—1337).

В отличие от Никейской империи, Эпирское царство распадалось на множество полусамостоятельных феодальных владений и наместничеств. Архонты Эпира властвовали в городах. Неравномерность экономического развития отдельных областей и пестрый состав его населения (греческого, албанского, славянского и влашского) усиливали децентрализованность. В 1230 г. Эпирское царство было разгромлено болгарами, а в 40—50-е годы XIII в. — никейцами и вышло из борьбы за восстановление Византии.

Третье государство возникло в Южном Причерноморье, в области Понт. Отрезанная от остальной части Малой Азии высокими горными хребтами,

эта область издавна тяготела к политической самостоятельности. В 1204 г. при поддержке войск грузинской царицы Тамары там образовалась Трапезундская империя (1204- 1461) во главе с Великими Комнинами, потомками известной византийской династии. В первые годы своего правления трапезундские Комнины приняли участие в борьбе за восстановление Византии, но после поражений, нанесенных им Феодором I Ласка-рем и сельджуками, вышли из борьбы. Трапезундская империя занимала выгодное географическое положение на магистральных путях торговли Западной Европы со странами Востока; она была одной из наиболее густонаселенных областей византийского мира.

Восстановление Византийской империи. Значительные экономические ресурсы, близость к Константинополю, победы над соперниками предопределили успех Никейской империи в борьбе за восстановление Византии. В 1259 г. в битве при Пелагони никейские войска разгромили союзную армию эпирских правителей и морейского князя, наиболее сильного из государей Латинской Романии. В 1261 г. почти без сопротивления отряды никейского императора Михаила VIII Палеолога заняли Константинополь. Латинская империя прекратила свое существование.

Восстановленная Византия была лишь подобием некогда огромной державы. В нее вошли западная часть Малой Азии, часть Фракии и Македонии, острова в Эгейском море и ряд крепостей на Пелопоннесе. Внешнеполитическое окружение Византии было неблагоприятным: на западе возникла враждебная ей коалиция, куда входила и Венеция, во главе с сицилийским королем Карлом I Анжуйским, на востоке росла турецкая угроза, на севере империю теснили болгары и сербы. Михаил VIII Палеолог (1259-1282) был опытным политиком. Еще накануне захвата Константинополя он предоставил большие торговые льготы генуэзцам, рассчитывая на поддержку их флота против венецианцев и Карла Анжуйского. В 1274 г. он пошел на заключение унии с папством, чтобы расколоть враждебную коалицию, что ему и удалось сделать. Против болгар Михаил VIII стремился использовать орды монгольского хана Ногая. Казалось бы, внешнеполитическая угроза была устранена. Однако резко выросла внутренняя оппозиция Михаилу VIII из-за непопулярности его униатской политики у греческого населения и его пособничества крупным феодалам в ущерб городам, акритам (которых он стал облагать высокими налогами) и основной массе сельских жителей.

Тема 2.10. Крестовые походы

План

- 1. Причины и характер крестовых походов**
- 2. Первый крестовый поход (1096-1099)**
- 3. Государства крестоносцев на Востоке**
- 4. Второй (1147—1148) и Третий крестовый поход (1189-1192)**
- 5. Четвертый крестовый поход (1202-1204).**

6. Последние крестовые походы

7. Итоги Крестовых походов

1. Причины и характер крестовых походов

Крестовые походы — это военно-колониционные движения западноевропейских феодалов, части горожан и крестьянства, осуществлявшиеся в форме религиозных войн, под лозунгом освобождения христианских святынь в Палестине из-под власти мусульман, либо обращения язычников или еретиков в католичество. Классической эпохой Крестовых походов считают конец XI—XIII вв., однако попытки возродить их предпринимались до конца средневековья, а использование символики и атрибутов крестоносного движения характерно и для нового времени, вплоть до современности.

Первые крестовые походы отличались массовым характером и стихийностью. Помимо крупных сеньоров и рыцарей из разных стран в них принимали участие крестьяне и купечество североитальянских и южно-французских городов. Постепенно социальная база движения сужалась, и они все более становились чисто рыцарскими экспедициями. Крестовые походы конца XII—XV вв. часто организовывались монархами крупных государств Западной Европы при поддержке пап и итальянских морских республик, прежде всего Венеции.

Термин Крестовые походы появился не ранее 1250 г. и стал общепринятым с XVII—XVIII столетий. Участники первых Крестовых походов, нашивавшие на одежды знак креста, называли себя пилигримами, а походы — паломничеством (*peregrinatio*)), деяниями (*gesta*) или экспедицией (*expeditio*), священной дорогой (*via sacra*).

Причинами походов был большой комплекс экономических, социальных, внешнеполитических и религиозно-психологических факторов. Начавшийся рост товарно-денежных отношений в странах Западной Европы усиливал расслоение традиционных структур общества, порождал, с одной стороны, рост материальных потребностей феодальной верхушки, с другой — непривычную нестабильность. Право майората, когда лишь старшие сыновья знатных сеньоров получали отцовские фьефы, а младшие должны были сами заботиться о приобретении домена и средств к жизни, содействовало росту агрессивных настроений рыцарской молодежи. Борьба за землю и за крестьян приводила к фэйдам - кровавым столкновениям знатных родов и кланов, а возможности испомещения за счет внутренней колонизации становились все более и более ограниченными.

Постепенно укоренялось представление, что истинный источник богатств находится на Востоке. Итальянские купцы из Венеции, Бари, Амальфи, позднее — Пизы и Генуи привозили на Запад из Византии и с Леванта драгоценности и специи, шелковые ткани, парадное вооружение и многие предметы роскоши. Люди начали верить в то, что овладеть богатствами Востока (неверного, враждебного, но столь притягательного) — дело отнюдь не невозможное и даже богоугодное. Первые успехи Реконкисты на

Пиренеях уже готовили почву для еще более широких движений под лозунгом священной войны ради Господа. Эта идея была привлекательна не только для знати, но и для части горожан и крестьян, надеявшихся на освобождение от сеньориального гнета и получение новых земель. Демографический подъем, переживаемый Европой, не был решающим фактором Крестовых походов, как иногда утверждается, но он создал возможности участия значительных масс народа в дальних экспедициях.

Римско-католическая церковь сыграла большую роль в подготовке Крестовых походов, дав им не только лозунги и оформление, но и саму нравственную и психологическую, а нередко и материальную основу. К концу XI в. папство уже могло опираться на положительные результаты Ключнийского движения, рационализацию хозяйства монастырей и укрепление авторитета церкви, достигнутого в борьбе с симонией, невежеством духовенства, посягательством светской власти на церковное имущество. Но сам канун Крестовых походов был тяжелым временем смут и голода («семь тощих лет»), эпидемий чумы и других болезней, косивших обессиленный люд в Лотарингии и Германии, Англии и Брабанте. К этому добавлялись и стихийные бедствия, особенно небывало суровые зимы и наводнения в Северной Европе в 1089—1094 гг. Бегство крестьян от сеньоров принимало все более угрожающий характер.

Росла религиозная экзальтация, усилились крайние проявления аскетизма, отшельничества. Во всей Европе распространялись апокалиптические ожидания скорого конца света. Ждали Божьей кары за грехи, раздавались призывы проповедников покаянием, посещением Святой Земли и особым религиозным подвигом достичь спасения. Благочестивые паломничества в Иерусалим становились массовым явлением. Возвращавшиеся пилигримы распространяли превеличенные слухи о преследовании христиан турками сельджуками в Палестине, где находилась главная святыня — Гроб Господень.

Из мифологизированных представлений о Востоке и его богатствах и отождествления его с библейской Землей Обетованной, ставшей достоянием неверных, и родилась идея особого, священного паломничества, войны ради Господа и освобождения его Гроба. Еще папа Лев IX (1049-1054) заявил, что борьба в защиту церкви есть естественная обязанность мирян, в первую очередь — рыцарей. В ходе Реконкисты папы давали индульгенции воинам, сражавшимся с сарацинами за веру. В 1074 г. Григорий VII причин Запад защитить христианскую религию уже на Востоке, оказав помощь Византии.

Внешнеполитическая ситуация в последней трети XI в. благоприятствовала рождению и воплощению идеи Крестовых походов. Тюрки-сельджуки захватили в 1055 г. Багдад, нанесли поражение Византии при Манцикерте (1071) и принялись методично захватывать Малую Азию, Сирию и Палестину. Византия переживала тяжелую междоусобицу и терпела поражения от печенегов и норманнов, овладевших всей Южной Италией (1071) и даже частью Северной Греции (1081). Император Алексей I не только нанимал отряды варягов и фландрских рыцарей, но и в наиболее

критический момент (1090/91 г.) обратился с посланиями о помощи к папе и государям Запада. Его призыв был услышан и использован, но тогда, когда непосредственная угроза уже была отведена от Константинополя, печенег и разгромлены Византией с помощью половцев, а сельджукские эмираты вступили в борьбу друг с другом и с египетскими халифами.

Клермонский Собор. Присутствие послов византийского императора на соборе в Пьяченце (Италия) в марте 1095 г. было использовано папой Урбаном II для начала пропаганды военной экспедиции на Восток. К концу года, заручившись поддержкой клунийских монастырей и многих светских государей, папа выработал «концепцию» Крестового похода. После окончания официальных заседаний представительного собора в Клермоне (Франция), на котором обсуждались вопросы установления «божьего мира», он выступил 27 ноября 1095 г. с проповедью на открытой площади перед большим скоплением мирян и клириков. Сказанное папой проповедники передавали из уст в уста, а хронисты сохранили варианты этой торжественной речи.

Фульхерий Шартрский так передает слова папы: «О, сыны Божьи! Поелику мы обещали Господу установить у себя мир прочнее обычного и еще усерднее блюсти права Церкви, есть и другое дело, и Божье, и ваше, превыше иных... Необходимо, чтобы вы как можно скорее поспешили на выручку ваших братьев, обитающих на Востоке, о чем те не раз просили вас». Сам Христос повелевает, продолжал папа, описав преследования христиан на Востоке, — изгнать язычников из христианских земель. Это дело людей всякого звания, богатых и бедных. Всем, отправившимся в поход, папа обещал отпущение грехов. «Да станут отныне воинами Христа те, кто раньше были грабителями. Пусть справедливо бьются с варварами те, кто раньше сражался против братьев и сородичей». Распри должны были прекратиться и сборы в поход закончены к началу весны. «Так хочет Бог!», — в едином порыве повторяли слова папы все собравшиеся. Формой похода должно было стать покаянное паломничество, участники которого сознательно обрекали себя на лишения, голод и жажду, страдания и даже смерть.

Престольная война с неверными была сразу же подхвачена сотнями проповедников, наиболее известным и популярным из которых был аскет Петр Пустынник. По всей Франции, Германии и Северной Италии люди собирались в отряды, вооружались кто чем мог, нашивали на одежду кресты. Это был духовный порыв большой силы, когда обычные материальные заботы казались суетными и несущественными. Чтобы отправиться в поход, бедняки, не имевшие лошадей, подковывали быков, запрягая их в телеги со скудным скарбом, подчас беря с собой и жен с малыми детьми. Чтобы собрать необходимое для похода, продавали имущество. Аббат Гвиберт Ножанский писал, что «в прежнее время ни темницы, ни пытки не могли бы исторгнуть у них того, что теперь сполна отдавалось за безделицу». Церковь брала под свою защиту семьи и имущество крестоносцев, освобождала их от уплаты долгов. Мечты об искупительном подвиге сочетались и с надеждами

на обретение земли, которая, по Писанию, «течет медом и млеком», и с фантастическими предрассудками, ярко проявившимися в ходе похода.

2. Первый крестовый поход (1096-1099)

Весной 1096 г. из Шампани, Лотарингии, областей Рейна тысячи крестьян, к которым иногда примыкали группы мелких рыцарей и горожан, соединились в отряды и двинулись на Восток. Ими предводительствовали проповедники, как Петр Пустынник, священники или обедневшие сеньоры. Путь крестьянского по преимуществу воинства, вооруженного косами, дубинами, цепями, топорами лежал вдоль Рейна и Дуная через Венгрию, Белград и Филиппополь (Пловдив) к Константинополю. Он был отмечен еврейскими погромами в городах Франции и Германской империи (в евреях, на которых возлагали вину за смерть Христа, видели врагов, как и в сарацинах, а задолжавшие еврейским ростовщикам немало денег рыцари и горожане разжигали эти настроения толпы). Лишенные необходимых запасов продовольствия, пополнявшиеся ватагами бродяг и авантюристов, крестьянские пилигримы грабили и бесчинствовали в Венгрии и Болгарии, на византийской территории, нередко встречая отпор местного населения. Когда поредевшие и уже деморализованные отряды в августе 1096 г. прибыли к Константинополю, император Алексей I после переговоров с Петром Пустынником, отказавшимся ждать подхода основных сил рыцарей, переправил их через Босфор в Малую Азию. Не дойдя до Никеи, крестьянское ополчение было разгромлено сельджуками. Подавляющее большинство, как писала византийская царица Анна Комнина, стало жертвами мечей «исмаилитов». Погавшие в плен были проданы в рабство, и лишь небольшая часть сумела спастись бегством в Константинополь.

Рыцарские ополчения несколькими колоннами тронулись в путь позднее крестьянских. В августе 1096 г. из Лотарингии выступило войско во главе с герцогом Готфридом IV Бульонским. Оно двигалось тем же путем через Венгрию и Болгарию. Из Южной Италии шли отряды норманнов, давних врагов Византии, под командой князя Боэмунда Тарентского. Итало-норманнские рыцари переправились в октябре из г. Бари через Адриатику и направились к Константинополю через Македонию и Фракию. Тогда же из Южной Франции двинулась в путь армия, предводительствуемая графом Тулузы Раймундом IV Сен-Жилем, одним из первых крупных сеньоров, принявших крест. Перейдя Альпы, эта, самая крупная, армия избрала старинную дорогу через Далмацию к Константинополю — Виа Эгнация. Из Северной и Средней Франции направлялись отряды герцога Нормандии Роберта (в составе его войска были также рыцари Англии и Шотландии), графа Блуа и Шартра Этьена и графа Фландрии Роберта II. Дойдя до Италии, они зазимовали там и продолжили путь с наступлением весны 1097 г.

Рыцарей сопровождали вассалы и оруженосцы, за ними следовали толпы крестьян, что увеличивало численность «паломников». Хотя армии не имели единого руководства, рыцари обладали боевой выучкой и были хорошо вооружены. Чтобы купить дорогостоящие доспехи и припасы, многие из них

перед походом продали или отдали в залог, главным образом церкви, свои поместья.

Проход войск через территорию Византии вновь был ознаменован разбоем. Скопление ополчений «франков» у стен Константинополя создавало угрозу столице империи. Алексей I использовал весь свой дипломатический талант, чтобы подарками, угрозами и пожалованиями, а иногда и военной силой добиться от предводителей обязательств вернуть империи завоеванные у сельджуков территории. Василевс применил в отношениях с рыцарями привычную для них, но не для ромеев, западную форму ленной присяги — оммаж. Со своей стороны, он обещал участвовать в Крестовом походе и поставлять продовольствие. После этого в сентябре 1097 г. по очереди отряды крестоносцев были переправлены в Малую Азию. Их отряды, вместе с византийским, подошли к Никее. Осажденная крестоносцами и византийскими войсками Никея, когда штурм уже начался, сдалась византийцам, что вызвало недовольство рыцарей.

По мере отдаления от Константинополя помощь византийцев слабела, а взаимное недоверие союзников увеличивалось. Тем не менее, военное преимущество крестоносцев в войне с разобщенными сельджукскими эмиратами было очевидным. Сельджуки потерпели сокрушительное поражение при Дорилее 1 июля 1097 г. После изнурительного перехода по выжженному солнцем плато крестоносцы вновь разгромили сельджуков близ Ираклии и в октябре через Киликию вышли в Сирию. В феврале 1098 г. один из отрядов крестоносцев под водительством Бодуэна Фландрского схватил богатый город Эдессу, населенный в основном армянами. Здесь возникло первое самостоятельное государство крестоносцев — графство Эдесское.

Более трудной задачей уже всего войска крестоносцев было взятие первоклассной крепости Антиохии. Ее безуспешно осаждали более 7 месяцев. В войске крестоносцев начались раздоры, византийский отряд был отозван на Кипр. Голод косил ряды пилигримов. Кроме того, на помощь осажденным шла армия эмира Кербоги. В этот момент измена коменданта одной из башен открыла путь в город отряду Боэмунда Тарентского, основателю позднее, по договору с остальными предводителями, княжества Антиохийское. Подошедшая армия Кербоги вскоре осадила Антиохию. Только чудо могло спасти отчаявшихся и запертых в городе крестоносцев. И когда у истощенных голодом экзальтированных людей стали происходить галлюцинации, пророческие сны и видения, один из бедных клириков объявил, что спасение произойдет, если в одном из храмов Антиохии отыщут священную реликвию: зарытый там наконечник копья, которым римский воин пронзил тело распятого Иисуса. Реликвия была найдена, и с невероятным воодушевлением крестоносцы опрокинули намного превосходившую их по численности армию Кербоги.

Раздел завоеванных владений породил раздоры между вождями крестоносцев. Казалось бы, они оставили планы идти к Иерусалиму, принадлежавшему египетскому халифу. И лишь стихийное возмущение

рядовых участников заставило их продолжить поход. 15 июля 1099 г. Иерусалим был взят приступом. Три дня победители грабили его, учинив невиданную резню жителей и защитников. Взятие Иерусалима вызвало бурное ликование на Западе. И хотя многие рыцари затем возвратились в Европу, новые массы людей двинулись в 1100—1101 гг. на Восток на подмогу Христову воинству. «Франки» (в основном ломбардские рыцари) сумели взять у сельджуков Анкару (ее возвратили Византии), но затем потерпели ряд поражений и не оказали существенного влияния на судьбы Святой Земли.

3. Государства крестоносцев на Востоке

После завоевания Иерусалима было решено избрать из числа князей правителя и наделить его титулом защитника Гроба Господня. Правитель (им стал Готфрид Бульонский) приносил вассальную присягу церкви в лице католического патриарха Иерусалимского. Но после смерти Готфрида в 1100г. в условиях угрозы новому государству, рыцари предложили его брату Бодуэну Фландрскому, графу Эдессы, принять королевскую корону. Так возникло Иерусалимское королевство, включавшее, кроме столицы, первоначально лишь порт Яффу и Вифлеем с округами. В 1101-1109 гг. к ним добавились Хайфа, Кесария, Акра, Триполи, Сайда и Бейрут, а в 1124 г. — Тир. Монарх Иерусалимского королевства был номинальным сюзереном всех других государей Латинского Востока, приносивших ему оммаж. Государства крестоносцев в Сирии и Палестине состояли из Иерусалимского королевства (1099—1291), графства Эдесского (1098-1144), княжества Антиохийского (1098-1268) и графства Триполи (1109-1289).

Повсюду господствовали феодальные порядки, в основном северофранцузского образца. Территория государств делилась на баронии, а те — на рыцарские феодалы, владельцы которых были обязаны военной службой сеньору. Король имел право призывать на службу всех вассалов в течение всего года (а не на определенное число дней в году, как на Западе). Вассалы не могли надолго покидать своих владений. Когда мусульмане стали вытеснять крестоносцев и отвоевывать их владения, короли, вместо утраченных феодалов, стали жаловать ленникам в феодал доходные статьи — право сбора различных налогов, пошлин, торговые привилегии и т.п. Углублялось воздействие торговли, товарно-денежных отношений на аграрную по преимуществу экономику латинских государств Ближнего Востока, втягивание их в рыночные связи Восточного Средиземноморья.

Бароны и прямые вассалы короны заседали в курии, или Ассизе Высшего суда, который был и верховным политическим советом, и феодальным судом. Решения, принятые этим судом, ограничивали королевскую власть и нормировали на основании обычаев отношения государя с вассалами. Другая палата — Ассиза суда горожан — разбирала судебные споры этой категории населения по имущественным вопросам. Позднее записи (книги) решений этих палат и трактаты комментировавших их юристов составили свод феодального права государств крестоносцев — «Иерусалимские Ассизы» (слово «ассизы» здесь понималось в значении судебных). Этот кодекс

применялся во владениях крестоносцев и венецианцев на Леванте вплоть до XV в.

Местные крестьяне (арабы, сирийцы, армяне, греки, и пр.) были лишены личной свободы и обрели статус вилланов, вынужденных нести оброк (от трети до половины урожая и приплода скота) в пользу сеньоров и платить налоги государству. Определенную долю населения в государствах крестоносцев составляли рабы, главным образом — взятые в плен или купленные «сарацины».

Торговля в государствах крестоносцев была сосредоточена в основном в руках купцов Генуи (оказавшей рыцарям помощь флотом), Пизы, Венеции, Марселя. В товарообмене преобладала ориентация на внешний рынок, экспорт предметов роскоши, специй и рабов, а также импорт металлов, оружия, коней, кож и сукна, продовольствия. В портовых городах (Акре, Яффе, Бейруте и др.) купцы морских республик имели свои укрепленные кварталы и привилегии. Они управлялись собственными консулами. Между купечеством различных городов велась конкурентная борьба, втягивающая и феодальных сеньоров, не занимавшихся крупной торговлей, но получавших прибыли от коммерческих пошлин.

Крупным, освобожденным от налогов землевладельцем была церковь. В Иерусалимском королевстве было патриархство, 14 епископств и много монастырей. Они могли владеть фьефами и, кроме того, собирали церковную десятину. Папы осуществляли через своих легатов повседневный контроль за деятельностью церковных учреждений, выборами епископата.

Вассально-ленная система, отсутствие единого внутреннего рынка, постоянная военная угроза со стороны воинственных мусульманских соседей, недовольство значительной части крестьян и горожан властью иноземных сеньоров, бывших к тому же иноверцами, сокращение притока воинов из Европы не способствовали централизации и прочности государств Латинского Востока. Понимая это, их правители и папы стремились стимулировать крестоносное движение и дальше, а также найти дополнительные средства защиты. Одним из них стало создание духовно-рыцарских орденов.

Вступая в любой из них, рыцари приносили три монашеских обета: целомудрия (отказ от брака), бедности (с запретом накопления богатств) и послушания (старшим в Ордене и папам). Но в отличие от обычных монахов члены духовно-рыцарских орденов должны были сражаться за веру с оружием в руках. Они подчинялись не епископам диоцезов, но лишь папе и орденским властям — капитулу и великим магистрам. Орденам передавались многие замки.

Еще около 1070 г. купцами из Амальфи в Иерусалиме был построен странноприимный дом (*hospitalis*) для пилигримов. В ходе и после Первого Крестового похода там принимали и лечили раненных и больных рыцарей. Дому дали имя св. Иоанна Милостивого, патриарха Александрийского VII в. Вскоре монахи, ухаживавшие за ранеными, стали и сами участвовать в боевых действиях, и в 1113 г. папа утвердил орденский устав, согласно

которому госпитальеры, или иоанниты были призваны воевать с неверными. (После завоевания Палестины мусульманами иоанниты в 1309 г. овладели островом Родос, а затем, когда его в 1522 г. захватили османы, перебрались на остров Мальту; а орден получил новое название — Мальтийского).

Орден тамплиеров или храмовников возник в начале XII в. и получил свой устав в 1128 г. Он был назван по расположению его резиденции близ легендарного Храма царя Соломона. Как защитники церкви тамплиеры наделялись рядом привилегий и большими земельными владениями. Орден накопил и значительные денежные средства (нередко они передавались ему на хранение). С XIII в. значительная часть тамплиеров переселилась во Францию, где при Филиппе IV орден был ликвидирован по обвинению в ереси, а его богатства конфискованы королем. Упразднение было признано папой в 1312 г.

В 1190/91 г. немецкие крестоносцы создали в Палестине орден св. Девы Марии — Тевтонский орден. В начале XIII в. он был переведен в Прибалтику, где постепенно развернул военную активность в Пруссии.

Отличием иоаннитов был красный плащ с белым крестом, тамплиеров — белый плащ с красным крестом, тевтонцев — белый плащ с черным крестом.

Ордены сыграли значительную роль в защите Св. Земли. Постепенно они стали серьезной политической силой, участвовавшей во внутривосточных распрях государств крестоносцев. С ростом их богатства усиливалось и их обмирщение.

4. Второй (1147—1148) и Третий крестовый поход (1189-1192)

Второй крестовый поход (1147—1148). Оправившись от поражений, нанесенных первыми крестоносцами, сельджуки вскоре перешли в наступление. Атабег (правитель) Мосула Занги обратился к мусульманским правителям с призывом к джихаду — священной войне Ислама против христиан. В 1137 г. он разгромил войска графа Триполи, а в 1144 г. захватил Эдессу. Джихад, набирая силу, создавая угрозу всем государствам крестоносцев.

В 1145 г. папа Евгений III впервые издал буллу, призывавшую к крестовому походу. Проповедь похода была поручена выдающемуся и фанатичному проповеднику аббату Бернарду Клервосскому. Поход возглавили король Франции Людовик VII и германский император Конрад III. Начавшись в 1147 г., он не имел успеха. Немецкие рыцари были разгромлены у Дорилея, французские потерпели поражение при осаде Дамаска в 1148 г. Во время похода проявились серьезные противоречия между «франками» и Византией.

Третий крестовый поход (1189-1192). Во второй половине XII в. внешнеполитическое положение государств крестоносцев продолжало ухудшаться. Полководец-курд Салах ад-Дин (Саладин) стал султаном Египта и присоединил к нему часть Сирии и Месопотамии. В 1187 г. битве близ деревни Хаттин он наголову разгромил объединенные войска крестоносцев и захватил в плен короля Ги де Лузиньяна и великого магистра тамплиеров со многими рыцарями. Вскоре после этого он завладел всеми приморскими

городами к югу от Триполи, включая Акру и Бейрут, и взял Иерусалим, принудив жителей заплатить высокий выкуп за свою жизнь. Кроме Иерусалимского королевства, Салах ад-Дин занял большую часть графства Триполи и Антиохийского княжества. Нависла угроза потери всех владений крестоносцев на Леванте.

В 1187 г. папа призвал католиков к новому крестовому походу. Кардиналы приняли обет пешком обойти Францию, Англию и империю, чтобы проповедовать священную войну. В Третьем крестовом походе участвовали профессиональные рыцарские армии, хотя специальный налог на него — Саладинову десятину — платили (не без ропота и возмущения) жители Британских островов, Франции, итальянских государств... Три отряда «паломников» возглавили король Англии Генрих II Плантагенет, а после его смерти его сын — Ричард I Львиное Сердце, король Франции Филипп II Август и император Фридрих I Барбаросса. Эти монархи лелеяли планы создания универсалистских государств и были давними соперниками. Византия с недоверием отнеслась к крестоносцам, особенно к Фридриху I, заключившему союз с ее врагом — иконийским султаном Кылыч Арсланом II. Император Исаак II Ангел подписал соглашение с Салах ад-Дином, прямо направленное против сельджуков, а косвенно — и против крестоносцев.

Фридрих I стал готовиться к захвату Константинополя, но не получил поддержки от папы и, разорив фракийские области, переправился через Дарданеллы в Малую Азию. Сначала германскому императору сопутствовал успех. Он взял Иконий у разрывающего союзные отношения нового султана сельджуков Кей Хюсрева I и двинулся в Киликию. Но неожиданное событие изменило ход похода: при переправе через горную речку император утонул, и его войско из киликийских портов отправилось на родину или в Антиохию.

Английские крестоносцы вмешались в борьбу феодальных группировок на Сицилии, а затем отправились на только что отколовшийся от Византии Кипр, захват которого Ричардом I стал наибольшим успехом крестоносцев. Высадившись в Сирии, англичане вместе с французами и рыцарями Иерусалимского королевства осадили Акру и взяли ее после долгой осады. Столкновение Ричарда I с Филиппом II привело к отъезду французских рыцарей из Тира, а затем и к началу войны Франции с Англией. Оставшийся в Палестине Ричард I трижды пытался взять Иерусалим, но безрезультатно. В 1192 г. он подписал с султаном мир, по которому за крестоносцами сохранялось побережье от Тира до Яффы. Возвращаясь на родину, Ричард I был пленен австрийским герцогом Леопольдом (также участником похода и соперником английского короля) и провел 2 года в заключении у германского императора.

Третий крестовый поход обострил противоречия в Европе и усилил конфронтацию Запада с Византией. Тем не менее, он предотвратил падение государств крестоносцев на Леванте. Столицей Иерусалимского королевства стала Акра. Следствием похода было также образование Кипрского королевства (1192-1489), после того как Кипр был продан Ричардом I

госпитальерам, а затем перешел к бывшему Иерусалимскому королю Ги де Лузиньяну.

5. Четвертый крестовый поход (1202-1204)

К началу XIII в. стало очевидным, что судьба Святой Земли зависит от Египта. Поэтому папа Иннокентий III (1198-1216) развернул пропаганду похода, направленного против Египта. Вместе с тем завязавшийся клубок противоречий вывел на первый план антагонизм между группой западноевропейских государств и Византией. В Четвертом крестовом походе справедливо усматривают переломный момент и кризис крестоносного движения, ибо впервые жертвой крестоносцев стали христианские государства. Но не религиозные, а в первую очередь политические амбиции и экономические интересы направили меч крестоносцев против Константинополя, хотя взаимная неприязнь и недоверие греков и латинян постоянно нарастали от Первого к Третьему походу, обострились и торговые противоречия.

Предводители войска крестоносцев, собравшихся к лету 1200 г. во Франции, обратились к Венеции, располагавшей наилучшим военным и транспортным флотом, с просьбой перевезти их армию в Египет. В 1201 г. дож Венеции Энрико Дандоло подписал с постами крестоносцев договор, по которому Венеция присоединялась к участию в крестовом походе и обязывалась перевезти 4500 рыцарей, 9000 оруженосцев и 20000 пехотинцев при условии уплаты 85 тыс. марок серебром. В июне 1202 г. корабли уже были готовы, но лишь треть «пилатримов» прибыла в Венецию. Другие отправились через Фландрию, Марсель, Апулию или задерживались в пути. Вожди похода, даже продав свои драгоценности и отдав наличные средства, смогли собрать лишь часть суммы, которую необходимо было внести целиком. Блокированные на острове Лидо, воины Христовы нуждались во всем необходимом и начали роптать, поход был под угрозой срыва. Тогда дож предложил предводителю похода монферратскому маркизу Бонифацию отсрочку при условии, что воины помогут Венеции овладеть далматинским портом Задаром, незадолго перед тем передавшимся под власть венгерского короля, тоже, кстати, взявшего крест. Несмотря на запрет папы поднимать оружие против христиан и на протест части знатных и рядовых «пилатримов», покинувших затем лагерь и вернувшихся на родину, князья уступили требованию Венеции и после осады, в ноябре 1202 г. Задар был взят и разграблен. Иннокентий III отлучил Венецию и крестоносцев от церкви, однако, не желая прекращения экспедиции и распада войска, поручил своему легату снять отлучение с воинов, как только они продолжат поход.

В начале 1203 г. к зазимовавшим в Задаре крестоносцам прибыли посланцы германского императора и византийского царевича Алексея Ангела. Отец Алексея, император Исаак II в 1195 г. лишился зрения и престола, захваченного его братом Алексеем III. Сыну Исаака, тоже Алексею, удалось бежать на Запад, где он нашел поддержку как у своего деверя, короля Филиппа Швабского, унаследовавшего давние притязания Штауфенов на византийские земли, так, по-видимому, и у папы, которому

царевич обещал признание византийской церковью главенства Рима. Ставленник Филиппа Швабского Бонифаций Монферратский согласился помочь царевичу в обмен на обязательство выплатить крестоносцам 200 тыс. марок и участвовать в крестовом походе.

Летом 1203 г. Константинополь был осажден. Византия, находившаяся в жестоком кризисе и не имевшая сильного флота, капитулировала. Исаак II был восстановлен на престоле, Алексей IV стал его соправителем, но они смогли ценой чрезвычайных мер собрать лишь половину обещанной суммы, вызвав при этом возмущение населения и православного духовенства. В результате народного восстания императоры были низложены и новый государь, Алексей V Дука, порвав с «латинянами», сделал отчаянную попытку организовать оборону города. Рыцари решились на штурм. Теперь они уже не думали о новом греческом монархе и в марте 1204 г. приняли решение разделить Византию между участниками похода. 13 апреля 1204 г. неприступный ранее Константинополь пал и крестоносцы принялись захватывать и делить греческие земли. Была образована Латинская империя во главе с графом Фландрии и Эно Бодуэном, патриархом избрали венецианского клирика из патрицианского рода Томмазо Морозини. Ни о каком продолжении похода в Святую Землю победители уже не помышляли.

Четвертый крестовый поход был последним крупным деянием и вместе с тем выражением глубокого кризиса крестоносного движения, жертвой которого стала крупнейшая православная держава.

6. Последние крестовые походы

Крестовые походы XIII в. Осознание кризиса привело к поискам новых форм крестовых походов. В рассказе о них легенды причудливо переплетены с действительными фактами и трудно отличимы друг от друга. Хронисты повествуют, например, о том, что в народе распространялось представление, что только чудо, совершенное безгрешными детьми, освободит Иерусалим. В 1212 г. в Северной Франции и в области Кёльна тысячи юношей и подростков, в основном из крестьянских семей, собирались в отряды, желая идти в Святую Землю. Часть из них, якобы, прибыла в Марсель, где алчные судовладельцы продали детей в рабство мусульманам, часть, перейдя через Альпы, достигла Генуи, а затем рассеялась. Так бесславно и трагично закончился полулегендарный Крестовый поход детей.

Запад вновь вернулся к идее рыцарских походов. **Пятый крестовый поход** против Египта (1217-1221), в организации которого участвовали венгерский король Эндре II, австрийский герцог, король Кипра и правители государств крестоносцев, увенчался взятием ключевой крепости — Дамьетты. Однако распри среди самих крестоносцев помешали им развить успех и удержать город. **Шестой крестовый поход** (1228-1229) возглавил германский император и сицилийский король Фридрих II Штауфен, принявший Крест еще в 1215 г. Находясь под отлучением из-за конфликта с папой, лишенный поддержки госпитальеров и тамплиеров, Фридрих II, тем не менее, укрепил Яффу и сумел путем переговоров с султаном Египта вернуть без боя Иерусалим и прилегающие территории. Доступ в Святую

Землю объявлялся открытым для всех. Однако в 1244 г. Иерусалим вновь захватили мусульмане.

Седьмой крестовый поход (1248-1254) тщательно готовился французским королем Людовиком IX. Велись переговоры о союзе с татаро-монголами против Египта. Крестоносцам удалось вновь овладеть Дамьеттой и крепостью Мансура. Однако в 1250 г., не дойдя до Каира, они были разгромлены египтянами. Король и многие рыцари попали в плен и были потом освобождены за огромный выкуп в 200 тыс. ливров. Организованный в 1270 г. тем же королем **Восьмой крестовый** поход также не принес результатов. После высадки в Тунисе в войске крестоносцев вспыхнула эпидемия, жертвой которой оказались многие участники и сам Людовик IX.

После этого попытки новых экспедиций ради освобождения Святой Земли успеха не имели. Государства крестоносцев в Сирии и Палестине были обречены. Помощь им со стороны морских республик и западноевропейских государств была недостаточна. В 1268 г. Египет завоевал Ахтиохию, в 1289 г. Триполи, в 1291 г. — Акру, последнюю столицу Иерусалимского королевства и крупный торговый порт. Эпоха Крестовых походов в Святую землю закончилась.

«Северные» крестовые походы. В XII–XIII вв. немецкие, датские и шведские феодалы организовывали «северные» крестовые походы, в Восточную Прибалтику, против «язычников»: финских племен, славян (ободритов, поморян, лютичей), ливов, эстов, пруссов. Захваченные земли в Пруссии, Юго-Западной Финляндии, Западной Карелии активно колонизировались, на них образовывались новые государственные структуры, как, например, немецкие герцогство Мекленбургское, маркграфство Бранденбургское, владения Тевтонского и Ливонского духовно-рыцарских орденов, активно участвовавших в завоеваниях. Коренное население подвергалось христианизации, нередко насильственной. На завоеванных крестоносцами территориях, иногда на месте прежних поселений, возникали новые города и укрепления: Рига, Берлин, основанные немцами, Ревель (Таллин) — датчанами, Выборг — шведами и др. Некоторые из них, как, например, Рига, были важными форпостами католической церкви, резиденциями архиепископов.

Последние крестовые походы. В XIV-XV вв. делались попытки использовать идею и форму крестовых походов главным образом для противодействия экспансии турок-османов. В 1344 г. папа Климент VI организовал так называемую Священную лигу, в которую вошли Венеция, Генуя, Кипр, госпитальеры Родоса. Флоту крестоносцев удалось завоевать Смирну у турецкого эмирата Айдын. В 1365 кипрский король Пьер I де Лузиньян внезапным рейдом захватил Александрию у Египта, а граф Савойи Амадей VI в том же году отнял у турок и болгар города Галлиполи, Несебр, Созополь, передав их Византии.

Эти частные успехи не остановили продвижения турок. Поход 1396 г. с участием рыцарей Венгрии, Германии, Франции, Бургундии, Англии, воинов Польши и Валахии окончился неудачей в результате сокрушительного

поражения близ Никополя на Дунае. Множество рыцарей и сам полководец венгерский король Жигмонд (Сигизмунд Люксембург) попали в плен. Вторая попытка была предпринята в 1444 г. Войска крестоносцев, в основном из Центральной Европы и с Балкан под командованием короля Польши и Венгрии Владислава III и трансильванского воеводы Яноша Хуньяди после ряда успехов были разгромлены султаном Мурадом II в «битве народов» при Варне в 1444 г. Поборником и инициатором крестового похода в середине XV в. был бургундский герцог Филипп Добрый. Но и он не добился существенных результатов. Идея крестовых походов в XIV -XV вв. уже была историческим анахронизмом и лишь идеологически оформляла действия коалиций или отдельных государств Западной Европы.

7. Итоги Крестовых походов

Крестовые походы не достигли тех целей, которые ставили перед собой их организаторы и участники. Они повлекли большие жертвы как среди населения государств Востока, так и среди их участников. Гибли многие культурные ценности, дворцы, памятники и библиотеки. Особенно сильно пострадал Константинополь, никогда не вернувший себе былой красоты и величия после латинского разгрома. Вместе с тем, они расширили горизонты, впервые после времен античности привели в близкое соприкосновение Европу и Восток. Результаты их неоднозначны.

Несомненно, вырос товарообмен между Западом и Востоком, порты Восточного Средиземноморья Акра, Бейрут, города Кипра стали важными узлами посреднической торговли. Большую выгоду извлекли для себя итальянские морские республики — Генуя, Венеция, Амальфи, Пиза, основавшие на Леванте торговые фактории, которые обладали значительными торговыми привилегиями. Усилился вывоз западноевропейских товаров, прежде всего, — английского, фламандского, французского, ломбардского сукна на Восток, что стимулировало ремесленное производство Западной Европы. Некоторые технологические новинки (например, ветряная мельница) и сельскохозяйственные культуры: гречиха, арбузы, абрикосы, лимоны были завезены в ту эпоху с Востока. Крестоносцы познакомились с производством сахара, голубиной почтой. Предметы восточного быта, оружие, редкостные изделия, ковры, сладкие вина и пряности входили в моду, порождая еще большую потребность сеньоров в деньгах и усиливая переход от натуральной к денежной ренте в хозяйстве феодалов. В Западной Европе Крестовые походы углубили социальное, имущественное и юридическое неравенство крестьян и сеньоров, способствовали оформлению рыцарства как сословия.

Крестовые походы содействовали укреплению централизации Франции и Англии, оттоку наиболее беспокойных элементов рыцарской вольницы. Со времен Крестовых походов ведут отсчет интересы Франции и Англии на Востоке. Не случайно владения крестоносцев (именуемых нередко «франками») называли Францией на Востоке. В ходе походов были ослаблены позиции Византии и арабского мира в морской торговле и заложены основы морского могущества Генуи и Венеции. Необходимость

перевозки значительного числа людей и товаров, поддержания регулярных связей с Левантом привела к совершенствованию судов, освоению новых маршрутов навигации.

На первых порах вырос, а затем, с упадком движения снизился авторитет папства. Католическая церковь, тем не менее, существенно расширила зону своего влияния, консолидировала земельную собственность, создала новые структуры в виде духовно-рыцарских орденов. Вместе с тем, Крестовые походы усилили конфронтацию Запада и Востока. Они активизировали джихад как ответную агрессивную реакцию мусульманского мира. Четвертый крестовый поход, гораздо в большей мере, чем схизма 1054 г., разделил христианские церкви, заложив в сознание православного населения образ поработителя и врага — латиняна. Они укрепили на Западе психологический стереотип, компонентом которого было недоверие, а нередко и враждебность не только к миру ислама, но и к восточному христианству.

В результате Крестовых походов возрос обмен книжным и некнижным знанием между Западом и Востоком. Резко усилилась социальная мобильность населения. Прежние узкие рамки *orbis terrarum* Запада были существенно — впервые после античности — расширены.

РАЗДЕЛ 3. Позднее Средневековье (XIV—XV вв.) Западно-европейская цивилизация в XIV—XV вв.

Тема 3.1. Франция в XIV—XV вв.

План

- 1. Политическое развитие Франции в XIV в. Успехи централизации**
- 2. Столетняя война**
- 3. Политическое развитие Франции в XV в. Завершение Столетней войны**
- 4. Социально-экономическое развитие Франции в XIV—XV вв.**

1. Политическое развитие Франции в XIV в. Успехи централизации

Усиление королевской власти в начале XIV в. Конец XIII — начало XIV в. в политической истории Франции был ознаменован оформлением сословной монархии, или феодальной монархии с сословным представительством. Основанием для становления новой формы государства служил процесс централизации страны и дальнейшего усиления королевской власти. Оно было связано, в частности, со значительным расширением к тому времени территории королевского домена. Успехи французского короля в борьбе с английским на юге страны были подкреплены присоединением к домену короля — Лангедока (бывшее графство Тулузское), части Аквитании в 1308—1309 гг., а также областей по течению рек Дордони и Гаронны и в 1285 г. — Наварры. Англичане сохранили только узкую полосу вдоль Бискайского побережья. Важными приобретениями были графство Шампань,

присоединенное к королевскому домену после брака Филиппа IV (1285—1314) с дочерью и наследницей графа, и богатый город Лион в центре страны (1307). В начале XIV в. домен короля занимал уже 3/4 территории королевства. Это укрепило притязания короля на власть в качестве верховного суверена, желавшего превратить все население страны в своих подданных. Для этого Филипп IV, ломая иерархию, устанавливал прямые связи с арьер-вассалами; с помощью суда и налогов включал в сферу своей политики крестьянство, зависимое от светских и церковных феодалов.

Расширяя компетенцию королевского суда и Парижского парламента как высшей судебной инстанции, монархия сокращала юстицию светских и церковных феодалов, а также сферу городского суда. В первой половине XIV в. парламент становится постоянным органом с фиксированным числом членов (100 прокуроров, адвокатов, советников). Его деятельность была направлена на нивелировку местных обычаев и постепенную выработку общегосударственного права.

В правление Филиппа IV закладываются основы государственно-налоговой системы. Введенный им косвенный налог с продаваемых в стране товаров получил в народе название «дурного». Для пополнения казны Филипп IV не брезговал и прямым грабежом. Меняя содержание драгоценного металла в монете, он снискал себе славу фальшивомонетчика. Филипп IV неоднократно изгонял евреев-ростовщиков из королевства, конфискуя в пользу казны их имущество и беря с них большие суммы за право вернуться в государство. Он требовал займы у городов и, не возвращая долгов, разорял городские финансы. Это облегчало ему осуществление политики, направленной на постепенную ликвидацию коммунальных вольностей и подчинение городского управления королевскому чиновнику.

Члены городского управления в свою очередь перекладывали тяжесть налогов на ремесленников. Эта ситуация вызвала антиналоговые городские восстания. Наиболее крупным из них было иосстание 1306 г. в Париже, непосредственным поводом к которому явилась новая порча монеты. Городская беднота обратила свой гнев не только против королевских чиновников финансового ведомства, но и против богатых горожан, подвергнув разгрому их дома. Королю пришлось укрыться в замке рыцарей ордена Тамплиеров и пережить несколько унижительных дней его осады. Затем последовала жестокая расправа с восставшими.

Оформление налоговой системы было тесным образом связано с реформами в армии. Смысл их заключался в замене феодального ополчения наемной армией из числа французских рыцарей и чужеземцев. Побуждая феодалов выкупать военную службу, король стремился создать военную организацию с жесткой дисциплиной и подчинением королю. Известным стимулом для этих реформ Филиппа IV явилась война во Фландрии. Граф Фландрии находился на положении вассала французского короля, но территория его графства номинально входила в состав французского государства, не будучи французской ни по населению, ни по языку. Исключение составляли лишь некоторые пограничные области. Однако

Франция притязала на богатые города Фландрии — Гент, Ипр и Брюгге, которые являлись центрами издавна развитого здесь сукноделия и торговли. Филипп IV воспользовался внутренней борьбой в этих городах, став на сторону патрицианско-бюргерской верхушки. Но введение им тяжелых налогов вызвало широкое народное движение. В городах борьба за политическую независимость Фландрии слилась с выступлением ремесленников против патрициата. В 1302 г. в Брюгге они вырезали французский гарнизон и местный патрициат. Это событие, получившее название «Брюггской заутрени», послужило сигналом для восстания городских и сельских масс всей Фландрии. Филипп IV двинул против них свою армию, которая в том же 1302 г. в битве при Куртре потерпела поражение. Это был один из редких в истории того времени случаев, когда рыцарская конница оказалась разбитой городским ополчением. Собранные на поле битвы шпоры французских рыцарей были вывешены в знак победы на воротах города, отчего это событие получило название «битвы шпор».

Неудачная война во Фландрии побуждала французского короля вновь и вновь требовать военной службы или выкупа ее дворянами, притом не только его непосредственными вассалами. Требования выкупа сочетались с попытками ввести прямой налог на имущество или доходы населения, в том числе и привилегированного. Эта политика вызвала большое недовольство светских и церковных феодалов. Однако для общественного мнения она была оправдана военной необходимостью, кроме того, господствующий класс был заинтересован в феодальной экспансии во Фландрии.

Консолидация сословий и рост их политической активности. Наряду с усилением королевской власти второй существенной стороной образования сословной монархии явился процесс оформления сословий и рост их политической активности. Наиболее выраженные формы этот процесс приобрел в среде горожан. Сословия дворян, духовенства и горожан пытались защитить свои привилегии перед лицом окрепшей королевской власти, консолидируясь на разных территориальных уровнях, главным образом в рамках провинций. Их привилегии были обычно подтверждены письменными хартиями.

В этих условиях монархии пришлось делить прерогативы — судебные, налоговые, военные — не с отдельными крупными вотчинниками, а с сословными группами, которые обладали хотя и ограниченной, но все-таки властью на местах. Королевская власть, претендуя на высший суверенитет, не располагала тем не менее для его реализации достаточными средствами и была вынуждена просить помощи — денежной, военной и политической — у сословий. Результатом этого процесса явилось образование органа сословного представительства — собрания, на котором монарх советовался с сословиями при решении наиболее важных вопросов внутренней и внешней политики. Члены этого собрания, в отличие от собраний королевской курии, должны были быть выборными, а, кроме того, на них присутствовали представители городского сословия. Теряя коммунальные вольности, городское сословие получило политическое признание в рамках государства.

Общегосударственный орган сословного представительства — Генеральные штаты — был впервые созван в связи с борьбой Филиппа IV с папой Бонифацием VIII.

Борьба с папством и возникновение Генеральных штатов. Усиление королевской власти при Филиппе IV привело к конфликту с папством. Король существенно ограничивал имущественные и судебные права церкви. Непосредственным предлогом конфликта явилась налоговая политика монархии в отношении церковных земель. Противоречия между королем и церковью переросли рамки внутреннего вопроса, так как французская церковь подчинялась римскому папе. Папа Бонифаций VIII в 1296 г. запретил светской власти взимать поборы с духовенства, а духовенству платить их без разрешения папы. Филипп IV ответил на это запрещением вывоза из Франции золота и серебра, что исключило поступления в папскую казну денег от французского духовенства. Бонифаций VIII решил вынести обсуждение вопроса о внутреннем положении во Франции на церковный собор 1 ноября 1302 г. Свою решительную позицию он подкреплял, как некогда Григорий VII, притязаниями на примат духовной власти над светской.

Филипп IV расценил его политику как вмешательство во внутренние дела Франции. Королевскими легистами была организована кампания с обвинениями Бонифация VIII в злоупотреблениях. Выступив с ответными обвинениями, Бонифаций VIII заготовил буллу об отлучении Филиппа IV от церкви. В обстановке широкого недовольства в стране королевской политикой эта мера могла вызвать серьезные осложнения для монархии. Опережая события, Филипп IV созвал в 1302 г. Генеральные штаты, на которых были представлены духовенство, дворянство и горожане (по 2 депутата от каждого города). На ассамблее, где рассматривался вопрос об осуждении папы как еретика, король оказался перед лицом оппозиции части духовенства, дворянства и городов, главным образом южных. Но Филипп IV сумел заручиться поддержкой своих сторонников, особенно от городских депутатов, и разрядить внутреннее напряжение в стране. Чтобы низложить папу Филипп IV отправил в Италию своих агентов — Гийома Ногаре и Гийома Плезиана. Не жалея денег, те привлекли политических врагов папы в Италию на свою сторону, ворвались в папский дворец и подвергли Бонифация VIII домашнему аресту. Не перенесший оскорблений Бонифаций VIII вскоре умер. В 1305 г. под давлением Филиппа IV на папский престол был избран французский прелат под именем Клементы V.

Желая закрепить победу, Филипп IV с помощью легистов организовал судебный процесс против Ордена тамплиеров с обвинением его в ереси. Духовно-рыцарский Орден тамплиеров, основанный в XII в. для поддержки крестового движения (см. гл. 9), находился под особым покровительством пап. Уже в XIII в. он превратился в могущественного земельного собственника. Орден перенес центр своей деятельности в Европу, где занимался ростовщическими операциями. Французский король, желая ликвидировать орден, преследовал политические и экономические цели. Он

хотел избавиться от независимого противника внутри страны, к тому же действующего в тесном контакте с римским папой, а также конфисковать земли и казну ордена. В этой борьбе Филипп IV опять прибег к помощи общественных сил, созвав Генеральные штаты в 1308 г. Орден, не признанный виновным в ереси, был, однако, распущен по решению церковного собора в 1312 г.

Под давлением короля папа Клемент V перенес свой двор в Авиньон на Роне, этой мерой открыв 70-летний период так называемого Авиньонского пленения пап (1309—1378), попавших под контроль французского короля.

Структура сословного представительства. Особенностью сословного представительства во Франции являлось наличие представительных учреждений на разных территориальных уровнях: местных органов, провинциальных и Генеральных штатов. Многие из местных штатов — ассамблеи баронов, рыцарей и консулов в графствах Ажене и Керси, сенешальствах Тулузы, Каркассона и Бокера, провинциальные штаты Лангедока и Нормандии — известны уже с середины XIII в. Генеральные штаты возникли на этапе общегосударственной централизации, позже органов местного значения и некоторых провинциальных штатов.

В системе представительства Франции отсутствовало жесткое соподчинение ее звеньев. Большие размеры страны делали не всегда реальным созыв Генеральных штатов. В течение XIV и XV веков часто созывались отдельно штаты в областях Лангедойля и Лангедока, которые одновременно рассматривали одни и те же вопросы, являясь, таким образом, сессиями Генеральных штатов. Наряду с ними собирались местные или областные штаты. Три сословия Генеральных штатов заседали отдельно, формируя три палаты — духовенства, дворянства и городских представителей. Первая палата состояла из прелатов, которых лично приглашал король. Кроме того, в нее на провинциальных собраниях духовенства или в монастырях выбирались прелаты или должностные церковные лица. От светских феодалов присутствовали, как правило, крупные феодалы по приглашению короля. В третьей палате (с конца XV в. она стала называться палатой «третьего сословия») заседали представители городов — члены городского управления, богатые и влиятельные горожане. Они часто не избирались городской общиной, а назначались городским советом. Длительное время во Франции, особенно в среде дворянства, был слабо развит принцип выборности. Лишь к концу XV в. он был реализован для всех трех сословий. Каждая палата имела один голос и общее решение двух палат не обязывало третью принять его, если ее представители не были согласны с ним.

Генеральные штаты не превратились в регулярно действующий орган. И хотя король прибегал к их созыву под давлением обстоятельств, нуждаясь в помощи, право созыва, назначение места и сроков собрания оставались его прерогативой. Король не был подотчетен Генеральным штатам. Их основной функцией было решение вопроса о субсидиях. Они обсуждали и политические дела, но без формального права утверждать законы.

Следовательно, их ограничительная функция по отношению к власти монарха по сравнению с английским парламентом была слабее. Королевская власть во Франции проводила в своих интересах консультации с сословиями на местных или провинциальных собраниях, иногда сознательно противопоставляя их Генеральным штатам, что также уменьшало значение последних.

Слабость Генеральных штатов объяснялась расстановкой социальных сил в стране, характеризуемой резкими противоречиями привилегированных сословий с городским сословием. Это позволило центральной власти выступить инициатором созыва Генеральных штатов и, используя противоречия, как межсословные, так и внутрисословные, поставить их в сильную зависимость от себя. Тем не менее, сословия располагали возможностью контролировать действия короля. Право императивного мандата, которым располагал депутат, обязывало его действовать согласно инструкции, данной избирателями. Сословия имели возможность уклониться от выполнения решений, предложенных королем, высказать свое несогласие с его политикой. Таким образом, на Генеральных штатах был реализован компромисс между королевской властью, привилегированными сословиями и городской верхушкой.

В условиях сравнительно узкой социальной базы королевской власти на раннем этапе сословной монархии особое значение в сословно-представительном учреждении имела позиция городских депутатов, как правило, поддерживавших короля в его политике централизации и дававших ему основную часть субсидий. Вопрос о налогах служил основным поводом для глубокой розни сословий. Городские депутаты пытались добиться, чтобы привилегированные сословия платили налоги, а не только давали согласие на их взимание с городского и сельского населения.

В составе Генеральных штатов были, таким образом, представлены дворяне, духовенство и патрицианско-бюргерская верхушка городов, в то время как основная масса податного населения и, прежде всего крестьянство, была лишена права посылать своих депутатов в сословно-представительный орган, что отражало его бесправное положение в обществе.

2. Столетняя война

В конце 30-х годов XIV в. началась Столетняя война Франции с Англией (1337-1453), которая явилась заключительным и самым тяжелым этапом давнего конфликта между двумя государствами. Развернувшаяся на территории Франции, с длительной оккупацией страны англичанами, она привела к убыли населения, сокращению производства и торговли. Одним из очагов противоречий, вызвавших военный конфликт, была территория бывшей Аквитании, особенно ее западной части — Гиени, объекта притязаний английского короля. Экономически эта область была тесно связана с Англией, получая оттуда шерсть для сукноделия. Из Гиени в Англию шли вина, соль, сталь и красящие вещества. Знать и рыцарство Гиени, стремясь сохранить политическую независимость, предпочитали номинальную власть Англии реальной власти французского короля. Для

Французского королевства борьба за южные провинции и ликвидацию английского владычества в них была одновременно войной за объединение французского государства. Вторым, тоже давним очагом противоречий явилась богатая Фландрия, которая стала объектом агрессии уже для обеих воюющих сторон.

Столетняя война началась и проходила под знаком династических притязаний английской монархии. В 1328 г. умер последний из сыновей Филиппа IV, не оставив наследника. Эдуард III, которому, в качестве внука Филиппа IV по женской линии представилась удобная возможность объединить обе короны, заявил о своих правах на французский престол. Во Франции, однако, сослались на правовую норму, которая исключала возможность передачи короны по женской линии. Основанием для нее послужила статья «Салической правды», отказывавшая женщине в праве получения земельного наследства. Корона была передана представителю боковой ветви Капетингов — Филиппу VI Валуа (1328-1350). Тогда Эдуард III решил добиться своих прав с помощью оружия.

Этот военный конфликт стал крупнейшей войной европейского масштаба, втянувшей через систему союзнических связей также политические силы и страны, как Империя, Фландрия, Арагон и Португалия — на стороне Англии; Кастилия, Шотландия и папство — на стороне Франции. В этой войне, тесно связанной с внутренним развитием стран-участниц, решался вопрос о территориальном размежевании ряда государств и политических образований — Франции и Англии, Англии и Шотландии, Франции и Фландрии, Кастилии и Арагона. Для Англии он вырос в проблему образования универсального государства, включавшего разные народы; для Франции — в проблему существования ее как самостоятельного государства.

Война началась в 1337 г. успешными операциями англичан на севере. Они победили на море в 1340 г. (битва при Слейсе у берегов Фландрии). Поворотное значение для первого этапа войны имела победа англичан на суше в 1346 г. в битве при Креси в Пикардии, одном из наиболее знаменитых сражений средневековья. Это позволило им взять в 1347 г. Кале — важный стратегический порт, куда экспортировалась шерсть из Англии. Он был взят после 12 месяцев мужественной обороны жителей и подвига 6 его граждан, которые решились принять смерть ради спасения города от уничтожения.

На юго-западе англичане захватили с моря Гиень и Гасконь, где наместником короля Эдуарда III стал его сын Эдуард, прозванный по цвету лат Черным принцем и снискавший себе славу военными подвигами. Базируясь в Бордо, он вместе со своими рыцарями совершал жестокие грабительские набеги на центральные области Франции. Возвращаясь из очередного набега в 1356 г. его войска были настигнуты близ Пуатье французской армией. Французы, численно превосходившие англичан, казалось, могли рассчитывать на победу. Однако и в этой битве они были разбиты.

Причины неудач французов коренились в недостатках военной организации и особенностях тактики. Английская армия была численно

небольшой, но хорошо организованной. Отряды наемных рыцарей действовали сплоченно, согласованно, четко выполняя приказы командующего. Существенную ее часть составляли хорошо обученные английские стрелки из лука, главным образом из числа свободных крестьян. В сражениях английские рыцари спешили, что помогало их взаимодействию с лучниками.

Французская армия, несмотря на практику выкупа военной службы, оставалась преимущественно плохо организованным феодальным ополчением. Король мог эффективно контролировать только свою часть войска. Основной боевой единицей являлись тяжело вооруженные конные рыцари. Лучников было немного. Отсутствие взаимодействия рыцарей и пехоты, обычно неподвижно стоявшей в сражении, делало их одинаково уязвимыми для врага. В ближнем бою англичане легко разъединяли французских рыцарей на отдельные отряды, стаскивали с коней, что делало тех совершенно беспомощными из-за тяжелых лат, и брали в плен, чтобы затем потребовать выкуп. Выкуп стал с первого дня войны средством обогащения для той и другой стороны.

Недостатки французской армии сказались с особой силой в битве при Пуатье. Часть феодалов, не выдержав натиска врага, увела свои отряды рыцарей. Были выбраны неудачные для французов позиции, попытка спешивания части рыцарей и их взаимодействия с пехотой тоже оказалась неудачной. Хронисты писали, что в битве погиб весь цвет французского рыцарства. Потери французов насчитывали 5—6 тыс. человек, примерно половину из них составляли рыцари. Многие французы оказались пленниками англичан. Король Иоанн II, бесстрашно сражаясь во имя рыцарской чести, забыл с необходимой для главы государства осторожности и тоже попал в плен.

Парижское восстание 1356—1358 гг. Поражение при Пуатье поставило всю страну в крайне тяжелое положение. Казна была пуста, значительная часть территории оккупирована. Нужны были огромные средства на продолжение войны и выкуп короля из плена. Сумма выкупа была определена в 2 млн. золотых экю. К ощущению унижения Франции, которое возникло после Пуатье, прибавилось крайнее раздражение против дворянства, не сумевшего выполнить свой долг перед страной и организовать ее защиту. Протест вызывали условия перемирия, заключенного пленным королем, признавшим все завоевания англичан. Дофин (наследник престола во Франции) Карл, желая получить согласие сословий на сбор налога, созвал в октябре 1356 г. Генеральные штаты. В их составе в связи с ослаблением дворянства из-за военных потерь численно преобладали представители городов. Выражая общественное мнение, дофин и Генеральные штаты отказались утвердить договор с Англией. На волне глубокого недовольства правительством Генеральные штаты попытались взять в свои руки управление страной и тем самым изменить политическую роль представительного органа. Депутаты потребовали отставки членов Королевского совета и ряда должностных лиц. 28 членов комиссии из

состава депутатов Генеральных штатов должны были контролировать все решения, касающиеся армии, а также должностных назначений в государственном аппарате. Дофин отказался выполнить требования Генеральных штатов, в Париже начались волнения, которые возглавил глава муниципалитета — купеческий старшина Этьен Марсель.

Новое собрание, созванное без согласия дофина в марте 1357 г. при решающем участии городских депутатов, выработало проект реформ, получивший название Великого мартовского ордонанса. Согласно этому проекту, Генеральные штаты превращались в регулярный орган; ему должно было принадлежать право формирования центральных органов государственного аппарата из состава депутатов. В стране установилось двоевластие, которое длилось более полутора лет. Этот срок оказался достаточным для того, чтобы обнаружилось глубокое отчуждение представительного органа от народных масс, а также не менее глубокие межсословные противоречия внутри Генеральных штатов. Привилегированные сословия не могли согласиться с решением о налогообложении, так как вотированная штатами субсидия в размере 15% годового дохода затрагивала их интересы. Духовенство и дворянство отказались платить налог и принимать участие в работе штатов. Города, ратуя за местные интересы, отказались поддерживать парижан, что отразило слабую консолидацию городского сословия в масштабах страны. Политика Этьена Марселя и городской верхушки рождала протест и у основной массы парижан, за счет которых те пытались решить налоговые трудности в стране. Сильное недовольство вызвали меры по изменению монеты, к которым, вопреки общественному мнению, прибег Этьен Марсель.

Новое собрание Генеральных штатов в феврале 1358 г. обнаружило политическую изоляцию городской верхушки Парижа. Этим хотел воспользоваться дофин. Тогда Этьен Марсель решил пойти на открытое восстание против королевской власти. 22 февраля 1358 г. с вооруженными ремесленниками купеческий старшина ворвался во дворец, где на глазах дофина были убиты два его ближайших советника — маршалы Шампани и Нормандии. На пере-пуганного дофина Этьена Марсель надел свою сине-красную шапку (цвета Парижа), обещая ему безопасность и покровительство. Дофин был вынужден подтвердить ордонанс, изданный по инициативе штатов. Однако через месяц он бежал из Парижа и стал готовить осаду столицы. Дофин использовал при этом местные собрания штатов. Некоторые из них дали ему субсидии, тем самым еще раз подтвердив, что парижская городская верхушка потеряла авторитет в стране. В условиях, когда дофин открыл военные действия против парижан, городская верхушка пошла на предательство, вступив в союз с королем Наварры Карлом Злым. Этот правитель маленького государства на юге Франции, используя свое родство с Капетингами, вел борьбу с домом Валуа и даже перешел на сторону англичан. Городская верхушка Парижа, заключив с ним союз, тем самым сыграла на руку сепаратистским тенденциям, особенно пагубным в условиях войны.

В конце июня дофин с большой армией подошел к стенам Парижа. Руководимые Этьеном Марселем городские верхи пошли на открытое предательство, согласившись впустить в столицу вражеские английские отряды, которые привел Карл Наваррский. Большинство сподвижников Этьена Марселя покинули его. В конце июня он был убит сторонниками дофина, который вступил в столицу и расправился с главными участниками восстания. Реформы Генеральных штатов были отменены, хотя монархия извлекла определенные уроки из происшедшего и даже попыталась использовать некоторые административные мероприятия штатов в свою пользу.

Мир в Бретиньи. Реформы Карла V. В 1360 г. Франция заключила с Англией мир в Бретиньи. Его условия носили компромиссный характер, хотя и были тяжелы для Франции. Английский король отказывался от притязаний на французскую корону, но земли к югу от Луары, т.е. треть страны, оставались под его властью.

Мир, по существу, был временной передышкой, продолжение войны представлялось неизбежным, и целям ее были подчинены реформы дофина, затем короля Карла V (1364—1380). Основная из них касалась армии. Она предполагала усиление королевского контроля над армией и дисциплины в ней. В частности, была упрочена власть главнокомандующего — коннетабля. Была расширена и укреплена система наемничества или оплачиваемой службы по контракту; усилена артиллерия; предприняты меры по обучению пеших воинов стрельбе из лука и арбалета. При Карле V было демократизировано военное руководство, которое комплектовалось с учетом в первую очередь военных способностей человека, а не его места в феодальной иерархии. На должность коннетабля был назначен мелкий бретонский рыцарь Дюгеклен — талантливый и осторожный полководец. Благодаря этим реформам, а также некоторым изменениям в тактике, в частности переходу к тактике мелких сражений, началась полоса военных успехов Франции. В середине 70-х годов XIV в. французская армия оттеснила англичан на юге страны к морю, оставив под их властью только Бордо, Брайонну и побережье между ними.

Военные реформы были подкреплены мерами в области налогов. Карл V широко практиковал прямой налог в виде подымного сбора (фуаж) наряду с косвенными налогами на продаваемые товары, в том числе на соль (габель). При нем продолжалось усложнение государственного аппарата, в частности налогового ведомства; появляются должности генералов финансов и провинциальных финансовых чиновников, назначаемых королем. Неизбежное увеличение налогов, которые ложились бременем в основном на средние слои городского и сельского населения, вызвало новое обострение классовой и социальной борьбы.

Феодальная усобица. Восстание кабошьенов. Успехи централизации во Франции не исключали обострения сепаратистских тенденций. В условиях внешней опасности это могло нанести серьезный ущерб стране. Так случилось, когда в правление психически больного Карла VI (1380—1422)

началась ожесточенная борьба двух феодальных партий, во главе которых стояли дядья и опекуны короля — герцоги Бургундский и Орлеанский.

Бургундию унаследовал младший сын короля Иоанна Доброго Филипп Смелый (1364—1404), основав герцогскую династию Валуа. Он имел особое положение «настоятеля пэров Франции» и укрепил его браком с наследницей богатых областей Западной Европы — Фландрии и Артуа. Бургундские герцоги стремились к тому, чтобы стать самостоятельными государями, чему способствовало формальное вхождение ряда их земель не в состав Франции, а в состав империи. На этом этапе Столетней войны именно Бургундская партия представляла наибольшую угрозу для единства Франции. Союзником герцога Орлеанского являлись его родственники, крупные феодалы юга — графы Арманьяки, отчего усобица называлась «войной бургундцев и арманьяков». Пользуясь временным ослаблением королевской власти, обе группировки стремились к политической независимости в своих владениях, в том числе и в апанажах, т.е. территориях, которые выделялись членам королевской семьи из состава королевского домена и были неотчуждаемы.

Междоусобица, сопровождаемая грабежом казны, налоговыми и административными злоупотреблениями, вызвала широкое движение общественного протеста. С требованием внутренних реформ выступили Парижский университет и депутаты Генеральных штатов, созванных в 1413 г. Однако они оказались бессильными исправить положение, и тогда в апреле 1413 г. в Париже вспыхнуло восстание. В нем с особой силой сказались внутригородские противоречия, что определило сложный социальный состав восстания, раскол в среде участников и изменение направленности движения.

Восстание начал цех мясников, зажиточные мастера которого хотели добиться усиления своего политического влияния в городе. Они организовали мелкий ремесленный люд и подмастерьев собственного цеха, а также зависимые от себя цехи живоделов, скорняков и дубильщиков, которые вместе с присоединившимися к ним мелкими ремесленниками и городской беднотой других цехов города составили главную силу восстания. Его предводителем стал живодел Симон Кабош, по имени которого участников восстания стали называть кабошьенами. Были выдвинуты требования прекращения междоусобицы, снижения налогов и упорядочения их взимания. Правительство вынуждено было принять Кабошьенский ордонанс, который предлагал программу умеренных реформ в финансовой и судебной областях. В качестве условия для нормального функционирования государственного аппарата и гарантии от злоупотреблений было выдвинуто требование выборности чиновников и запрета продажи государственных должностей. Несмотря на прогрессивный в целом характер ордонанса, он не мог удовлетворить беднейшие слои города.

Положение осложняло вмешательство герцога Бургундского, причастность которого к восстанию объяснялась его политическими расчетами в борьбе за власть. Начался второй этап восстания. Содержание его составила борьба низов против городской верхушки, которая отошла от восстания. Ее союзник герцог Бургундский пошел на сговор с англичанами.

Городская верхушка, избавляя город от англичан и желая подавить восстание, вступила в переговоры с арманьяками, которые вошли в город в сентябре 1413 г. Последовала жестокая расправа с восставшими. Кабошьянский ордонанс был отменен.

Возобновление Столетней войны. В 1415 г. английская армия, возглавляемая королем Генрихом V, возобновила военные действия в Пикардии с намерением взять Кале. Франция, ослабленная междоусобицей, растеряла все достижения в военной организации, приобретенные, в частности, благодаря реформам Карла V. В октябре 1415 г. в битве при Азенкуре с английским войском вновь встретилось плохо организованное ополчение французских рыцарей — феодалов, потерпевших бесславное поражение. Англичане захватили Нормандию и Мэн.

Положение усугублялось позицией герцога Бургундского Иоанна Бесстрашного (1404—1419), который в 1416 г. заключил союз с Англией и оказал ей значительную помощь. При нем и его сыне Филиппе Добром (1419—1467) набирал силу процесс превращения Бургундии во влиятельную европейскую державу. Существенно расширилась ее территория, создавались органы центральной и местной власти, включая сословно-представительные. Получив титул «Великого герцога Запада», Филипп Добрый стал стремиться и к королевскому венцу. Однако Бургундия в своем новом облике была слабым политическим объединением разных областей и городов, тяготеющих к автономии. Герцогская власть носила характер не столько публично-правовой, сколько сеньориальной власти. Тем не менее, Бургундское герцогство представляло существенное препятствие для объединения французских земель, а союз с англичанами способствовал его успехам.

В результате англичане добились заключения мира на тяжелейших для Франции условиях. По договору в Труа 1420 г. при жизни Карла VI правителем Франции становился английский король Генрих V; затем престол должен был перейти к сыну английского короля и французской принцессы, дочери Карла VI — будущему Генриху VI. Дофин Карл, сын Карла VI, был отстранен от наследования. Франция, таким образом, утрачивала независимость, становясь частью объединенного англо-французского королевства. В 1422 г. Генрих V внезапно умер в полном расцвете сил; спустя несколько месяцев эта же участь постигла и Карла VI. Англия и герцог Бургундский признали королем обоих государств десятилетнего Генриха VI, за которого стал править его дядя герцог Бедфорд. Однако дофин Карл, невзирая на условия мира, провозгласил себя королем Франции Карлом VII (1422-1461) и начал борьбу за трон. Его власть признали некоторые провинции, расположенные в центре страны, на юге (Лангедок), юго-востоке (Дофине) и юго-западе (Пуату). Не уступая по размерам областям, занятым англичанами, эти земли, однако, были менее плодородными и населенными. Они не составляли компактной территории, окруженные и разорванные владениями англичан и герцога Бургундского.

Для Франции начался новый этап войны - борьба за независимость, в которой на карту был поставлен вопрос о самостоятельном существовании французского государства. Этот поворот в войне определился уже к концу ее первого этапа, завершившегося подписанием мира в Бретиньи в 1360 г., однако только теперь он обрел выраженные формы.

Существенным фактором в дальнейшем развитии событий была политика англичан на завоеванных землях, которые рассматривались ими как средство обогащения. Генрих V начал раздавать их в собственность английским баронам и рыцарям. Порты Нормандии заселялись англичанами. Подобная политика, усиливая английскую экспансию, одновременно рождала ответное сопротивление французского населения, ненависть к завоевателям, вызванную репрессиями англичан и грабежами их наемников.

Необходимость защитить свой дом и страну в целом послужила источником народного сопротивления, которое явилось решающей причиной нового этапа войны для Франции.

Партизанская война. Отдельные проявления народно-освободительной борьбы имели место с начала английской оккупации. В условиях средневековья, когда война шла медленно, с редкими крупными сражениями и преимущественно оборонительной тактикой, население становилось главной жертвой грабежей и осад. Правительство рассчитывало на народное сопротивление, стимулируя и организуя его. Города с укрепленными стенами являлись готовыми центрами отпора врагу. Население деревень укрепляло церкви, которые называли «крепостями бедных».

Масштабы и эффективность народного сопротивления на этом этапе войны были связаны с действием общинных организаций в деревне и цеховых корпораций в городах. По звону колокола население городов и деревень собиралось в отряды, руководителями которых часто приглашались дворяне. Неуловимые для врагов партизанские отряды находили неизменную поддержку жителей, несмотря на казни, которые применяли англичане за содействие и участие в партизанском движении. Развитию движения способствовала рассредоточенность английских крепостей с военными гарнизонами на значительной территории, часто далеко друг от друга и от основных сил армии. В этих условиях англичане не рисковали покидать крепости и передвигаться иначе, как многочисленными и хорошо вооруженными отрядами. Французы стали предпринимать попытки совместных действий народного ополчения с королевской армией. В оккупированных англичанами Париже и Руане были раскрыты заговоры, участники которых вступили в сношения с Карлом VII с целью помочь французской армии при осаде этих городов.

Жанна д'Арк — народная героиня. В 1428 г. англичане, желая подкрепить действия на севере страны военными операциями на юге, предприняли осаду Орлеана. Взятие этой первоклассной по тому времени крепости открывало им почти беспрепятственное продвижение на юг. Получив подкрепление из Бордо, на которое они рассчитывали, англичане сделали бы положение французского короля безнадежным. В этот особенно

тяжелый для страны момент произошел решительный перелом в развитии событий, связанный с именем Жанны д'Арк. Она вышла из рядов народного сопротивления, став его героиней и символом.

Жанна родилась в 1412 г. в местечке Домреми на границе Франции и Лотарингии. Под влиянием военных бедствий, которые не обошли ее родные места, и глубокой любви к родине в ней созрело убеждение, что именно она должна спасти Францию, став во главе армии, которая изгонит англичан. Будучи впечатлительной и глубоко религиозной девушкой, она уверяла, что слышит голоса святых, которые побуждали ее к военному подвигу и обещали ей свою помощь. Узнав об осаде Орлеана, она отправилась в ближайший городок Вокулер и убедила коменданта замка в своей освободительной миссии. Получив оружие и боевого коня, в мужской одежде и сопровождении военного отряда, она отправилась через занятые бургундцами и англичанами области в Шинон, к дофину. Вести о ней быстро распространились по Франции, порождая веру в чудесную роль Девы, как стал называть ее народ.

Находясь в бедственном положении, король поставил Жанну во главе армии, окружив опытными военачальниками. Ее природный ум и наблюдательность, восприимчивость в постижении несложной военной тактики того времени помогали ей не только достойно вести себя в необычных условиях, но и принимать верные решения. Ее находчивость подкреплялась исключительным личным мужеством, благодаря которому она была впереди всех в самых опасных местах, увлекая своим примером других. Глубокое осознание Жанной задачи освобождения горячо любимой родины как главной цели своей жизни, отношение к воинам как соотечественникам, имеющим ту же цель, независимо от их социального положения, — все это порождало необыкновенный энтузиазм во французской армии.

В конце апреля 1428 г. Жанна прибыла с армией в Орлеан. В течение четырех дней английские укрепления под городом были поодиночке взяты французами, и 8 мая англичане сняли осаду с крепости. Освобождение Орлеана имело исключительное значение не только благодаря стратегической роли города-крепости. Это была первая большая победа французов после многих лет национального унижения и позорных поражений. Она укрепляла веру Карла VII в законность его права на престол, которого он был лишен по мирному договору в Труа. Соединение его борьбы за престол с войной за освобождение и самостоятельность Франции усиливало позиции Карла VII. Под давлением Жанны он осуществил поход в Реймс, где короновались французские монархи. Торжественная коронация Карла VII превратила его в единственно законного государя Франции в глазах народа и правительств других стран Европы. Последовавшее затем освобождение Шампани, резко улучшило положение короля. Предпринятая, однако, Жанной попытка штурма Парижа кончилась неудачей. Вместе с тем в ближайшем окружении короля после впечатляющих первых успехов

Жанны возникли серьезные опасения в связи с ее растущей славой и влиянием.

В мае 1430 г. в стычке под Компьеном, осажденным бургундцами, она была захвачена в плен. Герцог Бургундский продал свою пленницу англичанам за 10 тыс. золотых. В конце 1430 г. Жанну перевезли в Руан — центр английского владычества — и передали инквизиции. Пытаясь умалить значение военных побед французов, англичане желали доказать, что они являлись происками дьявола. Церковный суд во главе с епископом Кошоном, защищая интересы англичан, обвинил Жанну в колдовстве. Протоколы процесса сохранили свидетельства стойкого поведения Жанны и ее разумные ответы на вопросы суда, желавшего запутать и погубить ее. Трибунал признал ее виновной в ереси. В мае 1431 г. она была сожжена на центральной площади Руана. На месте сожжения ныне поставлен памятник и возведена церковь.

Карл VII, столь многим обязанный Жанне, не оказал ей помощи. Гибель Жанны в конечном счете разрешила те сложности, которые возникали для короля и его окружения в связи с необычной популярностью народной героини. Лишь спустя четверть века Карл VII приказал пересмотреть судебный процесс. Жанна была признана невиновной в ереси, а позже даже объявлена святой.

Подвиг Жанны д'Арк усилил патриотические и национальные чувства французов и содействовал переходу к освободительной войне. В нем воплотились лучшие качества французского народа.

Для дальнейшего развития событий большое значение имели реформы Карла VII.

3. Политическое развитие Франции в XV в. Завершение Столетней войны

Налоговая и военные реформы Карла VII. В 1439 г. специальным указом Карл VII установил королевскую монополию на талью — побор, который взимался до тех пор и королем, и сеньорами на общественные нужды. Отныне феодалы могли взимать его только с согласия короля и не должны были препятствовать сбору королевской тальи. Почти одновременно несколькими ордонансами были проведены военные реформы, которые утвердили монопольное право короля вести войну и запретили сеньорам иметь своих воинов и крепости, а также создали постоянную армию. Находящаяся отныне под безусловным контролем короля, она подразделялась на кавалерию и пешее ополчение — инфантерию. В кавалерию набирались дворяне (жандармы). Каждые 50 приходов городского и сельского населения поставляли 1 обученного воина — вольного стрелка (франк-аршера). Служба в обоих родах войск оплачивалась государством. Талья, предназначенная для содержания постоянной армии, тоже превращалась в постоянный налог, взимаемый в условиях войны и мира. В середине XV в. окончательно определилась социальная сущность налоговой системы, когда привилегированные сословия духовенства и дворянства были освобождены от налогов.

Эти реформы, а также размах народного сопротивления предопределили победу Франции в Столетней войне. На заключительном ее этапе взаимодействие королевской армии с отрядами народного сопротивления привело к изменению военной тактики французов: отказ от длительной осады и штурма городов, переход к тактике мелких сражений. Военные успехи и укрепление монархии сорвали планы ее политических противников, стремящихся к ослаблению центральной власти. В 1435 г. герцог Бургундский был вынужден заключить союз с Карлом VII, получив в виде вознаграждения Пикардию и некоторые французские земли. Англичане потеряли Париж, Руан, Нормандию, Бордо. В их руках остался только Кале. Так закончилась война, в ходе которой ценой непосильных жертв французский народ сохранил независимость и государственный суверенитет своей родины.

Победа Франции означала ликвидацию притязаний Англии на Французскую корону и земли на континенте. Завершение войны в 1453 г. создало благоприятные условия для дальнейшего развития процесса централизации. При этом французская монархия в экстремальной ситуации и частично благодаря ей сумела решить важные для собственного усиления задачи — создать постоянную армию и постоянные налоги.

Укрепление королевской власти нашло отражение и в церковной политике. В 1438 г. на ассамблее французского духовенства была принята так называемая Буржская Прагматическая санкция, закрепившая вольности галликанской церкви: право свободного выбора местными капитулами епископов и аббатов, отмену аннатов (платежей в размере годового дохода от каждой церковной кафедры римскому папе), ограничение апелляций в римскую курию только вопросами вероучения.

Завершение политического объединения Франции во второй половине XV в. Несмотря на значительное усиление после Столетней войны королевской власти, которая являлась в то время во Франции выразителем национального единства и государственной независимости, во второй половине XV в. неоднократно активизировались силы реакции и сепаратизма. Наиболее крупное вооруженное выступление против централизации имело место при Людовике XI, когда герцоги Бургундский и Бретонский организовали Лигу общественного блага. Выдвинув демагогический лозунг уничтожения налогов и защиты народных интересов, они сумели привлечь к оппозиции часть мелкого и среднего дворянства, а также верхушку некоторых городов, в том числе Парижа. Одновременно и герцог Бургундский Карл Смелый (1467—1477) стремился сокрушить своего главного противника — французского короля, создав «Великую Лотарингию» от Северного до Средиземного моря.

Часть духовенства, чиновников и зажиточных торгово-ремесленных слоев Парижа, намереваясь вернуть столице отнятые королем привилегии, поддержали Лигу. Их политическая измена королю заставила Людовика XI согласиться на позорный мир. Однако, получив передышку, этот очень осторожный и хитрый политик сумел постепенно справиться с врагами,

разъединив их усилия и действуя главным образом мирными переговорами и интригами. Со своим главным врагом Карлом Смелым Людовик XI расправился с помощью его политических противников — герцога Лотарингии и швейцарцев, страдавших от агрессии герцога Бургундского. После гибели Карла Смелого в битве с французами при Нанси (1477) Людовик XI воссоединил с Францией Пикардию, Ниверне и герцогство Бургундское (западную часть Бургундии). Графство Бургундия, Франш-Конте и Нидерланды остались у дочери Карла Смелого Маргариты, которая вышла замуж за Максимилиана Габсбурга, сына германского императора. Эти владения, таким образом, вошли в состав фамильных владений дома Габсбургов.

В 1481 г. к Франции был присоединен Прованс с крупным торговым и морским портом Марселем, центром средиземноморской торговли. В 1491 г. в результате брака Карла VIII (1483—1498) с Анной Бретонской к Франции была присоединена Бретань, в следующем столетии окончательно вошедшая в состав королевского домена. Присоединение Лотарингии, Франш-Конте, Руссильона и Савойи растянулось до середины XIX в. Однако к концу XV в. в основных чертах процесс объединения страны был завершен. Он был подкреплён постепенным слиянием двух народностей. В XIV—XV вв. в Северной Франции на основе парижского диалекта сложился единый язык. Он заложил основы формирования общефранцузского языка, хотя в ряде областей продолжали существовать местные диалекты (провансальский и кельтский языки юга и Бретани).

В политическом развитии Франция уверенно шла к новой форме государственности — абсолютной монархии. Показателем новых тенденций служило свертывание в конце XV в. практики сословного представительства. Для Генеральных штатов это обернулось их фактической бездеятельностью. Последние в XV в. Генеральные штаты были созваны в 1484 г., они бесславно попытались в условиях малолетства Карла VIII усилить свое политическое влияние. Для провинциальных и местных штатов спад выразился главным образом в лишении их прежней автономии и подчинении центральной власти. Причиной упадка сословно-представительной системы явились осуществленные монархией реформы — налоговая и военная, которые ослабили ее зависимость от сословий. Кроме того, к концу XV в. произошли заметные сдвиги в положении сословий и их отношении к центральной власти. Создание постоянной армии, в частности, закрепило приверженность дворянства к военной службе, оплачиваемой государством, его безучастность к хозяйственной деятельности. Это не способствовало его сближению с городским сословием. Налоговая исключительность духовенства и дворянства, сложившаяся к середине XV в., также усилила раскол привилегированных, сословий с податным третьим сословием, к которому принадлежали горожане и крестьянство.

В XVI век Франция вступила как крупнейшее из централизованных государств Западной Европы, с развитыми сельской экономикой, ремеслом и торговлей, духовной и материальной культурой.

4. Социально-экономическое развитие Франции в XIV—XV вв.

Крестьяне и феодалы в XIV в. Утверждение денежной ренты и экономической самостоятельности крестьянского хозяйства способствовали значительной дифференциации крестьянства. Большая свобода в пользовании цензивой, в частности возможности ее заклада или продажи при условии выплаты в пользу феодала определенного взноса, привели к появлению в деревне значительной прослойки обедневших крестьян. Заклад земли и долговая кабала чаще всего не спасали от разорения, так как выплата долга ложилась дополнительным бременем на хозяйство крестьянина. Будучи не в состоянии справиться с этими трудностями, иногда вынужденный продать часть своего надела, крестьянин, чтобы прокормить семью, уплатить ренту и государственные налоги, должен был наниматься на сезонные работы к сеньору или к своим зажиточным соседям. Так появился наемный труд в деревне, существующий в рамках мелкого товарного хозяйства. Возникает особая категория сельского населения — наемные работники.

Параллельно этому процессу формируется новый вид крестьянского держания — аренда земли, часто в виде издольщины. Она отличалась от цензивы, которая как форма наследственного держания с фиксированной рентой обеспечивала возможности сохранения части прибавочного продукта в хозяйстве крестьянина и делала его положение относительно стабильным. Аренда, условия которой земельный собственник менял в свою пользу в зависимости от рыночного спроса, уменьшала сопротивляемость крестьянского хозяйства процессу имущественного и социального расслоения. Согласно статистическим данным, в Пикардии в конце XIII в. на 100 жителей деревни приходилось 12 неимущих крестьян. В одной из областей 330 крестьян имели в держании небольшие участки земли и были вынуждены дополнительно работать по найму; 36 крестьянских хозяйств имели обычное по размеру держание, но не располагали упряжкой; только 16 хозяйств имели упряжку и плуг; 3 хозяйства считались зажиточными.

Существенные изменения происходили и в положении феодалов. Стремление увеличить ренту мешали почти полное исчезновение барщинного хозяйства, личная свобода крестьянина и утверждение фиксированной денежной ренты. Кроме того, усиление королевской власти сделало ее соперником феодалов в деле эксплуатации крестьянства и тем самым ограничивало размеры сеньориальных поборов. Участвовавшие со стороны короля требования военной феодалской службы увеличивали расходы феодалов и также содействовали обеднению части их. Многие сыновья мелких и средних феодалов не могли приобрести звания рыцарей из-за дороговизны процедуры посвящения.

XIV век принес значительные изменения в природу вассальных отношений. Благодаря развитию в условиях товарно-денежных отношений так называемой фьеф-ренты (вассальная служба, при которой сеньор не уступал вассалу земли, но делился частью имеющейся в его распоряжении ренты) и особенно системы денежных контрактов отношения в среде феодалов перестают быть связанными непосредственно с землей, ее

наследованием и вассальной присягой. Личностные связи, за которыми прежде скрывались связи по земле, уступают место вещным отношениям по преимуществу. Королевская власть использует эти новые формы для того, чтобы нарушить прежнюю норму вассального права и приблизить к себе основную массу феодалов используя их на государственной и военной службе.

Социальная жизнь в городе в XIV в. Неспособность цеховых уравнилельных постановлений сдержать процесс имущественного и социального расслоения стала очевидной уже в XIII в. Этот процесс становится еще заметнее в XIV в., вызвав существенные изменения в структуре цеха и взаимоотношениях между цехами. Он проявлялся в выделении зажиточных мастеров внутри цеха, их попытках контролировать производство, в зависимости от них основной массы ремесленников и в «замыкании» цеха, которое закрыло подмастерьям доступ к званию мастера. Это усложнило социальные противоречия в городе, побудив подмастерьев организовать свои союзы — «компаньонажи» — и подняться на борьбу против зажиточных мастеров.

Основная масса ремесленников не была представлена в городских муниципалитетах и не могла контролировать налогообложение. В городе имелось большое число неквалифицированных ремесленников, внецеховой бедноты, пришлых из деревень. Эта прослойка жила случайными заработками, была готова включиться в социальную борьбу на стороне ремесленной массы или стать объектом политических спекуляций городской верхушки. Возникали сложные отношения зависимости между цехами смежных специальностей — красильщиков и суконщиков, мясников, живодеров и дубильщиков кожи и т.д., которые свидетельствовали о попытках торгового капитала организовать крупное производство. В ряде отраслей ремесленного производства складываются условия для формирования раздвоенной системы: городские купцы начинают активно вовлекать деревенские промыслы в городское производство (сучение шерсти и др.).

Жакерия. Тяжелую ситуацию в стране усугубило начавшееся в мае 1358 г. крестьянское восстание. Принятая в то время презрительная кличка крестьян «Жак-простак» дала название этому крупному восстанию в истории Западной Европы периода феодализма. Среди причин Жакерии следует в первую очередь назвать характерное для этого периода стремление феодалов увеличить размеры сеньориальных поборов. Для крестьянства, чьи поселения не были защищены, подобно городам, стенами и укреплениями, были особенно тяжелы последствия военных поражений и оккупации. Их грабили не только англичане, но и французская наемная армия.

В условиях войны резко возросли государственные налоги, оплата которых была особенно тяжела из-за обеднения части крестьянства. Наконец, в 1348 г. на Францию обрушилась эпидемия чумы — Черная смерть, которая унесла от 1/3 до 1/2 населения, затронув в первую очередь народные массы. Убыль населения повысила ценность рабочих рук и привела к повышению

заработной платы, в том числе сельских работников. Однако правительство приняло так называемое рабочее законодательство, исключившее возможность роста заработной платы, поддержав таким образом начавшуюся в этих условиях сеньориальную реакцию. Все это определило двуединую направленность восстания как антифеодального и как антиправительственного движения.

При объяснении причин восстания следует также учесть перемены в сознании крестьянства, произошедшие под влиянием изменений его хозяйственной роли и социального статуса. Война усилила социальную роль крестьянских общин, которые брали на себя задачи самообороны от английской оккупации и грабежа наемников.

Непосредственным поводом к восстанию явились меры, которые предпринял дофин. Готовясь к блокаде столицы, он потребовал от окрестных крестьян выполнения работ по укреплению замков. 28 мая в области Бовези к северу от Парижа крестьяне в стычке с отрядом дворян убили нескольких рыцарей. Это послужило сигналом к восстанию. Оно быстро охватило значительную территорию Северной Франции — Бовези, Пикардию, Иль-де-Франс, Шампань. Протест перерос в крестьянскую войну, в которой к крестьянам примкнули деревенские ремесленники, мелкие торговцы, сельские священники. Общее число восставших, по свидетельству хронистов, достигало 100 тыс. Современники назвали ее войной недворян против дворян, поскольку участники ставили цель «искоренить дворян всего мира и самим стать господами».

Жаки уничтожали налоговые документы и списки феодальных повинностей, разрушали замки, убивали феодалов. Они не выработали письменной программы. Однако известную организованность движению сообщало участие крестьянских общин. В ходе восстания обнаружились попытки к совместным действиям и взаимной поддержке между крестьянами и городским плебсом. В ряде городов городские низы выражали сочувствие, восставшим крестьянам, открывали им ворота, предлагая объединиться в борьбе с богатыми горожанами. Этьен Марсель тоже попытался использовать крестьянское движение, чтобы, в частности, снять осаду с Парижа, и даже послал несколько отрядов в помощь жакам. Однако по мере развития событий он поспешил отказаться от союза с ними.

Наиболее организованные и широкие формы восстание имело в Бовези. Во главе объединенных отрядов крестьян стал Гильом Каль, знакомый с военным делом. Он назначал капитанов в отдельные отряды, рассылал приказы, пытаясь добиться единства и дисциплины. Приказы заверялись королевской печатью, на знаменах крестьян изображался королевский герб, что отразило монархические иллюзии крестьянства, выступавшего против феодалов и государственных чиновников, но за «доброго короля».

8 июня около селения Мелло крестьяне встретились с войском феодалов под предводительством Карла Злого. Численный перевес был на стороне жаков, однако в течение двух дней обе стороны не рискнули начать сражение. Карл Злой предложил переговоры с целью захвата Гильома Калья.

Его союз с Этьеном Марселем послужил известной гарантией доверия крестьян. Не потребовав заложников, Гильом Каль явился на встречу, был вероломно захвачен, подвергнут мучениям и казнен. После этого рыцари бросились на лишенное предводителя, плохо вооруженное крестьянское войско и разгромили его. Восстание в Бовези было подавлено; в ряде районов отдельные крестьянские отряды действовали до сентября 1358 г. Жестокость расправы с крестьянами соответствовала ужасу, который они внушали феодалам.

В Жакерии отчетливое желание уничтожить феодалов соединялось с наивными и неопределенными чаяниями свободной жизни без господ, под главенством «доброго короля». Она обнаружила присущую крестьянским восстаниям слабую организованность. Однако восстание до известной степени ограничило попытки сеньоров увеличить феодальную эксплуатацию и обеспечило возможность дальнейшего развития хозяйства лично свободного крестьянина в условиях товарного производства.

Народные восстания во второй половине XIV в. В 70—80-е годы XIV в. по всей стране прокатилась волна народных антиналоговых восстаний, которые захватили в первую очередь города.

Вслед за горожанами пришло в движение и крестьянство, в частности на севере страны в районах, где проходила Жакерия. Основные события развернулись в Лангедоке, Оверни, Пуату, Дофине. Движение охватило более значительную, чем при Жакерии, территорию и длилось свыше двух лет (с весны 1382 г. по лето 1384 г.). Восставшие крестьяне, к которым присоединились многие городские ремесленники, именовались «тюшенами» — «скрывающимися в лесу» (*tauché* — лесок; возможна аналогия с именем восставших тогда же крестьян Савойи — тукинов). Начатое против введения нового тяжелого налога, оно переросло в войну против духовенства, дворянства и купцов — всех, «кто не имел мозолистых и шершавых рук». После разгрома тюшенов в открытом бою близ Нима они разбились на мелкие отряды и перешли к тактике «кустарничной» войны (засады и вылазки), что делало их неуловимыми, позволило долго продержаться и даже захватывать замки и города. Часто их усилия были обращены против грабежей отрядов наемников, сливаясь с борьбой против английской оккупации. В начале 80-х годов основные силы крестьян были разбиты, хотя отдельные отряды тюшенов действовали до 1390 г.

Социальную борьбу 70—80-х годов XIV в. отличало соединение антиправительственного и антифеодального протеста с острой внутригородской борьбой, вызванной имущественным и социальным расслоением ремесленной массы. В результате этой борьбы правительству пришлось временно отменить фуаж. Вплоть до начала XV в. оно не рисковало повышать налоги.

Состояние сельского хозяйства, ремесла и торговли во второй половине XV в. Франции потребовалось примерно три десятилетия, чтобы преодолеть урон, нанесенный Столетней войной, и достичь уровня развития 30-х годов XIV в. Особенно печальную картину опустошения и разорения

являли собой французские деревни с огромной убылью населения, заброшенными землями, отсутствием скота. Разорение страны побудило монархию принять чрезвычайные меры. В 1451 г. правительственный указ освободил все крестьянство на 8 лет от налога, призывая его вернуться на прежние места поселения. Феодалы, чьи земли без крестьянских рук не приносили никакого дохода, предоставляли их в наследственное свободное держание, со льготным размером фиксированной ренты. Они охотно шли на выкуп личной зависимости, стремясь привлечь и удержать на своих землях крестьян. Подобная политика способствовала исчезновению остатков личной зависимости во Франции и юридической нивелировке крестьянства. Она укрепила цензиву и положение средних слоев крестьянства.

С завершением восстановительного периода феодалы попытались навести упущенное и увеличить ренту, а также вернуть уже забытые баналитеты. Этим попыткам, однако, противостояли окрепшие в годы войны и народного сопротивления крестьянские общины. Они оказались бессильными только перед налоговым нажимом со стороны государства. За 22 года правления Людовика XI (1461—1483) королевская таля повысилась более чем в 3 раза. Крестьянская община использовалась государством в качестве низшего звена налогового аппарата, что позволяло зажиточным слоям деревни злоупотреблять распределением налогов. Заправляя делами общины, они, как правило, облегчали для себя налоговый гнет. В соответствии с правилом «сильный несет слабого» неимущие элементы освобождались от налогов. Поэтому основным бременем налоги ложились на средние слои французского крестьянства. Их способность выдержать растущий налоговый гнет, который, по свидетельству современников, примерно в 5 раз превышал размеры сеньориальной ренты, свидетельствовала о наличии еще достаточно крепкой прослойки среднего крестьянства и, следовательно, значительных еще возможностях феодального строя. Само усиление государственной эксплуатации оказалось возможным в условиях заметного возросшей продуктивности крестьянского хозяйства в производстве зерна, мяса и вина, экспортируемых в урожайные годы в Англию, Нидерланды, Италию. Вместе с тем во французской деревне шло активное расслоение крестьянства, связанное с распространением аренды земли, что было следствием потери частью крестьянства права наследственного держания.

Города Франции тоже испытали тяготы войны. Однако укрепленные стенами, они избежали того безудержного грабежа и разорения, какие выпали на долю деревни. Более быстрому по сравнению с деревней подъему французских городов содействовала монархия, смягчая налоги или освобождая от них горожан.

В правление Людовика XI в экономической политике государства наметились черты будущего протекционизма (государственное покровительство отечественной промышленности и торговле). Людовик XI особенно поощрял развитие таких отраслей производства, как шелкоткачество, металлургия и металлическое производство,

книгопечатание, производство стекла, шерстяных тканей. Для этого он предоставлял льготы местным промышленникам и купцам, а также выписывал мастеров из-за границы. Забота о росте ремесла и торговли диктовалась потребностями казны, для которой они служили важным источником дохода. Аккумулируя в казне доходы от ремесла и торговли, монархия затем делилась частью их со служилым дворянством в виде пенсий или платы за государственную и военную службу.

Поощряя ремесло, Людовик XI пытался укреплять и насаждать цеховую систему, рассматривая эту меру, прежде всего, как финансовую операцию, так как право на занятие ремеслом покупалось у короля. Благодаря этой политике цеховая система распространилась и на южные города, где раньше существовало свободное ремесло. Однако в данный период эта правительственная политика подкреплялась процессом, идущим в самих городах, в том числе и южных. Расслоение мастеров и обострение противоречий в их среде вызывало стремление средних мастеров с помощью цеховых ограничений воспрепятствовать этому процессу. Подобные меры, однако, не могли затормозить появления условий для капиталистической мануфактуры.

Расцвет ярмарок — общегосударственных, провинциальных и местных — во второй половине XV в. свидетельствовал об успешном формировании внутреннего рынка страны. Особое значение приобрели ярмарки Лиона, ставшего в этот период крупным европейским центром оптовой торговли, а также местом деятельности итальянских и немецких банкиров. Во внутренней торговле Франции он сыграл важную роль связующего звена между северными и южными районами. Успешно развивалась морская торговля.

Одним из наиболее ярких представителей торгово-предпринимательского мира был банкир и купец Жак Кёр. Располагая огромным капиталом, он вел торговлю с Левантом, имея для этого собственные корабли. Организованное им производство на железных рудниках носило характер раннекапиталистической мануфактуры. Он предоставлял крупные займы королевскому дому, выполнял дипломатические и государственные поручения. Обвиненный в казнокрадстве, чеканке фальшивой монеты и колдовстве, Жак Кёр был казнен, его имущество конфисковано. Судебный процесс свидетельствовал о слабых позициях этого слоя, а также о непоследовательной политике королевской власти. Стимулируя предпринимательство, монархия не отказывалась от возможности присвоить в пользу казны с помощью послушного судебного аппарата крупные капиталы.

Тема 3.2. Англия в XIV—XV вв.

План

1. Аграрное развитие Англии в XIV—XV вв.

2. Развитие английской промышленности и торговли в XIV—XV вв.

3. Движение за реформу церкви

4. Особенности политического развития Англии в XV в.

1. Аграрное развитие Англии в XIV—XV вв.

Экономические и социальные сдвиги в английской деревне. Во второй четверти XIV в. в английской деревне все большее распространение получает коммутация ренты и продолжается процесс личного освобождения крестьян. Крестьянское хозяйство начинает успешно конкурировать с домениальным хозяйством крупных феодалов, основанным на малопроизводительном подневольном труде вилланов. Под давлением экономической необходимости и усиливающейся борьбы крестьянства многие даже крупные феодалы к середине XIV в. все чаще и чаще отказываются от барщины. В связи с этим значительно возрастает спрос на наемную рабочую силу, необходимую как в домениальном хозяйстве феодалов, так и в хозяйстве зажиточных крестьян. Предложение наемной рабочей силы начинает отставать от спроса отчасти вследствие общей убыли населения, вызванной тяжелой эксплуатацией и хроническим недоеданием крестьянства, отчасти вследствие отлива крестьянской бедноты в города и северные районы страны, где зависимость крестьянства была слабее. Малая производительность барщинного труда, тем, где он сохранялся, слабая приспособляемость домениального хозяйства к условиям рынка, наконец, нехватка наемной рабочей силы в хозяйстве феодалов, коммунтировавших барщину, уже к середине XIV в. создали предпосылки для упадка домениального хозяйства, обозначившегося в конце XIV и в XV в.

Противоречия в деревне еще более обострились в связи с эпидемией чумы, в 1348 г. обрушившейся на Англию. Чума, оставшаяся в памяти людей как «черная смерть», унесла не менее трети населения, преимущественно из трудящихся слоев. Спрос на рабочие руки возрос еще больше, резко выросла и заработная плата. На помощь феодалам, а в городах — богатым купцам и мастерам, эксплуатировавшим наемный труд, пришло феодальное государство, которое во второй половине XIV в. издало ряд законов, известных под общим названием «рабочего законодательства».

Первый из этих законов — ордонанс 1349 г., изданный Эдуардом III (1327–1377), — предписывал всем людям обоего пола в возрасте от 12 до 60 лет, не имеющим собственной земли и других средств к жизни, наниматься на работу за ту плату, которая существовала до чумы. За отказ от найма и за уход от нанимателя до истечения срока рабочему грозила тюрьма. Наниматели и рабочие, договорившиеся о более высокой оплате, наказывались штрафом. Затем последовал ряд статутов (1351, 1361, 1388), подтверждавших эти постановления и усиливавших наказания за их нарушения.

Целью «рабочего законодательства» было обеспечение феодалов и городской верхушки дешевой рабочей силой с помощью внеэкономического принуждения. Мелкие и средние феодалы пытались с помощью «рабочего законодательства» восполнить нехватку рабочей силы. Те же, главным

образом крупные, феодалы, которые вели еще барщинное хозяйство, искали выхода из создавшегося положения средствами так называемой сеньориальной реакции, восстанавливая барщину даже там, где она уже много лет была коммутирована, возвращая в свои маноры вилланов, ушедших в города и другие места на заработки.

Обострение социальной борьбы в деревне. Сеньориальная реакция, «рабочее законодательство», рост государственных налогов привели к значительному обострению борьбы крестьянских масс. От «рабочего законодательства» страдала главным образом крестьянская беднота — не только вилланы, но и свободные. Для полнонадельных вилланов, часто уже отвыкших от барщины, сеньориальная реакция представлялась особенно нетерпимой. Вилланы устраивали «заговоры», отказывались выполнять барщину и платить повышенную ренту. Вопреки запрещениям статутів создавались тайные союзы сельскохозяйственных рабочих для борьбы за повышение заработной платы. Сплошь и рядом коттеры и батраки по взаимному сговору отказываются наниматься за установленную статутами заработную плату.

От локальных стихийных выступлений английские крестьяне во второй половине XIV в. переходят к более массовым и организованным движениям в масштабе крупных районов. Происходит рост самосознания английского крестьянства, отразившийся также в народном творчестве и литературе той эпохи. В середине XIV в. возникают народные баллады о благородном разбойнике Робин Гуде. Робин Гуд и его сподвижники, люди, в силу разных обстоятельств бежавшие в лес и поставленные «вне закона», изображаются в этих балладах как защитники бедных и непримиримые враги обидчиков простого народа — светских и духовных лордов и королевских чиновников.

Восстание крестьян под руководством Уота Тайлера. К концу XIV в. положение английского крестьянства значительно ухудшается. Особое возмущение его вызывали новые налоги, введенные при короле Ричарде II (1377-1399) в связи с возобновлением Столетней войны. В 1377 г. парламент ввел единовременный поголовный налог, взысканный снова в 1379 г., а затем — в утроенном размере — в 1380 г. Этот налог и злоупотребления при его взимании послужили непосредственным поводом к восстанию.

Оно вспыхнуло весной 1381 г. на юго-востоке Англии, в графстве Эссекс. Крестьяне прогнали сборщиков податей и некоторых из них убили. Восстание сразу же приняло ярко выраженный антифеодальный характер. Оно быстро охватило 25 из 40 графств Англии. Крестьянские отряды громили монастыри и феодальные поместья и жгли документы, фиксировавшие крестьянские повинности. Особую их ненависть вызывали церковные феодалы — епископы и аббаты, а также королевские судьи и другие представители государственного аппарата; их крестьяне считали главными виновниками бедствий народа. Крестьян поддерживала городская беднота соседних городов.

Наибольшей организованностью восстание отличалось в соседних с Лондоном графствах — Эссексе и Кенте. Кентские крестьяне освободили из

тюрьмы Джона Болла, незадолго до этого арестованного церковными властями, и сделали его одним из своих вождей. Предводителем восстания стал деревенский кровельщик Уот Тайлер, по имени которого обычно и называют это восстание. Он был знаком с военным делом, обнаружил способности хорошего организатора и пользовался авторитетом среди восставших.

Двумя большими отрядами крестьяне Эссекса и Кента подступили к Лондону. Их целью было встретиться с Ричардом II и попросить его облегчить их положение. Крестьяне в массе верили в «доброего короля» и приписывали все свои беды его дурным советникам. Вопреки приказу мэра городская беднота не позволила запереть ворота перед восставшими. Лондон оказался во власти крестьян. Король фактически стал их пленником. Они предали казни как «изменников» особенно ненавистных вельмож, в том числе и главу английской церкви архиепископа Кентерберийского Седбери, который был одновременно канцлером Англии.

Первое свидание крестьян с королем состоялось в лондонском пригороде Майл-Энде. Они предъявили королю требования, получившие название «Майл-Эндская программа». В ней они добивались отмены вилланского статуса и барщины, установления единообразной невысокой денежной ренты (4 пенса с акра), свободной торговли во всех городах и местечках Англии и амнистии для участников восстания. Программа отражала интересы более зажиточной и умеренно настроенной части крестьянства. Королю пришлось согласиться на эти требования. Часть крестьян поверила королевскому слову, покинула Лондон. Но многие из восставших, особенно бедняки Кента, не удовлетворенные этими уступками, вместе с Уотом Тайлером и Джоном Боллом остались в Лондоне. Они потребовали нового свидания с королем.

Король был вынужден вторично явиться на свидание с крестьянами в Смитфилд. Требования, известные как «Смитфилдская программа», шли значительно дальше майл-эндских. Теперь крестьяне потребовали от короля отмены «всех законов», т. е. «рабочего законодательства», изъятия земель у церкви и раздела их между крестьянами, настаивали на возвращении захваченных сеньорами общинных угодий. Они выдвинули требование отмены всех привилегий сеньоров и уравнивания сословий, а также всех форм личной зависимости. Эта программа была направлена против феодальной эксплуатации, крестьянской зависимости и сословного строя.

Путем обмана и вероломства феодалам удалось справиться с восстанием. Во время переговоров лондонский мэр предательски убил Уота Тайлера. Вооруженный отряд рыцарей и богатых горожан прискакал на выручку короля. Крестьян убедили разойтись по домам. Лишенные своего вождя, они вторично дали себя обмануть, и ушли из Лондона.

Рыцарские отряды направились вслед за крестьянами и разгромили их. Во всех районах восстания королевские судьи произвели жестокую расправу. Мучительной казни подверглись вожди восстания, в том числе и Джон Болл. Король, отказавшись от всех своих обещаний, разослал приказ о

беспрекословном выполнении крестьянами всех повинностей в пользу сеньоров, которые они несли до восстания.

Восстание 1381 г. потерпело поражение в силу тех же общих причин, что и Жакерия. Стихийность, недостаточная организованность восстания, преобладание у его участников локальных интересов привели к тому, что повстанцы большинства районов страны не приняли участия в походе на Лондон. Наивная вера в «доброе короля», присущая большинству крестьянства, погубила Уота Тайлера и облегчила феодалам разгром восстания. Способствовало его поражению и предательство лондонской городской верхушки. К этим общим причинам добавилось еще и то, что интересы зажиточного и среднего крестьянства, с одной стороны, и бедноты — с другой, не совпадали. Поэтому в Лондоне крестьяне не действовали заодно, не сумели воспользоваться победой, одержанной в первые дни, и оказать организованное сопротивление феодалам, когда те оправились от испуга.

Вместе с тем это было одно из крупнейших и наиболее организованных крестьянских восстаний средневековья, в котором повстанцы показали относительно высокий уровень сознательности не только в своих экономических и социальных, но и в политических требованиях. Несмотря на свирепую расправу, крестьянские волнения продолжались в разных частях страны. Непрерывающееся брожение крестьянства выразилось и в росте влияния в его среде еретического учения лоллардов. Под давлением этих обстоятельств феодальное государство вынуждено было пойти на уступки — несколько облегчить тяжелые налоги, смягчить «рабочее законодательство». Наиболее существенным результатом восстания было то, что оно устрасило феодалов и тем ускорило освобождение вилланов от личной зависимости, которое подготовлялось всег ходом экономического развития Англии в XIV в. В конце XIV в. и в XV в. большинство вилланов выкупилось на волю.

Восстание 1381 г. нанесло последний удар по барщинной системе хозяйства. Оно покончило с явлениями сеньориальной реакции и определило победу того более прогрессивного пути в развитии английской деревни, который вел к укреплению мелкотоварного крестьянского хозяйства и к разложению барщинного манора.

Экономическое развитие английской деревни в XV в. Перестройка экономики английской деревни после восстания Уота Тайлера не привела к ликвидации феодальных отношений. В Англии сохранялась монополия феодальной земельной собственности, крестьянство в основном не имело собственной земли, платило феодальную ренту и оставалось сословно неполноправным. Но английский феодализм с начала XV в. вступил в новую фазу развития. Домениальное хозяйство было почти полностью ликвидировано, а домениальные земли сдавались в держания или в аренду. Крестьянское землевладение, напротив, укреплялось, росла его товарность, оно становилось главным поставщиком сельскохозяйственных продуктов на рынок. Там, где сохранилось домениальное хозяйство, оно велось наемным трудом батраков.

На первых порах крестьянские хозяйства не могли возместить свертывания домениального производства. В связи с этим в стране с конца XIV в. становятся заметными некоторые признаки экономического упадка: общее сокращение обрабатываемой земли, рост пастбищ за счет пашни, снижение товарной продукции деревни, в частности сокращение экспорта шерсти. Вследствие падения численности населения, которое начало снова расти только к концу XV в., а также роста крестьянского землевладения несколько сокращается спрос на продукцию сельского хозяйства. В силу этого цены на сельскохозяйственные продукты упали, а заработная плата наемных рабочих осталась относительно высокой. Однако отмеченные явления конца XIV—XV вв. не могут рассматриваться как признак общего экономического кризиса или общего кризиса феодализма в Англии. Они отражали борьбу между отживающим и новым в развитии самих феодальных производственных отношений. Порожденные кризисом старого барщинного манора, эти явления сосуществовали с усиливающимися, более прогрессивными формами производства — мелкотоварным крестьянским хозяйством, а также помещичьим хозяйством нового типа, послужившими в дальнейшем базой для зарождения капиталистических отношений в деревне.

Положение английского крестьянства. Одним из важнейших прогрессивных сдвигов в жизни английской деревни XV в. было личное освобождение основной массы вилланов. Крестьяне делились теперь в юридическом отношении на две основные категории. Потомки прежних вилланов назывались копигольдерами (держателями по копии), так как документом на владение наделом у них была выписка, или «копия», из протоколов манориального суда. Они были лично свободными людьми и за свои наделы платили лорду невысокую фиксированную денежную ренту и несли некоторые повинности. Главным пережитком несвободного происхождения копигольдеров было то, что их права на надел не охранялись королевскими судами, и они оставались сословно неполноправными.

Более благоприятным было положение свободных держателей-фригольдеров. Они были фактически собственниками земли и уплачивали за нее лишь незначительную, часто номинальную, денежную ренту. Фригольдское владение пользовалось защитой королевских судов, а его держатель имел право участвовать в выборах в парламент, тогда как копигольдеры этого права были лишены.

И среди копигольдеров, и среди фригольдеров в XV в. наблюдалось уже сильное расслоение. Разбогатевшие крестьяне обеих категорий широко эксплуатировали наемный труд, скупали земли обедневших крестьян, арендовали в дополнение к своим наделам помещичью землю. Такие богатые крестьяне из числа свободных получили название йоменов. В то же время продолжала отслаиваться и группа малоземельных крестьян, пополнявших ряды сельскохозяйственных рабочих.

«Старое» и «новое» дворянство. Борьба нового со старым в XV в. происходила и среди феодалов. Крупнейшие землевладельцы во главе с титулованной знатью, в XIII и XIV вв. наиболее упорно державшиеся за

барщину и крестьянскую зависимость, теперь оказались вынужденными свернуть свое домениальное хозяйство. Фиксированная невысокая рента, которую они получали со своих держателей, не могла обеспечить им привычный расточительный образ жизни. Эта часть феодалов, состоявшая из потомков прежней знати, получила название «старого дворянства». В его состав входила и значительная часть рыцарства — те мелкие и средние феодалы, которым кризис барщинной системы нес разорение и, которые жили за счет службы в свитах и при дворах феодальных магнатов, всегда готовые к войне и грабежу. Обреченное на гибель «старое дворянство», однако, было еще достаточно сильным и не хотело сдавать своих позиций. Его представители с конца XIV в., особенно же в XV в., пытались пополнить свои доходы за счет получения доли государственных налогов. Борьба за власть и влияние при дворе с целью расхищения государственной казны определяет политику различных феодальных клик в Англии XV в. Другим источником дохода для старой знати был военный грабеж Франции в Столетней войне и даже прямые грабежи на большой дороге. Вместе с тем в среде английских феодалов росла и укреплялась другая группа, связанная с новыми прогрессивными явлениями в экономике страны, — так называемое «новое дворянство». Оно формируется в XV в. отчасти из мелко- и среднепоместных землевладельцев — рыцарства XIII-XV вв., которые и в новых условиях занимались активной хозяйственной деятельностью; отчасти из разбогатевших крестьян и горожан, вкладывавших деньги в землю и получавших дворянские звания. «Новое дворянство», собирательно — джентри, умело приспособилось к новым условиям. Его представители округляли свои владения, скупая земли «старого дворянства» и разоряющихся крестьян, сдавали их в краткосрочную аренду за более высокую плату. Они занимались осушением болот, расчисткой лесных участков, строили мельницы, сукновальни, пивоварни, стараясь всячески повысить доходность своих владений. «Новое дворянство» было тесно и повседневно связано с рынком. Социальный вес джентри особенно возрастает во второй половине XV в.

2. Развитие английской промышленности и торговли в XIV—XV вв.

Борьба нового со старым характерна и для английской промышленности и торговли. С одной стороны, с середины XIV в. начинается упадок некоторых старых городов, который становится особенно заметным к концу XV в. Признаками этого упадка является отлив населения из городов и запустение многих из них, замедление роста товарного производства и обмена. Характерно, что в XV в. богатые купцы и крупные ремесленные мастера многих городов зачастую вкладывают накопленные ими деньги не в расширение производства и торговли, а в приобретение земли, стремясь получить дворянское звание. Все эти явления были связаны с упадком цехового строя и усилением цеховой монополии, препятствовавшими расширению и совершенствованию производства.

Но наряду с этим в XV в. в ремесле и торговле наблюдаются и прогрессивные явления. Сохраняется и даже возрастает значение ряда старых

крупных городов (Лондон, Норидж, Йорк, Бристоль), возникают и новые, в частности мелкие города, активно участвовавшие в развитии внутреннего рынка и в формировании новых, прогрессивных форм промышленного производства. В обход цеховых ограничений в Англии еще с середины XIV в. в сельских местностях и мелких городках развивается производство на рынок сначала грубых, а затем и более тонких сукон. С конца XIV в., особенно в XV в., организаторами этого производства становятся купцы и богатые мастера. На них работают крестьяне-кустари городской округи, которых они снабжают сырьем и у которых скупают готовое сукно. Таким образом, вне старых городов с их цеховыми ограничениями зарождаются первоначальные формы капиталистического производства в виде рассеянной мануфактуры.

Внешняя торговля Англии после временного упадка (во второй половине XIV в.) с начала XV в. несколько оживляется. Главным предметом экспорта становится теперь уже не сырье — шерсть, а промышленная продукция — сукно. Одновременно возрастает доля английских купцов в экспортной торговле, которая раньше в значительной мере находилась в руках иностранцев. В начале XV в. создается первая английская торговая компания «купцов-авантюристов», успешно конкурирующая с Ганзой.

Обострение социальных противоречий в городах. С ростом населения, разделением труда и богатства во всех наиболее крупных городах, в частности в Лондоне, в XIV в. наблюдается также заметное обострение и усложнение социальной борьбы.

Это время решающих битв между цехами и олигархической верхушкой за допущение цеховых представителей в муниципальное управление. В XIV в. проявляются и новые противоречия — внутри самих цехов: между «старшими», в основном торговыми, и «младшими», преимущественно ремесленными, цехами; между богатыми и бедными мастерами внутри отдельных цехов. Наконец, со второй половины XIV в. заметную роль в жизни наиболее значительных городов начинают играть противоречия между мастерами и подмастерьями. В связи с замыканием цехов, которое происходит в этот период, для подмастерья особую остроту приобретает вопрос о размерах заработной платы, о длине рабочего дня. На этой почве между ними и мастерами-нанимателями происходят частые столкновения, значительно обострившиеся в результате «рабочего законодательства».

Бедствия народных масс усиливались Столетней войной. Война требовала больших расходов, которые восполнялись за счет все возрастающих налогов и реквизиций, падавших в основном на трудящиеся слои населения и вызывавших их постоянный протест.

3. Движение за реформу церкви

Во второй половине XIV в. в Англии разворачивается широкое движение за реформу католической церкви. Различные общественные группы, участвовавшие в нем, были заинтересованы в церковной реформе по разным причинам.

Королевская власть в Англии еще с конца XIII в. тяготилась зависимостью от папства, признанной Иоанном Безземельным. Враждебная по отношению к Англии политика пап, которые, находясь с 1309 г. в Авиньоне, поддерживали Францию в Столетней войне, активизировала действия английских королей в этом направлении. Король и парламент стремились освободить английскую церковь из-под влияния пап и наложить руку на ее земельные владения. Придворная знать и крупные феодалы рассчитывали расширить свои владения и увеличить доходы за счет конфискации церковных земель. Короля и феодалов энергично поддерживали рыцарство и горожане, враждебно смотревшие на богатства церкви. Эти слои населения порицали духовенство, особенно монахов, за тунеядство, расточительство. Они стремились не только освободить церковь от влияния Рима, но и упростить обряды, лишить ее богатств и прежде всего земельных владений, рассчитывая со своей стороны также поживиться при конфискации церковных имуществ.

Особенно глубокое недовольство католической церковью нарастало в 60—70-е годы XIV в. в среде крестьянства и городской бедноты. Церковные феодалы упорно держались за барщину и личную зависимость крестьян. Церковь взимала с крестьян десятины и другие поборы.

В этой атмосфере всеобщей антицерковной оппозиции в середине 70-х годов XIV в. выступил профессор Оксфордского университета Джон Виклиф (1320—1384). Виклиф доказывал, что папа не имеет права взимать поборы с Англии и вообще вмешиваться в дела светской власти, а, напротив, церковь и ее глава во всех гражданских делах должны подчиняться светским государям. Из этого он выводил право английского короля на конфискацию церковных имуществ. Английское правительство полностью поддержало Виклифа, взяв его под защиту, когда папа потребовал церковного суда над ним. На защиту Виклифа встали и лондонские горожане.

Почувствовав поддержку, Виклиф стал выступать более решительно, требуя коренной реформы церкви и отвергая ряд основных догматов католицизма: учение о «благодати» — особых сверхъестественных «дарах», которыми в отличие от мирян обладает духовенство и, которые дают ему силу спускать грехи и «спасать» души верующих; материальный характер так называемого пресуществления[1]. Он поставил под сомнение право папы и епископов давать грамоты на отпущение грехов (индульгенции), право на тайную исповедь и замахнулся на необходимость самого института папства. Единственным источником вероучения Виклиф провозгласил Священное писание и, чтобы сделать его доступным мирянам, содействовал переводу Библии с латинского языка на английский. Однако дальше требования церковной реформы Виклиф не шел. Он ни в чем не посягал на существующий социальный строй, напротив, призывал верующих к покорности светской власти, вилланов — к повиновению феодалам.

Взгляды Виклифа отражали главным образом интересы и настроения рыцарства и горожан. Придворные круги, сначала поддерживавшие Виклифа,

испугались его более поздних выступлений и отвернулись от него. В 1381 г. учение Виклифа было осуждено как еретическое.

Однако оно нашло широкий отклик в простом народе, так как еще до Виклифа народные проповедники, так называемые лолларды, или бедные священники, выступали против официальной церкви. Они сами вели полунищенское существование и понимали народные нужды. Поэтому, используя учение Виклифа, они придавали ему социальное звучание, соответствовавшее заветным стремлениям угнетенных народных масс. Лолларды выступали не только против официальной церкви и духовенства, но и против феодалов, королевских чиновников, обличая несправедливость существующего строя. Их излюбленная поговорка — «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто был тогда дворянином?» — выражала стремление народных масс к уравниванию сословий и ликвидации дворянских привилегий.

Среди народных проповедников особенно выделялся талантом и силой убеждения Джон Болл. Он требовал отменить церковную десятину, отобрать у церкви ее имущества и призывал не только к ликвидации сословного неравенства, но даже к общности имуществ. Он говорил: «...дела в Англии пойдут хорошо только тогда, когда все станет общим, когда не будет больше ни вассалов, ни лордов, когда лорды перестанут быть господами и будут такими же, как мы». Проповедь Джона Болла и других «бедных священников» выражала интересы крестьянства и городской бедноты.

4. Особенности политического развития Англии в XV в.

В социально-политическом развитии Англии XV в. также сталкиваются интересы слоев, связанных с развитием более прогрессивных форм производства, с интересами наиболее реакционных общественных групп. Джентри, крестьянская верхушка, горожане были заинтересованы в дальнейшем укреплении центральной власти для обеспечения нормальной хозяйственной деятельности, поддержания мира в стране, защиты их торговых интересов за границей, наконец, для подавления сопротивления эксплуатируемых. Иной была позиция «старого дворянства». Чем больше оно теряло свое экономическое значение, тем больше отстаивало свою политическую самостоятельность, препятствуя дальнейшей централизации государства. Магнаты Англии обладали значительным политическим весом на местах и располагали немалыми средствами и военной силой в виде своих свит — «ливрей», состоявших из наемников, родственников и вассалов. Феодалы, нередко с помощью прямого насилия, оказывали давление на выборы в палату общин, заполняя ее своими ставленниками и устраивая побоища во время заседаний. На протяжении всего XV в. эта наиболее консервативная часть феодалов вершила судьбы страны, ввергая ее в феодальные смуты и династические войны, которые опустошали Англию и тормозили ее прогрессивное развитие. Так крушение барщинного манора отозвалось в политической жизни Англии временным возрождением феодальной анархии и политическим господством феодальной аристократии.

В 1399 г. по инициативе баронов северных графств был низложен Ричард II, последний король из династии Плантагенетов. На престол бароны

посадили своего ставленника Генриха IV Ланкастера (1399-1413). Под давлением феодальной аристократии сын Генриха IV — Генрих V (1413-1422) возобновил Столетнюю войну, затухшую в конце XIV в.

После смерти Генриха V корона перешла к его сыну Генриху VI (1422-1461), которому в это время не было и года. Вокруг престола завязалась борьба крупнейших феодалов Англии за влияние и власть. Между тем война во Франции приняла для англичан плохой оборот: к 1453 г. из всех своих завоеваний Англия сохранила только Кале. Хозяйничанье феодальных кланов, непомерный рост налогов, расхищение казны и позорные неудачи в войне вызывали недовольство «нового дворянства», горожан и особенно крестьян.

Восстание Джека Кэда. В 1450 г. на юге Англии вспыхнуло большое народное восстание, центром которого стало графство Кент, возглавил восстание зажиточный фригольдер, опытный солдат Джек Кэд. Основную массу восставших составили крестьяне, к ним присоединилось много рыцарей и горожан. Во главе двадцатитысячной армии Джек Кэд двинулся на Лондон и вступил в столицу. В манифесте, изданном Кэдом, повстанцы требовали облегчения налогового бремени, прекращения вымогательства королевских чиновников, особенно при сборах податей, а также прекращения незаконного давления баронов на парламентских выборах. Они требовали возвращения королю расхищенных феодалами королевских доменов, устранения дурных королевских советников и включения в состав Королевского совета герцога Йоркского, в котором рыцарская верхушка повстанцев видела своего вождя и защитника. Среди этих, в основном политических, требований было лишь одно социального характера — требование отмены «рабочего законодательства». Оно свидетельствует об участии в восстании крестьянской бедноты, батраков и городских подмастерьев.

Восстание сначала развивалось успешно. Джек Кэд предал суду и казни самых ненавистных королевских советников, которых удалось захватить в Лондоне. Но затем городская верхушка, напуганная действиями повстанцев и лондонской бедноты, взялась за оружие и с помощью гарнизона Тауэра вытеснила повстанцев из города. Король обещал повстанцам полную амнистию, если они разойдутся. Кэд поверил этому обещанию и, видя колебания своих сторонников, распустил отряды. После этого началась жестокая расправа с участниками восстания. Кэд был схвачен и казнен. Разрозненные попытки восстания в других графствах были быстро подавлены.

Война Алой и Белой розы. Разгром восстания Кэда заставил богатых горожан и «новое дворянство» оставить надежду на широкое народное движение как на средство борьбы с господством крупных феодалов. Теперь они, возлагая свои упования на смену династии, в противовес Ланкастерам стали поддерживать Йорков — родственников королевского дома, также крупнейших землевладельцев Англии. С другой стороны, окончание в 1453 г. Столетней войны значительно сократило доходы феодальной аристократии от оплаты их военных услуг, пожалованных им во Франции земель, выкупов

за пленных, мародерства. Теперь ее внимание больше, чем прежде, сосредоточилось на борьбе за власть и доходы при дворе.

Поводом для феодальных междоусобиц явились династические споры Ланкастеров и Йорков. В 1455 г. между сторонниками враждебных династий произошло военное столкновение. Оно положило начало долгой междоусобной войне, получившей в истории название войны Алой и Белой розы (в гербе Ланкастеров была алая роза, а в гербе Йорков — белая). За Ланкастеров стояло большинство крупных феодалов, особенно феодалы Севера, привыкшие к политической самостоятельности и обладавшие большими вооруженными силами. Йорков поддерживали крупные феодалы экономически более развитого юго-востока, их родственники и вассалы, оттесненные от власти Ланкастерами. Вместе с тем их поддерживало большинство джентри и горожан, стремившихся к установлению сильной королевской власти. Впрочем, для многих феодалов эта война была лишь предлогом для разбоя и усиления своей политической самостоятельности. Они легко переходили из одного лагеря в другой.

После ряда кровавых столкновений Эдуард Йоркский занял Лондон и был провозглашен королем. Воцарение Эдуарда IV (1461—1483) не прекратило войну Алой и Белой розы, которая неоднократно возобновлялась во время его правления. Эдуард IV жестоко расправлялся с баронами-ланкастерцами. Но он не доверял и баронам-йоркистам, приближал к себе людей из среднего слоя рыцарства, раздавал им титулы и владения. Недоверчиво относился Эдуард IV также и к парламенту, выборы в который по-прежнему находились под влиянием феодальной аристократии. Он старался по возможности обходиться без парламента, особенно в финансовых вопросах, предпочитая прибегать к так называемым добровольным дарам и принудительным займам с городов. Он заставил парламент предоставить ему пожизненное право сбора таможенных пошлин. Все это давало королю значительные средства, делало лишним созыв парламента и развязывало ему руки в вопросах управления и законодательства. Эдуард IV проводил политику поощрения отечественной торговли и промышленности. Он запретил вывоз из Англии наиболее ценных сортов шерсти, стимулируя этим развитие ткачества, принимал меры для обеспечения вывоза английских сукон в Нидерланды и Италию без посредничества ганзейских и венецианских купцов.

После смерти Эдуарда IV его брат Ричард, по приказу которого были убиты в Тауэре законные наследники престола — малолетние сыновья Эдуарда, захватил власть и стал править под именем Ричарда III (1483—1485). Против него объединились ланкастерцы и часть йоркистских баронов. Они подняли восстание и выдвинули нового претендента на престол — Генриха Тюдора, представителя младшей ветви Ланкастерского дома. В 1485 г. в битве при Босворте Ричард III потерпел поражение и был убит. Этой битвой закончилась война Алой и Белой розы. Генрих Тюдор под именем Генриха VII был провозглашен королем Англии.

Генрих VII — основатель новой династии Тюдоров (1485—1603) — продолжал последовательную борьбу с самостоятельностью баронов, за укрепление королевской власти. Ему тем легче было проводить эту политику, что война Алой и Белой розы привела к гибели значительной части феодальной аристократии и подняла социальное значение нового дворянства и зарождавшихся буржуазных элементов, заинтересованных в усилении королевской власти. В конце XV в. создаются уже предпосылки для перехода Англии к новой форме государства — абсолютизму.

Предпосылки складывания английской нации. В Англии XIII—XV вв. продолжался процесс развития английской народности, послужившей основой формирования будущей английской нации. В этот период определяется в основном языковая и территориальная общность англичан.

По мере складывания в Англии единого национального рынка с центром в Лондоне и централизации феодального государства языковые различия, имевшие место в XI—XII вв., постепенно стираются. На основе лондонского среднеанглийского диалекта, обогащенного влиянием французского и латинского языков, складывается общеанглийский язык. В XIV в. он становится общеупотребительным, разговорным и литературным языком во всех слоях общества. С 1362 г. на нем ведутся прения в парламенте и официальные судебные разбирательства. На английский язык по инициативе Виклифа переводится Библия, на нем во второй половине XIV в. пишут свои поэмы крестьянский поэт Уильям Лэнгленд и один из создателей литературного английского языка, автор знаменитых «Кентерберийских рассказов» поэт Джеффри Чосер.

Тема 3.3. Германия в XIV—XV вв.

План

- 1. Политическое развитие Священной Римской империи в XIV—XV вв.**
- 2. Социально-экономическое развитие немецких земель в XIV—XV вв.**

1. Политическое развитие Священной Римской империи в XIV—XV вв.

К началу XIV в. Священная Римская империя оставалась крупнейшим политическим образованием в Западной Европе, лишенным, однако, внутреннего единства. Ядро империи составляли старонемецкие земли, а также обширные области за Эльбой и по Дунаю, которые были германизированы в ходе колонизации. Кроме того, в империю входили лишь формально связанные с ней, фактически автономные государства Северной Италии и Тосканы, королевство Чехия. В XIV-XV вв. империя не имела твердо закрепленных границ, они изменялись в результате войн, династических браков, перемен в вассальных связях. Четких устойчивых границ не было и внутри империи: даже крупнейшие княжества еще не сложились в замкнутые компактные территории, их пределы зависели от совокупности личных владельческих и верховных прав властителя.

Перемены в этой ситуации свершались медленно и стали особенно заметны лишь во второй половине XV в.

Образование и развитие Швейцарского союза. В 1291 г. на территории империи было положено начало новому политическому образованию — Швейцарскому союзу. Свободные общины трех альпийских «лесных земель» — Швица, Ури и Унтервальдена — объединились против попыток Габсбургов подчинить их и овладеть важным торговым путем, который через перевал Санкт-Готхардт (Сен-Готард) связывал Германию и Италию. В 1315 г. швейцарская пехота, состоявшая из крестьян, наголову разбила рыцарскую конницу Габсбургов у горы Моргартен (южнее Цюрихского озера). К союзу, сумевшему защитить свою независимость, в середине XIV в. примкнули пять «городских» округов (кантонов), в том числе Люцерн, Цюрих, Берн. Понадобились, однако, долгая борьба и новые военные победы швейцарцев, прежде чем конфедерация окрепла, и тогда ее участники решили добиться фактической автономии от империи. Это произошло после разгрома членами «вечного союза» своих противников в Швабской войне 1499 г. Международное признание своей независимости Швейцария получила, однако, лишь в 1648 г. по Вестфальскому миру, подводившему итоги Тридцатилетней войны в Европе.

В конце XV — начале XVI в. Швейцарский союз пополнился еще пятью новыми членами, включая город Базель, и стал конфедерацией 13 небольших государств-кантонов. К ним примыкали «союзные земли», имевшие более ограниченный правовой статус, а также территории, подвластные союзу, которые контролировались одним или сразу несколькими кантонами. Постоянным органов центрального управления в конфедерации не было, верховной властью считался тагзатцунг — периодические собрания представителей кантонов, на которых шел обмен мнениями и по возможности вырабатывались общие позиции. Союзные земли на этих совещаниях своего голоса не имели. Каждый из кантонов обладал правом на собственную внутреннюю и внешнюю политику, но давал обязательство не действовать во вред общим интересам конфедерации.

Характерной чертой политического развития Германии XIV—XV вв. стали дальнейшие успехи князей, стремившихся не допустить усиления императорской власти, продолжить централизацию в рамках отдельных территорий. Этим целям служило и избрание князьями на королевский престол малозначительного владетеля графства Люксембург Генриха VII (1308—1313). Идя по пути, уже проложенному его предшественниками, — пути династической политики и укрепления своих родовых владений как основы для дальнейшего усиления власти короля, — он женил сына на наследнице короля Чехии, обеспечив своим потомкам владение этой страной. С другой стороны, он обратился к старым традициям немецких государей и совершил поход в Италию, где впервые после векового перерыва был коронован в Риме императором.

Видя в усилении Люксембургов угрозу своим интересам, князья после смерти Генриха VII избрали на престол одной своей группой австрийского

герцога Фридриха Красивого из рода Габсбургов, другой — герцога Людвиг Баварского (1314—1347) из рода Виттельсбахов. Людвиг в вооруженной борьбе победил соперника. С его именем связан последний крупный акт многовековой борьбы между империей и папством. Выступив против политических и финансовых притязаний папы Иоанна XXII в Германии, Людвиг получил поддержку широкой антипапской оппозиции, главную силу которой составляли немецкое бюргерство и часть клира. В числе главных идеологов движения были нашедшие убежище в Германии ярые противники светской власти папы Марсилиус Падуанский и Вильям Оккам. Папа отлучил Людвиг от церкви и наложил интердикт на его владения, тот в свою очередь объявил папу еретиком, совершил в 1327—1330 гг. поход в Италию, провозгласил новым папой своего ставленника и короновался императором. Немецкие князья, вовсе не желавшие чрезмерного усиления Людвиг Баварского, воспользовались остротой борьбы и еще при жизни Людвиг избрали на германский трон всегда ладившего с церковью моравского маркграфа (а вскоре и чешского короля) Карла, представителя династии Люксембургов.

Карл IV (1346-1378) правил империей, соблюдая прочный союз с авиньонскими папами и заботясь прежде всего об экономическом и культурном процветании Чехии, ресурсы которой служили ему главной опорой в политике. Именно в этот период политическая раздробленность Германии получила правовое закрепление в изданной императором «Золотой булле» (1356). Она оставалась ядром имперского законодательства до упразднения Священной Римской империи в 1806 г. Булла подтверждала сложившийся порядок избрания немецкого короля, «долженствующего стать императором». Коллегия выборщиков состояла из семи князей-курфюрстов: трех церковных (архиепископы Майнцский, Кёльнский и Трирский) и четырех светских (король Чешский, пфальцграф Рейнский, герцог Саксонский, маркграф Бранденбургский). Избрание должно было проводиться по инициативе архиепископа Майнца во Франкфурте-на-Майне большинством голосов. При избрании короля Германии (его называют «королем римским») одобрения папы не требовалось — оно признавалось необходимым только при коронации императором. Булла санкционировала не только старые, но и новые привилегии князей. Они закрепили свое право на высший суд, разработку горных недр, чеканку монеты, взимание таможенных пошлин. Социальная направленность буллы недвусмысленно сказалась в содержащемся в ней разрешении феодалам вести «законно объявленные» частные войны (кроме выступлений вассалов против своих сеньоров), в то время как союзы между городами были названы «заговорами» и категорически запрещены. В целом булла не столько привела к существенному усилению позиций курфюрстов, сколько зафиксировала их исторически сложившиеся привилегии, включая право избирать государя. Карл IV, однако, обеспечил буллой отстранение от участия в коллегии курфюрстов соперников своей династии — герцогов Баварии и Австрии, закрепил привилегированные позиции Чехии.

Более чем тридцатилетнее правление Карла IV, лишь ненадолго усилившее центральную власть, заложило традиции дальнейшей политики Люксембургской династии, которая уделяла преимущественное внимание своим наследственным землям и шла ради этого на очередные уступки князьям и римской курии. Император Сигизмунд (1410—1437), мечтавший о великой державе под главенством Люксембургов, пытался упрочить свою власть, участвуя в восстановлении единства церкви, гонениях на еретиков, строя планы большой коалиции европейских государств против растущей турецкой опасности. Вместе с папой он организовывал крестовые походы против чешских гуситов, но все они закончились неудачей, и лишь церковный компромисс с умеренным крылом гуситов позволил Сигизмунду к концу жизни получить признание в качестве чешского короля.

После прекращения Люксембургской династии императорская власть в 1438 г. на века перешла к Габсбургам. Фактическая наследственность династии императоров (при сохранявшемся порядке выборов) уже не представляла серьезной опасности для князей, закрепивших свои позиции. Упадок империи усиливался одновременно с кризисом другого универсалистского учреждения средневековья — папства. Особое бессилие центральной власти в Германии было характерно для более чем полувекового правления Фридриха III (1440—1493). Это время ознаменовалось множеством княжеских междоусобиц, сопровождавшихся грабежами городов и опустошением целых районов. В сельской местности Небывалых даже для Германии масштабов достиг разбой на дорогах, который вели рыцари, ощущавшие свою безнаказанность. Попытки Фридриха III провозглашать запреты на нарушение мира и порядка оказались безрезультатными: у императора не было реальной силы, чтобы заставить выполнять свои предписания.

Долгое время и во внешней политике вялого и нерешительного Фридриха III преследовали неудачи. Частый союзник империи Тевтонский орден, потерпевший тяжелое поражение от Польши, оказался в вассальной зависимости от ее короля (1466). Датский король присоединил к своим владениям входившие в состав империи Шлезвиг и Гольштейн (1460), Франция — числившийся за империей Прованс (1481), а венгерский король Матвэй Корвин отобрал у императора даже его родовые владения — Верхнюю и Нижнюю Австрию и Штирию. Лишь к концу правления Фридриха III положение его династии значительно окрепло. Австрийские земли удалось вернуть. Распад Бургундского государства и династический брак сына Фридриха III Максимилиана с Марией Бургундской принесли Габсбургам Нидерланды, а осуществленный уже после кончины старого правителя брак его внука с наследницей испанских королей позволил Габсбургам стать в XVI в. самой могущественной династией в Европе.

Положение императорской и княжеской власти в Германии наложило отпечаток и на развитие в XIV—XV вв. немецких сословно-представительных органов. Выросшее из первоначального совета императорских вассалов собрание представителей «чинов», входивших в

империю, в конце XV в. получило название рейхстага. Эти имперские собрания включали представительство курфюрстов, других духовных и светских князей и господ, посланцев крупнейших имперских и вольных городов. Рыцарство, потерявшее с развитием огнестрельного оружия и наемничества былое военное значение, не имело самостоятельного корпоративного представительства, духовенство не было выделено в особую курию, а города, и без того представленные крайне неполно, обсуждали лишь вопросы, затрагивавшие их непосредственные интересы.

Рейхстаг являлся органом с совещательными правами, служившим, прежде всего, выяснению и максимальному согласованию мнений различных общественных групп, за которыми стояла та или иная сила. Никакого специального учреждения для воплощения и жизни решений рейхстага в Германии не было, как не было и необходимых для этих целей общеимперского суда и общеимперской казны.

Большее сходство с представительными органами других стран имели ландтаги — сложившиеся в ряде княжеств собрания представителей дворянства, духовенства, княжеских городов. Действовали они, однако, еще нерегулярно. Будучи носителями региональной централизации при имперской раздробленности, князья, особенно во второй половине XV в., заметно расширили и упорядочили органы территориального управления, организацию финансово-делового дела, административное деление княжеств на округа, усовершенствовали территориальное законодательство. Княжеские резиденции постепенно становятся столицами: таковы Мюнхен в Баварии, Штутгарт в Вюртемберге, Гейдельберг в Пфальце.

2. Социально-экономическое развитие немецких земель в XIV—XV вв.

Развитие городов в XIV—XV вв. Для средневековой Германии XIV и XV столетия стали временем наивысшего расцвета ее городов, бурного роста ремесел и торговли, особенно посреднической между разными странами. Всему этому способствовало выгодное положение страны на путях международной торговли.

Уже на рубеже XIII и XIV вв. в Германии было около 3500 городов, в которых проживала примерно пятая часть населения, составлявшего 13—15 млн. человек. В подавляющем большинстве это были мелкие города разного типа с числом жителей до тысячи человек, тесно связанные со своим аграрным окружением. Их рынки привлекали крестьян из близлежащих деревень, расположенных в радиусе 10—30 км. Такое расстояние позволяло за день побывать на рынке и вернуться домой. Сеть этих городков покрывала всю страну, но в Германии сложились и три зоны преимущественной концентрации городской жизни, где находилась, основная масса более крупных городов, с 3—10 тыс. жителей, а также самые значительные немецкие города с населением свыше 20 тыс. человек — Кёльн, Страсбург, Любек, Нюрнберг.

Первая из этих зон — северогерманская, в нее входили Бремен, Гамбург, Любек, Висмар, Росток, Штральзунд и другие портовые города,

расположенные на побережье Северного и Балтийского морей либо на речных путях к ним. Они энергично включились и европейскую транзитную торговлю на разветвленных морских трассах между Лондоном и Новгородом, Брюгге и Бергеном. Вторая зона — южногерманская: Аугсбург, Нюрнберг, Ульм, Регенсбург, а также Базель, Вена и другие города. Многие из них вели оживленную торговлю с землями по Дунаю, но большинство ориентировалось прежде всего на Италию: они были связаны через альпийские горные проходы с Миланом, славившимся ярмарками, и с Венецией и Генуей — двумя главными посредниками в торговле Западной Европы с Левантом. Третью зону образовали многочисленные города вдоль Рейна, от Кёльна до Страсбурга. Через них шел торговый обмен юга и севера не только Германии, но в значительной мере и Европы в целом. Общий уровень развития внутригерманской торговли был достаточно высок, хотя тяготение отдельных регионов друг к другу оставалось по-прежнему слабым.

Собственное производство в немецких городах было рассчитано преимущественно на местные рынки. Сложились, однако, и такие его центры, продукция которых ценилась по всей стране и за ее пределами. Это были прежде всего южногерманские города, где изготавливались добротные льняные и хлопчатобумажные ткани, в том числе бумазая. На них существовал постоянный спрос в Италии и Испании. В этих городах занимались шелкоткачеством, использовали привозной сырец, достигли высокого мастерства в обработке металлов. Общевропейской славой пользовались изделия из металла нюрнбергских ремесленников — от художественного питья и ювелирных изделий, разнообразных видов оружия, церковных колоколов и свечильников до наперстков, ножниц, циркулей, клещей и прочего трудового инструментария. Как и в других западноевропейских странах, главной отраслью производства, поставлявшей товары на экспорт, было сукноделие. Грубые сукна изготавливались по всей Германии для собственных нужд, обычно из местной шерсти и с использованием местных красителей. Вывозили из Германии тонкое сукно. Им особенно знаменит был Кёльн, пытавшийся соперничать даже с фламандскими сукноделами.

Во второй половине XIV в. ремесленники работали в крупных городах Германии более чем в 50 отраслях производства, и эта дифференциация позже еще возросла. В ряде отраслей — в нюрнбергской металлообработке, кёльнском сукноделии — появилась специализация по двум десяткам профессий. В результате складывалась одна из предпосылок для развития немецкого мануфактурного производства.

К середине XV в. усилились новые веяния в хозяйственной и социальной жизни немецкого города. Хотя цеховой строй продолжал господствовать, явными стали симптомы его начавшегося разложения: «замыкание цеха», появление «вечных подмастерьев», нарастающая имущественная поляризация в среде цеховых ремесленников. Одновременно в немецком текстильном производстве, главным образом в сельских районах, где труд был дешевле и отсутствовала цеховая регламентация, начала укореняться

«система раздач». Это была форма рассеянной мануфактуры, при которой купец-предприниматель, организатор расчлененного на операции процесса производства, скупал сырье оптом на дальних рынках, ссужал его работавшим на дому изготовителям пряжи и изделий-полуфабрикатов, доводил изделие до полной готовности в городе у опытных специалистов-ремесленников и затем сбывал продукцию снова на дальних рынках. Основными районами, где распространялась «система раздач», стали Южная Германия, область Северного Рейна с центром в Кёльне, Саксония, которая в XV в. по сукноделию превратилась в одну из передовых земель страны.

Особое место в экономике Германии принадлежало горному делу, в котором немецкие мастера занимали ведущие позиции в Европе XIV—XV вв. Здесь также зарождались элементы раннекапиталистических отношений. Углубление шахт, удлинение штолен требовали крупных затрат на оборудование, в том числе для откачки воды и очистки воздуха. Необходимый капитал стали обеспечивать паевыми взносами состоятельных горожан, богатых монастырей, торговых фирм, получавших долю прибыли, соразмерную их вкладу. Феодалы — князья и император — нередко закладывали горные промыслы торговым фирмам, а те сдавали их на откуп предпринимателям или сами вторгались в организацию производства. Наряду с горняками, работавшими в шахтах самостоятельно, на свой страх и риск, к концу XV в. появились уже тысячи наемных рабочих.

Зарождение мануфактурного производства в централизованной форме происходило главным образом в бурно развивавшейся новой отрасли — книгопечатании, где важную роль играла система последовательных операций по изготовлению книги. К концу XV и в немецких землях было около 50 центров книгопечатания, в том числе несколько крупных.

Дальнейший рост немецкой экономики и зарождение в ряде отраслей производства новых форм его организации встречали не своим путем серьезные преграды. Главными из них были неравномерность хозяйственного развития отдельных регионов и их слабая взаимосвязь друг с другом, политическая раздробленность страны. Ее характерными проявлениями были отсутствие единой системы монет, мер и весов, небезопасность дорог и многочисленность таможенных поборов на торговых путях. На рубеже XIV—XV в. различные монеты чеканились в Германии в 500 местах, а таможен только на Рейне было свыше 60.

Слабость центральной власти и засилье феодального произвола приводили к тому, что города были вынуждены сами защищать свои интересы в Германии и за ее пределами, объединяясь в союзы. Самым крупным из них в истории средневековой Европы стало северогерманское торговое «товарищество» — Ганза. Возникнув в XII в. как объединение отдельных купцов и их групп, она с конца XIII в. до середины XIV в. превратилась в союз городов и просуществовала более 500 лет, формально — до 1669 г. Ее расцвет приходится на XIV — середину XV в., когда она объединяла около 160 городов.

Целью Ганзы была активная посредническая торговля, обеспечение безопасности торговых путей, гарантии привилегий, а по возможности — и монопольных прав своих купцов за границей, поддержание стабильности политического строя в городах союза, где у власти стояла, как правило, богатая патрицианская верхушка. Ганза обеспечивала взаимную защиту и регулирование судебных, таможенных, монетных дел. Она осуществляла свои задачи всеми доступными ей средствами — от дипломатических до применения против соперников или непокорных экономической блокады и военных действий. Ее ядро составляли уже упоминавшиеся города северной зоны, самыми влиятельными из них были Любек и Гамбург. Ганза господствовала в торговле между Нидерландами, Англией, Скандинавскими странами и Русью, имела свои торговые конторы, жилые дома, складские помещения в Новгороде, Стокгольме, Бергене, Лондоне, Бресте и других городах, но ее купцы бывали и в Бордо, Лиссабоне, Севилье.

Флотилии ганзейских кораблей, бравших на борт до 200—300 т груза, а позже и больше (трехмачтовые парусники в XV в. — свыше 400 т), везли из Прибалтики, Скандинавии и русских земель зерно, рыбу, соль, руду, лес, изделия из дерева, но также мед, воск, сало, меха, а в обратном направлении — западноевропейские ремесленные изделия из металла, серебро, высококачественное сукно, вина, предметы роскоши, а также пряности, проделавшие путь от самого Леванта. В отличие от торговли южногерманских городов товары собственного производства занимали в ганзейской торговле мало места.

Внешнюю и внутреннюю политику Ганзы определяли не бюргерские и тем более не плебейские слои ее городов. Плебс составлял в них свыше половины населения, но был бесправен. Власть крепко держал в руках патрициат, десятая доля городских жителей. Со второй половины XIV в. представители городов Ганзы собирались на регулярные съезды, решения которых были обязательны для всех ее членов. Подобно государству, Ганза не раз вела войны; так, с помощью Швеции и других союзников она энергично воевала с Данией, победила и по миру 1370 г. не только подтвердила привилегии своих купцов, но и получила во владение ряд крепостей на юге Скандинавского полуострова.

Каждый ганзейский город был автономен в ведении своих торговых и политических дел, но не должен был наносить ущерб всему союзу. У Ганзы не было единого управления, кассы, флота; усилия объединялись лишь для общих, выгодных всем его участникам конкретных задач. Нередко они определялись интересами одной из групп городов, входивших в союз. В результате для какой-либо торговой операции либо для военных целей могла быть отправлена флотилия и в несколько кораблей, и в несколько их десятков. Всего у Ганзы было около тысячи судов. Ее члены вели также ближнюю и дальнюю сухопутную торговлю.

Ганза играла двойственную роль: она способствовала развитию посреднической торговли на огромной территории, но душила конкуренцию купцов других стран; она отстаивала коммунальные свободы своих членов от

притязаний феодальных властителей, но и подавляла внутригородские выступления против засилья патрициата; она объединяла города Северной Германии, но и отъединяла их от интересов других частей страны.

К середине XV в. Ганза испытывает растущее давление со стороны конкурентов, получающих поддержку от своих государств, в то время как ганзейцы ее не имели. Их теснят голландские, затем и английские купцы. Ослабевают значение ряда старых центров союза. В торговле с Новгородом ведущее положение переходит от Любека к городам Ливонии, усиление Польши повышает значение Данцига. Новая ситуация обостряет внутренние противоречия в Ганзе. Ее удельный вес в транзитной торговле снижается, но упадок союза относителен, он еще остается большой силой.

Ганза была не единственным крупным городским союзом в Германии. Во второй половине XIV в. возникают Швабский и Рейнский союзы, объединившиеся в 1381 г. В эту коалицию входило более 50 городов. Их целью было обеспечение независимости от князей, защита от нападений рыцарей. Активизируется и рыцарство, особенно в Юго-Западной Германии, создающее ряд собственных сословных объединений — Общество Льва, Общество шута святого Йоргена, Общество святого Вильгельма. Стремясь расширить свое влияние, рыцарские союзы вступают в борьбу с городскими. Этим воспользовались князья, которых не устраивало усиление ни рыцарей, ни городов. Когда члены Швабского союза начали вооруженный конфликт с герцогом Баварским, спровоцированный претензиями герцога, князья в 1388 г. разгромили объединение сначала швабских, затем рейнских городов. Попытка городов подкрепить свою роль военной силой, чтобы добиться возрастания своего политического влияния в империи, провалилась. Вместе с тем их экономическое значение продолжало повышаться.

Оппозиционные движения в городах. Оппозиционные движения XIV—XV вв. особой остротой отличались в городах. Наиболее яркие вспышки внутригородской борьбы в этот период были связаны с выступлениями горожан против засилья патрициата. Цехи победили в Кёльне, Аугсбурге и ряде других городов, но, как правило, потерпели поражение там, где ведущую роль в городской экономике играло не ремесленное производство, а торговля на экспорт, обеспечивавшая силу купечества. Так произошло в ганзейских городах.

Оппозиционные настроения немецкого бюргерства по отношению к католической церкви, ее учению и учреждениям нашли выражение не только в поддержке Людвига Баварского в пору его конфликта с папством, но и в распространении учений крупнейших немецких мистиков XIV в. — Эккарта, Таулера и Сузы и их последователей. Основной идеей мистиков было утверждение возможности слияния с Богом человеческой души, содержащей «ис-корку» божественной природы. Опасность этого учения для церкви состояла в том, что мистики переносили главный акцент в трактовке отношения человека к Богу с внешних форм католического культа на выработку индивидуальной внутренней религиозности, а тем самым на повышение самостоятельной роли индивида.

Под воздействием мистики в Нидерландах, а в XV в. — в городской среде Германии распространилось движение «нового благочестия». Его участники, «братья общей жизни», критиковали нравственный упадок клира и бесплодность схоластики для практической морали, усматривали проявление подлинного благочестия и высокой нравственности не в уходе в монастырь, а в каждодневной добросовестной мирской деятельности, в постоянном труде и духовном совершенствовании. Поселяясь общинами, они стремились очистить себя и общество религиозным просвещением, заботились о помощи больным, развитии системы городских школ, переписке книг, а позже — о книгопечатании.

Одним из наиболее ярких проявлений бюргерской оппозиционности порядкам в Германии стал популярный в XV — начале XVI в. политический памфлет «Реформация императора Сигизмунда» (1439). В нем предлагалось провести коренные преобразования церковного и светского строя. Речь шла о запрете феодальных войн, подчинении своеволия князей твердому контролю городов, на основе которого Германия должна была пойти по пути централизованного государства. Намечалось создание единого судопроизводства, единой монетной системы, единообразия таможенных сборов. Задачи церкви усматривались в поддержке светской власти, которой она должна была подчиняться. Намечалось сокращение числа монахов и отстранение их от светских дел. Ради улучшения ремесла и торговли анонимный автор требовал упразднить цеховые ограничения и владеющие крупными капиталами торгово-ростовщические компании, которые обвинялись в насаждении «монопольей». К числу наиболее важных требований памфлета, утверждавшего необходимость для проведения реформ активных действий «простых», «малых» людей, относились предложения о возврате захваченных феодалами общинных угодий, упразднении ряда повинностей и отмене наследственной личной зависимости крестьян. Проведение реформ следовало, по мнению автора, доверить только светским лицам.

Немецкая деревня в XIV—XV вв. Рост товарно-денежных отношений в это время сказался на переменах не только в городе, но и в сельском хозяйстве Германии, где и крестьяне, и феодалы все больше втягивались в связи с рынком. Бурное развитие городов отозвалось в деревне рядом неблагоприятных последствий, в том числе характерными для XIV—XV вв. так называемыми «ножницами цен»: высокими ценами на ремесленные изделия и низкими на сельскохозяйственные продукты, особенно на зерно. Эту ситуацию обострили эпидемия чумы 40-х годов XIV в., унесшая большие массы деревенского населения, войны, голодовки неурожайных лет. Результатом демографического кризиса стали обезлюдение многих ранее обжитых мест, сокращение пахотных площадей, наступление леса и болот на заброшенные поля. В целом в Германии исчезла почти пятая часть прежних поселений, особенно хуторов и небольших деревень. Процесс «запустения» оказался связан, однако, и с попытками повысить интенсивность сельского хозяйства, вызванными нехваткой рабочих рук. XIV—XV вв. стали для

Германии временем максимального распространения виноградарства, возрастания удельного веса животноводства, в том числе овцеводства и стойлового разведения скота, расширения площадей под садово-ягодными и техническими культурами, из которых особенно большое внимание уделялось посевам льна и конопли.

В аграрном строе немецкой деревни этого времени наметились две основные тенденции развития, различие которых нарастало к концу XV в. Одна характерна для территорий к западу от Эльбы, другая — к востоку от нее, для ранее колонизированных земель.

Восточнее Эльбы было много свободных крестьян, обеспеченных крупными наделами еще со времен переселения и владевших двумя третями пахотной земли; остальное принадлежало главным образом рыцарям. В XIV — середине XV в. крестьянство сохраняло здесь свое более благоприятное положение, однако ситуация начала меняться, когда увеличились потребности в аграрной продукции в местных городах, а затем все больше стал расти спрос на хлеб для вывоза его за границу, преимущественно в Нидерланды. Стремясь повысить доходность своих владений, рыцарство пыталось расширить их, сгоняя крестьян с их наделов и используя на барщине в господских имениях. В XV в. это явление еще не стало массовым, однако новая тенденция обозначилась к началу XVI в. уже достаточно ясно.

Западнее Эльбы процесс перестройки вотчины пошел иначе — к частичному или полному отказу от господской запашки. Доходы сеньоров здесь складывались в основном из рент, полученных за счет поземельной, судебной, личной зависимости крестьян. Части крестьянства удалось улучшить свое положение, закрепив на договорной основе объемы и сроки повинностей, но возросло и число крестьян, имевших лишь половину или четверть надела, а то и вовсе утративших его. В Северо-Западной Германии сложился значительный слой свободных зажиточных крестьян-мейеров. Феодалы сдавали им в наследственную аренду целиком или долями земли бывшего домена. Хозяествуя на больших участках в 20—40 га пашни, мейеры платили крупные чинши и в свою очередь использовали за плату труд малоземельных коттеров, участки которых не превышали 0,1 га, и безземельных крестьян, число которых с развитием денежных отношений продолжало расти.

В Юго-Западной Германии, где господствовала «чистая сеньория», преобладали мелкие крестьянские хозяйства. Здесь особенно далеко зашли имущественное расслоение и задолженность крестьян, они оказались наименее защищенными от стремления светских и духовных феодалов повысить доходы за их счет. Именно здесь раньше и в большей мере, чем в других областях Германии, началось разностороннее наступление феодалов на права крестьян: захват крестьянских общинных угодий для интенсификации своего животноводства, особенно овцеводства; стремление увеличить барщину для расширения господских посевов технических культур, пользующихся спросом; пересмотр к ущербу крестьян-арендаторов условий и сроков арендных договоров; использование личных и судебных

повинностей крестьян для возвращения их к состоянию всесторонней наследственной зависимости. Результатом этих процессов было обострение противоречий в сельской местности и усиление борьбы крестьян против феодального гнета.

Крестьянские движения в XIV -XV вв. Специфика противоречий социально-политической жизни немецкого общества этого времени обусловила многообразие крестьянских выступлений. В 1336—1339 гг. в Юго-Западной Германии и ряде других районов произошли вспышки движения, направленного против городских ростовщиков, дававших ссуды и крестьянам. В начале XV в. крестьяне непосредственно граничившей с Швейцарским союзом области Аппенцелль вели военные действия против аббата Санкт-Галлена, поддержанного феодалами Австрии и Вюртемберга, добиваясь включения в Швейцарский союз и свободы от притязаний господ. Несмотря на поражение, крестьяне упорно держались своих намерений. Аппенцелль вошел в состав Швейцарии в 1513 г.

С 1439 по 1445 г. крестьянские отряды вели партизанские действия против вторгшихся в пору Столетней войны из Франции в Юго-Западную Германию разноплеменных конных отрядов наемников — арманьяков. Грабежи и бесчинства чужеземных захватчиков вызвали всеобщее возмущение, и группы крестьян по 20—40 человек, устраивая засады, неожиданно нападали на арманьяков на дорогах, лишали регулярного снабжения и в конце концов вынудили их убраться из Германии. Именно в эту пору в борьбе с арманьяками крестьяне впервые подняли знамя с изображением Богородицы и крестьянского башмака с длинными шнурами. «Башмак» стал символом самостоятельных действий крестьян. Они начали постоянно обращаться к нему в своей дальнейшей антифеодальной борьбе, в том числе и в 1460 г., когда под знаменем «Башмака» восстали крестьяне земли Гегау в Юго-Западной Германии.

Тема 3.4. Италия в XIV—XV вв.

План

- 1. Политические структуры**
- 2. Социально-экономическое развитие государств Аппенинского полуострова**

1. Политические структуры

В XIV-XV вв. Италия оставалась политически раздробленной страной с различными формами государственности. Южная Италия и о. Сицилия входили в состав созданного норманнами Сицилийского королевства (в XV в. оно называлось Королевством обеих Сицилии), развивавшегося по пути централизованной монархии. Значительную часть Средней Италии занимало теократическое государство римских пап — Папская область. В Северной и Средней Италии, преимущественно в Ломбардии и Тоскане, сложилось несколько десятков независимых городов-республик. В XIII в. таких

небольших государств, включавших город и его дистретто, было 70, но в XIV и особенно в XV в. их число резко сократилось, поскольку многие городские коммуны были подчинены более могущественными соседями. Менялась и форма их государственного устройства — республики превращались в синьории, а последние — в принципаты. В северо-западной части Апеннинского полуострова существовали независимые территории с традиционной феодальной системой управления: княжество Пьемонт, герцогство Савойя и некоторые другие.

Во второй половине XIII в. система управления в коммунах значительно усложнилась. Там, где пополанство в борьбе с нобилями одержало победу, — во Флоренции, Лукке, Сьене, Пизе, Болонье, Милане и других городах — наряду с Большим советом, или Советом коммуны, возник Совет народа, в котором были представлены, в отличие от первого, только пополаны, прежде всего цеховые старшины. Во главе городского ополчения стал теперь капитан народа, которого избирали на один год из рыцарей-чужеземцев, а его функции во многом переплетались с полномочиями подеста (в некоторых коммунах капитан народа заменил собой подеста). Таким образом, внутри «большой коммуны» стала складываться «малая коммуна», отражавшая интересы верхушки пополанства. Новая форма правления обеспечила на какое-то время баланс политических сил, но не привела к прочной социальной устойчивости в городе. Наиболее влиятельные аристократические фамилии не оставили надежд на утверждение всей полноты власти в рамках «большой коммуны». В этой связи начала возрастать роль капитана народа, командовавшего цеховым ополчением, как гаранта интересов пополанства. Это стало шагом на пути к установлению синьории — новой формы правления, утвердившейся в конце XIII — начале XIV в. во многих городах Северной и Средней Италии.

Так, в Милане, Падуе, Мантуе, Вероне капитаны народа были провозглашены «синьорами» (т.е. правителями, господами) города, власть которых не ограничивалась определенным сроком, а в первой половине XIV в. стала наследственной. Синьор не упразднял советы и магистратуры коммуны, но последовательно сводил на нет их роль в жизни города, становясь полновластным единоличным правителем. Он присваивал себе право назначать подеста, который теперь был ответствен только перед ним, ставил некоторые преграды могуществу нобилей (например, в Вероне им шло строжайше запрещено строить замки в контадо), заигрывал с цехами, и главное — командуя городской армией, начал вести активную завоевательную политику в округе, подчиняя мелкие города своей власти. Такую политику проводила, в частности, синьория рода Скалигеров, утвердившаяся в Вероне. В XIV в. Скалигерам удалось подчинить ряд городов Ломбардии. Но гибеллинской Вероне противостоял здесь всегда державшийся гвельфской ориентации Милан, претендовавший на господство в Северной Италии. Война Вероны с Миланом окончилась ее поражением, в 1387 г. она была включена в состав Миланского герцогства. В начале XV в. Верону, как и ряд других городов Ломбардии, подчинила своей власти Венецианская республика. Сходной

оказалась политическая судьба Падуи, где синьорию основал род Каррара. В конце XIV в. Падуя оказалась под властью Милана, а в 1406 г. над ней установила свое господство Венеция. В Вероне и Падуе синьориальное правление длилось около столетия, его итогом стало ослабление в обоих городах власти цеховой верхушки пополанства и укрепление позиций нобилитета и крупного купечества. Коммунальные магистратуры здесь перестали избираться, их состав назначался синьором, таким образом, с пополанской коммуной было покончено.

Иной путь прошла Феррара — крупный город Северной Италии, где синьория возникла раньше других городов — в середине XIII в. В первой половине этого столетия здесь бушевала борьба гвельфов и гибеллинов. Причем партию гвельфов составляла феодальная знать во главе с маркизами д'Эсте, а партию гибеллинов — купечество, опиравшееся на средние слои пополанства. В 1240 г. при поддержке Венеции и гвельфских городов Ломбардии д'Эсте одержали победу над гибеллинами Феррары. В результате местное купечество было оттеснено венецианскими купцами от важных каналов транзитной торговли. Феодалы, наоборот, сохранили прочные позиции в округе. В 1264 г. они поддерживали избрание синьором города представителя рода д'Эсте. Он получил неограниченные полномочия в Ферраре и ее дистретто: мог изменять старые и издавать новые статуты, назначать чиновников и т.д. Синьория рода д'Эсте просуществовала в Ферраре более трех столетий. Синьоры вели активную завоевательную политику, строили крепости, широко использовали наемные войска, что вело к усилению налогового гнета на население. Это стало причиной крупного антиналогового восстания в 1385 г., которое было жестоко подавлено. В то же время д'Эсте покровительствовали университету, были щедрыми меценатами, привлекали ко двору поэтов, художников, ученых. В XV в. Феррара стала одним из центров гуманистической культуры. В 1471 г. Борсо д'Эсте получил титул герцога. Феррара превратилась из синьории в государство монархического типа — принципат. По воле монарха, стремившегося к централизованному правлению в своих владениях, складывался бюрократический аппарат, вытеснивший коммунальные магистратуры.

В XV в. в Северной и Средней Италии наиболее могущественные из городов-государств укрупняли свои владения, насаждали в подчиненных территориях свою администрацию, что было шагом к созданию механизма централизации государственной власти, как монархической (Миланское герцогство, Феррара), так и республиканской (Венецианская республика, Флоренция).

Флорентийская республика. В XIV—XV вв. Флоренция была одним из самых крупных и экономически развитых городов-государств Италии. Ее население до сильной эпидемии чумы 1348 г. составляло 125 тысяч человек. Флорентийские купцы вели широкомасштабную торговлю со странами Европы и Ближнего Востока, они наживали большие капиталы также и в банковской деятельности. К середине XIV в. Флоренция была главным

поставщиком итальянских сукон в европейские страны. Хозяйственные успехи пополанской верхушки города во многом предопределили и укрепление ее политических позиций. Во Флоренции в 1250 г. была принята одна из первых в Италии пополанских конституций. Наряду с Советом коммуны был создан Совет народа и стал избираться капитан народа, деливший с подеста судебную и военную власть. В 1282 г. после победы гвельфской партии над грандами-гибеллинами был создан новый орган высшей государственной власти - Синьория (или коллегия приоров), куда вошли 6 представителей от старших цехов. К концу XIII в. явный перевес в делах республики получили, таким образом, пополаны. Попыткам грандов с оружием в руках вернуть былое господство в коммуне был положен конец новой конституцией Флоренции — «Установлениями справедливости», принятыми в 1293 г. Гранды были лишены политических прав, вытекавших из наличия гражданства, — оно стало прерогативой объединенного в цехи пополанства. Тем не менее, особенностью дальнейшего социально-политического развития Флоренции стало сближение нобилитета и цеховой верхушки. Ряд законов, изданных в XIV в., обязывал аристократические фамилии города принять пополанский статус.

XIV век — время расцвета пополанской демократии во Флоренции. Ее гарантом был гонфалоньер справедливости — глава Синьории, избиравшийся, как и остальные ее члены, сроком на два месяца. Пребывание в Советах длилось 4 месяца. Выборность всех магистратур и их краткосрочность (не более полугода) — главные черты флорентийской пополанской демократии. Раз в пять лет проводилось всеобщее голосование среди граждан, в ходе которого выбирались кандидаты на различные должности. Сложилось правило, что в главных магистратурах можно было служить лишь раз в три года. В них могли избираться представители, как от старших, так и от младших цехов; первых было 7, вторых 14. Однако законами закреплялись пропорции представительства в пользу старших цехов. Так, в конце XIV в., после подавления восстания чомпи, в избирательных списках кандидатов от старших цехов было в 2,5 раза больше, чем от младших. Пополанская демократия во Флоренции была по сути демократией «жирного народа», допускавшей к управлению республикой немногим более тысячи семейств, хотя и не фиксированных, как это было в Венецианской республике, где патрицианская олигархия стала замкнутой социальной прослойкой. Представительство «тощего народа» в магистратурах Флоренции было сведено к минимуму. Но даже это скромное участие выгодно отличало Флоренцию от других городских республик, например, Сьены и Лукки, где власть безраздельно принадлежала «жирным» пополанам.

В конце XIV — первые десятилетия XV в. во Флоренции развернулась ожесточенная борьба олигархических группировок из числа бывших грандов и разбогатевшего купечества за ведущую роль в государственных делах. Побеждавшая партия изгоняла политических противников из города, нередко с конфискацией имущества. Так, клан Альбицци добился изгнания из

Флоренции своих соперников во главе с Козимо Медичи. Однако в 1434 г. Медичи вернулся в город как победитель. Будучи богатейшим купцом и банкиром, Козимо имел немало сторонников, как правило, находившихся от него в финансовой зависимости, что позволило ему оказывать влияние на выборы магистратов и проводить в высшие органы власти своих ставленников. В годы правления Козимо Медичи вплоть до его смерти в 1464 г. важные государственные дела не решались без его согласия, хотя он не имел официального положения синьора. Вся структура республиканской власти сохранялась, но со временем все больше походила на декорацию, прикрывавшую тиранию Медичи. Политика республики вершилась теперь во дворце Козимо. Его внук Лоренцо, прозванный Великолепным за щедрое меценатство и выдающиеся способности, фактически правил Флорентийской республикой с 1469 по 1492 г., не входя ни в одну из высших магистратур. Власть оказалась в руках 25 семейств, тесно связанных с домом Медичи родственными или экономическими узами. В 1480 г. был создан Совет 70, получивший широкие полномочия, что закрепило перерождение флорентийской демократии в олигархически-синьориальный режим власти. Современники Лоренцо Великолепного видели в нем подлинного тирана, но и воздавали ему должное как яркой личности, блестящему поэту, покровителю наук и искусств.

Лоренцо сосредоточил в своих руках всю внешнюю политику Флорентийской республики — принимал послов, вел войны, подавлял восстания в подчиненных городах. В XV в. в результате завоевания Пизы, Вольтерры и ряда других городов Тосканы Флоренция превратилась в обширное государство, управление которым требовало немалых средств. Для пополнения казны, которой Лоренцо пользовался как своим банком, он увеличивал налоги, вводил принудительные займы. Все это в сочетании с пышностью его двора, бесконечными праздниками, карнавалами, турнирами вызывало широкое недовольство. Его усиливали проповеди доминиканского монаха Джироламо Савонаролы, осуждавшего увлечение Лоренцо и его окружения языческой античной культурой, а также финансовую политику, приводившую к обнищанию народа, разрушению республиканских порядков.

При сыне Лоренцо Пьеро в 1494 г. открытое возмущение широких масс города политикой Медичи вынудило его к бегству. Были восстановлены республиканские институты власти, изменена налоговая система. Влияние Савонаролы на государственные дела было огромным. Однако коренных изменений в положении мелких ремесленников и наемных рабочих не произошло, да и часть нобилитета мечтала о возвращении Медичи. Проповеди Савонаролы, в которых он клеймил позором роскошь и безнравственность духовенства и призывал к восстановлению раннехристианских порядков, привели к отлучению его от церкви. В 1498 г. он был осужден как еретик и сожжен.

Миланское герцогство. Расположенный на пересечении международных торговых путей, Милан в XIII—XV вв. был одним из крупнейших городов Италии (к XV в. в нем насчитывалось около 100 тысяч жителей), главным

промышленным центром Ломбардии, поставщиком оружия и различных тканей — шерстяных и шелковых, льняных и хлопчатобумажных. Через Милан шли транзитные товары — из Венеции по реке По, через альпийские перепады в Западную Европу. Постепенно Милан экономически консолидировал вокруг себя мелкие города Северной Италии, подчиняя их своему влиянию. Политическому возвышению Милана способствовала и его особая роль в борьбе с империей в XII в.

В первой половине XIII в. ведущая роль в коммуне Милана принадлежала нобилям, которые, в отличие от Флоренции, сохраняли свои владения в округе. Им противостояли оттесненные от пласта торгово-ремесленные слои пополанства, объединенные в союз — Креденцу св. Амвросия, который стал малой коммуной. К нему присоединился другой союз — Мотта, включавший средних и мелких феодалов, а также часть купечества. В середине XIII в. в Милане обострилась социальная борьба. Гвельфская партия, опираясь на поддержку Креденцы св. Амвросия и Мотты, начала проводить реформы в интересах пополанства: был введен налог на земельные владения феодалов, установлен контроль над финансами и т.д. Это вызвало сопротивление нобилей, во главе которых стал представитель гибеллинской семьи Висконти. Он добился перехода на свою сторону союза Мотты; в 1277 г. гибеллины одержали победу над гвельфами. За этим последовала реформа, предоставившая право замещать высшие должности только нобилям (их список был определен в 200 семейств), что закрепило олигархический строй Миланского государства. В 1302 г. власть снова перешла к гвельфам, а их глава Гвидо Торриани стал синьором города. Однако спустя несколько лет, не получив широкой поддержки пополанства и тем более нобилей, он был вынужден капитулировать перед гибеллинами, которым покровительствовал германский император Генрих VII. В 1317 г. Общий совет Милана провозгласил главу гибеллинов Маттео Висконти пожизненным синьором города. В короткий срок он подчинил своей власти ряд крупных городов Ломбардии, что стало важным шагом на пути превращения Милана в территориальное государство. К середине XIV в. преемники Маттео Висконти сделали немало для укрепления синьории Милана, значительно расширили его владения, присоединив многие города Ломбардии. Синьория Висконти, опиравшаяся на нобилитет, в 1349 г. стала наследственной. Республиканские черты сохранялись, но власть все более приобретала характер тирании.

Висконти последовательно проводили централизаторскую политику, лишая феодалов их судебно-административных прав на местах и наделая ими чиновников, непосредственно подчиненных синьору Милана. Унифицировались законодательство и право, финансовая и военная системы. В сплочении и укреплении Миланского герцогства особенно преуспел Джан-Галеаццо Висконти, получивший в 1395 г. титул герцога. Выдающийся политик, он умел лавировать и идти на компромиссы, учитывал силу местных обычаев в подчиненных городах и противоречивые интересы разных социальных групп. Джан-Галеаццо сохранил Общий совет Милана, в

который по-прежнему избирались 900 человек, но резко уменьшил его реальную власть, наделив большими полномочиями в гражданских делах совет из 12 членов, назначаемый синьором. Согласно статуту 1396 г., высшая законодательная и судебная власть принадлежала герцогу — издаваемые им грамоты получали силу закона, но при этом сохранялись и старые статуты. Под контроль чиновников были поставлены цехи и торговые корпорации, но при этом оказывалась поддержка купцам и мануфактуристам. Протекционистская система пошлин вела к процветанию местной промышленности. В то же время основная масса населения испытывала тяжелый налоговый гнет: содержание пышного двора, строительство крепостей и бесконечные войны требовали огромных средств. В правление Джан-Галеаццо экспансия Милана приняла особенно широкие масштабы. Герцогу удалось подчинить твоей власти большинство крупных городов Северной и Средней Италии — Верону, Падую, Болонью, Перуджу, Пизу, Лукку. Он угрожал и независимости своего главного врага — Флоренции, возглавившей борьбу итальянских городов против «миланского тирана». Завоевательные планы Джан-Галеаццо простирались на всю Италию, но им не суждено было сбыться — он умер во время чумы, охватившей его лагерь на подступах к Флоренции (1402).

Его сыновья, особенно Филиппо Мария Висконти, продолжали и политику централизации и укрепления государства, но не смогли сохранить обширные владения Милана. На господство в Ломбардии претендовала Венеция, выступавшая в союзе с Флоренцией. После смерти Филиппо-Марии, летом 1447 г. в Милане по инициативе оппозиционной части нобилитета была провозглашена Амброзианская республика, верховным органом стал Общий совет из 900 членов. Положение на границах было тяжелым, поэтому был призван на помощь известный кондотьер (предводитель наемных отрядов) Франческо Сфорца, в 1448 г. остановивший наступление венецианцев. В 1450 г. он был провозглашен синьором Милана, а вскоре получил и титул герцога. В правление династии Сфорца во второй половине XV в. продолжался экономический рост герцогства: активно насаждались мануфактуры, особенно в шелковом производстве, был запрещен вывоз сырья, строились ирригационные сооружения в сельской местности. При Лодовико Моро (1479-1508) Миланское герцогство приобрело законченные черты принципата — централизованного государства с монархическим правлением абсолютистского типа.

Итальянские морские республики. Географическое положение Италии в центре Средиземноморья, на пересечении морских путей создавало благоприятные предпосылки для превращения крупных портов Италии в центры посреднической торговли между Востоком и Западом. Первоначально на эту роль претендовали города Южной Италии — Бари, Амальфи, тесно связанные с Византией и арабским миром. Однако их подчинение в XI—XII вв. норманнами, враждовавшими с Византией и не заботившимися об интересах купцов, подорвало их значение как торговых посредников. Постепенно, в эпоху Крестовых походов, на первые роли

выдвигаются Пиза и особенно Венеция и Генуя. Не имевшие собственной аграрной периферии (Венеция расположена на островах в лагуне, Генуя в Лигурии отделена от плодородных равнин Ломбардии горами) эти города активно развивали мореплавание и судостроение и прошли путь от скромных поселений до самых крупных и процветающих региональных центров, столиц крупных государств.

Пиза была речным портом, но на побережье Тирренского моря пизанцы устроили гавань. В IX-XI вв. флот Пизы вместе с генуэзским принимает участие в борьбе с арабами в Западном Средиземноморье. В XI в. Пиза захватывает острова Эльбу, Корсику и Сардинию, в 1113—1114 гг. предпринимает морской поход против арабов на Балеарские острова, затем завязывает тесные связи с Северной Африкой. Пизанские купцы обосновываются в городах Туниса, в Южной Франции (Монпелье) и на Сицилии. Приняв участие в Первом крестовом походе, Пиза получает привилегии и создает торговые фактории в городах Палестины, одновременно ведя прибыльную торговлю в Константинополе. Утрата крестоносцами их владений на Леванте в XII в., а также жестокая конкуренция с Генуей подорвали морское и торговое могущество Пизы. В 1284 г. пизанский флот был разгромлен генуэзцами в битве при Мелории (островке недалеко от пизанской гавани). Пиза потеряла владения в Западном Средиземноморье и была вытеснена конкурентами из Восточного. В 1406 г. она была завоевана Флоренцией.

Генуэзская республика. Возвышение Генуи началось с середины X в., когда она вместе с Пизой отразила нападение арабов и освободила от них северное побережье Тирренского моря. В то время власть в Генуе делили между собой виконт, назначаемый номинальным королем Италии, епископ и городской патрициат. Роль виконта постепенно ослаблялась, тогда как патрициат в 1099 г. создал так называемую Компанию (организованную по типу торгового общества) для защиты коллективных интересов горожан, торговцев и ремесленников. Компания расширяла юридические и политические права, превращаясь в корпоративный орган городского самоуправления. Во главе Компании стояли выборные консулы.

Политическое значение Генуи возросло после принятия ею в 1143 г. первого в Италии городского статута. В 1162 г. император Фридрих I Барбаросса дал Генуе диплом на владение территориями на побережье Лигурии от Монако до Портовенере. Генуя официально становится республикой. Этому способствовали успехи генуэзских купцов в торговле, как на Леванте, так и в западном Средиземноморье. Генуэзский флот участвовал в Первом крестовом походе, генуэзские купцы основали торговые фактории в Акре, Триполи, Бейруте, других городах Леванта. В 1155 г. они добились значительных привилегий в Византии. Поддержав никейских императоров в борьбе за восстановление Византийской империи против Латинской империи и Венеции, генуэзцы в 1261 г. добились права беспошлинной торговли на всей территории Византии и монопольных прав на торговлю в Черном море. И хотя им не удалось сохранить эту монополию,

генуэзцы воспользовались ею и договорами с ханами Золотой Орды для устройства многочисленных поселений в Причерноморье (см. гл. 18). Участие в Реконкисте укрепило позиции Генуи в городах Каталонии и Арагона. Активными были связи Генуи и с Северной Африкой. В последней четверти XIII в. товарооборот генуэзского порта возрос почти в четыре раза. Рост торгового оборота продолжался и в первой четверти XIV в. Однако после победы над Пизой Генуе пришлось столкнуться с мощной конкуренцией Венецианской республики. Борьба с Венецией за господство в средиземноморской торговле определяла политику Генуи во второй половине XIII — начале XV в. В 1298 г. генуэзцы разгромили венецианский флот в битве при Курцоле. Однако Венеция быстро укрепилась после этой войны, и единственным плодом победы стало замедление венецианской торговой активности в Черном море. Новая война между Венецией и Генуей (1350-1355) велась за овладение рынками Византии и Причерноморья. Несмотря на ожесточенный характер и переменные успехи в морских баталиях, она также закончилась неустойчивым компромиссом, вызвавшим вскоре очередной конфликт (1378-1381). Разгромив после ряда неудач генуэзский флот, блокировавший венецианскую лагуну, в битве при Кьодже в 1380 г., Венеция ликвидировала непосредственную угрозу и добилась разграничения сфер влияния. Она уступила Генуе позиции в Черном море, но потеснила генуэзцев в Сирии и Египте.

Городской патрициат Генуи был преимущественно феодальным по происхождению. Его ядро составляли сеньоры, выходцы из контадо, активно включившиеся в морскую торговлю. Наиболее ильятельными были семейства Дориа, Спинола, Фьески, Джустиниани, Гримальди. С конца XIII в. нобили стали объединяться в союзы, часто по принципу родства, соседства и экономических интересов. Так постепенно возникли аристократические кланы, называемые альберги, нередко враждовавшие друг с другом. Постепенно усилилась и роль пополанов в торговле и ремесле. Их претензии на власть, вражда гвельфов с гибеллинами, между кланами нобилей, ярко выраженный индивидуализм предпринимателей, обладавших значительными капиталами и не желавших установления контроля над ними сильной администрации, разная географическая ориентация отдельных групп купцов — все эти факторы обусловили слабость центрального управления «Республики св. Георгия», как называла себя Генуя по имени своего покровителя. Наличие в Генуе многочисленного портового люда, бурно выражавшего и нередко менявшего политические симпатии, способствовало многочисленным переворотам. После краткого периода в первой половине XIII в., когда во главе управления стояли подеста из иностранцев, сменившие прежних консулов, в Генуе предпринимались безуспешные попытки как установления синьории, так и пополанской диктатуры во главе с энергичными представителями рода Бокканегра. Гульельмо Бокканегра был избран народным капитаном в 1257—1262 гг., а Симоне стал первым пожизненным (хотя и свергаемым) дожем (1339—1344 и 1359—1363). Дожи, как ранее подеста, опирались на представительный орган — Совет

старейшин. Ослабленная внутренними распрями, Генуя в конце XIV—XV вв. не раз переходила под власть французских королей, маркизов Монферрата и миланских герцогов, сохраняя при этом автономию.

Более авторитетны и влиятельны, чем административные, были судебные и финансовые магистратуры республики, особенно созданный в 1407 г. банк св. Георгия. Первоначально этот банк вырос из слияния ассоциаций купцов, кредитовавших государство. Эти ассоциации получали в виде процентов за предоставляемые ссуды квоты от налогов, поступавших в казну. Получив возможность влиять на механизмы управления, банк расширил финансовую деятельность и по сути стал контролировать крупную морскую и сухопутную торговлю Генуи. В 1453 г. республика даже передала ему в управление свои черноморские фактории. Во второй половине XV в. банк стал крупнейшим в Европе, кредитовал монархов, влиял на формирование рынка капитала.

Создание подобного банка было возможно только на основе многолетнего опыта предпринимательства. Генуэзские купцы умели выбрать оптимальные формы организации торговли. Одной из них была коммента. Заключая договор комменты, один партнер инвестировал капитал, другой вкладывал свой труд в часто рискованные торговые операции. Инвестор капитала получал обычно от двух третей до трех четвертей прибыли, но на его счет относили и риск потерь, остальная часть прибыли доставалась путешествующему купцу — трактатору. Коммента позволяла купцам, ведущим торговлю на Леванте или в Англии, быстро аккумулировать капитал, закупать товары и осваивать новые рынки. Поначалу трактаторы через комменту заимствовали средства не только у крупных купцов и финансистов, но и у простых людей, даже собственных слуг. Постепенно суммы возрастали, заморская торговля становилась привилегией крупного купечества, складывались более устойчивые рыночные механизмы и происходила замена трактатов институтом постоянных комиссионных агентов, осуществлявших сделки на любых рынках, где они имели свои конторы, за фиксированный процент. К XV в. возросли роль и значение банковского кредита и коммерческого страхования товаров. Несмотря на финансовые успехи, со второй половины XIV в. и до конца XV в. морская торговля Генуи сокращалась. Республика теряла свои владения на Леванте под ударами турок-османов и стремилась все больше переориентироваться на рынки Западной Европы.

Венецианская республика. Возникшая в V в. как поселение рыбаков и добытчиков соли, разбросанное на островах лагуны с центром на Риадельто, Венеция до конца X в. входила в состав Византийской империи. Начало ее процветания было связано с посреднической торговлей между портами Адриатики, а затем и с Восточным Средиземноморьем. Судостроение, производство оружия, художественного стекла, тканей укрепили экономику города, во главе которого стоял патрициат аристократического происхождения, участвовавший в морской торговле. Отразив в X в. угрозу с моря, исходившую от арабов, и подчинив города Истрии, Венеция оказывала помощь Византии флотом, прежде всего против общего врага — норманнов.

В 1082 г. она получила от императора Алексея I Комнина беспрецедентные права беспошлинной торговли в Константинополе и на территории империи и быстро воспользовалась ими для расширения торговой экспансии на Леванте. Добившись в ходе первых Крестовых походов привилегий в городах Сирии и Палестины, Венеция затем приняла участие в Четвертом крестовом походе, направленном против Византии. Захват Константинополя крестоносцами в 1204 г. положил начало созданию Венецианской морской державы, в которую вошли Крит, города и острова Греции, с XV в. — Кипр и другие территории так называемой Венецианской Романии.

Процветание Венеции обеспечивалось могуществом ее торгового и военного флота. Венеция с начала XIV в. первой из итальянских морских республик организовала регулярные рейсы хорошо оснащенных и принадлежащих государству гребных судов — галей как на Восток — в Константинополь, Черное море, Кипр, Сирию, Египет, так и на Запад — в Прованс, Фландрию, Англию. Эти конвои тщательно охранялись отрядами арбалетчиков и патрулировались военными эскадрами в Эгейском и Адриатическом морях. Плавание на таких судах было безопасным (пираты и даже военные корабли противников редко осмеливались нападать на эти конвои). Караваны «галей линии» перевозили дорогие грузы — специи, шелк, драгоценные металлы и камни, хлопок, сукна, меха. Они обслуживали элитную торговлю и позволяли быстро перебрасывать в нужное место большие объемы денежных средств. Каждая галей перевозила от 140 до 240 т полезных грузов. В составе каравана плавали от 3—4 до 10—12 галей. «Тяжелые» грузы (лес, зерно, масло, вино, соль, железо и т.п.) и рабов транспортировали на менее скоростных и менее маневренных, но имевших большую тоннажность судах.

2. Социально-экономическое развитие государств Аппенинского полуострова

Аграрное развитие. Несмотря на интенсивный процесс урбанизации, деревенское население Италии численно преобладало над городским и в XV в., а сельское хозяйство доминировало в структуре экономики страны. Особенностью аграрного ландшафта Северной и Средней Италии в период развитого средневековья стало распространение поликультурных хозяйств, в которых посевы зерна сочетались с разведением виноградников, оливковых и плодовых деревьев. Эти хозяйства — подере — соседствовали с мелкими монокультурными участками — парцеллами. В XIV—XV вв. заметно углубилась специализация отдельных районов по выращиванию зерновых и технических культур, спрос на которые увеличивался с ростом ремесленного производства в городах. Так, в Ломбардии сеяли марену (из нее получали красную краску для тканей), в Тоскане — вайду, которую использовали для изготовления синей краски. В округе Болоньи, Неаполя, в Ломбардии большие пространства были засеяны льном.

Мощное развитие в XIV—XV вв. получило перегонное скотоводство. С Апеннин и Альп осенью спускались многотысячные стада овец, коз, крупного рогатого скота и лошадей, а весной они возвращались на горные

пастбища. Мясное и молочное животноводство стало быстро растущей отраслью сельского хозяйства, особенно на севере страны — в Ломбардии, где возникла фермерская аренда скота, предназначавшегося на продажу. Животноводство обеспечивало сырьем сукноделие (овечья шерсть), кожевенное ремесло, производство обуви.

Серьезные изменения происходили в положении крестьянства. XIII в. стал заметным рубежом в правовом статусе колонов и сервов, прикрепленных к земле и находившихся в личной зависимости — в случае бегства их насильно возвращали господину, а сервами хозяева распоряжались, как вещью. Многие города Северной и Средней Италии по разным причинам — одни были заинтересованы в притоке рабочих рук, другие стремились ослабить эконо-мическую мощь окрестных феодалов — выкупали колонов и сервов, правда без земли и иного имущества, и предоставляли им личную свободу. Так, Болонья, согласно «Райской книге» 1257 г., освободила более пяти с половиной тысяч сервов, принадлежавших более 400 сеньорам, а в 80-е годы XIII в. коммуна сделала свободными многих колонов дистретто. Подобную акцию, хотя и в меньших масштабах, предприняла в конце XIII в. Флоренция, освободившая от прикрепления к земле и личной зависимости колонов тех феодалов округа, которые не признавали ее власть. При этом она воздержалась, однако, от предоставления свободы колонам, сидевшим на землях городских собственников. Выкуп крестьян, находившихся в наиболее прижатом положении, стал важной чертой городской политики и привел к расширению слоя свободных арендаторов. Впрочем, колоны и сервы не исчезли окончательно: немало их сохранялось в отдаленных окраинных районах — Пьемонте, Фриуле и др., но особенно в Южной Италии, где прослойка несвободных держателей возросла благодаря законодательству норманнских королей.

Углублялись и иные различия между аграрным развитием юга и севера страны. На севере это не только освобождение лично зависимых категорий крестьянства, но и укреплялись права свободных наследственных арендаторов на распоряжение землей. Важным фактором, способствовавшим этим процессам, было существование сельских коммун, защищавших интересы держателей. Южная Италия, наоборот, оставалась зоной слабевших городов и усиления власти феодалов, подчинявших своему влиянию и деревенские общины. Правда, и на севере свобода сельских коммун сохранялась сравнительно недолго — уже в XIII в. здесь намечается тенденция к сокращению их прав, а затем и полному подчинению их городу. Изменилась и позиция городских коммун, ставших крупными земельными собственниками округа, — они не поддерживали больше иски сельской администрации против нарушения крестьянских прав местными сеньорами. Более того, заинтересованные в повсеместном утверждении собственной власти в дистретто, города повели наступление на свободу сельских коммун: ограничивали их административные права, сокращали сферу деятельности должностных лиц, расширяли регламентацию сельскохозяйственных работ,

устанавливали выгодные горожанам цены на зерно и другую сельскохозяйственную продукцию.

В XIII-XV в. свободных сельских коммун в Северной и Средней Италии почти не осталось — они сохранялись лишь в труднодоступных горных районах. XIV век отмечен кризисными явлениями в аграрном развитии Италии: череда неурожайных лет, несколько сильных эпидемий чумы и как следствие — сокращение населения страны за полтора столетия (с 1300 по 1450 г.) с 11 млн. до 8 млн. человек. Однако демографический спад, неравномерно проявлявшийся в разных регионах, неодинаково сказался на экономике отдельных территорий. Как и прежде, в числе наиболее развитых областей были Тоскана и Ломбардия. В XIV-XV вв. здесь происходили существенные перемены в жизни деревни. Резко возросли масштабы земельной собственности горожан (они скупали участки не только у церкви и светских феодалов, но и у мелких собственников и наследственных арендаторов); при этом проявилась тенденция к укрупнению владений и к переходу от парцелл к крупным поликультурным хозяйствам — подере. Менялись и формы крестьянских держаний: наследственная аренда (либелла, эмфитевсис и др.) все заметнее уступала место различным видам краткосрочной аренды (издольной — с уплатой от четверти до половины урожая — и аффикту с фиксированной денежной рентой). Собственники, особенно горожане, предпочитали сдавать подере на условиях издольщины, тогда как аффикт чаще был связан с парцеллами.

Испольщина (медзадрия) стала первым шагом перехода от феодальной аренды к капиталистической. Хозяин земли участвовал здесь в производстве, предоставляя арендатору часть семян для посева и ссуду для приобретения рабочего скота и инвентаря. Испольщик уплачивал хозяину половину урожая всех видов плодов» (в XV в. укоренилась практика принесения еще и «дополнительных даров»). Однако оставшаяся у арендатора часть урожая далеко не всегда покрывала потребности его семьи. Отсюда его постоянная задолженность собственнику подере. Хотя испольщина как форма аренды, переходная к капиталистической, должна была бы способствовать прогрессивному развитию сельского хозяйства, в условиях Италии этого не происходило. Поскольку испольщик не имел прав распоряжения землей, в том числе право изменять агрикультуру участка, его хозяйственная инициатива были скованы, тем более что у него, как правило, не было достаточных средств. В итоге испольщик не стал работником, заинтересованным в повышении производительности своего труда. В Тоскане широкое распространение испольщины в XV в. привело в последующем к стагнации деревни. В Ломбардии шаги к капиталистическому предпринимательству, особенно в животноводстве, были более уверенными, но и здесь они были чрезвычайно медленными.

Крестьянские восстания. Различия в аграрном развитии отдельных регионов Италии сказались на характере антифеодальной борьбы крестьян. На северо-западе полуострова, в маркизатах Монферрат и Салуццо, в Пьемонте, где сохранялись наиболее тяжелые формы личной зависимости

крестьян, в 1303-1307 гг. произошло одно из наиболее организованных восстаний сельской и городской бедноты, которым руководил монах-францисканец Дольчино. Он был последователем еретического движения «апостольских братьев», основанного членом францисканского ордена монахом Сегарелли (который был осужден инквизицией и сожжен).

Дольчино проповедовал идеи имущественного и духовного равенства, осуждал церковь, оскверненную непомерными богатствами и погрязшую в грехе, говорил о неизбежном наступлении «тысячелетнего царства» справедливости, призывал к насилию над богатыми. Проповеди Дольчино привлекли к нему множество сторонников из крестьян и городских низов. В 1304 г. близ г. Верчелли в Пьемонте его вооруженные отряды одержали победу над войском местных феодалов. Тогда папа Климент V объявил крестовый поход против восставших. Дольчино вынужден был отступить в высокогорный район, где на горе Цебелло создал укрепленный лагерь, в котором жизнь была организована на началах примитивного равенства. Отрядам Дольчино удалось дважды отбить штурм горы рыцарским войском под предводительством герцога Савойского. Однако после длительной осады крепости обреченные на голод повстанцы весной 1307 г. были разбиты. Дольчино умер под пытками, не отказавшись от своих идей.

В XIV—XV вв. в разных районах Северной и Средней Италии вспыхивали крестьянские волнения, вызванные ростом налогов, торговых пошлин, резкими колебаниями цен и т.д. С обретением свободы самые разные категории держателей (большинство их составляли краткосрочные арендаторы) оказывались под финансовым гнетом города — они должны были платить помимо арендной платы прямые налоги (определенный процент от доходов хозяйства), особенно же страдали от чрезвычайных и косвенных налогов. С утратой влияния и независимости сельских коммун жители ближних и дальних пригородов попадали в полное подчинение к городу, что вызывало протест с их стороны и приводило к частным локальным выступлениям крестьян. Так, в округе Пистойи (дистрикт Флоренции), в 40-50-е годы XIV в. произошло шесть антиналоговых выступлений. В 1462 г. крупные волнения вспыхнули в округе Пьяченцы (дистрикт Милана): крестьяне были недовольны увеличением пошлины и введением ограничения на продажу в городе продукции сельского хозяйства. 7-тысячное войско крестьян подошло к Пьяченце и потребовало от наместника герцога снизить пошлины на продажу вина, зерна и скота, разрешить их свободную продажу в городе и отменить налог на помол зерна. После долгих переговоров с наместником крестьянское войско, оставленное примкнувшими к ним вначале отрядами местных феодалов, было разгромлено.

Городское ремесло и торговля. Обретение городами Северной и Средней Италии политической независимости, успешная «война с замками» и установление собственной власти в округе, разительное расширение городского землевладения — все это создало благоприятные условия для бурного экономического роста городских республик, небывалого расцвета

их ремесла, торговли, банковской деятельности. В XIII—XV вв. итальянские города лидировали в торгово-промышленном и финансовом предпринимательстве европейских стран.

В развитии ремесла уже в XIII в. становился все более заметным процесс специализации, отпочкования все новых профессий. В крупных городах насчитывалось по несколько сотен ремесленных профессий, которые охватывали производство самых разных предметов потребления — от одежды и утвари до ювелирных и других художественных изделий. Профессиональная дробность ремесла, свидетельствующая о далеко зашедшем разделении труда, — характерная черта любого средневекового города, она сопровождалась, как правило, возникновением цеховых корпораций. В Италии этот процесс приобрел своеобразные черты. Так, число цехов в городе далеко не всегда соответствовало количеству ремесленных профессий — цехов было значительно меньше (от 20 до 80, исключение составляла Венеция, где их насчитывалось 147). Это объяснялось прежде всего тем важным обстоятельством, что в итальянских городах-государствах цехи выполняли не только экономические, но и политические функции. Ремесленные корпорации могли иметь своих представителей в органах власти, само гражданство во многих городах определялось принадлежностью к какому-либо цеху. Цехи были правомочными независимыми корпорациями (лишь в Венеции они полностью подчинялись государству), имевшими свою администрацию, финансы, военное ополчение и знамя. Нередко цех объединял десятки ремесленных профессий. Так, во Флоренции, где к концу XIII в. сложился 21 цех, корпорация галантерейщиков включала в свой состав ремесленников 30 специальностей, а цех «врачей и аптекарей» охватывал около 50 профессий. Объединение в одну корпорацию ремесленников порой очень далеких друг от друга специальностей диктовалось политической необходимостью — имен, свое представительство в магистратурах с тем, чтобы успешнее противостоять силе магнатов и купеческой верхушки. Что же касается экономических интересов входивших в широкую корпорацию ремесленников, то у каждой профессиональной группы были свои уставы, регламентирующие производство, и своя администрация.

В городах-государствах Северной и Средней Италии цехи уже в XIII в. стали основной формой не только хозяйственной, но и социально-политической организации ремесленной прослойки пополюсства, активно боровшегося за участие в городском управлении. Цехам противостояли не только магнаты, но и купеческие корпорации, которые начали возникать еще в XI—XII вв. и поначалу принимали в свой состав и ремесленные профессии. Так, в Парме в начале XIII в. в «общество купцов» входили также суконщики, мясники, сапожники, кузнецы. В XIV—XV вв. купеческие корпорации обрели более узкие рамки и структурно мало отличались от ремесленных цехов (собственная администрация, устав, финансы и т.д.). Главное отличие состояло в том, что единицей цеха была мастерская ремесленника, а деятельность купцов протекала, как правило, в рамках

разного рода компаний, создававшихся на паевых началах сроком на год — два. Характер компании зависел от вида торговли — морской или сухопутной, внутренней или международной. В некоторых городах, как это произошло во Флоренции, купеческие компании входили в состав сукнодельческих цехов, но при этом задавали там тон, диктуя свои условия этой самой крупной отрасли производства — купцы поставляли для нее шерсть и красители, от них зависел и сбыт готовой продукции. В Лукке корпорация торговцев шелком- сырцом и шелковыми тканями была широко представлена в органах городского самоуправления и держала в своих руках все нити экономики.

Ведущие позиции купечества в большинстве городских республик завоевывались в длительной и ожесточенной борьбе с нобилитетом (к концу XIII в. этот этап успешно завершился) и ремесленными массами пополюнства. В Италии купечество не было социально однородным, замкнутым слоем, если не считать Венецию с ее монолитным патрициатом, монополизировавшим торговлю и государственное управление. Купечество пополнялось выходцами как из нобилитета, так и из верхушки ремесленников и сельских богачей. Глазную опору итальянских купцов составляло их богатство, размеры состояний многих крупных купеческих фамилий поражали современников. Основными источниками накопления служили торговля и ростовщичество, нередко замаскированное под «безобидные» финансовые операции, поскольку католическая церковь всегда резко осуждала взимание процентов по ссудам.

Торговля приобрела очень широкий размах уже в XIII в. и вплоть до конца XV в. оставалась наиболее динамично развивавшейся отраслью, итальянской экономики. Разрастался внутренний товарообмен, морские порты все теснее связывались с городами внутренних районов полуострова, усиливались связи и между последними. Торговые операции носили не только транзитный характер, но в них участвовали и сотни видов товаров местного производства, чему немало способствовала хозяйственная специализация отдельных районов. Основные сухопутные торговые магистрали шли с севера на юг страны (из Милана и других городов Ломбардии в Тоскану, Умбрию и далее вплоть до Сицилии), а также с востока на запад (из Венеции в Тоскану), с северо-запада на юго-восток (из Пьемонта в Рим). Каботажные суда шли из Генуи в Пизу и Неаполь, из Сицилии в Венецию. Сухопутной доставкой грузов часто занимались объединения перевозчиков, о размахе их деятельности говорят, в частности, сотни гостиниц и постоялых дворов на торговых маршрутах. Только во Флоренции в конце XIV в. было 622 гостиницы, а в ее предместье — 234.

Несмотря на интенсивное развитие внутренней торговли, в Италии еще и к концу XV в. не сложился внутренний товарно-ценовой рынок. Этому процессу препятствовали и государственный полицентризм, и острая конкуренция крупнейших городов на внешних рынках (к тому же каждый из них претендовал на роль ведущего центра внутри страны) и, наконец, природный рельеф полуострова — расчлененность его Апеннинским

хребтом. Сказывалось и сложившееся еще в раннее средневековье своеобразие быта, наречий, хозяйственных и культурных традиций отдельных районов страны. Не способствовала складыванию единого рынка ориентация итальянского купечества на внешние рынки — итальянские торговые компании рано осознали выгоды географического положения страны на перекрестке торговых путей Востока и Запада. Крупные торговые дома Генуи и Венеции, Милана и Флоренции, Лукки и Болоньи, да и многих других городов Италии имели десятки филиалов в разных странах Европы и на Ближнем Востоке, равно как и в государствах Апеннинского полуострова. Таков был, например, дом Медичи — состоявшая из представителей этого рода торгово-банковская компания, базировавшаяся ни Флоренции, основала в XIV—XV вв. свои филиалы не только в Пизе, Милане, Риме и Венеции, но также в Брюгге, Лондош, Антверпене, Брюсселе, Любеке, Женеве и Лионе.

Торговая деятельность итальянских купцов, как правило, сочеталась с банковскими операциями. Разбросанность филиалов купеческих компаний, крупные объемы купли-продажи товаров и денежных сделок подталкивали к усовершенствованию банковского дела. Именно в Италии впервые появились векселя и двойная бухгалтерия (строгая фиксация дебета и кредита, всех счетов, унификация мер и т.д.). Итальянские монеты — чеканившийся во Флоренции полновесный золотой флорин и золотые венецианские дукаты — играли роль международной валюты, а банкеры Флоренции, Сьены, Болоньи, Милана приобрели огромный вес как внутри страны, так и за ее пределами, широко кредитую феодальную знать, купечество и правителей Франции, Германии, Испании и других европейских стран.

Зарождение мануфактуры. Производство шерстяных тканей — одна из ведущих отраслей средневековой экономики европейских стран — в XIII—XIV вв. прошло путь от традиционного ремесла, когда мастер самостоятельно закупал сырье или полуфабрикат (шерсть, пряжу, красители и т.д.) на местном рынке и там же сбывал свою продукцию, до мануфактурного производства. Последнее было по-прежнему основано на ручном труде («мануфактура» от лат. *manus* — рука и *facere* — делать), но организатором его выступал купец-предприниматель. Впервые в Европе мануфактура возникла в крупных итальянских городах — Флоренции, Сьене, Лукке, Болонье — уже в начале XIV в.

Лидировала в этом процессе Флоренция. XIII век стал подготонительным этапом: наряду с существовавшей ранее перепродажей привозных сукон началась организация их производства в самом городе. В 1192 г. во Флоренции возник цех Калимала, занимавшийся окраской и отделкой грубых привозных сукон, которые продавались затем на внутренних рынках и вывозились в другие страны. Организаторами этого производства стали компании купцов-шерстяников, которые постепенно к XIV в. подчинили себе занятых окраской и отделкой сукон ремесленников, определяли как технологию производства, так и заработную плату. В результате внедрений в это производство торгового капитана ремесленники оказались отторгнутыми от рынка, превращаясь в наемных рабочих (финансовая зависимость от

компаний нередко вынуждала их закладывать и продавать свои орудия производства). Так возникала рассеянная мануфактура, в которой ремесленники работали по-прежнему в своих мастерских.

Еще более наглядно путь складывания мануфактуры можно проследить на примере полного цикла сукнодельческого производства, организатором которого во Флоренции стал цех Лана, возникший в начале XIII в.

Сукна Ланы — а это были тонкие шерстяные ткани яркой окраски и высокого качества — изготавливались из особых сортов овечьей шерсти, которая привозилась из Испании, Португалии, Северной Африки и Англии. Поначалу шерстобиты, прядильщики, ткачи, красильщики и аппретурщики самостоятельно участвовали в рыночном обороте сырья и полуфабрикатов, а компании купцов-шерстяников, входивших в цех, занимались лишь доставкой сырья и сбытом готовой продукции. Но уже в начале XIV в. купцы стали выполнять функции главных организаторов производства. Складывалась смешанная мануфактура, в которой производственный процесс выглядел следующим образом. Компания шерстяников (она состояла из двух-трех купцов, вносивших капитал, и шерстяника, вместе с наемными помощниками руководившего производством) могла начать дело, лишь получив лицензию от цеха и обязавшись соблюдать установленную им технологию и количество изготавливаемых штук сукна. Далее закупалась шерсть, для ее промывки и очистки нанимались рабочие, не имевшие особой квалификации. Они промывали шерсть в принадлежавших цеху бассейнах на берегах реки Арно, просушивали ее, а затем выбивали и расчесывали в мастерской шерстяника принадлежавшими ему орудиями труда — палками и гребнями. Чистую шерсть помощники шерстяника раздавали прядильщикам-надомникам (часто ими были женщины) из городской округи, а пряжу передавали ткачам, работавшим в своих мастерских. Ткачи входили в особый цех, подчиненный цеху Лана. Затем ткань проделывала путь от красильщиков на сукновальные мельницы (они также принадлежали цеху Лана), далее — в помещения для вытягивания сукон, которые строил обычно цех, а оттуда, наконец, в мастерскую шерстяника, где ее обрабатывали гладильщики и аппретурщики, которых нанимала компания.

Разделенное на 28 операций сукнодельческое производство осуществлялось, таким образом, в смешанной мануфактуре, т.е. начальные и конечные операции — в мастерской шерстяника, остальные — вне ее. Возникновение такой мануфактуры предопределили два главных фактора: наличие крупных капиталов у купцов-предпринимателей и максимально возможное в данной отрасли разделение труда. Высококачественные флорентийские сукна вывозились через Венецию в Германию и на Ближний Восток. О масштабах сукноделия во Флоренции говорят такие цифры: в середине XIV в. в городе было более 200 компаний шерстяников, в год они производили до 80 тысяч кусков сукна, каждый по 150 м. В сукноделии было занято 30 тысяч человек, из них 10 тысяч — чомпи (так назывались рабочие, занятые первичной обработкой шерсти). Производительность труда на флорентийских мануфактурах была выше, чем в традиционном

текстильном цеховом производстве. В мануфактуре организатор производства, освобождая ремесленников от связи с рынком, увеличивал самым временем на производство продукции, которое к тому же у каждого работника было отдано какой-нибудь одной операции. Мануфактура открывала путь для резкого увеличения производства товаров массового спроса, в данном случае — сукон, и заметного обогащения купцов-предпринимателей. Капиталы многих флорентийских купцов, складывавшиеся не только в сукноделии, но и в торгово-банковской сфере, достигали сотен тысяч флоринов.

И все же возникшие в Италии раннекапиталистические отношения не стали формообразующими для других стран Европы и не получили длительной экономической перспективы в самой стране. Уже к концу XV в. стали заметно сказываться негативные стороны итальянских мануфактур, особенно сукнодельческих, — их тесная связь с цехом, который строго регламентировал весь производственный процесс, ограничивала инициативу по его усовершенствованию, технические нововведения не приветствовались, а порой и пресекались, к тому же ценовая политика цеха не всегда делала конкурентоспособными итальянские сукна на внешних рынках.

Кроме сукноделия раннекапиталистические отношения в Италии складывались в шелковом производстве (в Лукке и Венеции) и судостроении в портовых городах. В последнем важную организующую роль играло государство (в Венеции — созданный республикой Арсенал).

Социально-политическое развитие городских коммун. Обретение городскими коммунами Северной и Средней Италии политической самостоятельности открыло возможности для укрепления и дальнейшего развития их государственных институтов — советов и различных магистратур административного, судебного и полицейского характера.

Постоянным еще и в XIV в. оставалось само размежевание враждующих городов и социальных групп внутри них на гвельфов и гибеллинов. Так, тесно связанной с папством гвельфской Флоренции (ее банкиры были главными кредиторами римской курии) противостояли ее соперницы — Пиза, Сьена и Лукка, державшиеся гибеллинской ориентации. Но та же Сьена, да и Лукка порой провозглашали себя сторонниками гвельфов, когда это было им выгодно политически.

В Средней Италии — во Флоренции, Сьене, Перудже, других городах в 40—80-е годы XIV в. прокатилась мощная волна городских восстаний — их было более 20. Они различались по целям и требованиям, по степени организованности и составу участников. Как правило, выступления мелких ремесленников, подмастерьев, наемных рабочих были вызваны ухудшением их экономического положения — ростом цен, снижением уровня заработной платы и т.д. Однако в ряде случаев восстания принимали более широкий социальный характер, в них вовлекались средние слои попопства. Такие выступления преследовали не только экономические, но и политические цели: восставшие требовали создания новых цехов, что позволило бы лишенным гражданских прав ремесленникам принимать участие в

управлении городом, поскольку гражданство определялось не только имущественным цензом, но и принадлежностью к цеху.

Во Флоренции прочно утвердилась власть «жирных» пополанов.

Тема 3.5. Страны Пиренейского полуострова в XIV—XV вв.

План

- 1. Политическое и социально-экономическое развитие христианских государств Пиренейского полуострова**
- 2. Феодалы и внутривластная борьба**
- 3. Церковь и ереси**

1. Политическое и социально-экономическое развитие христианских государств Пиренейского полуострова

Пиренейский полуостров в XIV—XV вв. С середины XIII в. Реконкиста надолго приостановилась. Мавританские владения - Гранадский эмират — стремились поддерживать мир со своими северными соседями, особенно после 1340 г., когда в битве при Саладо христианские войска нанесли поражение Гранаде и ее североафриканским союзникам. Эта битва положила конец военной помощи берберов ал-Андалусу. Границы между Кастилией и Арагоном постоянно изменялись в ходе междоусобных войн. Арагон на протяжении всего периода осуществлял планомерную экспансию в Средиземноморье: он подчинил Балеарские острова (в конце XIII — первой половине XIV в. там было самостоятельное государство — королевство Майорка), утвердился на Сицилии (1282) и в Неаполитанском королевстве (1442), завоевал остров Сардинию. Кастилия в начале XV в. присоединила Канарские острова, а Португалия с 1415 г. захватом города Сеута в Северной Африке начала свою колониальную экспансию в Атлантике. После брака наследников кастильского и арагонского престолов — инфанты Изабеллы и принца Фердинанда — в 1479 г. произошло объединение этих королевств. Наварра, не игравшая существенной роли на полуострове, в конце XV в. была поделена между Арагоном и Францией. В 1492 г. войска Кастилии и Арагона взяли Гранаду и тем самым завершили Реконкисту. Таким образом, к концу столетия закончилось и отвоевание, и объединение территории Испании в единое государство.

Социально-экономическое развитие. С середины XIII в. в экономике Испании и Португалии усиливаются кризисные явления, связанные с решением главных задач Реконкисты. Христианское завоевание вызвало массовый отток мавританского населения и Гранаду, и Северную Африку; нередко мусульмане изгонялись из страны по распоряжению королевской власти. Это не могло не подорвать высокоразвитую агрикультуру Андалусии, ремесло крупных городов. Крайне неблагоприятные последствия для полуострова, как и для остальной Европы, имела эпидемия чумы в середине XIV в., которая в некоторых областях (например, в Каталонии) унесла более половины населения. Ухудшились социальные условия для развития

крестьянского хозяйства и ремесленного производства. Ослабление колониационного процесса позволило феодалам северных районов полуострова ужесточить эксплуатацию крестьянства. Особенно ярко это проявлялось в Каталонии и Арагоне. В конце XIII — первой половине XIV в., когда в соседней Франции шел процесс ликвидации серважа, здесь, наоборот, происходит законодательное оформление личной зависимости. Ременсы (такое собирательное название носили каталонские крепостные) должны были выплачивать специфические сервильные повинности, что обозначалось как «дурные обычаи»; они подлежали суду сеньора, который был вправе выносить даже смертные приговоры; сильно ограничена была возможность ухода крестьянина от феодала.

Неблагоприятные изменения произошли и в положении крестьян Кастильского королевства. В Астурии, Галисии, Леоне возросли повинности соларьего, урезывались права бегетрий; в центральных и южных районах полуострова резко увеличиваются нормы натуральных и денежных поземельных платежей. Серьезную опасность для крестьянского хозяйства стало представлять коммерческое овцеводство крупных сеньоров, церкви и орденов. В начале XIV в. в Испании была выведена порода длинношерстных овец-мериносов, чья шерсть пользовалась широким спросом в Италии, Англии и Фландрии. Это способствовало возрастанию удельного веса скотоводства в экономике страны, наступлению феодалов на общинные земли с целью расширения пастбищ. Массовый вывоз сырья за рубеж вел к его удорожанию на внутренних рынках, к ослаблению позиций местного текстильного ремесла. Несколько иные условия сложились в Португалии, где вокруг портовых городов, специализировавшихся на экспорте аграрной продукции, успешно развивалось зерновое хозяйство. При этом усиливалась имущественная дифференциация крестьянства, увеличивалось число малоземельных держателей, живших феодальным наймом, причем плата наемным работникам в Португалии (как и в Испании) ограничивалась законом.

Наступление на права крестьян, естественно, встречало их сопротивление. В XV в. происходит ряд восстаний в Галисии и Старой Кастилии. Наибольшего размаха крестьянское движение достигло во второй половине XV в. на Балеарских островах (восстания 1450 и 1463 гг.) и в Каталонии. Уже в 50-е годы XV в. каталонские ременсы требовали права выкупаться из личной зависимости, а с 1462 г. они поднялись на вооруженную борьбу, однако войска кортесов легко рассеяли крестьянские отряды. В 1482 г. крестьяне восстали вновь под руководством Педро де ла Сала. Успеху восстания благоприятствовала острая политическая борьба короля с мятежной знатью. Размах движения заставил феодалов пойти на уступки. В 1486 г. были отменены «дурные обычаи» и разрешен выкуп ременсов за довольно высокую плату.

2. Феодалы и внутриполитическая борьба.

В XIV—XV вв. в Кастилии и Португалии в значительной степени исчезает возможность приобретать зажиточным крестьянам и горожанам статус

дворянина. Еще ранее, на рубеже XIII—XIV вв., размываются группы сельских и городских кабальеро как особые сословные группы; их обедневшая часть переходит в состав мелкого крестьянства и непривилегированных горожан, а верхушка вливается в ряды идалъго и порывает с производственной деятельностью. С этого времени и законодательство, и сословная мораль считают труд (особенно в ремесле и торговле) несовместимым с благородным статусом. При этом идалъго продолжали жить не только в деревне, но и в городе, образуя влиятельную часть его населения, контролирующую муниципальные учреждения. Другой характерной чертой данного периода является усиление замкнутости высшего слоя — аристократии (рикос-омбрес, гранды). Этому способствовали введение в Кастилии в конце XIII в. майората, т.е. неделимости вотчин знатных сеньоров при наследовании, а также сознательно создаваемые ограничения в приобретении титула для идалъго.

В конце XIII—XV в. приостановка Реконкисты привела к уменьшению доходов дворянства; острое недовольство, как феодалов, так и городов вызывали централизаторские устремления королей; различные группировки знати соперничали за политическое влияние, за право присваивать коронные земли и доходы. Все это создавало почву для острой и затяжной междоусобной борьбы во всех христианских государствах Пиренейского полуострова. XIV—XV века были временем настоящей феодальной анархии, когда королевская власть, лишь балансируя между враждующими «униями», «братствами» и «лигами» грандов с помощью подкупа и террора, могла сохранить контроль над положением. Объединение Кастилии и Арагона позволило несколько стабилизировать ситуацию в Испании. Сложность расстановки политических сил внутри страны, наличие многочисленного воинственного дворянства относятся к тем причинам, которые побуждали испанских и португальских монархов в XV—XVI вв. поощрять внешнюю экспансию, в частности колониальные захваты.

3. Церковь и ереси

Роль католической церкви в средневековой Испании была особенно велика, ведь Реконкиста шла под лозунгами борьбы христианства против ислама. Церковь не только вела проповедь религиозной войны, но и непосредственно в ней участвовала. Многие епископы имели собственные вооруженные формирования, лично участвовали в битвах и походах; большую роль в Реконкисте сыграли духовно-рыцарские ордена. Существенное влияние оказывала церковь и на политику королевской власти: глава (примас) испанской церкви архиепископ Толедский, другие виднейшие прелаты (архиепископы Сантьяго, Картахены, Барселоны) были влиятельными членами королевских Советов, канцлерами королевств Кастилии и Арагона.

Церковь в Испании предпринимала большие усилия по обращению в христианство мусульман на отвоеванных территориях. Особенно заметной стала религиозная нетерпимость в XIV—XV вв. Насильно крещенные мавры (мориски) нередко втайне отправляли обряды ислама. Мосарабская

христианская церковь, существовавшая в ал-Андалусе, выработала некоторые свои обряды и особенности в толковании Священного писания, не признававшиеся папством и духовенством Кастилии и Арагона. Все это дало повод для усиления в XV в. борьбы с ересями и учреждения в 1481 г. специального церковного трибунала — инквизиции. В 1483 г. испанскую инквизицию возглавил Торквемада, который при поддержке Фердинанда и Изабеллы (прозванных католическими королями) осуществлял массовые преследования мавров, морисков и еретиков.

Тема 3.6. Скандинавские страны в XIV—XV вв.

План

- 1. Политическая борьба в конце XIII и XIV в.**
- 2. Кальмарская уния**
- 3. Скандинавские страны в XV в.**

1. Политическая борьба в конце XIII и XIV в.

Проводимая королевской властью политика централизации не имела прочных успехов. Крупные феодалы выступали против короля и навязывали ему свою волю. Внутренняя борьба переносилась с конфликтами между Скандинавскими странами, ибо и король, и его вассалы искали поддержки за рубежом.

Чрезвычайно напряженной была борьба в Дании. В 1282 г. королю Эрику Клиппингу пришлось подписать хартию, которой он обязывался ежегодно созывать данехоф — общий совет государства, состоявший из магнатов, и соблюдать права и вольности феодалов. Попытка Эрика нарушить эту датскую «хартию вольностей» закончилась его убийством, после которого начался длительный конфликт крупных феодалов с королевской властью. В 1320 г. королевская власть в Дании окончательно капитулировала перед знатью, установившей контроль над государственным управлением. Король не имел права без ее согласия объявлять войну и взимать налоги. За феодалами была признана судебная власть над крестьянами.

В Швеции в 1284 г. также стал созываться совет из светских феодалов и епископов — риксрода. Это усилило феодальную знать. В 1319 г. мятежные феодалы изгнали из Швеции короля и возвели на престол малолетнего норвежского короля Магнуса Эрикссона. Ко времени его правления относятся первые общешведские своды законов, заменившие записи обычного права. Персональная уния Швеции и Норвегии (1319-1363) существовала лишь до тех пор, пока была выгодна шведской знати. Попытки Магнуса ограничить финансовые привилегии аристократии и церкви вызвали оппозицию крупных феодалов. Низложив Магнуса, шведские феодалы избрали королем немецкого герцога Альбрехта Мекленбургского, который должен был дать обязательство править с согласия риксрода. Немецкое влияние еще более усилилось.

Реальная власть во всех трех Скандинавских государствах в XIV в. находилась в руках крупных феодалов, причем многие из них имели владения не только в своей стране, но и в других Скандинавских странах. Их фискальные привилегии расширялись, быстро увеличивалось число крестьян, попавших в зависимость.

В первой половине XIV в. ухудшилось положение крестьян, страдавших и от эксплуатации землевладельцами, и от государственных поборов и повинностей, и от войн и убоиц. В сельском хозяйстве наблюдался застой, кое-где забрасывались пахотные земли. «Черная смерть» в середине XIV в. углубила хозяйственный упадок. Экономические последствия чумы в Скандинавских странах, особенно в Норвегии, были очень тяжелыми. Нехватка рабочих рук вела к резкому сокращению земледелия и к дальнейшему повышению удельного веса скотоводства. Норвегия не смогла выйти из состояния упадка и застоя до конца XV — начала XVI в.

Война Дании с Ганзой. В Дании Вальдемару IV Аттердагу (1340—1375) при поддержке церкви и рыцарства удалось укрепить королевскую власть. Утраченные ранее земли, в том числе и богатейшая провинция Сконе, были возвращены. Но захват датским королем острова Готланд с городом Висбю — важнейшим торговым пунктом на Балтийском море — привел Данию к столкновению с северонемецкой Ганзой. В войне с ней (1367—1370) Дания потерпела тяжелое поражение. Штральзундский мир (1370) предоставил ганзейцам торговые привилегии, в частности снижение таможенных пошлин и переход под их контроль четыре крепости в Сконе, что утвердило их господство на Балтийском море. По договору датский король не мог короноваться без согласия Ганзы. Норвегия также была вынуждена подтвердить привилегии немецких купцов, захвативших в свои руки почти всю ее торговлю.

2. Кальмарская уния

Датские и шведские владения находились под угрозой отторжения их северогерманскими князьями. Несмотря на конфликты, неоднократно вспыхивавшие между Скандинавскими государствами, перед лицом опасности, грозившей со стороны немецких князей и Ганзы, феодалы Дании, Швеции и Норвегии стремились к объединению. Этническая общность, сходство экономического и культурного развития облегчали политический союз этих стран, получивший форму династической унии. Маргарита, дочь датского короля Вальдемара IV Аттердага и жена норвежского короля, возвела на датский престол своего сына Олафа, от имени которого правила Данией и Норвегией, а после его смерти сама стала во главе обоих государств. В 1389 г. при поддержке шведских феодалов она получила власть и над Швецией. В июне 1397 г. на собрании представителей трех королевств в шведском городе Кальмаре внучатый племянник Маргариты Эрик Померанский был провозглашен королем Дании, Швеции и Норвегии. Одновременно был выработан акт о вечной унии трех государств. Во главе их впредь должен был стоять один король. Государства должны были

оказывать друг другу помощь в случае войны, но в каждом из них сохранялись свои законы. Уния не была, однако, передана на утверждение государственных советов и носила личный характер.

Фактически уния не уравнивала все три государства. Наиболее экономически развитой страной была Дания с населением, примерно равным населению Швеции и Норвегии. Она и извлекла наибольшие выгоды из унии. В наименее выгодном положении оказалась Норвегия, переживавшая глубокий упадок. Противоречия между вошедшими в унию королевствами не были преодолены. Маргарита, в руках которой оставалось правление огромной державой (до ее смерти в 1412 г.), назначала преданных ей датских и немецких феодалов на церковные и крупные государственные должности и раздавала им большие ленные пожалования в Швеции и Норвегии. Слой крупных землевладельцев, освобожденных от уплаты налогов, расширился. Кальмарская уния способствовала, таким образом, усилению крупных феодалов. Но на первых порах она укрепила королевскую власть. Во владении короны были сконцентрированы значительные земли. Королю Эрику удалось ограничить привилегии немецких купцов. После войны были введены зундские пошлины, взимавшиеся с кораблей, проходивших проливы из Балтики в Северное море. Пошлины составили существенный источник государственных доходов. Но война с Ганзой нанесла большой ущерб Дании, Норвегии и особенно Швеции.

Ухудшение положения крестьян Период унии был временем усиления феодальной зависимости крестьян. В XIV в. большая часть крестьян Дании и Норвегии уже сидела на землях феодалов и платила им ренту. Крупнейшим землевладельцем стала церковь. В Дании увеличивалась барщина, росло крупное поместье, связанное с рынком. Подобные тенденции намечались и в Швеции. Расширялись права крупных землевладельцев, особенно церкви. Увеличивались налоги. Бедняков, не имевших имущества, с которого можно было бы собирать подати, принуждали работать в качестве поденщиков у богатых людей в деревне и в городе, а уходивших в город крестьян насильно возвращали в сельскую местность. На усиление гнета крестьяне отвечали восстаниями.

3. Скандинавские страны в XV в.

Восстание Энгельбректа Энгельбректссона (1434—1436). Ущемление самостоятельности Швеции и Норвегии датскими правителями затрагивало интересы различных слоев населения в этих странах. Особенно сильной была оппозиция в Швеции. Купцы Стокгольма и в особенности рудокопы провинции Далекарлия, где находились богатейшие в Европе медные и железные рудники, выражали недовольство. В Далекарлии в 1434 г. и началось восстание: рудокопы и крестьяне потребовали уменьшения налогов и выступили против засилья в Швеции датчан и немцев. Во главе восставших стал владелец рудника, выходец из среды низшего рыцарства Энгельбрект Энгельбректссон. К движению присоединились и некоторые феодалы. В 1435 г. было созвано сословно-представительное собрание, на котором наряду с духовенством и светскими феодалами присутствовали выборные от бюргеров

и бондов. Так возникло шведское сословное представительство - риксдаг, окончательно оформившийся во второй половине XV в. Но Энгельбрект, избранный «вождем государства», в 1436 г. был предательски убит. Восстание крестьян было подавлено, но оно значительно подорвало датское и немецкое засилье в Швеции.

Под влиянием событий в Швеции начались народные движения в Норвегии, Финляндии и Дании. Восстание в районе Осло вспыхнуло в 1436 г., а в 1441 г. крестьянское движение охватило Северную Ютландию, быстро распространившись на другие области. Крестьяне жгли королевские замки и усадьбы феодалов. Вместе с тем феодалы использовали народное движение в своих интересах. Король Эрик вынужден был бежать из Дании; королевская власть была вновь ослаблена.

В Дании собрание сословий стало созываться в 1468 г. Но оно (как и в Швеции, в отличие от крупных стран Европы) не контролировало финансовую политику короны и созывалось очень нерегулярно.

Скандинавские страны во второй половине XV в. Исход борьбы за и против Кальмарской унии в Швеции и Норвегии был неодинаков. Норвежское бюргерство оставалось слабым и оттесненным от предпринимательской деятельности купцами Любека и Ростка. Слабое норвежское дворянство было неспособно возглавить освободительное движение против унии. Норвегия потеряла в этот период Оркнейские и Шетландские острова, перешедшие под власть королей Шотландии. В Исландии, где феодализация почти вовсе не развивалась, в конце XIV в. установилось господство датчан, сменившее власть норвежского короля. Свертывание мореходства и торговли привело к прекращению связей между Норвегией и Гренландией; скандинавские поселения в Гренландии исчезли.

В Швеции борьба за разрыв унии была вместе с тем борьбой различных социальных сил между собой. Часть дворянства и высшего духовенства искала помощи в Дании. Обладание землями в обоих государствах делало многих дворян приверженцами унии. Против унии выступала другая часть дворянства, нашедшая поддержку у бюргерства и крестьян. Опираясь на освободительное движение, крупный шведский феодал Карл Кнутссон захватил престол (он правил с перерывами с 1448 по 1470 г.). В 1471 г. бюргеры и крестьяне под руководством представителя шведской знати Стена Стуре нанесли при Брункеберге поражение войскам датского короля. Эта битва послужила толчком для дальнейшего патриотического подъема. Из городских советов были удалены немцы, был основан первый шведский университет в Упсале.

Деятельность регентов из дома Стуре (1471—1520), расчетливых политиков, использовавших народные движения в интересах дворянства, была направлена на ограничение вывоза из Швеции драгоценных металлов, сосредоточение торговли и ремесла в руках шведских бюргеров. Вывоз железа и меди стал государственной монополией. В руках государства была сосредоточена чеканка монеты. В интересах светских феодалов Стуре ограничивали церковное землевладение. Стуре не ставили целью выход

Швеции из унии с Данией, но тенденция к приобретению Швецией полной самостоятельности делалась все более неодолимой.

В течение XV в. в Дании также выросло влиятельное бюргерство. Копенгаген стал резиденцией короля. В последней четверти столетия там возник университет. Привилегии ганзейцев были уничтожены. Торговля сельскохозяйственными продуктами, перешедшая в руки датских феодалов, связывала Данию в экономическом отношении со Шлезвигом, Гольштинией и Северной Германией, что облегчило и политическое сближение. Королю Кристиану I (1448-1481) удалось добиться своего избрания герцогом Шлезвига и Гольштинии (1460), тем самым он стал имперским князем. Поддержку в борьбе против Ганзы и Швеции датские короли нашли у московского великого князя Ивана III, с которым в 1493 г. они заключили соглашение.

Во второй половине XV в. продолжалось втягивание датских крестьян в личную зависимость. Крупные землевладельцы принуждали исполнять все увеличивавшуюся барщину.

Тема 3.7. Византия в XIV—XV вв.

План

- 1. Поздневизантийский феодализм (XIV — середина XV в.).**
- 2. Византийский город в XIV -XV вв.**
- 3. Гражданская война и восстание зилотов (1341—1355). Идеино-богословская борьба в империи**
- 4. Турецкие завоевания на Балканах. Падение Византийской империи**

1. Поздневизантийский феодализм (XIV — середина XV в.).

В конце XIII — середине XV в. господство крупного феодального землевладения, как светского, так и церковного, еще более упрочилось. Пронин вновь приобретает форму наследственного условного владения, приближаясь к западноевропейскому феодалу. Существенно расширяются иммунитетные привилегии феодалов: помимо пожалованного налогового иммунитета они все чаще получают (или присваивают) административный и судебный иммунитеты, тем самым укрепляя свою власть над населением вотчин. Государство, правда, как и ранее, определяло размеры публично-правовой (т.е. выросшей из государственного налога) ренты с крестьян, которую оно передавало феодалам. Основу публично-правовой ренты составлял телос — налог с дома, с земли и с упряжки скота. Помимо телоса существовали налоги, распространяемые на всю общину, например, десятина скота и пастбищные сборы. Кроме публично-правовой ренты (которую платили и немногочисленные свободные крестьяне) зависимые крестьяне (парики) несли частноправовые повинности в пользу феодала, т.е. такие, которые регламентировались не государством, а обычаем. Барщина была сравнительно невелика, составляя в среднем 24 дня в году. Кроме того, в XIV

-XV вв. она все чаще коммутировалась в денежные платежи. Более существенными были денежные и натуральные сборы в пользу феодала.

В XIV—XV вв. завершается наступление феодалов на крестьянскую общину: они подчиняют ее самоуправление, превращая его в элемент вотчинной организации. Однако в отличие от Латинской Романии в Византии вплоть до ее падения парики имели право при условии уплаты ими ренты переселяться на другие земли и в города, хотя на практике такие возможности могли ограничиваться и феодалами, и государством.

В XIII—XIV вв. росла товарность сельского хозяйства. Продукты, произведенные в вотчинах, особенно хлеб и вино, широко экспортировались. Но продавцами на внешних рынках выступали не крестьяне (сбывавшие часть своей продукции на местных рынках), а светские феодалы и монастыри, извлекавшие наибольшие выгоды из этой торговли. Имущественная дифференциация крестьян выражалась в основном в процессе оскудения их низших слоев, что вело к превращению безземельных и малоземельных париков в наемных работников и арендаторов чужой земли. Укрепление вотчинного хозяйства приводило к развитию в деревне ремесленного производства. Поздневизантийский город не обладал монополией на изготовление и сбыт ремесленной продукции.

В конце XIV — середине XV в. многие византийские феодалы утратили свои земельные владения, перешедшие в руки османов и других врагов империи. Проживая в Константинополе и других крупных городах, феодалы все шире включались в ростовщические и коммерческие операции, помещая деньги в иностранные, прежде всего итальянские, банки.

Широкая раздача земель в провинции, расширение налоговых иммунитетов, предоставляемых феодалам, и торговых привилегий — итальянским купцам, а также местным монастырям, оскудение крестьян и горожан резко сократили поступления в государственную казну. Обширные траты на армию и флот, на содержание двора и нужды дипломатии уже при Михаиле VIII быстро исчерпали наличные средства. В поисках выхода из создавшегося положения императоры увеличивали налоги, прибегали к систематическому снижению золотого содержания монеты, что приводило к росту цен. К тому же нарастала турецкая угроза.

К началу XIV в. значительная часть Малой Азии уже была в руках турок. Попытка отразить их с помощью наемного каталонского войска в 1303—1305 гг. закончилась провалом. Пытаясь создать собственное княжество на территории Византии, каталонцы восстали и в 1306-1307 гг. разграбили Фракию, Фессалию и Южную Македонию, а в 1311 г. захватили Афинское герцогство. Лишь в Эпире и на Пелопоннесе византийцам удалось расширить свои владения. В 1320—1328 гг. в Византии вспыхнула междоусобная война между императором Андроником II и его внуком Андроником III, стремившимся захватить престол. Победа Андроника III еще более усилила феодальную знать и силы децентрализации. В 20-30-е годы XIV в. Византия вела изнурительные и бесплодные войны с Болгарией и Сербией, ослабившие все стороны накануне решающего столкновения с османами.

2. Византийский город в XIV - XV вв.

В XIV-XV вв. большинство городов Византии испытывало упадок. Он был вызван засильем феодалов в экономике и управлении городов, слабостью самих торгово-ремесленных слоев, утратой городами их аграрной периферии, демографическим спадом, произошедшим вследствие опустошения многих городов завоевателями и оттока из них населения. Все глубже в систему товарообмена внедрялись генуэзские и венецианские купцы, сохранившие и преумножившие свои привилегии к ущербу местного купечества, а отчасти и ремесленников. Так, например, расширение ввоза более дешевых и качественных I венных западноевропейских сукон и шелковых тканей подрывало ткацкое ремесло византийских городов. Вместе с тем итальянские предприниматели стимулировали развитие некоторых других отраслей византийского ремесла, прежде всего — обрабатывавших сырье и обслуживавших международную торговлю.

Упадок городской жизни особенно рельефно проявился в Константинополе, где целые кварталы находились в запустении. Но и там экономическая жизнь полностью не заглохла, а временами даже оживлялась. Более благоприятным было положение крупных портовых провинциальных городов, например, Трапезунда. Здесь существовал союз местных феодалов и торгово-предпринимательской верхушки, возникший на основе участия в широкой международной и местной торговле. При этом феодалы извлекали основные выгоды из торговых налогов, а купцы — из посреднической торговли. Купцы Трапезундской империи сотрудничали с итальянскими коммерсантами, перенимали у них более передовую коммерческую технику, становились их младшими торговыми партнерами.

Большинство средних и мелких городов Византии аграризировалось, превращалось в центры местного обмена товарами с весьма ограниченным ремесленным производством. Некоторые из них оставались только церковно-административными центрами или резиденциями крупнейших феодалов.

3. Гражданская война и восстание зилотов (1341—1355). Идеино-богословская борьба в империи.

Гражданская война и восстание зилотов (1341—1355). После смерти Андроника III в 1341 г. власть в империи оказалась в руках регента его малолетнего сына Иоанна V — знатнейшего и богатого землевладельца Фракии Иоанна Кантакузина. Оппозиционные ему силы — чиновно-служилая знать, торгово-ремесленные круги столицы, поддержанные городскими низами, — сплотились в борьбе против Кантакузина вокруг матери Иоанна V — Анны Савойской и незнатного по происхождению, но влиятельного сановника Алексея Апокавка. Пользуясь временным отсутствием Кантакузина в Константинополе, оппозиция взяла власть в столице в свои руки. Имущество Кантакузина и его сторонников было разграблено или конфисковано, сам он был лишен должностей. Феодалы провинции в ответ провозгласили Кантакузина императором. Однако ненависть народа к магнатам вылилась в широкое народное движение против кантакузинистов. Крестьяне громили поместья феодалов. Против феодалов и

ростовщиков восстало население Адрианополя и окрестных деревень во главе с землекопом Враном. Дома феодалов разрушали, их самих убивали или отправляли под конвоем в Константинополь. Движение набирало силу. Стихийно складывался союз городов с императорской властью, поддержанный крестьянами и направленный против провинциальной знати, сил децентрализации.

В 1342 г., после того как Кантакузину не удалось захватить Фессалонику, кантакузинисты были изгнаны и оттуда. Власть во втором по значению городе империи перешла к зилотам («ревнителям»). Во главе зилотов стояла зажиточная городская торговая верхушка, чиновная администрация. Основную их военную силу составляли корпорация моряков и, возможно, ремесленники. С самого начала зилоты разделили власть с представителем константинопольского правительства, - братом Алексея Апокавка Иоанном. На первом этапе движение не отличалось радикализмом и имело в основном лишь антикантакузинистскую направленность. В 1345 г. городская верхушка и часть оставшихся в городе феодалов попытались достичь компромисса с Кантакузином и сдать ему город. Их заговор был раскрыт. Народ восстал и уничтожил более ста знатных заговорщиков во главе с Иоанном Апокавком. Три дня плебейские массы громили дома богатей.

Однако победа зилотов не привела ни к широким социальным реформам, ни к изменению формы правления. Частично было перераспределено имущество, конфискованы земли знати и монастырей, ограничивалось ростовщичество. Но и после победы в 1345 г. вожди зилотов не пошли далее полумер, не выдвинули собственной программы, ориентируясь на константинопольское правительство. К 1347 г. Перевес был уже на стороне Кантакузи-на, который использовал для борьбы с противниками иноземные, прежде всего турецкие, отряды, безжалостно опустошавшие византийские земли. В 1347 г. император Иоанн VI Кантакузин овладел Константинополем. В движении зилотов произошел раскол. Правительственный архонт Алексей Метохит, сменивший Апокавка, направил недовольство плебейских масс против корпорации моряков и фактически разгромил ее. Силы сопротивления были ослаблены. Выдержавший не одну осаду Кантакузина, город был, наконец, взят им в 1349 г. Восстание зилотов было подавлено.

По своей сути это крупнейшее городское движение поздней Византии было последней попыткой торгово-ремесленных кругов бороться с засильем феодалов. Слабость городов, отсутствие сплоченного городского патрициата, социальной организации ремесленных цехов, традиций самоуправления предопределили поражение. Реакция торжествовала. Городское население попало в еще большую, чем ранее, зависимость от феодалов. Страна была разорена.

Кантакузины и Палеологи делили ее на уделы, принадлежавшие тем или иным представителям императорской фамилии. В 1348 - 1352 гг. Византия проиграла войну с генуэзцами. Черноморская торговля и даже снабжение

Константинополя хлебом были сосредоточены в руках итальянцев, зависимость от которых Византии все возрастала.

Идейно-богословская борьба в империи. Положение империи осложнялись и острой полемикой по богословским вопросам, в специфических условиях Византии затронувшей все ее слои и обострившей социальные противоречия. Сначала, с 30-х гг. до середины XIV в., дискуссии велись между паламитами и их оппонентами, позднее — между сторонниками и противниками заключения унии с папством.

Видный теоретик византийского мистического богословия, причисленный позднее церковью к лику святых, архиепископ Фессалоникский Григорий Палама обосновал учение о возможности спасения человека через его непосредственное и осязаемое единение с Богом, достигаемое путем «умной молитвы».

Эта «деификация», согласно учению Паламы — исихазму — основывалась на восприятии человеком благодати Божьей через божественную энергию, явленную на горе Фавор. Учение о Фаворском свете, об отказе от суетных забот мира сего ради достижения личного спасения, последовательный разрыв с рационализмом утверждали в византийском обществе идеалы созерцательности. Противники исихазма, опиравшиеся в основном на философские традиции аристотелизма и западного богословия, оказались в меньшинстве и были осуждены (см.гл.22). Признанное на соборе 1351 г. в качестве канонического, исихастское богословие не стало, однако, в Византии знаменем сплочения церкви и народа в борьбе против внешней опасности.

С другой стороны, необходимость защиты государства от нарастающей турецкой угрозы толкала императоров на настойчивые поиски союзников на Западе. Папы выдвигали условием союза и помощи католического Запада признание главенства (примата) римских первосвященников над греческой церковью и заключение унии на основе католического вероучения, прежде всего — принятия догмата о Троице (исхождении Святого Духа и от Отца, и от Сына), отвергаемого православным богословием.

Первая попытка унии, как уже отмечалось, была предпринята в 1274 г. на Лионском соборе и окончилась провалом. В 1369 г. во время посещения Рима византийский император Иоанн V Палеолог принял католичество. Это расценивалось, однако, как его единоличный, хотя и значимый, акт. Переговоры об унии церквей то затухая, то активизируясь, шли всю вторую половину XIV - начало XV в., не давая ощутимых результатов в первую очередь из-за догматических расхождений и антилатинских настроений, которые разделяло большинство населения империи ромеев

4. Турецкие завоевания на Балканах. Падение Византийской империи

Турецкие завоевания на Балканах (1352-1402). Пользуясь ослаблением Византии, крупнейший из турецких эмиратов — османский — в 1352 г. захватил крепость Цимпе на полуострове Галлиполи, на европейском берегу Дарданелл. Путь на Балканы был открыт. В 1362 г. Мурад I, принявший титул султана, завоевал Адрианополь и перенес туда столицу Османской

империи. Вся Фракия вместе с городом Филиппополем (Пловдивом) оказалась вскоре в руках турок. Чтобы спасти империю, византийский император Иоанн V Палеолог отправился на Запад и пытался найти поддержку папства, Венгрии и других государств в организации отпора османам, однако его миссия не привела к успеху. Турки разгромили по очереди болгар, сербов и византийцев.

Византия была вынуждена признать вассальную зависимость от османов, платить им дань и даже принимать участие в османских завоевательных походах. Но преемнику Мурада Баязиду I этого казалось мало. В 1394—1402 гг. (с перерывами) он блокировал и осаждал Константинополь, надеясь покончить с Византией. ан тиосманский крестовый поход, возглавленный королем Венгрии Жигмондом (Сигизмундом Люксембургом), окончился страшным поражением крестоносцев в битве при Никополе на Дунае в 1396 г. В самом Константинополе против османов сражался тысячный отряд французского полководца маршала Бусико. Но этих сил было слишком мало. Византийский император Мануил II, как и его отец Иоанн V, отправился за помощью на Запад. Его принимали в Венеции, в Милане, Париже и Лондоне с большими почестями, но реальной помощи, кроме денежных субсидий, он не получил. Неожиданное избавление пришло с Востока: в 1402 г. в битве при Анкаре османы были наголову разгромлены войсками Тимура. Внутренние смуты, раскол Османской державы после этого события отсрочили гибель Византии.

Падение Византийской империи. Византия не сумела воспользоваться передышкой для укрепления собственного положения. В 1422 г. османы вновь осадили Константинополь, а в 1430 г. взяли Фессалонику. Чтобы обеспечить помощь Запада в условиях нового роста османской угрозы, византийское правительство пошло на заключение унии между римско-католической и православной церквями. Она была подписана во Флоренции в 1439 г. на пап-ских условиях.

После заключения унии был предпринят новый крестовый поход против турок. Но несмотря на первоначальные успехи, он, как и предыдущий, закончился поражением: в 1444 г. в битве при Варне армия крестоносцев была уничтожена османами. Между тем уния вызвала раскол в византийском обществе. Большинство населения относилось к ней враждебно. Так называемые латинофилы, сторонники сближения с Западом и уступок папству, выражали интересы части столичной аристократии и торгово-предпринимательских кругов. Из политических соображений их поддерживало правительство. Второй «партией» были сторонники сближения с османами и, в конечном счете, капитуляции перед ними при условии сохранения богатства и привилегий знати и купечества. Православное, наиболее влиятельное течение, выступало с антилатинскими лозунгами, но не имело определенной политической программы. Ни одна из группировок не возглавила патриотическое движение, которое могло бы спасти Византию. Таких социальных сил уже не существовало.

После длительной осады и героического сопротивления защитников Константинополь был взят штурмом войсками султана Мехмеда II 29 мая 1453 г. Город подвергся грабежу и опустошению, население его безжалостно уничтожалось либо захватывалось в плен. Лишь через три дня султан предоставил уцелевшим жителям амнистию и разрешил беженцам вернуться в город. В 1460 г. турки покорили Морею, а в 1461 г. — Трапезундскую империю.

Причины и последствия падения Византийской империи. Падение Византии было обусловлено комплексом как внешних, так и внутренних причин. Империя была надорвана латинским завоеванием начала XIII в. С конца XIII в. Византия вела почти непрерывные войны на западе и востоке империи. Они, а также кровавые междоусобицы XIV в. изматывали государство, уничтожали его ресурсы. Силы слабеющей Византии и набиравшей мощь Османской державы были уже в XIV в. несопоставимы. Но главнейшими причинами гибели Византии были все-таки упадок городов, ремесленного производства и торговли, оскудение крестьянства. Страна переживала политическую раздробленность, которая пришлась на самый критический период в ее истории. Помощь Византии со стороны других государств, нередко преследовавших своекорыстные цели, была недостаточна для отражения натиска османов. Рост самосознания греческого народа сдерживался господством устаревшей доктрины ойкуменизма, провозглашавшей универсальность и исключительность богохранимой «империи ромеев» в ее древних границах.

Османское завоевание тяжело отразилось на экономике и социальном развитии Юго-Восточной Европы, привело к длительному регрессу в развитии производительных сил. Хотя османское господство укрепило хозяйственное положение части феодалов, которые пошли на сотрудничество с завоевателями, расширило внутренний рынок, обеспечило большую централизованность, оно ухудшило положение народов Балкан, испытывавших жестокий национальный и религиозный гнет.

Утверждение османов на византийской территории сделало ее плацдармом турецкой агрессии против стран Центральной и Восточной Европы и Ближнего Востока.

Тема 3.8. Церковь и ее организация в Западной Европе

План

- 1. Оформление христианской догматики. Вселенские соборы**
- 2. Становление доктрины папства**
- 3. Христианизация германских и кельтских племен в IV—V вв.**
- 4. Монашество**
- 5. Папство и церковь в IX — середине XI в.**
- 6. Раскол церкви и установление папской теократии**
- 7. Ереси. Учреждение инквизиции.**
- 8. «Авиньонское пленение» пап. Великая схизма и соборное движение**

1. Оформление христианской догматики. Вселенские соборы

Обращение Константина. К IV в. культура Римской империи была преимущественно языческой, и в течение нескольких последующих столетий позднеантичному обществу предстояло пережить трудный процесс духовного перерождения, находясь в атмосфере культурного двоеверия. Несмотря на то, что христиане еще подвергались гонениям за веру, новая религия широко распространилась на территории Римской империи. Об этом свидетельствует, в частности, возникновение крупных христианских центров в Риме, Антиохии, Иерусалиме, Александрии, в ряде городов Малой Азии и других областях. Однако в это время сама церковь не была внутренне единой: среди христианских учителей и проповедников имелись расхождения относительно словесного выражения истины христианской веры. Но христианство, еще в начале IV в. гонимое «извне» языческим обществом и государством, раздираемое «изнутри» сложнейшими богословскими спорами, встречает новое V столетие будучи единственной официально признанной религией Римской империи. Свершение этого «чуда из чудес», как часто впоследствии называли «торжество христианства» в IV в., связано с именем императора Константина I (274—337).

Обращение Константина к христианству, учитывая, что сам обряд крещения он принял лишь перед смертью, не может рассматриваться только как результат политического расчета или поиска духовной истины.

Поворот произошел, когда в ходе ожесточенной политической борьбы за власть Константин увидел во сне знак Христа — крест, с повелением выступить с этим символом против врага, и, исполнив это, одержал решающую победу в сражении с Максенцием (312). Император придал этому видению совершенно особый смысл — как знак избрания его Христом для победы над врагом, и более того, как принятие им креста, христианства, лично от самого Христа, а не через церковь, для осуществления связи между Богом и миром посредством своего императорского служения. Именно таким образом воспринималась его роль и христианами того времени, поэтому и мог некрещеный император принимать столь активное участие в решении внутрицерковных, догматических вопросов, а не только в укреплении официального положения христианства в империи.

С издания Миланского эдикта (313) христиане становятся под защиту государства и получают равные с язычниками права. Христианская церковь уже не подвергается гонениям, даже в правление императора Юлиана (361-363), прозванного Отступником, — не за нетерпимость к христианству, но за ограничение прав церкви и объявление веротерпимости к христианским неканоническим учениям (ересям) и язычеству. Христианство становится официальной государственной религией, а к концу столетия при императоре Феодосии I (379-395) объявляется религией нетерпимой и к язычеству, и к ересям.

Эпоха перехода от античности к средневековью являлась важнейшим этапом в становлении христианского вероучения. В IV в. церковь не была внутренне единой. Поэтому, когда в 323 г. Константин I стал единодержавным правителем всей империи, он выступил инициатором созыва церковного собора, который должен был заложить основы католической, вселенско-единой христианской церкви. Но отличие Вселенских соборов состоит в том, что они были призваны дать точное общецерковное определение по основным вопросам христианского вероучения, истинам веры (догматике) и правилам церковной организации и дисциплины (канонам). Эти постановления считались важнейшими и обязательными для всего христианского мира.

Оформление основных догматов проходило благодаря активной деятельности отцов церкви. К их числу относятся те христианские учителя и писатели, которых церковь признала наиболее авторитетными толкователями христианства. Изучением их наследия занимается патристика (учение самих отцов церкви и учение об отцах церкви). Христианской догматике посвятили свои труды выдающиеся богословы IV—V вв., часто именуемые «вселенскими учителями»: святые отцы — Афанасий Александрийский, «великие каппадокийцы» (Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский), Иоанн Златоуст, Амвросий Медиоланский, Августин Блаженный и многие другие. Творения отцов церкви являются составной частью Священного Предания, которое вместе со Священным Писанием (38 книгами Ветхого и 27 книгами Нового Завета) и составило христианское вероучение.

В центре внимания Первого и Второго Вселенских соборов была выработка единого взгляда на догмат о Св. Троице (тринитарное учение). Собравшиеся в 325 г. в Никее иерархи обсуждали учение александрийского священника Ария (ум. в 336 г.). Он и его последователи (ариане) признавали Бога-Отца как совершенное замкнутое единство, что исключало возможность передачи этой сущности кому-либо другому. Поэтому Бог-Сын, по представлению ариан, был лишь высшим творением Бога, чужеродным и неподобным Богу-Отцу. Учение Ария вызвало резкую критику св. отцов и было осуждено как отрицающее по существу божественную троичность. Одним из главных догматических деяний I Вселенского собора было проведение вероопределения (ороса), в котором вносилось уточнение в крещальный символ веры о единосущности Бога-Сына Богу-Отцу, что означало постулирование равенства Отца и Сына по Божеству.

Догматическое постановление Никейского собора было объявлено не только от имени св. отцов, но и от лица императора Константина, что закрепило особую роль византийских императоров во взаимоотношениях с церковью. На соборе помимо догматических вопросов были приняты 20 постановлений канонического характера (о порядке выбора и утверждения епископов провинций; о предоставлении высшей власти над западными епископами римскому, над восточными — антиохийскому, над Египтом, Ливией — александрийскому; и др.). Несмотря на единогласное осуждение на соборе Ария и его сторонников, церковь не была единой в этом

осуждении. Сумев привлечь на свою сторону государственную власть уже в последние годы правления Константина Великого, ариане одержали победу над сторонниками никейского ороса (никейцами), которые в течение нескольких десятилетий подвергались гонениям. Именно поэтому христианизация германских народов, совпавшая по времени с этим периодом, проходила в форме принятия ими арианства.

Второй Вселенский собор, собравшийся в 381 г. в Константинополе, продемонстрировал торжество никейского символа не только над ересью Ария, но и над учением епископа Македония, выступавшего против божественной природы Святого Духа, принимая его за сотворенную Богом силу. Никейское вероопределение на Константинопольском соборе было расширено, получив в историографии название Никео-Цареградского. В нем, в частности, дана краткая формулировка основных положений тринитарного учения. Согласно догмату о Св. Троице, признается истинным единство природы Бога и единовременно его троичности в лицах (ипостасях): Бог есть Отец, Сын и Дух Святой. Лица Св. Троицы не являются соподчиненными одно другому. Они совершенно равны между собой, единосущны, несмотря на то различие, что Бог-Отец, нерожденный, есть начало других ипостасей — Сына, рожденного от Отца, и Святого Духа, от Отца исходящего. Именно это учение о триипостасности Бога отличает христианство от античного (философского), иудейского и мусульманского монотеизма. На Константинопольском соборе были приняты важные канонические решения: установлены правила принятия в лоно православной церкви кающихся еретиков; выделялись 5 восточных округов с особыми церковными судебными инстанциями. И, наконец, собор определил место константинопольской кафедры в иерархии христианских епископов, назвав его вторым после римского, т.к. «Константинополь есть Новый Рим». Этим решением ранг Константинопольского епископа становился первым среди всех восточных, в том числе Антиохийского.

Три следующих столетия истории становления христианского вероучения связаны с напряженной христологической полемикой — по вопросу о природе (сущности) Иисуса Христа. На Третьем Эфесском соборе 481г. речь шла об учении константинопольского патриарха Нестория, отвергавшего божественную и признававшего за Иисусом Христом только человеческую природу. Несторий полагал, что рожденный как простой человек от Девы Марии (Христородицы) Иисус Христос стал некоей обителью Бога, действуя как орудие человеческого спасения (Богоносец). Собор осудил учение Нестория и выдвинул вероопределение, постулирующее идеальное равновесие природ в Богочеловеке (что получило окончательное определение в догматическом постановлении IV Вселенского собора). Однако, несмотря на решение собора и низложение Нестория, его последователи (несториане) основали свою церковь и развили миссионерскую деятельность в Персии, а затем в Китае, Монголии, Индии. Но в церковную историю Эфесский собор вошел, прежде всего, как собор, провозгласивший догмат о Пресвятой Богородице.

Самый представительный (650 иерархов) Четвертый Вселенский собор 451г. состоялся в Халкидоне. Обсуждению подверглось учение архимандрита одного из константинопольских монастырей Евтихия. В отличие от Нестория он впал в другую крайность и отвергал человеческую природу во Христе, полагая, что все в нем было поглощено божественной ипостасью, и Иисус Христос имел лишь кажущуюся человеческую плоть. Последователи учения Евтихия получили название монофизитов (по греч. — одна природа), которые и после осуждения собором распространяли свои идеи в Сирии, Египте, Армении. Ввиду упорства несториан и монофизитов на Халкидонском соборе был принят особый догмат «О двух естествах во едином Лице Господа нашего Иисуса Христа», в котором изложены основы христологического учения отцов церкви. В соответствии с христианским догматом, Бог-Сын имел два воплощения. Первое — как одно из лиц Св. Троицы («по Божеству») было «прежде всех век», т.е. вневременным, вечным; второе — от Девы Марии — Богородицы («по человечеству»), когда, непорочно зачав во чреве от Духа Святого, ниспосланного Богом-Отцом, она родила Иисуса Христа. В одном лице Он, по словам халкидонского ороса, «неслиянно, непреложно, нераздельно и неразлучно» соединяет две природы — божественную и человеческую (Богочеловек), при том что каждая из них сохраняет присущие ей свойства.

Утверждение этого вероопределения явилось кульминационной точкой собора. Однако не все собравшиеся епископы приветствовали этот орос, около 150 иерархов не подписали его. Поэтому на соборе были приняты соответствующие постановления о наказании мирян и клириков, не принимающих соборное вероопределение (лишение сана, отлучение от церкви и т.п.). В ряду 33 канонов Халкидонского собора — ряд решений административного и дисциплинарного характера, как, например, о границах Антиохийского и Иерусалимского патриархатов, о подчинении монахов местному епископу и др. Но самым известным является 28-е правило Халкидонского собора. Оно определяло круг судебной и административной деятельности константинопольского патриарха, уравнивало его права для восточных диоцезов с правами римского престола для западных.

Пятый и Шестой Вселенские соборы проходили в Константинополе в 553 и 680 гг. На них христологическое учение получило дальнейшее развитие в ходе полемики с монофелитами (по греч. - одна воля), которые хотя и признавали во Христе две сущности, но лишь одну действующую в нем божественную волю. На Соборах большое внимание уделялось канонической деятельности. Решения принимались не только по вопросам внутрицерковной жизни (установление иерархии кафедр восточной церкви, обязанностей митрополитов созывать ежегодные поместные соборы и др.), но и касались мирян (отлучение от церкви не посещавших богослужение 3 праздничных дня; определение правил вступления в брак; наложение епитимий кающимся и др.).

Седьмой Вселенский собор состоялся в Никее в 787 г. Он решительно осудил ересь иконоборцев, завершив первый период иконоборческого

движения. Главным определением собора было провозглашение догмата иконопочитания. Согласно ему честь, воздаваемая образу, восходит к первообразу, и поклоняющийся иконе поклоняется ипостаси изображенного на ней. Среди 22 канонических решений собора наиболее известными являются правила, запрещающие симонию (предоставление и получение церковных должностей за деньги), отчуждение церковного имущества монастырей, назначение на церковные должности мирян и др.

Учение о спасении. Наряду с разработкой тринитарного и хрисицинического вопросов большое внимание отцы церкви уделяли и проблеме взаимоотношения человека с Богом, в основе которого лежит учение о спасении человека (сотериологии). Оно тесно связано с христианским учением о вселенной и мире, согласно которому признается, что весь мир есть творение Божие, созданное им за шесть дней. Венцом этого творения и господином созданного мира предстает человек, имеющий образ и подобие божие, состоящий из души и тела, наделенный разумом и свободной волей.

Библейский рассказ о запретном плоде, когда первые люди — Адам и Ева не послушались Бога и вкусили от «древа познания добра и зла», т.е. противопоставили свою свободную волю воле Бога, повествует о грехопадении человека («первородный грех»). Следствием этого явилось нарушение мирового порядка, созданного первоначально, человек утратил свое бессмертие. С этого же времени в мир вторглось зло, которое в христианском вероучении рассматривается как противоположность должествующему быть от Бога, а, следовательно, зло — явление случайное. Материальный мир (в том числе и тело человека), как созданный Богом, сам по себе не является порождением зла; оно может возникнуть в случае противоречия человека воле Божией в нравственной жизни (грех) и как физические страдания (болезни, нищета и пр.). В последнем своем проявлении зло рассматривается не как абсолютно отрицательное для человека явление, а как божественное попущение, так как именно через физические страдания часто проходит путь к нравственному очищению и спасению.

В этом христианство отличается от дуалистических учений, получивших широкое распространение в поздней античности и средние века (манихейство, павликианство, богомилство, ересь катаров, вальденсов и др.). Сторонники дуализма резко противопоставляли добро и зло, которые, по их мнению, не могут быть волеизъявлением или попущением «Одного Творца и Промыслителя Мира», а, следовательно, признается существование двух высших начал, одно из которых творит зло, другое — добро. Наличие зла в мире и человеке adeпты дуалистических учений объясняли материальной природой всего сущего. При этом материя (в отличие от представлений ортодоксального христианства) нередко отождествлялась с дьяволом, якобы не менее могущественным, чем сам Бог, от которого может исходить лишь добро.

Однако грехопадение, согласно христианскому вероучению, не является полным разрывом человека с Богом, а лишь началом пути к новому единению с Создателем, любящим свое творение и заботящимся о нем. Этот путь получил название «Домостроительство спасения человека», и исторически он подразделяется на два этапа. Первый — ветхозаветный, когда претерпели неудачу попытки указать человечеству путь ко спасению через лучших людей или избранный народ. Вторым этапом — новозаветный, когда Бог послал к людям своего Сына. И здесь смыкаются сотериологические и христологические представления христианства: Бог-Сын вочеловечился с тем, чтобы открыть человеку путь к единению с Богом. Согласно Евангельскому рассказу, Бог-Сын, воплотившийся во Христе, крестными муками искупил «первородный грех», указав человечеству путь спасения и обретения бессмертия. По христианскому вероучению, человек усилием своей свободной воли может вернуться к Богу и обрести вечную жизнь, если он будет следовать по пути «Домостроительства». В конце истории состоится Страшный Суд, после которого жившие праведно вернутся в рай, а грешные будут обречены на вечные страдания и низвергнуты в ад.

Примечательно, что уже в IV в. на латинском Западе наблюдается развитие устойчивого интереса к разработке христианского учения о спасении. Одним из авторитетов в этой области был Блаженный Августин (354—430). Он вступил в полемику с монахом Пелагием (ум. после 418), который отрицал учение о первородном грехе человечества и полное упование христиан в деле их спасения на волю Бога. Пелагий полагал, что человек, обладая свободной волей, может самостоятельно достигнуть спасения. Опровергая это, Блаженный Августин утверждал, что нельзя достигнуть спасения без божественной благодати. Со времени грехопадения человека его свободная воля устремлена лишь ко злу. Заслужить божественную благодать невозможно никакими усилиями. По мысли Блаженного Августина, всеведущий Бог, заранее зная, кто из смертных воспользуется дарами его благодати, изначально одарил ею одних и предопределил их к спасению, а всех прочих — к гибели. Хотя учение Пелагия (пелагианство) и было объявлено еретическим, теория Блаженного Августина о предопределении также не была принята церковью и возродилась лишь намного позднее, в эпоху Реформации.

Великая сила христианства состоит в провозглашении новой заповеди — христианской любви. В ней состоит залог спасения. «Бог есть любовь», и поэтому она явлена и, что чрезвычайно важно, дарована людям в Сыне Божиим — Иисусе Христе. Новизна заповеди не в провозглашении любви как таковой, а в возможности исполнения этой заповеди путем соединения со Христом. Именно в это время человек получает в дар его любовь, которой и заповедано людям любить друг друга. Таким образом, согласно христианскому вероучению, достичь спасения возможно только «пребывая во Христе», что осуществляется приобщением ко Христу, соединением с ним через таинства. Это происходит в церкви.

Церковь и таинства. Церковь, по словам Апостола Павла, есть «тело Христово», тогда как «глава церкви» — сам Христос. Как «тело Христово» церковь представляет из себя видимое сообщество верующих во Христа (клира и мирян, немощных и сильных, и т.п.). Но в этом «видимом теле» действует невидимая Божия благодать, исходящая от Святого Духа. Она сообщается верующим через таинства — определенные церковью видимые священные действия. Древнейшими из них были крещение (акт вступления в церковь и рождения в духовную жизнь) и причастие (евхаристия). Евхаристия (благодарение) означает приобщение верующих к Иисусу Христу и друг к другу через вкушение искупительной жертвы — «Тела и Крови Христовой». Первая евхаристия была совершена, согласно Евангельскому преданию, самим Иисусом Христом в четверг вечером накануне его крестных страданий. Это — «Тайная вечеря», когда Христос, находясь с двенадцатью апостолами, «взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: сие есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Мф., 26, 26—29). В дальнейшем кроме крещения и евхаристии к таинствам христианской церкви были причислены еще пять чинопоследований: миропомазание (получение укрепляющей благодати), покаяние (исцеление от духовных болезней, грехов), священство (получение благодати на духовное воспитание людей молитвой, обучением, совершением таинств), брак (получение благодати, освещающей супружество, рождение и воспитание детей), елеосвящение, или соборование (призывание благодати на болящего для исцеления телесной и духовной немощи).

Таинство евхаристии является кульминацией литургии (по лат. — месса) — главного христианского богослужения, когда церковь приносит благодарственную молитвенную жертву Богу за грехи всего человечества. В соответствии с христианским ортодоксальным вероучением, причастие должно осуществляться «Телом и Кровью Христовой», превращаемыми в ходе литургического богослужения из хлеба и вина. Однако в ходе исторического развития христианства в разных странах Европы возобладали свои типы литургии.

2. Становление доктрины папства

Параллельно с институтом Вселенских соборов складывается другое представление об общецерковном авторитете: в случае сомнений или разногласий следует обращаться к апостольским епископским кафедрам. Такие кафедры были основаны самими апостолами Христа, и поэтому предполагалось, что их преемники сохранили христианское вероучение в первоизданной чистоте. Главной из кафедр считалась римская, основанная «князем апостолов» Петром. К нему, согласно Евангелию, были обращены слова Христа: «Ты — Петр (по лат. — камень), и на сем камне Я создам церковь Мою... И дам тебе ключи царства небесного; и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах» (Мат. 16, 18—19).

Обоснование общецерковного примата (верховенства) кафедры апостола Петра стало основным направлением деятельности папства в IV—V вв. Наиболее полно эту доктрину выразил папа Лев I Великий (440—461). Он рассматривал римского епископа как полноправного наследника Петра, как его викария (наместника) на Земле, принявшего от Петра высшую власть над церковью всего христианского мира и ключи от царства небесного. Однако на востоке империи первенство римского епископа признавали лишь формально. Сначала к нему были приравнены по положению епископы крупнейших богословских школ христианского мира - Александрии и Антиохии, а затем и Константинополя — новой столицы империи. Почетное место занимала древнейшая Иерусалимская церковь. На Халкидонском соборе 451 г. окончательно складывается пентархия, т.е. система пяти вселенских патриархов, каждый из которых управлял церковью определенной части христианского мира. Римскому патриарху отводилась роль главы только западной церкви. Притязания же папы Льва Великого встать над самими Вселенскими соборами, которые продолжали считаться высшим церковным авторитетом, были отвергнуты.

Вместе с тем, среди восточных патриархов уже в V в. лидирующее положение занял Константинополь. Халкидонский собор утвердил почетное первенство среди остальных патриаршеских престолов не только за Римом, но и за Константинополем, который фактически являлся проводником императорской церковной политики. Вселенские же соборы, созывавшиеся по инициативе императоров и проходившие под их председательством, стали важным инструментом осуществления императорской власти над церковью. Еще Константин Великий в своей церковной политике основывался на религиозных прерогативах языческих императоров — великих понтификов, блюстителей божественных культов. Эту традицию переняли и византийские василевсы.

Если на востоке империи церковь оказалась под жестким контролем императора, активно вмешивавшегося в решение догматических вопросов, то на западе папство стремилось отстоять автономию духовенства, а соответственно, и своей власти. Этому немало содействовал перенос столицы империи из Рима, а затем и ликвидация Западной Римской империи. Папа Геласий I в конце V в. сформулировал так называемую теорию двух властей. Он строго разграничил компетенцию светской и духовной власти, считая безусловным злом любое вмешательство империи в дела церкви. Правда, полностью реализовать эту теорию папство смогло лишь в XI в.

3. Христианизация германских и кельтских племен в IV—V вв.

К концу IV в. христианство утвердилось практически во всех провинциях Римской империи. Еще в 40-е гг. IV в. оно усилиями епископа Вульфила (ум. в 383) проникает к готам. Вульфила, происходивший из Каппадокии и выросший в среде готы, записал литургию на готском языке и перевел на него Библию. Это был первый известный перевод Библии на германский язык. Однако юты приняли христианство в форме арианства, господствовавшего тогда на востоке империи, несмотря на осуждение

Никейским собором. Сам Вульфила получил образование в Константинополе в правление императора-арианина. По мере продвижения вестготов на Запад распространялось и арианство. В V в. в Испании от вестготов арианство переняли вандалы и свевы, а в Галлии — бургунды. Лангобарды, вторгшиеся в 568 г. в Италию, унаследовали арианство от остготов.

Напротив, севернее маршрута вестготов и остготов продолжало господствовать ортодоксальное христианство. В 496/97 г. его принял франкский король Хлодвиг, искавший союза с местным галло-римским населением. Стремление к компромиссу с численно преобладающим романским населением, а также к политической консолидации варварских государств привели впоследствии к утверждению никейского вероисповедания на юго-западе Европы: у бургундов в начале V в., у вестготов в 589 г., у лангобардов к концу VII в. В Ирландии, не входившей в состав Римской империи, христианство начинает распространяться в первой половине V в. После ухода римских легионов из Британии (410) ирландцы стали совершать набеги на западное побережье этого острова, где они и познакомились с новой религией. Из числа романизированных бриттов вышел легендарный апостол Ирландии св. Патрик.

Христианизация варварских народов в основном осуществлялась сверху, в сознании массы населения долгое время продолжали жить языческие представления и образы. Нередко и королей к крещению подталкивали чисто политические мотивы, либо же стремление приобрести покровительство более сильного бога, способного обеспечить удачу. Церковь, рассчитывая упрочить свое влияние, пыталась ассимилировать языческие представления, приспособить их к христианству. В результате рождался причудливый сплав христианской доктрины и язычества. Языческие обряды и праздники, формы культа наполнялись новым, христианским, содержанием. Вместе с тем, слова проповедников, порою против воли последних, своеобразно истолковывались в сознании, далеком от богословской традиции. При этом религиозности необразованных слоев населения, сохранявшая многие элементы примитивных верований, на протяжении всех средних веков оказывала определенное воздействие и на официальное богословие.

Церковь в варварских королевствах. Во II—III вв. христианство распространялось главным образом в городах Римской империи. И диоцез (епархия) позднеантичного епископа в целом соответствовал цивитату — низовой административной единице Рима. К началу средних веков практически каждый римский город имел епископа. Слово же *paganus*, т.е. житель пага, буквально — деревни, начинает обозначать язычника. Христианизация деревни растянулась в Западной Европе на многие столетия. Епископ столицы римской провинции, метрополии, именовался митрополитом. Он предлагал кандидатуры на вакантные епископские кафедры своей провинции и председательствовал на провинциальных синодах (соборах) духовенства.

Взаимосвязь высшей иерархии церкви и административной структуры империи приобретает новое значение на этапе превращения христианства в

государственную религию в течение IV в.: пастырское служение епископа дополняется чисто публичными функциями, исполнение которых ранее возлагалось на те или иные органы городского и государственного управления. К таким функциям относилось и отправление самого культа, рассматривавшегося в Риме как дело публичное, и забота о социально незащищенных слоях. Дарения императоров и частных лиц превратили епископа к V в. в одного из влиятельнейших городских посессоров, а обладание муниципальной землей в сочетании с высоким духовным авторитетом открывало ему путь к широкому участию в городской администрации.

В период варварских нашествий и дальнейшего кризиса муниципальной системы епископ превращается фактически в правителя города. Центром города постепенно делается собор, развиваются культы местных святых — покровителей города. Кроме того, во вновь образованных варварских королевствах епископат стал своего рода представителем галло-римской аристократии, сосредоточенной в городах. Сотрудничество королей с епископатом являлось затем одним из факторов упрочения германской государственности, расширения ее базы. Еще императоры предоставляли церкви налоговый иммунитет. Во франкском королевстве всем епископам жаловался также судебный иммунитет (т.е. епископ на своих землях мог отныне сам собирать налоги в пользу государства и вершить суд).

С образованием варварских королевств происходил разрыв прежних церковных связей в рамках римских провинций, падала роль митрополитов, а также провинциальных синодов. Возникли так называемые королевские церкви, объединявшие епископат каждого королевства. За королем, как некогда за императором, закреплялось право созыва церковных соборов и законодательного утверждения их решений. Но важнейшей прерогативой короля явилось участие в выборах епископов. С первой половины VII в. Меровинги все более рассматривают епископов как своих уполномоченных на местах.

Создание королевских церквей нарушило и начавшие было складываться контакты римского папы с епископствами Запада. С конца V до начала VIII в. власть папы ограничивалась лишь непосредственно римской церковной провинцией в Средней и Южной Италии. Так, когда папа попытался вмешаться в церковные дела вестготской Испании, в ответ от епископов он услышал: «Бог уже на этот счет просветил короля». Вне всякой связи с Римом фиксировались местные традиции в литургии и церковном праве. Папство же сначала, с 493 г., оказалось под властью ариан-остготов, затем с середины VI в. — Византии. Выборы папы были поставлены под жесткий контроль императора, а неугодных пап в лучшем случае ожидало лишение сана. Поддержка часто далекой от ортодоксии церковной политики василевса углубляла отчуждение папства от других церквей даже в Италии. Положение римской кафедры особенно ухудшилось с появлением на полуострове лангобардов-ариан, постоянно угрожавших самому Риму.

Однако в эпоху византийского владычества в Италии произошло событие, в перспективе подготовившее подчинение западных церквей Риму: в 597 г. папа Григорий I Великий (590—604) направил к англосаксам-язычникам проповедников христианства во главе с монахом Августином. Согласно легенде, прежде папа увидел на рынке рабов англов и удивился сходству их имени со словом «ангелы», что счел знаком свыше. Англосаксонская церковь к концу VII в. стала первой церковью к северу от Альп, подчиненной непосредственно Риму, усвоившей его обычаи и литургию. Символом этой зависимости являлся паллий (плат, надеваемый на плечи), присылавшийся из Рима предстоятелю церкви, которого впервые стали называть архиепископом, т.е. высшим епископом. Ранее митрополит был лишь первым среди равных. Получение же паллия архиепископом означало утверждение его в должности и делегирование полномочий непосредственно от викария св. Петра.

Англосаксонские миссионеры на континенте. Англосаксонские пилигримы (странники), как и ирландцы, «Христа ради» отправились в конце VII в. на Нижний Рейн, к язычникам-фризам. В первой половине VIII в. в Германии, прежде всего в языческих Гессене и Тюрингии, разворачивается деятельность св. Бонифация из Уэссекса (ум. в 754). Алеманны на Верхнем Рейне и бавары, поселившиеся на среднем Дунае, приняли христианство еще в VII в. от ирландцев. Св. Бонифаций не ограничился только распространением христианства. Он разработал программу глубоких реформ франкской церкви, осуществление которой началось в 40-е гг. VIII в. Целью этой реформы было водворение во всей франкской церкви единообразия и подчинения Риму.

Значение англосаксонской миссии для последующей истории церкви определили два обстоятельства. Во-первых, англосаксы сразу же заключили союз с Каролингами, фактически правящими в королевстве. Для Каролингов христианизация превратилась в орудие внешней экспансии и укрепления франкского господства на завоеванных территориях. Именно в эту эпоху появляется особый тип христианской миссии, которая несла новую веру на острие меча. Такой в последней трети VIII в. была и христианизация Саксонии. Поддержка же реформаторских устремлений Бонифация давала Каролингам возможность упрочить свое положение внутри франкского королевства. Во-вторых, англосаксы, некогда принявшие христианство из Рима, подчинили свою миссию папе. С тех пор именно папство приобрело право санкционировать и направлять миссионерскую деятельность церкви и государства. Папа руководил и реформой Бонифация. Англосаксы не только заложили фундамент Римской церкви на континенте к северу от Альп, но и способствовали сближению папства с Каролингами.

Союз Каролингов с папством. Патримоний св. Петра. Складывавшийся союз с папством майордом Пипин Короткий в 751 г. использовал для окончательного утверждения своей власти в королевстве франков. Папство в свою очередь рассчитывало при поддержке франков избавиться от лангобардов, подступивших к Риму, и опеки Византии. Пипин, нанеся

поражение лангобардам, в 756 г. подарил папе земли в Средней Италии, основав та-ким образом светское государство пап — патримоний св. Петра. Это государство призвано было гарантировать независимость папы от светских властителей. Однако во второй половине VIII—IX в. патримоний св. Петра входил в состав франкского государства, правители которого взяли на себя обязанности защищать Апостольский Престол.

Каролинги, восприняв от св. Бонифация идею церковной реформы, добивались унификации всей церковной жизни на основе римских обычаев. Карл Великий попросил у папы аутентичные римские тексты, а именно записи римской литургии, церковного права, устав св. Бенедикта. Была осуществлена редакция римского перевода Библии, созданного в IV в. св. Иеронимом. Именно с IX в. Библия Иеронима постепенно становится Вульгатой, т.е. общеупотребительной.

Карл Великий считал, что лишь римские обычаи угодны Богу, а потому искоренял все локальные церковные традиции. Римские тексты тиражировались и рассылались во все концы франкской империи как образцовые. С этой целью в монастырях, по повелению Карла, создавались скриптории, библиотеки и школы. Одним из важнейших занятий бенедиктинского монашества становится с тех пор хранение и передача знаний. Большое значение имели структурные реформы церкви. Именно с Карлом Великим связано создание устойчивой сети приходов, а соответственно углубление христианизации деревни. Население конкретной области прикреплялось к тому или иному храму-приходу, которому отныне оно должно было вносить десятину.

Реформы Бонифация и Каролингов создали в целом римскую церковь в Западной Европе. Лишь христиане арабской Испании (мосарабы), сохраняли особые традиции восточной церкви. Однако на деле и римская церковь Каролингской империи не была полностью под управлением пап, но контролировалась императорами.

4. Монашество

Раннее монашество. Распространение устава св. Бенедикта. Монашество (от греч. monachos — отшельник) — одна из форм осуществления христианского аскетического идеала. Греческое слово аскезы (буквально — упражнение) еще в античной этике обозначало своего рода духовную гимнастику. В текстах Нового Завета отсутствует какая-либо разработанная система христианской аскезы, не упомянуты там и монахи. Иисус не требовал от своих последователей безбрачия, а также ограничений в пище, сне и одежде. Однако он учил о тщете всего мирского и призывал следовать за собой, оставив имущество и родных во имя стократного воздаяния (Мат. 19, 17—30). Мотив следования Христу во спасение души, единения с ним, становится ключевым в христианской аскезе. Другой ее важной особенностью был культ послушания, смирения. Христианин должен победить не плоть, но свой эгоизм, себялюбие во имя любви к Богу. Однако в действительности христианство заимствовало у различных дуалистических учений поздней античности формы неистовой борьбы с плотью, которые

впоследствии нередко превалировали в практике монашества, особенно в ситуации обострения эсхатологических ожиданий.

В III—IV вв. аскеты, до того жившие внутри общины, порывают с ней и удаляются прочь от города, культивированного пространства, «в пустыню». Складываются две формы монашества, существовавшие на протяжении всего средневековья: наряду с кельями еремитов (отшельников) возникают первые монастыри — общины монахов, соблюдающих определенный устав и подчиняющихся аббату (настоятелю). Устав регламентировал распорядок дня, быт и богослужение в монастыре. Конституирование монашества было вызвано численным ростом христианской общины, начиная с III в. Один из крупнейших западных отцов монашества Иоанн Кассиан (ум. в 435) подчеркивал: «Монах должен в первую очередь бежать от епископа и женщины». Эта парадоксальная формулировка раскрывает взаимоотношения аскета и общины, во главе которой стоит епископ. Для аскета пребывание в разросшейся общине или выполнение каких-либо богослужебных обязанностей означало отвлечение от трудов веры, от стези индивидуального спасения. Но в V в. монастырь оказался в подчинении епископа диоцеза. Впоследствии на Западе с ростом самосознания монашества эта зависимость стала причиной острых конфликтов с епископством.

Монашество появилось в III в. в Египте, затем в Палестине и Сирии. На Западе оно известно со второй половины IV в. Древнейшие монастыри были основаны в Аквитании св. Мартином Турским, однако, они представляли скорее колонии отшельников-энтузиастов, жизнь которых была слабо регламентирована. Иной тип монастыря складывается в юго-восточной Галлии. Около 400 г. близ Канн возник монастырь Лерин, ставший центром целой монашеской «республики» по течению Роны. Именно в Лерине скорее всего берет начало магистральное направление западного монашества, которое обрело заверженные формы в уставе св. Бенедикта. В 530 г. св. Бенедикт из Нурсии (ок. 480/490—555/560) основал на Монте Кассино близ Неаполя монастырь. В основе его устава лежало более древнее правило, предположительно связанное с кругом Лерина.

Бенедикт определял монастырь как «школу служения Господу», где основой жизни монахов должно стать безграничное послушание учителю — аббату «викарию Христа». С послушания начинается воспитание смирения, высшей смысл которого в растворении своей воли в воле Бога. Потому-то Бенедикт и считал общину монахов с ее строгой дисциплиной, неусыпным контролем и системой наказаний кратчайшим путем к Богу. Вступив в общину, монах не только отрекается от мира, но приносит обет послушания и оседлости: ворота навсегда закрываются за ним. С тем чтобы исключить всякое проявление индивидуальной воли, Бенедикт последовательно проводит в уставе идею общежитийности: монахи спят, питаются, читают и работают вместе. Он даже устранил индивидуальную молитву монахов из общего богослужения: уста всех братьев произносили одни и те же слова. Наряду с молитвой важным занятием братии должен был стать физический труд. Праздность Бенедикт считал вредной для души. Однако он не требовал

от своих монахов измождения плоти ни трудом, ни постами, во всем придерживаясь умеренности.

Распространение устава св. Бенедикта в Европе заняло несколько столетий. Широкую известность принесли ему ирландские миссионеры, появившиеся на континенте в конце VI—VII в. Ирландское монашество, возникшее в V—VI вв., отличалось глубоким своеобразием. В Ирландии, где города еще только начинали складываться, епископат, не обладавший светской властью, оказался значительно слабее монастырей. Там, собственно, сложилась монастырская церковь. Только монастыри осуществляли пастырское служение, а аббаты или аббатиссы сами назначали епископов или митрополитов. Свой авторитет монастыри во многом заслужили невероятной строгостью аскезы. Одной из ее форм стало паломничество Христа ради. Ирландские монахи словно принимали добровольное изгнание, отлучение от родины. Так в конце VI в. в Галлию прибыл св. Колумбан. Под воздействием его проповеди франкская знать устремилась в монастыри, ранее бывшие лишь убежищем галло-римлян; число монастырей в Галлии возросло более чем в два раза. Колумбан добивался полной правовой независимости своих обителей от власти епископа.

В монастырях Колумбана стало распространяться так называемое смешенное правило, основывавшееся как на ирландских традициях, так и на уставе св. Бенедикта. Его Колумбан, возможно, получил из Рима от папы Григория Великого, написавшего в конце VI в. житие Бенедикта. С тех пор устав св. Бенедикта стал восприниматься в Европе, прежде всего, как римский, хотя собственно в самом Риме бенедиктинцы появились лишь в X в.

Следующим этапом в распространении устава св. Бенедикта стала деятельность англосаксонских миссионеров на континенте в первой половине VIII в. В связи с подчинением английской церкви Риму устав, освященный именем папы Григория Великого, уже с конца VII в. преобладал в английских монастырях. Но наряду с посланцами из Рима в Англии действовали также ирландские миссионеры, привнесшие сюда собственные аскетические представления. Английский епископат, созданный Григорием Великим, не был поглощен монастырями, однако, господствовало убеждение, что как епископы, так и священники обязаны вести монашеский образ жизни: лишь «чистые руки» могут прикоснуться к святому причастию.

Усилиями ирландцев, а затем и англосаксонских миссионеров монашество в силу своего высокого морального авторитета занимает совершенно особое положение в Западной Европе. Именно оно становится на долгие века инициатором всевозможных общецерковных реформ, интенсивно воздействует на массовое сознание и повседневную жизнь паствы. Островные миссионеры добивались чистоты клира (духовенства), требовали от него монашеского обета безбрачия (целибат), ранее не всегда исполнявшегося даже епископами. Под непосредственным влиянием англосаксов к первой четверти IX в. клир разделился на регулярный, живущий общиной и по монашескому уставу, и секулярный, т.е.

исполняющий лишь обычные требования церковного права. Если часть клира в результате деятельности миссионеров постепенно сближалась с монашеством, то и монахи под влиянием ирландских традиций принимали священнический сан, позволявший им самостоятельно отправлять таинства.

Деятельность англосаксонских миссионеров на континенте увенчалась в середине VIII в. законодательным утверждением устава св. Бенедикта во всех монастырях франкского королевства. Однако в силу разности местных условий, противоречий самого устава в монастырях складывались или продолжали существовать обычаи, дополнявшие или разъяснявшие правило св. Бенедикта. Советник Людовика Благочестивого св. Бенедикт Анианский (ум. в 821), сознавая необходимость приспособить устав к северным реалиям и сложившимся в монастырях традициям, в первой четверти IX в. ввел единый и обязательный для всех монастырей обычай. Этот своего рода расширенный устав, св. Бенедикта позволил находить приемлемые, с учетом местных традиций, формы монашеской жизни и одновременно обеспечивал единство монашества в духе бенедиктинства. Вплоть до XII в. не новые уставы, а именно письменные «обычаи» являлись инструментами монашеских реформ, ужесточения монашеской аскезы.

Цистерцианский орден. Движение регулярных каноников в XII в. К концу XI в. реформированные монастыри, прежде всего клюнийские, уже были далеки от тех идеалов, за которые некогда боролись теоретики монашеской реформы. Но именно высокий моральный авторитет монашества эпохи реформ привел к неслучайному обогащению монастырей. В разросшихся монастырях все труднее было обрести уединение, особенно учитывая то, что громкая слава некоторых обителей нередко привлекала туда людей, пытавшихся продвигаться по социальной лестнице. Роскошь, изнеженность многочисленной братии порождала теперь тоску по первоначальной простоте бенедиктинского уклада жизни. Неслучайно поэтому параллельно с усилением реформированных монастырей развиваются и те или иные формы отшельничества. Поначалу, в первой половине X в., к бегству от мира побуждали, прежде всего, пороки клира и епископата. Позднее отшельничество все больше становится реакцией на обозначившиеся изъяны в образе жизни большинства бенедиктинских аббатов, принявших реформу.

Так, в конце XI в. группа аскетически настроенных монахов покинула свой монастырь и удалилась в уединенное место Сито (лат. Цистерций) в Бургундии. Эта обитель и дала позднее название ордену цистерцианцев. Орден являлся новой формой организации монашества. Цистерцианцы не реформировали старые монастыри, но закладывали новые, тем самым резко противопоставляя себя прежнему монашеству. Это противопоставление зримо отражали белые, «ангелические», одеяния цистерцианцев, контрастировавшие с черными одеждами, введенными в бенедиктинском монашестве клюнийцами. Новые монастыри образовывали замкнутую централизованную организацию — орден. В отличие от клюнийского объединения, главой которого являлся аббат Клуни, верховной властью в

ордене цистерцианцев обладал не настоятель Сито, а генеральный капитул — ежегодное собрание всех аббатов цистерцианских монастырей. Их уклад полностью регулировали статуты ордена, утвержденные генеральным капитулом, тогда как клунийский «обычай» был обычаем, прежде всего, самого Клуни и в других монастырях объединения наслаивался на местные монашеские традиции. Впоследствии по образцу цистерцианцев все монашество, включая и клунийское, организуется в различные ордена, каждый из которых предписывал своим членам особый уклад жизни, те или иные виды деятельности, определенный цвет одежд и т.д. Орденские статуты при этом дополняли и комментировали монашеский устав.

Цистерцианцы, хотя и отталкивались от устава св. Бенедикта, во многом отошли от традиций, сложившихся в реформированных бенедиктинских монастырях. Они выбирали для основания своих обителей еще не обжитые человеком места. В задачи монахов входило, таким образом, расчистка лесов, осушение болот, обустройство монастырского хозяйства. Физический труд цистерцианцы считали основой монашеского служения. В отличие от прежнего бенедиктинского монашества, цистерцианцам не позволялось жить чужим трудом, владеть деревнями, иметь зависимых крестьян, вассалов из числа мирян. В результате цистерцианцы больше времени проводили в поле, на скотном дворе или в винограднике, чем в скриптории, школе или в храме за богослужением.

Орден цистерцианцев приобрел огромное влияние в Западной Европе в первой половине XII в., чему немало способствовали деятельность выдающегося идеолога цистерцианства св. Бернарда Клервосского (1090—1153). Благодаря проповедям св. Бернарда, благословившего создание духовно-рыцарских орденов, цистерцианцы нередко выступали проводниками насильственной христианизации, как было в языческой Прибалтике или арабской Испании. Идеалы уединения, бедности, физического труда спасли и цистерцианские монастыри от постепенного обмирщения. Благочестивые монахи, отводившие много времени интенсивному сельскохозяйственному труду, охотно внедрявшие различные технические новшества, активно включались в торговлю, обогащались. Очень скоро цистерцианцы переложили занятия физическим трудом на так называемых конверсов (обращенных), рекрута ровавшихся из сельской бедноты. Конверсы, или «бородатые братья» (в отличие от монахов, которым надлежало бриться) принимали монашеский обет, но жили отдельно от основной братии. Обет послушания обязывал конверсов работать столь долго, сколь это было необходимо аббату. При этом за свой труд они как члены цистерцианского ордена получали одно лишь скудное пропитание,

XII век стал переломным в истории монашества. Все существовавшие к этому времени формы бенедиктинского монашества, включая и цистерцианцев, были укоренены в аграрной, негородской, части христианского мира. Город издавна представлялся монахам вертепом порока. К тому же города, во главе которых, как правило, стояли епископы, таили в себе угрозу подчинения монастырей епископату. Однако с ростом городов в

Западной Европе в XI—XII вв., усилением их экономического, политического и духовного влияния, все сильнее стала ощущаться потребность в укреплении папского служения в городских общинах, сохранении монополии церкви в духовной жизни общества. Бенедиктинское монашество, исповедовавшее идеал ухода от мира, вряд ли могло стать надежной опорой церкви в новых условиях. В 20-е гг. XII в. папство отказывается от поддержки монастырей в их борьбе за автономию внутри церкви. Монастыри вновь переходят в подчинение епископов диоцеза, правда, сохраняя некоторую самостоятельность. Духовенство же, живущее в миру и занятое папским служением, возвращает себе ведущие позиции в церкви и во многом определяет политику папства.

В XII в. большого размаха достигло движение регулярных каноников — служителей по преимуществу соборных и приходских церквей городов, живших особыми общинами — каноникатами, не соответствующими с определенным уставом (лат. *regula*). В начале XII в. происходит размежевание регулярных каноников с монашеством. В качестве устава каноники избрали не правило св. Бенедикта, а устав, приписываемый знаменитому отцу церкви св.Августину. Поэтому их и стали называть августинцами. Устав св. Августина принимали практически все новые духовные ордена, включая монашеские, возникшие в XII—XIII вв. В основу этого устава легла особая мистическая категория христианского героизма — любовь. Высшая любовь к Богу требовала жертвенной любви к ближнему, которая, прежде всего, выражалась в активной проповеднической деятельности в миру. Августинцы и другие ордена, принявшие устав св. Августина, чувствовали свою ответственность за спасение всех христианских душ, и потому им был чужд идеал монашеского уединения во имя личного спасения, характерный для бенедиктинства.

Нищенствующие ордена. Папство в борьбе с ересями не ограничилось одними лишь карательными мерами, понимая, что еретические движения выражали тягу широких слоев населения к обновленной, бедной, церкви и во многом были обусловлены неэффективностью проповеднической деятельности католического клира. Так, папа Иннокентий III исходил из необходимости подчинить движение за святую бедность, «приручить» его и использовать затем для укрепления авторитета всего духовенства в глазах паствы. Он и его преемники утвердили создание нищенствующих орденов, первыми и важнейшими из которых явились доминиканцы и францисканцы, появившиеся в начале XIII в.

Нищенствующие ордена воплощали новые воззрения на монашескую аскезу, отчасти восходящие к идеалам регулярных каноников, отчасти сформировавшиеся под влиянием еретических и иных массовых религиозных движений второй половины XII — начала XIII в. В основе организации нищенствующих орденов лежало представление об апостольской жизни, т.е. стремление во всем следовать примеру апостолов Христа, несших его учение в мир. Бенедиктинскому идеалу аскета-отшельника, затворившегося в монастыре, они противопоставляли идеал странствующего по миру аскета-

проповедника. Нищенствующие монахи с самого начала сосредоточились на проповеднической деятельности в городах, «заботе о душах», а также миссионерстве. Чрезвычайно быстро распространившись во всех странах Западной Европы, они уже в XIII—XIV вв. устремились за ее пределы — в Палестину, Египет, Закавказье, Крым, державу монголов в Центральной Азии, достигнув даже Китая.

Однако организация проповеди в нищенствующих орденах существенно отличалась от практиковавшейся в церкви, в том числе и регулярными канониками. Она базировалась на опыте катаров и вальденсов. Проповедник не ждал, когда к нему, в церковь, соберется паства, но сам искал ее, шел к людям, «пешком без золота и серебра, словом, во всем подражая апостолам». Нищенствующие монахи проповедовали тщету всего мирского уже самым своим обликом: они скорее напоминали нищих странников, чем монахов и священников. Бедность, таким образом, являлась наряду с проповедью другой важной стороной представления об апостольской жизни. Некогда уже цистерцианцы стремились воплотить идеал бедности, однако нищенствующие монахи пошли еще дальше. Им поначалу не только запрещалось владеть каким-либо имуществом, но и предписывалось жить исключительно за счет милостыни, нищенства. Несмотря на ряд общих черт важнейшие из нищенствующих орденов — доминиканский и францисканский имели свою ярко выраженную специфику, обусловленную обстоятельствами их возникновения. На всей последующей истории этих орденов лежал глубокий отпечаток личности их создателей — св. Доминика и св. Франциска.

Св. Доминик (ум. в 1221), испанский каноник-августинец, в начале XIII в. оказался на юге Франции, охваченном ересью альбигойцев. Свою задачу он видел в первую очередь в организации эффективной проповеди во имя сохранения целостности католической церкви. Официальное название доминиканцев, выражающее специфику ордена, — братья проповедники. Но чтобы проповедовать верное учение, следовало подготовить грамотных пастырей, во всех тонкостях постигших ортодоксальную католическую теологию. Поэтому с самого начала другим важнейшим направлением деятельности доминиканцев было углубленное изучение теологии. Неслучайно центрами ордена стали Париж и Болонья — два крупнейших университетских города средневековой Европы. Доминиканцы создали разветвленную сеть теологического преподавания, включавшего также изучение различных языков, необходимых теологу и проповеднику. Вскоре именно доминиканцы во многом определяли, что есть истинное христианское учение. Св. Фома Аквинский (ум. в 1274) — крупнейший авторитет католического богословия, принадлежал к ордену св. Доминика. Неслучайно также, что большинство инквизиторов назначалось из числа доминиканцев, хотя в ряде регионов Европы инквизиция была передана и ордену францисканцев.

Св. Франциск (ум. в 1226) был сыном богатого купца из итальянского города Ассизи, но еще в юности отказался от семьи, наследства и всех

вообще земных благ с тем, чтобы принадлежать одному Богу. Но, так же как Христос, который «умер за всех», Франциск отверг монашеское уединение, «зная, что послан Богом для того, чтобы приобрести Ему души». Франциска в отличие от Доминика, заботившегося о борьбе с ересями и целостности церкви, побуждала к проповеди, прежде всего, любовь и сострадание к ближнему. Франциск обращался со словами Евангелия не только к людям, но и к птицам, змеям, волкам, видя во всякой природе Бога. Краеугольным камнем учения Франциска была «госпожа бедность», понимаемая как высшая степень смирения. Смирение, самоуничижение характерны и для его последователей, официально именовавшихся по латыни миноритами, т.е. меньшими братьями. Франциск не только запрещал искать даже минимальных удобств для себя, предписывал носить рубище, препоясанное веревкой, но и книги разрешал иметь только грамотным братьям, да и то исключительно богослужебные. Франциск вообще неохотно позволял занятия теологией, опасаясь, как бы чрезмерное мудрствование «не погасило дух молитвы и благочестия». Со временем, однако, и францисканцы создали свою систему теологического образования. Но уже в XIII в. от доминиканской теологии учение францисканских богословов отличала большая чувственность, эмоциональность.

С развитием нищенствующих орденов и превращением их в многочисленные и разветвленные монашеские организации все острее вставала проблема сохранения первоначального идеала бедности. Доминиканцы, которым с самого начала для занятий теологией необходимы были отдельные кельи, обширные библиотеки, значительные финансовые ресурсы, быстро согласились со смягчением требований нестяжательства. А первые постоянные обители были созданы еще св. Домиником. Напротив, у францисканцев попытки корректировать учение о «госпоже бедности» вызвали во второй половине XIII в. раскол ордена на сторонников строгого соблюдения заветов Франциска — спиритуалов и тех, кто осуждал чрезмерное увлечение бедностью, выступал за развитие больших монастырских общин (конвентов) — конвентуалов. Однако эти конвенты, как и прочее имущество ордена, находились лишь в пользовании миноритов, тогда как правом собственности обладал Апостольский престол. Важным отличием конвентов как доминиканцев, так и францисканцев от существовавших ранее монастырей была их открытость городу и церкви. Эти конвенты часто служили временным пристанищем братьев, которые охотно шли проповедовать Евангелие на людных перекрестках, базарных площадях, постоянных дворах или отправлялись в отдаленные страны.

5. Папство и церковь в IX — середине XI в.

Имперская церковь при Каролингах. Основные принципы церковной политики Каролингов оформились в процессе возвышения династии, начиная со второй половины VII в., и затем были приведены в систему при Карле Великом и Людовике Благочестивом. В борьбе с местным сепаратизмом Каролинги утверждали на епископских кафедрах своих приближенных, которые приносили им вассальную присягу. Важной опорой их

централизаторских устремлений стали монастыри, предпочитавшие мелочной опеке местного епископа далекую власть короля. Вместе с тем, Каролинги использовали институт частной церкви, сложившийся еще в VI—VII вв. в силу как социально-экономических, так и морально-религиозных факторов. Крупные франкские магнаты, стремясь гарантировать личное и родовое благополучие, основывали в своих владениях церкви, а позднее, под влиянием св. Колумбана, и монастыри. При этом они как верховные сюзерены сохраняли власть над такими церквями и их имуществом.

Каролинги на землях своего домена, а затем и фиска основали множество частных монастырей, аббаты которых приносили вассальную присягу династии. Позднее они требовали вассальной присяги и от крупнейших епископских и всех частных монастырей королевства. Взамен монастыри получали комплекс привилегий: короли гарантировали им безопасность и покровительство, что означало правовую независимость от епископа и местных сеньоров, а также налоговый и судебный иммунитет, которым располагали еще меровингские прелаты. Именно Каролинги превратили монастыри в крупнейших и привилегированных землевладельцев Европы. В первой половине IX в. привилегии защиты и покровительства были дарованы также всем епископствам франкской империи.

Духовные вассалы императора обязаны были нести службу своему сюзерену, прежде всего военную. Каролинги требовали от аббатов и епископов в обмен на привилегии размещать на своих комлях воинов-вассалов и по приказу императора являться во главе вооруженного отряда. Войско Каролингов на 2/3, а порою и на 3/4 состояло из присланных духовными вассалами воинов. Кроме того, духовные вассалы должны были молиться за благополучие империи, помогать сюзерену советом, принимать у себя двор, вносить различные денежные отчисления и т.д. Сосредоточение в руках епископов и аббатов обширных светских полномочий, вплоть до вынесения судебных приговоров или участие в войне, потребовало учреждения должности фогта (защитника) при прелатах-иммунистах. Фогт был правомочен судить и командовать войском прелата.

Таким образом, при Каролингах складывается система имперской церкви, основанная на принципе вассально-ленной зависимости духовных иерархов от императора. Эта была уже феодальная церковь в отличие от имперской церкви Константина Великого и его преемников IV—V вв. В обосновании своей власти над церковью Каролинги, в особенности начиная с правления Карла Великого, развивали теорию сакральности королевского и императорского сана, практически отождествляя монарха со священнослужителем. Это выражалось уже в акте помазания на царство, которое впервые принял Пипин Короткий. Как наместник Бога на земле, монарх является защитником и одновременно управителем церкви, а также проповедником истинного христианства. Папе же и клиру надлежало лишь молиться о даровании верховному государю удачи. Каролинги пользовались исключительным правом созывать общеимперские синоды духовенства, лично вмешивались в решение догматических и богослужебных вопросов.

Клир их домово́й церкви — капеллы — фактически выполнял функции правительства франкской империи. Официально в обязанности капелланов входило хранение главной реликвии франкского королевства — плаща св. Мартина Турского, именовавшегося по латыни «сарра» и давшего название самому институту. Из числа капелланов рекрутировались имперские аббаты и епископы, лично преданные династии.

Папство во второй половине IX — середине XI в. Реформы Бонифация и Каролингов закрепили авторитет папства в Западной Европе. Однако папам тогда еще не удалось выработать действенные механизмы управления церковью, подвластной светским правителям. Вместе с тем, теократические притязания императоров привели уже в 30-е гг. IX в. к первым столкновениям с римским епископом, игравшим на противоречиях в семье Каролингов. Еще в середине VIII в. в Риме возникла подложная грамота — Константинов дар, согласно которой Константин Великий передал папе, якобы законному преемнику цезарей на Западе, знаки императорской власти и право короновать светских государей. Эта фальшивка распространилась в Европе в IX в. и свидетельствовала об оформлении притязаний папства на верховную светскую власть. После Верденского раздела 843 г. гарантией статуса императора — теперь лишь одного из трех франкских государей — являлось исключительно владение Римом и акт коронации в соборе св. Петра.

Именно тогда за папами окончательно закрепляется право коронации римских императоров (ранее этот титул главным образом передавался по наследству). Опираясь на возросший престиж, папство присвоило себе положение арбитра в спорах между Каролингами. А с пресечением линии Лотаря оно фактически решало, кому из каролингских отпрысков вручить императорскую корону. Этот успех оказался, однако, иллюзорным.

Во второй половине IX в. с усилением центробежных тенденций реальная власть в империи Каролингов все более сосредотачивалась в руках могущественных кланов знати. К концу IX в. папство также оказалось под контролем итальянских магнатов и римской аристократии, а императорская корона стала своего рода разменной монетой во взаимоотношениях Рима с теми или иными сеньорами Апеннинского полуострова. Период с конца IX и до середины XI в. называют темным столетием в истории папства. В эти годы больше половины пап закончили свою жизнь в изгнании, в тюрьме или были убиты. Восстановление империи в 962 г. Оттоном Великим в целом лишь ненадолго ослабило зависимость папы от римской и итальянской аристократии. Политика же Оттона III, пытавшегося возродить величие Рима как политического и духовного центра христианского универсума, закончилась неудачей. Кружозор папства «темного столетия» провинциализируется, у него отсутствует какая-либо цельная политика в отношениях с заальпийской церковью, светской властью и Византией. Папы, моральный облик которых в большинстве случаев оставлял желать лучшего, активно вмешивались в борьбу различных группировок римской знати, отдавались заботам по управлению своими земельными владениями. Нередко

папам приходилось лично и с оружием в руках противостоять арабам, а в начале XI в. еще и византийцам.

Церковь в конце IX — начале XI в. С распадом Каролингской империи было утрачено духовное и политическое единство церкви, достигнутое на основе универсалистской политики Каролингов. В конце IX—X в. церковь переживала глубокий упадок, чему немало содействовали разрушительные набеги норманнов, арабов и венгров.

Наиболее острые формы кризис церковной жизни принял в Западно-Франкском королевстве, Лотарингии и Италии, где интенсивные процессы феодализации привели к появлению множества политических образований, широкому распространению «права частной церкви». Повсеместной стала торговля духовными должностями, открывавшими путь к обширным земельным владениям и значительным властным полномочиям. Такую практику в церкви именовали симонией (от евангельского персонажа Симона Волхва, желавшего купить «дары Святого Духа»). Рост влияния мирян в церкви привел к постепенной порче нравов монашества и духовенства, к обмирщению церкви: и клирики и даже монахи подражали в быту сеньорам, зачастую обзаводились семьями и konkубинами, передавая церковное имущество по наследству.

Иначе складывалась судьба церкви в Восточно-Франкском королевстве, где феодализация протекала более замедленными темпами и явления, характерные для западно-франкской и итальянской церкви, были выражены менее отчетливо. Упадок церковной жизни оказался здесь кратковременным. Оттон I, подчеркивая преемственность своей власти от Каролингов, видел в церкви важнейшую опору государства. К началу XI в. в германских землях оформляется система имперской церкви. (см. гл. 6).

Как и при Каролингах, христианизация соседних языческих народов становится частью экспансионистской политики германских императоров. В X в. усилиями германских миссионеров христианство утверждается в Чехии, Польше и Венгрии. Тогда же началась насильственная христианизация славянских племен междуречья Эльбы и Одера, продолжавшаяся вплоть до XIII в. В X в. немецкие миссионеры дали импульс распространению христианства в Скандинавии. Таким образом, к началу II тысячелетия христианство утвердилось на всей территории Западной, Центральной и Восточной Европы, исключая лишь Прибалтику, а также часть Испании и Сицилию, занятые арабами.

Монашеские движения X — первой половины XI в. Идея церковной реформы. В X в. на фоне глубокого кризиса церковной жизни предпринимаются первые попытки возрождения аскетических ценностей. Инициатором обновления выступило монашество, в недрах которого оформились движения за реформу монастырей, подготовившие к середине XI в. и общецерковную реформу. Свою силу монашество черпало в широко распространившихся среди мирян ожиданиях конца света — сначала в тысячелетнюю годовщину рождества, а затем и воскресения Христа. Именно

реформированное монашество становится во второй половине X—XI в. наиболее авторитетной силой христианского мира.

Наибольшее влияние среди разнообразных монашеских движений уже к середине X в. приобрели клюнийцы. Монастырь Ключни в Бургундии был основан в 910 г. В отличие от других аббатств, Ключни с самого начала оказался вне сферы действия «права частной церкви». Его основатель, герцог Аквитании, на вечные времена отказался от своих прав на монастырь, передав его под покровительство римского папы, что обеспечивало и независимость от епископа диоцеза. Освобождение монашества от влияния извне, будь то со стороны епископа или светского сеньора, стало основой клюнийской программы реформы. Это не означало, что клюнийцы добивались отмены «права частной церкви». Напротив, они сами пользовались этим правом для осуществления реформы монастырей, получая их в дар во спасение души, покупая или вступая с сеньором в совместное владение. Клюнийцы направляли свои усилия прежде всего на устранение тех очевидных нарушений бенедиктинского устава, которые были вызваны обмирщением монастырей в конце IX—X в. Неслучайно для своих одеяний клюнийцы избрали черный цвет, символизовавший отказ от всего мирского. Основной задачей монашества представлялась молитва за мирян перед Богом, соединение с ним в молитвенном созерцании. Месса в Ключни в течение дня не прекращалась ни на секунду и отличалась особенной торжественностью.

Постепенно вокруг Ключни складывается мощное объединение монастырей, главой которого являлся непосредственно аббат Ключни, а основой монашеской жизни — клюншский обычай, дополнявший устав св. Бенедикта. Ключни подчинялись сотни монастырей по всей Европе. Особую роль сыграли клюнийцы в христианских государствах Испании, где они содействовали вытеснению мосарабских богослужебных традиций римскими и утверждению авторитета папы. Клюнийское объединение не ограничивалось сферой политических интересов того или иного сеньора, как, скажем, объединение монастырей Каролингской империи вокруг правящей династии (см. гл. 7). Клюнийские монастыри были выведены из-под власти местных епископов. Аббат Ключни, позднее получивший из Рима знаки епископского сана, являлся как бы епископом подчиненной ему «клюнийской церкви». Свободные от власти сеньоров и епископов клюнийские монастыри образовывали своего рода суверенное монашеское государство, главу которого современники нередко называли «королем».

В X — начале XI в. попытки реформировать монашество предпринимаются и в германской империи. Но если клюнийское движение развивалось снизу, по инициативе отдельных подвижников из числа самих монахов, то в Германии главным поборником реформы выступал император. Так, например, Генриха III (1039—1056), а не какого-либо аббата, современники называли «правителем монахов». Реформаторские устремления германских императоров были направлены на укрепление системы имперской церкви. Продолжая традиции Каролингов и рассматривая

свою власть как сакральную, императоры претендовали на роль защитников церкви и истинного благочестия. Борьба со всевозможными церковными нестроениями, по их мнению, входило в обязанности помазанника Божьего.

Именно эти соображения побудили Генриха III и его окружение выступить с идеей церковной реформы, выходящей за пределы одного лишь монашества. Оздоровление церкви Генрих III решил начать с Рима, положив конец власти римской аристократии над Апостольским Престолом. В 1046 г. он низложил сразу трех пап, избранных различными группировками римского духовенства и нобилей. После чего сам назначил папой немецкого епископа, сторонника реформы. Период с 1046 по 1058 г. называют эпохой немецкого папства. В эти годы римскую церковь возглавляли папы немецкого происхождения, опиравшиеся в деле реформы церкви на императора. Целью реформы было в первую очередь запрещение симонии и браков среди клириков, объявленных ересью. Именно в середине XI в. в западной церкви в целом утверждается обет безбрачия (целибат) для клира. Целибат обес-печивал неотчуждаемость церковного имущества и способствовал росту экономического могущества церкви в последующие столетия.

Контакты папства с епископствами и монастырями Западной Европы упрочились и стали более интенсивными. Началось создание и особых механизмов осуществления папской власти над церковью. Эти усилия связаны в первую очередь с понтификатом Льва IX (1049—1054). Лев IX провел реорганизацию папской канцелярии, которая вскоре получила название римской курии. Наряду со значительным штатом писцов и нотариусов, позволявшим папству вести обширную переписку, в нее вошли ближайшие советники Льва IX из числа реформаторов церкви. Эти советники образовали коллегия кардиналов. Кардиналами ранее называли римских клириков, а также епископов семи ближайших к Риму кафедр; в их обязанности входило главным образом участие в папском богослужении. Однако теперь Лев IX рассматривал кардиналов как опору папства в управлении церковью и проведении реформы. В коллегия кардиналов вошли клирики из разных стран, олицетворяя, таким образом, универсальный (вселенский) характер папской власти.

6. Раскол церкви и установление папской теократии

В 1054 г. произошел разрыв между папством и восточной церковью, положивший начало раздельному существованию двух церквей — римско-католической (греч. - вселенской) и православной. В действительности, церкви на латинском Западе и греческом Востоке уже давно развивались обособленно, а затяжные схизмы, то есть расколы единой церкви, случались и ранее. Во многом противостояние восточной и западной церквей определялось как различными представлениями о взаимоотношениях светской и духовной власти, так и соперничеством римского папы и константинопольского патриарха. Существенную роль в обострении взаимоотношений Рима и Константинополя играли политические факторы — такие, как возрождение Римской империи на Западе и борьба империи и

папства против Византии на юге Италии в первой половине XI в. Вместе с тем, между латинской и греческой церквями к середине XI в. накопились и значительные различия в толковании христианского вероучения.

По-видимому, еще в борьбе с варварами-арианами, отстаивая полное равенство Христа Богу Отцу, на западе к никейскому символу веры стали добавлять *filioque* (лат. «и от Сына»), утверждая, таким образом, исхождение Святого Духа не только от Бога Отца, но и от Сына. В конце VIII в. по инициативе Карла Великого это добавление было принято во франкской империи, а в начале XI в. утверждено папством.

В первой половине XI в. на Западе окончательно оформилось учение о пресуществлении, то есть о способе пребывания тела и крови Христа в хлебе и вине, используемом в таинстве евхаристии. Если на Востоке полагали, что тело и кровь присутствуют в хлебе и вине лишь духовно, то на Западе укрепилось мнение, согласно которому при отправлении таинства хлеб и вино превращаются в подлинную кровь и плоть Спасителя, которые верующие, по словам одного из теологов, буквально «пережевывают зубами». На основании учения о пресуществлении в XIII в. было обосновано и различие между причастием мирян, и духовенства, также углубившее догматические противоречия, разделявшие католическую и православную церковь. Если в хлебе и вине присутствует подлинная кровь и плоть Христа, иными словами сам Христос, то и в хлебе отдельно, и в вине отдельно присутствует весь Спаситель сразу. Католические теологи сочли поэтому возможным причащать мирян одним хлебом, священников же — по-прежнему хлебом и вином.

К этим противоречиям добавилось впоследствии и расхождение в представлениях о загробном мире. Основываясь на Священном Писании, греческие богословы продолжали представлять потусторонний мир двухчастным, состоящим из Рая и Ада. Однако еще в раннем средневековье у некоторых латинских авторов упоминалось об «очистительном огне», временном испытании, очищающем душу, не завершившую при жизни покаяния, перед вступлением ее в Рай. В начале XIII в. папство утвердило догмат о чистилище как особом, третьем «отсеке» загробного мира. Приняв этот догмат, папство старалось усилить влияние католического клира в обществе, утвердить идею о спасительной роли церкви, способной молитвами избавлять души усопших от страданий в чистилище.

Несмотря на углубление теологических расхождений, современники не воспринимали раскол 1054 г. как окончательный. Схизма стала реальностью лишь после разгрома крестоносцами Константинополя в 1204 г. Папа Иннокентий III (1198—1216) признавал, что после бесчинств в константинопольских церквях греки видят в латинянах лишь «творения порока и тьмы» и «справедливо сторонятся их будто псов». Вместе с тем, попытки заключения унии между католической и православной церквями предпринимались и позднее. Такие унии, фактически подчинявшие папе церковь ослабевшей Византийской империи, были подписаны на II Лионском (1274) и Ферраро-Флорентийском соборах (1439). Однако в целом они были

впоследствии отвергнуты православной церковью, получив признание лишь в ряде так называемых униатских церквей Восточной Европы.

Григорианская реформа. В конце 50-х гг. XI в. в кругах римских реформаторов зарождается идея более глубокого обновления церкви и прежде всего освобождения ее от власти светских правителей. Этому предшествовал анализ неудач реформаторов в борьбе с симонией. Подлинные корни симонии виделись теперь в нарушении канонической, то есть утвержденной соборами, процедуры избрания священнослужителей. Согласно каноническому праву, кандидатуру на вакантную духовную должность предлагает вышестоящий иерарх церкви (епископ или архиепископ), затем претендента избирает «клир и народ». Однако вовлечение церкви в вассально-ленные отношения привело к тому, что духовные должности стали распределяться государями и сеньорами. В глазах мирян они были не более чем доходными местами, поэтому и торговля ими приняла столь крупные масштабы. Главное бедствие для церкви, по мнению реформаторов, заключалось в узурпированном мирянами праве инвеституры, то есть введения духовного лица в должность, а также в «праве частной церкви». Сторонники реформы стремились оградить церковь от всякого подчинения мирянам, восстановить каноническую процедуру выборов. Это требование было воплощено в декрете, подписанном папой Николаем II в 1059 г. Согласно этому декрету, выборы папы стали исключительной прерогативой коллегии кардиналов. Затем новый папа формально утверждался римским клиром и народом. Императора при этом причисляли к «народу», отрицая за ним какие-либо особые права.

Непримиримая борьба против светской инвеституры началась в 1076 г. в понтификат Григория VII (1073—1085). Характеризуя упорство и ярость Григория, проявленные в борьбе с церковными нестроениями, один из современников называл его «святым сатаной». Григорий VII принял комплекс мер, направленных на полное освобождение церкви от власти мирян, подчинение ее папе и восстановление действия канонического права, получивший в историографии название «грегорианской реформы». Ее принципы отстаивали и преемники Григория в конце XI — начале XII в. Именно тогда было запрещено «право частной церкви».

Однако полностью исключить церковь из системы вассально-ленных отношений папству не удалось. Компромиссное решение было найдено в конце XI в. известным теологом Иво Шартрским, обозначившим различие между духовным и светским компонентом во власти прелата. Светские сеньоры сохраняли право инвеституры лишь применительно к светским прерогативам епископа, то есть вводили его во владение пожалованными землями, тогда как непосредственно духовный сан переходил в акте церковной инвеституры. В начале XII в. это компромиссное решение было утверждено французским королем, затем английским и, наконец, в 1122 г. германским императором. В XII в. компромисс был найден и в отношении «права частной церкви». Сеньору позволялось осуществлять патронат (покровительство) над основанным им приходом или монастырем,

контролировать его имущество и выборы предстоятеля. Однако в Скандинавских странах право светской инвеституры и «частной церкви» почти в полном объеме сохранялось и позднее, вплоть до XIII в.

Итогом «грегорианской реформы» стало существенное ослабление зависимости церкви от светских сеньоров и ее консолидация в вертикальную иерархическую структуру во главе с римским папой, назначавшим архиепископов. Вскоре папство запретило монархам взимать и какие-либо налоги с церкви, рассматриваемой теперь как государство в государствах и обязанной отныне лишь вносить ежегодный налог папе — аннату и другие отчисления.

Установление папской теократии. Григорий VII и его преемники в ходе борьбы за инвеституру выработали концепцию папского универсализма, или папской теократии, противостоящую идее универсальной светской империи. Наиболее полно основные ее положения изложены в так называемом «*Dictatus papae*» (продиктованное папой), документе, приписываемом Григорию VII. В нем утверждается, что папство обладает по праву как высшей духовной, так и высшей светской властью. Новая доктрина папства основывалась на «Константиновом даре», а также на обширном комплексе фальшивок — «Лжеисидоровых декреталиях», который возник еще в IX в. во Франкском королевстве и приписывался св. Исидору Севильскому (ум. в 636).

Папы эпохи «грегорианской реформы» являлись выходцами из реформированного монашества. Поэтому в концепции папской теократии отразилось прежде всего монашеское мирозерцание, согласно которому мир является лишь царством порока и алчности; только святая церковь, которая также представлялась монашеской, способна спасти его от гибели. Все светские государи должны быть слугами наместника Бога на земле — римского папы, в то же время получившего от Константина Великого и высшую светскую власть на Западе. В противном случае они превращаются в слуг Антихриста и долг папы отлучить их от церкви, а вверенный им народ призвать к восстанию. Во второй половине XII—XIII в. к руководству римской курии пришли юристы, нередко занимавшие и папский престол. Они в целом закрепили и развили теоретические рассуждения пап-монахов в каноническом праве. Вершиной папской теократии считается понтификат Иннокентия III (1198-1216). Именно он официально утвердил за папой титул викария Христа.

В XII—XIII вв. папство находилось в зените своего могущества. Оно сумело организовать крестоносное движение, добилось от многих европейских монархов принесения вассальной присяги, уплаты регулярной подати Апостольскому Престолу («денарий св. Петра»), активно вмешивалось во внутренние дела всех христианских государств. Мощным оружием в руках папства стали отлучение от церкви и интердикт (запрет отправления таинств и других церковных обрядов), широко применявшиеся в отношении непокорных государей. Если же эти средства не действовали, то папа, используя противоречия между европейскими государствами, мог

провозгласить крестовый поход против ослушника. Наградой же за эту услугу являлась корона завоеванного королевства. Постоянно действовал институт папских легатов на местах, которые контролировали не только церковь, но во многом и светские власти.

Канонисты, опираясь на закрепленные в церковном праве прецеденты, разработали теорию о непогрешимости пап, о том, что именно папы выносят окончательные решения по вопросам догматики и церковной дисциплины. Такие решения оформлялись в виде декреталий (указов) папы, не требовавших одобрения церкви. Декреталии составили важнейший раздел канонического права и во многом обладали большим авторитетом, чем постановления Вселенских соборов или Священное Писание.

Во многом усиление власти папы с конца XI в. основывалось на вере, что именно римский епископ, имеющий ключи от царства небесного, в состоянии обеспечить спасение, открыть дорогу в рай. Это, в частности, давало возможность папству предоставлять полное отпущение грехов — индульгенцию — сначала всем участникам крестовых походов, а с конца XII в. и тем, кто хотя бы пожертвовал деньги на их организацию. Место в раю, таким образом, можно было купить за деньги, перечисленные римской курии. В XIII в. теологи разработали учение о «сокровищнице церкви» — неиссякаемом запасе благодати, накопленном благодаря усилиям святых и мучеников. Папа и иерархи церкви, принимающие от него свою власть, могут распоряжаться этой благодатью и выдавать индульгенцию за деньги или различные услуги всем мирянам вообще и даже умершим, находящимся в чистилище. На практике эта теория вела к обожествлению папы и церковной иерархии.

Исследователи выделяют XII в. в истории Западной Европы в связи с глубокими переменами в массовом религиозном сознании. Иногда говорят даже о внутренней христианизации Европы в XII в., противопоставляя ее внешнему, формальному утверждению христианства в предшествующие столетия. Ранее христианство воспринималось по преимуществу как религия сильного Бога, способного, по выполнению верующим определенного набора сакральных действий, защитить от сил зла, обеспечить земное и загробное благополучие. Элементы этого понимания христианства сохранялись и позднее, но в XII в. представители самых широких слоев населения обращаются к поискам интимного, индивидуального нуги к Богу, часто отвергая привычные формы общения с потусторонним миром, предлагаемые церковью. Пробуждается интерес к Священному Писанию, миряне стремятся познакомиться с ним не через посредство клира, знающего латынь, а самостоятельно. Библия начинает переводиться на народные языки, а ее положения своеобразно переплавляются в сознании мирян. Массовый религиозный подъем породил и беспрецедентное множество различных еретических учений во второй половине XII—XIII в. Удобную почву они находили в городах, население которых в силу сравнительно высокого уровня грамотности было наиболее восприимчиво ко всякого рода духовным исканиям.

Крупнейшими еретическими движениями, оформившимися во второй половине XII—XIII вв., явились ереси вальденсов и катаров. Первоначально они возникли в городах Юга Франции и оттуда распространились по всей Европе. В них нашли отражение также и острые социальные конфликты эпохи, вызванные интенсивным развитием товарно-денежных отношений и растущей поляризацией городского общества. Определенное влияние на программу еретиков оказало коммунальное движение, направленное против городских сеньоров, которыми нередко являлись епископы. Наконец, антиепископская и в целом антицерковная направленность учения и деятельности вальденсов и катаров была реакцией на рост светской власти и финансового могущества церкви в эпоху папской теократии. Знакомство с Евангелием, переведенным на народное наречие, приводило к выводу, что богатая католическая церковь давно забыла заветы святой бедности и служит не Христу, но маммоне (т.е. земным благам).

Основатель ереси вальденсов, давший ей имя, преуспевающий лионский купец Пьер Вальдо, отказался от принадлежавшего ему имущества, чтобы жить в бедности и подобно апостолам бродить по дорогам, проповедуя Евангелие и призывая народ к покаянию. Позднее вальденсы сформулировали тезис о том, что развращенная богатством римская церковь потеряла святость и отправляемые ею таинства не имеют силы. Поэтому вальденсы считали, что право совершать таинства имеет не тот, кто получил священнический сан, а любой мирянин, который, согласно заповедям Христа, ведет нищенский образ жизни, лишен постоянного пристанища и порою даже крыши над головой.

Значительно дальше в осуждении католической церкви пошли катары. На их учение определенное воздействие оказала дуалистическая ересь богомилов, возникшая в IX в. в Болгарии. Богатую и могущественную католическую церковь катары объявляли творением сатаны. А крест, которому поклоняются католики, они считали символом материального злого мира, его страданий и пороков. Этой «грязной» церкви катары противопоставляли свою «чистую» церковь (катары — от греч. «чистый»), основанную на принципах суровой аскезы и нестяжательства и служащую истинному Богу. Особенного успеха церковь катаров достигла в районе между Тулузой и Альби, где к ней примкнули не только широкие слои горожан, но и представители среднего и высшего, титулованного, дворянства. По названию одного из центров катаров — города Альби — их стали именовать альбигойцами.

Распространение еретических движений во многих странах Западной Европы, их массовый характер, более или менее четкие организационные формы заставили католическую церковь прибегнуть к чрезвычайным мерам, например, таким, как провозглашение крестового похода против альбигойцев в начале XIII в. и учреждение системы папской инквизиции в 30-е гг. XIII в. Преследование еретиков велось и ранее, но оно оказалось мало эффективным. Теперь же во всех епископствах вводилась особая должность папского инквизитора, которому надлежало единолично вести следствие

(лат.inquisito) по всем делам, относящимся к ереси, вплоть до, вынесения окончательного приговора. Решение папского инквизитора обязаны были неукоснительно выполнять как местные епископы, так и светские власти, которым еретик и передавался для исполнения приговора. Обычным наказанием по обвинению инквизиции стало сожжение на костре (исп., порт, аутодафе — акт веры), якобы очищающее еретиков от их заблуждений.

7. Ереси. Учреждение инквизиции.

Исследователи выделяют XII в. в истории Западной Европы в связи с глубокими переменами в массовом религиозном сознании. Иногда говорят даже о внутренней христианизации Европы в XII в., противопоставляя ее внешнему, формальному утверждению христианства в предшествующие столетия. Ранее христианство воспринималось по преимуществу как религия сильного Бога, способного, по выполнению верующим определенного набора сакральных действий, защитить от сил зла, обеспечить земное и загробное благополучие. Элементы этого понимания христианства сохранялись и позднее, но в XII в. представители самых широких слоев населения обращаются к поискам интимного, индивидуального нуги к Богу, часто отвергая привычные формы общения с потусторонним миром, предлагаемые церковью. Пробуждается интерес к Священному Писанию, миряне стремятся познакомиться с ним не через посредство клира, знающего латынь, а самостоятельно. Библия начинает переводиться на народные языки, а ее положения своеобразно переплавляются в сознании мирян. Массовый религиозный подъем породил и беспрецедентное множество различных еретических учений во второй половине XII—XIII в. Удобную почву они находили в городах, население которых в силу сравнительно высокого уровня грамотности было наиболее восприимчиво ко всякого рода духовным исканиям.

Крупнейшими еретическими движениями, оформившимися во второй половине XII—XIII вв., явились ереси вальденсов и катаров. Первоначально они возникли в городах Юга Франции и оттуда распространились по всей Европе. В них нашли отражение также и острые социальные конфликты эпохи, вызванные интенсивным развитием товарно-денежных отношений и растущей поляризацией городского общества. Определенное влияние на программу еретиков оказало коммунальное движение, направленное против городских сеньоров, которыми нередко являлись епископы. Наконец, антиепископская и в целом антицерковная направленность учения и деятельности вальденсов и катаров была реакцией на рост светской власти и финансового могущества церкви в эпоху папской теократии. Знакомство с Евангелием, переведенным на народное наречие, приводило к выводу, что богатая католическая церковь давно забыла заветы святой бедности и служит не Христу, но маммоне (т.е. земным благам).

Основатель ереси вальденсов, давший ей имя, преуспевающий лионский купец Пьер Вальдо, отказался от принадлежавшего ему имущества, чтобы жить в бедности и подобно апостолам бродить по дорогам, проповедуя Евангелие и призывая народ к покаянию. Позднее вальденсы

сформулировали тезис о том, что развращенная богатством римская церковь потеряла святость и отправляемые ею таинства не имеют силы. Поэтому вальденсы считали, что право совершать таинства имеет не тот, кто получил священнический сан, а любой мирянин, который, согласно заповедям Христа, ведет нищенский образ жизни, лишен постоянного пристанища и порою даже крыши над головой.

Значительно дальше в осуждении католической церкви пошли катары. На их учение определенное воздействие оказала дуалистическая ересь богомилов, возникшая в X в. в Болгарии. Богатую и могущественную католическую церковь катары объявляли творением сатаны. А крест, которому поклоняются католики, они считали символом материального злого мира, его страданий и пороков. Этой «грязной» церкви катары противопоставляли свою «чистую» церковь (катары — от греч. «чистый»), основанную на принципах суровой аскезы и нестяжательства и служащую истинному Богу. Особенного успеха церковь катаров достигла в районе между Тулузой и Альби, где к ней примкнули не только широкие слои горожан, но и представители среднего и высшего, титулованного, дворянства. По названию одного из центров катаров — города Альби — их стали именовать альбигойцами.

Распространение еретических движений во многих странах Западной Европы, их массовый характер, более или менее четкие организационные формы заставили католическую церковь прибегнуть к чрезвычайным мерам, например, таким, как провозглашение крестового похода против альбигойцев в начале XIII в. и учреждение системы папской инквизиции в 30-е гг. XIII в. Преследование еретиков велось и ранее, но оно оказалось мало эффективным. Теперь же во всех епископствах вводилась особая должность папского инквизитора, которому надлежало единолично вести следствие (лат. *inquisito*) по всем делам, относящимся к ереси, вплоть до, вынесения окончательного приговора. Решение папского инквизитора обязаны были неукоснительно выполнять как местные епископы, так и светские власти, которым еретики и передавался для исполнения приговора. Обычным наказанием по обвинению инквизиции стало сожжение на костре (исп., порт, аутодафе — акт веры), якобы очищающее еретиков от их заблуждений.

8. «Авиньонское пленение» пап. Великая схизма и соборное движение

К концу XIII в. папство, ранее успешно противостоявшее универсалистским притязаниям императоров, столкнулось с новой мощной силой — нарождающимися централизованными монархиями. Конфликт разгорелся с французским королем Филиппом IV, который без разрешения папы обложил налогом французское духовенство. Тем самым Филипп IV продемонстрировал, что французская церковь является неотъемлемой частью его королевства и впредь королю решать, в какой степени она будет подчиняться папе. Папа Бонифаций VIII уже готов был отлучить Филиппа от церкви, когда в его резиденцию в Ананьи ворвались люди французского короля. Один из них, согласно легенде, нанес пощечину папе железной рукавицей. Не перенеся унижения, Бонифаций вскоре скончался. С

пощеины в Ананьи в 1303 г. началась эпоха ослабления папства, оказавшегося под контролем Франции. Избранный на папский престол французский епископ, опасаясь оппозиции итальянского духовенства, предпочел остаться во Франции. В 1309—1377 гг. резиденция пап находилась на юге Франции, в Авиньоне.

Авиньон имел некоторые неоспоримые преимущества перед Римом. Здесь отсутствовали влиятельные кланы знати, которые могли бы воздействовать на выборы и политику пап. Начиная с периода борьбы за инвеституру, папы нередко в целях безопасности покидали Рим, что затрудняло создание постоянного аппарата управления. Да и материальные возможности курии были не всегда достаточными для проведения самостоятельной международной политики. В Авиньоне папы впервые смогли создать постояннодействующее и эффективное финансовое ведомство. Папы использовали всякую возможность для получения с церкви и отдельных прелатов различных отчислений, открыто торговали доходными церковными должностями, использовали на личные нужды деньги, собранные для очередного крестового похода. Впервые именно авиньонские папы перешли к широкой торговле индульгенциями.

Откровенно фискальная политика авиньонских пап порождала недовольство как в церкви, так и среди мирян. Неслучайно в эти годы особенно радикальные формы принимает движение францисканцев-спиритуалов, мечтавших об «ангельском», не вовлеченном в мирские дела, папстве. Их настойчивая проповедь святой бедности вызвала уже в конце XIII в. кровавые репрессии со стороны Рима. Теперь же папа Иоанн XXII (1316—1334) отлучил спиритуалов от церкви и объявил ересью учение о том, что Христос и его апостолы не обладали имуществом.

Кроме того, профранцузские настроения папства вызвали в других странах, особенно с началом Столетней войны, сильное движение за независимость национальных церквей. С началом XIV в. впервые зарождается теория о необходимости отделения церкви от государства. Ее выразителями стали сторонники империи, Уильям Оккам, Марсилиус Падуанский, Данте, в трактатах которых разворачивалась критика теократической доктрины папства. В Англии большой популярностью пользовались воззрения Джона Виклифа, считавшего, что католическая церковь и папа лишь отдаляют человека от подлинного христианства, заключенного в Евангелии. Сочинения Виклифа распространились по всей Европе. Его активным последователем стал магистр Пражского университета Ян Гус, также выступавший за реформу церкви.

Великая схизма и соборное движение. Дальнейшему падению авторитета папства способствовала великая схизма — раскол церкви в 1378—1417 гг. Воспользовавшись ослаблением Франции в Столетней войне, папа Григорий XI в 1377 г. вернул свою резиденцию из Авиньона в Рим. Однако после его смерти в 1378 г. коллегия кардиналов, состоявшая из французов и итальянцев, раскололась: итальянские кардиналы выбрали папу — итальянца, а французские кардиналы, утверждая, что эти выборы

проведены с нарушением правил, — француза. Последний вскоре перебрался в Авиньон. Каждый из двух пап, доказывая, что именно он является законным, а другой — узурпатором, стал рассылать письма епископам, аббатам, монархам, князьям, университетам с требованием поддержки. Вскоре вся Европа разделилась на враждующие партии. Чтобы положить конец схизме было решено созвать собор с участием прелатов из всех стран Европы, профессоров университетов, теологов, юристов, представителей монархов. Такой собор состоялся в 1409 г. в Пизе. Он низложил обоих пап и избрал нового. Но низложенные папы не признали решения собора. В результате раскол только углубился: в Европе было теперь три папы.

Неудача Пизанского собора способствовала оформлению в Западной Европе соборного движения. Его сторонники утверждали, что папа не является абсолютным главой христианского мира, не может он являться и непогрешимым. «То, что касается всех, должно быть одобрено всеми», и лишь вся церковь в целом, представляемая Вселенским собором, непогрешима. Соборное движение, однако, было неоднородным как по составу, так и по характеру выдвигаемых требований. Европейские монархи, от поддержки которых в основном и зависело признание того или иного папы законным, стремились прежде всего ограничить власть папства над национальными церквями. Для кардиналов и римской курии падение авторитета папства предоставляло удобную возможность укрепить собственное положение в управлении церковью. Более широкие круги духовенства и мирян возлагали на Вселенский собор надежду на осуществление глубоких реформ церкви, на которые папство, казалось, уже не было способно. В 1414—1418 гг., наконец, удалось созвать такой собор в Констанце, который в 1417 г. избрал папу, получившего всеобщее признание. Констанцкий собор принял решения о подчинении папы власти соборов и о регулярном их созыве.

Однако уже следующий собор в Базеле в 1431—1449 гг. фактически привел к новой схизме: законному папе Евгению IV (1431—1447), недовольному дальнейшим наступлением на прерогативы Рима, был противопоставлен «соборный» папа. Евгений IV в свою очередь созвал свой собор, известный под именем Ферраро-Флорентийского (1438—1445). Перспектива возобновления схизмы не устраивала как многих иерархов церкви, так и светских государей. Последних вполне удовлетворили базельские постановления об ограничении власти папы над национальными церквями, в целом санкционированные Евгением IV. Эти постановления открывали путь к законодательному оформлению национальных церквей в ряде государств Западной Европы. Вместе с тем, важной дипломатической победой Евгения IV стало заключение на Ферраро-Флорентийском соборе в 1439 г. унии с греческой церковью. В Византии надеялись посредством унии получить помощь в борьбе с турками. Признание же православной церковью верховенства папы упрочило позиции Рима в самой Западной Европе. В результате Базельский собор потерял поддержку как большинства в церкви, так и многих светских монархов.

Соборное движение, таким образом, потерпело поражение, а единовластие папы в церкви было восстановлено. Вместе с тем, Риму так и не удалось вернуть себе прежнюю власть над церквями в Англии, Франции, Испании, ряде немецких княжеств. Обособленный статус приобрела церковь в Чехии. Констанцкий собор признал еретическими учения Виклифа и его последователя Яна Гуса. Вызванного на собор Яна Гуса осудили и сожгли (1415). Однако его имя стало знаменем мощного социального и национального движения, охватившего с 1419 г. Чешское королевство. Все попытки императора, папы и князей разгромить гусизм потерпели поражение. Только в 1433 г. на Базельском соборе церковь вынуждена была пойти на компромисс с умеренным крылом гуситов — «чашниками». Кризис завершился с разгромом чашниками радикальных последователей Гуса — «таборитов» в 1434 г. Базельскими соглашениями санкционировалось появление в центре Европы национальной чешской церкви, в которой в отличие от римской разрешалось «причащение под обоими видами» (т.е. хлебом и вином).

Папство второй половины XV в. все более сосредотачивается на укреплении своей власти в Риме и патримонии св. Петра, фактически отказываясь от прежних притязаний на универсальное господство. По своему образу жизни и мирозерцанию папы этой эпохи более соответствовали типу ренессансного итальянского князя, лишь номинально сохранив титул викария Христа. Они привлекали в Рим многих прославленных художников и гуманистов, инициировали пыльное строительство церквей и общественных зданий, собирали древности. Вместе с тем, отказ папства от проведения реформ церкви, светский образ жизни и сомнительные нравственные принципы многих наместников Христа вызвали растущее недовольство в странах Западной Европы, что создало благоприятные условия для распространения идей Реформации, в XVI в. приведшей к отпадению от Рима части Германии, отдельных кантонов Швейцарской конфедерации, Англии и Скандинавии.

Тема 3.9. Средневековая культура западноевропейской цивилизации (V - XV)

План

- 1. Начало формирования средневековой культуры**
- 2. Каролингское возрождение**
- 3. Мировоззрение. Теология, схоластика, мистика**
- 4. Образование. Школы и университеты**
- 5. Героический эпос**
- 6. Рыцарская культура**
- 7. Городская культура.**

1. Начало формирования средневековой культуры.

Культура западноевропейского средневековья охватывает более чем двенадцативековой отрезок трудного, чрезвычайно сложного пути, пройденного народами этого региона. В эту эпоху были существенно раздвинуты горизонты европейской культуры, сформировалось историко-культурное единство Европы при всей неоднородности процессов в отдельных ее частях, образовались жизнеспособные нации и государства, сложились современные европейские языки, были созданы произведения, обогатившие историю мировой культуры, достигнуты значительные научные и технические успехи. Культура средневековья — неотторжимая и закономерная часть общемирового культурного развития, обладающая в то же время своим глубоко самобытным содержанием и оригинальным обликом.

Раннее средневековье иногда называют «темными веками», вкладывая в это понятие некий уничижительный оттенок. Упадок и варварство, в которые стремительно погружался Запад в конце V—VII вв. в результате завоеваний и непрекращавшихся войн, противопоставлялись не только достижениям римской цивилизации, но и духовной жизни Византии, не пережившей столь трагического перелома при переходе от античности к средневековью. Но именно в период раннего средневековья решались кардинальные задачи, определившие будущее Европы. Первая и главнейшая из них — закладывание основ европейской цивилизации, ибо в древности не было «Европы» в современном понимании как некой культурно-исторической общности с единой судьбой в мировой истории. Она начала реально формироваться — этнически, политически, экономически и в культурном отношении — в раннем средневековье как плод жизнедеятельности множества народов, населявших Европу издавна и вновь пришедших: греков, римлян, кельтов, германцев, славян и др.

Как ни парадоксально, но именно раннее средневековье, не давшее достижений, сопоставимых с высотами античной культуры или зрелого средневековья, положило начало собственно европейской культурной истории, которая произросла на почве взаимодействия наследия распадавшейся цивилизации Римской империи, порожденного ею христианства, и с другой стороны — племенных, народных культур варваров. Это был процесс мучительного синтеза, рождавшегося из слияния противоречивых, порой взаимоисключающих начал, поисков не только нового содержания, но и новых форм культуры, передачи эстафеты культурного развития его новым носителям.

Еще в поздней античности христианство стало той объединяющей оболочкой, которая смогла вместить самые разные взгляды, представления и настроения — от тонких теологических доктрин до языческих суеверий и варварских обрядов. В сущности, христианство времени перехода от античности к средневековью являлось весьма восприимчивой (до определенных пределов) формой, отвечающей потребностям массового сознания эпохи. Это было одной из важнейших причин его постепенного усиления, поглощения им других идеологических и культурных явлений и

соединения их в относительно унифицированную структуру. В этом отношении огромное значение для средневековья имела деятельность отца церкви, крупнейшего теолога, епископа Гиппонского Аврелия Августина, многоплановое творчество которого, по существу, очертило границы духовного пространства средних веков вплоть до XIII в., когда была создана теологическая система Фомы Аквинского. Августину принадлежит наиболее последовательное обоснование догмы о церкви, сыгравшей важную роль в становлении средневекового католицизма, христианской философии истории, развитой им в сочинении «О граде Божием», христианской психологии. Значительную ценность для средневековой культуры имели философские и педагогические сочинения Августина. Для понимания генезиса средневековой культуры важно учитывать, что она прежде всего формировалась в регионе, где еще недавно находился центр мощной римской цивилизации, которая не могла исчезнуть исторически одномоментно, в то время, когда продолжали еще существовать социальные отношения и институты, культура, порожденные ею, были живы люди, вскормленные ею. Даже в самое тяжелое для Западной Европы время не пресеклась римская школьная традиция. Средневековье восприняло такой важнейший ее элемент, как система семи свободных искусств, делившихся на два уровня: нижний, начальный — тривиум, включавший грамматику, диалектику, риторику, и высший — квадривиум, в который входили арифметика, геометрия, музыка и астрономия. Один из самых распространенных в средние века учебников был создан африканским неоплатоником IV в. Марцианом Капеллой. Это было его сочинение «О браке Филологии и Меркурия». Важнейшим средством культурной преемственности между античностью и средневековьем был латинский язык, сохранивший свое значение как язык церкви и государственного делопроизводства, международного общения и культуры и послуживший основой сложившихся впоследствии романских языков.

Наиболее яркие явления в культуре конца V — первой половины VII в. связаны с усвоением античного наследия, которое стало питательной средой для оживления культурной жизни в остготской Италии и вестготской Испании.

Магистр официий (первый министр) остготского короля Теодориха Северина Боэций (ок. 480—525) входит в число наиболее почитаемых учителей средневековья. Его трактаты об арифметике и музыке, сочинения по логике и теологии, переводы логических сочинений Аристотеля стали фундаментом средневековой системы образования и философии. Боэция нередко называют «отцом схоластики». Блестящая карьера Боэция внезапно прервалась: по ложному доносу он был брошен в тюрьму и затем казнен. Перед смертью он написал небольшое сочинение в стихах и прозе «Об утешении философией», которое стало одним из самых читаемых произведений средних веков и Возрождения.

Идея соединения христианской теологии и риторической культуры определила направление деятельности квестора (секретаря) и магистра официий остготских королей Флавия Кассиодора (ок. 490 — ок. 585). Он

вынашивал планы создания первого университета на Западе, которым, однако, не суждено было сбыться. Его перу принадлежат «Варии», уникальный сборник документов, деловой и дипломатической переписки, ставший на много веков образцом латинской стилистики. На юге Италии в своем поместье Кассиодор основал обитель Виварий — культурный центр, объединивший школу, мастерскую по переписке книг (скрипторий), библиотеку. Виварий стал образцом для бенедиктинских монастырей, которые начиная со второй половины VI в. превращаются в хранителей культурной традиции на Западе вплоть до эпохи развитого средневековья. Среди них наибольшей известностью пользовался монастырь Монтекассино в Италии.

Вестготская Испания выдвинула Исидора Севильского (ок. 570—636), за которым закрепилась слава первого средневекового энциклопедиста. Его главное произведение «Этимологии» в 20 книгах — свод того, что сохранилось от античного знания.

Не следует, однако, думать, что усвоение античного наследия осуществлялось беспрепятственно и в широких масштабах. Преемственность в культуре того времени не была и не могла быть полной преемственностью достижений классической античности. Борьба шла за то, чтобы сберечь лишь незначительную уцелевшую часть культурных ценностей и знаний предшествующей эпохи. Но и это было чрезвычайно важно для становления средневековой культуры, ибо сохраненное составило важную часть ее фундамента и таило в себе возможности творческого развития, которые и были реализованы позднее.

В конце VI — начале VII в. против идеи допущения языческой мудрости в мир христианской духовной жизни резко выступил папа Григорий Великий (590—604), осуждавший суетное мирское знание. Его позиция на несколько веков восторжествовала в духовной жизни Западной Европы, да и впоследствии находила приверженцев среди деятелей церкви до конца средневековья. С именем папы Григория I связано развитие латинской агиографической литературы, как нельзя лучше отвечавшей запросам массового сознания людей раннего средневековья. Жития святых надолго становятся излюбленным жанром в эти столетия социальных потрясений, голода, бедствий и войн, а святой — новым героем, жаждущего чуда, измученного страшной реальностью человека.

Со второй половины VII в. культурная жизнь в Западной Европе приходит в полный упадок, она едва теплится в монастырях, несколько интенсивнее — в Ирландии, откуда на континент «исходили» учителя-монахи.

Крайне скудные данные источников не позволяют воссоздать сколько-нибудь полную картину культурной жизни варварских племен, стоявших у истоков средневековой цивилизации в Европе. Однако общепризнанно, что ко времени Великого переселения народов, к первым векам средневековья, относится начало складывания героического эпоса народов Западной и Северной Европы (древненемецкого, скандинавского, англосаксонского, ирландского), который заменял им историю.

Варвары раннего средневековья принесли своеобразное видение и ощущение мира, еще исполненное первобытной мощи, питаемой родовыми связями человека и общности, к которой он принадлежал, воинственной энергии, чувства неотделенности от природы, нерасчлененности мира людей и богов.

Необузданная и мрачноватая фантазия германцев и кельтов населяла леса, холмы и реки злыми карликами, чудовищами-оборотнями, драконами и феями. Боги и люди-герои ведут постоянную борьбу со злыми силами. В то же время боги — могучие чародеи, волшебники. Эти представления нашли отражение и в причудливых орнаментах варварского звериного стиля в искусстве, в котором фигуры животных утрачивали цельность и определенность, как бы «перетекая» одна в другую в произвольных комбинациях узора и превращаясь в своеобразные магические символы. Но боги варварской мифологии — это олицетворение не только природных, но уже и социальных сил. Глава германского пантеона Водан (Один) — бог бури, вихря, но он и вождь-воитель, стоящий во главе героического небесного воинства. К нему в светлую Валгаллу устремляются души павших на поле брани германцев, чтобы быть принятыми в Воданову дружину. При христианизации варваров их боги не умирали, они трансформировались и сливались с культами местных святых или пополняли ряды бесов.

Германцы принесли с собой и систему нравственных ценностей, сформированных еще в недрах патриархально-родового общества, где особое значение придавалось идеалам верности, воинского мужества с сакральным отношением к военному предводителю, ритуалу. Для психологического склада германцев, кельтов и других варваров были характерны открытая эмоциональность, несдерживаемая интенсивность в выражении чувств. Все это также наложило отпечаток на формирующуюся средневековую культуру.

Раннее средневековье — время роста самосознания варварских народов, вышедших на авансцену европейской истории. Именно тогда создаются первые письменные «истории», освещающие деяния не римлян, а варваров: «Гетика» историка готов Иордана (VI в.), «История франков» Григория Турского (вторая половина VI в.), «История о королях готов, вандалов и свевов» Исидора Севильского (первая треть VII в.), «Церковная история народов англов» Беда Достопочтенного (конец VII — начало VIII в.), «История лангобардов» Павла Диакона (VIII в.).

Становление культуры раннего средневековья представляло собой сложный процесс синтеза позднеантичной, христианской и варварской традиций. В этот период выкристаллизовывается определенный тип духовной жизни западноевропейского общества, главная роль в которой начинает принадлежать христианской религии и церкви.

2. Каролингское возрождение.

Первые ощутимые плоды этого взаимодействия были получены в период Каролингского возрождения — подъема культурной жизни, происходившего при Карле Великом и его ближайших преемниках. Для Карла Великого политическим идеалом была империя Константина Великого. В культурно-

идеологическом отношении он стремился к консолидации разноплеменного государства на основе христианской религии. Об этом свидетельствует тот факт, что реформы в культурной сфере были начаты с сопоставления различных списков Библии и установления ее единого канонического текста для всего Каролингского государства. Тогда же была осуществлена реформа литургии, установлено ее единообразие, соответствие римскому образцу.

Реформаторские устремления государя совпали с глубинными процессами, происходившими в обществе, которое нуждалось в расширении круга образованных людей, способных содействовать практическому осуществлению новых политических и социальных задач. Карл Великий, хотя сам, по свидетельству его биографа Эйнхарда, так и не смог научиться писать, постоянно заботился о развитии образования в государстве. Около 787 г. был издан «Капитулярый о науках», обязывающий создавать школы во всех епархиях, при каждом монастыре. В них должны были учиться не только клирики, но и дети мирян. Наряду с этим была проведена реформа письма, составлялись учебники по различным школьным дисциплинам.

Манускрипты каролингского времени украшались миниатюрами, очень разнообразными по стилю, — напоминающими эллинистическую традицию (Аахенское Евангелие), эмоционально насыщенными, выполненными почти в экспрессионистской манере (Евангелие Эбо), легкими и прозрачными (Утрехтская псалтырь). Главным центром образованности стала придворная академия в Ахене. Сюда были приглашены наиболее образованные люди тогдашней Европы. Крупнейшим деятелем Каролингского возрождения стал выходец из Британии Алкуин. Он призывал не презирать «человеческие (т.е. не богословские) науки», обучать детей грамоте и философии, чтобы они могли достичь вершин мудрости. Большинство сочинений Алкуина написано в педагогических целях, их излюбленная форма — диалог учителя и ученика или двух учеников, он использовал, загадки и отгадки, простые перифразы и сложные аллегории. В числе учеников Алкуина были выдающиеся деятели Каролингского возрождения, в частности, писатель-энциклопедист Рабан Мавр. При дворе Карла Великого сложилась своеобразная историческая школа, наиболее яркими представителями которой были Павел Диакон, автор «Истории лангобардов», и Эйнхард, составивший «Жизнеописание» Карла Великого.

После смерти Карла вдохновлявшееся им культурное движение быстро идет на спад, закрываются школы, постепенно угасают светские тенденции, культурная жизнь снова сосредоточивается в монастырях. В монастырских скрипториях были переписаны и сохранены для будущих поколений сочинения античных авторов, однако основным занятием ученых монахов была все-таки не античная литература, а богословие.

Совершенно особняком в культуре IX в. стоит выходец из Ирландии, один из крупнейших философов европейского средневековья Иоанн Скот Эриугена. Опираясь на неоплатоновскую философию, в частности на сочинения византийского мыслителя Псевдо-Дионисия Ареопагита, он пришел к оригинальным пантеистическим выводам. От расправы его спасло

то, что радикальность его взглядов не была понята современниками, мало интересовавшимися философией. Лишь в XIII в. взгляды Эриугены были осуждены как еретические.

IX в. дал весьма интересные образцы монастырской религиозной поэзии. Светская линия в литературе представлена «историческими поэмами» и «славословиями» в честь королей, дружинной поэзией. В то время были сделаны первые записи германского фольклора и его переложения на латинский язык, послужившие затем основой составленного на латинском языке германского эпоса «Вальтарий».

В конце раннего средневековья на севере Европы — в Исландии и Норвегии расцветает не имеющая аналогов в мировой литературе поэзия скальдов, которые были не только поэтами и исполнителями одновременно, но еще и викингами, дружинниками. Их хвалебные, лирические или «злободневные» песни — необходимый элемент жизни двора конунга и его дружины.

Откликом на потребности массового сознания эпохи было распространение такой литературы, как жития святых и видения. Они несли на себе отпечаток народного сознания, массовой психологии, присущих им образного строя, системы представлений.

К X в. импульс, приданный культурной жизни Европы Каролингским возрождением, иссякает из-за непрекращающихся войн и междоусобиц, политического упадка государства. Наступает период «культурного безмолвия», продлившийся почти до конца века и сменившийся кратким временем подъема, так называемым Оттоновым возрождением. После него в культурной жизни Западной Европы уже не будет периодов столь глубокого упадка, как с середины VII в. до начала IX в. и на протяжении нескольких десятилетий в X в. XI-XII века станут временем, когда средневековая культура обретет свои классические формы.

3. Мировоззрение. Теология, схоластика, мистика

Христианство являлось идейным стержнем культуры и всей духовной жизни средних веков. Теология, или религиозная философия, стала высшей формой идеологии, предназначенной для элиты, образованных людей, в то время так для огромной массы неграмотных, для «простецов», идеология выступала прежде всего в виде «практической», культовой религии. Сплав теологии и других уровней религиозного сознания создавал единый идеолого-психологический комплекс, охватывающий все слои феодального общества.

Средневековая философия, как и вся культура феодальной Западной Европы, еще с первых этапов своего развития обнаруживает тяготение к универсализму. Она формируется на базе латинской христианской мысли, вращающейся вокруг проблемы взаимосвязи Бога, мира и человека, обсуждавшейся еще в патристике — учениях отцов церкви II—VIII вв. Специфика средневекового сознания диктовала то, что ни один даже самый радикальный мыслитель объективно не отрицал и не мог отрицать примата духа над материей, Бога над миром. Однако трактовка проблемы

соотношения веры и разума была отнюдь не однозначной. В XI в. аскет и богослов Петр Дамиани категорически заявлял, что разум ничтожен перед верой, философия может быть только «служанкой богословия». Ему противостоял Беренгарий Турский, защищавший человеческий разум и в своем рационализме доходивший до откровенных насмешек над церковью.

XI век — время рождения схоластики как широкого интеллектуального движения. Это название произошло от латинского слова *schola* (школа) и в прямом смысле означает «школьная философия», что скорее указывает на место ее рождения, чем на содержание. Схоластика — философия, вырастающая из теологии и неразрывно с ней связанная, но не тождественная ей. Сущность ее — осмысление догматических посылок христианства с рационалистических позиций и с помощью логического инструментария. Этим обусловлено то, что центральное место в схолистике заняла борьба вокруг проблемы универсалий — общих понятий. В ее интерпретации обозначились три основных направления: реализм, номинализм и концептуализм. Реалисты утверждали, что универсалии существуют извечно, пребывая в божественном разуме. Соединяясь с материей, они реализуются в конкретных вещах. Номиналисты же, полагали, что общие понятия извлекаются разумом из постижения единичных, конкретных вещей. Промежуточную позицию занимали концептуалисты, рассматривавшие общие понятия как нечто, существующее в вещах. Этот, казалось бы, отвлеченный философский спор имел весьма конкретные выходы в богословие, и не случайно церковь осуждала номинализм, приводивший иногда к ереси, и поддерживала умеренный реализм.

XII столетие иногда называют веком «средневекового гуманизма», «средневековым ренессансом». Такие определения могут вызвать обоснованные возражения, но они фиксируют особое значение этого времени в духовной жизни и культуре западноевропейского средневековья. Именно тогда происходит рост интереса к античному наследию, упрочение рационализма, возникает европейская светская литература, меняется массовая религиозность в направлении к индивидуализации веры; зарождается особая культура поднимающихся городов. И все эти процессы пронизывает поиск человеческой личности.

В XII в. из противоборства различных направлений в схолистике выросло открытое сопротивление авторитету церкви. Его выразителем был Петр Абеляр (1079—1142), которого современники называли «самым блестящим умом своего века». Ученик номиналиста Росцелина Компьенского, Абеляр еще в юности разгромил в диспуте популярного тогда философа-реалиста Гильома из Шампо, не оставив камня на камне от его аргументов. Вокруг Абеляра стали собираться самые любознательные и самые дерзкие студенты, он прославился как блестящий педагог и непобедимый в философских диспутах оратор. Абеляр рационализировал отношение веры и разума, поставив обязательным предварительным условием веры понимание. В своем сочинении «Да и нет» Абеляр развил методы диалектики, чем значительно продвинул схоластику вперед. Абеляр был сторонником концептуализма.

Однако хотя в философском смысле он не всегда делал самые радикальные выводы, его часто обуревало желание довести до логического конца истолкование христианских догматов, что приводило его иногда к еретическим утверждениям.

Противником Абеяра был Бернард Клервоский, стяжавший себе еще при жизни славу святого, один из наиболее ярких представителей средневековой мистики. В XII в. мистицизм получил широкое распространение, сделался мощным течением в рамках схоластики. В нем выражалось экзальтированное тяготение к Богу-искупителю, пределом мистической медитации было слияние человека с творцом. Философствующая мистика Бернарда Клервоского и других философских школ нашла отклик и в светской литературе, в различных ересь мистического толка. Однако сущность столкновения между Абеяром и Бернардом Клервоским не столько в несходстве их философских позиций, сколько в том, что Абеяр воплощал в себе оппозицию авторитету церкви, а Бернард выступал как ее защитник и крупнейший деятель, как апологет церковной организации и дисциплины. В результате взгляды Абеяра были осуждены на церковных соборах в 1121 и в 1140 гг., а сам он закончил жизнь в монастыре.

В философии нарастание интереса к греко-римскому наследию выражается в более углубленном изучении древних мыслителей. На латинский язык начинают переводиться их сочинения, прежде всего произведения Аристотеля, а также трактаты Евклида, Птолемея, Гиппократы, Галена и других античных авторов, сохранившиеся в греческих и арабских рукописях.

Для судьбы аристотелевской философии в Западной Европе существенное значение имело то, что она была как бы заново усвоена не в ее первоначальном виде, а через византийских и особенно арабских комментаторов, прежде всего Аверроэса (Ибн-Рушда), давшего ей своеобразную «материалистическую» интерпретацию. Конечно, говорить о подлинном материализме в средние века неверно. Все попытки «материалистической» интерпретации, даже самые радикальные, отрицавшие бессмертие человеческой души или утверждавшие вечность мира, осуществлялись в рамках теизма, т.е. признания абсолютного бытия Бога.

Учение Аристотеля быстро завоевало огромный авторитет в научных центрах Италии, Франции, Англии, Испании. Однако в начале XIII в. оно встретило резкое сопротивление в Париже со стороны опиравшихся на августиновскую традицию теологов. Последовал ряд официальных запретов аристотелизма, были осуждены взгляды сторонников радикального толкования Аристотеля — Амори Венского и Давида Динанского. Однако аристотелизм в Европе настолько стремительно набирал силу, что к середине XIII в. церковь оказалась бессильной перед этим натиском и встала перед необходимостью ассимилировать аристотелевское учение. К выполнению этой задачи были привлечены доминиканцы. Ее начал разрабатывать Альберт Великий, а синтез аристотелизма и католической теологии попытался осуществить его ученик Фома Аквинский (1125/26—

1274), чья деятельность стала вершиной и итогом теолого-рационалистических поисков зрелой схоластики. Учение Фомы сначала было встречено церковью довольно настороженно, а некоторые его положения были даже осуждены. Но уже с конца XIII в. томизм становится официальной доктриной католической церкви.

Идейными противниками Фомы Аквинского были аверроисты — последователи арабского мыслителя Аверроэса, которые преподавали в Парижском университете на факультете искусств. Они требовали освобождения философии от вмешательства теологии и догмы. По существу, они настаивали на отделении разума от веры. Центральным в доктрине аверроистов было представление о едином универсальном разуме, общем всему человеческому роду. Аверроисты Сигер Брабантский и Боэций Дакийский также пришли к выводам о вечности и несотворенности мира и отрицанию бессмертия индивидуальной человеческой души. Их учение было осуждено католической церковью.

В XIII в. мистическая линия в философии была развита современником Фомы Аквинского Бонавентурой, который выступил против томистского рационализма, опираясь на августиновско-платоновскую традицию. Затем в XIV в. заостренную форму основным постулатам средневекового неоплатонизма придал доминиканец из Германии Мейстер Экхарт, абсолютизировавший безличность и отсутствие качественных характеристик творящего первоначала. Пантеистические тенденции учения Экхарта особенно ярко проявились в утверждении того, что человеческая душа единосущна Богу и является спудием вечного порождения им самого себя. Последователь Экхарта Н. Рейсбрук в Нидерландах (XIV в.) придавал решающее значение в восхождении к Богу внутренним религиозным переживаниям человека. Немецкая мистика или замыкалась в глубинах человеческого духа, отрезая его от мира и церкви, или, возвращаясь к миру, сближалась с пантеизмом и тоже обесценивала церковь и культ.

В XIV в. ортодоксальная схоластика, утверждавшая возможность примирения разума и веры на основании подчинения первого откровению, была подвергнута критике со стороны радикально настроенных английских философов Дунса Скота и Уильяма Оккама, отстаивавших позиции номинализма. Дунс Скот, а затем Оккам и его ученики требовали решительного разграничения сфер веры и разума, теологии и философии. Теологии отказывалось в праве вмешиваться в область философии и опытного знания. Оккам говорил о вечности движения и времени, о бесконечности Вселенной, развивал учение об опыте как фундаменте и источнике познания. Окканизм был осужден церковью, книги Оккама были сожжены.

Борьба церкви с окканизмом способствовала развитию и распространению в XV в. другого его направления — формально-логического, в центре внимания которого было изучение знаков-«терминов» как самостоятельных логических категорий. Схоластика вырождалась в

абстрактную игру слов. Словесная эквилибристика, потерявшая позитивный смысл, окончательно скомпрометировала ее.

Крупнейшим мыслителем, повлиявшим на становление натурфилософии Возрождения, был Николай Кузанский (1401—1464), выходец из Германии, проведший конец жизни в Риме в качестве генерального викария при папском дворе. Он попытался выработать универсальное осмысление начал мира и устройства Вселенной, основанных не на ортодоксальном христианстве, а на диалектико-пантеистической его интерпретации. Николай Кузанский настаивал на обособлении предмета рационального познания (изучения природы) от богословия, тем самым нанеся ощутимый удар по ортодоксальной схоластике.

4. Образование. Школы и университеты

Средневековье унаследовало от античности основу, на которой строилось образование. Это были семь свободных искусств. Грамматика считалась «матерью всех наук», диалектика давала формально-логическое знание, основы философии и логики, риторика учила правильно и выразительно говорить. «Математические дисциплины» — арифметика, музыка, геометрия и астрономия мыслились как науки о числовых соотношениях, лежавших в основе мировой гармонии.

С XI в. начинается устойчивый подъем средневековых школ, система образования совершенствуется. Школы подразделялись на монастырские, кафедральные (при городских соборах), приходские. С ростом городов, появлением все время увеличивающегося слоя горожан и расцветом цехов набирают силу светские, городские частные, а также гильдейские и муниципальные школы, не подвластные юрисдикции церкви. Учащимися церковных школ были бродячие школяры — ваганты, или голиарды, происходившие из городской, крестьянской, рыцарской среды, низшего клира.

Обучение в школах велось на латинском языке, только в XIV в. появились школы с преподаванием на национальных языках. Средневековье не знало устойчивого деления школы на начальную, среднюю и высшую, учета специфики детского и юношеского восприятия и психологии. Религиозное по содержанию, по форме образование носило словесно-риторический характер. Начатки математики и естественных наук излагались отрывочно, описательно, часто в фантастической интерпретации. Центрами обучения навыкам ремесла в XII в. становятся цехи.

В XII—XIII вв. Западная Европа переживала экономический и культурный подъем. Развитие городов как центров ремесла и торговли, расширение кругозора европейцев, знакомство с культурой Востока, прежде всего византийской и арабской, послужили стимулами совершенствования средневекового образования. Кафедральные школы в крупнейших городских центрах Европы превращались во всеобщие школы, а затем в университеты, получившие название от латинского слова *universitas* — совокупность, общность. В XIII в. такие высшие школы существовали в Болонье, Монпелье,

Палермо, Париже, Оксфорде, Салерно и других городах. К XV в. в Европе насчитывалось около 60 университетов.

Университет обладал юридической, административной, финансовой автономией, которая даровалась ему специальными документами государя или папы. Внешняя независимость университета сочеталась со строгой регламентацией и дисциплиной внутренней жизни. Университет подразделялся на факультеты. Младшим факультетом, обязательным для всех студентов, был артистический (от лат. artes — искусства), на котором в полном объеме изучались «семь свободных искусств», затем шли юридический, медицинский, богословский (последний существовал не во всех университетах). Крупнейшим университетом был Парижский. Студенты Западной и Центральной Европы устремлялись также для получения образования в Испанию и Италию. Школы и университеты Кордовы, Севильи, Саламанки, Малаги и Валенсии давали более обширные и глубокие знания по философии, математике, медицине, химии, астрономии, а Болоньи и Падуи — по праву.

В XIV—XV вв. география университетов значительно расширяется. Получают развитие коллегии (отсюда — колледжи). Первоначально так назывались общежития студентов, но постепенно коллегии превращаются в центры занятий, лекций, диспутов. Основанная в 1257 г. духовником французского короля Робером де Сорбон коллегия, названная Сорбонной, постепенно разрослась и так укрепила свой авторитет, что по ее имени стал называться весь Парижский университет.

Университеты ускорили процесс складывания в Западной Европе светской интеллигенции. Они были настоящими питомниками знаний, играли важнейшую роль в культурном развитии общества. Однако к концу XV в. происходит некоторая кризисная ократизация университетов, все большее число студентов, преподавателей (магистров) и профессоров университетов составляют выходцы из привилегированных слоев общества. На некоторое время консервативные силы берут в университетах верх.

С развитием школ и университетов расширяется спрос на книгу. В раннем средневековье книга была предметом роскоши. Книги писались на пергамене — специально выделанной телячьей коже. Листы пергамена сшивались с помощью тонких крепких веревок и помещались в переплет из досок, обтянутых кожей, порой украшенный драгоценными камнями и металлами. Текст украшался рисованными заглавными буквами — инициалами, заставка-ми, а позже — великолепными миниатюрами. С XII в. книга становится более дешевой, открываются городские мастерские по переписке книг, в которых работают не монахи, а ремесленники. С XIV в. в производстве книг начинает широко применяться бумага. Процесс производства книги упрощается и унифицируется, что было особенно важно для подготовки книгопечатания, появление которого в 40-х годах XV в. (его изобретателем был немецкий мастер Иоганн Гутенберг) сделало книгу в Европе поистине массовой и повлекло за собой существенные перемены в культурной жизни.

До XII в. книги были преимущественно сосредоточены в церковных библиотеках. В XII—XV вв. появляются многочисленные библиотеки при университетах, королевских дворах, у крупных феодалов, клириков и состоятельных горожан.

Знания о природе. К XIII в. обычно относят зарождение интереса к опытному знанию в Западной Европе. До той поры здесь преобладало отвлеченное, основанное на чистом умозрении знание, часто бывшее весьма фантастическим по содержанию. Между практическим знанием и философией лежала пропасть, казавшаяся непреодолимой. Естественнаучные методы познания не разрабатывались. Преобладали грамматические, риторические и логические подходы. Не случайно средневековый энциклопедист Винсент из Бовэ писал: «Наука о природе имеет своим предметом невидимые причины видимых вещей». Связь с материальным миром осуществлялась через посредство громоздких, нередко фантастических абстракций. Своеобразный пример этого давала алхимия. Средневековому человеку мир казался познаваемым, но исполненным необычных вещей, населенным диковинными существами, вроде людей с песьими головами. Грань между реальным и высшим, сверхчувственным миром зачастую стиралась.

Однако жизнь требовала не иллюзорных, а практических знаний. В XII в. определенный прогресс наметился в области механики и математики. Это вызвало опасения ортодоксальных богословов, которые прозвали практические науки «прелюбодейными». В Оксфордском университете переводились и комментировались естественнонаучные трактаты ученых древности и арабов.

Роберт Гроссетест сделал попытку применить математический подход к изучению природы. В XIII в. оксфордский профессор Роджер Бэкон, начав со схоластических штудий, в конечном счете пришел к исследованию природы, к отрицанию авторитетов, решительно отдавая предпочтение опыту перед чисто умозрительной аргументацией. Бэкон достиг значительных результатов в оптике, физике, химии. За ним укрепилась репутация мага и волшебника. О нем рассказывали, что он создал говорящую медную голову или металлического человека, выдвинул идею воздвижения моста путем сгущения воздуха. Ему принадлежали утверждения о том, что можно сделать самодвижущиеся суда и колесницы, аппараты, летающие по воздуху или беспрепятственно передвигающиеся по дну моря или реки. Жизнь Бэкона была полна превратностей и лишений, он не раз осуждался церковью и подолгу сидел в заточении.

Продолжателями его дела стали Уильям Оккам и его ученики Николай Отрекур, Буридан и Николай Орезмский (Орем), которые немало сделали для дальнейшего развития физики, механики, астрономии. Так, Орем, например, приблизился к открытию закона падения тел, развил учение о суточном вращении земли, обосновал идею применения координат. Николай Отрекур был близок к атомизму.

«Познавательным энтузиазмом» были охвачены различные слои общества. В Сицилийском королевстве, где процветали различные науки и искусства, широко развернулась деятельность переводчиков, обратившихся к философским и естественнонаучным сочинениям греческих и арабских авторов. Под покровительством сицилийских государей расцвела медицинская школа в Салерно, из которой вышел знаменитый «Салернский кодекс» Арнольда да Вилланова. В нем давались разнообразные наставления по поддержанию здоровья, описания лечебных свойств различных растений, ядов и противоядий и т.п.

Алхимиками, занятыми поисками «философского камня», способного превратить недрагоценные металлы в золото, побочно был сделан целый ряд важных открытий — изучены свойства разнообразных веществ, многочисленны способы воздействия на них, получены различные сплавы и химические соединения, кислоты, щелочи, минеральные краски, созданы и усовершенствованы приборы и установки для опытов: перегонный куб, химические печи, аппараты для фильтрации и дистилляции и т.п.

Значительно обогатились географические знания европейцев. Еще в XIII в. братья Вивальди из Генуи попытались обогнуть Западноафриканское побережье. Венецианец Марко Поло совершил многолетнее путешествие в Китай и Центральную Азию, описав его в своей «Книге», которая разошлась в Европе во множестве списков на различных языках. В XIV—XV вв. появляются довольно многочисленные описания различных земель, сделанные путешественниками, совершенствуются карты, составляются географические атласы. Все это имело немаловажное значение для подготовки Великих географических открытий.

Место истории в средневековом мирозерцании. В духовной жизни средневековья важную роль играли исторические представления. В ту эпоху история не рассматривалась как наука или как занимательное чтение; она была существенной частью мирозерцания.

Различного рода «истории», хроники, летописи, биографии королей, описания изданий и прочие исторические сочинения были излюбленными жанрами средневековой словесности. Это обуславливалось в значительной мере тем, что христианство придавало истории большое значение. Христианская религия изначально претендовала на то, что ее основа — Ветхий и Новый завет — принципиально исторична. Существование человека разворачивается во времени, имеет свое начало (акт творения) и конец — второе пришествие Христа, когда свершится Страшный суд и осуществится цель истории. Сама история представлялась как путь спасения человечества Богом.

В феодальном обществе историк, летописец, хронист мыслился как «человек, связующий времена». История была средством самопознания общества и гарантом его мировоззренчески-социальной стабильности, ибо утверждала его универсальность и закономерность в смене поколений, во всемирно-историческом процессе. Это особенно ярко прослеживается в таких «классических» сочинениях исторического жанра, как хроники Отгона

Фрейзинген-ского, Гвиберта Ножанского и др. Едва ли не самым крупным историческим сочинением европейского средневековья была «Хеймскрингла» («Круг земной») исландца Снорри Стурлусона, посвященная истории Норвегии.

Универсальный «историзм» сочетался с удивительным на первый взгляд отсутствием у людей средневековья чувства конкретной исторической дистанции. Прошлые они представляли в облике и костюмах своей эпохи, усматривая в нем не то, что отличало людей и событие давних времен от них самих, а то, что казалось им общим, универсальным. Прошлые как бы становилось частью их собственной исторической реальности. Александр Македонский представал средневековым рыцарем, а библейские цари правили на манер феодальных государей.

В XIII в. в средневековой историографии возникли новые тенденции, связанные с развитием городов. Они, в частности, нашли отражение в «Хронике» итальянского францисканца Салимбене, отличавшейся острым интересом к событиям мирской жизни, тонкой наблюдательностью и рационализмом в объяснении причин и следствий событий, наличием автобиографического элемента.

5. Героический эпос

Хранителем истории, коллективной памятью, своеобразным жизненным и поведенческим эталоном, средством идеологического и эстетического самоутверждения был героический эпос, который концентрировал в себе важнейшие стороны духовной жизни, идеалы и эстетические ценности, поэтику средневековых народов. Корни героического эпоса Западной Европы уходят в глубь варварской эпохи. Об этом прежде всего свидетельствует сюжетная канва многих эпических произведений, в основу ее положены события времени Великого переселения народов.

Вопросы о происхождении героического эпоса, его датировке, соотношении коллективного и авторского творчества в его создании до сих пор являются дискуссионными в науке. Первые записи эпических произведений в Западной Европе относятся к VIII—IX вв. Ранний этап эпической поэзии связан с развитием раннефеодальной военной поэзии — кельтской, англосаксонской, германской, древнескандинавской, — которая сохранилась в не-многочисленных фрагментах.

Эпос развитого средневековья — народно-патриотический по своему характеру, вместе с тем он отразил не только общие человеческие ценности, но и специфические феодальные. В нем происходит идеализация древних героев в духе рыцарско-христианской идеологии, возникает мотив борьбы «за правую веру», как бы подкрепляющий идеал защиты отечества.

Эпические произведения, как правило, структурно целостны и универсальны. Каждое из них является воплощением определенной картины мира, охватывает множество сторон жизни героев. Отсюда смещение реального и фантастического. Эпос, вероятно, в той или иной форме был знаком каждому члену средневекового общества.

В западноевропейском эпосе можно выделить два слоя: исторический (героические сказания, имеющие реальную историческую основу) и сказочный, более близкий к фольклору.

Запись англосаксонского эпоса «Сказание о Беовульфе» относится примерно к 1000 г. Он повествует о молодом воине из народа гаутов, совершающем героические подвиги, побеждающем чудовищ и погибающем в схватке с драконом. Фантастические приключения разворачиваются на реальном историческом фоне, отражающем процесс феодализации у народов Северной Европы.

К числу знаменитых памятников мировой литературы относятся исландские саги. «Старшая Эдда» включает девятнадцать древнеисландских эпических песен, сохраняющих черты древнейших этапов развития словесного искусства. «Младшая Эдда», принадлежащая поэту-скальду XIII в. Снорри Стурлусону, — это своего рода руководство в поэтическом искусстве скальдов с ярким изложением исландских языческих мифологических преданий, уходящих корнями в древнейшую общегерманскую мифологию.

В основе французского эпического произведения «Песнь о Роланде» и испанского «Песнь о моем Сиде» лежат реальные исторические события: первого — бой франкского отряда с врагами в Ронсевальском ущелье в 778 г., второго — один из эпизодов Реконкисты. В этих произведениях очень сильны патриотические мотивы, что позволяет провести определенные параллели между ними и русским эпическим произведением «Слово о полку Игореве». Патриотический долг идеализированных героев оказывается превыше всего. Реальная военно-политическая ситуация приобретает в эпических сказаниях масштабы вселенского события, и через такую гиперболизацию происходит утверждение идеалов, которые перерастают рамки своей эпохи, становятся человеческими ценностями «на все времена».

Героический эпос Германии «Песнь о Нибелунгах» значительно более мифологизирован. В нем мы тоже встречаемся с героями, имеющими исторические прототипы — Этцелем (Атиллой), Дитрихом Бернским (Теодорихом), бургундским королем Гунтером, королевой Брунгильдой и др. Рассказ о них переплетается с сюжетами, героем которых является Зигфрид (Сигурд); его приключения напоминают древние богатырские сказки. Он побеждает страшного дракона Фафнира, стерегущего сокровища Нибелунгов, совершает другие подвиги, однако в конце концов гибнет.

Связанный с определенным типом исторического осмысления мира героический эпос средневековья был средством ритуально-символического отражения и переживания действительности, что характерно как для Запада, так и для Востока. В этом проявилась определенная типологическая близость средневековых культур разных регионов мира.

6. Рыцарская культура

Яркой и столь часто романтизированной впоследствии страницей культурной жизни средневековья была рыцарская культура. Ее создателем и носителем являлось военно-аристократическое сословие, зародившееся еще в

раннем средневековье и достигшее расцвета в XI—XIV вв. Своими корнями идеология рыцарства уходит, с одной стороны, в глубины самосознания варварских народов, а с другой — в развитую христианством концепцию служения, вначале толковавшегося как чисто религиозное, но в средние века приобретшего намного более широкое значение и распространившегося на область чисто светских отношений, вплоть до служения даме сердца.

Верность сеньору составляла ядро рыцарского этоса (норм поведения). Предательство и вероломство считались для рыцаря тягчайшим грехом, влекли за собой исключение из корпорации. Война была профессией рыцаря, но постепенно рыцарство начало себя считать вообще поборником справедливости. На деле справедливость понималась весьма своеобразно и распространялась лишь на весьма узкий круг людей, нося четко выраженный сословно-корпоративный характер. Достаточно вспомнить откровенное высказывание трубадура Бертрана де Борна: «Любе видеть мне народ голодающим, раздетым, страждущим, не обогретым».

Рыцарский кодекс требовал от того, кто должен ему следовать, множества достоинств, ибо рыцарь, по выражению Раймонда Тулуза, автора известного наставления, — это тот, кто «благородно поступает и ведет благородный образ жизни». С рыцарством связано возникновение куртуазной (придворной) культуры, особого стиля поведения, быта, выражения чувств. Культ дамы стал важнейшим элементом куртуазности. Избраннице сердца поклонялись как богине, ее воспевали в прекрасных стихах, в ее честь совершали рыцарские подвиги.

В жизни рыцаря многое было сознательно выставлено напоказ. Храбрость, щедрость, благородство, о которых мало кто знал, не имели цены. Рыцарь постоянно стремился к первенству, к славе. О его подвигах и любви должен был знать весь христианский мир. Отсюда внешний блеск рыцарской культуры, ее особое внимание к ритуалу, атрибутике, символике цвета, предметов, к этикету. Рыцарские турниры, имитировавшие настоящие сражения, приобрели особую пышность в XIII—XIV вв., когда на них собирался цвет рыцарства из разных уголков Европы.

В конце XI в. в Провансе появляются трубадуры — поэты-рыцари. Они не только слогали стихи, главным образом о любви, но и распевали их нередко в музыкальном сопровождении. Одним из первых трубадуров был герцог Аквитании Гильём IX. В XII в. громкую славу снискал трубадур Бернарт де Вентадорн, в творчестве которого куртуазная лирика нашла свое наиболее полное выражение как поэзия феодального двора и связанного с ним парадного света. «Магистром поэтов» называли Гираута де Борней-ля (последняя треть XII — начало XIII в.). В куртуазной поэзии слышны голоса не только трубадуров-мужчин, но и женщин — Беатрис де Диа, Марии Шампанской. Подобно отважным героям рыцарских романов они решительно заявляют свои права на равенство с сильным полом.

В XII в. поэзия поистине становится «повелительницей» европейской словесности. Увлечение ею распространяется на севере Франции, где появляются труверы, в Германии, на Пиренейском полуострове. В Германии

поэты-рыцари назывались миннезингерами, среди них наиболее прославленными были Вольфрам фон Эшенбах, Гартман фон Ауэ, Вальтер фон дер Фогельвейде.

Рыцарская литература была не только средством выражения самосознания рыцарства, его идеалов, но и активно их формировала. Обратная связь была настолько сильной, что средневековые хронисты, описывая сражения или подвиги реальных людей, делали это в соответствии с образцами из рыцарских романов, которые возникнув в середине XII в., за несколько десятилетий стали центральным явлением светской культуры. Они создавались на народных языках, действие развивалось как череда приключений-авантур героев. Одним из главных источников западноевропейского рыцарского (куртуазного) романа был кельтский эпос о короле Артуре и рыцарях Круглого стола. Из него родилась прекраснейшая повесть о любви и смерти — история Тристана и Изольды, навеки оставшаяся в сокровищнице человеческой культуры. Герои этого бретонского цикла Ланселот и Персеваль, Пальмерин и Амидис и другие, по мысли создателей романов, среди которых самым известным был французский поэт XII в. Кретьен де Труа, воплощали высшие человеческие добродетели, принадлежавшие не потустороннему, а земному бытию. Это особенно ярко выразилось в новом понимании любви, бывшей центром и движущей силой любого рыцарского романа. Один из распространенных мотивов рыцарского романа — поиски святого Грааля — чаши, в которую, по преданию, была собрана кровь Христа. Грааль стал символом высшей духовности.

В XIV в. в идеологии рыцарства начинает нарастать болезненный разрыв между мечтой и действительностью. Куртуазный роман постепенно приходит в упадок. По мере того как значение военного сословия уменьшалось, рыцарские романы все более утрачивали связь с реальной жизнью. Их сюжеты становились фантастичнее и неправдоподобнее, стиль вычурнее, усиливались религиозные мотивы. Попытка возродить рыцарский роман с его героическим пафосом принадлежит английскому дворянину Томасу Мэлори. Написанный им на основе старинных сказаний о рыцарях Круглого стола роман «Смерть Артура» является выдающимся памятником английской прозы XV в. Однако, стремясь воспеть рыцарство, автор невольно отразил в своем произведении черты разложения сословного строя и трагическую безысходность его поколения.

Сословная замкнутость проявилась в создании в XIV—XV вв. различных рыцарских орденов, вступление в которые обставлялось пышными церемониями. Игра подменяла реальность. Упадок рыцарства выразился в глубоком пессимизме, неуверенности в будущем, прославлении смерти как избавления.

7. Городская культура

С XI в. центрами культурной жизни в Западной Европе становятся города. Антицерковная вольнолюбивая направленность городской культуры, ее связи с народным творчеством наиболее ярко проявились в развитии городской

литературы, которая с самого своего возникновения создавалась на народных наречиях в противоположность господствовавшей церковной латиноязычной литературе. В свою очередь городская литература способствовала процессу превращения народных наречий в национальные языки, развивавшемуся в XI—XIII вв. во всех странах Западной Европы.

В XII—XIII вв. религиозность масс переставала быть по преимуществу пассивной. Огромное «молчащее большинство» из объекта церковного воздействия начинало превращаться в субъект духовной жизни. Определяющими явлениями в этой сфере становились не богословские споры церковной элиты, а бурлящая, чреватая ересями народная религиозность. Возрастал спрос на «массовую» литературу, которой в то время были жития святых, рассказы о видениях и чудесах. По сравнению с ранним средневековьем они психологизировались, в них усиливались художественные элементы. Излюбленной «народной книгой» стала составленная в XIII в. «Золотая легенда» епископа Генуи Иакова Ворагинского, к сюжетам которой европейская литература обращалась вплоть до XX в.

Популярными жанрами городской литературы становятся стихотворные новеллы, басни, шутки (фаблио во Франции, шванки в Германии). Они отличались сатирическим духом, грубоватым юмором, яркой образностью. В них высмеивались алчность духовенства, бесплодие схоластической премудрости, кичливость и невежество феодалов и многие другие реалии средневековой жизни, противоречившие трезвому, практическому взгляду на мир, формировавшемуся у горожан.

Фаблио, шванки выдвигали новый тип героя — неунывающего, плутоватого, смышленного, всегда находящего выход из любой трудной ситуации благодаря природному уму и способностям. Так, герой широко известного сборника шванков «Поп Амис», оставивший глубокий след в немецкой литературе, чувствует себя уверенно и легко в мире городской жизни, в самых невероятных обстоятельствах. Он всеми своими проделками, находчивостью утверждает, что жизнь принадлежит горожанам ничуть не меньше, чем другим сословиям, и что место горожан в мире прочно и надежно. Городская литература бичевала пороки и нравы, откликалась на злобу дня, была в высшей степени «современной». Мудрость народа облекалась в ней в форму метких пословиц и поговорок. Церковь преследовала поэтов из городских низов, в творчестве которых она усматривала прямую угрозу. Например, сочинения парижанина Рютбефа в конце XIII в. были осуждены папой на сожжение.

Наряду с новеллами, фаблио и шванками складывался городской сатирический эпос. Его основой были сказки, зародившиеся еще в раннем средневековье. Одним из самых любимых у горожан был «Роман о Лисе», сформировавшийся во Франции, но переведенный на немецкий, английский, итальянский и другие языки. Находчивый и дерзкий Лис Ренар, в образе которого выведен зажиточный, умный и предприимчивый горожанин, неизменно побеждает тупого и кровожадного Волка Изенгрин, сильного и

глупого Медведя Брена — в них легко угадывались рыцарь и крупный феодал. Он также обводил вокруг пальца Льва Нобля (короля) и постоянно насмехался над глупостью Осла Бодуэна (священника). Но подчас Ренар строил козни против кур, зайцев, улиток, начинал преследовать слабых и униженных. И тогда простой народ разрушал его умыслы. На сюжеты «Романа о Лисе» создавались даже скульптурные изображения в соборах в Отене, Бурже и др.

Широкое распространение получило еще одно произведение городской литературы — «Роман о Розе», писавшийся последовательно двумя авторами — Гильомом де Лоррисом и Жаном де Менем. Герой этой философско-аллегорической поэмы, юный поэт, устремлен к идеалу, воплощенному в символическом образе Розы. В «Романе о Розе» воспеты идеи свободомыслия, Природа и Разум, равенство людей.

Носителями духа протеста и свободомыслия были бродячие школяры и студенты — ваганты. В среде вагантов сильны были оппозиционные настроения против церкви и существующих порядков, характерные и для городских низов в целом. Ваганты создали своеобразную поэзию на латинском языке. Остроумные, бичующие пороки общества и прославляющие радость жизни стихи и песни вагантов знала и распевала вся Европа от Толедо до Праги, от Палермо до Лондона. В этих песнях особенно доставалось церкви и ее служителям.

Развитие городской литературы в XIV—XV вв. отразило дальнейший рост социального самосознания бюргерства. В городской поэзии, драме и возникшем в тот период новом жанре городской литературы — прозаической новелле — горожане наделяются такими чертами, как житейская мудрость, практическая сметка, жизнелюбие. Бюргерство противопоставляется дворянству и духовенству как опора государства. Этими идеями проникнуто творчество двух крупнейших французских поэтов того времени Эсташа Дюшена и Алена Шартье.

В XIV—XV вв. в литературе Германии мастерзанг (поэзия представителей ремесленно-цеховой среды) постепенно вытесняет рыцарский миннезанг. Очень популярными становятся творческие соревнования мастерзингеров, проходившие во многих городах Германии.

Замечательным явлением средневековой поэзии было творчество Франсуа Вийона. Он прожил короткую, но бурную, полную приключений и скитаний жизнь. Его иногда называют «последним вагантом», хотя он писал свои стихи не на латинском, а на родном французском языке. Эти стихи, созданные в середине XV в., поражают удивительно искренней человеческой интонацией, буйным ощущением свободы, исполненными трагизма поисками самого себя, что позволяет видеть в их авторе одного из предшественников Возрождения и новой романтической поэзии.

К XIII в. относится зарождение городского театрального искусства. Церковные мистерии, которые были известны значительно раньше, под влиянием новых веяний, связанных с развитием городов, становятся более яркими, карнавальными. В них проникают светские элементы. Городские

«игры», т.е. театральные действия, с самого начала носят светский характер, их сюжеты заимствованы из жизни, а выразительные средства — из фольклора, творчества бродячих актеров — жонглеров, бывших одновременно танцорами, певцами, музыкантами, акробатами, фокусниками. Одной из таких городских «игр» была «Игра о Робене и Марион» (XIII в.), бесхитростная история юных пастушка и пастушки, чья любовь победила козни коварного и грубого рыцаря. Подобные театрализованные представления разыгрывались прямо на городских площадях, в них принимали участие присутствующие горожане.

В XIV—XV вв. широкое распространение получили фарсы — юмористические сцены, в которых реалистически изображался быт горожан. О близости составителей фарсов к неимущим слоям свидетельствует частое осуждение в них бездушия, нечестности и алчности богатых. Организация больших театрализованных представлений — мистерий — переходит от клириков к ремесленным цехам и торговым корпорациям. Мистерии разыгрываются на городских площадях и несмотря на библейские сюжеты, носят злободневный характер, включая комедийный и бытовой элементы.

XIV—XV века — время расцвета средневековой гражданской архитектуры. Для богатых горожан сооружаются большие красивые дома. Замки феодалов тоже становятся более комфортабельными, постепенно утрачивая значение военных крепостей и превращаясь в загородные резиденции. Преображаются интерьеры замков, их украшают коврами, предметами прикладного искусства, изысканной утварью. Развивается ювелирное искусство, производство предметов роскоши. Более разнообразной, богатой и яркой становится одежда не только знати, но и состоятельных горожан.

Новые веяния. Данте Алигьери. Венчает средневековье и в то же время высится у истоков Возрождения величественная фигура итальянского поэта и мыслителя, флорентийца Данте Алигьери (1265—1321). Изгнанный из родного города политическими противниками, осужденный на скитания до конца жизни, Данте был горячим поборником объединения и социального обновления Италии. Его поэтико-мировоззренческий синтез — «Божественная комедия» — итог лучших духовных устремлений зрелого средневековья, который в то же время несет в себе прозрение наступающей культурно-исторической эпохи, ее чаяний, творческих возможностей и неразрешимых противоречий.

Наивысшие достижения философской мысли, политические доктрины и естественнонаучные знания, глубочайшее постижение человеческой души и социальных отношений, переплавленные в горниле поэтического вдохновения, создают в «Божественной комедии» Данте грандиозную картину мироздания, природы, бытия общества и человека. Мистические образы и мотивы «святой бедности» также не оставили Данте равнодушным. Целая галерея выдающихся деятелей средневековья, властителей дум той эпохи проходит перед читателями «Божественной комедии». Ее автор проводит читателя через огонь и ледяной ужас ада, через горнило чистилища

к высотам рая, чтобы здесь обрести высшую мудрость, утвердить идеалы добра, светлого упования и высоты человеческого духа.

Зов наступающей эпохи ощущается и в творчестве других писателей и поэтов XIV в. Выдающийся государственный деятель Испании, воин и писатель инфант Хуан Мануэль оставил большое литературное наследие, но особое место в нем по своим предгуманистическим настроениям занимает сборник поучительных рассказов «Граф Луканор», в котором угадываются некоторые мотивы, характерные для младшего современника Хуана Мануэля — ита-льянского гуманиста Боккаччо, автора знаменитого «Декамерона».

Сочинение испанского автора типологически близко к «Кенте-берийским рассказам» великого английского поэта Джеффри Чосера (1340—1400), во многом воспринявшего гуманистический импульс, исходивший из Италии, но в то же время бывшего крупнейшим писателем английского средневековья. Для его творчества характерны демократические и реалистические тенденции. Разнообразие и богатство образов, тонкость наблюдений и характеристик, сочетание драматизма и юмора отточенная литературная форма делают сочинения Чосера подлинно литературными шедеврами.

О новых веяниях в городской литературе, отразившей устремления народа к равенству, его бунтарский дух, свидетельствует та значимость, которую приобретает в ней фигура крестьянина. Это обнаруживается в немецкой повести «Крестьянин Гельмбрехт», написанной Вернером Садовником в конце XIII в. Но с наибольшей силой искания народа отразились в творчестве английского поэта XIV в. Уильяма Ленгленда, особенно в его сочинении «Ви-дение Уильяма о Петре-Пахаре», проникнутом сочувствием к крестьянам, в которых автор видит основу общества, а в их труде — залог совершенствования всех людей. Таким образом, городская культура отбрасывает ограничивавшие ее рамки и смыкается с народной культурой в целом.

Средневековая ментальность и народная культура. Творчество трудящихся масс является фундаментом культуры каждой исторической эпохи. Прежде всего, народ — создатель языка, без которого невозможно развитие культуры. Народная психология, образность, стереотипы поведения и воспитания — питательная среда культуры. Но почти все письменные источники средневековья, дошедшие до нас, созданы в рамках «официальной», или «высокой», культуры. Народная культура была бесписьменной, устной. Обнаружить ее можно только собирая данные из источников, которые дают их в своеобразном преломлении, под определенным углом зрения. «Низовой» пласт явственно просматривается в «высокой» культуре средневековья, в его литературе и искусстве, подспудно ощущается во всей системе интеллектуальной жизни, в его народной первооснове. Этот низовой пласт не был только «карнавально-смеховым», он предполагал наличие определенной «картины мира», отражавшей особым образом все стороны человеческого и общественного бытия, мироустройства.

Каждая историческая эпоха имеет свое мироощущение, свои представления о природе, времени и пространстве, порядке всего существующего, об отношениях людей друг к другу. Эти представления не остаются неизменными на протяжении всей эпохи, они имеют свои отличия у разных социальных групп, но в то же время являются типичными, показательными именно для этого отрезка исторического времени. Христианство лежало в основе мироощущения, массовых представлений средневековья.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

ПРАКТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

Тематика семинарских занятий

Тема I: Древние германцы

ПЛАН

1. Характеристика источников.
2. Германские племена и их расселение.
3. Хозяйство древних германцев (земледелие, скотоводство, ремесло, обмен и другие занятия) по данным Цезаря и Тацита.
4. Характер землепользования и община у древних германцев.
5. Социальная структура и организация управления у древних германцев.
6. Быт древних германцев, их верования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1961 – 1963. Т. 1-2;
2. История средних веков (V - IX вв.). Практикум в двух частях. Часть 1. Раннее средневековье. Минск: БГПУ, 2007.
3. История средних веков. Часть 1. Раннее средневековье/ Под ред. В.А. Федосика, И.О. Евтухова. Минск: «Издательский центр БГУ», 2008.
4. Средневековый мир в терминах, именах и названиях. Минск: «Беларусь», 1999.

Тема II: Хозяйство и общественный строй франков по

«Салической правде»

ПЛАН

1. «Салическая правда» как исторический источник.
2. Завоевание франками Галлии
3. Основные виды хозяйственной деятельности франков.
4. Формы собственности на землю и землепользование
5. Характеристика общины той эпохи.
6. Социальная структура франкского общества: имущественное и социальное расслоение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1961 – 1963. Т. 1-2;
2. Салическая правда. Пер. Н. П. Грацианского. М., 1950.
3. История средних веков (V - IX вв.). Практикум в двух частях. Часть 1. Раннее средневековье. Минск: БГПУ, 2007.

4. История средних веков. Часть 1. Раннее средневековье/ Под ред. В.А. Федосика, И.О. Евтухова. Минск: «Издательский центр БГУ», 2008.
5. Средневековый мир в терминах, именах и названиях. Минск: «Беларусь», 1999.
6. Лебек С. Происхождение франков. V-IX века. М., 1993.

Тема III: Образование феодально-зависимого крестьянства во франкском обществе 7-9 вв.

ПЛАН

1. Характеристика источников
2. Развитие частной собственности на землю, аллод. Сущность поземельного переворота при Каролингах: бенефиций.
3. Причины разорения крестьян.
4. Пути и способы утраты франкскими крестьянами собственности на землю и втягивание их в зависимость.
5. Политика государственной власти в отношении крестьян.
6. Иммунитет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1961 – 1963. Т. 1-2;
2. История средних веков (V - IX вв.). Практикум в двух частях. Часть 1. Раннее средневековье. Минск: БГПУ, 2007.
3. История средних веков. Часть 1. Раннее средневековье/ Под ред. В.А. Федосика, И.О. Евтухова. Минск: «Издательский центр БГУ», 2008.
4. Средневековый мир в терминах, именах и названиях. Минск: «Беларусь», 1999.

Тема IV: Крупная феодальная вотчина Каролингской эпохи

ПЛАН

1. Характеристика источников.
2. Хозяйственный строй поместья.
3. Категории зависимого крестьянства и надельная система.
4. Феодальная рента.
5. Организация поместного управления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1961 – 1963. Т. 1-2;
2. История средних веков (V - IX вв.). Практикум в двух частях. Часть 1. Раннее средневековье. Минск: БГПУ, 2007.

3. История средних веков. Часть 1. Раннее средневековье/ Под ред. В.А. Федосика, И.О. Евтухова. Минск: «Издательский центр БГУ», 2008.
4. Средневековый мир в терминах, именах и названиях. Минск: «Беларусь», 1999.

Тема V: Византийская община по земледельческому закону

ПЛАН

1. Характеристика источника
2. Система хозяйства в византийской общине по данным «Земледельческого закона».
3. Формы собственности в византийской общине.
4. Формы аренды по данным «Земледельческого закона».
5. Имущественная и социальная дифференциация в византийской общине в 8 –10 вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1961 – 1963. Т. 1-2;
2. История средних веков (V - IX вв.) Практикум в двух частях. Часть 1. Раннее средневековье. Минск: БГУ, 2007.
3. Византийский земледельческий закон/Под. ред. И. П. Медведева. Л., 1984.
4. История средних веков. Часть 1. Раннее средневековье/ Под ред. В.А. Федосика, И.О. Евтухова. Минск: «Издательский центр БГУ», 2008.
5. Средневековый мир в терминах, именах и названиях. Минск: «Беларусь», 1999.

Тема VI: Средневековые ремесленные цехи 12-15 вв.

ПЛАН

1. Характеристика источников.
2. Характеристика мелкого товарного производства.
3. Причины объединения ремесленников в цехи.
4. Цеховая иерархия. Положение учеников и подмастерьев.
5. Функции цеха.
6. «Замыкание цеха» и начало разложения цехового строя. Социальная борьба в цехах: борьба подмастерьев с мастерами.
7. Роль цехов в развитии производительных сил в Европе в ранний и поздний период их существования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1961 – 1963. Т. 1-2;

2. История средних веков (X - XV вв.). Практикум в двух частях. Часть 2. Высокое и Позднее средневековье. Минск: БГПУ, 2007.
3. История средних веков. Часть 2. Высокое средневековье/ Под ред. В.А. Федосика, И.О. Евтухова. Минск: «Издательский центр БГУ», 2008.
4. История средних веков. Часть 3. Позднее средневековье/ Под ред. В.А. Федосика, И.О. Евтухова. Минск: «Издательский центр БГУ», 2008.
5. Средневековый мир в терминах, именах и названиях. Минск: «Беларусь», 1999.
6. Котельникова Л. А. Феодализм и город в Италии в VIII—XV вв. М., 1987.
7. Левицкий Я. А. город и феодализм в Англии. М., 1987.
8. Развитие античного и средневекового города. М., 1987.
9. Рутенбург В. И. Итальянский город с раннего средневековья до Возрождения. Л., 1987.
10. Средневековый город. Минск, 1998.

Тема VII: Сословно-представительные монархии в странах западной Европы

ПЛАН

1. Сословно-представительная монархия как тип государственной власти.
2. Возникновение сословно-представительных учреждений, их структура и функции в:
 - а) Англии,
 - б) Франции,
 - в) государствах Пиренейского полуострова
 - г) Германии,
 - д) странах Скандинавии.
3. Общее и особенное в сословно-представительных учреждениях западноевропейских стран. Их роль и значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1961 – 1963. Т. 1-2;
2. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы/ Под ред. В.М. Корецкого. М., 1961.
3. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран/ Под ред. З. М. Черниловского. М., 1983.
4. История средних веков (X - XV вв.). Практикум в двух частях. Часть 2. Высокое и Позднее средневековье. Минск: БГПУ, 2007.
5. История средних веков. Часть 2. Высокое средневековье/ Под ред. В.А. Федосика, И.О. Евтухова. Минск: «Издательский центр БГУ», 2008.

6. История средних веков. Часть 3. Позднее средневековье/ Под ред. В.А. Федосика, И.О. Евтухова. Минск: «Издательский центр БГУ», 2008.
7. Средневековый мир в терминах, именах и названиях. Минск: «Беларусь», 1999.
8. Власть и политическая культура в Средневековой Европе. М., 1992.
9. Сословно-представительные монархии. Государственность, право, идеология. М., 1987.
10. Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции. 13-15 вв. М., 1989.

Семинар VIII: Аграрное развитие Франции в 13-15 вв.

ПЛАН

1. Характеристика источников.
2. Социально-правовое положение французских крестьян в 13-14 вв.
3. Освобождение от серважа, образование новых форм держаний.
4. Аграрное развитие в 15 в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1961 – 1963. Т. 1-2;
2. История средних веков (X - XIV вв.). Практикум в двух частях. Часть 2. Высокое и Позднее средневековье. Минск: БГПУ, 2007.
3. История средних веков. Часть 2. Высокое средневековье/ Под ред. В.А. Федосика, И.О. Евтухова. Минск: «Издательский центр БГУ», 2008.
4. История средних веков. Часть 3. Позднее средневековье/ Под ред. В.А. Федосика, И.О. Евтухова. Минск: «Издательский центр БГУ», 2008.
5. Средневековый мир в терминах, именах и названиях. Минск: «Беларусь», 1999.
6. Гутнова Е. В. Классовая борьба и общественное сознание крестьян в средневековой Западной Европе (XI—XV вв.). М., 1984.
7. Феодалная рента и крестьянские движения в Западной Европе 13 – 15 вв. Сб. ст. М., 1985.

Тема IX: Аграрное развитие Англии в 13-15 вв.

ПЛАН

1. Характеристика источников.
2. Английская деревня в 13 –14 вв.:
 - а) тенденции в развитии манориального хозяйства;
 - б) социально-правовой статус крестьян.
3. Аграрное развитие Англии в 15 в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1961 – 1963. Т. 1-2;
2. История средних веков (X - XV вв.). Практикум в двух частях. Часть 2. Высокое и Позднее средневековье. Минск: БГПУ, 2007.
3. История средних веков. Часть 2. Высокое средневековье/ Под ред. В.А. Федосика, И.О. Евтухова. Минск: «Издательский центр БГУ», 2008.
4. История средних веков. Часть 3. Позднее средневековье/ Под ред. В.А. Федосика, И.О. Евтухова. Минск: «Издательский центр БГУ», 2008.
5. Средневековый мир в терминах, именах и названиях. Минск: «Беларусь», 1999.
6. Феодалная рента и крестьянские движения в Западной Европе 13 – 15 вв. Сб. ст. М., 1985.

Тема X. Средневековая культура

ПЛАН

1. Монополия церкви в сфере образования, науки и культуры в Западной Европе в период Средневековья.
2. Городская культура в Западной Европе.
3. Образование: городские и церковные школы, университеты.
4. Средневековая философия.
5. Рыцарская культура.
6. Героический эпос.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1961 – 1963. Т. 1-2;
2. История средних веков (X - XV вв.). Практикум в двух частях. Часть 2. Высокое и Позднее средневековье. Минск: БГПУ, 2007.
3. Документы по истории университетов Европы XII-XV вв. Воронеж, 1973.
4. История средних веков. Часть 2. Высокое средневековье/ Под ред. В.А. Федосика, И.О. Евтухова. Минск: «Издательский центр БГУ», 2008.
5. История средних веков. Часть 3. Позднее средневековье/ Под ред. В.А. Федосика, И.О. Евтухова. Минск: «Издательский центр БГУ», 2008.
6. Средневековый мир в терминах, именах и названиях. Минск: «Беларусь», 1999.
7. Артамонов С.А. Литература средних веков. – М.: Просвещение, 1992.

8. Вейс Герман. История культуры народов мира: Пламенеющая готика. Европейское Средневековье. Серия: История культуры народов мира. Издательство: Эксмо, 2005.
9. Данилова И.Е. Слово и зримый образ в европейской живописи от средних веков до XX века. М., 2002.
10. Даркевич В.П. Народная культура средневековья. М., 1988.
11. Добиаш-Рождественская Л.А. Культура западноевропейского средневековья. М., 1987.
12. Женщины учительницы/ пер. Т.Б.Рябовой. // Традиции образования и воспитания в Европе XI-XVII веков. Иваново, 1995.
13. Иванов К.А. Трубадуры, труверы и миннезингеры. М., 1997.
14. Карсавин Л. П. Культура средних веков. М., 2003.
15. Колязин В.Ф. От мистерии к карнавалу. Театральность нем. религилзн. и площадн. сцены раннего и позднего средневековья. М., 2002.
16. Комаринец А. Энциклопедия короля Артура и рыцарей круглого стола. М., 2001.
17. Эко У. Искусство и красота в средневековой эстетике. СПб., 2003.

Методические указания студентам по самостоятельной работе

Изучение курса предполагает систематическую самостоятельную работу студентов по использованию учебной и учебно-методической литературы, исторических источников и современных информационных технологий. Студент должен выработать навыки конспектирования лекций и исторических источников в своей рабочей тетради по отечественной истории; вести глоссарий (словарь непонятных слов и выражений по тематике дисциплины с их толкованием).

Условия освоения лекционного курса в сложившейся практике элементарны. Нужно не пропускать лекций, иметь навыки конспектирования и как можно более подробно лекции записать. В течение трех дней после лекции – тщательно вычитать конспект, вставить пропущенные фрагменты, восстановить или удалить непонятные места. Пропущенные лекции восстановить по учебной литературе и конспектам хорошо успевающих друзей. Получаемую в дальнейшем дополнительную информацию вставлять на поля или, с соответствующей отметкой на полях, в конец тетради. Перед сдачей зачетов и экзаменов, тестированием следует запомнить информацию, записанную в конспекте лекций.

Самостоятельная работа студентов, предусматривает более глубокое изучение и усвоение материала курса, формирование навыков исследовательской работы путем:

- конспектирования первоисточников, учебной и научной литературы;
- проработки учебного материала (по конспектам лекций учебной и научной литературе) и подготовки докладов на практических занятиях, участия в тематических дискуссиях;
- поиска и обзора научных публикаций и электронных источников информации, подготовки заключения по обзору;
- выполнения контрольных работ, творческих (проектных) заданий;
- написания рефератов (эссе);
- работы с тестами и вопросами для самопроверки;
- участия в научных конференциях.

Самостоятельная работа студента должна носить систематический характер. Результаты самостоятельной работы контролируются преподавателем и учитываются при аттестации студента (на зачете и экзамене). Промежуточный контроль знаний преподавателем может осуществляться проведением тестирования, заслушиванием докладов, проверкой письменных работ, собеседований.

При подготовке к экзамену в рамках каждой темы курса необходимо выделить основные события, исторические персоналии, поработать с терминами. Желательно составить схему центральных и местных органов управления, запомнить их функции, способ комплектования. Во время изучения периодов системных реформ общественных отношений необходимо выявить причинно-следственные связи исторического процесса, понять, что устарело, как проводились реформы, каковы результаты каждой

из них и всего комплекса преобразований. Соотнести замыслы и реальность, подумать, почему результаты часто не совпадали с планами реформаторов. Знать разработчиков проектов и противников преобразований. При изучении вопросов военной истории нужно обратить внимание на причины конфликта, его основные этапы и результаты.

Следует также систематически пользоваться словарем персоналий и списком основных понятий и терминов (гlossарием). После изучения каждой темы в порядке самоконтроля нужно проверить, усвоены ли указанные термины, имеется ли представление о названных исторических деятелях и их роли в отечественной истории.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

Методические рекомендации студентам по выполнению курсовых работ

В системе профессиональной подготовки специалистов важное место занимает научно-исследовательская работа студентов, в частности такая форма её организации, как написание и защита курсовой работы. Для помощи и контроля за выполнением курсовой работы кафедра выделяет каждому студенту научного руководителя.

Курсовая работа представляет собой логически завершенное и оформленное в виде текста произведение научно-исследовательского содержания, направленное на решение определенных проблем и задач в области изучаемых дисциплин.

Выполнение курсовой работы направлено на достижение следующих целей:

- систематизация, обобщение, закрепление и углубление теоретических и практических знаний по циклам дисциплин, изучаемых студентами в процессе их профессиональной подготовки в университете;
- владение методологией научного исследования, приобретение навыков работы с первоисточниками и литературой, оформление использованной литературы;
- совершенствование навыков применения полученных знаний для решения конкретных задачи, а также навыков самостоятельной работы с научной литературой и обработки результатов теоретических или экспериментальных исследований.

Тема курсовой работы утверждается на соответствующей кафедре, а задание на ее выполнение оформляется руководителем.

Каждый студент по собственному желанию и вместе с научным руководителем выбирают тему курсового исследования согласно со своими интересами, заинтересованностью в изучении того или иного периода, той или иной проблематики. Допускаются уточнение, конкретизация предлагаемых тем курсовых работ или предложение других тем с учетом их актуальности. После согласования с научным руководителем темы курсовой работы она утверждается кафедрой. Изменение темы после ее утверждения допускается только в исключительных случаях, если обосновываются доводы и причины, а также при согласии научного руководителя.

Выполнение курсовой работы.

Работу над курсовой целесообразно начать с общего знакомства с содержанием проблем, которые будут исследоваться в выбранной теме. Кафедрой обрисовывается тематика и план работы. В первую очередь нужно обратиться к учебникам или пособиям по истории средневековья для студентов высших учебных заведений, общеизвестной литературе. Эта даст возможность представить основные направления изучения проблем, ее содержание, место в историческом процессе, осмысленно подойти к составлению плана.

Структура курсовой работы

Структура курсовой работы должна способствовать раскрытию избранной темы и ее составных элементов. Все части курсовой работы должны быть взаимосвязаны и изложены в строгой логической последовательности.

Структурными элементами курсовой работы являются:

задание;
титульный лист;
оглавление;
введение;
основная часть;
заключение;
библиографический список;
приложения.

Задание на выполнение курсовой работы оформляется в соответствии с образцом (Приложение 1) и прикладывается к оформленной курсовой работе.

Титульный лист курсовой работы оформляется в соответствии с образцом (Приложение 2).

Оглавление включает в себя название глав и разделов с указанием номеров страниц, на которых начинаются материалы соответствующих частей курсовой работы.

Основные требования

Курсовая работа должна быть самостоятельным и творческим исследованием одной из проблем исторического прошлого на основании изучения исторических источников и научной литературы.

Главным методологическим принципом научного исследования должна быть объективность и историзм в освещении причин и условий появления конкретных событий или тенденций развития, их сущности и содержания, исторического влияния на общество и судьбы народов.

Во введении обосновывается выбор темы, актуальность и степень ее разработанности, формулируется цель и задачи исследования, определяется его объект и предмет, указываются методы, с помощью которых будут решаться поставленные задачи. Также во введении дается библиографический обзор существующих по данной теме первоисточников и литературы, и общая характеристика работы и указывается ее объем: количество глав, точное количество таблиц, схем, рисунков, приложений и использованных источников.

Цель курсовой работы – определенный результат (теоретический, практический), который должен быть достигнут в ходе исследования. Для формулировки цели используются глаголы обосновать, раскрыть, установить, разработать, доказать, обобщить и т. п.

Задачи курсовой работы – это программа, направленная на достижение цели. Для формулировки задач используются глаголы изучить, определить, описать, апробировать и т. д.

В основных частях (разделах, главах) исследования, которые определены планом, приводится достоверный исторический материал, который раскрывает выбранную тему. Необходимо обращать особое внимание на периодизацию и полноту исторических сведений, их хронологическую последовательность и логическую связь. В конце каждого раздела должны быть, обоснованные и аргументированные фактическим материалом, обобщения и выводы, к которым пришел автор работы.

Содержание структурных частей работы должно соответствовать цели и задачам исследования. В конце каждой главы следует сформулировать краткие выводы.

Заключение – это логически стройное изложение основных результатов исследования и сделанных на их основе выводов. В нем должны быть подведены итоги исследования по проблеме, оно может содержать 3-5 крупных обобщений, подводящих итоги выполненной работы.

Библиографический список – это перечень литературных источников и других материалов, на которые в курсовой работе приводятся ссылки. Библиографический список оформляется в соответствии с требованием «Инструкции по оформлению диссертации, автореферата и публикаций по теме диссертации». Образцы оформления приведены в Приложении 3. Ссылки на литературу в тексте курсовой работы приводятся цифрой в квадратных скобках [5] – ссылка на источник, [5, с. 8] – ссылка с указанием страницы процитированной работы, [3; 5; 24] – ссылка на несколько работ. Номер литературного источника в ссылке должен соответствовать его номеру в библиографическом списке.

Названия литературных источников в библиографическом списке необходимо размещать либо в алфавитном порядке, либо в порядке появления ссылок на них в тексте курсовой работы.

Приложения включают графические, статистические и иные материалы по результатам исследования, а также дополнительные и вспомогательные материалы. В тексте курсовой работы делаются ссылки на соответствующие приложения. Каждое приложение оформляется на отдельных листах, в правом верхнем углу указывается его порядковый номер: Приложение 1, Приложение 2 и т. п.

Оформление курсовой работы

Курсовая работа должна быть грамотно написана на белорусском или русском языке, набрана в текстовом редакторе и распечатана на листах формата– А 4 (21,0 см х 29,7 см).

Объем курсовой работы должен находиться в пределах 25–40 страниц текста, включая иллюстрации, таблицы и список использованных источников.

Текст должен быть набран в текстовом редакторе «Microsoft Word» (версия 6,0; 7,0 и далее) со следующими параметрами:

поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2,0 см, левое – 3,0 см, правое – 1,5 см;

шрифт – Times New Roman;

высота шрифта – 14;

красная строка – 0,5 – 1,5 см;

межстрочный интервал – 1;

выравнивание по ширине.

Заголовки глав и разделов должны отражать содержание относящегося к ним текста. Каждую главу курсовой работы следует начинать с нового листа. Заголовки глав печатаются симметрично тексту прописными буквами.

Заголовок подразделов печатается с абзаца, строчными буквами, кроме первой прописной. Переносы слов в заголовках не допускаются. Точку в конце заголовка не ставят. Если заголовок состоит из двух предложений, их разделяют точкой.

Страницы нумеруют арабскими цифрами в нижнем колонтитуле по центру. Титульный лист включается в общую нумерацию работы. На титульном листе номер не ставится. Нумерация листов и приложений должна быть сквозной. Страницы, содержащие приложения, в общий объем работы не входят.

Разделы курсовой работы должны иметь порядковую нумерацию в пределах всей работы и обозначаться цифрами с точкой в конце. Введение и заключение не нумеруются.

Если разделы подразделяются на подразделы, то они нумеруются арабскими цифрами в пределах каждого раздела. В конце заголовка подраздела точка не ставится, например, «3.2» (второй подраздел третьего раздела).

В текст курсовой работы следует помещать только наиболее важные таблицы. Вспомогательный материал целесообразно помещать в приложения. Иллюстрации располагают после первой ссылки на них. Иллюстрации (кроме таблиц) обозначаются словом «Рисунок» и нумеруются последовательно арабскими цифрами в пределах раздела. Номер должен состоять из номера раздела и порядкового номера иллюстрации, разделенных точкой, например, «Рисунок. 1.2» (второй рисунок первого раздела). Если приведена только одна иллюстрация, то ее не нумеруют и «Рисунок» не пишут.

Таблицы нумеруются последовательно арабскими цифрами в пределах раздела. Перед таблицей указывается ее наименование. В правом верхнем углу над соответствующим наименованием помещается надпись «Таблица» с указанием ее номера. Номер должен состоять из номера раздела и порядкового номера таблицы, разделенного точкой, например, «Таблица 1.2» (вторая таблица первого раздела). Если в работе приведена только одна таблица, то ее не нумеруют и слово «Таблица» не пишут. При переносе части таблицы на другой лист указывают над ней, например,

«Продолжение таблицы 1.2». На все таблицы должны быть ссылки в тексте. В случае, если в работе приводятся иллюстрации и таблицы, не являющиеся авторскими, то после их наименования указывается ссылка на источник, из которого они заимствованы.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Пример оформления титульного листа курсовой работы

Учреждение образования

**«Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка»**

Факультет: исторический

Кафедра: истории древних цивилизаций и средневековья

**Общественный строй германцев по данным античных
источников**

Допущена к защите

Заведующий кафедрой _____

Протокол № ____ от _____ 2019 г.

Защищена _____ 2019 г.
с отметкой « _____ »

Курсовая работа
студентки 41 группы
4 курса специальности
«История и обществоведческие дисциплины»
Дневной формы
получения образования

Ивановой
Ирины Петровны
(фамилия, инициалы)

Минск, 2019

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Пример оформления задания на выполнение курсовой работы
Учреждение образования «Белорусский государственный
педагогический
университет имени Максима Танка»

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
_____ Корзюк А.А.
«__»_____ 2019

Факультет: исторический
Специальность: История и обществоведческие дисциплины
Кафедра: истории древних цивилизаций и средневековья
Дисциплина: История древних цивилизаций
Научный руководитель: Иванов И.И., кандидат исторических наук,
доцент

Автор курсовой работы: Петров Петр Петрович, студент 3 курса 301
группы дневной (заочной) формы получения образования

ЗАДАНИЕ НА ВЫПОЛНЕНИЕ КУРСОВОЙ РАБОТЫ

1. ТЕМА: ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ГЕРМАНЦЕВ ПО ДАННЫМ
АНТИЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ

2. Вопросы, которые необходимо разработать:

- 1)
- 2)
- 3)
- 4)
- 5)
- 6)
- 7)
- 8)

3. Рекомендуемая литература:

.....
.....
.....
.....
.....

Представление на рецензию: «_XX_» _____ 2014

Задание принял к выполнению	Научный руководитель
_____ (Петров П.П.)	_____ (Иванов
И. И.)	
« XX » ____ XX ____ 2019	« XX » ____ XX ____ 2019

Примеры оформления библиографического списка

Таблица 2.1 – Примеры описания самостоятельных изданий

Характеристика источника	Пример оформления
Один, два или три автора	Орлов, С.А. Технологии разработки программного обеспечения: Учебник для вузов / С.А. Орлов. – СПб.: Питер, 2002. – 464 с.
	Биячуев, Т.А. Безопасность корпоративных сетей / Т.А. Биячуев; под ред. Л.Г. Осовецкого. – СПб: СПб ГУ ИТМО, 2004. – 161 с.
	Дейтел, Х.М. Как программировать на С++ / Х.М. Дейтел, П.Дж. Дейтел. – М.: Бином, 2001. – 1152 с..
	Митчелл, М. Программирование для Linux. Профессиональный подход. / М. Митчелл, Дж. Оулден, А. Самьюэл. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2002. – 288 с.
	Бахвалов, Н.С. Численные методы: учеб. пособие для физ.-мат. специальностей вузов / Н.С. Бахвалов, Н.П. Жидков, Г.М. Кобельков; под общ. ред. Н.И. Тихонова. – 2-е изд. М.: Физматлит, 2002. – 630 с.
Четыре и более авторов	Приемы объектно-ориентированного проектирования. Паттерны проектирования / Гамма Э. [и др.]. – СПб.: Питер, 2008. – 366 с.
	Прикладная механика: учеб. пособие / А. Т. Скойбеда [и др.]; под общ. ред. А.Т. Скойбеда. – Минск: Вышэйшая школа, 1997. – 522 с.
Многотомное издание	Архангельский, А.Я. С++ Builder 6: справочное пособие: в 2 кн. / А.Я. Архангельский. – М.: Бином-Пресс, 2002. – 2 кн.
	Кнут, Д. Искусство программирования для ЭВМ: в 3 т. / Д. Кнут. – М.: Мир, 1976–1978. – 3 т.
Отдельный том в многотомном издании	Архангельский, А.Я. С++ Builder 6: справочное пособие: в 2 кн. Кн. 1. Язык С++ / А.Я. Архангельский. – М.: Бином-Пресс, 2002. – 544 с.
	Архангельский, А.Я. С++ Builder 6: справочное пособие: в 2 кн. Кн. 2. Классы и компоненты / А.Я. Архангельский. – М.: Бином-Пресс, 2002. – 528 с.
	Иновационные технологии в учебно-воспитательном процессе УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: сб. ст. / Вит. гос. ун-т им. П.М. Машерова; редкол. А.В. Русецкий (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2006. – 111 с.
Сборник статей, трудов	Современные информационные компьютерные технологии: сб. науч. ст.: в 2 ч. / Гродн. гос. ун-т им. Я.Купалы; редкол.: А.М. Кадан (отв. ред.) [и др.]. – Гродно, 2008. – 2 ч.

Материалы конференций	Информатизация обучения математике и информатике: педагогические аспекты: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию Белорус. гос. ун-та, Минск, 25–28 окт. 2006 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: И.А. Новик (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2006. – 499 с.
	II Машеровские чтения: материалы региональной научно-практич. конф. студентов, магистрантов и аспирантов, Витебск, 24–25 апр. 2007 г.: в 2 т. / Вит. гос. ун-т. – Витебск, 2007. – 2 т.
Стандарт	ГОСТ 19.701–90. Единая система программной документации. Схемы алгоритмов, программ, данных и систем. Условные обозначения и правила выполнения. – Взамен ГОСТ 19.002–80, ГОСТ 19.003–80; введ. 01.01.1992. – М.: Изд-во стандартов, 1991. – 26 с.
	ГОСТ Р 50922–2006. Защита информации. Основные термины и определения. – Взамен ГОСТ Р 50922–95; введ. 01.02.2008. – М.: Стандартинформ, 2008. – 7 с.
Электронные ресурсы	Microsoft Visual Studio [Электронный ресурс]: Express Edition / Microsoft Corporation, ComputerPress. – Электрон. дан., электрон. текстовые дан. и прогр. – 1 эл. опт. диск.
	MSDN Library [Электронный ресурс]: Справочная система. – Microsoft Corporation, 2004. – 3 эл. опт. диска (CD-ROM).
	Мир ПК [Электронный ресурс]. – М.: Открытые системы. – Приложение к Мир ПК (журнал). – 2006. – №2. – 1 эл. опт. диск (CD-ROM).
Ресурсы удаленного доступа	Алгоритмы. Методы. Исходники [Электронный ресурс] / Илья Кантор. – 2000–2009. – Режим доступа: http://algotlist.manual.ru . – Дата доступа: 15.01.2009.
	The Apache XML project [Electronic resource]. / The Apache Software Foundation. – 2004–2009. – Mode of access: http://xmlbeans.apache.org . – Date of access: 15.01.2009.

Таблиц. 2.2 – Примеры описания составных частей изданий

Характеристика источника	Пример оформления
Составная часть книги	Либерти, Д. Анализ и проектирование объектно-ориентированных программ / Д. Либерти // Освой самостоятельно C++ за 21 день / Д. Либерти. – М.: Вильямс, 2000. – С.561–595.
	Свердлов, С.З. Языки и эволюция технологий программирования / С.З. Свердлов // Языки программирования и методы трансляции: учеб. пособ. / С.З. Свердлов. – СПб.: Питер, 2007. – С. 17–205.

Глава из книги	Вирт, Н. Динамические информационные структуры / Н. Вирт // Алгоритмы + структуры данных = программы / Н. Вирт. – М.: Мир, 1985. – Гл. 4. – С.189–318.
	Хендерсон, К. Построение приложений для работы с базами данных / К.Хендерсон // Borland C++ Builder / К. Рейсдорф, К. Хендерсон. – М.: Бином, 1998. – Гл. 18. – С. 583–595.
Составная часть сборника	Русецкий, А.В. Главная задача – внедрение новых образовательных технологий / А.В. Русецкий // Инновационные технологии в учебно-воспитательном процессе УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: сб. ст. / Вит. гос. ун-т им. П.М. Машерова; редкол. А.В. Русецкий (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2006. – С. 3–4.
	Буза, М.К. Параллельная обработка одного класса арифметических выражений / М.К. Буза, Лю Цзяхуэй // Современные информационные компьютерные технологии: сб. науч. ст.: в 2 ч. / Гродн. гос. ун-т им. Я.Купалы; редкол.: А.М. Кадан (отв. ред.) [и др.]. – Гродно, 2008. – Ч.1. – С. 7–9.
Статья из сборников тезисов докладов материалов конференций	Смоляк, В.А. Компьютерные модели клеточных автоматов / В.А. Смоляк // П Машеровские чтения: материалы региональной научно-практич. конф. студентов, магистрантов и аспирантов, Витебск, 24–25 апр. 2007 г.: в 2 т. / Вит. гос. ун-т им. П.М. Машерова. – Витебск, 2007. – Т. 1. – С. 116–117.
	Муравьев, И. CMS Drupal и ее особенности / Илья Муравьев // Сетевые решения. – 2007. – № 5. – С. 26–30.
Статья из журналов	Ярмолик, С.В. Стеганографические методы защиты информации / С.В. Ярмолик, Ю.Н. Листопад // Информатизация образования. – 2005. – № 1. – С. 64–74.
	Станкевич, В. Две модели JSP / В. Станкевич // Компьютерные вести. – 2008. – 30 окт. – С. 23.
Статья из энциклопедии, словаря	Першиков, В.И. Программа / В.И. Першиков, В.М. Савинков // Толковый словарь по информатике. – М.: Финансы и статистика, 1991. – С. 296–303.
	Компьютер // Толковый словарь по вычислительным системам / Под ред. В. Иллинуорта [и др.]. – М.: Машиностроение, 1991. – С. 92.
Ресурсы удаленного доступа	Обзор SQL Server Express // Microsoft TechNet [Электронный ресурс] / Microsoft Corporation. – 2008. – Режим доступа: http://technet.microsoft.com/ru-ru/library/ms165588(SQL.90).aspx . – Дата доступа: 15.01.2009.

	Jones, J. Abstract Syntax Tree Implementation Idioms / Joel Jones // The 10th Conference on Pattern Languages of Programs 2003 [Electronic resource]. – 2003. – Mode of access: http://jerry.cs.uiuc.edu/~plop/plop2003/Papers/Jones-ImplementingASTs.pdf. – Date of access: 15.01.2009.

РЕПОЗИТОРІЙ БГПУ

РАЗДЕЛ КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ

Перечень используемых средств диагностики результатов учебной деятельности

Для диагностики компетенций используются следующие формы:

1. Устная форма:

- собеседование;
- доклады на семинарах;
- устные зачеты по отдельным разделам учебной дисциплины;

2. Письменная форма:

- критериально-ориентированные тесты по отдельным разделам учебной дисциплины
- контрольные опросы;
- контрольные работы;
- реферативные работы;
- курсовые работы;
- письменные экзамены;
- оценивание на основе рейтинговой системы.

3. Устно-письменная форма:

- составление рефератов по отдельным разделам учебной дисциплины с использованием монографической и периодической литературы;
- оценивание на основе рейтинговой системы.

Материалы для проведения рейтингового контроля знаний студентов

Вопросы для проведения теста:

1. *Какие протофеодалльные элементы появились в поздней Римской империи?*
 - А. рабство
 - Б. колонат
 - В. принципат
 - Г. эмфитевзис
2. *Чем закончилась борьба за инвеституру между германскими императорами и римскими папами?*
 - А. постановлениями Ронкальского сейма
 - Б. смертью римского папы Григория VII
 - В. Вормским конкордатом
 - Г. падением династии Гогенштауфенов
3. *Определите хронологическую последовательность возникновения сословно-представительных учреждений:*
 - А. Генеральные штаты во Франции
 - Б. Кортесы в Леона-Кастильском королевстве
 - В. Парламент в Англии
 - Г. Ридсдаг в Швеции
4. *Какие повинности сеньоров во Франции в XIII-XIV вв. выкупались при их освобождении?*
 - А. выплата денежной ренты
 - Б. право «мертвой руки»
 - В. брачный побор
 - Г. натуральные платежи
5. *Как современники называли 100-летнюю войну?*
 - А. странная война
 - Б. вечная война
 - В. война за Францию
 - Г. война против Англии
6. *Что такое «Книга страшного суда» в Англии XI в.?*
 - А. запись обычного права
 - Б. поземельная перепись

- В. закон Вильгельма Завоевателя
- Г. рецепция римского права

7. *Какое принуждение испытывали крестьяне со стороны феодалов?*

- А. экономическое
- Б. насильственное
- В. внеэкономическое
- Г. физическое

8. *Кто ввел понятие «средние века»?*

- А. ученые богословы средневековья.
- Б. монархи европейских государств
- В. французские публицисты
- Г. итальянские гуманисты

9. *Кто такие «керлы» в англосаксонских королевствах VI-XI вв.?*

- А. родовая знать
- Б. свободные крестьяне-общинники
- В. потомки рабов, посаженных на землю
- Г. потомки римлян

10. *Какого христианского догмата не было в раннее средневековье?*

- А. о «первородном грехе»
- Б. о воскресении И. Христа
- В. о чистилище
- Г. о загробном воздаянии

11. *Когда возникло папское государство?*

- А. в 800 г.
- Б. в 756 г.
- В. в 643 г.
- Г. в 843 г.

12. *Что означало понятие «фирма» в английском городе XI-XII вв.?*

- А. свобода ремесленных цехов
- Б. деятельность купеческих корпораций
- В. уплата сеньору города ежегодной фиксированной денежной суммы всеми горожанами
- Г. церковные платежи горожан

13. *Что такое Реконкиста на Пиренейском полуострове в VII-XV вв.?*

- А. война между Арагоном и Кастилией
- Б. завоевание Каталонии Португалией
- В. отвоевание христианами территорий у арабов
- Г. войны мавров с мусульманами

14. *Какой из духовно-рыцарских орденов был создан немецкими рыцарями и римской курией?*

- А. тевтоский орден
- Б. орден храмовников (тамплиеров)
- В. орден ионитов (госпитальеров)
- Г. калатрава

15. *Стратиоты в Византии VII-VIII вв. это:*

- А. гвардия императоров
- Б. воины-крестьяне
- В. вольноотпущенники
- Г. свита феодалов

16. *Установите хронологическую последовательность правящих династий королей в Германии IX-XI вв.*

- А. Габсбурги
- Б. Саксонская
- В. Люксембургская
- Г. Франконская

17. *Расставьте в хронологическом порядке следующие события:*

- А. битва на Каталунских полях
- Б. взятие Рима готами во главе с Аларихом
- В. образование государства Одоакра в Италии
- Г. создание франского государства

18. *Императоры какой династии пытались предотвратить разорение византийских крестьян?*

- А. Комнинов
- Б. Македонской
- В. Палеологов
- Г. Ангелов

19. В чем суть судебной реформы Генриха II Плантагенета?

- А. введение института присяжных и право свободного человека судиться в королевских судах
- Б. утверждение манориальных судов
- В. ликвидация церковных судов
- Г. установление общего права

20. Какие реформы не проводил французский король Людовик IX?

- А. правило «40 дней» короля
- Б. судебная реформа
- В. церковная реформа
- Г. реформа календаря

21. Каким институтом власти был Парижский парламент?

- А. сословно-представительным органом
- Б. верховным судом
- В. финансовым ведомством
- Г. советом высшей знати

22. Что такое «Солсберийская присяга» 1085 г. в Англии?

- А. обязанность баронов повиноваться королю
- Б. обязанность рыцарей воевать за короля на Континенте
- В. обязанность вассальной службы всех феодалов Англии королю
- Г. обязанность феодалов защищать христианскую церковь в Англии

23. Кто такие английские «йомены» в XV в.?

- А. богатые горожане
- Б. бедные ремесленники
- В. крепостные крестьяне
- Г. богатые крестьяне из числа свободных

24. Что такое коммутация ренты?

- А. замена отработочной ренты денежной
- Б. введение барщины
- В. замена барщины натуральной рентой
- Г. ликвидация феодальной зависимости крестьян

25. «Земельный закон» - это:

- А. закон, изданный императором Юстинианом
- Б. кодификация римского права
- В. запись обычаев славян, переселившихся на территорию Византии
- Г. закон болгарских царей

26. Что произошло раньше?

- А. иконоборческое движение
- Б. раскол христианской церкви на греко-православную и римско-католическую

27. Какие формы землевладения существовали в англо-саксонскую эпоху?

- А. прекарии
- Б. частные
- В. фольклэнд
- Г. бокленд

28. Что означало понятие «аллод» в Салической правде?

- А. феодальное поместье
- Б. частное землевладение
- В. пахотный надел в пользовании отдельной семьи
- Г. общинные угодья

29. Что такое «Иерусалимские ассизы»?

- А. византийские законы XI-XII вв. на Востоке
- Б. органы управления крестоносцев на Востоке
- В. судебная палата графства Эдесского
- Г. свод феодального права государств крестоносцев

30. Какие должностные лица в Англии управляли в графствах от имени короля?

- А. пэры
- Б. коронеры
- В. шерифы
- Г. олдермены

31. Сколько было всего крестовых походов?

- А. 4
- Б. 6

- В. 8
- Г. 3

32. Что такое «фьеф-рента» во Франции XIV-XV вв.?

- А. вассальная служба, при которой сеньор не уступал вассалу земли, но отчислял часть ренты
- Б. денежная рента вассала в пользу сеньора в соответствии с размером своего держания.
- В. обязанность вассала служить своему сеньору не менее 40 дней в году
- Г. обязанность сеньора помогать своему вассалу

33. Что означало понятие «симония»?

- А. посвящение в духовный сан
- Б. торговля духовными должностями
- В. запрет на браки священников
- Г. лишение духовного сана римскими папами

34. Кого называли париками в раннесредневековой Византии?

- А. горожан
- Б. солдат
- В. зависимых крестьян
- Г. переселенцев-славян

35. Какова была основной целью средневекового цехового ремесленного производства?

- А. накопить денежные средства для расширения производства
- Б. получение прибавочного продукта
- В. производить изделия высокого качества
- Г. получение необходимого продукта

36. Когда христианство стало государственной религией Римской империи?

- А. в III в. н.э.
- Б. во II в. н.э.
- В. в V в. н.э.
- Г. в IV в. н.э.

37. Кто из нижеперечисленных историков являлся одним из авторов «романистической» теории возникновения городов в Западной Европе?

- А. Маурер

- Б. Метланд
- В. Шрёдер
- Г. Савиньи

38. *Что было характерно для «нового дворянства» в Англии XV в.?*

- А. стремление внедрять барщину в своих манорах
- Б. стремление жить на проценты от своих денежных сумм, предоставленных в долг знати
- В. стремление скупать земли у «старого дворянства» и разорившихся крестьян и сдавать их в краткосрочную аренду
- Г. стремление к колонизации за морями

39. *Кто из перечисленных римских пап перенес свою резиденцию из Рима во французский город Авиньон?*

- А. Урбан II
- Б. Феликс V
- В. Климент V
- Г. Климент VII

40. *Что означало понятие «щитовые деньги» в Англии XII-XIII вв.?*

- А. выплата королем рыцарям за их военную службу
- Б. плата короля своим военным ополченцам из числа свободных крестьян
- В. плата, получаемая борцами за участи в войнах на Континенте
- Г. денежные суммы, уплачиваемые феодалами королю вместо своей военной службы

41. *Из скольких палат состоял английский парламент?*

- А. из 3-х
- Б. из 4-х
- В. из 1-й
- Г. из 2-х

42. *Кто из нижеперечисленных историков являлся одним из авторов «бурговой» теории происхождения городов в Западной Европе?*

- А. Мэтланд
- Б. Эйхгорн
- В. Тьерри
- Г. Зом

43. *Какие функции выполняла «Палата шахматной доски» в Англии в XII-XIII вв.?*

- А. военное ведомство
- Б. развлекательного центра при королевском дворе
- В. церковного управления
- Г. казначейства

44. *Кто такие «госпиты» в XI-XIII вв.?*

- А. крестьяне, зависимые от феодалов
- Б. крестьяне-пришельцы на новые земли
- В. крестьяне-барыщинники
- В. церковные крестьяне

45. *Ганза – это:*

- А. объединение ремесленников южно-немецких городов
- Б. объединение городов Восточной Франции
- В. союз итальянских купцов
- Г. торгово-политический союз купцов северных городов Германии и Прибалтики

46. *Восстановите хронологическую последовательность следующих событий:*

- А. битва при Пуатье Карла Мартелла с арабами
- Б. правление Хлодвиг
- В. эдикт Хильперика
- Г. правление Карла Великого

47. *«Димы» в Византии периода раннего средневековья это:*

- А. политические партии аристократии
- Б. религиозные организации сектантов
- В. общественные неформальные организации горожан
- Г. монашеские объединения

48. *Какое сражение называли «битвой шпор»?*

- А. битва при Манцикерте
- Б. битва при Лас Навас де Толес
- В. битва при Куртре
- Г. битва при Креси

49. *Какая из нижеперечисленных категорий крестьян в Англии XII-XIII вв. считалась свободной?*

- А. вилланы
- Б. сервы
- В. лизгольдеры
- Г. фригольдеры

50. *Кто из римских пап объявил 1-й крестовый поход?*

- А. Иннокентий III
- Б. Бонифаций VIII
- В. Урбан VIII
- Г. Лев X

51. *Какое историческое событие произошло в 843 г.?*

- А. разгром арабов франками
- Б. Верденский договор
- В. начало правления Гуго Капета
- Г. конец правления Карла Великого

52. *Кто из нижеперечисленных историков являлся одним из авторов «торговой» теории возникновения городов в Западной Европе?*

- А. Пиренн
- Б. Гизо
- В. Мэтланд
- Г. Савиньи

53. *Когда произошло объединение англо-саксонских государств под властью Экберта?*

- А. в 627 г.
- Б. в 829 г.
- В. в 717 г.
- Г. в. 789 г.

54. *Как называлась процедура передачи феода вассалу (ввод во владения)?*

- А. оммаж
- Б. пожалование
- В. инвеститура
- Г. майорат

55. Какой король во Франции учредил постоянный налог?

- А. Филипп II
- Б. Людовик IX
- В. Карл VII
- Г. Карл V

56. В какой из стран Европы периода XI-XII вв. не действовал принцип «вассал моего вассала – не мой вассал»?

- А. Франция
- Б. Англия
- В. Германия

57. Каковы были причины цеховой регламентации?

- А. борьба городов с сеньорами
- Б. стремление к развитию внешней торговли
- В. узкий рынок сбыта
- Г. конкуренция с деревенскими ремесленниками

Вопросы к экзамену

1. Содержание и периодизация истории средних веков.
2. Сущность феодализма и его трактовка в мировой исторической науке.
3. Падение Западной Римской империи и эпоха переселения народов.
4. Духовные основы Западноевропейской средневековой цивилизации.
5. Образ средневекового человека.
6. Система духовных ценностей, мир эмоций, формы поведения средневековых людей.
7. Картина мира, восприятие пространства и времени средневековыми людьми.
8. Сословная структура средневекового общества. Статус женщины.
9. Византия в IV-VI вв. Эпоха Юстиниана.
10. Византия в VII-IX вв. Особенности генезиса феодализма. Иконоборчество.
11. Византийская империя в X-XIII вв.
12. Византия в XIV-XV вв.
13. Причины крестовых походов и подготовка к ним. Первый крестовый поход.
14. Государства крестоносцев на Востоке. 2-й и 3-й крестовые походы.
15. 4-й крестовый поход. Последние крестовые походы. Итоги крестовых походов.
16. Возникновение Франкского государства. Франкское государство Меровингов конец V - VII вв. Особенности генезиса феодализма.
17. Франкское государство при Каролингах VIII - X вв.
18. Политическая эволюция Французского государства в X-XIII вв.
19. Социально-экономическое развитие Франции в X-XIII вв.
20. Политическое развитие Франции в XIV-XV в. Формирование сословно-представительной монархии.
21. Социально-экономическое развитие Франции в XIV-XV вв.
22. Столетняя война.
23. Англия в VII - середине XI вв. Особенности генезиса феодализма. Нормандское завоевание.
24. Социально-экономическое и политическое развитие Англии во второй половине XI-XII вв. Реформы Генриха II Плантагенета.
25. Англия в XIII в. Возникновение парламента.
26. Политическое развитие Англии в XIV-XV вв.
27. Социально-экономическое развитие Англии в XIV-XV вв.
28. Германия в IX-XI вв.
29. Германия в XII-XIII вв.
30. Германия в XIV-XV вв.
31. Германские народы Скандинавии в IX-XI вв. Эпоха викингов.
32. Скандинавские государства в XII-XV вв.
33. Арабы на Пиренеях. Испано-христианские государства Пиренейского полуострова в VIII-X вв. Начало Реконкисты.

34. Государства Пиренейского полуострова в XI-XIII вв. Реконкиста.
35. Пиренейский полуостров в XIV-XV вв.
36. Католическая церковь в Европе в Раннее средневековье (V-IX вв.)
37. Католическая церковь в Высокое средневековье (X-XIII вв.)
38. Католическая церковь в Позднее средневековье (XIV-XV вв.)
39. Средневековая философия и теология.
40. Образование в средневековом обществе. Школы, университеты, их организация.
41. Средневековая городская культура. Архитектура.
42. Рыцарская культура.
43. Героический эпос.
44. Возникновение городов в Западной Европе. Теории происхождения средневековых городов.
45. Формирование городского сословия. Социальная борьба в средневековых городах.
46. Средневековое ремесло как производственная основа средневековых городов.
47. Развитие торговли и кредитного дела в Западной Европе в X-XV вв. Появление капиталистических элементов в экономическом развитии Европы.
48. Италия в VI-IX вв.
49. Италия в X-XIII вв.
50. Италия в XIV-XV вв.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ
Тематический план

№ п/п	Название раздела, темы	Количество аудиторных часов		
		Всего	В том числе	
			лекции	семинары
	2	3	4	5
1.	Раздел 1. Введение в дисциплину «История средних веков»	4	4	-
2.	Раздел 2. Раннее средневековье (конец V—IX вв.) Западноевропейская цивилизация в V — IX вв.	16	8	8
2.1	Эпоха Великого переселения народов. Генезис феодализма в Европе.	4	2	2
2.2	Франкское государство в V — IX вв.	6	2	4
2.3	Юго-Западная Европа в VII—IX вв.	2	2	-
2.4	Византийская империя в IV—IX вв.	2	-	2
2.5	Страны Северной Европы: Англия и Скандинавские страны.	2	2	-
3.	Раздел 3. Высокое Средневековье (X—XIII вв.) Западноевропейская цивилизация (X—XIII вв.).	28	16	12
3.1	Средневековая западная цивилизация и её духовные основы.	4	4	-
3.2	Социально-экономическое развитие Западной Европы. Западноевропейский средневековый город.	6	2	4
3.3	Франция в X – XIII вв.	4	2	2
3.4	Англия в X – XIII вв.	2	-	2
3.5	Германия в X – XIII вв.	2	2	-
3.6	Италия в X – XIII вв.	2	2	-
3.7.	Страны Пиренейского полуострова в X – XIII вв.	2	-	2

3.8.	Скандинавские страны.	2	-	2
3.9.	Византия в X—XIII вв.	2	2	-
3.10.	Крестовые походы.	2	2	-
4.	Раздел 4. Позднее Средневековье (XIV—XV вв.) Западноевропейская цивилизация в XIV—XV вв.	24	14	10
4.1.	Франция.	2	2	-
4.2.	Англия.	4	2	2
4.3.	Германия.	2	2	-
4.4.	Италия.	2	-	2
4.5.	Страны Пиренейского полуострова.	2	2	-
4.6.	Скандинавские страны.	2	2	-
4.7.	Византия в XIV—XV вв.	2	-	2
4.8.	Церковь и ее организация в Западной Европе.	4	4	-
4.9	Средневековая культура западноевропейской цивилизации (V - XV).	4	-	4
5.	Раздел 5. Восточные цивилизации в период Средневековья.	8	8	-
5.1.	Арабско-исламская цивилизация.	2	2	-
5.2.	Иран и Средняя Азия в X-XV вв.	2	2	-
5.3.	Индо-буддистская цивилизация.	2	2	-
5.4.	Китайско-конфуцианская цивилизация и Япония.	2	2	-
	Всего:	80	50	30

Содержание учебного материала

Раздел 1. ВВЕДЕНИЕ В ДИСЦИПЛИНУ «ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ»

История средних веков – органичная и неотъемлемая часть мировой истории. Методологические основы и принципы изучения истории, периодизация истории средних веков. Формационный, цивилизационный и культурно-антропологический подходы к изучению исторического процесса. Общая характеристика источников и историографии. Сущность феодализма и его трактовка в мировой исторической науке.

Раздел 2. РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (конец V—IX вв.) ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В V — IX вв.

Тема 2.1. Эпоха Великого переселения народов. Генезис феодализма в Европе.

Древние германцы, их занятия, общественный строй. Причины массовых вторжений германских, славянских, угро-финских и тюркских племен на территорию Римской империи в IV—VII вв. Вторжение вестготов на территорию Западной Римской империи. Образование Вестготского, Вandalьско, Свевского и Бургундского королевств. Нашествие гуннов. Падение Западной Римской империи. Образование Остготского и Франкского королевств. Лангсбардское королевство в Италии. Англосаксонское завоевание Британии. Последствия варварских завоеваний.

Теория о двух путях генезиса феодализма у народов Европы — синтезного и безсинтезного. Концепция континуитета. Концепция феодальной революции. Этапы процесса феодализации Европы в период Раннего средневековья.

Генезис феодализма в Византии. Особенности генезиса феодализма в Юго-Западной Европе. Генезис феодализма во Франкском государстве. Особенности генезиса феодализма в Англии, Скандинавии и Германии.

Экономическая основа феодального общества. Его социальная основа и политическая организация. Феод. Субинфеодация. Домен. Отношения вассалитета-сюзеренитета. Феодальная иерархическая лестница.

Тема 2.2. Франкское государство в V — IX вв.

Франкское государство Меровингов. Франки до их вторжения в Северную Галлию. Завоевание франками Галлии. Возникновение раннефеодального государства у франков. Общественный строй и хозяйство франков в VI—VII вв. Распад родоплеменных связей. Выделение аллода и возникновение соседской общины-марки. Социальное расслоение во Франкском обществе. Рост крупной земельной собственности. Галло-римское население и его роль в феодализации франкского общества. Ослабление центральной власти при преемниках Хлодвига. Дробление государства. Объединение страны майордомами Австразии.

Франкская монархия Каролингов. Начало переворота в поземельных

отношениях. Политика Карла Мартелла. Бенефициальная реформа, её предпосылки и последствия. Начало династии Каролингов. Завоевания Пипина Короткого. Возникновение светского государства пап. Рост Франкского государства при Карле Великом. Основание империи, её международное и внутреннее положение.

Развитие феодальных отношений в Каролингском государстве. Завершение переворота в поземельных отношениях. Рост светского и церковного землевладения. Прекарий и его роль в процессе феодализации. Развитие личной, поземельной и судебной зависимости крестьян. Коммендация. Иммунитет. Вассалитет. Структура и хозяйство феодальной вотчины. Виды феодальной ренты.

Политическая организация Каролингского государства. Феодализация местного управления. Упадок императорской власти. Распад Каролингского государства при преемниках Карла Великого. Верденский раздел.

Тема 2.3. Юго-Западная Европа в VII—IX вв.

Характерные черты развития Юго-Западной Европы (Западного Средиземноморья). Общество и государство в Италии под властью лангобардов. Особенности социально-экономического развития лангобардского королевства. Своеобразие политической организации лангобардского общества. Италия в VIII—IX вв. Политическая карта Италии. Основные области Италии. Образование Папского государства. Различия в характере и темпах развития феодализма в Северной, Средней, Южной Италии и Сицилии. Развитие городов. Начало формирования итальянской народности.

Арабское завоевание Пиренейского полуострова. Мусульманская Испания. Образование христианских государств. Начало Реконкисты и её влияние на социальное и политическое развитие стран Пиренейского полуострова. Христианские государства Пиренейского полуострова.

Тема 2.4. Византийская империя в IV—IX вв.

Образование Восточной Римской (Византийской) империи. Территория империи. Особенности её развития. Аграрный строй, ремесло, торговля. Государственная система. Разложение рабовладельческого строя и зарождение раннефеодальных отношений. Правление Юстиниана. Его внутренняя и внешняя политика. Законодательство Юстиниана и его социальная направленность. Развитие кризиса в конце VI—VII вв. Массовые вторжения славян и их расселение на византийской территории. Роль славян в возрождении и укреплении общинных форм землевладения в Византии и в формировании византийского феодализма. Особенности процесса феодализации Византии.

Аграрный строй Византии в VII - VIII вв. Упадок городов. Развитие феодальных отношений в Византии VII—IX вв. Правление Исаурийской династии. Фемный строй и поселения стратиотов. Внутреннее и внешнее положение Византии в VII-IX вв. Иконоборческое движение и его социальная сущность. Усиление крупного светского землевладения.

Христианская церковь в Византии. Монашество. Еретические

движения. Массовые народные движения. Павликиане. Восстановление иконопочитания.

Тема 2.5. Страны Северной Европы: Англия и Скандинавские страны.

Англосаксонские королевства, их общественный и политический строй. Гептархия. Христианизация. Собор в Уитби. Бретвальда. Особенности генезиса феодализма в англосаксонских королевствах. Организация управления в англосаксонских королевствах. Экберт и объединение Англии. Социально-экономическое развитие. Керлы. Эрлы. Фольклэнд. Бокленд. Глафорд. Борьба с датчанами. Дэнло. Альфред Великий и его политика. Развитие процесса феодализации. Роль королевских пожалований и раздачи иммунитетных прав (сока) в этом процессе. Начало формирования вотчинной системы (манор).

Народы Скандинавии в раннее Средневековье. «Эпоха викингов» в Северной Европе. Своеобразие развития феодальных отношений в Скандинавских странах и его причины. Общественно-политический строй скандинавов. Бонды. Одали. Тинги. Начало усиления королевской власти. Закладывание основ политического объединения. Христианизация скандинавов.

Раздел 3. ВЫСОКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (X—XIII вв.). ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ (X—XIII вв.).

Тема 3.1. Средневековая западная цивилизация и её духовные основы.

Цивилизационные истоки Западной европейской средневековой цивилизации. Образ средневекового человека. Средневековая философия о сущности человека. Образ человека в Раннее, Высокое и Позднее средневековье. Мирозрение. Картина мира. Восприятие пространства и времени средневековыми людьми. Микро и макрокосм. Сакральное, социальное и историческое время. Символический и мифологический тип средневекового мышления. Представления об обществе и его социальной иерархии. Система духовных ценностей, мир эмоций, формы поведения. Большие и малая эсхатологии. Фобии. Болезни, представления об их причинах и лечении. Социально-психологические установки. Представление о грехах и греховности. Особенности сословного мышления и быта. Статус женщины в средневековом обществе Западной Европы. Отношение к детям и старикам.

Тема 3.2. Социально-экономическое развитие Западной Европы. Западноевропейский средневековый город.

Политическая карта Европы в X—XIII вв. Политическая раздробленность. Утверждение феодального строя в Западной Европе к концу XI в. Господство феодальной собственности. Сословная структура средневекового общества.

Природные условия. Географическая среда и производственная деятельность европейцев. Народонаселение. Земледелие. Скотоводство. Рыболовство, охота, лесные промыслы. Прогресс техники. Добыча и

обработка металлов. Новые виды оружия. Строительное дело. Средства сообщения. Стеклоделие. Текстильное дело. Книжное дело.

Развитие городской жизни в раннее средневековье. Отделение ремесла от сельского хозяйства и его причины. Возникновение средневековых городов. Теории происхождения средневековых городов в Западной Европе. Основные типы развития средневековых городов. Западноевропейские города, их внешний вид и топография. Городское население: особенности городской демографии, социальной структуры и хозяйственной жизни.

Борьба городов с сеньорами и её результаты. Складывание городского самоуправления. Формирование городского сословия. Городское ремесло, его характеристика, цеховая организация. Значение и роль цехов в жизни города. Борьба цехов с городским патрициатом. Расслоение внутри цехов и начало их разложения. Социальная борьба внутри цехов.

Развитие торговли и кредитного дела в Западной Европе. Развитие товарно-денежных отношений, изменения в социально-экономической жизни феодального общества и последствия этого процесса. Завершение формирования городского сословия и его социально-политическая роль в обществе.

Тема 3.3. Франция в X – XIII вв.

Формирования французского королевства. Раннее завершение процесса феодализации во Франции и его особенности. Первые Капетинги и политическая раздробленность Франции. Формирование северо-французской и провансальской народностей на территории Франции.

Особенности аграрной эволюции Франции в этот период и положение крестьянства. Влияние развития товарно-денежных отношений на французскую деревню в XIII в. Распространение денежной ренты и личное освобождение крестьян.

Экономическое развитие Северной и Южной Франции в XI—XIII вв. Рост городов в XI—XIII вв. Их борьба с сеньорами. Различия между городами Северной и Южной Франции.

Усиление королевской власти в XII—XIII вв., его экономические и социальные предпосылки. Борьба королей с крупными феодалами и союз с городами. Филипп II Август и Плантагенеты. Альбигойские войны. Реформы Людовика IX.

Тема 3.4. Англия в X – XIII вв.

Социально-экономическое развитие. Зарождение манора. Особенности вассально-ленной системы. Внутриполитическая борьба во второй половине X в. Датские нашествия в начале XI в. Англия под властью Кнута Датского. Восстановление независимости Англии.

Нормандское завоевание и его влияние на развитие феодализма в Англии. Вильгельм I Завоеватель. Усиление королевской власти. Социальная структура Англии по данным «Книги страшного суда». Король и церковь. Королевская власть и города. Особенности феодального строя в Англии. Возникновение городов и особенности их развития в XI – XII вв. Феодальные усобицы в Англии в первой половине XII в. и дальнейшее

укрепление феодального государства во второй половине XII в. Генрих II Плантагенет и его реформы. Завоевание Ирландии.

Экономическое развитие Англии в XIII в. Особенности аграрного развития. Города. Внешняя и внутренняя политика Иоанна Безземельного, недовольство внутри Англии. Великая хартия вольностей. Генрих III. Политическая борьба в Англии и возникновение парламента. Особенности формирования сословной монархии в Англии.

Тема 3.5. Германия в X – XIII вв.

Особенности развития феодальных отношений. Возникновение немецкого раннефеодального государства. Саксонская династия. Церковная политика Оттона I. Итальянская политика германских королей и создание империи. Искусственный характер этого политического образования. Начало агрессии немецких феодалов против полабских славян. Политика королей Франконской династии. Рост частной власти крупных феодалов. Ослабление центральной власти. Политический кризис второй половины XI в. Борьба империи и папства за инвеституру. Крушение церковной политики германских императоров. Вормский конкордат.

Германия в XII—XIII вв. Особенности аграрного развития. Денежная рента. «Чистая сеньория». Рост городов и их борьба с сеньорами.

Особенности политического развития Германии. Экономические предпосылки образования системы территориальных княжеств в Германии. Города и центральная власть в Германии. Немецкая агрессия против полабских славян и народов Прибалтики. Итальянская политика германских королей и императоров. Борьба Фридриха I Барбароссы с папой и ломбардскими городами. Продолжение борьбы с папой при Фридрихе II. Крах итальянской политики германских императоров в середине XIII в. Укрепление самостоятельности немецких территориальных князей во второй половине XIII в. и упадок императорской власти. Междуцарствие и начало династии Габсбургов. Образование Швейцарского союза.

Тема 3.6. Италия в X – XIII вв.

Политическая раздробленность Италии. Основные области и важнейшие государства Италии. Различия в характере и темпах развития феодализма в разных областях Италии. Развитие городов Северной и Средней Италии. Борьба городов с сеньорами в XI—XII вв. Городские коммуны и их превращение в города-государства. Роль городов в политическом развитии Италии. Сельские коммуны и их последующее подчинение городам. Втягивание деревни в товарно-денежные отношения. Изменения в положении крестьянства.

Особенности развития Папской области в XI—XIII вв. Теократические притязания папства. Римская республика и Арнольд Брешианский.

Особенности развития Южной Италии. Завоевание Южной Италии и Сицилии норманнами в XI в. Образование Сицилийского королевства в XII в. Влияние норманнского завоевания на развитие феодальных отношений. Особенности аграрной эволюции и развития городов Сицилийского королевства.

Политика Гогенштауфенов в Италии. Ломбардская лига городов и её борьба с Фридрихом I Барбароссой. Гвельфы и гибеллины.

Тема 3.7. Страны Пиренейского полуострова в X – XIII вв.

Христианские государства на Пиренейском полуострове. Реконкиста и её основные этапы. Роль крестьянства, городов и дворянства в Реконкисте. Духовно-рыцарские ордены. Успехи Реконкисты в XIII в.

Особенности социально-экономического и политического развития Кастилии, Арагона и Португалии. Особенности формирования сословной монархии в этих государствах. Королевская власть и кортесы. Системы местного самоуправления. Социально-экономическое развитие христианских государств Пиренейского полуострова. Особенности вассально-ленных отношений и сословной структуры. Аграрная эволюция (месты, бегетрии и консехо), города и торговля.

Тема 3.8. Скандинавские страны.

Своеобразие социально-экономического развития и феодализма в Скандинавских странах и его причины. Усиление королевской власти. Христианизация скандинавов. Образование Датского, Шведского и Норвежского королевств. Политико-административная структура. Рост крупного церковного и светского землевладения. Сословие феодалов и особенности его иерархии в Дании, Швеции и Норвегии. Особенности социально-правового положения крестьян в странах Скандинавии. Формирование городского строя. Роль немецкого купечества в экономической жизни Скандинавских стран. Экспансия Скандинавских стран в XI—XIII вв.

Тема 3.9. Византия в X—XIII вв.

Византия во второй половине IX—XI вв. Дальнейшее развитие феодализма при Македонской династии. Формирование сословия феодалов. Основные категории крестьянства. Аграрное законодательство Македонской династии. Изменения в государственном управлении.

Разрыв восточной церкви с западной римской. Внешняя политика Византии в X—XI вв. Завершение генезиса феодализма к началу XII в. Феодальная вотчина в конце XI—XII вв. Рост системы проний и феодальная децентрализация. Обострение внутренних противоречий в Византии. Усиление политического влияния крупных феодалов.

Византийский город, ремесло и торговля в X—XII вв.

Династия Комнинов и их внешняя политика. Византия в борьбе с турками-сельджуками и норманнами. Византия и крестовые походы. Социальные и еретические движения. Богомилы. Четвертый крестовый поход и падение Византии. Латинская империя и греческо-византийские государства в XIII в. Восстановление Византийской империи.

Тема 3.10. Крестовые походы.

Предпосылки крестовых походов. Общий характер и состав участников крестовых походов. Роль папства и католической церкви в их организации. Клермонский собор. Начало крестоносного движения. Поход бедноты. Первый крестовый поход. Государства крестоносцев на Востоке.

«Иерусалимские ассизы». Духовно-рыцарские ордены. Потери крестоносцев на Востоке к середине XII в. Второй крестовый поход. Государство Саладина. Третий крестовый поход. Четвертый крестовый поход и Венеция. Разгром Константинополя крестоносцами, основание Латинской империи. Последние крестовые походы. Упадок крестоносного движения и его причины. Последствия крестовых походов.

Раздел 4. ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (XIV—XV вв.). ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В XIV—XV вв.

Тема 4.1. Франция.

Дальнейшее укрепление королевской власти. Политика Филиппа IV Красивого. Борьба королевской власти с папством. Начало сословной монархии во Франции, её особенности. Возникновение Генеральных штатов, их состав и компетенция. Феодалная оппозиция королевской власти.

Причины и начало Столетней войны. Поражения при Креси и Пуатье. Генеральные штаты 1356 - 1357 гг. Мартовский эдикт. Восстание в Париже в 1356—1358 гг. Жакерия. Карл V Валуа и его реформы.

Франция во второй половине XIV в. Феодалные усобицы. Городские и крестьянские восстания. Возобновление Столетней войны. Жанна д'Арк и патриотическое движение во Франции в XV в. Окончание Столетней войны. Налоговая и военная реформы Карла VII. Рост государственной централизации. Генеральные штаты в условиях укрепления королевской власти. Банкиры и купцы в финансовом управлении. Людовик XI, его борьба с феодалами и его экономическая политика. Завершение политического объединения Франции в конце XV в.

Экономическое развитие Франции в XIV-XV в. Дальнейшие изменения в аграрной системе французской деревни и положении крестьян. Изменения в природе вассальных отношений.

Тема 4.2. Англия.

Особенности сословной монархии в Англии. Социально-политическая роль парламента в конце XIII – первой половине XIV в. Парламент в период Столетней войны, его организация. Внешняя политика Англии в XIV в.

Социально-экономическое развитие Англии в XIV в. Рост товарно-денежных отношений. Коммутация ренты. Усиление эксплуатации крестьянства. «Черная смерть», «Рабочее законодательство» и сеньориальная реакция. Движение за реформу церкви. Выступление Джона Виклифа. Движение лоллардов, Джон Болл. Восстание Уота Тайлера.

Особенности социально-политического развития Англии в XV в. Ланкастерская династия. Окончание Столетней войны. Феодалная анархия и её предпосылки. Война Алой и Белой розы. Династия Йорков и усиление королевской власти. Политика Эдуарда IV. Начало династии Тюдоров. Завершение процесса складывания английской народности.

Экономическое развитие Англии в XV в. Кризис барщинного манора и зарождение капиталистических отношений в деревне. Положение крестьян.

«Старое» и «новое» дворянство. Развитие английской промышленности и торговли в XV в.

Тема 4.3. Германия.

Территория. Император и территориальные князья. Упадок императорской власти. «Золотая булла» Карла IV и закрепление раздробленности Германии. Династия Габсбургов. Немецкие сословно-представительные органы в XIV—XV вв. Упадок империи и попытки имперских реформ в XV в.

Экономическое развитие Германии в XIV—XV вв. Города и союзы городов в XIV—XV вв. Ганза. Новые явления в хозяйственной и социальной жизни немецкого города. Появление мануфактуры. Основные тенденции в аграрном развитии в XIV—XV вв. Положение крестьян.

Тема 4.4. Италия.

Особенности развития Северной и Средней Италии в XIV—XV вв. Различия в политическом строе городов-государств Северной и Средней Италии в XIV (Флоренция, Венеция, Генуя, Милане). Изменения в политическом строе многих городов-государств Северной и Средней Италии в XV в. Установление тирании и её предпосылки. Синьория Медичи во Флоренции.

Разложение цехового строя и зарождение раннекапиталистических отношений в городах Северной Италии и Тосканы. Ранние формы мануфактуры. Крестьянские движения. Экономическое и политическое развитие Папской области в XIV—XV вв. Ослабление папской власти. Авиньонское пленение. Социально-политическая борьба в Риме. Римская республика. Патримоний святого Петра в XV в.

Особенности экономического и политического развития Южной Италии и Сицилии в XIV—XV вв. Крестьянство и города. Анжуйская и Арагонская династии в Южной Италии. Экономический и политический упадок Неаполитанского королевства. Объединение Сицилии и Неаполитанского королевства Арагонской династией. Италия к концу XV в.

Тема 4.5. Страны Пиренейского полуострова.

Особенности экономического и политического развития Арагона, Кастилии и Португалии. Особенности формирования сословной монархии в этих государствах. Королевская власть и кортесы. Особенности развития сословия феодалов. Города и положение крестьянства в странах Пиренейского полуострова. Объединение Кастилии и Арагона и образование единого Испанского королевства. Роль католической церкви и инквизиции в Испании. Завоевание Гранады и завершение Реконкисты. Колониальная экспансия в Атлантике и её предпосылки. Экономическая политика королей во второй половине XV в. Рост международного значения Испании. Экономическое развитие Португалии в XIV—XV вв. Структура португальского общества.

Тема 4.6. Скандинавские страны.

Дальнейшее развитие феодализма в Норвегии, Дании и Швеции в XIV в. Германская экспансия. Развитие сельского хозяйства и укрепление феодальных отношений в деревне. Горнорудная промышленность в Швеции.

Слабость королевской власти. Вальдемар IV Датский, победа над знатью, борьба против Ганзы. Кальмарская уния и подчинение Данией Швеции и Норвегии. Борьба Швеции за независимость. «Вечная уния» Дании и Норвегии. Скандинавские страны во второй половине XV в. Система государственных органов в Скандинавских странах. Риксрод и данехов. Возникновение сословных монархий в Швеции и Дании. Состав и функции сословно-представительных учреждений. Политика регентов из дома Стуре в Швеции. Кристиан I Датский.

Тема 4.7. Византия в XIV—XV вв.

Поздневизантийский феодализм. Экономический упадок Византии в XIV—XV вв. Развитие вотчинной системы. Положение крестьянства. Упадок византийских городов, их аграризация. Доминирование итальянских купцов.

Гражданская война в Византии (1341-1355). Восстание зилотов. Феодальные междоусобицы. Внешнеполитическое положение Византии в XIV—XV вв. Византия, западноевропейские страны и папство. Турецкие завоевания на Балканах XIV—XV вв. Борьба внутри господствующего слоя Византии. Взятие Константинополя турками. Причины и последствия падения Византийской империи.

Тема 4.8. Церковь и ее организация в Западной Европе.

Роль христианской религии и церкви в феодальном обществе. Идейные основы средневекового христианства. Августин Блаженный. Экономическая база церкви. Организационное укрепление церкви. Возникновение папства. Союз между церковью и государством в раннее средневековье. Восточная экспансия папства и разделение церквей. Упадок папства в IX—XI вв. Ключнийское движение. Теократическая политика Григория VII. Борьба пап с германскими императорами за инвеституру. Возвышение папства в XII—XIII вв. и его предпосылки. Средневековые ереси, их социальная сущность. Народно-еретические движения XI - начала XIII вв. Катары. Вальденсы. Патары. Иоанниты. Амальриканы. Борьба церкви с еретическими движениями. «Нищенствующие» ордены. Инквизиция. Упадок папства и влияния официальной церкви в XIV—XV вв., его причины. «Авиньонское пленение пап» и «великий раскол». Поздние ереси (лолларды). Соборное движение в XV в. Крушение политических притязаний папства в XV в. Роль католической церкви и папства в истории средневековой Европы.

Тема 4.9. Средневековая культура западноевропейской цивилизации (V - XV).

Средневековая культура средневековой западноевропейской цивилизации как синтез античного наследия (Бозций, Кассиодор, Исидор Севильский) и народных варварских культур. Каролингское возрождение. Роль религиозной идеологии в этом процессе. Аврелий Августин. Социальная структура феодального общества и дифференциация художественной культуры (церковная, феодально-светская, народная,

городская). Дуалистическое сосуществование церковной и светской художественной культуры, их взаимодействие. Хронология и периодизация развития художественной культуры – дороманский (меровинский – VI – VII вв., каролингский – VIII – IX вв.), романский (X – XII вв.), готический (XIII – XIV вв.) периоды.

Господство феодально-церковной идеологии в период раннего средневековья. Монополия церкви в сфере образования. Образование. Монастырские, кафедральные и приходские школы. Городские не церковные школы. Университеты и их организация. Расширение спроса на книги. Начало книгопечатания. Библиотеки.

Философия в период раннего средневековья. Рождение схоластики. «Реализм», «номинализм», «концептуализм». Пьер Абеляр и его борьба с Бернаром Клервосским. Учение Фомы Аквинского. Аверроисты. Роджер Бэкон и начало опытного знания. Поздняя схоластика. Дунс Скотт и Уильям Оккам. Натурфилософия Николая Кузанского.

Рыцарская культура. Куртуазная литература. Творчество трубадуров и миннезингеров. Героический эпос. Народная культура и фольклор. Развитие городской культуры, ее светский характер. Музыка, театр, искусство, литература. Ваганты и их поэзия. Средневековое искусство. Романская и готическая архитектура. Скульптура и живопись в средневековом зодчестве. Религиозный аскетизм.

Особенности развития византийской культуры. Роль в ней античной традиции. Развитие научных знаний в Византии (Лев Математик, Косма Индикоплов). Образование. Богословие и философия. «Великие Каппадокийцы». Богословско-философский рационализм (Михаил Пселл, Варлаам, Мануил Хрисостом, Емист Плифон, Виссарион Никейский и др.). Исторические сочинения (Прокопий Кесарийский, Феофилакт Симокатта, Никита Хониат и др.). Византийская литература. Изобразительное искусство и архитектура.

Раннее Возрождение и гуманизм. Хронологические рамки итальянского Возрождения. Исторические предпосылки возникновения культуры Возрождения в Италии, её характерные черты и особенности. Гуманизм и его основные этапы. Гуманистическое просвещение и его центры. Отношение гуманизма к религии и церкви. Данте, Петрарка, Боккаччо, Салютати. Изобразительное искусство и архитектура Италии XIV-XV вв. Раннее Возрождение в других странах Европы.

Раздел 5. ВОСТОЧНЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.

Тема 5.1. Арабо-исламская цивилизация.

Природные условия и население Аравийского полуострова. Кризис арабского общества в конце VI – начале VII вв. Мухаммед и возникновение ислама. Объединение Аравии, образование халифата. Период первых четырёх халифов. Кризис в халифате и гражданская война. Династия Омейядов и её завоевания. Социально-экономические отношения в

Дамасском халифате, политическая система. Падение халифата Омейядов. Халифат Аббасидов. Социально-экономическое и политическое развитие. Распад халифата. Сельджукские и монгольские завоевания.

Тема 5.2. Иран и Средняя Азия в X-XV вв.

Иран и Средняя Азия после распада Арабского халифата. Сельджукские завоевания. Особенности общественных отношений в государстве Великих Сельджуков. Государство исмаилитов. Идеология исмаилитов. Монгольские завоевания. Освобождение Ирана от монгольского ига. Государство сербедаров. Общественные отношения. Тимур и его походы. Государство Тимура. Возникновение Бухарского ханства.

Тема 5.3. Индо-буддистская цивилизация.

Население Индии. Особенности государственного строя, касты. Индийские города. Государство Гуптов. Нашествие эфталитов.

Религии Индии. Судьба буддизма. Индуизм. Проникновение ислама.

Вторжение мусульманских завоевателей. Политическая раздробленность. Основание Делийского султаната. Территория, этнический состав населения. Государственный и общественный строй. Хозяйственная жизнь. Ислам и индуизм. Внешняя политика делийских султанов. Индия в XIV в. Делийский Султанат. Политическая система и экономическое развитие. Нашествие Тимура и распад Делийского султаната. Индия в конце XV-XVI вв. Появление в Индии европейцев и начало колониальных захватов.

Тема 5.4. Китайско-конфуцианская цивилизация и Япония.

Территория средневекового Китая. Природные условия, основные занятия населения. Своеобразие китайского феодализма. Империя Цзинь. Восстановление государственной надельной системы землепользования. Нашествие кочевников. Политическое объединение. Империя Суй. Крестьянская война и падение империи Суй. Империя Тан. Завершение формирования феодальных отношений. Государственная и частная собственность на землю. Надельная система. Китайские города. Социальная структура. Внешняя политика империи Тан. Ослабление и распад империи Тан. Междоусобная борьба и внешние вторжения. Империя Сун. Хозяйственная жизнь. Расширение частного крупного землевладения. Попытка верхушечных реформ. Монгольское нашествие на Китай. Упадок экономики, культуры. Китай под властью династии Юань. Освобождение Китая от монгольского ига. Династия Мин. Рост городов. Аграрные и социальные отношения в XV в. Ослабление императорской власти. Внешняя политика династии Мин.

Природные условия основные занятия населения Японии. Образование японского раннефеодального государства. «Переворот Тайка». Введение государственной надельной системы. Государственный строй. Развитие японского феодализма. Образование самурайства. Установление диктатуры Минамото. Микадо и сёгуны. Борьба с монгольским нашествием. Развитие экономики. Феодальная раздробленность. Сёгунат Асикага. «Смутное время».

Перечень основной и дополнительной литературы

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Документы и материалы

История средних веков. Уч. пособие: в 3-х частях. Часть 1. Высокое средневековье / Под ред. В.А. Федосика, И.О. Евтухова. – Минск: «Издательский центр БГУ», 2008. – 255 с.

История средних веков. Уч. пособие: в 3-х частях. Часть 2. Высокое средневековье / Под ред. В.А. Федосика, И.О. Евтухова. – Минск: «Издательский центр БГУ», 2008. – 327 с.

История средних веков. Уч. пособие: в 3-х частях. Часть 3. Позднее средневековье / Под ред. В.А. Федосика, И.О. Евтухова. – Минск: «Издательский центр БГУ», 2008. – 287 с.

История средних веков. Практикум: в 2-х частях / Сост. Е.Н. Сурта. – Минск: БГПУ, 2007. – Ч. 1. Раннее средневековье (V – IX). – 134 с.

История средних веков. Практикум: в 2-х частях / Сост. Е.Н. Сурта. – Минск: 2007. – Ч. 2. Высокое и Позднее средневековье (X – XV). – 262 с.

Средневековый мир в терминах, именах и названиях / Е.Д. Смирнова, Л.П. Сушкевич, В.А. Федосик. Сост. Е.Д. Смирнова. – Минск: Беларусь, 1999. – 383 с.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Алексеев М.П., Жирмунский В.М., Мокульский С.С., Смирнов А.А. История зарубежной литературы. Средние века и Возрождение. – М.: Высш. шк., 1987. – 172 с.

Анна Комнина. Алексиада. – М.: «Наука», 1965. – 688 с.

Антонова К.А., Бонгард-Левин Г.М., Котовский Г.Г. История Индии. – М.: Мысль, 1979. – 558 с.

Аугсбург. Древнейшее городское право. 21.VI.1156 // Средневековый город. Вып. 6. – Саратов: Из-во Саратов. ун-та, 1981. – С. 31-36.

Баткин Л.М. Итальянское Возрождение. Проблемы и люди. – М.: РГГУ, 1995. – 448 с.

Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов. – СПб.: Алетейя, 2001. 363 с.

Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. – М.: Наука, 1986. – 259 с.

Бойцов М.А. Золотая булла 1356 г. и королевская власть в Германии во второй половине XIV в. // СВ, вып. 52. – М.: Наука, 1989. – С. 25-46.

Васильев Л. С. История религий Востока. – М.: Высшая школа, 1988. – 432 с.

Васильев Л. С. История Востока. В 2 т. – М.: Высш. шк., 1994. Т.1. – 495 с.; Т. 2. – 495 с.

Вестминстерские статуты. / Пер. Е.В. Гутновой. – М.: Юрид. изд. 1948. 96 с.

Византийская книга Эпарха / Вступит. Статья, пер. и коммент. М.Я. Сюзюмова. – М.: Изд-во вост. литературы, 1962. – 247 с.

Византийский земельный закон / Под. ред. И.П. Медведева. – Л. Наука, 1984. – 280 с.

Виппер Р.Ю. История средних веков: Курс лекций. – Киев: Air Land, 1996. — 384с.

Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина / Послеслов. А.Д. Михайлова. – М.: Наука, 1984. – 354 с.

Григорий Турский. История франков / Изд. подгот. В.Д. Савукова. – М.: Наука, 1987. – 318 с.

Григулевич И.Р. Инквизиция. – М.: Политиздат, 1976. – с.448.

Грюнебаум Г.Э. Классический ислам. Очерк истории (600 – 1268). – М.: Наука, 1988. – 216с.

Дашков С.Б. Императоры Византии. – М.: Издательский дом «Красная площадь», «АПС-книги», 1996. – 369 с.

Дюби Ж. Европа в средние века / Пер. с фр. – Смоленск: Полиграмма, 1994. – 316 с.

Еремеев Д.Е., Мейер М.С. История Турции в средние века и новое время. – М.: МГУ, 1992. – 227 с.

Живая история Востока: Сб. очерков по истории средневекового Востока / Сост. О.Е. Непомнин. – М.: Знание, 1998. – 368 с.

Заборов М.А. История крестовых походов в документах и материалах. – М.: Высшая школа, 1977. – 272 с.

Зарубежная литература средних веков / Сост. Б.И. Пуришев. – М.: Высш. шк., 1974. 816 с.

История Византии. Т. 1. – М.: Наука, 1967. – 524 с.

История Византии. Т. 2. – М.: Наука, 1967. – 472 с.

История Византии. Т. 3. – М.: Наука, 1967. – 341 с.

История Востока. Т.2. Восток в средние века. – М.: Восточная литература, 1995. Т.1. – 436 с. Т.2. – 241 с.

История всемирной литературы: в 9 т. Т. 3. – М.: Наука, 1985. – 410 с.

История Европы. Т. 2. – М.: Наука, 1992. — 808 с.

История Ирана. – М.: Издательство МГУ, 1977. – 488 с.

История искусства зарубежных стран. Средние века, Возрождение / Под ред. И.Г. Нессельштраус. – М.: Изобразительное искусство, 1982. – 664 с.

История Италии. Т. 1. – М.: Наука, 1970. – 439 с.

История Китая: Учебник / Под ред. А.В. Меликсетова. – М.: Изд-во МГУ: ИД «Оникс 21 век», 2004. – 751 с.

История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 1. – М.: Наука, 1985. – 569 с.

История средних веков / Сост. М.М. Стасюлевич. – СПб: Полигон; М.: АСТ М., 1999. – 633 с.

История средних веков. Учеб. для вузов / Под ред. З.В. Удальцовой, С.П. Карпова. Москва: «Высшая школа», 1990. – С. 437–470.

История Японии / А. Е. Жуков. Т. 1: С древнейших времён до 1868 г. – М.: Институт востоковедения РАН, 1998. — 659 с.

Карсавин Л.П. Монашество в средние века. – М. Высш. шк., 1992. – 191 с.

- Китай и соседи в древности и средневековье. – М.: Наука, 1970. – 273 с.
- Коммин Филипп де. Мемуары / Пер., вступ. Статья и примеч. Ю.П. Малинина. – М.: Наука, 1986. – 496 с.
- Королевский двор в политической культуре средневековой Европы: теория, символика, церемониал / Отв. ред. Н. А. Хачатурян. – М.: Изд-во Пятигор. гос. лингвист. ун-та, 2004. – 330 с.
- Кузнецов Ю.Д., Навлицкая Г.Б. Сырицын И.М. История Японии. – М.: Высшая школа, 1988. — 432 с.
- Культура Византии. Вторая половина VII – XII в. – М.: Наука, 1989. – 460 с.
- Кульпин Э.С. Человек и природа в Китае. – М.: Наука, 1990. – 245 с.
- Курбатов Г.Л. История Византии. – М.: Наука, 1984. – 207 с.
- Кычанов Е.И. Основы средневекового китайского права. – М.: ГРВЛ, 1986. – 264 с.
- Лапина З.Г. Учение об управлении государством в средневековом Китае. М.: Наука, 1985. – 388 с.
- Ливанцев К.Е. Сборник документов по всеобщей истории государства и права. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. – 141 с.
- Лозинский С.Г. История папства. – М.: Политиздат, 1986. – 382 с.
- Медведев Е.М. Очерки истории Индии до XIII века. – М.: Наука, 1990. – 332с.
- Немецкий город XIV — XV вв. Сб. материалов / Ввод. Статья, подбор матер., пер., прилож. и коммент. В.В. Стоклицкой-Терешкович. – М.: Соцэкгиз, 1936. –176 с.
- Опыт тысячелетия. Средние века и эпоха Возрождения: Быт, нравы, идеалы / Гл. ред. и авт. проекта С.Я. Левит. – М.: Юристь, 1996. – 575с.
- Осокин Н.А. История средних веков. – Мн.: Харвест, 2003. – 672 с.
- Памятники византийской литературы IV-IX вв. – М.: Наука, 1968. – 352 с.
- Памятники истории Англии XI — XIII вв. / Пер. и введ. Д.М. Петрушевского. – М.: Соцэкгиз, 1936. – 240 с.
- Плешкова С.Л. Французская монархия и церковь (XV – середина XVI в.). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. — 176 с.
- Престолный Кесарийский. Тайная история. / Пер. С. П. Кондратьева. // ВДИ. 1938. № 4. – С. 273—360.
- Риер Я.Г. История средневековых цивилизаций: Учеб. пособие для студентов ист. специальностей вузов: В 5-ти ч. Ч.1: Западная, Центральная и Южная Европа в V - X вв. – Могилёв: МГГУ, 2003. – 224с.
- Риер Я.Г. История средневековых цивилизаций: Учеб. пособие для студентов ист. специальностей вузов: В 5-ти ч. Ч.2: Азия, Африка и Америка в V - XV вв. – Могилёв: МГГУ, 2003. – 384 с.
- Риер Я.Г. История средневековых цивилизаций: Учеб. пособие для студентов ист. специальностей вузов: В 5-ти ч. Ч.3: Западная, Центральная и Южная Европа в первой половине II тысячелетия. – Могилев, 2002. – 152 с.
- Саксонское зеркало: Памятник, комментарии, исследования / Отв. ред. В.М. Корецкий. – М.: Наука, 1985. – 270 с.

Салическая правда. / Пер. Н.П. Грацианского. – М.: Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, 1950. – 168 с.

Соколов В.В. Средневековая философия. – М.: Высш. школа, 1979. — 448 с.

Сопоцинский О.И. Искусство западноевропейского средневековья. – М.: Искусство, 1964. – 79 с.

Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV в.) / Под ред. Л.М. Брагиной. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 384 с.

Средневековая Европа глазами современников и историков: Книга для чтения. Ч.1: Рождение и становление средневековой Европы V – IX вв. – М.: Интерпракс, 1995. – 224 с.

Средневековая Европа глазами современников и историков: Книга для чтения. Ч.2: Европейский мир X – XV вв. – М.: Интерпракс, 1995. – 384 с.

Средневековая Европа глазами современников и историков: Книга для чтения. Ч.3: Средневековый человек и его мир. – М.: Интерпракс, 1995. – 400 с.

Средневековая Европа глазами современников и историков: Книга для чтения. Ч.4: От Средневековья к новому времени. Новый человек. – М.: Интерпракс, 1995. – 320 с.

Средневековая Европа глазами современников и историков: Книга для чтения. Ч.5: Человек в меняющемся мире. – М.: Интерпракс, 1995. – 224 с.

Средневековье в его памятниках / Под ред. Д.Н. Егорова. – М.: Типо-Лит. «Я, Данкин и Я, Хомутов», 1913. – 304 с.

Тамерлан. Эпоха. Личность. Деяния. – М.: ГУРАШ, 1992. – 544 с.

Федосик В.А. и др. Материалы по истории Древнего мира и средних веков: Справ.пособие / Федосик В. А., Прохоров А.А., Евтухов И.О. – Мн.: Экоперспектива, 2002. – 216 с.

Фиц-Стефен Уильям. Описание благороднейшего города Лондона / Пер. и коммент. Н.А. Богородовой // Городская жизнь в средневековой Европе. – М.: Б. и., 1987. – 329 с.

Харботт Т. Битвы мировой истории. – М.: Внешсигма, 1993. – 576 с.

Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / Под ред. В.М. Корецкого. – М.: Госюриздат, 1961. – 960 с.

Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / Под ред. З.М. Черниловского. – М.: ВЮЗИ, 1973. – 495 с.

Хрестоматия по зарубежной литературе. Литература средних веков / Сост. Б.И. Пуришев, Р.О. Шор. – М.: Учпедгиз, 1953. – 414 с.

Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / Под ред. З.М. Черниловского. – М.: Высш. шк., 1983. – 472 с.

Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. С.Д. Сказкина. Т. I. – М.: Соцэкгиз, 1961. – 688 с.

Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. С.Д. Сказкина. Т. II. – М.: Соцэкгиз, 1963. – 452 с.

Шиндлинг А., Циглер В. Кайзеры: Священная Римская империя, Австрия, Германия / Пер. с нем. Е.С. Самойловича. – Ростов н/Д.: Феникс, 1997. – 416 с.

Штокман В.В. История Англии в средние века. – Л., 1973. СПб.: Издательство «Алетейя», 2005. – 218 с.

Эйнгард. Жизнь Карла Великого. – М.: Молодая гвардия, 1977. – Т. 11. – С. 153 – 169.

Эклога. Византийский законодательный свод VIII в. / Вступит. статья, пер., коммент. Е.Э. Липшиц. – М.: Наука, 1965. – 226 с.

Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI-XIII веков. Эпоха, быт, костюм. – М.: Искусство Год, 1978. – 169 с.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ